

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
АГАТА КРИСТИ

ЯН ФЛЕМИНГ • ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
ДЖОН ДИКСОН КАРР • ФРЕДЕРИК ФОРСАЙТ

АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Лучшее

Annotation

От классической новеллы с головоломкой, которую читатель решает вместе с ее героями, до криминального триллера, полного неожиданных поворотов сюжета, — в сборник вошли только лучшие английские детективы. Кто-то из 32 выдающихся авторов Туманного Альбиона, как Агата Кристи или Артур Конан Дойл, в представлении не нуждается, кто-то станет настоящим открытием.

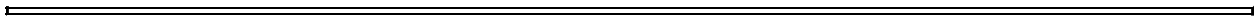
- [Английский детектив. Лучшее](#)
  - [ВВЕДЕНИЕ](#)
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  - [СЭР АРТУР КОНАН ДОЙЛ](#)
  - [ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН](#)
  - [ФРЕДЕРИК ФОРСАЙТ](#)
  - [НАЙО МАРШ](#)
  - [РОБЕРТ БАРНАРД](#)
  - [САЙМОН БРЕТТ](#)
  - [МАЙКЛ ГИЛБЕРТ](#)
  - [АНТОНΙΑ ФРЕЙЗЕР](#)
  - [ПАТРИЦИЯ МОЙЕС](#)
  - [РЕДЖИНАЛЬД ХИЛЛ](#)
  - [ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУЛХАУЗ](#)
  - [ДОРОТИ ЛИ СЭЙЕРС](#)
  - [АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН](#)
  - [ЛИЗА КОУЛИ](#)
  - [ПИТЕР ЛОВСИ](#)
  - [ДЖИЛЛИАН СЛОВО](#)
  - [НИКОЛАС БЛЕЙК](#)
  - [ДЖОН ДИКСОН КАРР](#)
  - [ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ](#)
  - [ФРАНСИС ФАЙФИЛД](#)
  - [ДЖИЛЛИАН ЛИНСКОТТ](#)
  - [АГАТА КРИСТИ](#)
  - [ЛОРД ДАНСЕНИ](#)
  - [ПИТЕР РОБИНСОН](#)
  - [ДЖОНАТАН ГЭШ](#)

- [МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ](#)
- [КЭТРИН ЭРД](#)
- [МАЙКЛ Ц. ЛУИН](#)
- [ЭЛИЗАБЕТ ФЕРРАРС](#)
- [РУТ РЕНДЕЛЛ](#)
- [ЯН ФЛЕМИНГ](#)
- [ЭНН ПЕРРИ](#)
- [Копирайты произведений сборника](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

Английский детектив. Лучшее
Под редакцией Энн Перри

ВВЕДЕНИЕ

«Ее разнообразью нет конца. Пред ней бессильны возраст и привычка».^[1] Да простят меня ценители классики, но детективный рассказ — явление настолько обширное и многоликое, до того богатое нюансами и оттенками, к тому же имеющее все признаки драмы, включая такие неперемennые ее составляющие, как присутствие в сюжете опасности, тайны и изучение природы человеческих страстей, что просто невозможно обозначить его четкие рамки и границы. Но в этом сборнике найдется что-нибудь на любой вкус и на любой случай.

Вам хочется чего-то легкого и увлекательного, чтобы с удовольствием скоротать часок перед сном? Как насчет «Дживса и похищенной Венеры» Вудхауза? Знакомые персонажи, отменное преступление и блестящий юмор обеспечат вам хорошее настроение.

Или вы предпочитаете что-то тонкое и необычное, с лихо закрученным сюжетом и торжеством справедливости в конце? Действие рассказа Питера Ловси «Оса» происходит в Австралии, и здесь вас тоже ждет встреча с запоминающимися персонажами, увлекательное чтение от первой страницы до последней и счастливый вздох полнейшего удовлетворения в конце. Можете быть уверены, сюжет рассказа построен идеально. «Отравленный персик» Джиллиан Линскотт я проглотила за один присест. Читая страницу за страницей и размышляя о том, что же все-таки победит — справедливость или закон, я чувствовала, как во мне закипают сострадание и злость. Автор, разумеется, сделала правильный выбор.

То же самое можно сказать и о рассказах «В Ирландии не водятся змеи» Фредерика Форсайта — яркое и захватывающее чтение, — и «Охотник вернулся домой» Кэтрин Эрд. Прочитав «Африканские древесные бобры» Майкла Гилберта, я испытала громадное удовольствие, хоть так и не смогла понять, чем эта история так впечатлила меня. Как ни странно, от нее веет чем-то родным и одновременно необычным, ну а концовка заставила меня протянуть: «М-да...».

Желаете окунуться в Золотой век, с его изысканными формами, классическими композициями и красотой слога? Вы восхищаетесь запутанными сюжетами Агаты Кристи, этого добросовестного и неизменно честного с читателем автора? Вас ждет мисс Марпл из «Четырех подозреваемых», А если вам больше по душе неизменное благородство и аристократизм Родерика Аллейна, прочитайте «Смерть в эфире» Найо

Марш, писательницы, которая тоже никогда не обманет вашего доверия. Еще один золотой самородок — Альберт Кэмпбелл из «Однажды утром его повесят» Марджери Аллингем.

Есть и другие, хоть и несколько менее известные рассказы в жанре классического детектива, с которыми можно расслабиться и которые уж точно вас не расстроят, как например «Этюд в белых тонах» Николаса Блейка (любой, кто когда-нибудь путешествовал в английском поезде, читая его, вздрогнет, испытав знакомые ощущения).

Возможно, вы уже готовы к чему-то более мрачному и современному, с элементами психологического триллера, и хотите погрузиться в полную безумия и одиночества реальность, в которой живут внешне обычные люди, в мир, о котором рассказано таким ярким и живым языком, что начинаешь глазами героев видеть его извращенность? Попробуйте «Нечего терять» Франсис Файфилд или «Галстук Вудро Вильсона» Патриции Хайсмит.

«Запретная смерть» Саймона Бретта — остросовременная история, трагическая миниатюра, рассказанная словами главной героини, отягощенной навязчивым чувством утраты, знакомым, пожалуй, каждому из нас. Это не приятное, развлекательное чтение, это напоминание о том, что наша реальность — слишком опасная штука, чтобы ее игнорировать.

«Желаю приятно умереть» Антони Фрейзер — умело закрученный рассказ с неожиданным финалом, который еще долго будет тревожить воображение читателя.

Настала пора снова поменять настроение? Желаете чего-то очень британского, но в экзотическом обрамлении? Теплые моря под голубым небом, легкая рябь на воде и затаившийся ужас, раскаяние и шпионские игры — все это вы найдете в «Осьминожке» Яна Флеминга. «Самое страшное преступление в мире» Реджинальда Хилла это нечто более утонченное и серьезное, имеющее больше сходства с классическим рассказом, чем с детективом, идеально огранный алмаз, не менее британский по духу, чем традиционное четырехчасовое чаепитие с горячими оладьями.

Вам уже хочется чего-то совершенно другого, с другим ритмом, чего-то такого, что подняло бы настроение, заставило поверить в торжество справедливости и почувствовать, что, несмотря на временные неурядицы, жизнь в целом все-таки хорошая штука и в ней есть место страсти, смеху и добрым, порядочным людям?

Можно ли представить писателя по духу более британского, чем Гилберт Кит Честертон? В рассказе «Человек в проулке» вас ждет встреча с отцом Брауном. Здесь есть все: обожаемый Честертон парадокс, его

одержимость цветом, преувеличенно яркие персонажи, нескрываемое жизнелюбие. И даже если все это немного «чересчур», имеет ли это значение? Принимая заданные автором правила игры, чувствуешь себя воодушевленным, и все как будто становится чуточку сочнее, острее и слаще.

Вам мало запутанных загадок и гениальных решений? К вашим услугам величайший сыщик-консультант художественной литературы. Попробуйте вместе с Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном раскрыть тайну «Медных буков», мрачного и зловещего поместья, в котором опасность оборачивается жесточайшим насилием. Проследив за цепочкой безукоризненных логических дедукций, вы откроете ужас концовки и получите ответы на все вопросы. Здесь есть все отличительные особенности стиля, которые мы любим, копируем и пародируем, порой забывая, насколько достойны оригиналы. Не случайно они дожили до наших дней.

«Полицейский и призрак» — самый легкий и очаровательный из рассказов Дороти Ли Сэйерс, хотя сама загадка, вокруг которой разворачивается действие, великолепна. В этом рассказе можно заметить отголоски ее духовного родства с Гилбертом Честертоном. Ее герой Питер Уимзи умен, обворожителен и неординарен. Тот, кто проведет время в его компании, обязательно почувствует себя веселее и непременно станет ждать новой встречи.

Лично я не имела понятия, что Алан Александр Милн писал детективные рассказы. Мне были знакомы только его Винни-Пух, Пятачок и Слонопотам, да еще прекрасные стихи о добрых и злых медведях. Его «Самый обычный шантаж» тоже о добре и зле, только это не сказка, а лихо закрученный детективный рассказ. Я с превеликим удовольствием снова встретила бы с удивительным мистером Скрупом, чтобы увидеть, как он будет распутывать другие дела.

Готовы попотчевать себя чем-то более глубоким? Как насчет изящного исследования человеческих характеров, в котором есть место как грусти, так и радости, рассказа в истинно английских декорациях с легкой исторической подоплекой? Попробуйте «Две дамы из Розового коттеджа» Питера Робинсона.

А теперь кое-что поострее, с правосудием и иронией, с темнотой, уравновешивающей свет: «Правосудие в моих руках» Элизабет Феррарс, «Утреннее телевидение» Роберта Барнарда, «Честный шантажист» Патриции Мойес. Все это добротные скроенные рассказы, полные иронии и с идеальным финалом, оставляющим читателя полностью

удовлетворенным.

Еще острее? Еще темнее? Извольте. «Две бутылки соуса» Лорда Дансени пример рассказа ужасов с классическими элементами детектива: наличие загадки и цепочка логических умозаключений.

Никто не управляется с этими ингредиентами лучше, чем Рут Ренделл, ее «Источник зла» — яркий тому пример. Однако в нем мне запомнилось больше всего неожиданное и живое описание характера Вердена, увиденного глазами инспектора Вексфорда. Миг одиночества освещен настолько ярко, что он надолго остается в памяти и после того, как страница перевернута.

Еще один современный мастер — Джонатан Гэш, его «Глаза короля Оффы» — темное повествование, в котором нашло отражение отменное знание автором старины и антикварных предметов искусства, которое радует нас в каждой его книге. В этом рассказе леденящий ужас преследует читателя по мере разворачивания сюжета, и все же он оставит вас не только с чувством удовлетворения, но и с ощущением торжества справедливости.

Это собрание рассказов британских писателей, и я прошу у вас прощения за то, что мы включили в него Джона Диксона Карра, литературного отца таких знаменитых сыщиков, как сэр Генри Мерривейл (Г. М.) и Гидеон Фелл. Разумеется, мы знаем, что он американец, но он так тонко умел передать истинно английскую чужаковатость и произведения его до того проникнуты британским духом, что не включить его в этот сборник было просто невозможно. В его «Рыжем парике» есть все: запутанное преступление, неожиданные открытия, ужас, немного насилия. Чего здесь нет, так это скуки и дешевых уловок: автор неизменно честен с читателем. Атмосфера напряжена, персонажи яркие и запоминающиеся, завязка хорошо продумана.

Своеобразный юмор всегда был присущ детективу, особенно им богаты современные рассказы определенного направления. Например, Джиллиан Слово в своем рассказе «В поисках Тельмы» обыгрывает один из романов Рэймонда Чандлера, американца, который пересек Атлантику в обратном направлении. В этой истории есть и неожиданные повороты, и эмоциональная нагрузка. Остается только добавить, что читатель найдет в ней именно то, на что указывает название.

«Семейное дело» Майкла Ц. Луина — рассказ, имеющий все признаки романа, он полон персонажей, которые, как мне кажется, ждут более полного раскрытия. Это своего рода предвестие чего-то большего, хотя сюжет здесь органичен и закончен.

«Случайная удача» Лизы Коуди — еще одно исследование

уникального взгляда на мир, рассказанное таким великолепным языком, что, читая, мы на какое-то время погружаемся в другую жизнь, чувствуем ее вкус и запах и всей душой переживаем за главного героя, улыбаемся и получаем удовольствие. В этой истории есть зло, но есть и правосудие, есть в ней и нотки, которые поднимают настроение, как луч солнечного света, упавший на серый пейзаж.

И наконец, мой вклад — «Герои». В этом рассказе, действие которого происходит во время Первой мировой войны в солдатских окопах, есть и преступление, и сыщик (правда, поневоле), но его цель — не покарать преступника, а найти справедливость, которая послужит как живым, так и мертвым.

Любое собрание лучшего всегда основывается на произвольном выборе. Эта книга — наша попытка представить как можно больше граней драгоценного камня, которым является детективный рассказ, и что-нибудь здесь обязательно найдется для любого настроения, удовлетворит даже самый изысканный вкус.

Итак, bon appetit!^[2]

Энн Перри

ПРЕДИСЛОВИЕ

Год 1900-й. Кто-то считает его первым годом XX века, кто-то — последним годом века XIX. Развитие техники идет семимильными шагами. Вслед за революционным изобретением телеграфа и телефона, которые сделали возможной мгновенную связь на расстоянии, появляются автомобили и кино, не за горами и новые достижения. Темп жизни ускоряется, она теряет простоту и порождает все новые причины для стресса. Свободное время становится редкостью и начинает цениться на вес золота.

Вы развили в себе любовь к детективному рассказу, ныне общепризнанному жанру беллетристики, занимаясь чтением для удовольствия. Рассказы о расследованиях увлекательны и захватывающи, но, говорите вы себе, это нечто большее, чем просто развлекательная литература. И верно, ведь они тренируют ум, оттачивают способность мыслить аналитически и знакомят с существующими социальными проблемами. Развлекая, они учат противостоять все нарастающему давлению современной жизни. Но существует ли достаточное количество качественной детективной литературы, чтобы удовлетворить ваши потребности? В ее поисках вы штудируете журналы и обыскиваете книжные магазины. Обнаружив нечто достойное внимания, вы уже не выпустите свою находку из рук. Итак, какой же выбор имеет поклонник детективной литературы начала XX века?

Несмотря на то что все началось с американца Эдгара Аллана По, в 1900 году во главе детективной «пищевой цепочки» стоят британцы. Шерлок Холмс, самый знаменитый литературный сыщик, официально мертв, он убит своим нетерпеливым и неблагодарным создателем сэром Артуром Конан Дойлом в последнем рассказе сборника «Воспоминания Шерлока Холмса» (1893). (Условно сыщик с Бейкер-стрит будет воскрешен в 1902 году в повести «Собака Баскервилей», а окончательно — только в 1905 году в сборнике «Возвращение Шерлока Холмса».) Однако его влияние остается всеобъемлющим. Большинство известных сыщиков следуют его примеру: они сверхъестественно талантливы, наделены либо целым букетом эксцентричных привычек, либо подчеркнута не имеют ни одной; они вполне могут заниматься своим делом, не обременяя себя связями с полицией и прочей бюрократической волокитой, и в основном действуют в рамках рассказа, чтобы с выгодой для себя использовать

доходный журнальный рынок. Возможно, самый известный из них, Мартин Хьюитт Артура Моррисона, закончил свою журнальную карьеру в первых годах нового века. (Последний сборник рассказов о нем, «Красный треугольник», появится в 1903 году.)

Сейчас на высоте грабитель Артур Джей Раффлс, антихолмсовский персонаж, созданный Эрнестом Уильямом Хорнунгом, зятем Конан Дойла. В прошлом, 1899 году, был напечатан сборник рассказов о его похождениях под названием «Взломщик-любитель», а в следующем появится продолжение — «Черная маска» (в Америке он выйдет под названием «Раффлс: Новые приключения взломщика-любителя»). По-прежнему на сцене присутствует старик Дик Донован: в 1900 году выходит его сборник «Приключения Тайлера Тэтлока, частного сыщика».

Литературные сыщики представлены людьми разных профессий, среди них не только врачи и юристы, чья связь с расследованием уголовных преступлений очевидна. Дела репортера-сыщика Беверли Греттона собраны в этом году в сборник «Приключения журналиста» Герберта Кадетта. Борьбой с преступностью занимаются самые разные типажи, в том числе (поверите ли?) женщины: три года назад, в 1897 году, вышел сборник рассказов Джорджа Р. Симса «Сыщица Доркас Дене», а в нынешнем 1900 было издано отдельной книгой собрание приключений «Леди-сыщицы Доры Мирл» Матиаса Макдоннелла Бодкина. Женщины, сочиняющие детективы, — тоже не такое уж редкое явление: Л. Т. Мид (ее настоящее имя Элизабет Томазина Мид-Смит) пишет в этом жанре уже почти десять лет. В этом году в соавторстве с Робертом Юстасом она выпускает сборник «Клуб „Прибежище“».

При столь насыщенном рынке коротких рассказов детективные романы отходят на второй план, хотя после классического произведения Уилки Коллинза «Лунный камень» (1868) вышло несколько заслуживающих внимания книг. В 1892 году Израэл Зангвилл выпустил «Загадочное происшествие на Биг Боу» — первый крупный роман в жанре «тайна запертой комнаты», в котором также впервые появился классический прием, когда читателю предлагается самому, на основании улик, вычислить преступника до того, как он будет назван на последних страницах. Этот прием будет подхвачен Мари и Робертом Лейтонами в романе «Сыщик Майкл Дред», Фергус Хьюм, который произвел фурор своей «Тайной хэнсомского кеба» (1886), в этом году выпустит еще полдюжины романов. В истории жанра больше не будет столь плодовитого писателя.

Воистину, для любителя детективной литературы 1900 год богат

интереснейшими произведениями. Но какие новые чудеса несет с собой век грядущий?

Традиция рассказа продолжается

Между 1900 годом и началом Первой мировой войны большинство лучших британских писателей детективной литературы продолжали специализироваться на форме короткого рассказа. Первым великим сыщиком, появившимся в XX веке, стал «старик в углу» баронессы Эммы Орци, раскрывавший преступления, не вставая с кресла. Его дела были впервые собраны в сборник под названием «Дело мисс Эллиотт» (1905). Он живет исключительно в рассказах, как и другой персонаж Орци — знаменитая сыщица «Леди Молли из Скотланд-Ярда» (1910). Ее современник Роберт Барр, сатирически противопоставляя методы работы британской и французской полиции в своем сборнике «Победы Эжена Вальмона» (1906), также придерживался краткой формы. Хотя один из известнейших сыщиков той поры, герой детективов Ричарда Остина Фримана, ученый доктор Джон Торндайк впервые появился в романе «Красный отпечаток пальца» (1907) и потом будет фигурировать еще не в одном романе, рассказы о нем всегда ценились больше. Первый их сборник назывался «Расследования Джона Торндайка» (1909). Так же и первый за всю историю детективного жанра слепой сыщик Макс Каррадос впервые предстал на суд читателей в романе Эрнеста Брама «Лондонский разбойник» (1934), но его лучшие дела описаны в рассказах, первый сборник которых так и назывался — «Макс Каррадос» (1914).

Как заметил Хью Грин в своем предисловии к вышедшей в 1970 году антологии «Соперники Шерлока Холмса», довоенные британские детективы зачастую были жестче и реалистичнее, чем в последующие годы: «Место действия большинства этих историй намного ближе к „мерзким улицам“ Рэймонда Чандлера, по которым ходил Филипп Марлоу, чем к кукольным домикам старой доброй английской деревни — миру британского детективного рассказа в период между двумя мировыми войнами...»

Однако величайший британский сыщик, появившийся между 1900 годом и Первой мировой войной, не вписывался в рамки подобного урбанистического реализма. Отец Браун Гилберта Кита Честертон, раскрывая странные, порой даже невероятные преступления, позволял себе парадоксальные высказывания и сугубо теологические рассуждения.

Честертон был, пожалуй, первым, кто ввел в детектив игру и философское осмысление преступления, характерные для послевоенной детективной литературы. Гениальный, хоть и скромный сыщик, первый в долгой череде сыщиков-священников, за всю свою четвертьвековую карьеру появлялся исключительно в рассказах.

В период до Первой мировой войны вышло несколько ключевых для истории жанра романов. «Последнее дело Трента» (1913) Эдмунда Бентли, друга Честертона, посчитали сверхреалистичным для литературы детективного направления, потому что в нем автор особо подчеркнул человечность сыщика. Иронично, что, как следует из названия, последнее дело журналиста Филиппа Трента в действительности оказалось его первым делом, и, кроме того, несмотря на неудачу (в противоположность обычной непогрешимости литературных сыщиков), оно принесло ему такую известность, что впоследствии он был возрожден в нескольких сериях рассказов. В то время как большинство литературных сыщиков были либо частными агентами, либо любителями, в романе Альфреда Эдварда Вудли Мейсона «Вилла „Роза“» (1910) появляется инспектор французской полиции Ано, который позже будет расследовать еще один необычный случай в «Доме стрелы» (1924). Его карьера продлится до 40-х годов и закончится романом «Дом на Лордшип-лейн» (1946). Миссис Беллок Лоундс в качестве сюжетной основы для своего романа «Жилец» (1912) использовала убийства Джека-потрошителя (что с тех пор довольно часто встречается в детективной литературе) и психологическим подходом предвосхитила современный детективный роман.

Первая мировая война практически прервала развитие британской детективной литературы. В новой послевоенной литературной волне акцент сместится на роман, хотя рассказы по-прежнему останутся востребованными. Ранние произведения Агаты Кристи об Эркюле Пуаро, в изложении капитана Гастингса, по структуре и духу очень напоминают холмсовский цикл, и большинство остальных великих сыщиков того времени тоже, хотя бы изредка, появлялись в рассказах. (То же можно сказать и о ведущих современных сыщиках.)

Двадцатые годы. Золотой век

После войны Британия, потеряв большую часть мужского населения, вернулась к относительной стабильности, хотя к этому времени в обществе произошли значительные перемены: выработалось новое отношение к

миру, появились новые нравственные нормы, изменился сам стиль жизни. Простые люди, прошедшие через войну, ждали чего-то светлого, и какую-то часть этого им дала несерьезная, искусственная, но интеллектуально строгая литература детективного жанра эпохи, которая впоследствии получит название «Золотой век детектива». Для некоторых читателей детективный рассказ стал своего рода игрой, а не просто литературной формой, эдакой заковыристой задачкой для ума, чем-то наподобие вошедших примерно в то же время в моду кроссвордов. Впрочем, надо сказать, что степень оторванности детективной литературы Золотого века от реальной жизни и реальных людей преувеличивается: в основе произведений лучших писателей той поры всегда находился человеческий характер. Если даже сюжеты и ситуации были в какой-то мере неправдоподобными, то, как правило, не в большей степени, чем сюжеты и ситуации детективной литературы последующих десятилетий, которую принято считать более реалистичной.

Переломным годом в истории британской (а следовательно, и всей) детективной литературы считается 1920 год — в основном, хотя и не исключительно, благодаря дебюту Агаты Кристи. «Загадочное происшествие в Стайлзе» — первый роман, в котором появился знаменитый сыщик Эркюль Пуаро и один из ранних примеров целенаправленного запутывания читателя автором. Этот прием достигнет пика развития в романе «Убийство Роджера Экройда» (1926). Кристи была пионером применения концепции «честной игры» по отношению к читателю: когда автор дает все улики, необходимые для того, чтобы раскрыть тайну, и умный читатель имеет возможность додуматься до правильного решения раньше великого сыщика. В истории детектива это встречалось и раньше (можно даже вспомнить рассказы Эдгара По), но правилом это не являлось. Для Шерлока Холмса и его имитаторов обычным делом было скрывать улики до их объяснения в развязке. Объем романа предоставлял большее пространство для сюжета и сокрытия улик в чистом виде, что, возможно, способствовало возрастанию популярности правила «честной игры», но после 1920 года лучшие писатели внедрили его и в рассказы.

Сейчас, спустя десятилетия после ее смерти, Агата Кристи остается одним из самых знаменитых и издаваемых писателей детективной литературы. Она была настолько успешна и влиятельна, ее книги так долго господствовали на полках книжных магазинов, что это привело к обратной реакции. Лучшим подтверждением популярности Кристи является то, как писатели последующих поколений стараются показать, насколько они не

похожи на нее. Отдавая должное ее мастерству построения сюжета, они, как правило, необоснованно преувеличивают невыразительность персонажей и недооценивают неуловимое обаяние ее стиля.

Фриман Виллс Крофтс, мастер описания работы полиции, тоже впервые заявил о себе в 1920 году романом «Бочонок». В том же году Генри Кристофер Бейли, возвращаясь к популярной прежде форме короткого рассказа, опубликовал свой первый сборник «Зовите мистера Форчуна».

Через три года вторая великая английская писательница этого периода, Дороти Ли Сэйерс, представила читателям лорда Питера Уимзи в романе «Чье тело?» (1923). О Кристи и Сэйерс написано, пожалуй, больше книг, чем о каком-либо другом авторе Золотого века. Первая заслужила это мастерством придумывать сложные загадки и запутывать читателя, вторая — тем, что ввела детективный роман в литературный мейнстрим. Забавно, но ранняя Сэйерс была не меньше остальных увлечена игровыми элементами детектива, в один из своих рассказов она даже включила кроссворд. Однако к тому времени, когда в конце тридцатых годов Сэйерс оставила детектив и занялась другой литературной деятельностью, она успела показать, что характер героя детективного произведения может расти и углубляться от романа к роману и что в детектив можно ввести романтическую линию (столь презируемую законодателями жанра двадцатых годов). С появлением романтики приходит феминистская икона, вымышленная писательница детективных романов Гарриет Вэйн, которая появляется в нескольких книгах: Питер Уимзи спасает ее от виселицы, добивается ее руки и наконец женится.

В наши дни оказался практически забыт еще один писатель, который повлиял на развитие детективного жанра не меньше, чем Кристи и Сэйерс. Журналист и юморист Энтони Беркли Кокс как писатель успешно выступал под двумя именами: как Энтони Беркли он создал необычный типаж сыщика — неприятного, грубого, дурно воспитанного Роджера Шерингэма и написал ставший классическим роман «Дело об отравленных шоколадках» (1929); как Фрэнсис Айлз он предвосхитил современный психологический детективный роман книгами «Умышленная злоба» (1931) и «Перед фактом» (1932).

Несмотря на то что его обычно не считают писателем детективов, комедиограф Пэлем Грэнвил Вудхауз заслуживает по крайней мере упоминания. Он создал цикл детективных романов о Берти Вустере и его находчивом камердинере Дживсе, который, спасая своего хозяина из неприятностей, часто сам вынужден выступать в роли сыщика. Не без влияния этой парочки Сэйерс создала своего Уимзи и его преданного слугу

Бантера. Тонкое и меткое описание жизни высшего общества в произведениях Вудхауза задавало тон детективной литературе той поры, и сам он неоднократно заявлял о том, что с восторгом обращается к этой форме.

Подобно елизаветинской драме и любой другой литературной школе, британский детектив определяют его корифеи. Однако не стоит сбрасывать со счетов остальных талантливых авторов той эпохи. Среди писателей, дебютировавших в двадцатые годы, были Джон Роуд, создатель доктора Пристли, чья карьера продолжалась с 1926 по 1961 год; Филип Макдональд, чей весомый вклад, возможно, затмила пара американских писателей с такой же фамилией; и Марджери Аллингем, чей Альберт Кэмпбелл менялся и развивался не менее интересно, чем лорд Питер Уимзи. Глэдис Митчелл, чья Беатрис Брэдли впервые появилась в романе «Быстрая смерть» (1929), не расставалась со своей героиней на протяжении 55 лет. Подобным долгожительством может похвастать разве что Эркюль Пуаро. Даже некоторые из менее известных писателей того времени — например, такие как Энтони Уинн, Дж. Дж. Коннингтон и Роберт Альфред Джон Уоллингтон — создали произведения, которые будут интересны и современному читателю, если он сумеет их разыскать.

Традиция Золотого века продолжается

Читатель тридцатых годов воспринимал детектив как игру. Повествования зачастую сопровождалось списком действующих лиц, картами и планами домов, и нередко именно здесь лежали ключи к разгадке тайны. Некоторые писатели (в первую очередь нужно отметить американца Стивена Ван Дайна и британца Рональда Нокса) иногда в шутку, но чаще совершенно серьезно создавали правила для пишущих детективы. К «честной игре» они добавили набор на первый взгляд случайных ограничений. В своих «Десяти заповедях детективного романа» Нокс настаивает на том, что в произведении не должен фигурировать китаец (сейчас подобное ограничение может показаться расистским, но в то время это не воспринималось как нечто оскорбительное); «не допускается использование более чем одного потайного помещения или тайного хода»; недопустимо использовать неизвестные науке яды; сыщику не должен помогать счастливый случай, и он не должен руководствоваться безотчетной, но верной интуицией. В «Двадцати правилах для пишущих детективы» Ван Дайн указывает на то, что в детективе «любовь

запрещена», нет места литературщине и пространным описаниям, убийца должен быть один, и им не может быть слуга. Члены «Детективного клуба», в который входили Честертон, Сэйерс и Беркли, обязались не использовать в своих произведениях «Божественное откровение, женскую интуицию, сверхъестественные силы, абсурд, случайные совпадения и вмешательство стихийных сил». Новые писатели, работающие в этом жанре, на свой риск порой отходят от этих правил, но часто только выигрывают от этого.

В тридцатые появилось новое поколение писателей, придерживавшихся традиций прошлого десятилетия. В первую очередь это Найо Марш, Майкл Иннес и Николас Блейк. Они соблюдали правило «честной игры», развивая его в соответствии с общим улучшением качества детективной литературы. Марш и Иннес своими главными персонажами сделали полицейских, это Родерик Аллейн и Джон Эпплби соответственно, но очень необычных (они прекрасно образованны, интеллектуальны, даже аристократичны), больше напоминающих джентльменов-сыщиков в духе Уимзи, чем добросовестных полицейских служаков, которые станут популярны в последующие годы. Иннес по количеству цитат и аллюзий в своих книгах может сравниться, а возможно, и превосходит Дороти Ли Сэйерс.

Начало Второй мировой войны принято считать концом Золотого века детектива. В отличие от предыдущей мировой войны, она не привела к тому, что в Великобритании перестали писать детективы, хотя из-за общей нехватки бумаги книг стало выходить меньше. Говард Хейкрафт в эссе «Криминальный роман во Второй мировой войне и после» заметил, что «в разгар бомбардировок Лондона нацистской авиацией в 1940 году у входов в затхлые бомбоубежища устраивались специальные библиотеки, где не было ничего, кроме детективов, поскольку другие виды литературы не пользовались успехом». Этот жанр превратился в излюбленное чтение нации, своего рода успокоительное средство во времена все усиливающегося стресса. Война вдохновила некоторых классиков жанра ввести в свои повествования элементы шпионского романа и триллера, например «Секретный авангард» (1940) Майкла Иннеса или «Кошелек предателя» (1941) Марджери Аллингем.

После войны мода в детективе изменилась, и на передний план вышли новые поджанры. Впрочем, с тех пор в британских писателях, верных классическому стилю, нехватки не было никогда. Можно, к примеру, назвать (в грубом хронологическом порядке) такие имена, как Кристианна Брэнд, Элизабет Феррарс (в США она известна под именем Э. Кс.

Феррарс), Эдмунд Криспин, Патриция Мойес, Кэтрин Эрд, Роберт Барнард, Колин Декстер. Два самых почитаемых современных автора британского детектива, Пи Ди Джеймс и Рут Ренделл, несмотря на то что они весьма самобытны, а произведения их глубоки и интересны с литературной точки зрения, начинали с классического детектива и до сих пор придерживаются его стандартов, по крайней мере в некоторых своих романах.

Смешение наций

Взаимное притяжение, как географическое, так и стилистическое, иногда затрудняет определение различий между американским и британским детективом. Хотя Джон Диксон Карр, специалист по «убийствам в закрытой комнате», британцем не был, он прожил в Англии большую часть жизни, а сыщики его (доктор Гидеон Фелл и сэр Генри Мерривейл, серия романов о котором публиковалась под псевдонимом Картер Диксон), как правило, были британцами и действовали на территории Британии. В опасные годы Второй мировой войны он не покинул своей новой родины и в истории британского детектива заслужил известность тем, что больше походил на истинного англичанина, чем сами англичане. В последующие годы американские романисты Патриция Хайсмит и Майкл Ц. Луин также обрели почетный британский статус. Некоторые писатели перемещались в противоположном направлении: будучи британцами, тяготели к Америке. Например, Лесли Чартерного Саймон Темплер по прозвищу Святой иногда брал на себя роль детектива, но чаще действовал как благородный преступник с повадками Робин Гуда) или Ричард Вебб и Хью Вилер, работавшие под коллективным псевдонимом К. Патрик (или Патрик Квентин), которые были британцами, но жили в Соединенных Штатах, где также происходило действие их книг.

Помимо англо-американцев, существует неопределенность и с детективными писателями из Австралии и Новой Зеландии. Новозеландка Найо Марш писала почти исключительно о Великобритании, и британцы признают ее своей, в то время как Артур Уильям Апфилд, чьи книги об инспекторе полиции Наполеоне Бонапарте считаются, пожалуй, самой известной серией детективных романов в австралийской литературе, был англичанином.

Расширение границ детектива

Ранние исследования истории детектива — такие, как «Мастера загадки» (1931) Дугласа Томсона и «Убийство ради удовольствия» (1941) Говарда Хейкрафта — уделяли внимание в первую очередь классическому детективу, в котором главным элементом является поиск преступника, и для многих читателей это и по сей день остается основным направлением жанра. Однако в широком детективном море существует множество других течений, и британские писатели занимают лидирующие позиции почти в каждом из них.

Криминальный роман. Как уже было сказано, Энтони Беркли, писавший также под псевдонимом Фрэнсис Айлз, был первым, кто перешел от детектива к криминальному роману, на что указал Джулиан Симонс в своей критической работе «Кровавое убийство» (1972; третье исправленное издание вышло в 1992). Вот какие отличия криминального романа от классического детектива обозначил в своей книге Симонс: «Криминальный роман основывается на психологии персонажей... Необходимо наличие невыносимой ситуации, которая должна заканчиваться насилием. Недопустимо присутствие „закрытых комнат“ и загадочных ядов... В криминальном романе часто отсутствует детектив... Довольно часто нет улик в привычном для детектива понимании... Показывается жизнь персонажей после совершения преступления... Часто ставятся под сомнение общепринятые взгляды на определенные аспекты законности, правосудия и общественного устройства». Современный криминальный роман зародился в тридцатые годы и развивался параллельно с детективом. Среди первых последователей Айлза были сатирик Колвин Эдвард Вальями (также известный как Энтони Роллз) и Ф. Теннисон Джесси. Позже к этому стилю обратятся американка Хайсмит, сам Симонс и такие современные писатели, как Минетт Уолтерс и Франсис Файфилд.

Триллер. Хотя в Британии этот термин используют для обозначения всего детективного жанра, правильнее будет применять его к такому роду произведений, где во главу угла поставлено не расследование преступления, а действие, приключение и интрига. Триллером в его примитивной форме (в данном случае это не уничижительная оценка) занимались, к примеру, такие писатели, как Уильям Ле Кью (специалист по шпионским романам, дебютировавший в 1890-х); Эдвард Филипс Оппенгейм, автор классического романа «Великое воплощение» (1920); чрезвычайно плодовитый Эдгар Уоллес; «Сэппер» (псевдоним Германа Сирила Макнейла), создавший знаменитого Бульдога Драммонда; Сакс Ромер, чей зловещий доктор Фу Манчу, возможно, дал повод Ноксу

оговорить запрет на появление китайцев в детективе; и, разумеется, Ян Флеминг, творец суперагента Джеймса Бонда, который породил, пожалуй, не меньше подражаний, чем Шерлок Холмс. К триллеру более интеллектуального уровня можно отнести работы таких писателей, как Уильям Сомерсет Моэм (сборник «Эшенден, или Британский агент»), Грэм Грин, Эрик Амблер, Джон Ле Карре, Лен Дейтон и Фредерик Форсайт.

Полицейский детектив. Это возникшее сравнительно недавно направление характеризуется тем, что в нем главное внимание уделяется повседневной работе правоохранительных органов. Несмотря на то что во многих детективных историях участвуют представители полиции, их, как правило, нельзя отнести к полицейскому детективу. Джон Кризи, который по количеству написанных романов значительно превзошел и Фергуса Хьюма, и Эдгара Уоллеса, обогатил детективный жанр целой серией полицейских романов, которые он писал под псевдонимом Дж. Дж. Меррик. Первый из них вышел в 1955 году и назывался «День Гидеона». Среди заслуживающих внимания британских писателей были двое, которые привнесли в свои сочинения собственный опыт работы в полиции, — это Морис Проктер и Джон Уайнрайт. Многие из известных современных британских сыщиков служат в полиции, среди них Адам Дэлглиш Пи Ди Джеймс, инспектор Вексфорд Рут Барбары Ренделл, инспектор Готе Генри Реймонда Китинга, Питер Даймонд Питера Ловси, а также Дэлзиел и Паско Реджинальда Хилла. Некоторые их коллеги отличаются музыкальными пристрастиями: Чарли Резник Джона Харви любит джаз, инспектор Морс Колина Декстера — поклонник хоровой музыки и классики, Алан Бэнкс Питера Робинсона предпочитает оперу, а Джон Ребус Иэна Рэнкина — рок.

Романтический детектив. Поскольку истоки романтического детектива (или, как его еще называют, современной готики) можно найти еще у Шарлотты Бронте в романе «Джен Эйр» (1847), а также в классических готических романах таких писателей, как Энн Рэдклиф и Мэтью Грегори Льюис, неудивительно, что британское влияние здесь до сих пор ощутимо. Роман Дафны дю Морье «Ребекка» (1938) считается классическим произведением этого жанра. Среди успешных более поздних продолжателей традиций романтического детектива можно выделить Викторину Холт, Мэри Стюарт и менее известную, но не менее талантливую Анну Гилберт.

Исторический детектив. Несмотря на долгую историю жанра, эта его разновидность стала особенно популярна не так давно. И снова пионером оказалась Агата Кристи с детективом из жизни древнего Египта «Смерть

приходит в конце» (1944). Джон Диксон Карр после неудачного начала в 1934 году, когда он под псевдонимом Роджер Фейрберн выпустил роман «Дьявол Кинсмир», в пятидесятые вновь обратился к истории и создал целую серию романов, среди которых «Ньюгейтская невеста» (1950) и фантазия с перемещением во времени «Пылай, огонь!» (1957). Однако исторический детектив вошел в моду лишь в семидесятые, когда британские писатели в поисках материала стали ворошить прошлое. В первую очередь стоит упомянуть Питера Ловси с его серией романов о сержанте Криббе и констебле Теккерее, полицейских сыщиках викторианской эпохи, которые впервые появились в 1970 году в романе «Укачать до смерти», и Фрэнсиса Селвина (это псевдоним Дональда Томаса): его сержант Верити, живший тоже в викторианскую эпоху, но несколько раньше, впервые появился в романе «Преуспевающий взломщик» (1974). Придуманный Эллис Питерс монах брат Кадфаэль, первый роман о котором назывался «Страсти по мощам» (1977), породил среди ее собратьев по перу моду на средневековье. Энн Перри достигла большого успеха в изображении викторианской Англии в своих романах о Шарлотте и Томасе Питте (первая книга из этой серии, «Палач с Кейтер-стрит», вышла в 1979 году), а также о страдающем провалами в памяти частном сыщике Томасе Монке и участвовавшей в Крымской войне медсестре Хэстер Лэттерли (эта пара впервые была представлена читателям в 1990 году в романе «Лицо незнакомца»). Также следует упомянуть Джиллиан Линскотт, которая романом о приключениях суфражистки Нелл Брэй «Сестра под покрывалом» (1991) начала серию о движении феминисток первых десятилетий XX века, а также Пола Догерти, необычайно плодовитого (хоть и не такого плодовитого, как Джон Кризи) писателя, который под разными именами выпускает романы о различных исторических периодах.

Начиная с 70-х годов XX века не прекращается поток разного рода пародий на Шерлока Холмса и продолжений его приключений. Хотя большая их часть, как ни странно, вышла из-под пера американцев, лучшие из них были написаны британскими писателями, такими как Майкл Хардвик («Пленник дьявола» [1980] и «Мечь собаки» [1987]), Джун Томпсон (несколько сборников рассказов, первый из которых назывался «Секретные материалы Шерлока Холмса» [1990]) и Дональд Томас («Тайные расследования Шерлока Холмса» [1997]).

Судебный детектив. Если юридических триллеров в духе Джона Гришэма в британской литературе не так уж много, то судебными детективами она, напротив, очень богата. Среди них такие ставшие уже

классическими произведениями, как роман Эдгара Ластгартена «Подлежит ответу» (1947; в Америке издавался под названием «Еще один несчастный»), «Трагедия закона» (1942) Сирила Хейра, «Присяжные» (1935) Джеральда Буллетта, «Вердикт двенадцати» (1940) Реймонда Постгейта и «Суд и ошибка» (1937) Энтони Беркли. Адвокат Энтони Мэйтленд из длинной серии романов Сары Вуд (первая книга вышла в 1962 году и называлась «Кровавые указания») удостоился прозвища «британский Перри Мейсон».^[3] Генри Сесил привнес в длинную серию своих романов (первый — «Линия Пейневика» [1951]) юмор в духе Вудхауза. Многие из романов солиситора Майкла Гилберта, в частности «У смерти глубокие корни» (1951) и «Кровь и суд» (1959), содержат замечательные описания судебных процессов, в которых чувствуется богатый опыт автора. (Надо заметить, что Гилберт не обошел вниманием, пожалуй, ни один детективный жанр, поэтому было довольно трудно решить, где стоит упомянуть его имя в этом обзоре.) Пожалуй, самый известный британский адвокат (порой берущий на себя обязанности детектива) — это Хорэс Рампол из Олд-Бейли.^[4] Изначально этот персонаж был придуман Джоном Мортимером для телесериала, но с 1978 года сценарии каждого сезона выходили в книжной форме.

Крутой детектив. Это единственная область, в которой британцы традиционно уступают пальму первенства американским писателям. Но это не значит, что «крутой детектив», популяризированный такими американскими авторами, как Дешилл Хэммет, Раймонд Чандлер и Джеймс Кейн, чужд британскому духу. Англичане, работавшие в этом жанре, обычно писали об Америке и американцах. Американские частные сыщики из произведений Хартли Ховарда и Бэзила Коппера британскому читателю кажутся вполне убедительными. Джеймс Хедли Чейз, который бывал в Америке всего два раза, добился первого большого успеха гангстерским романом «Нет орхидей для мисс Блэндиш» (1939) и впоследствии написал еще целый ряд триллеров на американском материале. Питер Чейни также иногда использовал американские декорации и американских персонажей, его агент ФБР Лемми Кошен впервые появился в романе «Этот человек опасен» (1936). Кроме того, он создал британский эквивалент американского частного детектива в лице Слима Каллагана, который впервые появился в романе «Нетерпеливый палач» (1938). Недавняя волна популярности школы «черного» британского детектива (так называемый «брит нуар») доказывает, что англичане не собираются сдавать позиции в этом жанре. На сильное влияние американской школы указывает

творчество таких писателей, как Джон Харви, который, вдохновившись книгами Элмора Леонарда, Росса Томаса и телесериалом «Блюз Хилл-стрит», в 1989 году выпустил первый роман («Одинокие сердца») из серии о полицейском Чарли Резнике, и Лиза Коуди, написавшая несколько романов о женщине — частном сыщике Анне Ли (первый из них, «Простофиля», вышел в 1980 году). Целое новое поколение британских писателей, работающих в стиле «жесткого» детектива, было представлено в серии сборников «Свежая кровь» под редакцией Максима Якубовски и Майка Рипли. Здесь среди известных имен, кроме самих упомянутых выше редакторов, можно назвать Дерека Реймонда, Марка Тимлина, Дениз Дэнкс, Рассела Джеймса, Кена Бруэна и Фила Ловси.

Почему британцы?

Как случилось, что именно британцы оставили такой заметный след в истории детектива? О том, насколько высок британский стандарт качества в этой области, можно судить по тому, как много писателей, обращавшихся к этому жанру, проявили себя в других направлениях литературы. Первыми были романисты викторианской эпохи Чарльз Диккенс и Уилки Коллинз. Конан Дойл написал множество исторических романов и других произведений, не имеющих отношения к детективу. Честертон, как известно, был выдающимся эссеистом, журналистом и критиком. Отец Рональд Нокс является автором большого количества теологических работ. Джордж Дуглас Говард Коул, написавший в соавторстве со своей женой Маргарет Коул несколько десятков произведений, ставших классикой Золотого века детектива, был видным экономистом. Иден Филлпоттс, уважаемый «серьезный» писатель, обратился к детективу в 1921 году, написав роман «Комната с привидениями». Алан Александр Милн, чей единственный детективный роман «Тайна Красного дома» (1922) был сразу же признан классикой, известен всему миру как автор «Винни-Пуха» и других детских книг. Детские книги Питера Дикинсона, едва ли не лучшего из современных авторов детективов, также пользуются популярностью, Сэйерс, отойдя от детектива, переводила Данте и писала религиозные пьесы, а Николас Блейк (его настоящее имя Сесил Дэй-Льюис) с 1968 года до своей смерти в 1972 году был поэтом-лауреатом — так в Англии называют придворного, поэта. И Джон Харви, и Питер Робинсон опубликовали несколько поэтических сборников. Чарльз Перси Сноу, который начал и завершил карьеру романиста детективами, своей серией

романов «Чужаки и братья» проложил себе дорогу в «большую» литературу. Антония Фрейзер была известным историком и писала биографии британских монархов, прежде чем занялась описанием приключений Джемаймы Шор. Джулиан Симонс тоже был видным критиком, поэтом и историком, что отнюдь не мешало ему выпускать детективы в стиле криминального романа. Детективную литературу принято относить к развлекательной сфере, но серьезные писатели относятся к ее созданию серьезно.

Еще одна причина того, что британцы занимают передовые позиции в этой области, может заключаться в особенностях национального характера. Детектив с самого начала был очень нравоучительным жанром (или, по крайней мере, стремился к этому), в основе которого лежит стремление к порядку и стабильности. Если преступление нарушает устоявшийся порядок, тот должен быть восстановлен, но не силой принуждения, а умом и здравым смыслом. Какая другая нация более исторически стабильна, традиционна и спокойна, чем британцы? Какая другая нация, имея такой низкий уровень убийств, может «похвастать» такой долгой историей ярких и необычных преступлений? Какая другая страна так же бережно хранит свои традиции, здания, достопримечательности?

Что дальше?

Год 2000-й. Кто-то считает его первым годом XXI века и третьего тысячелетия, кто-то — последним годом XX века и второго тысячелетия. Стремительно развивающиеся технологии вторгаются в нашу жизнь такими темпами, каковых люди, жившие сто лет назад, и представить не могли. Поиск хороших детективов уже не составляет труда, каждый легко найдет что-нибудь по душе и в любом количестве. Любой из современных авторов может завтра перестать писать, но вы не почувствуете нехватки качественной литературы, даже если овладеете навыками скоростного чтения и медицинская наука найдет способ продлить вашу жизнь на сто лет. Нечего и пытаться прочитать все хотя бы только хорошие из уже написанных детективов. Если вы возьметесь за более скромную задачу — прочитывать все выходящие из печати *новые* хорошие детективы (даже если сузить задачу еще больше и посвятить себя только британскому детективу), вряд ли у вас останется время для занятий чем-то другим.

Детективный роман не теряет позиций ни в англоязычных странах, ни в остальном мире. Возможно, изменились механизмы связи между

писателем и читателем (какую последнюю электронную книгу вы загружали?), но по-прежнему можно смело утверждать, что в обозримом будущем история этого жанра во всем его разнообразии будет продолжаться. И поскольку ни одна страна и даже ни один язык не может претендовать на полное господство в этой области, утверждать, что Британия сохранит лидирующие позиции, по меньшей мере недальновидно.

Джон Л. Брин

СЭР АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Медные буки

Шерлок Холмс — вне всякого сомнения, величайший литературный персонаж всех времен. Холмс олицетворял человека науки, порождение промышленной революции, именно он стал первым использовать научный метод в расследовании преступлений. Доктор Ватсон, Мориарти и дом № 221-Б на Бейкер-стрит известны почти так же, как сам великий сыщик, и знакомы уже пяти поколениям читателей. Холмс появлялся в фильмах, телесериалах и радиопостановках, он — один из очень немногих литературных персонажей, которые интересны всем средствам массовой информации, он и по сей день продолжает восхищать читателей самых разных стран и культур.

Сэр Артур Конан Дойл (1859–1930), английский врач, романист и автор детективов, наделил Холмса чертами реально существовавшего человека, своего знакомого доктора. Можно ли представить большую дань уважения?

~ ~ ~

— Человек, который любит искусство бескорыстно и от всей души, — заметил однажды Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с объявлениями из «Дейли телеграф», — часто находит истинное наслаждение в его самых незначительных и скромных проявлениях. Мне доставляет удовольствие видеть, что вы, Ватсон, постигли сию истину и в своих небольших рассказах о наших делах — где, должен сказать, порой несколько приукрашиваете действительность, — отдаете предпочтение не тем многочисленным громким и нашумевшим судебным процессам, к которым я имел непосредственное отношение, а тем случаям, которые на первый взгляд кажутся банальными и неинтересными, но дают обширное поле для применения тех дедуктивных методов мышления и навыков логического синтеза, какие я с удовольствием использую.

— И все же, — улыбнулся я, — мне то и дело приходится слышать в свой адрес обвинения в стремлении к сенсационности.

— Возможно, ваша ошибка в том... — заметил он, вытаскивая щипцами из камина тлеющую головешку и раскуривая от нее длинную вишневую трубку, которой имел обыкновение заменять старую глиняную, когда сосредоточенное настроение сменялось у него желанием поспорить. — Возможно, ваша ошибка в том, что вы стараетесь вдохнуть жизнь и цвет в свои рассказы вместо того, чтобы сосредоточиться на подробном описании мыслительного процесса, от предпосылок до выводов. Ведь это единственное, что может представлять интерес.

— А мне казалось, что я отдаю вам должное, — сказал я несколько более прохладно, поскольку мне всегда претило самомнение, которое я так часто замечал в характере моего друга.

— Нет, это не самомнение или тщеславие, — по своему обыкновению, он отвечал скорее на мои мысли, чем на слова. — Я ведь прошу воздать должное своему искусству, а не мне лично. Это вне меня. Преступников много. Людей, умеющих мыслить логически, мало. Следовательно, внимание нужно уделять логике, а не преступлениям. То, что должно быть представлено в виде курса лекций, вы низвели до уровня сборника рассказов.

Было обычное для ранней весны холодное утро. Позавтракав, мы уселись перед весело полыхающим огнем в нашей старой квартире на Бейкер-стрит. На улице между рядами серых домов сгущался туман, и окна на другой стороне казались размытыми темными пятнами, едва различимыми в темно-желтой мгле. У нас горела газовая лампа, ее отсветы падали на белую скатерть и поблескивали на фарфоре и металле столовых приборов — со стола еще не было убрано. Шерлок Холмс все утро отмалчивался, изучая колонки объявлений в газетах, пока, отказавшись от поисков, не взялся обсуждать мои литературные занятия.

— И в то же время, — заметил он после того, как несколько минут молча глядел на огонь, попыхивая длинной трубкой, — вряд ли вас можно обвинить в стремлении к сенсационности. Ведь добрая часть тех дел, на которые вы обратили свое внимание, вообще не связана с преступлениями как таковыми. Моя помощь королю Богемии, необычное дело мисс Мэри Сазерленд, загадка человека со шрамом и случай со знатным холостяком все это не выходит за рамки закона. Хотя боюсь, что, стремясь избежать сенсационности, вы слишком близко подошли к тривиальности.

— Результат, может быть, и оказался, как вы говорите, тривиальным, — сказал я, — но методы, о которых пишу я, оригинальны и интересны.

Холмс презрительно фыркнул.

— Да какое дело публике, великой невнимательной публике, которая не может определить ткача по его зубам или композитора по большому пальцу левой руки, до тонкостей анализа или премудростей дедукции! Впрочем, судить вас за тривиальность я не имею права — дни великих преступлений в прошлом. Человек или, по крайней мере, преступник утратил находчивость, самобытность. Моя небольшая практика уже превратилась в агентство по розыску пропавших карандашей и наставлению юных леди из пансионатов благородных девиц. Мне кажется, что опускаться ниже просто некуда. Думаю, вот это письмо, полученное сегодня утром, ставит жирную точку. Почитайте!

Он бросил мне скомканный листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс вчера вечером. Вот что в нем говорилось:

Дорогой мистер Холмс!

Я бы очень хотела посоветоваться с Вами о том, стоит ли мне соглашаться на место гувернантки или лучше отклонить это предложение. Завтра, если для Вас это будет удобно, я зайду к Вам в половине одиннадцатого.

Искренне Ваша,

Вайолет Хантер

— Вы знакомы с этой девушкой? — спросил я.

— Нет.

— Сейчас как раз половина одиннадцатого.

— Да, и я не сомневаюсь, что это она звонит.

— Все может оказаться интереснее, чем вы думаете. Вспомните случай с голубым карбункулом, который начался с ерунды, а закончился серьезным расследованием. Может быть, и сейчас произойдет нечто подобное.

— Что ж, будем надеяться. И сейчас наши сомнения будут развеяны, поскольку, если я не ошибаюсь, вот и сама юная леди.

Как только он произнес эти слова, дверь нашей гостиной распахнулась и в комнату вошла девушка. Одета она была скромно, но со вкусом! Открытое и энергичное, всё в веснушках, лицо и порывистые движения указывали на то, что она относится к той категории женщин, которые сами всего добиваются в жизни.

— Простите, что побеспокоила вас, — сказала она, когда мой друг

поднялся с кресла, чтобы приветствовать ее, — но со мной произошла странная история, а у меня нет ни родителей, ни родственников, с которыми можно было бы посоветоваться. Вот я и подумала, что, может быть, вы скажете, как мне поступить.

— Прошу, садитесь, мисс Хантер. Я буду чрезвычайно рад помочь вам.

Я заметил, что Холмс был приятно удивлен манерами и речью новой клиентки. Он окинул ее пытливым взглядом, после чего замер в кресле, полузакрыв глаза и соединив перед собой кончики пальцев, — приготовился выслушать ее рассказ.

— Я пять лет проработала гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, — начала она. — Но два месяца назад полковник получил новое назначение, его перевели в Галифакс в Новой Шотландии.^[5] Детей своих он увез в Америку, поэтому я осталась без места. Я обращалась по объявлениям, сама давала объявления, но все безуспешно. Потом мои последние сбережения стали подходить к концу, и я уже была на грани отчаяния.

В Вест-Энде есть знаменитое агентство по найму гувернанток, оно называется «Вестэуэй». Я ходила туда каждую неделю справляться, не появилось ли подходящего для меня места. Вестэуэй это фамилия основателя агентства, но сейчас им управляет мисс Стопер. Она сидит в своем небольшом кабинете, а женщины, которые ищут работу, ждут в приемной, потом заходят к ней по одной. Там она смотрит свои записи и сообщает, есть ли для них что-нибудь.

И вот, когда я пришла туда на прошлой неделе и, как обычно, зашла к ней в кабинет, я увидела, что мисс Стопер не одна. Рядом с ней сидел неимоверно толстый мужчина с добродушным лицом и огромными складками жира под подбородком, которые прямо слоями ниспадали на грудь. Мужчина этот был в очках, он, улыбаясь, рассматривал входящих женщин. Когда в кабинет вошла я, он радостно подскочил на стуле и быстро повернулся к мисс Стопер.

— На этом можно остановиться, — сказал он. — Лучшего мне и не надо. Чудесно! Чудесно!

Выглядел он очень довольным, энергично потирал руки и весело смотрел на меня. Он казался таким добродушным, что на него было приятно смотреть.

— Вы ищете место, мисс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Место гувернантки?

— Да, сэр.

— И сколько вы хотите получать?

— На своем предыдущем месте у полковника Спенса Манроу я получала четыре фунта в месяц.

— Ай-я-яй! — воскликнул он и негодуяще всплеснул полными руками. — Как же можно было платить такую мизерную сумму такой прелестной и достойнейшей девушке!

— Сэр, мои достоинства могут быть и не такими уж выдающимися, как вам кажется, — сказала я. — Немного французского, немного немецкого, музыка и рисование...

— Что вы, что вы! — прервал он меня. — Не это главное. Вопрос в том, обладаете ли вы манерами и внешностью настоящей леди. Вкратце дело вот в чем. Если вы ими не обладаете, вам нельзя даже приближаться к ребенку, который однажды может сыграть огромную роль в истории страны. Ну а если обладаете, разве может джентльмен предложить вам что-либо меньше трехзначной суммы? У меня, мадам, вы для начала будете получать сто фунтов в год.

Можете себе представить, мистер Холмс, что мне в моем нынешнем положении это предложение показалось просто сказочной удачей. Тот джентльмен, должно быть, увидев сомнение на моем лице, раскрыл свою записную книжку и достал из нее банкноту.

— К тому же, — сказал он, улыбаясь так радостно, что глаза его превратились в две маленькие блестящие щелочки между белыми складками кожи на лице, — я имею привычку выплачивать своим леди половину жалованья авансом. Чтобы покрыть мелкие расходы на поездку и обновление гардероба.

Мне тогда показалось, что я еще никогда не встречала такого милого и заботливого человека. Знаете, у меня уже появились долги, поэтому получить аванс было бы очень кстати, но все же что-то в этой сделке меня насторожило. Мне захотелось побольше узнать о предстоящей работе, прежде чем окончательно согласиться.

— Сэр, а могу я узнать, где вы живете? — спросила я.

— В Хемпшире. В чудесном загородном районе. Поместье называется «Медные буки», это в пяти милях к югу от Винчестера. Природа там очаровательная, моя юная леди, а сама старая усадьба — просто прелесть.

— А мои обязанности, сэр? Мне бы хотелось знать, чем мне предстоит заниматься.

— Один ребенок! Один милый сорванец всего шести лет от роду. О, если бы вы видели, как он убивает тараканов туфлей! Хлоп! Хлоп! Хлоп! Глазом моргнуть не успеешь, а от трех тараканов только мокрое место

осталось. — Он запрокинул голову и рассмеялся, от этого его глаза снова превратились в щелки.

Меня, признаться, несколько удивили подобные забавы ребенка, хотя смех родителя мог означать, что это была шутка.

— Значит, в мои обязанности будет входить присмотр за одним ребенком?

— Нет, нет, нет! Не только, моя дорогая юная леди! — воскликнул он. — Конечно, вам придется выполнять поручения моей жены. Обычные мелкие поручения, несложные для любой женщины. Как видите, не слишком много, правда?

— Я с радостью сделаю все необходимое.

— Чудесно! Например, что касается одежды. Мы — люди чудаковатые... Чудаковатые, но добрые. Если мы попросим вас надеть какое-то определенное платье, вы ведь не откажете нам в этой маленькой прихоти?

— Нет, — сказала я, хотя очень удивилась.

— Либо, если мы попросим вас сесть там-то или там-то, это не покажется вам обидным?

— Да нет.

— Или обрезать волосы, прежде чем ехать к нам?

Я не поверила своим ушам. Мистер Холмс, вы же видите, волосы у меня довольно красивые и к тому же необычного каштанового оттенка. Я всегда считала их своим главным украшением, поэтому не могла просто так с легкостью пожертвовать ими.

— Боюсь, это невозможно, — сказала я. Он внимательно смотрел на меня своими маленькими глазками, и я заметила, что по его лицу пробежала тень.

— Но это необходимо, — сказал он. — Это прихоть моей жены, а женские прихоти, вы же знаете, сударыня, женские прихоти нужно исполнять. Значит, вы отказываетесь обрезать волосы?

— Сэр, я действительно не могу на это пойти, — ответила я.

— Что ж, хорошо. Очень жаль, потому что в остальном вы нам полностью подходите. Мисс Стопер, я в таком случае, пожалуй, взгляну еще на нескольких ваших девушек.

Заведующая во время нашего разговора была занята какими-то своими бумагами и не произнесла ни слова, но теперь так взглянула на меня, что я подумала: своим отказом я лишила ее приличного вознаграждения.

— Вы хотите остаться в списках? — спросила она меня.

— Да, пожалуйста, мисс Стопер.

— По-моему, в этом нет смысла, раз вы отказываетесь от самого лучшего предложения, — холодно произнесла она. — Я не думаю, что нам когда-либо удастся подыскать вам место с лучшими условиями. До свидания, мисс Хантер.

Она ударила в маленький гонг на столе, и меня проводили из кабинета.

Вернувшись домой, я открыла буфет, увидела, что там почти пусто, да еще обнаружила на столе несколько новых счетов и задала себе вопрос: а не поступила ли я опрометчиво? Ведь, в конце концов, мистер Холмс, если у этих людей есть свои странности, они, по крайней мере, готовы хорошо платить за то, чтобы я мирилась с их эксцентричностью. Очень немногие гувернантки в Англии зарабатывают сто фунтов в год. И кроме того, какой мне прок с этих волос? Многим девушкам даже идут короткие стрижки. Может быть, и мне пойдет? На следующий день я уже начала думать, что совершила ошибку, а еще через день была в этом совершенно уверена. Я уже почти переборола свою гордость и решила снова пойти в агентство, чтобы узнать, свободно ли еще это место, когда получила письмо от того самого господина. Я взяла письмо с собой и сейчас прочту его.

«Медные буки», близ Винчестера

Дорогая мисс Хантер!

Мисс Стопер любезно сообщила мне Ваш адрес, и я пишу, чтобы узнать, не изменили ли Вы своего решения. Моей жене очень хочется видеть в своем доме именно Вас, поскольку мой рассказ о встрече с Вами произвел на нее большое впечатление. Мы согласны платить тридцать фунтов в квартал, то есть сто двадцать фунтов в год, в качестве компенсации за те неудобства, которые могут доставить Вам наши маленькие причуды. В конце концов, они ведь не так уж обременительны. Моей супруге просто очень нравится определенный оттенок серо-голубого цвета, и ей бы хотелось, чтобы Вы по утрам надевали именно такое платье. Однако Вам не придется тратиться на покупку, поскольку такое платье у нас уже есть, оно принадлежало моей дорогой дочери Элис (сейчас она живет в Филадельфии), и, мне кажется, оно отлично подойдет и Вам. Просьба сесть в определенном месте или заняться каким-то определенным делом вообще не может вызвать каких бы то ни было неудобств. Что же касается волос, то, к большому сожалению (тем более что я во время нашего недолгого разговора не мог не заметить их изумительную красоту), я все

же вынужден настаивать на соблюдении нашего условия. Мне остается только надеяться, что увеличение оклада поможет Вам смириться с утратой. Ваши обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Постарайтесь все же приехать, я Вас встречу в Винчестере на двуколке. Сообщите, каким поездом приезжаете.

Искренне Ваш,

Джеффо Рукасл

Вот такое письмо я только что получила, мистер Холмс. Я намерена принять предложение, но, прежде чем сделать последний шаг, мне все же хочется услышать ваше мнение.

— Что ж, мисс Хантер, если вы уже решились, то тут и говорить не о чем, — с улыбкой на устах произнес Холмс.

— Значит, вы не считаете, что мне лучше отказаться?

— Честно говоря, если бы у меня была сестра, я бы не хотел, чтобы она приняла подобное предложение.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Холмс?

— Видите ли, у меня нет фактов. Я ничего не могу сказать определенного. Может быть, у вас у самой сложилось какое-либо мнение?

— Ну, мне кажется, тут есть только один выход. Сам мистер Рукасл производит впечатление доброго, приятного в общении человека. Может быть, у него сумасшедшая жена, а он не хочет, чтобы ее забрали в сумасшедший дом? Может, он потакает ее странным прихотям, чтобы избежать какого-нибудь очередного припадка?

— Это одно из возможных объяснений... Более того, судя по тому, как обстоит дело, такое объяснение кажется наиболее вероятным. Но в любом случае мне кажется, что это неподходящее место работы для юной леди.

— Но деньги, мистер Холмс! Деньги!

— Да, конечно, платят они хорошо... Слишком хорошо. Это-то меня и тревожит. Зачем им платить вам сто двадцать фунтов в год, если легко можно подыскать работницу за сорок? Наверняка для этого есть серьезные причины.

— Мне казалось, что если я поделюсь с вами, то потом, когда мне понадобится помощь, вы как-то поймете это. Я бы чувствовала себя намного увереннее, если бы знала, что могу рассчитывать на вас.

— О, можете не сомневаться в этом. Смею вас заверить, ваше дело — одно из самых интересных среди тех, с которыми мне пришлось

столкнуться за последние несколько месяцев. В нем есть несколько очень необычных особенностей. В случае каких-либо сомнений или опасности...

— Опасность? О какой опасности вы говорите?

— Если бы мы могли ее предвидеть, она перестала бы быть опасностью, — покачал головой Холмс. — Но я готов вас заверить, что в любое время дня и ночи приду вам на помощь, только пошлите мне телеграмму.

— Этого вполне достаточно. — Взволнованное выражение исчезло с ее лица, она встала. — Теперь я могу с легким сердцем ехать в Хемпшир. Сегодня напишу мистеру Рукаслу, что решила пожертвовать волосами, а завтра отправляюсь в Винчестер.

Коротко поблагодарив Холмса, она раскланялась с нами и поспешила по своим делам.

— По крайней мере, — сказал я, когда на лестнице послышались ее быстрые уверенные шаги, — она производит впечатление девушки, которая может прекрасно сама о себе позаботиться.

— И ей предстоит это доказать, — серьезно добавил Холмс. — Думаю, я не ошибусь, если скажу, что через несколько дней мы получим от нее весточку.

Исполнения предсказания долго ждать не пришлось. Прошло две недели, в течение которых я часто ловил себя на мысли о том, с какими странностями человеческого поведения пришлось столкнуться этой одинокой женщине. На удивление высокий оклад, непонятные условия, несложные обязанности — все это указывало на то, что она вовлечена в какую-то необычную историю. Но было ли это прихотью чудаков или злым умыслом, кем окажется ее наниматель, благотворителем или преступником, — это было выше моего понимания. Что касается Холмса, я частенько заставал его сидящим в задумчивости, с насупленными бровями и отсутствующим взглядом. Он мог так сидеть по полчаса, но, когда я пытался вывести его на разговор об этом деле, он решительным жестом давал понять, что не собирается его обсуждать.

— Факты! Факты! Мне нужны факты! — нетерпеливо воскликнул он. — Нельзя делать кирпичи, не имея глины.

И все же после этого тихо добавлял, что своей сестре он не позволил бы ввязаться в такую историю.

Телеграмма пришла поздно вечером, когда я собирался ложиться спать, а Холмс взялся за один из тех химических опытов, которые обычно затягивались на всю ночь: с вечера я оставлял его уткнувшим нос в реторты и пробирки, а утром, спускаясь к завтраку, заставал на том же месте точно в

такой же позе. Он вскрыл желтый конверт и, взглянув на послание, бросил его мне.

— Узнайте расписание поездов в «Брэдшо», — сказал он и снова обратился к химическим исследованиям.

Послание было кратким и тревожным.

«Пожалуйста, будьте завтра днем в Винчестере в гостинице „Черный лебедь“, — говорилось в нем. — Умоляю, приезжайте! Я не знаю, что мне делать. Хантер».

— Вы поедете со мной? — поднял на меня глаза Холмс.

— Конечно.

— Тогда загляните в расписание.

— Есть поезд в половине десятого, — сказал я, пролистав справочник. — В Винчестер он прибывает в одиннадцать тридцать.

— Подойдет. Анализ ацетона, пожалуй, придется отложить. Утром нам могут понадобиться силы.

На следующий день в одиннадцать часов мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс еще на лондонском вокзале обложился утренними газетами и всю дорогу был занят их изучением, но, когда мы въехали в Хемпшир, отшвырнул их в сторону и стал смотреть в окно. Этот весенний день выдался на удивление приятным. По прозрачному голубому небу с запада на восток медленно плыли маленькие пушистые облака. Солнце светило вовсю, но в воздухе чувствовалась бодрящая прохлада. Вокруг, до самых холмов Олдершота,^[6] разбросала краски только-только начавшая появляться первозданно-зеленая листва, среди которой мелькали красные и серые крыши фермерских домиков.

— Не правда ли, чудесная картина?! — воскликнул я с чувством, простительным для человека, только что дышавшего ядовитым лондонским туманом.

Но в ответ Холмс мрачно покачал головой.

— Знаете, Ватсон, — сказал он, — человек с таким складом ума, как у меня, не может смотреть на все вокруг иначе как с мыслью о деле. Вы видите эти разрозненные дома и замечаете их красоту. Когда я смотрю на них, я думаю лишь о том, насколько они изолированы и как безнаказанно можно совершать в них любые преступления.

— Господи! — изумился я. — Да кому придет в голову связывать преступления с этими милыми старыми домами?

— Они всегда внушали мне определенный страх. Я убежден, Ватсон, и убеждение это основано на опыте, что самые мрачные и отвратительные

трущобы Лондона видели на своем веку намного меньше зла, чем эта милая взору сельская местность.

— Вы меня пугаете!

— Но этому есть очень простое объяснение. В городе общественное мнение делает то, чего не в состоянии обеспечить полиция. Нет такой улицы, на которой крик истязаемого ребенка или звук побоев не привлек бы к себе внимания и не вызвал бы возмущения. К тому же вся машина правосудия находится так близко, что любая жалоба может привести ее в действие, и от преступления до тюрьмы путь очень короткий. Но посмотрите на эти одинокие дома, каждый из которых окружен полем. Здесь живут бедные, забытые люди, которые почти не знают законов. Представьте только, какая дьявольская жестокость, какая невероятная порочность может процветать в подобных местах годами и оставаться безнаказанной. Если бы эта обратившаяся к нам за помощью девушка уезжала в Винчестер, я бы за нее совершенно не беспокоился. Опасность представляют те пять миль, которые отделяют ее от города. Хотя лично ей опасность, очевидно, не грозит.

— Да, раз она может приехать в Винчестер на встречу с нами, значит, может и в любое время сбежать.

— Совершенно верно. Она свободна в своих действиях. Тогда что же случилось? Вы сумеете как-нибудь это объяснить?

— Я продумал уже семь различных версий, каждая из которых основана на известных нам фактах. Но какая из них верна, можно будет понять только после того, как появится свежая информация, которая, не сомневаюсь, нас уже ждет. Я уже вижу башни собора, скоро мы узнаем, что же хочет рассказать нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался вполне приличной гостиницей на главной улице города, совсем недалеко от вокзала. Там мы и встретились с юной леди. Она ждала нас в гостиной, на столе уже стоял легкий обед.

— Я так рада, что вы приехали! — горячо воскликнула она. — Хорошо, что вы вдвоем откликнулись на мою просьбу. Поверьте, я действительно не знаю, как быть. Ваш совет мне сейчас просто необходим.

— Прошу, расскажите, что с вами произошло.

— Сейчас, только мне нужно торопиться, потому что я пообещала мистеру Рукаслу вернуться не позже трех. Я сегодня утром отпросилась у него съездить в город, но он даже не догадывается, с какой целью.

— Изложите все по порядку. — Холмс вытянул к огню длинные худые ноги и приготовился внимательно слушать.

— Во-первых, о том, как мистер и миссис Рукасл ко мне относятся, я

ничего плохого сказать не могу. Даже наоборот. Но я их не понимаю, и что-то меня тревожит.

— Чего же вы не можете понять?

— Причину их поведения. Но лучше я расскажу все с самого начала. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня здесь и отвез на своей двуколке в «Медные буки». Как он и говорил, поместье это находится в очень красивом месте, только сама усадьба вовсе не так красива. Это старый квадратный дом с выбеленными стенами, которые из-за плохой погоды и дождей давно отсырели, покрылись пятнами и потрескались. С трех сторон вокруг — леса, с четвертой — поле, которое тянется до дороги на Саутгемптон. Дорога эта огибает усадьбу, и от дверей дома до нее примерно ярдов сто. Земля между ними относится к поместью, но леса вокруг принадлежат лорду Саутэртону. Небольшая рощица буков прямо перед фасадом дала название всему поместью.

Мой работодатель сам отвез меня домой. Он был очень любезен и в тот же вечер познакомил со своей женой и ребенком. Предположение, которое мы посчитали возможным у вас на Бейкер-стрит, мистер Холмс, оказалось неверным. Миссис Рукасл не сумасшедшая. Это молчаливая женщина с бледным лицом, намного младше своего мужа, вряд ли ей больше тридцати. Ему же, по-моему, никак не меньше сорока пяти. Из их разговоров я поняла, что женаты они около семи лет, он был вдовцом, и его единственный ребенок от первой жены — это та дочь, которая уехала в Филадельфию. Мистер Рукасл как-то, когда рядом не было жены, объяснил мне, что уехала она потому, что по какой-то непонятной причине невзлюбила свою мачеху. Но я могу себе представить, как дочери, которой никак не могло быть меньше двадцати, неловко было жить рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне какой-то бесцветной и внешне, и по складу характера. Она не произвела на меня ни плохого, ни хорошего впечатления — пустое место. Заметно, что она души не чает в своем муже и сыне. Ее светло-серые глаза перебегают с одного на другого в надежде предугадать их желания и по возможности предупредить. Он к ней очень хорошо относится, разговаривает с ней в своей грубовато-добродушной манере, и по большому счету их можно назвать счастливой парой. Но у этой женщины есть какая-то тайна. Она часто как бы уходит в себя, глубоко задумывается, и тогда на лице ее возникает скорбное выражение. Много раз я заставала ее в слезах. Поначалу мне казалось, что ей не дает покоя поведение ее сына, потому что никогда еще я не видела такого злобного, испорченного ребенка. Для своего возраста он маленький, только голова у

него непропорционально велика. Вся его жизнь состоит из каких-то яростных припадков веселья, прерываемых жалобным нытьем. Похоже, этот мальчик не знает других развлечений, кроме как причинять боль существам более слабым, чем он сам. Он так искусно ловит мышей, маленьких птиц и насекомых, что диву даешься. Но о нем я говорить не буду, мистер Холмс, потому что он к моей истории не имеет отношения.

— Я бы хотел знать все подробности, — заметил мой друг, — независимо от того, кажутся они вам значимыми или нет.

— Постараюсь не пропустить ничего важного. В доме меня сразу же неприятно удивила одна вещь: внешний вид и поведение слуг. Их всего двое, это супружеская пара. Толлер, так зовут мужчину, — откровенно грубый и невоспитанный человек. У него седоватые волосы и бакенбарды, и от него постоянно несет спиртным. С тех пор как я живу в их доме, я уже дважды видела его пьяным, но мистер Рукасл, похоже, этого вовсе не замечает. Жена Толлера, очень высокая и сильная женщина с печальным лицом, так же неразговорчива, как миссис Рукасл, только гораздо менее приветлива. В общем, крайне неприятная пара. К счастью, я большую часть времени провожу в детской и у себя в комнате, они расположены рядом.

Мои первые два дня в «Медных буках» прошли тихо и спокойно. На третий день миссис Рукасл спустилась после обеда в гостиную и что-то шепнула мужу на ухо.

— О да, — сказал он, поворачиваясь ко мне, — мы очень обязаны вам, мисс Хантер, за то, что вы не отказали нам в нашей просьбе и все же остригли волосы. Уверяю, это ничуть не испортило вашу внешность. Давайте теперь посмотрим, как вам идет серо-голубое платье. Оно ждет вас на кровати в вашей комнате, и, если вы не откажетесь его надеть, мы с женой будем вам очень признательны.

Платье, которое я обнаружила у себя в комнате, действительно было необычного голубого оттенка. Сшито оно из прекрасной шерстяной ткани, но явно уже ношенное. Мне оно подошло идеально, как будто на меня шилось. И мистер, и миссис Рукасл, когда меня увидели, пришли в неопишуемый восторг. Они дожидались меня в гостиной — это очень большая комната, настоящий зал, который занимает почти всю переднюю сторону дома, с тремя высокими окнами до пола. Рядом с центральным окном стоял стул, спинкой к стене. Мне предложили на него сесть, сам мистер Рукасл, расхаживая вдоль противоположной стены, принялся рассказывать всякие смешные истории. Вы представить себе не можете, каким комичным он был, я так смеялась, что мне чуть не сделалось дурно. Но миссис Рукасл, которая, очевидно, напрочь лишена чувства юмора, ни

разу не улыбнулась, просто сидела с печальным, несколько взволнованным видом и сложенными на коленях руками. Примерно через час мистер Рукасл вдруг сказал, что пора заняться делами и я могу снять платье и пойти в детскую к Эдуарду.

Через два дня это представление в точности повторилось. Снова я надела то же платье, снова была посажена у окна и снова от души насмеялась, слушая веселые истории своего хозяина. Их у него в запасе, похоже, несметное количество, и рассказывает он их бесподобно. Потом он дал мне в руки какой-то дешевый роман, передвинул чуть в сторону мой стул, чтобы моя тень не падала на страницы, и попросил почитать ему вслух. Я минут десять почитала, начав прямо с середины главы, потом он неожиданно прервал меня на полуслове и велел переодеваться.

Вы легко можете представить себе, мистер Холмс, как мне хотелось понять смысл этих странных представлений. Я заметила, что они очень старались сделать так, чтобы я ни в коем случае не оборачивалась и не смотрела в окно, но это только разожгло во мне желание узнать, что творится у меня за спиной. Поначалу это казалось мне невозможным, но потом я придумала способ. У меня случайно разбилось зеркальце, и я решила спрятать один осколок в своем носовом платке. В следующий раз, хохоча над рассказами мистера Рукасла, я поднесла к глазам платок и таким образом смогла увидеть то, что было за моей спиной. Но оказалась разочарована. Там ничего не было. По крайней мере, так мне показалось сначала. Однако, повторив попытку, я все же заметила, что на Саутгемптонской дороге стоит невысокий бородатый мужчина в сером костюме. Мне показалось, что он смотрит в нашу сторону. По этой дороге обычно ходит много людей, но этот стоял, опершись на ограду, и не сводил глаз с дома. Я опустила платок и, посмотрев на миссис Рукасл, увидела, что она наблюдает за мной, очень пристально и подозрительно. Она ничего не сказала, но, мне кажется, догадалась, что у меня спрятано зеркальце и что я увидела кого-то у себя за спиной. Она тут же встала и сказала:

— Джеффо, какой-то тип стоит на дороге и смотрит на мисс Хантер.

— Это ваш друг, мисс Хантер? — спросил он меня.

— Нет, я никого здесь не знаю.

— Какой наглец! Тогда, будьте добры, повернитесь и помашите ему, чтобы он ушел.

— По-моему, лучше просто не обращать на него внимания.

— Нет-нет! Тогда он явится сюда снова, а потом будет тут постоянно ошиваться. Пожалуйста, повернитесь и помашите ему вот так.

Я помахала так, как мне показали, после чего миссис Рукасл тут же

опустила шторы. Это случилось неделю назад, и с того времени меня больше ни разу не сажали к окну, не просили надеть голубое платье, и мужчину на дороге я тоже не видела.

— Прошу вас, продолжайте, — сказал Холмс. — Ваша история чрезвычайно интересна.

— Но я боюсь, что вам она покажется довольно бессвязной. Эти отдельные случаи, о которых я говорю, может быть, вообще не имеют ничего общего. В первый же день, когда я приехала в «Медные буки», мистер Рукасл отвел меня к небольшому сарайчику во дворе рядом с дверью на кухню. Когда мы туда подходили, я услышала громкое бряцанье цепи и поняла, что внутри находится какое-то животное.

— Загляните сюда, — показал мистер Рукасл на небольшую щель между досками. — Красавец, правда?

Я посмотрела в сарай и в темноте различила два горящих глаза и очертания крупного зверя.

— Не бойтесь, — рассмеялся мой хозяин, видя, как я вздрогнула от неожиданности. — Это всего лишь Карло, мой мастиф. Я говорю «мой», но на самом деле только Толлер может справиться с ним. Мы его кормим раз в день, да и то не слишком много даем, поэтому он всегда такой беспокойный. Толлер выпускает его на ночь, и горе тому, кто попадет ему на зуб. Я вас прошу, ни при каких обстоятельствах не выходите ночью из дому. Если, конечно, вам дорога ваша жизнь.

И предупреждение это не было пустыми словами. Через два дня я как-то выглянула из окна своей спальни в два часа ночи. Ночь была тихая, лунная, газон перед домом казался серебряным, и было светло почти как днем. Я стояла, любуясь этой умиротворенной красотой, пока краем глаза не заметила какую-то движущуюся тень рядом с буковой рощицей. Потом тень эта переместилась на освещенный газон, и я поняла, что это огромная собака величиной с теленка, рыжевато-коричневая, с отвислой челюстью, черной мордой и выступающими мощными ребрами. Она медленно прошла по газону и скрылась в тени на другой стороне. Этот кошмарный сторожевой пес внушил мне больший ужас, чем любой грабитель.

А сейчас, мистер Холмс, я расскажу вам еще об одном очень странном случае. Вы, конечно, помните, что еще в Лондоне я обрезала волосы. Я сплела их в косу и положила в чемодан на самое дно. И вот однажды вечером, уложив мальчика и не зная, чем заняться, я решила осмотреть мебель у себя в комнате и переложить свои вещишки. В моей спальне стоит старый комод. Два его верхних ящика были открыты и пусты, но нижний оказался заперт. Первые два я заполнила своим бельем, но у меня еще

осталось много неразложенных вещей, и мне, естественно, не понравилось, что я не могу воспользоваться третьим ящиком. Я тогда подумала, что его, должно быть, случайно забыли открыть, поэтому взяла свою связку ключей и попробовала отпереть замок. Первый же ключ подошел идеально. Внутри ящика оказалась лишь одна вещь. Я думаю, вы ни за что не догадаетесь, что это было. Моя коса!

Я взяла ее, рассмотрела. Ошибки быть не могло — тот же оттенок, та же плотность. И тут я осознала абсурдность ситуации. Это просто невозможно! Как могли мои волосы очутиться здесь, в запертом ящике комода? Дрожащими руками я открыла чемодан, перерыла его содержимое и нашла на дне свои собственные волосы. Я положила две косы рядом, и, уверяю вас, они были совершенно одинаковыми! Разве это не поразительно? Я так удивилась, что не смогла придумать никакого объяснения этой загадке. Я положила странную косу обратно в ящик и снова закрыла его на ключ. О своей находке Рукаслам я ничего не сказала, почувствовав, что поступила неправильно, открыв запертый ящик.

Вы, мистер Холмс, наверное, уже заметили, что я очень наблюдательна. Скоро я уже прекрасно изучила и запомнила план всего дома. Правда, в нем есть одно, похоже, нежилое крыло, но дверь, которая ведет в него, всегда закрыта. Она, кстати, находится прямо напротив двери в покои Толлеров. И вот однажды, поднимаясь по лестнице, я вдруг увидела, как из этой двери выходит мистер Рукасл со связкой ключей в руках. Но его было не узнать. Это был вовсе не тот жизнерадостный толстяк, каким я привыкла его видеть. Щеки у него горели, брови были гневно сдвинуты, на висках от сильного душевного волнения выступили вены. Он запер за собой дверь и быстро прошел мимо меня, молча, не взглянув в мою сторону.

Это, конечно же, возбудило мое любопытство, поэтому, выйдя в очередной раз на прогулку с ребенком, я прошла чуть дальше по газону, откуда видны окна той части дома. Окон было четыре, первые три просто грязные, а четвертое еще и закрыто ставнями. Судя по их виду, в той части дома действительно никто не жил. И вот, пока я прохаживалась вдоль того крыла, время от времени посматривая на эти окна, из дома вышел мистер Рукасл и подошел ко мне. Он снова был бодр и весел, как обычно.

— Надеюсь, милая леди, — сказал он, — вы не обиделись на меня за то, что я не поздоровался с вами? Я просто был очень озабочен своими делами.

Я заверила его, что вовсе не обиделась.

— Кстати, — сказала я, — в том крыле у вас, кажется, несколько

свободных комнат, а одно из окон закрыто ставнями.

Он удивленно посмотрел на меня и, как мне показалось, немного вздрогнул.

— Я увлекаюсь фотографией, — сказал он. — В той комнате я устроил себе фотолабораторию. Но посмотрите только, какая наблюдательная девушка нам попала! Кто бы мог подумать!

Он говорил это якобы в шутку, только взгляд у него при этом был совсем не веселый. Подозрительный, раздраженный, но не веселый.

И вот, мистер Холмс, в тот миг, когда я поняла, что в тех комнатах было закрыто нечто такое, чего мне знать не положено, я загорелась желанием во что бы то ни стало в них проникнуть. И дело не в простом любопытстве, хотя оно тоже подстегивало меня. Скорее это было чувство долга... Ощущение того, что, если я проникну в то крыло, случится что-то доброе, правильное. Говорят ведь, что у женщин сильно развита интуиция. Может быть, это интуиция внушила мне такое чувство, не знаю, но что-то тянуло меня в те комнаты, и я начала искать способ проникнуть за запретную дверь.

Однако возможность сделать это представилась мне только вчера. Кстати, кроме мистера Рукасла, в ту часть дома наведывались и Толлер с женой. Один раз я видела, как он проносил через ту дверь большой черный мешок. В последнее время Толлер много пьет, и вчера напился особенно сильно. Поднимаясь по лестнице, я увидела, что в вечно запертой двери торчит ключ. У меня не возникло сомнений, что это он забыл его там. Мистер и миссис Рукасл в ту минуту находились внизу, мальчик был с ними, так что это был очень удобный случай. Я аккуратно повернула ключ, открыла дверь и скользнула внутрь.

Я увидела небольшой коридор с голыми стенами, без ковра на полу. В конце он под прямым углом поворачивал направо. В коридоре было три двери. Первая и третья — открыты, обе вели в пустые комнаты, заброшенные и грязные. В первой комнате было одно окно, в другой — два. Окна покрывал такой толстый слой пыли и грязи, что вечерний свет сквозь них почти не пробивался. Средняя дверь была закрыта, и поперек нее висела широкая перекладина от железной кровати; с одной стороны она соединялась висячим замком с кольцом, вделанным в стену, с другой стороны была прикручена крепкой веревкой. Сама дверь была заперта, но ключа я нигде не увидела. Я поняла, что эта дверь ведет в ту самую комнату, окно которой закрыто ставнями, однако снизу из щели под дверью падала узкая полоса света, а значит, в комнате имелось потолочное окно. Я стояла в коридоре перед загадочной дверью, пытаюсь понять, какая тайна

может скрываться за ней, как вдруг внутри комнаты послышались шаги. Тусклый лучик света, пробивающийся снизу, несколько раз перекрылся тенью. Поначалу безумный страх сковал меня, мистер Холмс, но потом мои и без того напряженные до предела нервы не выдержали, и я бросилась бежать. Я бежала так, словно какая-то ужасная рука норовила схватить меня сзади за юбку. Промчавшись по коридору, я вылетела за дверь и угодила прямоиком в мистера Рукасла, который поджидал снаружи.

— Значит, это все-таки вы, — улыбнулся он. — Я так и подумал, когда увидел, что дверь приоткрыта.

— Боже, я так испугалась! — задыхаясь, пролепетала я.

— Что вы, девочка моя! Ну что вы! — Вы себе представить не можете, каким ласковым тоном он со мной разговаривал. — Что же вас так напугало, милая девочка?

Но голос его выдал, он говорил уж слишком вкрадчиво, поэтому я насторожилась.

— Зачем только я вошла в это пустое крыло?! — сказала я. — Там так темно и жутко, что я испугалась и сразу же выбежала обратно. Как же там страшно!

— Это все, что вас напугало? — спросил он, пронзая меня взглядом.

— Да. А что еще? — ответила я.

— Почему, по-вашему, я держу эту дверь запертой?

— Не знаю.

— Не хочу, чтобы туда совали нос люди, которым там делать совершенно нечего. Понимаете? — При этом он продолжал улыбаться и говорить самым любезным тоном.

— Поверьте, если бы я знала...

— Теперь знаете. Если вы еще раз переступите этот порог, — тут его улыбка превратилась в безумный оскал, а лицо исказила демоническая гримаса, — я брошу вас моему псу!

Я до того испугалась, что совершенно не помню дальнейшие события. Наверное, я бросилась в свою комнату. Пришла в себя только там. Меня трясло, как в лихорадке. И тут я подумала о вас, мистер Холмс. Я больше не могла там находиться, не получив совета. Я боялась этого дома, боялась этого мужчины, этой женщины, слуг, даже ребенка. Они вызывали у меня ужас. Если бы я поговорила с вами, мне бы стало намного легче. Конечно, можно было просто сбежать оттуда, но любопытство терзало меня почти так же сильно, как страх. И вскоре я решилась. «Пошлю ему телеграмму», подумала я. Я встала, надела шляпку и пальто, вышла из дома и направилась в почтовое отделение, которое находится примерно в

полумиле от поместья. По дороге оттуда я почувствовала себя значительно лучше. И тут меня снова охватил страх. Что, если сейчас по двору разгуливает собака? Но, к счастью, я вспомнила, что Толлер в тот вечер напился до беспамьтства, а кроме него, никто не подходил к этому свирепому существу и, значит, не мог его выпустить. Я благополучно проскользнула в дом и до полуночи не сомкнула глаз, радуясь тому, что скоро увижу вас. Отпроситься сегодня утром в Винчестер было несложно, но мне нужно до трех часов быть дома, потому что мистер и миссис Рукасл сегодня едут в гости, вернутся поздно вечером, и мне нужно присматривать за ребенком. Вот я и рассказала вам все свои приключения, мистер Холмс. Я буду очень признательна, если вы сможете мне что-нибудь объяснить или, еще лучше, посоветовать, как мне быть дальше.

Мы с Холмсом слушали этот удивительный рассказ, как замороженные. Теперь же мой друг встал и принялся ходить взад и вперед по комнате, засунув руки в карманы. Лицо его было очень серьезным.

— Толлер все еще пьян? — спросил он.

— Да. Я слышала, как его жена жаловалась миссис Рукасл, что ничего не может с ним поделать.

— Это хорошо. А Рукаслы, значит, сегодня уезжают?

— Да.

— В доме есть подвал с надежным замком?

— Да, винный погреб.

— Мне кажется, вы вели себя как удивительно храбрая и здравомыслящая девушка, мисс Хантер. Хватит ли у вас мужества пройти еще через одно испытание? Я бы не стал просить вас об этом, если бы не был уверен, что вы действительно незаурядная женщина.

— Я попробую. Что мне нужно будет сделать?

— Сегодня в семь часов мы будем в «Медных буках», мой друг и я. К тому времени Рукаслы уже уедут, Толлер, я надеюсь, еще не проспится. Тревогу поднять сможет только миссис Толлер. Если бы вы смогли под каким-то предлогом заманить ее в погреб и запереть там, это значительно упростило бы нам задачу.

— Я сделаю это.

— Прекрасно! После этого мы приступим к делу. Нет сомнений, что всему этому есть только одно объяснение: вас сюда привезли с единственной целью — выдать за другую. Эта другая, безусловно, содержится в закрытой комнате. Что касается личности узницы, я уверен, что это дочь, если мне не изменяет память, мисс Элис Рукасл, которая якобы уехала в Америку. Несомненно, вас выбрали, потому что вы очень

напоминаете ее ростом, фигурой и цветом волос. Ее волосы были обрезаны, возможно, вследствие какой-то болезни, поэтому, естественно, то же самое пришлось сделать и вам. Косу ее вы нашли лишь благодаря случайности. Мужчина на дороге — очевидно, ее друг или жених. Наверняка наряжать вас в серо-голубое платье и веселить смешными рассказами понадобилось для того, чтобы он, приняв вас за нее, посчитал, что мисс Рукасл совершенно счастлива, а ваш жест должен был навести его на мысль, что в его обществе она более не нуждается. Пса по ночам спускают с цепи для того, чтобы предотвратить их личное общение. Во всем этом деле самое существенное — поведение ребенка.

— Да какое же отношение к этому может иметь ребенок? — воскликнул я.

— Дорогой Ватсон, вы как медик наверняка определяете склонность к болезням у ребенка на основании наблюдений за его родителями. Неужели вы не понимаете, что обратное сравнение так же эффективно? Лично я не раз получал первую достоверную информацию о родителях, наблюдая за ребенком. Поведение этого ребенка отличается крайней жестокостью, необоснованной, беспричинной жестокостью. От кого из родителей передалась ему эта черта — от улыбчивого отца, как я подозреваю, или от матери — мне неизвестно, но ничего, кроме зла, находящейся в их власти девушке это не сулит.

— Я уверена, что вы правы, мистер Холмс! — воскликнула наша клиентка. — Теперь мне вспоминаются тысячи мелочей, которые подтверждают вашу версию. О, давайте не будем терять ни секунды, нужно помочь этой несчастной!

— Спешка здесь неуместна, поскольку мы имеем дело с очень коварным противником. До семи часов нам остается только ждать. В семь мы с вами встретимся и вскоре разгадаем эту загадку.

Мы были точны. Ровно в семь, оставив свою двуколку у придорожного трактира, мы подошли к «Медным букам». Если бы мисс Хантер не встречала нас с улыбкой на пороге, мы бы все равно с легкостью определили нужный дом по группке деревьев с кронами, сияющими в лучах заходящего солнца, как полированный металл.

— Удалось? — с ходу спросил Холмс.

Откуда-то снизу послышались глухие удары.

— Это миссис Толлер в погребке, — ответила девушка. — Ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, они такие же, как у самого мистера Рукасла.

— Вы просто молодец! — прочувствованно воскликнул Холмс. —

Теперь ведите нас. Скоро мы разберемся в этом темном деле.

Мы поднялись по лестнице, открыли дверь, прошли по темному коридору и оказались у запертой комнаты, о которой рассказывала мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял железную поперечину. Потом по очереди перепробовал все ключи, но ни один из них к замку не подошел. За все это время из комнаты не донеслось ни звука. Прислушиваясь к тишине, Холмс все сильнее хмурился.

— Я надеюсь, что мы не опоздали, — сказал он. — Мисс Хантер, будет лучше, если мы войдем в комнату без вас. Ватсон, давайте вместе наляжем на дверь, посмотрим, удастся ли нам ее вышибить.

Дверь была старая, расшатанная, поэтому поддалась нашим объединенным усилиям сразу. Как только она с грохотом вылетела, мы с Холмсом ринулись внутрь. В комнате было пусто. Из мебели здесь была лишь убогая кровать, небольшой стол и корзина для белья. Потолочное окно было приоткрыто, узница исчезла.

— Здесь что-то произошло, — сказал Холмс. — Этот мерзавец догадался о намерениях мисс Хантер и увел свою жертву.

— Но как?

— Через потолочное окно. Сейчас узнаем, как он это проделал. — Он подпрыгнул, ухватился руками за край окна, легко подтянулся и выглянул на крышу. — Так и есть, — раздался его голос сверху. — К карнизу прислонена высокая приставная лестница. Вот как он смог это сделать.

— Но это невозможно, — сказала мисс Хантер, которая вошла в комнату. — Когда Рукаслы уехали, никакой лестницы там не было.

— Он для этого вернулся. Я же вам говорил, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если это его шаги я слышу на лестнице. Ватсон, я думаю, вам лучше приготовить револьвер.

Не успел он это произнести, как в двери возник человек, очень толстый и высокий. В руке он держал тяжелую палку. Мисс Хантер при его появлении вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс прыгнул вперед и встал между ними.

— Негодяй! — воскликнул он. — Где ваша дочь?

Толстяк обвел глазами комнату и остановил взгляд на открытом окне в потолке.

— Это вы скажите мне! — вскричал он. — Воры! Шпионы и воры! Но я вас поймал! Теперь вы у меня в руках. Ну, сейчас я вам покажу! — Он развернулся и, как мог быстро, выбежал из коридора, а потом на лестнице загромыхали его тяжелые шаги.

— Он пошел за собакой! — ужаснулась мисс Хантер.

— У меня есть револьвер, — успокоил я ее.

— Лучше все же закрыть парадную дверь! — сказал Холмс, и мы втроем бросились вниз по лестнице.

Но едва мы спустились в холл, как с улицы раздался собачий лай и вслед за ним — ужасный, полный отчаяния вопль, от которого у меня чуть не остановилось сердце. Откуда-то сбоку в холл, покачиваясь, шагнул немолодой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

— Господи! — воскликнул он. — Кто-то спустил собаку. Ее же не кормили два дня. Скорее! Скорее! Иначе будет слишком поздно.

Мы с Холмсом выскочили на улицу и побежали за угол дома, за спиной я слышал торопливые шаги Толлера. Нашим глазам предстала жуткая картина: Рукасл, хрипя и извиваясь, лежал на земле, а над ним, хищно вцепившись ему в глотку, стояло огромное чудище с черной мордой. Я подбежал к ним и выстрелил собаке в голову. Она повалилась на землю и замерла, но большие белые зубы продолжали сжимать окровавленные складки жира на шее жертвы. С большим трудом мы разжали собачьи челюсти и отнесли изувеченного, но живого толстяка в дом. Мы положили его на диван в гостиной. Отправив протрезвевшего Толлера сообщить новость хозяйке, я, чем мог, попытался облегчить боль Рукасла. Мы стояли над ним, когда дверь комнаты распахнулась и вошла высокая, сурового вида женщина.

— Миссис Толлер! — удивилась мисс Хантер.

— Да, мисс. Мистер Рукасл, когда вернулся, выпустил меня, перед тем как пошел наверх к вам. Ах, мисс, как плохо, что вы не сказали мне, что собираетесь делать, ведь я могла предупредить вас, что вы только зря потеряете время.

— Хм! — произнес Холмс, внимательно глядя на нее. — Похоже, миссис Толлер знает об этом деле больше, чем кто бы то ни было.

— Да, сэр, это верно. И я готова все рассказать.

— В таком случае прошу вас, садитесь и расскажите нам все. Некоторые подробности мне, признаться, до сих пор неясны.

— Сейчас, сейчас вы все узнаете, — сказала она. — Я бы и раньше все рассказала, если бы смогла выбраться из погреба. Если дело дойдет до суда, надеюсь, вы не забудете, что я помогала вам и для мисс Элис была другом.

С тех пор как ее отец снова женился, мисс Элис забыла, что такое счастье. С ней никто не считался, она не имела права ни во что вмешиваться. Но все стало еще хуже, после того как она у кого-то из друзей познакомилась с мистером Фаулером. Насколько мне известно, мисс Элис по наследству имела право распоряжаться частью семейного капитала, но

она была такая скромница, такая тихоня, что никогда об этом не говорила и все отдала в руки мистера Рукасла. Он не сомневался, что с ней ему бояться нечего, но, когда на горизонте возник жених, а в будущем, возможно, и муж, который потребует все, что будет принадлежать ему по закону, он понял, что этому нужно положить конец. Отец мисс Элис хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться всеми ее деньгами, независимо от того, выйдет она замуж или нет. Но она отказалась, и тогда он стал просто изводить ее. Довел бедняжку до того, что у нее случилось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Когда наконец ей сделалось лучше, она уже не была похожа на себя, превратилась в тень, ей пришлось обрезать свои чудесные волосы, но только для ее молодого человека это ничего не значило. Он не отвернулся от нее, повел себя, как и полагается настоящему мужчине.

— Все ясно, — сказал Холмс. — Думаю, ваш рассказ расставил все точки над «i». Остальное я могу домыслить и сам. После этого мистер Рукасл, очевидно, и заключил дочь в той комнате?

— Да, сэр.

— И привез мисс Хантер из Лондона, чтобы отделаться от мистера Фаулера, настойчиво добивавшегося встречи с мисс Элис.

— Так и было, сэр.

— Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и полагается моряку, взял дом в осаду и, поговорив с вами, сумел как-то (уж не знаю, замешаны ли тут деньги) убедить вас, что ваши интересы совпадают.

— Мистер Фаулер — очень щедрый и настойчивый джентльмен, — без тени смущения произнесла миссис Толлер.

— Таким образом, ему удалось устроить так, чтобы ваш супруг не знал недостатка в спиртном, и, когда вашим хозяевам пришлось уехать из дома, в нужном месте появилась приставная лестница.

— Совершенно верно, сэр.

— Что ж, мы должны перед вами извиниться, миссис Толлер, — сказал Холмс, — поскольку ваш рассказ действительно очень помог нам во всем разобраться. А вот, если не ошибаюсь, и миссис Рукасл с врачом. Ватсон, нам теперь, пожалуй, лучше вместе с мисс Хантер вернуться в Винчестер, поскольку наше *locus standi*^[7] представляется мне весьма сомнительным.

Вот так и была раскрыта загадка зловещего дома с рощицей медных букв перед фасадом. Мистер Рукасл выжил, но навсегда остался калекой, и на этом свете его держит исключительно забота преданной жены. Они до сих пор живут вместе со старыми слугами, которым, очевидно, известно столь много о прошлом Рукасла, что ему трудно с ними расстаться. Мистер

Фаулер и мисс Рукасл, заручившись специальной лицензией,^[8] поженились в Саутгемптоне на следующий день после бегства из «Медных буков». Сейчас мистер Фаулер работает правительственным чиновником на острове Маврикий. Что же до мисс Вайолет Хантер, то, к моему великому сожалению, мой друг Холмс утратил к ней интерес сразу после того, как она перестала являться главным действующим лицом одного из его расследований. Сейчас она возглавляет частную школу в Уолсоле и, думаю, весьма преуспела на этом поприще.

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН

Человек в проулке

Гилберт Кит Честертон, эссеист, писатель и создатель отца Брауна, родился 29 мая 1874 года в Лондоне. В школе Святого Павла и Лондонском университетском колледже он не проявил литературной одаренности, хотя стал неплохим графиком и позже сам и со своими друзьями Эдмундом Бентли и Хилэром Беллоком иллюстрировал книги. Честертон был известным журналистом, искусным спорщиком и оратором, и даже его оппоненты отдавали должное его уму, гуманности и доброте, его свободолюбию и чувству парадокса.

~ ~ ~

Двое мужчин одновременно вошли с двух сторон в маленький проулок, отделяющий театр «Аполло» в Адельфи^[9] от соседнего здания. Вечернее солнце наполняло улицы светом щедрым и ясным, молочным и пустым, но в сравнительно узком и длинном проулке было темно, из-за чего каждый из двоих видел напротив себя всего лишь темный силуэт. И все же мужчины даже в этих чернильных контурах узнали друг друга, ибо наружность у обоих была приметная, и встрече этой они не были рады.

Крытый проулок одним концом выходил на бульвар, который шел вдоль реки, отражающей все краски заката, а другим — на одну из крутых улочек Адельфи. Одна из сторон проулка представляла собой глухую стену, за ней находился старый, ныне закрытый ресторан театра, во второй имелись две двери, по одной у каждого края. Ни первая, ни вторая дверь не являлась обычным «служебным входом», это были специальные двери для частных лиц, предназначенные для особых гостей и заезжих знаменитостей, и сейчас ими пользовались актер и актриса, исполнявшие главные роли в шекспировской постановке. Исполнители такого уровня часто предпочитают иметь личные входы и выходы в театр, которые позволяют спокойно встретиться с друзьями или, наоборот, избежать встречи с ними.

Мужчины, появившиеся в переулке, несомненно, и были такими

друзьями, которые знали о существовании этих дверей и оказались рядом с ними неслучайно, поскольку оба вошли в проулок одинаково спокойно и уверенно. Впрочем, не с одинаковой скоростью, что позволило им подойти к одной из тайных дверей одновременно, поскольку тот мужчина, который появился у дальнего конца, шел значительно быстрее. Мужчины со сдержанной любезностью приветствовали друг друга, и после возникшей неловкой паузы один из них, тот, который шел быстрее (похоже, он вообще был нетерпеливее), постучал.

В этом и во всем остальном эти двое были истинной противоположностью друг друга, но ни один из них ни в чем не уступал другому. Если говорить об их личных качествах, они оба были достаточно хороши собой, умны и пользовались определенной известностью. Оба занимали достаточно высокое общественное положение. Но все в них, от славы до приятной внешности, имело особенную и совершенно противоположную природу. Сэр Уилсон Сеймур был человеком, важность которого не вызывала ни малейшего сомнения у каждого, кто знал о его существовании. Чем больше вы вникали во внутреннюю жизнь государственного или церковного устройства, тем чаще вы сталкивались с сэром Уилсоном Сеймуром. Он был единственным здравомыслящим человеком на двадцать бестолковых комиссий, которые решали самые разнообразные вопросы, от преобразования Королевской академии искусств до разработки проекта биметаллизма в рамках всей империи. Особенно сильно его могущество ощущалось во всем, что касалось искусства. Он был настолько неповторимой личностью, что никто не мог с уверенностью сказать, кем он был в действительности: знатным аристократом, знатоком искусства или же великим художником, вхожим в аристократические круги. Как бы то ни было, достаточно было и пяти минут разговора с ним, чтобы почувствовать себя так, словно вся ваша жизнь проходила под руководством этого человека.

Необычность его внешности имела тот же характер. Выглядел он как-то даже заурядно, но в то же время был неповторим. К примеру, даже самые вьедливые знатоки моды не смогли бы придраться к его шелковому цилиндру... И все же цилиндр его не был похож на все остальные цилиндры: возможно, он был чуточку выше принятого, что прибавляло росту и без того высокому сэру Уилсону Сеймуру. Сам сэр Уилсон был долговяз, худощав и немного сутулился, но отнюдь не казался слабосильным. В волосах его заметно просвечивала седина, но и за старика его никто бы не принял. Прическу он носил удлиненную, но женоподобным не выглядел. Кудри его слегка вились, но не производили

впечатление завитых. Аккуратная острая бородка придавала ему вид мужественный и воинственный, а не наоборот, как у тех старых адмиралов на мрачных портретах Веласкеса, которыми были увешаны стены его дома. Перчатки у него были не просто серые, а с голубинкой, а трость с серебряным набалдашником была на какую-то толику длиннее обычного, что и отличало их от многих сотен подобных им перчаток и тростей, которыми джентльмены похлопывали об руку и помахивали в театрах и ресторанах.

Второй мужчина не был так высок (хотя и низким его никто не назвал бы), но явно не менее силен и импозантен. Волосы у него тоже вились, но подстрижены были коротко и плотно облегли крупную, мощную голову, голову, которой можно вышибить любую дверь, как Чосер выразился о своем мельнике.^[10] Офицерские усы и выправка выдавали в нем военного, хотя такой открытый взгляд и честные пронзительные голубые глаза, как у него, чаще встречаются у моряков. У него было почти квадратное лицо, квадратный подбородок, квадратные плечи, и даже пиджак его казался квадратным. Мистер Макс Бирбом^[11] в своей сумасбродной манере, популярной тогда среди карикатуристов, даже изобразил его в виде некой геометрической фигуры из четвертой книги Евклида.

И он тоже был, что называется, человеком света, хотя и пользовался славой совершенно иного рода. Вам необязательно было входить в высшее общество, чтобы слышать о капитане Катлере, прославившемся во время осады Гонконга и Великого китайского похода. Его имя преследовало вас, где бы вы ни находились. Его портреты красовались на каждой второй почтовой открытке, в каждой второй иллюстрированной газете можно было найти карты и схемы его сражений. В его честь слагались песни, которые пелись в мюзик-холлах и игрались на шарманках. Слава его, возможно, и не такая прочная, как у сэра Уилсона Сеймура, тем не менее, была вдесятеро шире, громче и легендарнее. Во множестве английских домов его считали человеком, возвысившимся над Англией на недостижимую высоту, как Нельсон.^[12] В то же время, власть, которой он обладал в Англии, была несравненно ниже той, которой был наделен сэр Уилсон.

Дверь им открыл престарелый слуга, или, как его называли, костюмер. Его поникшее лицо, изможденная фигура, черные поношенные сюртук и брюки странно не соответствовали блестящему интерьеру гримерной великой актрисы, при которой он состоял. Просматривавшаяся за ним комната была наполнена зеркалами, повернутыми под всеми возможными углами, из-за чего все помещение казалось бесчисленными гранями одного

гигантского алмаза... видимого изнутри, если можно попасть внутрь алмаза. Другие предметы роскоши — несколько пышных букетов, несколько ярких подушек, несколько пестрых сценических костюмов — множилось бесчисленными зеркалами до безумия арабской сказки, все это плясало и перемещалось, когда невзрачный костюмер выдвигал одно из зеркал вперед или, наоборот, отодвигал к стене.

Оба мужчины заговорили с убогим служащим как со старым знакомым, оба назвали его Паркинсоном, и оба осведомились о леди, назвав ее мисс Аврора Рим. Паркинсон сказал, что она-де сейчас в другой комнате и что он сию минутуходит и доложит ей. Тень мелькнула на лицах обоих посетителей, ибо другая комната представляла собой личную примерную великого актера, с которым мисс Аврора выступала на одной сцене, а она была из тех женщин, восхищение которыми неизменно сопровождается крупницей ревности. Однако примерно через полторы минуты дверь комнаты распахнулась и вошла сама мисс Аврора. Появилась она так, как появлялась всегда, даже в частной жизни, когда сама тишина казалась взрывом восторженных аплодисментов, причем совершенно заслуженных. Звезда была в несколько странном переливающимся наряде из зеленого и синего атласа, сверкавшем тем сине-зеленым металлическим блеском, который так пленяет детей и эстетов. Тяжелые ярко-каштановые кудри обрамляли одно из тех волшебных лиц, которые опасны для всех мужчин, но в особенности для совсем юных и уже стареющих. В паре с американским коллегой, великим Исидором Бруно, она создала необычайно поэтическую и феерическую постановку «Сна в летнюю ночь», в которой главное артистическое внимание было отдано Оберону и Титании, другими словами, Бруно и ей самой. Среди причудливых, утонченных декораций зеленый, напоминающий глянцевого надкрылья жука костюм актрисы, кружащей по сцене в мистическом танце, призван был выразить всю неуловимую индивидуальность царицы эльфов. Однако во время личной встречи при ярком свете дня глаза любого мужчины неизменно устремлялись на лицо актрисы.

Мисс Рим приветствовала обоих гостей той же лучезарной и загадочной улыбкой, которой удерживала столько мужчин на одном и том же безопасном расстоянии от себя. Она приняла от Катлера букет из цветов таких же тропических и дорогих, как и его военные победы, и еще один подарок, иного сорта, от сэра Уилсона Сеймура, который сей джентльмен чуть позже преподнес ей с несколько более невозмутимым видом. Дело в том, что показывать волнение противоречило его воспитанию, а делать столь банальный подарок, как цветы, претило его вошедшей в привычку

страсти ко всему непривычному. Ему попалась, как он выразился, одна безделица, впрочем, довольно любопытная — древнегреческий кинжал эпохи расцвета микенской культуры, которым вполне могли пользоваться во времена Тезея и Ипполиты. Изготовлен он, как и всякое героическое оружие, из меди, но, что удивительно, был все еще достаточно остр, чтобы им можно было зарезать человека. Сеймура в нем привлекла в первую очередь необычная листовидная форма, и вещь эта была идеальна, как античная ваза. Если мисс Рим находит эту вещицу интересной или ее можно использовать где-нибудь в пьесе, он надеется, что она согласится...

Тут дверь соседней гримерной распахнулась, и в комнату шагнула исполинская фигура, которая являла собой даже большую противоположность увлекшемуся объяснениями Сеймуру, чем капитан Катлер. Почти шести с половиной футов ростом, наделенный, даже можно сказать, излишне развитой для театрального актера мускулатурой, Исидор Бруно в восхитительной леопардовой шкуре и золотом одеянии Оберона был подобен античному богу. Он опирался на нечто вроде охотничьего копья, которое со сцены казалось легким серебристым жезлом, но в небольшой, достаточно людной комнате было неотлично от настоящей пики и выглядело столь же угрожающе. Его жгучие черные глаза демонически сверкнули, что-то неуловимое в прекрасном бронзовом лице — возможно, выступающие скулы и крупные белоснежные зубы — в ту секунду заставило вспомнить о высказывавшихся в Америке предположениях, будто родом великий актер с южных плантаций.

— Аврора, — начал он тем глубоким, проникнутым чувственностью голосом, который завоевал столько аудиторий, — не могли бы вы...

Однако он в нерешительности замолчал, потому что в двери неожиданно появился шестой человек... человек, вид которого до того не соответствовал обстановке, что мог показаться смешным. Это был очень невысокий мужчина в черной рясе католического священника, сильно смахивающий (особенно рядом с такими колоритными фигурами, как Бруно и Аврора) на вырезанного из дерева Ноя с игрушечного ковчега. Впрочем, сам он никакого несоответствия, похоже, не заметил и с привычной сдержанной учтивостью произнес:

— Кажется, мисс Рим хотела меня видеть.

От пронизательного наблюдателя не укрылось бы, что в этот миг столь бесстрастное вмешательство довольно сильно повысило эмоциональное напряжение в маленькой комнате. Появление человека, связанного обетом безбрачия, похоже, открыло глаза присутствующим мужчинам на то, что они обступили женщину, как влюбленные соперники (так появление в

комнате незнакомца в заиндевелем пальто дает понять, что в доме жарко, как в печке). Саму мисс Рим присутствие человека, которому она была безразлична, заставило только сильнее почувствовать, что остальные мужчины в нее влюблены и каждый по-своему опасен: любовь актера была ненасытной страстью дикаря или испорченного ребенка; солдат любил ее со всем эгоизмом, присущим человеку стальной воли, но не крепкого ума; а сэр Уилсон сосредотачивался на своем чувстве день ото дня все сильнее и сильнее, как престарелый гедонист, посвятивший себя одному увлечению. Да что там, даже этот презренный Паркинсон, который знал свою хозяйку еще до ее триумфов, и тот не отрывал от нее восхищенных глаз и всюду следовал за ней по пятам с бессловесной преданностью пса.

Действительно пронизательный человек заметил бы и кое-что еще более странное. И похожий на деревянного Ноя священник (который не был полностью лишен определенной пронизательности) обратил на это внимание, сумев, правда, ничем не выдать охватившего его удивления. От него не укрылось, что великая Аврора, ни в коей мере не безразличная к восхищению со стороны противоположного пола, в ту секунду захотела избавиться от всех обожавших ее мужчин и остаться один на один с тем единственным, который не восхищался ею... По крайней мере, в том самом смысле, ибо маленького священника в действительности привело в восторг то, как по-женски мягко и в то же время решительно она справилась с этой задачей. Аврора Рим лишь в одном действительно разбиралась досконально, а именно — в другой половине рода человеческого. Маленький священник, словно на глазах его разворачивалась одна из наполеоновских кампаний, наблюдал за тем, с каким мастерством ей удалось удалить из комнаты поклонников и в то же время сделать это так, чтобы ни у кого не возникло чувства, что его отвергают. Бруно, великий актер, в душе был истинным ребенком, поэтому его было достаточно просто чем-то задеть, и он сам, разобидевшись, ушел, громко хлопнув дверью. Катлер, британский офицер, был слишком толстокож, но педантичен в отношении манер. Делать ему намеки было бессмысленно, но он бы скорее умер, чем пренебрег прямой просьбой дамы. Что же касается старого Сеймура, к нему нужен был особый подход. Его следовало отослать последним. Был только один способ отделаться от него — обратиться к нему как к старому другу, доверительно, то есть посвятить в суть дела. И священник в самом деле был восхищен тем, как легко и быстро мисс Рим удалось решить эти три задачи.

Повернувшись к капитану Катлеру, она с милой улыбкой произнесла:

— Я очень ценю ваш подарок — это ведь ваши любимые цветы. Но

букет будет не полным, пока в нем нет моих любимых цветов. Знаете, здесь за углом есть цветочный магазин, прошу вас, сходите и купите ландышей. С ними букет будет просто изумителен.

Благодаря этому тактическому ходу тут же была достигнута первая цель: удаление со сцены взбешенного Бруно. Он как раз царственным жестом, точно скипетр, вручил свое копье жалкому Паркинсону и собирался воссесть, словно на трон, на одно из обложенных подушками кресел, когда этот открытый знак внимания, обращенный к сопернику, пробудил в нем вовсе не царскую обидчивость. Опаловые глаза его тут же вспыхнули, огромные смуглые кулаки на миг сжались, и в следующую секунду он, едва не выбив дверь, скрылся в своей гримерной. Тем временем попытка мисс Рим привести в действие английскую армию оказалась не такой успешной, как можно было ожидать. Катлер действительно вскочил и, словно получив приказ, безропотно направился к двери, даже позабыв надеть цилиндр. Но, возможно, некоторая нарочитая непринужденность в позе Сеймура, стоявшего у одного из зеркал, заставила его насторожиться. У самого выхода он остановился и покрутил головой, как сбитый с толку бульдог.

— Нужно объяснить этому болвану, куда идти, — шепнула Аврора Сеймуру и выбежала на порог, чтобы побыстрее спровадить гостя.

Сеймур, продолжая стоять в элегантной свободной позе, внимательно прислушался к тому, что происходит на улице, и, похоже, обрадовался, когда леди, выкрикнув последние указания капитану, засмеялась, повернулась и убежала в противоположную сторону проулка, в ту сторону, которая выходила на бульвар, идущий вдоль Темзы. Однако через пару секунд лик Сеймура снова омрачился: у мужчины в его положении так много соперников! К тому же с той стороны проулка находилась дверь в соседнюю гримерную Бруно. Не теряя чувства собственного достоинства, он вежливо перебросился с отцом Брауном парой слов о Вестминстерском соборе^[13] и возрождении византийской архитектуры, после чего и сам вышел за дверь и повернул в сторону дальнего конца проулка. Отец Браун и Паркинсон остались одни. Оба не имели склонности к пустым разговорам. Костюмер прошелся по гримерной, выдвинул из стены пару зеркал, задвинул обратно. Его жалкие темные сюртук и брюки производили еще более убогое впечатление из-за того, что в руке он держал сверкающее волшебное копье Оберона — царя эльфов. Каждый раз, когда он брался за раму и выдвигал из стены очередное зеркало, в гримерной появлялась новая облаченная в черное фигура отца Брауна. Зеркальная комната наполнилась отцами Браунами, которые парили в воздухе, словно ангелы,

правда, вверх ногами; исполняли головоломные кульбиты, как цирковые акробаты; или стояли, повернувшись ко всем спиной, как отъявленные невежи.

Сам отец Браун, похоже, не замечал всей этой армии своих двойников, он лениво наблюдал за передвижениями Паркинсона, пока тот вместе с несурзным копьем не удалился в комнату Бруно. Оставшись один, священник предался одному из тех совершенно бессмысленных занятий, которые неизменно доставляли ему скрытое удовольствие, — стал подсчитывать углы наклонов зеркал, углы каждого из отражений, угол, под которым зеркала уходят в стену... Но вдруг он совершенно четко услышал громкий, внезапно оборвавшийся, словно подавленный, крик.

Священник вскочил и настороженно прислушался, и в тот же миг в комнату снова ворвался сэр Уилсон Сеймур, белый, как стена.

— Что это за человек в проулке? — крикнул он. — Где мой кинжал?

Отец Браун и слова не успел вымолвить, а Сеймур уже принялся обыскивать комнату в поисках кинжала. Но прежде чем он успел найти это или какое-либо другое оружие, с улицы донесся частый топот и в дверь просунулось квадратное лицо Катлера. В руке он сжимал пучок ландышей, выглядевших совершенно нелепо.

— Это что такое? — загремел он. — Что это за образина там в проулке? Это ваши фокусы?

— Мои фокусы? — зашипел его соперник и, бледнея еще сильнее, шагнул к нему.

Все это заняло не больше нескольких секунд, но отцу Брауну хватило этого времени, чтобы выбежать из гримерной на улицу, бросить взгляд вдоль улочки и быстрым шагом направиться к тому, что он увидел.

Остальные двое тотчас прекратили ссору и устремились за ним следом.

— Вы что делаете? — крикнул Катлер на ходу. — Вы кто такой?

— Моя фамилия Браун, — с грустью в голосе произнес священник после того, как склонился над чем-то лежащим на земле и снова выпрямился. — Мисс Рим просила меня прийти, и я пришел, как только смог. Но, как оказалось, слишком поздно.

Трое мужчин посмотрели вниз, и в тот миг по крайней мере для одного из них жизнь кончилась. Вечерний свет золотой дорожкой струился по узкому проулку, и посреди этой дорожки в сверкающем синевой и зеленью сценическом наряде, устремив мертвое лицо к небу, лежала бездыханная Аврора Рим. Платье ее было порвано, как будто в борьбе, правое плечо обнажилось, но рана, из которой струилась кровь, находилась с другой

стороны. Медный кинжал лежал, поблескивая, на мостовой примерно в ярде от тела.

Какое-то время мужчины стояли молча. Откуда-то со стороны Чаринг-Кросс донесся далекий смех цветочницы, на одной из улиц рядом со Страндом кто-то громко засвистел, призывая такси. И тут капитан движением столь молниеносным, что оно могло означать либо истинную страсть, либо искусное притворство, схватил сэра Уилсона Сеймура за горло.

Сеймур спокойно повернул к нему лицо, и в глазах его не было ни гнева, ни страха.

— Вам нет нужды меня убивать, — ледяным голосом произнес он. — Я сделаю это сам.

Рука капитана дрогнула и опустилась. Второй мужчина добавил с прежней искренней уверенностью:

— Если мне не хватит мужества заколоться кинжалом, за месяц я прикончу себя выпивкой.

— Ну нет, — сказал на это Катлер, — я выпивкой не обойдусь. За это должна пролиться чья-то кровь... Не ваша... Но, похоже, я знаю чья.

И прежде, чем остальные смогли понять его намерения, он схватил с земли кинжал, подскочил к другой двери в нижнем конце проулка, вышиб ее одним ударом и набросился на Бруно. В эту минуту из гримерной своей шаркающей походкой вышел старый Паркинсон. Увидев лежащий в проулке труп, он, покачиваясь, подошел к нему и остановился. Пока старик смотрел на тело, лицо его подергивалось. Потом он вернулся в гримерную и неожиданно сел на одно из кресел. Отец Браун тут же бросился к нему, не обращая внимания на Катлера и громадного актера, которые уже схватились не на шутку, вырывая друг у друга кинжал, и комната гудела от звуков их борьбы. Сеймур, который все еще сохранил здравый рассудок, выбежал из переулка и стал свистеть, призывая полицию.

Когда полицейские прибыли, первым делом они с трудом разняли дерущихся, которые вцепились друг в друга, точно обезьяны. Потом, задав пару формальных вопросов, арестовали Бруно, открыто обвиненного взбешенным противником в убийстве. Полицейские, не лишённые журналистского чутья, несомненно, оценили тот факт, что герой нации, человек, имя которого известно в каждом доме, собственными руками задержал преступника. К Катлеру они отнеслись с глубочайшим почтением, выслушали его внимательно и указали капитану на небольшой порез у него на руке. Похоже, когда в пылу борьбы Катлер через опрокинутые стул и стол тащил к себе Бруно, тот вывернул у него из руки

кинжал и полоснул по запястью. Рана была несерьезной, но, пока его не увели, полудикарь не сводил глаз с окровавленной руки и с лица его не сходила усмешка.

— Форменный каннибал! — сопровождая его взглядом, шепнул констебль Катлеру.

На это замечание Катлер ничего не сказал, но через пару секунд произнес:

— Нужно позаботиться о... о трупе... — И голос его осекся.

— О двух трупах, — послышался из дальнего угла комнаты голос священника. — Когда я к нему подошел, этот несчастный был уже мертв.

Священник смотрел на Паркинсона, который бесформенной черной грудой полулежал на роскошном кресле. Старик отдал не менее красноречивую дань погибшей женщине.

Наступившую тишину нарушил Катлер, которого, похоже, тронула печальная судьба преданного слуги.

— И я бы хотел так, как он... — хриплым голосом промолвил он. — Помню, как он смотрел на нее, глаз буквально не сводил... Она была для него как воздух. Ее не стало, и он просто задохнулся. Умер.

— Мы все умерли, — непонятным голосом произнес Сеймур, глядя на дорогу.

С отцом Брауном они попрощались на углу, извинившись, если где-то позволили себе грубость. Лица у обоих были не только трагические, но и загадочные.

Разум маленького священника был похож на кроличий садок, по которому дикие мысли носились так быстро, что он не успевал их ухватить. Вот и сейчас, словно белый кроличий хвостик, у него в голове промелькнула мысль, что в скорби этих двух мужчин он не сомневался, но вот насчет их невиновности еще надо подумать.

— Лучше нам всем уйти, — сдавленно сказал Сеймур. — Мы уже ничем не поможем... Мы сделали все, что в наших силах.

— Поймете ли вы меня правильно, — негромко спросил отец Браун, — если я скажу, что вы сделали все, что в ваших силах, чтобы навредить?

Оба мужчины вздрогнули, как будто были в чем-то виноваты, и Катлер, повернувшись к нему, голосом, в котором зазвучали железные нотки, произнес:

— Навредить кому?

— Себе, — ответил священник. — Я бы не стал тревожить вас, если бы не считал, что обязан вас предупредить. Вы сделали почти все, что было

в ваших силах, чтобы отправить себя на виселицу. Конечно, если этого актера оправдают. Меня наверняка вызовут в суд как свидетеля, и мне придется рассказать, что после того, как раздался крик, вы оба в огромном волнении вбежали в комнату и начали ссориться из-за кинжала. Если основываться на моих показаниях, убийцей может быть один из вас. Вот почему я и говорю, что вы навредили сами себе. К тому же капитан Катлер порезал себе руку кинжалом.

— Порезал себе руку? — насмешливо воскликнул капитан. — Да это же простая царапина!

— Вот-вот, всего лишь царапина, — согласно кивнул священник и добавил: — Тем не менее кровь из нее пошла и осталась на кинжале. Теперь мы не можем узнать, была ли она там до этого.

Какое-то время все молчали. Потом заговорил Сеймур, и голос его зазвучал так взволнованно, как никогда раньше:

— Но в проулке я видел человека.

— Я знаю, — с непроницаемым лицом ответил клирик. — Капитан Катлер тоже видел там человека, это и кажется неправдоподобным.

И прежде чем они поняли смысл этих слов и смогли что-то ответить, отец Браун вежливо попрощался и ушел, неся под мышкой свой старенький потрепанный зонтик.

В наше время самые правдивые и важные новости в газеты поступают от полиции. Если в двадцатом веке в прессе больше места отводится убийствам, чем политике, то происходит это потому, что убийство — дело намного более серьезное. Но даже это вряд ли объясняет ту невообразимую шумиху, которую лондонские и провинциальные газеты подняли вокруг «дела Бруно», или, как его еще называли, «тайны переулка». Этот случай вызвал такое волнение в обществе, что несколько недель пресса действительно снабжала своих читателей правдивыми сведениями, поскольку протоколы допросов и свидетельских показаний — чтение хоть и довольно утомительное, можно даже сказать, невыносимое, тем не менее, это достаточно надежный источник информации. Истинной причиной подобного интереса, безусловно, оказались громкие имена, связанные с этим происшествием. Жертвой была знаменитая актриса, подозреваемым — знаменитый актер, к тому же подозреваемого прямо на месте преступления задержал не кто-нибудь, а прославленный военный герой, гордость нации, о котором газеты трубили весь прошлый сезон. При таких исключительных обстоятельствах прессе поневоле пришлось придерживаться истины и соблюдать предельную точность, так что обо всем, что случилось потом, вполне можно судить по опубликованным

отчетам о слушаниях дела Бруно.

На суде председательствовал мистер Монкхаус, один из тех судей, которых злые языки называют «весельчаками», но кто в действительности намного серьезнее «серьезных» судей, поскольку несерьезность их проистекает из неприятия профессиональной судейской чванливости, в то время как причиной веселости судьи серьезного может быть только его тщеславие. Поскольку все главные персонажи дела были людьми известными, барристеров^[14] для обеих сторон подбирали с особой тщательностью. Государственным обвинителем выступил сэр Уолтер Каудрей, строгий, но уважаемый адвокат, из тех, кто знает, как нужно себя вести, чтобы выглядеть настоящим англичанином и производить впечатление человека, заслуживающего доверия, и умеет говорить красиво и убедительно, но без лишней витиеватости. Интересы обвиняемого представлял мистер Патрик Батлер, королевский адвокат, которого те, кто не понимает, что такое ирландский характер... и те, кого он ни разу не допрашивал, посчитали бы обычным *flaneur*.^[15] Медицинское освидетельствование тела разногласий не вызвало. Выводы врача, которого Сеймур прислал в тот день на место происшествия, полностью совпали с заключением видного хирурга, который впоследствии осматривал убитую. Аврора Рим погибла от проникающего ранения, нанесенного острым предметом, которым мог быть нож, кинжал или любое другое орудие с коротким клинком. Рана была нанесена прямо в сердце, и жертва умерла мгновенно. Когда прибывший на место врач осмотрел ее в первый раз, она была мертва не больше двадцати минут. Следовательно, убита она была не более чем за три минуты до того, как ее увидел отец Браун.

Далее последовало оглашение выводов предварительного следствия, главным образом касавшихся наличия или отсутствия следов борьбы. Единственным, что указывало на борьбу, было разорванное на плече платье, что, впрочем, не соответствовало ни направлению, ни характеру удара. Когда были предоставлены (но не объяснены) эти подробности, вызвали первого из главных свидетелей.

Сэр Уилсон Сеймур дал показания так же, как делал все и всегда, — не просто хорошо, а превосходно. Хоть сам он и был человеком куда более известным, чем судья, перед лицом высокого суда он держался скромно, что называется, в тени, и, несмотря на то что все присутствующие смотрели на него словно на премьер-министра или архиепископа Кентерберийского, вел он себя как обычный джентльмен, с ударением на существительном. Кроме того, показания его отличались ясностью и

прямотой, как и его обычные речи на разного рода заседаниях, где ему приходилось выступать по роду деятельности. В театр он пришел, чтобы повидаться с мисс Авророй Рим; там встретил капитана Катлера; на короткое время к ним присоединился обвиняемый, который затем вернулся в собственную примерную; кроме того, там же к ним присоединился католический священник, он тоже хотел видеть покойную и назвал свою фамилию — Браун. Затем мисс Рим вышла на улицу, в проулок, чтобы показать капитану Катлеру дорогу к цветочному магазину, где тот должен был купить для нее еще цветов, сам же свидетель в это время оставался в примерной, где недолго разговаривал со священником. Он совершенно отчетливо видел и слышал, как покойная давала указания капитану, после чего повернулась и со смехом побежала в противоположную сторону, в тот конец проулка, где расположена дверь в примерную подсудимого. Просто из любопытства, заинтересовавшись, чем могла быть вызвана веселость его знакомой, он тоже вышел в проулок и посмотрел в сторону двери обвиняемого. Увидел ли он там что-нибудь? Да, увидел.

Сэр Уолтер Каудрей позволил свидетелю на какое-то время прерваться. Сеймур опустил глаза и, хоть обычного самообладания не потерял, сделался бледен. Затем барристер негромко произнес голосом сочувствующим и одновременно зловецим:

— Вы отчетливо это увидели?

Сэр Уилсон Сеймур, как бы взволнован он ни был, не позволил охватившим его чувствам сказаться на работе своего отменного мозга.

— Я очень отчетливо увидел контур, но почти не разобрал, что было внутри этого контура. Тот переход настолько длинный, что любой человек, находящийся в его середине, кажется черным силуэтом на фоне света в противоположном конце. — Свидетель снова опустил глаза и добавил: — Я обратил на это внимание еще раньше, когда увидел там капитана Катлера.

Снова наступила тишина. Судья немного подался вперед и что-то записал в своих бумагах.

— Итак, — терпеливо произнес сэр Уолтер, — как же выглядел этот силуэт? Не напоминал ли он, к примеру, фигуру убитой?

— никоим образом, — спокойно возразил Сеймур.

— На что он вам показался похож?

— Мне показалось, — ответил свидетель, что это был высокий мужчина.

Все, кто присутствовал в зале суда, смотрели в этот миг кто на свой зонтик, кто на ручку, кто в блокнот, кто просто под ноги, в общем, кто куда. Какая-то невидимая сила будто не давала их глазам повернуться в сторону

обвиняемого, однако все они чувствовали его присутствие на скамье подсудимых и представляли его великаном. Если при взгляде на него он поражал своим огромным ростом, то теперь, когда взоры отвернулись от него, он словно начал расти все выше и выше.

Каудрей вернулся на свое место, разгладил черную шелковую мантию и белоснежные шелковые бакенбарды. Сэр Уилсон, снабдив суд еще некоторыми подробностями, которые могли подтвердить и другие свидетели, уже собирался покинуть свидетельскую трибуну, но его остановил адвокат защиты, неожиданно поднявшийся со своего места.

— Я задержу вас ненадолго, — произнес мистер Батлер, рыжеволосый и рыжебровый господин с полусонным выражением лица. — Объясните, пожалуйста, его светлости,^[16] как вы определили, что там, в проулке, был именно мужчина?

Легкая улыбка скользнула по лицу Сеймура.

— Боюсь, что об этом мне сказала такая простая вещь, как наличие брюк, — сказал он. — Когда я увидел между длинных ног солнечный свет, у меня не осталось сомнений, что это мужчина.

Прикрытые веками глаза Батлера неожиданно распахнулись и сверкнули, как два беззвучных взрыва.

— Не осталось сомнений! — медленно повторил он. — То есть сначала вам показалось, что это была женщина?

Впервые на лице Сеймура отразилось некое подобие замешательства.

— Вряд ли это имеет отношение к делу, но, если его светлости угодно узнать, что мне тогда показалось, конечно, я отвечу. Да, в той фигуре было и что-то женское, и что-то мужское. Очертания были скорее женскими. А еще я заметил что-то похожее на длинные волосы.

— Благодарю вас, — сказал мистер Батлер, королевский адвокат, и неожиданно сел с таким видом, будто услышал то, что хотел.

Капитан Катлер держался далеко не столь сдержанно и уверенно, как сэр Уилсон, но его рассказ о случившемся почти совпадал с показаниями первого свидетеля. Он поведал суду о том, как Бруно вернулся в свою примерную, о том, как сам он был отправлен за ландышами, как вернулся в проулок и что там увидел. Рассказал он и о своих подозрениях относительно Сеймура, и о драке с Бруно. Вот только насчет той черной фигуры, которую видели они с Сеймуром, он ничего добавить не смог. Когда его попросили описать ее, капитан сказал, что он-де не искусствовед, и все присутствующие в зале поняли, что острота эта адресована Сеймуру. Когда его спросили, кто это был, мужчина или женщина, он ответил, что существо это было больше похоже на животное, и в ответе его нельзя было

не слышать злости, обращенной на обвиняемого. Впрочем, свидетель был охвачен таким глубоким горем и непритворным гневом, что Каудрей не стал его расспрашивать об и без того очевидных фактах и вскоре отпустил.

Адвокат защиты и на этот раз был краток, хотя, по своему обыкновению, говорил медленно, с развалницей.

— Вы употребили довольно необычное выражение, — произнес он, сонно поглядывая на Катлера. — Что вы имели в виду, когда сказали, что это существо было больше похоже на животное, чем на мужчину или женщину?

Катлер, похоже, пришел в сильное волнение.

— Может, мне и не стоило так выражаться, — жаром заговорил он, — но, когда у человека плечи огромные, как у гориллы, а на голове торчит щетина, как у свиньи...

Мистер Батлер оборвал его нетерпеливую тираду на середине.

— А если не сравнивать волосы со свиной щетиной, — сказал он, — вам не показалось, что они были похожи на женские волосы?

— На женские? — удивился солдат. — Господи, конечно нет!

— Предыдущий свидетель сказал, что были, — напрямую заявил защитник. — А замеченная вами фигура имела те мягкие, похожие на женские, очертания, о которых здесь так красноречиво упоминалось ранее? Нет? Ничего женственного? То есть та фигура, если я вас правильно понимаю, была скорее тяжелой и угловатой, чем женственной?

— Он мог немного наклониться вперед, — сиплым от волнения голосом неуверенно проговорил Катлер.

— Может быть. А может, и нет, — произнес мистер Батлер и во второй раз сел совершенно неожиданно.

Третьим свидетелем, которого вызвал сэр Уолтер Каудрей, был маленький католический священник. По сравнению с остальными он был настолько невысок, что голова его едва виднелась над свидетельской трибуной. От этого даже складывалось такое впечатление, что допрашивают ребенка. Но, к сожалению, сэр Уолтер каким-то образом решил (в основном из-за определенных религиозных воззрений, бытовавших в его семье), что отец Браун принял сторону подсудимого, из-за того что тот был грешен, в здешних краях считался чужаком и даже имел примесь негритянской крови. Поэтому всякий раз, когда правдолюбивый священнослужитель пытался что-то объяснить, он резко обрывал его, требовал отвечать «да» или «нет» и излагать только факты, без всякого там иезуитства. Когда отец Браун по простоте душевной начал рассказывать, кого, по его мнению, видели в проулке, барристер заявил, что его теории

ему неинтересны.

— Предыдущие свидетели утверждают, что видели в проулке черный силуэт. Вы заявляете, что тоже видели там некий черный силуэт. Опишите его.

Отец Браун часто заморгал, как будто получил выговор, но истинное значение слова «смирение» было ему известно как никому другому.

— Силуэт, — послушно начал он, — был невысоким и широким, но имел два острых черных выступа, загнутых кверху с обеих сторон головы или головного убора, похожих на рога, и...

— О, ну конечно же, рогатый дьявол! — воскликнул Каудрей, торжествующе ухмыльнулся и сел. — Дьявол явился, чтобы сожрать всех протестантов, — язвительным голосом добавил он.

— Нет, — бесстрастным голосом возразил священник. — Но я знаю, кто это был.

Всех присутствующих в зале охватило необъяснимое, но явственное ощущение чего-то жуткого. Они уже не думали о сидящем на скамье подсудимых. Помыслы всех были устремлены к той черной фигуре в проулке. И фигура эта, описанная тремя разумными, уважаемыми людьми, которые видели ее воочию, с каждой минутой приобретала все более зловещие черты, ибо один из них увидел в ней женщину, второй — зверя, а третий — самого дьявола...

Судья внимательно посмотрел на отца Брауна.

— Престранный вы свидетель, — произнес он. — Но мне почему-то кажется, что вы пытаетесь сказать правду. Так кто же тот человек, которого вы увидели в проулке?

— Это был я сам, — сказал отец Браун.

В зале воцарилась тишина. Неожиданно со своего места поднялся Батлер, королевский адвокат. Совершенно спокойным голосом он произнес:

— Вы позволите, ваша светлость? — А потом, безо всякого перехода, задал Брауну вопрос, никак не связанный с предыдущей репликой: — О кинжале вы слышали, а известно ли вам, что эксперты пришли к выводу, что преступление было совершено оружием с коротким клинком?

— С коротким клинком, — повторил Браун, важно кивнув, точно филин, и добавил: — На очень длинной рукоятке.

Прежде чем слушатели успели отогнать от себя мысль, что священник и в самом деле увидел себя совершающим убийство коротким кинжалом с длинной рукояткой (отчего преступление почему-то казалось еще ужаснее), он поспешил пояснить свои слова:

— Я хочу сказать, что кинжалы — не единственное оружие с коротким

клинком. У копья, например, короткий клинок. И клинок этот, как и у кинжала, заострен на конце, если это одно из тех бутафорских копий, которые используются в театре. Именно таким копьем несчастный старик Паркинсон и убил свою жену, когда она пригласила меня, чтобы я помог им разрешить какие-то семейные неурядицы... А я пришел слишком поздно, Господь да простит меня! Но перед смертью он раскаялся. Он умер оттого, что раскаялся. Он не мог вынести того, что совершил.

Общее впечатление слушателей было таково, что маленький священник на свидетельской трибуне в самом прямом смысле сошел с ума. Впрочем, судья все так же смотрел на него яркими внимательными глазами, полными любопытства, а адвокат защиты, немного помолчав, продолжил задавать вопросы.

— Если Паркинсон воспользовался для убийства театральным копьем, — сказал Батлер, — ему нужно было нанести удар с расстояния в четыре ярда. Как в таком случае вы объясните следы борьбы и сорванное с плеча платье?

Теперь адвокат обращался к маленькому священнику уже не как к свидетелю, а скорее как к эксперту, но никто этого не заметил.

— Платье несчастной леди порвалось, — пояснил свидетель, — потому что зацепилось за панель, которая задвинулась сразу за ней. Она попыталась освободиться, и, когда ей это удалось, Паркинсон вышел из гримерной обвиняемого и нанес удар копьем.

— Панель? — переспросил барристер.

— С обратной стороны это было зеркало, — пояснил отец Браун. — В гримерной я заметил, что некоторые из зеркал можно выдвинуть на улицу.

И снова в зале суда наступило глубокое неестественное молчание. На этот раз нарушил его судья:

— То есть вы действительно хотите сказать, что, выглянув в проулок, увидели самого себя... в зеркальном отражении?

— Да, ваша светлость, именно это я и хотел сказать, — подтвердил Браун. — Но меня спросили о контуре силуэта, и, поскольку нам положено носить шляпы, загнутые поля которых похожи на рога, я и...

Судья подался вперед, глаза его загорелись еще ярче.

— И вы хотите сказать, — продолжил он, четко выговаривая каждое слово, — что, когда сэр Уилсон Сеймур увидел это непонятное создание в мужских брюках, с похожими на женские фигурой и волосами, в действительности это был сам, сэр Уилсон Сеймур?

— Да, ваша светлость, — сказал отец Браун.

— А когда капитан Катлер увидел эту гориллу с квадратными плечами

и кабаньей щетиной, он просто увидел самого себя?

— Да, ваша светлость.

Судья, очень довольный, откинулся на спинку кресла, и в лице его насмешки было не больше, чем восхищения.

— Скажите, а почему, — спросил он, — вы смогли себя узнать в зеркале, тогда как двое столь уважаемых господ себя не узнали?

Отец Браун заморгал еще более пристыженно, чем прежде, и с запинкой произнес:

— Право, не знаю, ваша светлость, наверное, потому, что я смотрюсь в него не так часто.

ФРЕДЕРИК ФОРСАЙТ

В Ирландии не водятся змеи

Фредерик Форсайт родился в 1938 году в английском городе Эшфорд, графство Квит. Отслужив в Королевских военно-воздушных силах, он несколько лет работал репортером в агентстве Рейтер и Би-би-си. В 1971 году он написал свой знаменитый первый роман «День шакала». Книга стала бестселлером и удостоилась премии Эдгара Аллана По от Ассоциации детективных писателей Америки как лучший роман года, по ней был снят успешный художественный фильм.

Второй роман «Досье „ОДЕССА“» (1972) тоже стал бестселлером и тоже был экранизирован. На сегодняшний день опубликовано всего 8 романов Форсайта в стиле триллера, но все они имели большой успех, а некоторые нашли свое воплощение на экране. В каждом его романе чувствуется журналистская хватка и тонкое мастерство рассказчика.

Его рассказы вызывают не меньшее ощущение реальности происходящего, чем его романы. В 1982 году они вышли отдельной книгой под названием «Нет возврата». Рассказ «В Ирландии не водятся змеи» получил премию Эдгара Аллана По как лучший рассказ года. Впервые он вышел в сборнике «Нет возврата», потом выходил в антологии «Лучшие детективы и триллеры года, 1983», также публиковался в журнале «Эллери Куинз мистери мэгэзин» и в сборнике «Лауреаты премии „Эдгар“».

~ ~ ~

Не вставая из-за стола, Маккуин с сомнением посмотрел на очередного кандидата. Таких нанимать ему еще не приходилось. Но характер у него был отзывчивый, и, если человеку нужны были деньги и он готов был эти деньги отрабатывать, Маккуин был не против дать ему такую возможность.

— Ты знаешь, что работа у нас чертовски сложная? — поинтересовался он, выговаривая слова с заметным белфастским акцентом.

— Да, сэр, — ответил кандидат.

— Работать нужно быстро: сделал свое дело — пошел отдыхать. Никаких вопросов. У нас работают за кусок. Знаешь, что это значит?

— Нет, мистер Маккуин.

— Это значит, что платить тебе будут, но деньги ты будешь получать наличными. Никакой канцелярщины. Уразумел?

Он хотел сказать, что с этих денег не будет отчисляться ни подоходный налог, ни взнос в Государственную службу здравоохранения. Он мог бы еще добавить, что правил техники безопасности и стандартов здоровья соблюдать никто не станет и что, в случае чего, на страховые выплаты можно не рассчитывать. Сейчас для Маккуина было важно обеспечить своих людей быстрым доходом, но и о себе он, разумеется, тоже не забывал: ему как подрядчику всегда отходил самый жирный кусок. Кандидат кивнул, давая понять, что «уразумел», хотя на самом деле это было не так. Маккуин посмотрел на него с любопытством.

— Так ты, значит, студент-медик, учишься на последнем курсе в «Королеве Виктории»? — Еще один кивок. — А сейчас на летних каникулах?

Снова кивок. Кандидат был явно из тех студентов, которым не хватает стипендии, чтобы закончить обучение. Маккуин, сидя в своем обшарпанном кабинете в Бангоре, руководя небольшим собственным дельцем по сносу домов и из активов имея лишь разбитый грузовик да тонну старых кувалд, считал себя состоявшимся человеком и всем сердцем одобрял ольстерскую протестантскую трудовую этику. Он бы никогда не отказал собрату по духу, какого бы цвета у него ни была кожа.

— Хорошо, — сказал он, — найди себе здесь, в Бангоре, комнату. Из Белфаста каждый день приезжать сюда вовремя ты не будешь успевать. Мы работаем с семи утра до темноты. Работа почасовая. Тяжелая, зато хорошо оплачивается. Проболтаешься кому-нибудь из властей — полетишь с работы, как дерьмо с лопаты. Все ясно?

— Да, сэр. Когда мне начинать? И где?

— Грузовик забирает всю бригаду у главного вокзала каждое утро в полседьмого. Будь там в понедельник. В бригаде старший — Большой Билли Камерон. Я предупрежу его о тебе.

— Хорошо, мистер Маккуин. — Кандидат развернулся, собираясь уходить.

— И последнее, — сказал Маккуин, покручивая в пальцах карандаш. — Тебя как зовут?

— Харкишан Рам Лал, — ответил студент.

Маккуин посмотрел на карандаш, потом на список имен на столе и снова на студента.

— Мы будем называть тебя Рам, — сказал он и добавил это имя к списку.

Студент вышел на залитую ярким июльским солнцем улицу приморского североирландского города.

К вечеру воскресенья он уже подыскал себе дешевую комнатку в каком-то старом грязном пансионе на Рейлуэйвью-стрит, где были сосредоточены почти все городские гостиницы. По крайней мере это было недалеко от вокзала, откуда по утрам будет отъезжать рабочий грузовик. Замызганное окно его комнаты выходило прямо на укрепленную насыпь, по которой к вокзалу подъезжали поезда из Белфаста.

Комнату ему удалось найти не сразу. Как только он заходил в очередной дом с выставленной в окне табличкой «Сдаются комнаты», оказывалось, что свободных мест нет. Как выяснилось, в разгар лета в Бангор действительно съезжаются на заработки рабочие чуть ли не со всего графства. К счастью, позже выяснилось и то, что у миссис Макгерк, католички, еще оставались свободные комнаты.

Утро воскресенья он потратил на то, чтобы перевезти на новое место свои вещи из Белфаста — в основном это были учебники по медицине. Днем он лег отдохнуть и стал представлять себе освещенные ярким солнцем холмы родного Пенджаба. Еще год, и он станет дипломированным медиком, потом еще один год интернатуры, и он сможет вернуться на родину, чтобы лечить людей родной крови. Это была его мечта. Он уже подсчитал, что этим летом сможет заработать достаточно денег, чтобы дотянуть до выпускных экзаменов, а там у него появится зарплата.

В понедельник утром он встал по будильнику в без четверти шесть, умылся холодной водой и прибыл к вокзалу в самом начале седьмого. Поскольку до назначенного времени еще было несколько минут, он нашел уже открывшееся кафе и выпил две чашки черного чая (это был весь его завтрак). В четверть седьмого приехал грузовик, и вокруг него собрался десяток рабочих из бригады. Харкишан Рам Лал не знал, то ли ему подойти к ним и представиться, то ли ждать в сторонке, и решил лучше подождать.

В двадцать пять минут седьмого приехал на своей машине бригадир. Припарковав ее у дороги, он направился к грузовику со списком Маккуина в руке. Он осмотрел рабочих, увидел все знакомые лица и кивнул. После этого подошел индеец. Бригадир смерил его взглядом.

— Это тебя, что ли, Маккуин на работу взял? — осведомился он.

Рам Лал остановился.

— Да, — сказал он. — Меня зовут Харкишан Рам Лал.

Почему Билли Камерона называли Большим, было понятно сразу. При росте шесть футов три дюйма^[17] он носил огромные, подбитые гвоздями ботинки с окованными носками. Руки его походили на два бревна, свисающие с огромных плеч, а голову венчала копна рыжих волос. Маленькие глаза бригадира зло блеснули из-под светлых ресниц. Вид худого жилистого индийца, очевидно, не вызвал у него радости. Он плюнул себе под ноги и приказал:

— Лезь в грузовик.

Пока ехали на работу, Камерон сидел в кабине, в которой не было задней перегородки, отделяющей ее от небольшого кузова, где на двух деревянных скамейках вдоль бортов расселись рабочие. Рам Лал сидел в самом хвосте у откидного борта рядом с небольшим, но крепким, как камень, мужчиной с удивительно яркими голубыми глазами, которого, как выяснилось, звали Томми Бернс. Держался Томми приветливо.

— Ты вообще откуда? — поинтересовался он с выражением неподдельного любопытства.

— Из Индии, — ответил Рам Лал. — Из Пенджаба.

— Так из Индии или из Пенджаба? — не понял Томми Бернс.

Рам Лал улыбнулся.

— Пенджаб — это часть Индии, — пояснил он.

Бернс какое-то время переваривал полученную информацию, а потом спросил:

— Ты протестант или католик?

— Ни то, ни то, — терпеливо ответил Рам Лал. — Я индуист.

— То есть ты не христианин? — изумился Бернс.

— Нет. Моя религия — индуизм.

— Эй, — окликнул Бернс остальных, — этот парень не христианин! —

В голосе его не было ни раздражения, ни злобы, только интерес, как у ребенка, который неожиданно увидел новую занимательную игрушку.

Камерон повернулся из кабины.

— Язычник, — рыкнул он.

Улыбка сползла с лица Рам Лала. Он уставился на брезентовую стенку грузовика. К этому времени они уже довольно далеко отъехали от Бангора в южном направлении и тряслись по трассе А21 в сторону Ньютаунардса. Через какое-то время Бернс взялся знакомить его с остальными. В кузове сидели Крэйг, Мунро, Паттерсон, Бойд и двое Браунов. Рам Лал достаточно долго прожил в Белфасте, чтобы понимать, что все это шотландские фамилии. Следовательно, они были из тех пресвитерианцев, которые

составляют протестантское большинство шести североирландских графств. Новые знакомые смотрели на него приветливо, с улыбкой.

— Что-то я не вижу у тебя коробки с обедом, — сказал ему немолодой мужчина по фамилии Паттерсон.

— Да, — кивнул Рам Лал. — Я рано вышел из дома и не стал просить хозяйку приготовить что-нибудь.

— Без обеда никак нельзя, — заметил Бернс. — Да и без завтрака тоже. Мы будем себе чай заваривать на костре.

— Сегодня же куплю себе коробку и завтра приду с едой, — пообещал Рам Лал.

Бернс посмотрел на его туфли с резиновой подошвой.

— Ты раньше когда-нибудь такой работой занимался? — спросил он.

Индиец покачал головой.

— Тебе нужны ботинки потяжелее, если не хочешь без ног остаться.

Рам Лал пообещал купить еще и пару армейских ботинок, если вечером найдет открытый магазин. Они уже миновали Ньютаунардс и продолжали ехать на юг в сторону небольшого городка под названием Комбер.

— А вообще, чем ты живешь? — спросил сидевший напротив него Крэйг.

— Я студент, учусь медицине в Белфасте, в «Королеве Виктории», — ответил Рам Лал. — В следующем году надеюсь закончить.

Томми Бернс обрадовался.

— Это, считай, настоящий доктор! — воскликнул он. — Эй, Большой Билли, если кому-то из нас кирпич на голову упадет, Рам будет знать, что делать.

Большой Билли зарычал.

— Ко мне он и пальцем не прикоснется, — отрезал он.

После этого разговор прекратился и возобновился только тогда, когда прибыли на место. Выехав из Комбера на север и проехав две мили по Дандоналд-роуд, водитель свернул направо, миновал роццу и наконец остановился. Они увидели предназначенное для сноса здание.

Это была большая старая заброшенная винокурня с покосившимися стенами, одна из двух, которые когда-то в этих краях производили добрый виски. Она стояла на берегу несущей свои воды от Дандоналда к Комберу и дальше, в озеро Стренгфорд-Лох, реки Комбер, которая когда-то вращала ее огромное колесо. В прежние времена сюда на телегах привозили солод, а потом на них же увозили бочки с готовым виски. Речная вода, приводившая в действие механизмы, использовалась и в баках. Но винокурня уже много

лет стояла без дела, забытая всеми и пустая.

Конечно же, здешние дети нашли способ забраться внутрь и выяснили, что это место как нельзя лучше подходит для игр. После того, как там кто-то упал и сломал ногу, совет графства произвел осмотр здания и пришел к выводу, что оно находится в аварийном состоянии, и в результате его владельцу было вменено в обязанность пустить его под снос.

Владелец старой винокурни, потомок обедневшего дворянского рода, решил проверить это дело как можно дешевле. Тут-то Маккуин и вступил в игру. Конечно, здание можно было снести быстрее при помощи специальных машин, но это стоило бы дороже. Большой Билли со своими ребятами брался сделать это кувалдами и ломами. Маккуин даже нашел какого-то частного строителя, который согласился купить лучшие из сохранившихся деревянных балок и сотни тонн старого кирпича. Люди с деньгами хотят, чтобы их новые дома выглядели «стильно», то есть под старину. Так что сохранные старинные, выбеленные солнцем кирпичи и настоящие древние балки украсят новые «старые» дома каких-нибудь богачей. Маккуин знал свое дело.

— Ну что, ребята, поработаем? — сказал Большой Билли, когда грузовик, высадив бригаду, с грохотом укатил обратно в Бангор. — Начнем с черепицы на крыше. Вы знаете, что делать.

Работники встали вокруг сваленных в кучу инструментов. Тут были большие семифунтовые кувалды, ломы шести футов в длину и больше дюйма в толщину, раздвоенные на конце ломы-гвоздодеры, тяжелые молотки на коротких ручках и разнообразные пилы. Единственное, что указывало здесь на заботу о безопасности людей, так это ремни со скользящими застежками и сотни футов веревки. Рам Лал посмотрел на здание и сглотнул. Винокурня была высотой с четырехэтажный дом, а он ненавидел высоту. Но о строительных лесах, разумеется, речи не шло — слишком дорогое удовольствие.

Кто-то из рабочих подошел к зданию, выломал филенчатую дверь, разорвал ее, как игральную карту, и развел костер. Вскоре, вскипятив котелок речной воды, заварили чай. У всех были свои кружки, кроме Рам Лала. Про себя он отметил, что на следующий раз нужно будет купить и ее. Работа предстояла пыльная, поэтому пить будет хотеться. Томми Бернс, выпив чай, снова наполнил кружку и протянул ее Рам Лалу.

— А что, у вас в Индии пьют чай? — спросил он.

Рам Лал взял кружку. Сладкий чай без молока ему не понравился.

Все первое утро рабочие провели на крыше. Поскольку черепицу сохранять было не нужно, они просто срывали ее руками и сбрасывали на

землю подальше от реки. У них было указание не засорять реку, поэтому они бросали все в высокую траву, сорняки и кусты ракитника и дрока, которые подступали к самым стенам винокурни. Работали в общей связке, чтобы, если кто-нибудь поскользнется и начнет съезжать по покато́й крыше, другой мог бы его удержать. По мере того, как исчезала черепица, начинали показываться огромные дыры между стропилами, под которыми просматривался пол верхнего этажа, где раньше хранился солод.

В десять они спустились по шаткой лестнице на завтрак. Снова расположились на траве и заварили чай. Рам Лал не завтракал. В два часа они сделали еще один перерыв на обед. Бригада принялась с аппетитом поедать привезенные бутерброды. Рам Лал посмотрел на свои ладони. Они были в царапинах и кое-где кровоточили. Мышцы сводило от боли, и ему ужасно хотелось есть. Он мысленно прибавил к списку намеченных покупок плотные рабочие перчатки.

Томми Бернс достал из своей коробки толстый бутерброд и посмотрел на Рам Лала.

— Ты не проголодался, Рам? У меня тут на двоих хватит.

— Эй, ты что делаешь? — тут же подал голос сидевший с противоположной стороны костра Большой Билли.

Бернс оцетинился.

— А что? Я просто предложил парню бутерброд.

— Пусть индус сам себе бутерброды носит, — недовольным тоном произнес Камерон. — Ты за собой лучше следи.

Бернс опустил глаза и стал молча жевать. Было видно, что никто из рабочих не хотел перечить Большому Билли.

— Спасибо, я не голоден, — сказал Рам Лал Бернсу, потом отошел к реке, присел на берегу и опустил горящие руки в воду.

Когда стемнело и за ними приехал грузовик, большая крыша была уже наполовину освобождена от черепицы. Если так пойдет и дальше, через день они смогут приступить к стропилам. Тут уже придется работать пилами и ломами.

Работа продолжалась неделю, и некогда гордое здание постепенно лишалось стропил, балок и деревянных перекрытий, пока не остались одни голые стены, пустыми глазницами окон глядящие в небо в ожидании неминуемой смерти. Рам Лал не был привычен к такому тяжелому физическому труду. У него постоянно болели мышцы, ладони покрылись мозолями, и все же он продолжал зарабатывать столь необходимые ему деньги.

Он купил жестяную коробку для обедов, кружку, плотные ботинки и

пару рабочих перчаток, которых, кроме него, никто из рабочих не носил. У них от многолетнего физического труда руки были такие, что хоть гвозди забивай. Всю неделю Большой Билли постоянно изводил Рам Лала, поручал ему самую тяжелую работу, а узнав, что он не любит высоты, стал посылать его на самый верх. Пенджабец долго держал свою злость при себе из-за того, что ему были нужны деньги, но в субботу его прорвало.

К этому времени все деревянные конструкции были сняты, и бригада работала со стенами. Проще всего было обрушить эту махину, заложив взрывчатку в углы стены, выходящей на луг. Но это было исключено. Как ни странно, но именно в Северной Ирландии для работы с динамитом требовалась специальная лицензия, а ее приобретение могло пробудить нездоровый интерес у налогового инспектора. Если бы это случилось, Маккуину и всей его бригаде пришлось бы платить немалые подоходные налоги, а сам Маккуин еще был бы вынужден сделать отчисления в государственный страховой фонд. Поэтому они разбивали стены на куски размером в квадратный ярд, стоя на опасно прогибающихся перекрытиях. Под ударами кувалд несущие стены содрогались и шли трещинами.

Когда стали обедать, Камерон пару раз обошел вокруг здания, потом приблизился к сидящим вокруг костра рабочим и стал объяснять, как нужно будет обрушить большой фрагмент одной из стен на уровне третьего этажа. Затем он повернулся к Рам Лалу.

— Ты полезешь наверх, сказал он. Когда стена начнет шататься, подтолкнешь ее наружу.

Рам Лал посмотрел на кирпичную стену, о которой шла речь. Вдоль всего ее основания шла большая трещина.

— Эта штука может рассыпаться в любую секунду, — невозмутимо произнес он. — Тот, кто будет сидеть на ней, упадет вместе с ней.

Камерон уставился на него, выпучив от ярости глаза. Лицо его побагровело.

— Ты меня вздумал учить работе?! Ты, грязный, тупой черномазый, будешь делать то, что приказано! — Он развернулся и пошел к зданию.

Рам Лал поднялся на ноги и выкрикнул резким голосом:

— Мистер Камерон...

Камерон в изумлении остановился и повернулся. Остальные рабочие, разинув рот, уставились на индуса. Рам Лал медленно подошел к большому бригадиру.

— Давайте кое-что разьясним, — сказал Рам Лал, и его голос отчетливо услышали все, кто сидел на лугу. — Я родился на севере Индии, в Пенджабе. И я кшатрий, член сословия воинов. Может быть, у меня не

хватает денег, чтобы оплатить учебу, но мои предки были воинами, принцами, правителями и учеными две тысячи лет назад, когда ваши еще носили шкуры. Поэтому я вас прошу больше меня не оскорблять.

Большой Билли Камерон посмотрел на индийского студента с высоты своего громадного роста. Его белки налились кровью. Остальные в изумлении наблюдали за ними, не в силах отвести взгляд.

— Вот, значит, как, — ровным голосом проговорил Камерон... — Вот, значит, как, да? Ну так теперь все изменилось. И что ты, черный ублюдок, скажешь на это?

Не договорив последнее слово, он быстро взмахнул рукой, и его тяжелая ладонь опустилась на щеку Рам Лала. Молодой человек отлетел на несколько футов и упал на землю. В голове у него зазвенело. Он услышал голос Томми Бернса:

— Не вставай, парень. Большой Билли тебя убьет, если встанешь.

Рам Лал поднял лицо и прищурился от яркого света. Великан стоял над ним, сжимая кулаки. Он понял, что, если дойдет до драки, большого ольстерца ему не одолеть. Стыд и унижение охватили его. Его предки с саблями и копьями в руках преодолевали верхом территории в сто раз больше, чем эти шесть североирландских графств, вместе взятых, завоеывая все, что им попадалось на пути.

Рам Лал закрыл глаза и опустил голову. Через несколько секунд он услышал, что здоровяк отошел от него. Рабочие зашептались. Он сильнее сжал веки, удерживая набежавшие слезы стыда. Вдруг сквозь темноту проступили образы. Он увидел обожженные солнцем равнины Пенджаба и скачущих по ним всадников — гордых, воинственных, с черными глазами, орлиными носами, бородами, в тюрбанах воинов земли пяти рек.

Когда-то очень давно, когда мир был еще совсем молодым, по этим долинам проскакал Искандер, царь Македонии. Александр, молодой бог с горячими и жадными глазами, которого называли Великим, который в двадцать пять лет плакал оттого, что ему больше нечего было завоевывать. Эти всадники были потомками его воинов и предками Харкишана Рам Лала.

Пока они проезжали мимо, он лежал в грязи. Проезжая, они смотрели на него, и каждый из всадников произнес одно слово: «Месть».

Рам Лал молча поднялся на ноги. Что сделано, то сделано, и то, что должно быть сделано, будет сделано. Так было принято у людей его крови. Остаток дня, работая, он не произнес ни слова. Он не разговаривал ни с кем, и никто не обращался к нему.

Вечером у себя в комнате, когда на улице совсем стемнело, он начал

готовиться. Со старого потертого туалетного столика он снял щетку и расческу, убрал засаленную салфетку и вынул из подставки зеркало. Достав книгу по индуизму, он вырезал из нее страницу с изображением великой богини силы и справедливости Шакти. Прикрепив ее на стену там, где раньше было зеркало, он превратил туалетный столик в алтарь.

Потом Рам Лал сходил к вокзалу и купил букет цветов, их он сплел в гирлянду. С одной стороны от портрета он поставил неглубокую миску с песком, а в песок воткнул горящую свечку. Затем он вынул из своего чемодана свернутую в валик тряпицу, развернул ее и достал полдюжины палочек для воскурения. Сняв с книжной полки дешевую вазу с узким горлышком, он поставил в нее палочки и поджег их концы. Сладкий, вязкий аромат фимиама начал наполнять комнату. Над морем поднялись огромные черные гроззовые тучи.

Когда алтарь был готов, он встал перед ним с гирляндой в руке, склонил голову и начал молиться. Над Бангором прокатился первый раскат грома. Рам Лал говорил не на современном пенджаби, а на древнем санскрите, языке молитв. «Девы Шакти... Маа... Богиня Шакти... Богиня-мать...»

Снова загрохотал гром, и упали первые капли дождя. Он отщипнул от гирлянды один цветок и положил его перед портретом Шакти.

— Я был несправедливо обижен. Я прошу о мести... — Он оторвал второй цветок и положил его рядом с первым.

Индиец молился час, и все это время шел дождь. Он барабанил по крыше у него над головой, он стекал ручьями по окну у него за спиной. Рам Лал закончил молиться, когда дождь стал утихать. Ему было нужно узнать, какую форму примет возмездие. Он ждал от богини знака.

Когда он замолчал, догорели ароматические палочки, и комната наполнилась их густым запахом. От свечи почти ничего не осталось. Все цветы уже лежали на полированной поверхности туалетного столика перед портретом богини. Шакти продолжала молча взирать на Рам Лала.

Он развернулся, подошел к окну и выглянул на улицу. Дождь прекратился, но со всего, что находилось за стеклом, стекала вода. Пока он смотрел, из щели над окном выкатилась капля, и тоненькая струйка побежала по покрытому пылью стеклу, расчищая дорожку в грязи. Из-за того, что стекло было таким грязным, капля стекала не прямо вниз, а уходила в сторону, увлекая за собой его взгляд все ближе и ближе к углу окна. Когда она наконец остановилась, индиец смотрел в угол комнаты, где на крючке висел его халат.

Рам Лал заметил, что во время грозы пояс халата соскользнул и упал

кольцом на пол. Одного его конца видно не было, а второй лежал на ковре, выставив две кисточки, похожие на раздвоенный язык. Больше всего пояс напоминал свернувшуюся в углу змею. И Рам Лал понял. На следующий день он поехал поездом в Белфаст, чтобы встретиться с сикхом.

Ранджит Сингх тоже был студентом-медиком, только в этой жизни ему повезло больше. Его родители были зажиточны и посылали сыну щедрое денежное пособие. Он принял Рам Лала в своей богато обставленной комнате в студенческом общежитии.

— Я получил письмо из дома, — сказал Рам Лал. — Мой отец умирает.

— Какое несчастье. Сочувствую, — ответил Ранджит Сингх.

— Он хочет увидеть меня перед смертью. Я его первый сын. Я должен вернуться.

— Конечно, — сказал Сингх. — Первый сын обязательно должен быть рядом с отцом в его последние минуты.

— Мне придется лететь, — сказал Рам Лал. — Я работаю и хорошо зарабатываю, но мне все равно не хватает. Если бы ты одолжил мне, я бы, когда вернулся, опять стал работать и вернул бы тебе деньги.

Для сикхов привычное дело одалживать деньги на благое дело, когда есть уверенность, что долг отдадут. Ранджит Сингх пообещал в понедельник сходить за деньгами в банк.

В воскресенье вечером Рам Лал заехал в Грумспорт,^[18] где жил мистер Маккуин. Тот сидел перед телевизором с банкой пива в руке, это был его любимый способ проводить воскресные вечера. Но когда его жена ввела в комнату Рам Лала, он убавил звук.

— Я насчет моего отца, — сказал Рам Лал. — Он умирает.

— Сожалею, приятель, — ответил Маккуин.

— Мне нужно поехать к нему. Когда такое происходит, первый сын должен быть рядом с отцом. У нас так принято.

У Маккуина был сын, который жил в Канаде. Они не виделись уже семь лет.

— Да, это правильно. Так и должно быть, — кивнул он.

— Я занял денег, чтобы полететь домой на самолете, — сказал Рам Лал. — Если я поеду завтра, то вернуться смогу до конца недели. Дело в том, мистер Маккуин, что сейчас работа мне нужна, как никогда раньше, чтобы вернуть долг и заплатить за следующий семестр. Если я вернусь до конца недели, вы сохраните за Мной место?

— Хорошо, — ответил Маккуин. — Я не смогу заплатить тебе за то время, пока тебя не будет, и держать место больше одной недели тоже не смогу. Но если ты успеешь вернуться, как обещал, можешь выходить на

работу. На тех же условиях, не забывай.

— Спасибо, — сказал Рам, — вы очень добры.

Индиец оставил за собой комнату на Рейлуэйвью-стрит, но эту ночь провел в Белфасте в общежитии. В понедельник утром он сходил с Ранджитом Сингхом в банк, где сикх снял со счета необходимую сумму и отдал их индуисту. Рам на такси поехал в аэропорт Ольдергров, полетел в Лондон и там взял билет эконом-класса на ближайший рейс до Индии. Через двадцать четыре часа он приземлился под палящим солнцем Бомбея.

В среду на шумном базаре у моста Грант-роуд он нашел то, что искал. В «Магазине тропических рыб и рептилий господина Чаттерджи» почти не было посетителей, когда в него вошел молодой ученый с атласом рептилий подмышкой. Старого владельца магазина он нашел сидящим в самом дальнем углу, в полутьме среди аквариумов и стеклянных коробок, в которых дремали разомлевшие от жары змеи и ящерицы.

Господин Чаттерджи в мире науки был не новичок. Он поставлял в несколько медицинских центров образцы животных для изучения и препарирования и иногда выполнял прибыльные заказы из-за границы. Узнав, что ищет молодой ученый, старый гуджарати^[19] понимающе покачал седобородой головой.

— Да, — промолвил торговец, — я знаю эту змею. Вам повезло, у меня есть одна, всего пару дней назад ее привез ли из Раджпутаны.

Он провел Рам Лала в свой кабинет, и они вдвоем стали рассматривать змею в ее новом доме.

Echis carinatus, было сказано в атласе, но книга была написана англичанином, который, разумеется, указывал латинское название. То была песчаная эфа, самая маленькая и самая ядовитая змея из этого смертоносного вида. В книге говорилось, что распространена она широко, от западной Африки до Ирана и дальше, до Индии и Пакистана. Этот вид легко приспосабливается и может выжить практически в любых условиях. Ее встречали и во влажном западноафриканском буше, зимой в холодных иранских горах и на раскаленных горах Индии.

Что-то пошевелилось под листьями в стеклянном ящике.

Как сообщалось в атласе, в длину эфы достигают от девяти до тринадцати дюймов и имеют очень тонкое тело. Окраска — зеленовато-коричневая, на спине и голове — светлые пятна, иногда почти незаметные. По бокам вдоль всего тела проходят зигзагообразные полосы. В сухую и жаркую погоду они ведут ночной образ жизни, а днем прячутся в тени.

Листья в прозрачной коробке снова зашуршали, и показалась маленькая голова.

Это чрезвычайно опасная змея, говорилось в книге, от ее укусов гибнет даже больше людей, чем от укусов кобры. Главным образом это обусловлено ее размерами: при таком небольшом теле она настолько незаметна, что к ней очень легко случайно прикоснуться рукой или ногой. В примечании автор книги добавил, что упомянутая в прекрасном рассказе Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» маленькая, но очень ядовитая змея Карайт почти наверняка была не крайтом, которые имеют в длину почти два фута, а именно песчаной эфой. Автор, похоже, был чрезвычайно доволен тем, что обнаружил неточность у великого Киплинга.

За стеклом маленький черный раздвоенный язык на мгновение вытянулся в сторону двух индийцев.

Давно уже умерший английский натуралист закончил описание *echis carinatus* тем, что эта змея очень осторожна и возбудима, бросок ее стремителен и нападает она без предупреждения. Клыки ее настолько малы, что проколы от них почти не заметны. Укушенный боли не чувствует, но смерть почти неизбежна и наступает через два-четыре часа, в зависимости от массы тела и физического состояния жертвы в момент укуса и после. Причиной смерти является кровоизлияние в мозг.

— Сколько вы за нее хотите? — тихо произнес Рам Лал.

Старый гуджарати развел руками.

— Эта змея нечасто встречается, — извиняющимся тоном произнес он, — а такой отличный экземпляр вообще редкость. Пятьсот рупий.

Рам Лал сторговался на 350 рупий и унес змею из магазина в кувшине.

Перед возвращением в Лондон Рам Лал купил коробку сигар, освободил ее от содержимого и просверлил в крышке двадцать маленьких отверстий для воздуха. Он знал, что змея может не есть неделю и обходиться без воды дня два — три. Для дыхания ей нужно мизерное количество воздуха, поэтому он обернул сигарную коробку со змеей внутри несколькими полотенцами, достаточно пушистыми, чтобы сохранить нужное количество воздуха даже внутри чемодана. В Индию он прилетел с одной дорожной сумкой, но специально купил здесь дешевый чемодан с полотняными стенками, сложил в него купленную тут же на базаре одежду, а коробку засунул в самый центр. Закрыл и застегнул чемодан он лишь перед самым выходом из гостиницы. В бомбейском аэропорту он отправил чемодан в грузовой отсек «Боинга». Ручной багаж Рам Лала был досмотрен, но ничего интересного в нем не обнаружилось.

Самолет авиакомпании «Эйр Индия» приземлился в лондонском Хитроу в пятницу утром. В аэропорту Рам Лал присоединился к длинной очереди индийцев, пытающихся попасть в Британию. Поскольку он был не

иммигрантом, а студентом, и у него с собой были подтверждающие это документы, его пропустили довольно быстро. Он даже успел подойти к багажному транспортеру, как только на ленте показались первые сумки и чемоданы... Его чемодан выехал среди первой дюжины. Он отнес его в туалет, там вытащил из него коробку и переложил ее в дорожную сумку. Когда он подошел к выходу для тех, кому нечего декларировать, его остановили, но обыскали только чемодан. В сумку таможенник тоже заглянул, но копаться в ней не стал. Рам Лал на бесплатном автобусе проехал до первого терминала и на ближайшем самолете вылетел в Белфаст. Добравшись в Бангор около пяти часов вечера, он смог наконец осмотреть свое приобретение.

Прежде чем открыть коробку, он снял со стоящего у кровати ночного столика лист стекла и аккуратно подsunул его под крышку. Через стекло он увидел змею, которая ползала внутри по листьям от стенки к стенке. Она замерла и посмотрела на него злыми черными глазками. Рам Лал снова закрыл крышку и быстро вытащил стекло.

— Спи, мой маленький друг, — негромко произнес он, — если ваш род вообще спит. Утром ты исполнишь приказание Шакти.

Пока не стемнело, он купил банку кофе с завинчивающейся крышкой и дома пересыпал ее содержимое в фарфоровый чайник. Утром, натянув рабочие перчатки, он переместил змею из коробки в банку. Взбешенная рептилия цапнула перчатку, но Рам Лала это не расстроило. Завтра к полудню ее яд восстановится. Какую-то секунду он смотрел на сжавшуюся змею в стеклянной кофейной банке, потом плотно закрутил крышку, положил банку в свою коробку для обедов и отправился к вокзалу ждать рабочий грузовик.

У Большого Билли Камерона была привычка: приехав на работу, он снимал пиджак и вешал его на первый попавшийся крючок или торчащий из стены гвоздь. После обеденного перерыва, как заметил Рам Лал, великан всегда подходил к пиджаку и доставал из его правого кармана трубку и кисет с табаком. Порядок никогда не менялся. Выкурив трубку, он выбивал из нее остатки табака, поднимался, произносил: «Ну все, ребята, пора за работу» и клал трубку обратно в карман пиджака. Когда он разворачивался, все должны были стоять на ногах.

План Рам Лала был простым, но надежным. Утром он незаметно положит змею в правый карман висящего пиджака. Съев свои бутерброды, Камерон отойдет от костра и сунет руку в карман. Змея сделает то, ради чего ее по велению Шакти привезли сюда через полмира. Она, эфа, а не сам Рам Лал казнит ольстерца.

Камерон, изрыгая проклятия, отдернет руку и увидит висящую на пальце змею, глубоко вонзившую зубы в его плоть. Рам Лал вскочит, сорвет змею, швырнет ее на землю и раздавит ей голову (тогда она уже будет безопасной, потому что израсходует весь свой яд). А потом, изображая отвращение, он бросит ее в реку Комбер, которая унесет единственную улику в море. Конечно, могут возникнуть подозрения, но подтвердить их не удастся.

В начале двенадцатого, сказав, что хочет поменять кувалду, Харкишан Рам Лал выскользнул на луг, открыл коробку для завтраков, достал кофейную банку и, отвинтив крышку, вытряс ее содержимое в правый карман висящего пиджака. Не прошло и минуты, как он вернулся на свое рабочее место. Никто даже не заметил, что он выходил из здания.

В обед кусок не лез ему в горло. Рабочие, как всегда, расселись вокруг костра. Куски старых сухих балок трещали и рассыпали искры, над ними кипел котелок. Пока все, как обычно, переговаривались и шутили, Большой Билли поглощал приготовленные женой толстые бутерброды. Рам Лал, специально занявший место поближе к пиджаку, все-таки заставил себя есть, хотя сердце чуть не выпрыгивало у него из груди и внутреннее напряжение росло с каждой минутой.

Наконец Большой Билли доел, скомкал бумагу, в которую были завернуты бутерброды, бросил ее в огонь и сыто рыгнул. Потом, ворча, поднялся и направился к пиджаку. Рам Лал повернул голову, чтобы увидеть, что произойдет. Остальные не обращали на него никакого внимания. Билли Камерон подошел к пиджаку и опустил руку в правый карман. Рам Лал затаил дыхание. Пару секунд Камерон шарил рукой в кармане, потом достал трубку с кисетом и принялся набивать ее табаком. Тут он заметил, что Рам Лал не сводит с него глаз.

— Что уставился? — с вызовом рявкнул он.

— Ничего, — произнес Рам Лал и отвернулся к огню.

Но сидеть спокойно он уже не мог. Индеец поднялся и потянулся, исхитрившись повернуться при этом вполоборота. Краешком глаза он увидел, что Камерон положил кисет обратно в карман и достал оттуда коробку спичек. Бригадир зажег трубку и сосредоточенно затянулся. Потом подошел обратно к костру.

Рам Лал снова сел на свое место и в недоумении уставился на пламя. Почему, спрашивал он себя, почему великая Шакти так поступила с ним? Ведь змея была ее инструментом, который он привез по ее команде. Но она не пустила его в ход, отказалась использовать собственное оружие возмездия. Он снова повернулся и посмотрел украдкой на пиджак. Внизу у

самого шва на левой его стороне что-то пошевелилось и замерло. Рам Лал закрыл глаза. Дыра в кармане! Какое-то маленькое отверстие в подкладке разрушило весь его план. Оставшееся время он работал словно в тумане, индийца переполняли сомнения и тревога.

Когда приехал грузовик, чтобы отвезти их обратно в Бангор, Большой Билл Камерон, как обычно, сел в кабину, но из-за жары снял пиджак, свернул его и положил себе на колени. У вокзала Рам Лал видел, как он бросил все еще сложенный пиджак на заднее сиденье своей машины и уехал. Рам Лал подошел к Томми Бернсу, который остался дожидаться автобуса домой.

— Скажи, у мистера Камерона есть семья?

— Конечно, — простодушно ответил маленький труженик. — Жена и двое детей.

— Он, наверное, далеко живет, раз на машине приезжает, — заметил Рам Лал.

— Недалеко, — ответил Бернс. — В Килкули.^[20] На Ганауэй-гарденз, кажется. Ты что, в гости к нему собрался?

— Нет, нет, — быстро ответил Рам Лал. — Увидимся в понедельник.

В своей комнате Рам Лал остановился перед самодельным алтарем и посмотрел на изображение бесстрастной богини справедливости.

— Я не хотел, чтобы умерли его жена и дети, — сказал он ей. — Они мне ничего не сделали.

Богиня посмотрела на него словно откуда-то издали и ничего не ответила.

Харкишан Рам Лал остаток недели провел в беспокойстве и страхе. Вечером он пешком дошел до Килкули на окружной дороге и нашел Ганауэй-гарденз. Это место находилось рядом с Оуэнроу-гарденз, прямо напротив Уоберн-уок. Зайдя в телефонную будку на углу Уоберн-уок, он простоял там целый час, делая вид, что звонит, но в действительности наблюдая за короткой улочкой через дорогу. Рам Лалу показалось, что в одном из окон он увидел Большого Билли Камерона, и он приметил этот дом.

Через какое-то время из дома выбежала девочка и подошла к группе ожидавших ее друзей. Ему неожиданно захотелось окликнуть ее и рассказать о демоне, который спал внутри пиджака ее отца, но он так и не решился.

Вечером, когда солнце уже почти опустилось за горизонт, из дома вышла женщина с корзиной для продуктов. Он прошел за ней в соседний район Кландебои до магазина, который был открыт допоздна специально

для тех, кто получал зарплату по субботам. Когда женщина, которую он посчитал миссис Камерон, вошла в супермаркет «Стюартс», он последовал за ней и стал ходить между полок с товарами, не спуская с нее глаз и набираясь мужества, чтобы подойти к ней и предупредить об опасности, ожидающей ее дома. Но снова нервы подвели его. В конце концов, это ведь могла оказаться совсем не миссис Камерон. Он мог даже с домом ошибиться, и в этом случае его бы, наверное, упекли в психушку.

В ту ночь пенджабцу не спалось, ему все представлялось, как ядовитая змея тихо выбирается из своего укрытия в подкладке пиджака и бесшумно ползет по спящему дому.

В воскресенье он опять наведаясь в Килкули и убедился окончательно, что не ошибся с домом: в его дворе он совершенно ясно увидел самого Большого Билли. К полудню он заметил, что начал привлекать к себе внимание местных жителей, и понял, что теперь должен либо собраться слухом, пойти в дом и честно признаться в содеянном, либо уйти и оставить все в руках богини. Но мысль о том, что ему придется, стоя лицом к лицу с ужасным Камероном, рассказывать о том, какой опасности он подверг его детей, была для него невыносима, и Рам Лал побрел обратно на Рейлуэйвью-стрит.

В понедельник семья Камеронов проснулась в без четверти шесть. Это было яркое и солнечное августовское утро. В шесть все четверо собрались на завтрак в маленькой кухне с окном во двор. Сын, дочь и жена были в халатах, Большой Билли — в рабочей одежде. Пиджак его все еще висел там, где провел все выходные, — в шкафу в коридоре.

Через несколько минут его дочь Дженни встала из-за стола, запихивая в рот кусок тоста с повидлом.

— Я в ванну, — сказала она.

— Принеси сначала мой пиджак, — промолвил отец, не отрываясь от тарелки с хлопьями в молоке. Через несколько секунд девочка снова появилась, держа за воротник пиджак, и протянула его отцу. Тот даже не посмотрел на него. — Повесь за дверь, — сказал он.

Девочка сделала, как велел отец, но на пиджаке не было петельки, а вешать его пришлось не на ржавый гвоздь, а на гладкий хромированный крючок, поэтому пиджак повисел секунду и упал на пол. Отец поднял глаза, когда дочь вышла из кухни, и гаркнул:

— Дженни! Ты что, ослепла? Подними пиджак.

Никто в доме Камеронов не осмеливался перечить главе семьи. Дженни вернулась, подняла пиджак и повесила его на тот же крючок, но покрепче. И как только она это сделала, что-то тонкое и темное

выскользнуло из его складок и с сухим шуршанием отползло по линолеуму в угол. Девочка в ужасе уставилась на змею.

— Папа, что у тебя в пиджаке?

Большой Билли замер, не донеся до рта ложку с хлопьями. Миссис Камерон отвернулась от плиты. Четырнадцатилетний Бобби опустил нож, которым размазывал по тосту масло, и проследил за взглядом сестры. Маленькое создание лежало в углу у тумбочки, сжавшись в тугое кольцо, словно собираясь защищаться, и напряженно всматривалось в людей, быстро высовывая и пряча язык.

— Господи помилуй, это же змея! — воскликнула миссис Камерон.

— Ты что, рехнулась, женщина? В Ирландии змеи не водятся, это каждый дурак знает, — сказал ее муж и опустил ложку. — Бобби, что это?

Большой Билли, хоть и был настоящим тираном в своем доме и за его пределами, питал безграничное доверие куму своего младшего сына, который хорошо учился в школе и обладал познаниями в самых неожиданных областях. Мальчик смотрел на змею через круглые, как глаза совы, очки.

— Наверное, это веретеница, — сказал он. — У нас в прошлом семестре в школу таких приносили на биологию. Мы их препарировали.

— Что-то не похожа она на веретено, — заметил отец.

— Это она просто так называется, — сказал Бобби. — На самом деле это безногая ящерица.

— Почему тогда ее так называют?

— Я не знаю, папа, — признался Бобби.

— Тогда какого черта ты вообще в школу ходишь? — вскипел отец.

— Она не укусит? — испуганно спросила миссис Камерон.

— Нет, — заверил ее Бобби. — Она не кусается.

— Убей ее, — сказал Камерон-старший. — И выброси в ведро.

Сын встал из-за стола, снял тапку, поднял ее, как мухобойку, и двинулся с голой лодыжкой в сторону угла. Но тут его отец передумал. Большой Билли с клейкой улыбкой поднял глаза от тарелки с хлопьями.

— Подожди-ка, Бобби, — произнес он. — Я кое-что придумал. Женщина, принеси банку.

— Какую банку? — спросила женщина.

— Откуда я знаю, какую банку? Банку с крышкой.

Миссис Камерон вздохнула, обошла стороной змею, открыла тумбочку и осмотрела стоявшие внутри банки.

— Есть банка из-под варенья, в ней сухой горох, — сообщила она.

— Горох пересыпь куда-нибудь, а банку дай мне, — приказал Камерон.

Она передала ему банку.

— Что ты хочешь сделать, папа? — спросил Бобби.

— У нас на работе есть один черномазый. Язычник. Он из тех краев, где змей полно. Хочу над ним подшутить. Маленькая такая шуточка. Дженни, подай-ка прихватку.

— Зачем тебе прихватка? — сказал Бобби. — Она не кусается.

— Я к грязному руками не прикасаюсь, — объяснил Камерон.

— Она не грязная, — сказал мальчик. — Они очень чистоплотные существа.

— Хоть ты в школе учишься, а дурак дураком. В Библии ведь сказано: «Будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах...» Да и не только прах, я думаю. Нет, я к ней прикасаться не собираюсь.

Дженни передала отцу прихватку. С пустой банкой в левой руке и прихваткой на правой Большой Билли Камерон подошел к змее. Правая рука его начала медленно опускаться. Потом сделала быстрый рывок, но маленькая змея оказалась быстрее. Крошечные зубы вонзились в прихватку, прямо посередине, но до кожи не достали. Камерон этого не заметил, потому что видеть маленькую змею ему мешали собственные руки. В следующую секунду змея была посажена в банку, и крышка закрылась. Через стекло было видно, как она стала яростно извиваться внутри.

— Терпеть их не могу, — произнесла миссис Камерон. — Хоть они ядовитые, хоть нет. Вынеси ее побыстрее из дома.

— Я это сделаю прямо сейчас, — сказал ее муж. — Вообще-то я на работу уже опаздываю.

Он положил банку себе в сумку, в которой уже лежала коробка с бутербродами, сунул трубку и кисет в правый карман пиджака и пошел к машине. К вокзалу он приехал с пятиминутным опозданием и с удивлением увидел, что индийский студент пристально наблюдает за ним.

«Надеюсь, он не ясновидящий», — подумал Большой Билли, когда они тряслись в грузовике по дороге к Ньютаунардсу и Комберу.

К полудню он уже посвятил всех рабочих в свои планы, пригрозив «башку оторвать» тому, кто проговорится «черномазому». Но насчет этого он мог не волноваться: услышав, что веретеница — совершенно безобидное существо, рабочие тоже подумали, что это будет презабавная шутка. И лишь Рам Лал, поглощенный мыслями и тревогами, работал, ни о чем не подозревая.

Во время обеда он мог что-то заподозрить. Люди расселись, как обычно, вокруг костра, но говорили мало, и если бы он не был так

озабочен, наверняка заметил бы усмешки и быстрые взгляды, бросаемые в его сторону. Но он не заметил. Рам Лал поставил коробку с обедом себе на колени и открыл крышку. Между бутербродами и яблоком, приподняв для атаки голову, лежала свернувшаяся кольцом змея.

Вопль индийца эхом прокатился по лугу, а в следующий миг грянул дружный хохот его соседей. Одновременно с криком взлетела в воздух коробка с едой — он что было сил отбросил ее от себя. Содержимое коробки разлетелось в разные стороны и посыпалось в густую траву и кусты.

Рам Лал с криком вскочил на ноги. Остальные покатывались со смеху, и больше всех сам Большой Билли. Он уже несколько месяцев так не смеялся.

— Змея! — завопил Рам Лал. — Ядовитая змея! Уходите отсюда, все!

Безудержный смех стал еще громче. Реакция жертвы розыгрыша превзошла все ожидания.

— Пожалуйста, поверьте. Это смертельно ядовитая змея.

У Большого Билли от смеха уже катились слезы по щекам. Вытирая глаза, он посмотрел на индийца, ошалело оглядывающегося по сторонам.

— Эй, придурок, — гаркнул он, — в Ирландии не водятся змеи. Понял, дубина? Здесь нету змей.

От смеха у него разболелись бока, и он откинулся на траву, опершись на локти. Он даже не заметил два легких укола, как два шипа, вонзившихся в вену на его правом запястье.

Насмеявшись вдоволь, проголодавшиеся мужчины взяли за бутерброды. Харкишан Рам Лал неохотно вернулся на свое место, постоянно оглядываясь по сторонам, держа наготове кружку с горячим чаем и стараясь держаться подальше от травы. После обеда вернулись к работе. Старая винокурня была разрушена уже почти до основания. Под августовским солнцем лежали пыльные горы кирпича и деревянных балок.

В половине четвертого Большой Билли Камерон опустил лом, которым долбил стену, и вытер со лба пот. Заметив два распухших бугорка на внутренней стороне запястья, он лизнул их и снова взялся за работу. Через пять минут он снова опустил лом.

— Что-то мне нехорошо, сказал он Паттерсону, который работал рядом с ним. Пойду-ка посижу в тенечке.

Он какое-то время сидел под деревом, потом обхватил голову руками. В четверть пятого, все еще сжимая голову, он конвульсивно вздрогнул и повалился на бок. Через несколько минут его заметил Томми Бернс. Он подошел к бригадиру, потом крикнул Паттерсону:

— Большому Билли плохо! Что-то он не отвечает.

Рабочие подошли к дереву, под которым лежал их начальник. Невидящие глаза Большого Билли смотрели на траву в нескольких дюймах от лица. Паттерсон склонился над ним. Он уже достаточно давно работал в строительном деле, и ему приходилось видеть мертвецов.

— Рам, — обратился он к индийцу. — Ты медик. Что скажешь?

Рам Лалу не было необходимости осматривать тело, но он его осмотрел. Поднявшись, он ничего не сказал, но Паттерсон понял его без слов.

— Все оставайтесь здесь, — сказал он, принимая на себя руководство. — Я вызову «скорую» и позвоню Маккуину. — И он пошел через рощу в сторону трассы.

Через полчаса приехала «скорая». Двое мужчин на носилках занесли Камерона в машину, и его увезли в Ньютаунардс, где была ближайшая больница. Там бригадира зарегистрировали с пометкой «Доставлен мертвым». Через полчаса после этого прибыл чрезвычайно взволнованный Маккуин.

Поскольку причина смерти была неизвестна, требовалось провести вскрытие, что и было сделано районным патологоанатомом в ньютаунардском городском морге, куда было перенаправлено тело. Это случилось во вторник. Вечером заключение патологоанатома направили в Белфаст коронеру района.

В заключении не указывалось ничего необычного. Умерший был мужчиной сорока одного года, крупного телосложения и очень развитым физически. На теле было множество мелких царапин и ссадин, главным образом на кистях рук и запястьях, что вполне согласовывалось с характером его занятий, и ни одна из них не могла стать причиной смерти. Смерть, вне всякого сомнения, наступила в результате обширного кровоизлияния в мозг, что, в свою очередь, скорее всего, было вызвано физическим перенапряжением в сильную жару.

Имея подобное заключение, коронер имел право направить регистратору в Бангор свидетельство о ненасильственной смерти и не стал бы проводить расследование, если бы не одно обстоятельство, которого Харкишан Рам Лал не знал.

Большой Билли Камерон был активистом бангорского совета подпольного общества ОДС — «Ольстерские добровольческие силы», протестантской военизированной организации экстремистского толка. Компьютер в Лургане, куда стекаются сведения обо всех случающихся на территории провинции Ольстер смертях, как ненасильственных, так и

насильственных, выдал эту информацию, и кто-то в Лургане поднял телефонную трубку и позвонил в Каслри, в управление ольстерской полиции.

Оттуда кто-то позвонил в Белфаст коронеру, в результате чего было дано распоряжение провести формальное разбирательство. В Ольстере смерть не может быть просто случайной, ее случайность должна быть доказана. По крайней мере в отношении некоторых людей. Разбирательство проводилось в среду в Бангоре в здании Городского совета. Для Маккуина это была большая головная боль, потому что на допрос приехали представители департамента, ведающего внутренними налогами, и еще двое неприметных господ крайне верноподданнических убеждений из совета ОДС. Они сели в глубине зала. Большинство коллег покойного разместились на передних рядах, в нескольких футах от миссис Камерон.

Для дачи свидетельских показаний был вызван только Паттерсон. Он пересказал события понедельника, и, поскольку коронер ничего подозрительного в его рассказе не услышал, остальных рабочих, даже Рам Лала, опрашивать не стали. Коронер зачитал вслух заключение патологоанатома, после чего огласил свое решение:

— У патологоанатома сомнений относительно причин смерти не возникло. Выслушав рассказ мистера Паттерсона о том, что случилось в тот день во время обеденного перерыва, и о той довольно глупой шутке, которую умерший сыграл с индийским студентом, мы склонны полагать, что мистера Камерона его собственная выходка рассмешила так сильно, что он безудержным хохотом почти довел себя до удара. Последовавшие за этим физические нагрузки (работа ломом и лопатой под ярким солнцем) спровоцировали разрыв крупного кровеносного сосуда в мозге, то есть, выражаясь медицинским языком, внутримозговое кровоизлияние. Суд приносит соболезнования вдове и детям покойного и признает мистера Уильяма Камерона умершим вследствие случайных причин.

На лужайке перед зданием Городского совета Маккуин обратился к своим работникам:

— Я вам скажу честно, ребята, работа еще есть, но теперь, когда мне на хвост сели налоговики, я буду вынужден снимать с ваших зарплат все положенные отчисления. Завтра похороны, так что у вас будет выходной. Кто хочет продолжать работать со мной, приходите в пятницу.

Харкишан Рам Лал не пошел на похороны. Когда на бангорском кладбище проходила церемония, он ехал на такси в Комбер. Доехав до рощи, он попросил водителя остановиться и вышел из машины. Таксист был бангорцем и слышал о смерти Камерона.

— Что, собираетесь почтить его память на месте? — поинтересовался он.

— Что-то вроде того, — ответил Рам Лал.

— По вашим национальным обычаям?

— Можно и так сказать.

— Наверное, это не хуже и не лучше того, как мы, христиане, собираемся у могил, — заметил водитель и взялся за газету.

Харкишан Рам Лал прошел через рощу к лугу и остановился у того места, где они разводили огонь. Он осмотрелся по сторонам, окинул взглядом высокую траву и кусты ракитника и дрока, растущие из песчаной почвы.

— О виша серп, — позвал он спрятавшуюся змею. — О ядовитый змей, ты слышишь меня? Ты выполнил то, ради чего я привез тебя сюда из гор Раджпутаны. Но ты должен был умереть. Я бы сам тебя убил, если бы все пошло так, как я задумывал, и выбросил бы твоё грязное тело в реку. Ты слушаешь меня, смертоносный? Тогда слушай. Ты можешь еще немного пожить, но потом ты умрешь, как умирает все. И ты умрешь в одиночестве, ты не найдешь себе самку, потому что в Ирландии не водятся змеи.

Песчаная эфа не слышала его, а если слышала, то ничем не показала, что понимает. В глубокой норе в песке прямо под ногами индийца она была занята тем, что велела ей делать природа.

Внизу, у основания змеиного хвоста, расположены две перекрывающие друг друга чешуйки, которые скрывают клоаку. Хвост эфы был поднят вверх, тело ее ритмично содрогалось, словно в каком-то примитивном танце. Чешуйки были открыты, и из клоаки один за другим на свет появлялись двенадцать детенышей — каждый в прозрачной оболочке и не менее ядовитый, чем мать.

НАЙО МАРШ

Смерть в эфире

Дама Найо Марш (1899–1982) — пожалуй, самая знаменитая писательница Новой Зеландии. Многие годы своей жизни (с 1920 по 1952) она отдала театру, была и актрисой, и антрепренером, поэтому в ее книгах часто фигурируют театральные мотивы. Она является создателем одного из величайших сыщиков XX века — инспектора (а позже — суперинтендента) Родерика Аллейна. Все тридцать два ее опубликованных романа — о нем. Успех Найо Марш во многом обусловлен тем, что она наделила своего персонажа обычными человеческими чувствами: он влюблялся и женился, добивался успеха в карьере. Об огромном влиянии, которое она оказала на детективный жанр, говорит то, что Ассоциация детективных писателей Америки избрала ее великим магистром.

В рассказе «Смерть в эфире» Родерику Аллейну приходится в день Рождества расследовать одно из самых интересных и загадочных дел в своей карьере.

~ ~ ~

Двадцать пятого декабря в 7 часов 30 минут утра мистер Септимус Тонкс был найден мертвым рядом со своим радиоприемником.

Обнаружила его Эмили Паркс, помощница горничной. Толкнув дверь бедром, она вошла в комнату, в руках у нее были швабра и две щетки — одна для пыли, другая для ковра. И в тот же самый миг ее заставили вздрогнуть раздавшиеся из темноты слова.

— Доброе утро всем, — произнес хорошо поставленный голос. — И всем веселого Рождества!

Эмили вскрикнула, но негромко, поскольку сразу поняла, что случилось: мистер Тонкс, должно быть, уходя, забыл выключить свое радио. Она раздвинула занавески, скрывавшие бледный мрак — лондонский рождественский рассвет, — включила свет и увидела Септимуса.

Он сидел перед радиоприемником. Это был небольшой, но дорогой аппарат, сконструированный специально для него. Септимус сидел в кресле спиной к Эмили, чуть наклонившись к приемнику.

Его руки со странно сжатыми пальцами лежали на выступе корпуса под ручками настройки и громкости. Грудью он упирался в стол, а головой прислонился к передней панели.

Септимус выглядел так, словно подслушивал какие-то внутренние секреты аппарата. Голова его была опущена, из-за чего Эмили могла видеть только часть лысины с редкими напомаженными волосами. Хозяин не шевелился.

— Прошу прощения, сэр, — произнесла Эмили удивленно, потому что страстная любовь мистера Тонкса к радио еще никогда не заставляла его заниматься прослушиванием эфира в полвосьмого утра.

— Специальная рождественская служба, — продолжал вещать четкий голос.

Мистер Тонкс не шелохнулся. Эмили, как и остальные слуги в доме, ужасно боялась хозяина. Она застыла в растерянности, не зная, то ли выйти из комнаты, то ли остаться, в страхе покосилась на Септимуса и только теперь заметила, что он был в смокинге. Комната наполнилась веселым звоном рождественских колокольчиков.

Эмили широко раскрыла рот и закричала...

Первым в комнате появился Чейз, дворецкий. Это был бледный и обрюзгший мужчина с жестким и властным характером.

— Что здесь происходит? — строгим тоном произнес дворецкий и увидел Септимуса. Он подошел к креслу, нагнулся и заглянул хозяину в лицо.

Внешне Чейз остался спокоен и лишь громко произнес:

— Господи! — А потом повернулся к Эмили и прибавил: — Заткнись.

Грубость выдала его смятение. Он взял Эмили за плечи и вывел ее за дверь, где они чуть не столкнулись с мистером Хислопом, секретарем, который был в халате. Мистер Хислоп воскликнул:

— Боже правый, Чейз, что... — Но тут и его голос потонул в колокольном звоне и новых криках.

Чейз накрыл жирной рукой рот Эмили.

— Прошу вас, зайдите, пожалуйста, в кабинет, сэр. Несчастный случай. Отправляйся в свою комнату и прекрати орать, а не то я сам тебя успокою. — Последнее предложение было адресовано Эмили, которая после этих слов помчалась со всех ног по коридору, где ее встретили уже собравшиеся на шум слуги.

Чейз вернулся в кабинет вместе с мистером Хислопом и запер дверь. Какое-то время они вместе смотрели на бездыханное тело Септимуса Тонкса. Первым заговорил секретарь.

— Но... но... он мертв, неуверенно произнес маленький мистер Хислоп.

— Полагаю, в этом не может быть сомнений, — тихо промолвил Чейз.

— Посмотрите на лицо. Никаких сомнений. Боже мой!

Мистер Хислоп протянул тонкую руку к склоненной голове, но тотчас отдернул ее. Чейз, человек по натуре менее брезгливый, потрогал окоченевшее запястье, обхватил его пальцами и поднял. Тело покойного тут же, не разгибаясь, как деревянная кукла, откинулось назад на спинку кресла. Одна из рук скользнула по щеке дворецкого, и тот с проклятием отскочил в сторону.

Септимус сидел в кресле с поднятыми коленями и руками, его жуткое лицо было повернуто к свету.

Динь, дон, дан, динь.

— Выключите эти колокола, ради бога! — вскричал мистер Хислоп.

Чейз щелкнул выключателем на стене, и в неожиданной тишине стало слышно, что кто-то дергает за дверную ручку. Потом из-за двери раздался голос Гая Тонкса:

— Хислоп! Мистер Хислоп! Чейз! Что случилось?

— Минутку, мистер Гай. — Чейз посмотрел на секретаря. — Идите вы, сэр.

Пришлось мистеру Хислопу рассказывать семье о том, что случилось. Они выслушали его сбивчивый рассказ в ошеломленном молчании. Только когда Гай, старший из трех детей, вошел в кабинет, были сделаны какие-то практические предложения.

— Из-за чего он умер? — спросил Гай.

— Произошло что-то необычное, — пробормотал Хислоп. — Что-то очень необычное. Похоже на то, что его...

— Убило током, — закончил Гай.

— Нужно послать за доктором, — неуверенно предложил Хислоп.

— Конечно. Вы не могли бы этим заняться, мистер Хислоп? Нужно позвать доктора Мэдоуса.

Хислоп пошел звонить по телефону, а Гай вернулся к семье. Доктор Мэдоус жил рядом, на другой стороне площади, и прибыл через каких-то пять минут. Он осмотрел тело, не сдвигая его с места, и расспросил Чейза с Хислопом. Чейза больше всего беспокоили ожоги, обнаруженные на руке покойника. Он постоянно повторял: «электрический удар».

— Сэр, у меня был двоюродный брат, в которого ударила молния. И как только я увидел руку...

— Да-да, — произнес доктор Мэдоус. — Вы уже говорили. Я и сам заметил ожоги.

— Это электрический удар, — снова повторил Чейз. — Теперь будет расследование.

Доктор Мэдоус быстро посмотрел на него, но промолчал. Потом поговорил с Эмили и лишь после этого увиделся с остальными членами семьи: Гаем, Артуром, Филлипой и их матерью. Они собрались у холодного камина в гостиной. Филлипа, опустившись на колени, пыталась развести огонь.

— Что с ним случилось? — спросил Артур доктора, как только тот вошел в комнату.

— Похоже, электрический удар. Гай, я бы хотел поговорить с вами, если не возражаете. Филлипа, присмотрите за матерью. Думаю, кофе и хорошая порция бренди ей помогут. Куда запропалились слуги? Пойдемте, Гай.

Оставшись наедине с Гаем, он сказал, что придется вызывать полицию.

— Полицию? — Загорелое лицо Гая сильно побледнело. — Зачем? При чем тут полиция?

— Скорее всего, ни при чем, но сообщить им все равно нужно. Пока что я не могу дать заключение. Если он умер от электрического удара, как это произошло?

— Но полиция! — воскликнул Гай. — Это отвратительно. Доктор Мэдоус, не могли бы вы все-таки...

— Нет, — твердо ответил доктор. — Не мог бы. Извините, Гай, но так положено.

— А нельзя ли немного повременить? Осмотрите его еще раз. Ведь вы даже не обследовали его толком.

— Я просто не хотел сдвигать его с места. Соберитесь, Гай. Знаете что? У меня в Департаменте уголовного розыска есть знакомый, Аллейн. Он настоящий джентльмен и все такое. Он, конечно, будет проклинать меня за то, что я его вызвал, но если он в Лондоне, то обязательно приедет. Я думаю, вам с ним будет проще. Возвращайтесь к матери, а я пока позвоню Аллейну.

Вот как случилось, что главный инспектор уголовной полиции Родерик Аллейн день Рождества провел за работой. Впрочем, он все равно дежурил в этот день, и, как он объяснил доктору Мэдоусу, ему так или

иначе пришлось бы навеститься к несчастным Тонксам. Прибыв на место происшествия, он, как всегда, держался с отстраненной учтивостью. С ним был высокий и плотный офицер, инспектор Фокс, а также врач из полицейского отделения. Доктор Мэдоус провел их в кабинет. Аллейн посмотрел на жуткую неподвижную фигуру в кресле, которая когда-то была Септимусом.

— Его нашли в таком виде?

— Нет. Насколько я понимаю, он сидел, уткнувшись головой в радио и положив руки на выступ внизу. Должно быть, он завалился вперед, но радио и ручки кресла поддержали его.

— Кто его передвинул?

— Чейз, дворецкий. Он сказал, что хотел только поднять его руку. Тело сильно окоченело, это *rigor*.^[21]

Аллейн просунул руку под затвердевший затылок Септимуса и подтолкнул его. Тело перевалилось вперед, приняв первоначальное положение.

— Так он сидел, Кертис, — сказал Аллейн полицейскому врачу и повернулся к Фоксу. — Фокс, приведите, пожалуйста, фотографа.

Фотограф сделал четыре снимка и ушел. Аллейн отметил мелом положение рук и ног умершего, сделал подробный план комнаты и повернулся к докторам.

— Считаете, что его убил электрический удар?

— Похоже на то, — ответил Кертис. — Несомненно, это произошло до полуночи.

— Разумеется. Но посмотрите на его руки. На пальцах ожоги. Большой, указательный и средний пальцы сведены как раз на расстояние, равное ширине ручек радио. Он настраивал свою шарманку.

— Черт подери! — воскликнул до сих пор молчавший инспектор Фокс.

— Вы хотите сказать, что он получил смертельный удар от радио? — спросил доктор Мэдоус.

— Не знаю. Я всего лишь сделал вывод, что его руки лежали на ручках, когда он умер.

— Когда вошла горничная, оно все еще работало. Его выключил Чейз и, кстати, удара не получил.

— Ваша очередь, напарник, — обратился Аллейн к Фоксу, и тот подошел к выключателю на стене.

— Осторожнее, — сказал Аллейн.

— Ничего, у меня туфли на резиновой подошве, — ответил Фокс и

щелкнул выключателем.

Радио загудело, набрало звук, и комната наполнилась звуками веселой песни: «Рождество, Рождество...». Фокс его выключил и вытащил вилку из розетки.

— Хочу заглянуть внутрь этого аппарата, — сообщил он.

— Заглянете, друг мой, заглянете, — сказал Аллейн. — Только для начала, пожалуй, следует убрать тело. Вы можете помочь, Мэдоус? Фокс, будьте добры, сходите за Бэйли. Он в машине.

Кертис, Хислоп и Мэдоус с трудом подняли страшное скрюченное тело и отнесли Септимуса Тонкса вниз, в свободную комнату. Когда, вытирая пот со лба, вернулся доктор Мэдоус, сержант Бэйли, специалист по отпечаткам пальцев, изучал радиоприемник.

— Что вы делаете? — спросил доктор Мэдоус. — Хотите узнать, не копался ли он во внутренностях этого радио?

— Он, — ответил Аллейн, — или... кто-нибудь другой.

Доктор Мэдоус посмотрел на инспектора.

— Значит, вы согласны со мной. Вы подозреваете, что...

— Подозреваю? Я вообще не склонен к подозрениям. Я просто стараюсь ничего не упустить. Ну, что у вас, Бэйли?

— На ручке кресла четкий отпечаток. Но это наверняка отпечаток покойного.

— Несомненно. Позже проверим. А что радио?

Фокс, который был в перчатках, снял ручку громкости.

— Похоже, все в порядке, — ответил Бэйли. — Прекрасный аппарат. Просто замечательный. — Он посветил фонариком на заднюю стенку приемника, открутил пару винтиков и стал изучать электрическую начинку.

— Зачем нужно это маленькое отверстие? — вдруг произнес Аллейн.

— Какое отверстие, сэр? — спросил Фокс.

— На передней панели над ручкой просверлено отверстие. Диаметр — примерно одна восьмая дюйма. Краешек ручки прикрывает его. Немудрено, что мы его не заметили сразу. Бэйли, посветите изнутри. Видите?

Фокс нагнулся к аппарату и басовито заворчал. Тонкий лучик света пробился сквозь переднюю панель радио.

— Странно, сэр, — произнес Бэйли. — Не понимаю, зачем это могло понадобиться.

Аллейн снял ручку настройки.

— Здесь еще одно, — пробормотал он. — Да. Аккуратные маленькие дырочки. Недавно просверленные. Довольно необычно для радио, надо полагать?

— Вот именно, сэр. Очень необычно, — отозвался Фокс.

— Мэдоус, я хочу, чтобы вы ушли, — сказал Аллейн.

— Какого черта? — возмутился доктор Мэдоус. — Что это значит? Почему я должен уходить?

— Ваше место рядом со скорбящими родственниками. Вы же врач, вспомните, как должен вести себя врач, когда в доме труп.

— Я их уже успокоил. Что вы задумали?

— Хорошо, — смирился Аллейн. — Можете ненадолго задержаться. Кто сейчас под подозрением? Расскажите мне об этих Тонксах. Кто они? Чем занимаются? Каким человеком был Септимус?

— Если угодно знать, он был чертовски неприятным человеком.

— Расскажите о нем.

Доктор Мэдоус сел и закурил сигарету.

— Этот человек сам всего добился в жизни, — начал он. — У него был необычайно твердый характер, и... он скорее был груб, чем вульгарен.

— Как, к примеру, доктор Джонсон?

— Вовсе нет. И не перебивайте меня. Я знаком с ним двадцать пять лет. Его жена, Изабелла Форстон, жила по соседству с нами в Дорсете. Я принимал у нее роды и, можно сказать, привел их детей в эту юдоль слез. И это не шутка, это горькая правда. Семья эта очень необычная. Последние десять лет Изабелла находилась в том состоянии, которое вызывает бурный восторг у разного рода психологов и прочих умников. Но я всего лишь отставший от жизни терапевт, поэтому скажу просто: она находится в последней стадии истерического невроза, до которого ее довел страх перед мужем.

— Не понимаю, зачем просверлили эти дырки, — пробормотал Фокс и покосился на Бэйли.

— Продолжайте, Мэдоус, — сказал Аллейн.

— Полтора года назад я говорил об этом с Сепом. Я сказал ему тогда, что проблема заключается в ее мозге. Он взглянул на меня с улыбочкой и сказал: «Я удивлен, что у моей жены вообще есть мозг...» Но послушайте, Аллейн, я не могу такое рассказывать о своих пациентах. Черт, и о чем только я думаю?!

— Вам прекрасно известно: то, что вы расскажете мне, не узнает больше никто, если только...

— Если только что?

— Если только в этом не будет необходимости. Прошу вас, продолжайте.

Но доктор Мэдоус поспешил спрятаться за профессиональным тактом.

Он лишь добавил, что у мистера Тонкса было повышенное давление и слабое сердце, что Гай работал вместе с отцом, что Артур хотел стать художником, но ему велели изучать юриспруденцию, и что Филлипа хотела выступать на сцене, но ей велели забыть об этой бредовой идее.

— Выходит, он запугивал детей, — заметил Аллейн.

— Разбирайтесь сами. Я ухожу. — Доктор Мэдоус дошел до двери и даже взялся за ручку, но потом вернулся. — Послушайте, — сказал он, — я вам вот что скажу. Вчера вечером здесь произошла ссора. Я попросил Хислопа — он толковый парень — дать мне знать, если случится что-нибудь такое, из-за чего миссис Тонкс может расстроиться. Расстроиться действительно сильно, понимаете... Я и этого не должен бы говорить, но я имею в виду, если бы он стал распускать руки. Мне ведь известно, что Изабелла и дети от него всякого натерпелись. Он сильно пил. Прошлым вечером Хислоп позвонил мне в двадцать минут одиннадцатого и сказал, что тут произошла жуткая ссора. Сеп наорал на Фипс... Филлипу, ее все так называют... в ее комнате. Еще он сказал, что Изабелла — миссис Тонкс — уже спала. У меня вчера был тяжелый день, и мне не хотелось выходить из дому, поэтому я попросил его перезвонить мне через полчаса, если он не утихомирится. Я посоветовал ему не вмешиваться, оставаться в своей комнате — она находится рядом с комнатой Фипс — и убедиться, что с ней все в порядке, когда Сеп оттуда уберется. Хислоп тоже имел отношение к этой ссоре, но я не скажу, какое именно. Из слуг тогда дома никого не было. Я сказал, что если через полчаса он мне не перезвонит, я сам ему позвоню, и если мне никто не ответит, это будет означать, что у них все в порядке. Я им позвонил, но ответа не получил, поэтому и лег спать. На этом все. Я ухожу. Кертис знает, где меня найти. Я полагаю, что еще понадобится вам для следствия. До свидания.

Когда он ушел, Аллейн принялся тщательно осматривать комнату. Фокс и Бэйли все еще возились с приемником.

— Не понимаю, как этот господин умудрился получить удар от аппарата, — недовольно проворчал Фокс. — С ручками все в порядке. Все так, как и должно быть. Вот взгляните, сэр.

Он щелкнул выключателем на стене и покрутил ручку настройки. Какое-то время не было слышно ничего, кроме шипения, а потом радио вдруг объявило: «...на этом мы завершаем наш рождественский концерт».

— Хорошо звучит, — одобрительно произнес Фокс.

— Я кое-что нашел, сэр! — неожиданно воскликнул Бэйли.

— Надо полагать, опилки? — произнес Аллейн.

— Верно, — удивленно протянул Бэйли.

Аллейн заглянул в аппарат, подсвечивая себе фонариком, и взял щепотку опилок из-под просверленных отверстий.

— Улика номер один, — сказал Аллейн и нагнулся к розетке. — Ну-ка... Двойник! Для радио и радиатора. Я думал, они запрещены. Подозрительно. Давайте еще раз взглянем на ручки.

Это были обычные бакелитовые ручки, насаженные на стальные штырьки, торчащие из передней панели радио.

— Действительно, все в порядке, — задумчиво произнес он. — Постойте-ка. — Он достал карманную лупу и, прищурившись, осмотрел через нее один из штырьков. — Так-так. Скажите, Фокс, эти штуки всегда оборачивают промокательной бумагой?

— Промокательной бумагой? — удивился Фокс. — Никто их ничем не оборачивает.

Аллейн поскреб по очереди оба штырька перочинным ножом, держа снизу конверт. Потом, кряхтя, встал, подошел к письменному столу и стал его разглядывать.

— У промокашки оторван нижний уголок, — произнес он через какое-то время. — Бэйли, вы, кажется, сказали, что на радио отпечатков пальцев нет?

— Сказал, — ответил Бэйли.

— На пресс-папье их тоже не окажется. Или, наоборот, будет слишком много. И все же проверьте его, Бэйли, проверьте. — Аллейн стал ходить по комнате, уткнувшись взглядом в пол, пока не остановился у окна.

— Фокс! — воскликнул он. — Вот ключ к разгадке. Причем весьма заметный.

— Что там? — спросил Фокс.

— Клочок промокательной бумаги. — Взгляд Аллейна поднялся по краю занавески вверх. — Глазам не верю!

Он придвинул стул, встал на его сиденье и рукой в перчатке стянул с концов карниза набалдашники.

— Полюбуйтесь. — Он вернулся к радио, снял ручки и положил их рядом с теми, что снял с карниза.

Спустя десять минут инспектор Фокс постучал в дверь гостиной. Открыл ему Гай Тонкс. Филлипа уже разожгла огонь, и вся семья собралась у камина. Выглядели они так, будто долго сидели неподвижно и не общались друг с другом.

Первой с Фоксом заговорила Филлипа:

— Хотите позвать кого-то из нас?

— Да, мисс, — ответил Фокс. — Инспектор Аллейн хотел бы поговорить с мистером Гаем Тонксом, если это удобно.

— Конечно, — сказал Гай и направился в кабинет. У двери он остановился. — А он... отец все еще...

— Нет-нет, сэр, — успокоил его Фокс. — Там уже все убрано.

Подняв подбородок, Гай открыл дверь и вошел. Фокс последовал за ним. Аллейн сидел за письменным столом. Увидев Гая, он встал.

— Вы хотели поговорить со мной? — спросил Гай.

— Да, если вы не против. Я понимаю, случившееся, конечно же, потрясло вас. Присаживайтесь.

Гай сел в дальнее от радио кресло.

— Отчего умер отец? Его ударило током?

— Врачи пока не определили. Придется провести *postmortem*.^[22]

— Боже! И расследование будет?

— Боюсь, что да.

— Это ужасно, — потрясенно произнес Гай. — А что, по-вашему, случилось? Почему врачи темнят? Что его убило?

— Они думают, что электрический удар.

— Как это случилось?

— Мы не знаем. Похоже, он погиб, когда прикоснулся к радио.

— Но это невозможно! Там должна быть какая-то защита.

— Она существует. Если не вмешиваться в конструкцию устройства.

От удивления Гай несколько секунд не мог произнести ни звука. Потом лицо его просветлело. Он выглядел так, словно у него камень с души свалился.

— Ну конечно! — протянул он. — Он ведь постоянно в нем копался. Что он с ним сделал?

— Ничего.

— Но вы же сказали... Раз оно его ударило током, значит, он с ним что-то сделал.

— Если кто-нибудь что-то переделывал в конструкции радио, потом все восстановили, как было.

Губы Гая раскрылись, но он ничего не сказал, только сильно побледнел.

— Как видите, — сказал Аллейн, — ваш отец не мог этого сделать.

— Значит, его убило не радио.

— Мы надеемся, что это установит *postmortem*.

— Я в радио ничего не смыслю, — вдруг произнес Гай. — Ничего не понимаю, бессмыслица какая-то. Никто к этой штуке не прикасался, кроме

отца. Он сам никого к нему не подпускал. Никто и близко не мог к нему подойти.

— Понятно. Радио было увлечением вашего отца.

— Да, единственным его увлечением... помимо его работы.

— Один из моих подчиненных неплохо разбирается в радио, — сказал Аллейн. — Он говорит, что это очень хороший аппарат. Вы сказали, что не смыслите в радио, а в доме есть кто-нибудь, кто разбирается?

— Младший брат когда-то увлекался. Но потом бросил. Отец не разрешал заводить в доме еще одно радио.

— Возможно, он чем-то поможет?

— Но если в радио сейчас нет никаких поломок...

— Мы должны проверить все.

— Вы говорите так, будто... будто...

— Я говорю так, как должен говорить, пока не проведено следствие, — сказал Аллейн. — Скажите, мистер Тонкс, у вашего отца были враги? Может быть, он был с кем-то в натянутых отношениях?

Гай вскинул подбородок и посмотрел Аллейну прямо в глаза.

— Почти все, кто его знал, были с ним в натянутых отношениях.

— Это не преувеличение?

— Нет. Вы считаете, что его убили?

Вместо ответа Аллейн неожиданно указал на письменный стол, рядом с которым стоял.

— Вы когда-нибудь видели это? — резко спросил он. Гай уставился на два черных набалдашника, лежавших на пепельнице.

— Это? — повторил он. — Нет. А что это?

— Я считаю, что ваш отец умер, прикоснувшись к ним.

Тут открылась дверь, и в кабинет вошел Артур Тонкс.

— Гай, — сказал он, — что происходит? Мы не можем весь день просидеть все вместе в одной комнате. Я этого не вынесу. Скажи, бога ради, что с ним случилось?

— Они думают, что эти штуки убили его.

— Эти штуки? — Артур посмотрел на стол, потом перевел взгляд на карниз, но в следующую секунду веки его дрогнули и он быстро отвел взгляд. — Как это? — спросил он Аллейна.

— Наденьте насадку на штырек вместо ручки громкости.

— Но они же металлические, — растерялся Артур.

— Ничего, радио отключено, — успокоил его Аллейн.

Артур взял с пепельницы набалдашник, повернулся к радио и насадил его на один из голых штырьков.

— Слишком свободно сел, — быстро сказал он. — Отвалится.

— Не отвалится, если его укрепить... промокательной бумагой, к примеру.

— Где вы их нашли? — поинтересовался Артур.

— Вы, кажется, узнали их, не так ли? Я заметил, как вы посмотрели на карниз.

— Разумеется, узнал. Я писал портрет Филлипы на фоне этих занавесок, когда... когда он... когда он уезжал в прошлом году. Я перерисовывал эти чертовы штуковины.

— Послушайте, мистер Аллейн, — вмешался тут Гай. — К чему вы клоните? Если вы хотите предположить, что мой брат...

— Я? — воскликнул Артур. — При чем тут я? Почему вы решили, что...

— Я обнаружил остатки промокательной бумаги на штырьках для ручек и внутри металлических насадок, — сказал Аллейн. — Это позволяет сделать вывод, что бакелитовые ручки подменили металлическими. Просто удивительно, насколько они похожи, вы не находите? Если рассмотреть их повнимательнее, конечно, видно, что они не одинаковые, но, если не всматриваться, разница почти незаметна.

На это Артур не ответил. Он рассматривал радио.

— Мне всегда хотелось разглядеть получше этот аппарат, — вдруг произнес он.

— Сейчас у вас есть эта возможность, — вежливо сказал Аллейн. — Мы уже осмотрели его.

— Послушайте, — восторженно воскликнул Артур, — если даже бакелитовые ручки заменили металлическими, это не могло убить его. Его даже не ударило бы током. Ведь обе ручки заземлены.

— Вы заметили маленькие отверстия, просверленные в передней панели? — поинтересовался Аллейн. — Как вы считаете, они должны быть там?

Артур присмотрелся к стальным штырькам и воскликнул:

— Черт, а ведь он прав, Гай! Вот как они это сделали.

— Инспектор Фокс говорит, — сообщил Аллейн, — что через эти отверстия можно провести провод. Провод можно было снять с... трансформатора (так, кажется?), а ток пустить на одну из ручек.

— А вторую соединить с землей, — добавил Фокс. — Это сделал профессионал. Таким способом он мог пустить на ручку триста вольт.

— Но этого все равно недостаточно, — быстро произнес Артур. — У радио не хватило бы мощности убить человека. В усилителе всего

несколько сотых.

— Я не специалист, — сказал Аллейн, — но уверен, что вы правы. Тогда зачем эти отверстия просверлили? Выдумаете, кто-то хотел подшутить над вашим отцом?

— Подшутить? Над отцом? — Артур неприятным визгливым голосом рассмеялся. — Ты слышал, Гай?

— Заткнись, — бросил ему Гай. — В конце концов, отец ведь умер.

— Даже не верится, что нам так повезло, правда?

— Что ты несешь, Артур? Возьми себя в руки. Ты что, так и не понял, что это означает? Они считают, что его убили.

— Убили? Они ошибаются. Ни у кого из нас не хватило бы на это духу, господин инспектор. Посмотрите на меня. У меня руки дрожат. Мне даже сказали, что из-за этого я не смогу рисовать. А знаете, из-за чего это? Из-за того, что в детстве он меня однажды запер на ночь в подвале. Посмотрите на меня. Посмотрите на Гая. Он не такой чувствительный, но он тоже сдался, как и все мы. У нас просто не было другого выбора. Вы знаете...

— Подождите, — спокойно произнес Аллейн. — Ваш брат прав. Вам действительно следует думать, прежде чем что-то говорить. Убийство вполне вероятно.

— Спасибо, сэр, — быстро проговорил Гай. — Это чрезвычайно любезно с вашей стороны. Артур просто немного не в себе, понимаете. Случившееся потрясло его.

— Обрадовало, ты хочешь сказать, — уточнил Артур, — Не будь ослом. Я не убивал его, и они скоро это выяснят. Его никто не убивал. Должно быть какое-то объяснение.

— Предлагаю послушать меня, — сказал Аллейн. — Я собираюсь задать вам обоим несколько вопросов. Если не хотите, можете не отвечать, но все же будет разумнее ответить. Насколько я понимаю, к радио не прикасался никто, кроме вашего отца. Кто-нибудь из вас бывал в этой комнате, когда радио было включено?

— Нет, если только ему не хотелось отвлечься от радиопрограммы и покричать на кого-нибудь, — ответил Артур.

Аллейн повернулся к Гаю, который внимательно смотрел на брата.

— Я хочу знать точно, что случилось здесь этой ночью. Если доктор не ошибается, с момента его смерти и до того, как его обнаружили, прошло от трех до восьми часов. Нам нужно попытаться установить время как можно точнее.

— Я видел его примерно без четверти девять, — стал припоминать Гай. — Я собирался на ужин в «Савой» и спустился вниз. Он шел по залу

из гостиной в свою комнату.

— Мистер Артур, вы видели его после этого времени?

— Не видел. Но слышал. Он работал здесь с Хислопом. Хислоп хотел взять на Рождество выходной, но отцу нужно было отправить какие-то срочные письма. Правда, Гай, ты же знаешь, у него были отклонения. Я уверен, доктор Мэдоус подтвердит это.

— В какое время вы слышали его? — поинтересовался Аллейн.

— После того, как Гай ушел. Я работал над рисунком у себя наверху. Моя комната расположена прямо над его комнатой. Я слышал, как он орал на несчастного малыша Хислопа. Это было до десяти часов, потому что в десять я пошел на вечеринку в одну студию. Проходя через зал, я все еще слышал его вопли.

— А когда вы оба вернулись? — спросил Аллейн.

— Я примерно в двадцать минут первого, — не задумываясь, ответил Гай. — Я это могу сказать точно, потому что мы потом отправились в «Ше Карло», а оказалось, что они в полночь закрываются, так что мы сразу разъехались. Я вернулся домой на такси. Радио играло на всю громкость.

— Вы голоса слышали?

— Нет. Только радио.

— А вы, мистер Артур?

— Я понятия не имею, во сколько вернулся. После часа ночи, это точно. В доме было темно, и я не слышал ни звука.

— У вас есть собственный ключ?

— Да, — ответил Гай. — У нас у всех есть ключи. Мы их вешаем в прихожей на крючок. Я, когда вошел, заметил, что ключа Артура не было.

— А остальные ключи? Как вы определили, что это именно его ключ?

— У матери личного ключа нет, а Фипс свой потеряла пару недель назад. Да и знал я, что они дома, поэтому все равно понял бы, что Артура нет.

— Ну, спасибо, — усмехнулся Артур.

— Вы, вернувшись, в кабинет не заглядывали? — спросил его Аллейн.

— Господи, конечно нет, — произнес Артур с таким видом, как будто его спросили о чем-то совершенно несусветном. — Я думаю, — быстро добавил он, в это время он сидел здесь... мертвый. — Артур нервно рассмеялся. — Просто сидел за закрытой дверью, в темноте.

— Откуда вы знаете, что здесь было темно?

— Как это откуда? Разумеется, здесь было темно. Под дверью не было видно света.

— Понятно. Что ж, может быть, теперь вы вдвоем вернетесь к матери?

Но я бы хотел поговорить с вашей сестрой. Фокс, позовите ее, пожалуйста.

Фокс вернулся в гостиную с Гаем и Артуром и остался там, не задумываясь о том, какие неудобства доставляет его присутствие Тонксам. Бэйли уже тоже был там, он усердно изучал электрические розетки.

Филлипа пошла в кабинет сразу.

— Я могу чем-нибудь помочь? — сказала она с порога.

— С вашей стороны очень любезно, что вы так это воспринимаете, — сказал Аллейн. — Я не хочу вас надолго задерживать. Наверняка это происшествие стало для вас настоящим ударом.

— Может быть, — сказала Филлипа. Аллейн вскинул на нее глаза. — Я хочу сказать, — пояснила она, — что я, наверное, должна что-то чувствовать, но я ничего особенного не чувствую. Я просто хочу, чтобы это все закончилось как можно скорее и потом подумать об этом. Прошу вас, скажите, что произошло.

Аллейн рассказал ей, что, по их мнению, ее отец погиб от удара током и что обстоятельства этого происшествия необычны и загадочны. О том, что полиция подозревает убийство, он не упомянул.

— Что ж, я не думаю, что смогу чем-то помочь, — сказала Филлипа, — но спрашивайте.

— Я пытаюсь выяснить, кто последним разговаривал с вашим отцом или видел его.

— Думаю, что, скорее всего, это была я, — сдержанно произнесла Филлипа. — Я поспорила с ним перед тем, как лечь спать.

— Из-за чего произошла ссора?

— По-моему, это не имеет значения.

Аллейн задумался. Когда он заговорил снова, вид у него был сосредоточенный.

— Послушайте, — сказал он, — в том, что ваш отец был убит электричеством и смерть его связана с радио, почти нет сомнений. Насколько мне известно, обстоятельства, при которых это произошло, очень необычны. Радиоприемники сконструированы так, что не могут нанести человеку смертельный удар. Мы тщательно изучили аппарат и склонны думать, что вчера вечером кто-то внес в него изменения. Весьма серьезные. Возможно, это сделал ваш отец. Если во время работы его что-то отвлекло или расстроило, он мог от волнения в чем-то ошибиться.

— Но вы ведь сами в это не верите, — спокойно сказала Филлипа.

— Откровенно говоря, нет, — признался Аллейн.

— Ясно, — кивнула Филлипа. — Значит, вы считаете, что его убили, но не уверены в этом. — Она побледнела, но продолжала говорить твердым

голосом. — Тогда понятно, почему вы хотите узнать об этой ссоре.

— Обо всем, что случилось ночью, — уточнил Аллейн.

— А случилось вот что, — сказала Филлипа. — Около десяти я вышла в зал. Незадолго до этого я слышала, как уходил Артур, и посмотрела на часы: было пять минут одиннадцатого. В зале я встретила секретаря отца, Ричарда Хислопа. Заметив меня, он отвернулся, хотя я успела увидеть... Я сказала ему: «Вы плачете». Мы посмотрели друг на друга. Я спросила его, почему он терпит такое обращение, ведь другие секретари до него не выдерживали подобного. Он сказал, что вынужден. Ричард — вдовец с двумя детьми. Ему надо оплачивать счета доктора и все остальное, ну, вы, наверное, сами знаете, каково это. Мне не нужно рассказывать вам о его... о его службе у моего отца, будь она проклята, или о том, с какой изысканной жестокостью ему приходилось мириться. Я думаю, отец был сумасшедшим. Действительно, по-настоящему сошел с ума. Ричард признался мне во всем. Испуганным сбивчивым шепотом рассказал, как с ним обращается отец. Он работает здесь уже два года, но я до этого разговора даже не догадывалась, что мы... что... — На ее щеках появился легкий румянец. — Он такой забавный человечек. Совсем не такой, каким я его всегда представляла... Не просто красивый, или обаятельный, или...

Она смутилась и замолчала.

— Продолжайте, — произнес Аллейн.

— Понимаете... Я вдруг поняла, что люблю его. И он тоже это понял. Он сказал: «Конечно же, это глупо и бессмысленно. Насчет нас. Даже смешно об этом думать». Потом я положила ему руки на плечи и поцеловала его. Да, это выглядит странно, но тогда это казалось таким естественным. А потом из своей комнаты в зал вышел отец и... увидел нас вместе.

— Не повезло, — прокомментировал Аллейн.

— Да, не повезло. Отец откровенно обрадовался. Он даже губы облизнул. Ричард давно уже раздражал отца, хотя тому было трудно всякий раз придумывать причины, чтобы излить на него свой гнев. Теперь, конечно... Он приказал Ричарду зайти в кабинет, а мне велел идти в свою комнату. И пошел за мной наверх. Ричард тоже хотел пойти, но я попросила его этого не делать. Отец... Я думаю, вы сами догадываетесь, что он говорил мне. Он сделал самые худшие выводы из того, что увидел. Он был просто ужасен, кричал на меня, как сумасшедший. Он обезумел. Может быть, это белая горячка, не знаю. Он ведь ужасно пил. Наверное, глупо, что я вам все это рассказываю.

— Нет, — сказал Аллейн.

— Знаете, я сейчас совершенно ничего не чувствую. Даже облегчения. Мальчишки не скрывают свою радость, а вот я даже не испытываю страха. — Она задумчиво посмотрела на Аллейна. — Ведь если человек ни в чем не виновен, ему нечего бояться, верно?

— Для полицейского расследования это аксиома, — сказал Аллейн и тут же подумал, действительно ли она невиновна.

— Я не верю, что это было убийство, — убежденно произнесла Филлипа. — Мы все слишком боялись его, чтобы решиться на такое. Я думаю, если бы его даже убили, он все равно не отступился бы от своего, с того света нашел бы способ поквитаться. — Она закрыла глаза руками. — У меня все перемешалось в голове.

— Мне кажется, вы расстроены больше, чем вам кажется. Я постараюсь отнять у вас как можно меньше времени. Значит, ваш отец устроил вам сцену в вашей комнате. Вы говорите, он кричал. Кто-нибудь слышал это?

— Да. Мама слышала. Она вошла к нам.

— И что было дальше?

— Я сказала ей: «Все в порядке, дорогая, уходи». Я не хотела, чтобы она в этом участвовала. Он ведь своими выходками чуть не свел ее в могилу. Иногда он даже... Мы не знали, какие у них были отношения. Для нас это всегда оставалось тайной, словно ты идешь по коридору и перед тобой тихонько закрывается дверь.

— И она ушла?

— Не сразу. Отец заявил ей, что мы с Ричардом любовники. Он заявил... Но это неважно. Я не хочу вам пересказывать его слова. Мать была потрясена. Я даже не поняла, чем он ее больнее всего уколол. А потом он неожиданно велел ей идти в свою комнату. Она сразу ушла, и он за ней. Уходя, он запер меня, и это был последний раз, когда я его видела, правда, позже слышала его шаги, когда он спускался вниз.

— Вы были заперты всю ночь?

— Нет. Комната Ричарда Хислопа находится рядом с моей. Мы поговорили с ним через стену. Он хотел открыть мою дверь, но я отговорила его, потому что вдруг... отец бы вернулся. А потом, намного позже, Гай пришел домой. Когда он проходил мимо моей двери, я постучала. Ключ был в замочной скважине, поэтому он открыл дверь.

— Вы рассказали ему о том, что произошло?

— Только то, что была ссора. Он задержался у меня буквально на минуту.

— Из вашей комнаты слышно радио?

Филлипа удивилась.

— Радио? Да, слышно. Немного.

— Вы слышали его после того, как ваш отец вернулся в кабинет?

— Не помню.

— Подумайте. Постарайтесь вспомнить, что вы слышали, оставаясь в комнате, пока не пришел ваш брат.

— Я попробую. Когда вышел отец и застал нас с Ричардом, радио молчало — они ведь до этого вместе работали. Нет, я не помню, чтобы слышала его вечером, разве что... Подождите. Да, я вспомнила: когда он вернулся в свой кабинет из комнаты матери, раздался громкий электрический щелчок. Очень громкий. Затем, кажется, какое-то время все было тихо. По-моему, я потом слышала его снова. Ах да, вот еще: у меня в комнате у кровати стоит обогреватель, и он, когда щелкнуло в первый раз, выключился. Наверное, что-то случилось с электричеством. Через десять минут обогреватель опять заработал.

— Вы думаете, радио потом тоже заработало?

— Не знаю. Насчет этого я не могу сказать ничего определенного. Когда я легла спать, оно уже играло.

— Большое спасибо. Не смею вас больше задерживать.

— Хорошо, — спокойно произнесла Филлипа и ушла.

Аллейн послал за Чейзом и расспросил его об остальных слугах и о том, как было обнаружено тело. Потом вызвали и допросили Эмили. Когда она, охваченная страхом, но довольная собой, удалилась, Аллейн повернулся к дворецкому.

— Чейз, — сказал он, — у вашего хозяина были какие-нибудь особые привычки?

— Да, сэр.

— Имеющие отношение к радио?

— Прошу прощения, сэр, я думал, вы имели в виду — в общем.

— Хорошо, тогда в общем.

— Если позволите, сэр, у него их была масса.

— Вы давно работаете в этом доме?

— Два месяца, сэр, и в конце этой недели собирался увольняться.

— Вот как! А по какой причине? — поинтересовался Аллейн, на что Чейз произнес классическую фразу:

— Есть такие вещи, сэр, которые человек не в состоянии вынести. Например, то, как мистер Тонкс разговаривал со своими работниками.

— А, вы о его особых привычках?

— По моему мнению, сэр, он был сумасшедшим. По-настоящему. Это

было очевидно.

— А насчет радио? Он когда-нибудь ремонтировал его сам?

— Такого я не видел, сэр. Насколько я знаю, он очень хорошо разбирался в радио.

— А когда радио было включено, он вел себя как-то по-особенному? Может быть, у него были какие-нибудь характерные жесты или менялось настроение?

— Не думаю, сэр. Никогда не замечал ничего такого, хотя я часто заходил в его комнату, когда радио работало. Так и представляю сейчас, сэр, как он сидел за этим столом.

— Да-да, — быстро сказал Аллейн. — Нам как раз это и нужно. Чтобы вы четко представили себе его. Как он сидел? Вот так?

Он подошел к столу, сел в кресло Септимуса, развернулся к радио и поднял правую руку к ручке настройки.

— Вот так?

— Нет, сэр, — уверенно ответил Чейз. — Совсем на него не похоже. Нужно обе руки поднять.

Левая рука Аллейна поднялась к ручке громкости.

— Так больше похоже?

— Да, сэр, — медленно произнес Чейз. — Но должно быть что-то еще, только вот не могу вспомнить что. То, что он всегда делал. Крутится в памяти, но вот что?

— Я понимаю.

— Как будто... связанное с раздражением, — напрягая память, промолвил Чейз.

— С раздражением? Его раздражением?

— Нет, сэр. Бесполезно. Не могу вспомнить.

— Возможно, позже вспомните. Теперь ответьте мне вот на какой вопрос: где вчера вечером были все? Я имею в виду слуг.

— Их не было дома. Ведь вчера был сочельник. Хозяйка вызвала меня вчера утром и сказала, что вечером, после того как я в девять часов принесу мистеру Тонксу грог, мы можем уходить. Мы и ушли, — просто закончил Чейз.

— Во сколько?

— Остальные около девяти, я в десять минут, сэр, а вернулся примерно в двадцать минут двенадцатого. Прочие слуги к этому времени уже вернулись и все спали. Я и сам сразу лег, сэр.

— Вы вошли в дом через черный ход, надо полагать?

— Да, сэр. Мы уже разговаривали об этом. Никто из слуг не заметил

ничего необычного.

— В вашей части дома слышно радио?

— Нет, сэр.

— Хорошо, — сказал Аллейн, отрываясь от блокнота. — На этом все. Спасибо.

Прежде чем Чейз покинул комнату, вошел здоровяк Фокс.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Фокс. — Я видел тут на столе «Радио таймс», просто хочу взглянуть.

Он склонился над газетой, поспешил гигантский палец и перевернул страницу.

— Вот оно, сэр! — неожиданно вскричал Чейз. — Вот что я пытался вспомнить. Вот что он всегда делал.

— Но что?

— Лизал пальцы, сэр. У него была такая привычка, — сказал Чейз. — Он всегда это делал, когда садился к радио. Я слышал, как мистер Хислоп рассказывал доктору, что это его чуть с ума не свело. Хозяин ни к чему не прикасался, предварительно не полизав пальцы.

— Замечательно, — сказал Аллейн. — Минут через десять попросите, пожалуйста, мистера Хислопа зайти ко мне. Спасибо, Чейз, больше я вас не задерживаю.

— Знаете, сэр, — сказал Фокс после того, как Чейз ушел, — если это правда и мои соображения верны, значит, дело еще хуже, чем мы думали.

— Гениально, Фокс. И что же вы этим хотите сказать?

— Если бакелитовые ручки заменили на металлические и к ним через дырочки присоединили провода, а он прикоснулся к ним мокрыми пальцами, значит, удар был еще сильнее.

— Верно. И он всегда брался за ручки обеими руками. Фокс!

— Да, сэр?

— Сходите еще раз к Тонксам. Вы ведь не оставили их без присмотра?

— Там сейчас Бэйли, копается в выключателях. Он нашел общий электрический щит под лестницей, и там, похоже, недавно чинили перегоревшую пробку. В тумбочке внизу лежат куски провода такой же марки, как на радио и обогревателе.

— Да. А можно соединить проводом радиатор с радио?

— Черт возьми, вы правы! — воскликнул Фокс. — Точно, так и было, шеф. Толстый провод отрезали от радиатора и пустили внутрь. Горел камин, поэтому он не стал включать радиатор и ничего не заметил.

— Такое, конечно, возможно, но у нас нет доказательств. Фокс, ступайте обратно к безутешным Тонксам и расспросите их хорошенько, не

было ли у Септимуса каких-нибудь привычек, когда он садился за радио.

Фокс в дверях столкнулся с маленьким мистером Хислопом и оставил его наедине с Аллейном. «Филлипа была права, — отметил про себя инспектор, — когда сказала, что Ричард Хислоп — человек непримечательный». Он был из тех людей, которые не поддаются описанию. Серые глаза, тускло-коричневые волосы; очень бледный, очень невысокий и очень неприметный, и все же вчера вечером между ними пробежала искра любви. «Романтик, но подозрительный», — решил Аллейн.

— Прошу, присаживайтесь, — сказал он. — Я бы хотел, если не возражаете, чтобы вы рассказали мне о том, что произошло вчера вечером между вами и мистером Тонксом.

— Что произошло?

— Да. Вы все вместе обедали в восемь, насколько я понимаю. После этого вы с мистером Тонксом пришли сюда?

— Да.

— Чем вы занимались?

— Он продиктовал несколько писем.

— Ничего необычного вы не заметили?

— Нет.

— Почему вы поссорились?

— Поссорились? — Спокойный голос чуть дрогнул. — Мы не ссорились, мистер Аллейн.

— Возможно, я неправильно выразился. Из-за чего вы расстроились?

— Вам Филлипа рассказала?

— Да, и поступила очень разумно. Так что случилось, мистер Хислоп?

— Помимо того, о чем она вам рассказала? Мистеру Тонксу трудно было угодить. Я часто его раздражал. Так произошло и вчера.

— Что именно произошло?

— Да какая-то мелочь. Он закричал на меня. Я испугался, начал нервничать, путаться с бумагами и делать ошибки. Мне стало плохо, и потом я... не выдержал и сломался. Я всегда его раздражал. Одним своим видом, своими привычками...

— А у него самого были неприятные привычки?

— У него? Боже, миллион!

— Какие именно?

— Ну, ничего конкретного я вспомнить не могу. Но это ведь уже неважно, верно?

— Что-нибудь связанное с радио, например?

Секретарь немного помолчал.

— Нет.

— Вчера вечером, после обеда, радио работало?

— Недолго. После той... встречи в зале я его уже не слышал. Кажется. Я не помню.

— Что выделали после того, как мисс Филлипа с отцом ушла наверх?

— Последовал за ними и какое-то время слушал их разговор через дверь. — Секретарь сильно побледнел и отошел на шаг от стола.

— А потом?

— Я услышал, что кто-то приближается. Я вспомнил, что доктор Мэдоус просил меня позвонить ему, если что-нибудь опять случится. Я вернулся сюда и позвонил ему. Он сказал, чтобы я шел в свою комнату и слушал. Если бы ссора не затихла, я позвонил бы ему, а если бы все уладилось, я должен был оставаться у себя. Наши комнаты находятся рядом.

— Вы так и сделали?

Он кивнул.

— Вы слышали, что мистер Тонкс говорил ей?

— Да... Я многое слышал.

— Что именно?

— Он оскорблял ее. Миссис Тонкс тоже там была. Я как раз хотел позвонить доктору Мэдоусу, когда она и мистер Тонкс покинули комнату и прошли по коридору. Я остался у себя.

— После этого с мисс Филлипой вы не разговаривали?

— Мы поговорили через стену, и она попросила меня не звонить доктору Мэдоусу, а оставаться в своей комнате. Чуть позже, может быть, минут через двадцать — я не помню точно, — я услышал, как он вернулся и пошел вниз. Я снова перекинулся парой слов с Филлипой. Она умоляла меня ничего не делать и сказала, что утром сама поговорит с доктором Мэдоусом. Поэтому я подождал еще немного и лег спать.

— И заснули?

— Господи, нет!

— Вы после этого слышали радио?

— Да. По крайней мере, электрический щелчок.

— Вы в радио разбираетесь?

— Нет. Только в общих чертах. Ничего особенного.

— А как вы получили это место, мистер Хислоп?

— По объявлению.

— Вы говорите, что не помните, чтобы у мистера Тонкса были какие-

нибудь особенные привычки при работе с радио. Вы уверены в этом?

— Да.

— И о вашем разговоре в его кабинете перед тем, как вы вышли в коридор, вы больше ничего не можете рассказать?

— Нет.

— Хорошо. Передайте, пожалуйста, миссис Тонкс, что я хотел бы с ней поговорить.

— Конечно, — сказал Хислоп и ушел.

Когда появилась жена Септимуса, на ней совсем не было лица. Аллейн усадил ее и стал спрашивать о том, чем она занималась вчера вечером. Она сказала, что, почувствовав себя плохо, решила обедать у себя в комнате. Сразу после этого она легла в постель, но услышала, как Септимус кричал на Филлипу, и пошла в комнату дочери. Септимус обвинял мистера Хислопа и Филлипу в «ужасных вещах». Дойдя до этого, миссис Тонкс тихо заплакала. Аллейн тактично подождал, пока она справится с чувствами, и через какое-то время узнал, что Септимус, войдя в ее комнату, продолжил говорить «ужасные вещи».

— Что именно? — спросил Аллейн.

— Он не виноват, — уклонилась от ответа Изабелла. — Он не понимал, что говорит. По-моему, он пил.

Она рассказала, что муж пробыл в ее комнате около четверти часа, возможно, дольше, а потом неожиданно оставил ее. Она услышала, как он прошел по коридору, мимо двери Филлипы и, вероятно, вниз. Изабелла долго не могла заснуть. Радио из ее комнаты не слышно. Когда Аллейн показал ей насадки от карниза, она, похоже, не поняла их важности. Аллейн отпустил ее, позвал Фокса и описал ему суть дела.

— Ну, что вы скажете? — поинтересовался он, закончив рассказ.

— Что ж, сэр, — промолвил тот своим обычным бесстрастным голосом, — на первый взгляд, молодые джентльмены имеют алиби. Конечно, мы их проверим, но пока это не сделано, мне кажется, дальше мы не продвинемся.

— Хорошо, — сказал Аллейн, — а теперь представим, что у Гая и Артура железные алиби. Что тогда?

— Тогда у нас остаются юная леди, ее мать, секретарь и слуги.

— Сейчас мы с ними разберемся, но сначала давайте попытаемся понять, что же все-таки произошло с радио. Если я ошибусь, поправьте меня. Насколько я понимаю, радио могло стать причиной смерти мистера Тонкса только при условии, что ручки его были сняты, в корпусе тонким сверлом были проделаны отверстия, после чего на место бакелитовых

ручек поставили металлические, укрепив их на металлических штырьках при помощи промокательной бумаги. Провод от двойника до радиатора был перерезан, его концы были пропущены через просверленные отверстия и подсоединены к новым ручкам. Так возникли два полюса: положительный и отрицательный. Мистер Тонкс замыкает цепь и получает сильнейший удар, когда электричество пронизывает его и уходит в «землю». Пробка на щите перегорает почти мгновенно. Все это было подготовлено убийцей за то время, пока Сеп наверху ругался с дочерью и женой. Сеп вернулся в кабинет не раньше двадцати минут одиннадцатого. Все было сделано между десятью, когда вышел Артур, и тем временем, когда Сеп вернулся, скажем, в десять сорок пять. Потом убийца еще раз вошел в кабинет, убрал провода, снова подсоединил радиатор, заменил ручки и оставил радио включенным. Я считаю, что электрический щелчок, который слышали Филлипа и Хислоп, — это звук короткого замыкания, которое убило нашего Септимуса. Возражения есть?

— Нет.

— Кроме того, оно повлияло на работу обогревателей. Vide [\[23\]](#) радиатор мисс Тонкс. Да, он снова все восстановил. Для того, кто в этом разбирается, это совсем не сложно. Ему нужно было всего лишь починить пробку на щите. Сколько нужно времени, вы говорите, чтобы все восстановить?

— М-м, — пробасил Фокс. — Я думаю, минут пятнадцать. Но вообще ему следовало поторапливаться.

— Да, — согласился Аллейн. — Ему или ей.

— Сомневаюсь я, чтобы у женщины такое получилось, — проворчал Фокс. — Послушайте, шеф, вы же знаете, что я думаю. Зачем мистер Хислоп солгал насчет привычки лизать пальцы? Вы говорите, Хислоп сказал вам, будто не помнит ничего необычного, а Чейз утверждает, что слышал, как он жаловался доктору, что из-за этой привычки чуть не рехнулся.

— Совершенно верно, — сказал Аллейн и задумался. Он молчал так долго, что Фокс не выдержал и деликатно покашлял.

— Что? — очнулся Аллейн. — Да, Фокс, да. Все-таки придется это сделать.

Он заглянул в телефонный справочник и набрал номер.

— Могу я поговорить с доктором Мэдоусом? Ах, это вы! Вы помните, чтобы мистер Хислоп рассказывал вам о том, что привычка мистера Тонкса лизать пальцы чуть не свела его с ума?.. Алло, вы слышите меня?.. Не помните?.. Вы уверены в этом? Хорошо. Хорошо. Вы говорили, Хислоп

позвонил вам в двадцать минут одиннадцатого. А вы ему звонили... В одиннадцать. Вы уверены насчет времени? Понятно. Я был бы рад, если бы вы смогли зайти... Можете? Хорошо, тогда я жду.

Он повесил трубку.

— Фокс, пожалуйста, приведите еще раз Чейза.

Вновь приведенный Чейз усердно уверял Аллейна, что своими ушами слышал, как мистер Хислоп обсуждал с доктором Мэдоусом привычку хозяина.

— Это было, когда мистер Хислоп болел гриппом. Я поднялся наверх с доктором. У мистера Хислопа была очень высокая температура, и он разговаривал весьма возбужденно. Он говорил, не умолкая; сказал, что хозяин догадался о том, что его привычки бесят его, и стал нарочно над ним издеваться. Он сказал, что, если это не прекратится, он... Он тогда был не в себе, поверьте.

— Что он обещал сделать?

— Он сказал, что... Что сделает что-то с хозяином, сэр. Но это был обычный бред больного. Да он, наверное, сейчас и не вспомнит ничего.

— Да, — кивнул Аллейн, — наверное, не вспомнит. — Когда дворецкий ушел, он сказал Фоксу: — Отправляйтесь к этим мальчишкам и узнайте насчет их алиби, пусть скажут, как его доказать. Проверьте, подтвердит ли Гай, что мисс Филлипа действительно была заперта в своей комнате.

Фокс все еще выполнял указания, а Аллейн изучал свои записи в блокноте, когда дверь кабинета распахнулась и вошел доктор Мэдоус.

— Скажите-ка мне, господин ищейка, — воскликнул он с порога, — что это за вопросы насчет Хислопа? Кто сказал, что ему не нравились мерзкие привычки Сэпа?

— Чейз. И не орите на меня, Мэдоус. Я волнуюсь.

— Я тоже — спасибо вам! К чему вы ведете? Неужели вы считаете, что... что этот несчастный маленький служака способен хоть кого-то убить, тем более Сэпа?

— Понятия не имею, — устало вздохнул Аллейн.

— Господи, и зачем я только обратился к вам? Если Сэпа убило радио, то только потому, что он сам в нем что-то неудачно переделал.

— А после того, как умер, все переделал обратно, да?

Доктор с безмолвным удивлением уставился на Аллейна.

— Теперь, Мэдоус, вы должны дать мне прямой, четкий ответ, — сказал Аллейн. — Когда Хислоп болел, он говорил, хотя бы в бреду, что больше не может терпеть привычек хозяина?

— Я забыл, что и Чейз там был, — сказал доктор Мэдоус.

— Да, вы забыли об этом.

— Но даже если он и сказал что-то в бреду? Черт возьми, Аллейн, вы же не можете арестовать человека только за то, что он говорил, когда болел.

— Я такого не предлагаю. Всплыл другой мотив.

— Вы имеете в виду... Фипс? Их вчерашнюю встречу?

— Он рассказал вам об этом?

— Это она сегодня утром мне шепнула. Фипс доверяет мне. Боже мой, вы в самом деле уверены, что не ошибаетесь? — сказал Аллейн. — Мне очень жаль. Думаю, вам лучше уйти, Мэдоус.

— Вы собираетесь его арестовать?

— У меня есть обязанности, и я должен их выполнять.

Наступившее после этого долгое молчание нарушил доктор Мэдоус.

— Да, — промолвил он наконец, — должны. Всего доброго, Аллейн.

Вернувшись, Фокс доложил, что Гай и Артур не покидали своих компаний. Это он выяснил, поговорив с двумя их друзьями. Гай и миссис Тонкс подтвердили историю с запертой дверью.

— Тут можно применить метод исключения, — заявил Фокс. — Все указывает на секретаря. Он поработал с радио, пока жертва была наверху. Потом наверняка прокрался в свою комнату, чтобы пошептаться с мисс Тонкс. Я подозреваю, что он где-нибудь рядом дожидался, когда его хозяин поджарит себя, а потом все вернул на свое место и оставил радио включенным.

Аллейн молчал.

— Что нам делать дальше, сэр? — спросил Фокс.

— Я хочу взглянуть на крючок в прихожей, на который они вешают ключи.

Фокс с изумленным видом проследовал за начальником в небольшую прихожую.

— Да, вот они, — сказал Аллейн, указывая на крючок с двумя висящими ключами от американского замка. — Их невозможно не заметить. Идемте, Фокс.

Вернувшись в кабинет, они увидели Хислопа и Бэйли.

Хислоп перевел взгляд с одного полицейского на другого.

— Я хочу знать, его убили?

— Мы полагаем, что да, — ответил Аллейн.

— Я хочу напомнить вам, что Филлипа... мисс Тонкс вчера весь вечер была заперта в своей комнате.

— До тех пор, пока не вернулся домой брат и не открыл ее, — уточнил

Аллейн.

— Это не имеет значения. К этому времени мистер Тонкс уже был мертв.

— Откуда вы знаете, во сколько он умер?

— Я полагаю, он умер, когда раздался электрический треск.

— Мистер Хислоп, — сказал Аллейн, — почему вы не хотите рассказать мне, насколько вас раздражала его привычка лизать свои пальцы?

— Но... Как вы узнали? Я ведь никому об этом не рассказывал.

— Вы рассказали это доктору Мэдоусу, когда болели.

— Не помню. — Голос его дрогнул, губы задрожали, и он замолчал.

Но потом неожиданно заговорил снова: — Хорошо. Все верно. Два года он издевался надо мной. Видите ли, он знал кое-что обо мне. Два года назад, когда моя жена умирала, я взял деньги из копилки, которая стояла на этом столе. Потом я все вернул и думал, что он ничего не заметил, но, как выяснилось, он все знал с самого начала. И с тех пор я попал в его власть. Он сидел здесь, как паук. Я подавал ему бумаги. Он слюнявил пальцы, причмокивая языком, и при этом ядовито улыбался. Потом начинал переворачивать этими пальцами страницы. Он знал, как это выводит меня из себя, и посматривал на меня с довольным видом, а потом... Он начинал говорить о деньгах. Напрямую он меня никогда не обвинял, только намекал. И я был бессилен. Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший. Но я не сумасшедший. Я мог его убить. О, сколько раз я представлял себе, как сделаю это!.. Теперь вы считаете меня убийцей, но самое смешное то, что я этого не делал. Я бы никогда не решился. И ночью, когда Филлипа показала мне, что я ей небезразличен, это было как чудо... Что-то невероятное. Тогда, в первый раз за все время, пока я здесь работаю, я перестал чувствовать желание его убить. И той же ночью это сделал кто-то другой!

Глаза секретаря горели, он дрожал всем телом. Фокс и Бэйли, которые с любопытством наблюдали за ним, повернулись к Аллейну, ожидая услышать его ответ. Он как раз хотел что-то сказать, но тут вошел Чейз.

— Вам письмо, сэр, — сказал он Аллейну. — Доставлено курьером.

Аллейн развернул письмо, прочитал первые несколько слов и поднял глаза.

— Вы можете идти, мистер Хислоп. Я ждал этого письма и получил именно то, на что рассчитывал.

Когда Хислоп ушел, они вместе прочитали послание.

Дорогой Аллейн!

Не арестовывайте Хислопа. Я сделал это. Если вы его уже арестовали, отпустите его немедленно и не говорите Фипс, что подозревали его. Я был влюблен в Изабеллу еще до того, как она встретила с Сепом. Я пытался уговорить ее развестись с ним, но она не захотела этого делать из-за детей. Совершеннейшая глупость, но сейчас нет времени это обсуждать. Мне нужно спешить. Он подозревал нас. Он довел ее до нервного срыва. Я был уверен, что она так долго не выдержит. Несколько недель назад я украл ключ Фипс, который висел на крючке в прихожей. Инструменты и провода — у меня все было готово. Мне было известно, где в доме расположен электрический щит, и я собирался дождаться, когда все разъедутся на Новый год, но, когда Хислоп позвонил мне прошлым вечером, я передумал и решил действовать немедленно. Он сказал, что мальчиков и слуг нет дома, а Фипс заперта в своей комнате. Я велел ему оставаться у себя и перезвонить мне через полчаса, если все не уляжется. Он не перезвонил. Я сам позвонил ему и не получил ответа; это означало, что в кабинете, где стоит телефон, Сеп не было.

Я пришел, пробрался в дом и прислушался. Наверху все было тихо, но в кабинете горел свет, поэтому я понял, что Сеп скоро спустится. Он недавно рассказал мне, что собирается поймать какую-то полуночную передачу.

Я заперся и приступил к работе. Когда в прошлом году Сеп уезжал, Артур в его кабинете написал одну из своих чудовищных модернистских картин. Он тогда упоминал, что набалдашники на карнизе складываются в интересную фактуру. Тогда же я заметил, что они очень похожи на ручки радио, а позже попробовал переставить их местами и увидел, что они прекрасно садятся на место ручек радио, если внутри их немного уплотнить. Вы совершенно верно восстановили, как все произошло, и на подготовку я потратил каких-то двенадцать минут. Потом я пошел в гостиную и стал ждать.

Он спустился из комнаты Изабеллы и, очевидно, сразу взялся за радио. Я не думал, что будет так много шума, и испугался, а вдруг кто-нибудь спустится проверить, что случилось. Но никто так и не появился. Тогда я вернулся, выключил радио, починил пробку на щите, подсвечивая себе фонарем. После этого я навел порядок в кабинете.

Я мог не торопиться, потому что знал: пока он находится в

кабинете, туда все равно никто не войдет, но я поспешил включить радио, чтобы казалось, будто он его слушает. Я знал, что они позовут меня, когда найдут тело, и собирался сказать им, что он умер от удара. Я Изабеллу предупреждал, что это может рано или поздно произойти. Но, увидев ожоги у него на пальцах, я понял, что этот номер не пройдет. И все равно, я бы попытался как-то выкрутиться, если бы Чейз не начал блеять об обожженных пальцах и об электричестве. Хислоп тоже увидел обожженную руку. Мне ничего не оставалось делать, кроме как сообщить в полицию. Если честно, я не думал, что вы догадаетесь насчет ручек. Так что это очко в вашу пользу.

Я бы мог и дальше блефовать, если бы вы не начали подозревать Хислопа. Я не могу позволить вам повесить этого зануду. К письму я прилагаю записку Изабелле, которая, я знаю, не простит меня, и официальное заявление для вас, чтобы вы могли его использовать. Найдете меня в моей спальне наверху. Я решил воспользоваться цианидом. Благо он действует быстро.

Простите меня, Аллейн. Мне кажется, что вы и без меня обо всем догадались, верно? Я бы не проиграл, не будь вы суперсыщиком... Прощайте.

Генри Мэдоус

РОБЕРТ БАРНАРД

Утреннее телевидение

Родившийся в городке Бернем-он-Крауч, Эссекс, Англия, Роберт Барнард окончил колледж Баллиол Оксфордского университета и получил степень доктора философии в Бергенском университете в Норвегии. Поработав лектором в университетах Австралии и Норвегии, в 1974 году он опубликовал свой первый роман «Смерть старого козла». В романе «Смерть под пытками» (1981) он впервые изобразил детектива Скотланд-Ярда Перри Третоуэна, который впоследствии появился и в нескольких других его романах. Рассказы Роберта Барнарда отличаются изумительным черным юмором, благодаря которому они не единожды попадали в ежегодники лучших рассказов и несколько раз были номинированы на престижные премии Эдгара и Агаты. В 1988 году его рассказ «Более окончательный, чем развод» получил премию Агаты. Сейчас писатель с женой живет в Лидсе.

~ ~ ~

Появление утренних телепередач для англичан стало настоящим подарком.

По крайней мере так думала Каролина Ворсли, сидя в кровати с горячим тостом и чашкой чая, чувствуя теплую руку Майкла. Вскоре они снова займутся любовью, когда ведущая раздела о потребительском рынке станет рассказывать об опасных для жизни игрушках, или во время обзора прессы, или когда теледоктор станет объяснять дозвонившемуся в студию зрителю, как бороться с прыщами. Они будут это делать, когда их охватит желание, как им подскажет воображение — или когда желание охватит Майкла, потому что он иногда бывал очень своеволен, — но это вовсе не означало неуважения к ведущему, который в ту минуту будет в эфире. Ибо Каролина любила их всех и была бы вполне счастлива если бы могла просто валяться в кровати и смотреть на любого из них, будь то доктор Дэвид, обозреватель последних хитов поп-музыки Джейсон, знаток моды

Сельма, эксперт по трудным ситуациям Джемайма, спортивный обозреватель Рег или ведущая Мэрайя. И, разумеется, ведущий Бен.

Бен, ее муж.

Все устроилось просто изумительно. Бена вызвали в студию в четыре тридцать. Майкл, как всегда, выждал полчаса на тот случай, если Бен что-нибудь забудет дома и примчится обратно. Майкл был серьезным и немного нескладным молодым человеком, и меньше всего ему хотелось попасть в ситуацию не просто компрометирующую, но еще и смешную. Майкл был настоящей редкостью — студентом, который серьезно относился к учебе (хотя и прекрасно сложенным, со знанием дела отметила Каролина). Главными его интересами были работа, спорт и секс. Каролина открыла ему радости регулярного секса. Ровно в пять часов звенел его будильник, хотя, как он сказал Каролине, в этом почти никогда не было необходимости. Родители его давно пропадали в какой-то богом забытой части Африки, где распространяли лекарства, знания и осчастливливали местных жителей оксфамскими^[24] дарами, поэтому он жил один в их квартире. Майкл надевал спортивный костюм на тот случай, если вдруг произойдет невероятное и его кто-нибудь увидит в коридоре, чтобы иметь возможность сделать вид, будто собрался побегать. Но его никто и никогда не встречал. Уже через пять минут он оказывался в квартире Каролины, в кровати, которую она делила с Беном. И впереди у них было почти полтора часа на сон и секс до начала вещания утреннего телевидения.

Нельзя сказать, что Майкл смотрел телевизор с таким же восторгом, как Каролина. Иногда он брал книгу и читал в то время, когда Каролина с замиранием сердца вслушивалась в рассказ о не защищенных от возгорания игрушках или о каком-нибудь бизнесмене, бросившем в беде своих клиентов. Он лежал в кровати, увлеченный «Механикой денежных запасов» или «Некоторыми проблемами теории валютного курса» — чем-то более-менее простым, потому что читать ему приходилось под звуки телевизора. Время от времени он ловил устремленный прямо на него взгляд Бена. Он так и не смог к этому привыкнуть.

Каролину это ни капли не волновало.

«Смотри, смотри, у него галстук съехал», — восклицала она или сетовала: «Знаешь, Бен сильно облысел за последний год. Надо же, а живую я этого не замечала». Майкл редко находил в себе силы откликаться на подобные слова непринужденным тоном — слишком уж ощутимым было присутствие лысеющего, веселого, добродушного Бена, который улыбался во весь рот из телевизора, пытаясь извлечь из очередной поп-звезды хотя бы три последовательных внятных слова. «По-моему, у

него щеки растут», — говорила Каролина, слизывая с пальцев джем.

— Ничего у меня не растет! — вскричал Бен. — Может, я и облысел, но щеки у меня не растут. — Дрожащим от злости голосом он добавил: — Сука.

Он смотрел видеозапись вчерашней постельной сцены по телевизору у себя в гримерке после эфира. Фрэнк, его приятель из технического отдела, поставил камеру в шкафу в его кабинете, расположенном рядом со спальней. Маленькая дырочка в стене была искусно замаскирована. К счастью, Каролина была отвратительной хозяйкой. В конце концов она, конечно, могла найти под их двуспальной кроватью звукозаписывающее устройство, но даже тогда она, наверное, решила бы, что это какой-то хлам Бена, который он туда спрятал, чтобы не сломать. Как бы то ни было, он все равно успеет...

Все равно успеет что?

— Двухличная свинья! — завопил Бен, слушая, как Каролина с Майклом смеялись над тем, как, по их мнению, теневой секретарь Министерства иностранных дел буквально размазал его по полу во время последнего интервью. — Когда я вчера вернулся домой, она говорила, что я отлично справился.

Когда призрачные фигуры на экране снова прильнули друг к другу, матово поблескивая обнаженной кожей в полутьме, Бен прошипел: «Шлюха!»

Гризерша, сосредоточившаяся на смахивании пудры с его шеи, старательно воздерживалась от комментариев.

— Ты, наверное, думаешь, что я псих, раз такое смотрю? — спросил ее Бен.

— Это не мое дело, — ответила девушка, но добавила: — Учитывая наши рабочие часы, неудивительно, что она такое делает.

— Неудивительно? А я, черт возьми, удивился, когда об этом узнал! А ты бы как запела, если бы вдруг узнала, что твой муж или парень изменяет тебе, пока ты в студии пашешь?

— Я об этом и так знаю, — сказала девушка, но Бен не услышал ее.

Он часто не слушал других людей, когда был не перед камерой. Его телевизионный образ доброго и всепонимающего папочки редко использовался в личной жизни. Более того, он, бывало, выходил из него даже перед камерами: он мог, подавшись вперед, с внимательнейшим видом слушать собеседника, а в следующую минуту спросить его что-нибудь такое, после чего становилось ясно, что из сказанного он не уловил

ни единого слова. Но такое случилось крайне редко и только в том случае, когда он был чем-то очень занят.

— А сейчас они станут пить чай, — сказал он. — Каждому, кто работает в утреннюю смену, нужен перерыв на чай.

Чай...

Вскоре после этого восхитительные утренние встречи Каролины на время прекратились: ее сын Малькольм на удлинённые выходные вернулся домой из школы. И Майкл стал всего лишь соседским сыном, которому она вежливо улыбалась в коридоре. Каролина завтракала с ребенком на кухне. Во вторник утром, когда Малькольм был еще дома, Бен очередной раз ошибся в прямом эфире.

Он брал интервью у Касси Ле Боу из известной поп-группы «Кранч» и, повернувшись к камере, чтобы объявить клип с их последним музыкальным хулиганством, произнес: «Это будет интересно Каролине и Майклу, которые сейчас смотрят нас дома...»

— Почему он сказал «Майклу»? — удивилась Каролина, но в следующую секунду прикусила язык.

— Он хотел сказать «Малькольму», — предположил ее сын. — Но вообще я на него и обидеться могу за то, что он думает, будто мне могут нравиться эти «Кранч».

Малькольм тогда репетировал с Лондонским юношеским оркестром Вторую симфонию Элгара, так что Бен ошибся с его вкусами года на два.

— Ты видел это вчера утром? — спросила Каролина у Майкла на следующий день.

— Что?

— Что Бен сказал в «Просыпайся, Британия»?

— Я смотрю утреннее телевидение, только когда бываю с тобой.

— Ну, он опять сделал одно из своих «посланий домой»... Ты, наверное, не помнишь, но, когда «Проснись, Британия» только появилась, они там очень заботились об ее имидже «семейной программы», и с тех пор Бен завел привычку передавать с экрана небольшие послания мне и Малькольму. Все это так удобно и так фальшиво. Но неважно, вчера утром, когда Малькольм еще был дома, он снова передал нам привет, только сказал «Каролине и Майклу». Не Малькольму, а Майклу.

Майкл пожал плечами.

— Обычная оговорка.

— Это же его сын! И почему он назвал именно это имя — Майкл?

— Такое случается, — сказал Майкл, обнимая ее за плечи и укладывая на подушку. — Вчера в передаче участвовал какой-нибудь Майкл?

— Был Майкл Хезелтин, как всегда.

— Ну вот видишь. Все объясняется.

— Но Хезелтин — это же бывший министр, он бы никогда не назвал его Майклом.

— Просто это имя застряло у него в голове. Тут нет ничего необычного. Ты же сама знаешь, Бен стареет.

— Да, — согласилась Каролина, которая была на два года младше мужа.

— Стареет! — воскликнул Бен, приглаживая покрашенные брови и поглядывая одним глазом на экран. — Думаешь, я старик? Ну ничего, я покажу, какой я старик.

Бен уже отказался от услуг гримерши. Он был единственным из постоянных ведущих «Проснись, Британия», кто требовал к себе особого внимания, и все в студии удивились, но и обрадовались, когда Бен решил, что сможет обходиться без нее. Теперь он мог смотреть записи того, что происходит у него дома, не боясь почувствовать за спиной молчаливое неодобрение.

И теперь он решил придумать план.

Одним из факторов, которые он был просто обязан использовать в своих интересах, было абсолютное неумение Каролины вести хозяйство. На кухне столы, полки и тумбочки были завалены всякой всячиной: грязные чашки и тарелки с высохшими остатками джема, старые коробочки из-под маргарина, рассыпанные приправы и специи, пятна соуса. Холодильник напоминал подвал музея Виктории и Альберта, а лежащие в морозильнике продукты помнили даже первый год их совместной жизни. На наружном подоконнике кухонного окна лежали инструменты, которыми он пользовался, занимаясь садоводством.

Бен и Каролина жили в одной из двадцати квартир дома гостиничного типа. Большая часть работы по саду выполнялась работниками владельцев дома, но несколько небольших участков были оставлены в распоряжении жильцов. Бен прилежно ухаживал за своим участком, хотя (как это часто бывает в подобных случаях) это занятие больше удовлетворяло самолюбие, чем приносило плодов. «Из нашего сада», — говорил он, подавая гостям страшноватые маленькие миски с красной смородиной.

Кроме инструментов, на подоконнике стояла небольшая бутылка с гербицидом.

В тот день он пару часов копался в грязи на своем участке, а к тому времени, когда он закончил и помыл руки на кухне, бутылочка с гербицидом уже стояла у коробки с чайными пакетиками, рядом с чайником. Крышка бутылочки была наполовину откручена.

— Ничего нет лучше, чем поработать на собственном клочке земли, — обронил Бен, когда проходил мимо Каролины в кабинет.

Следующий вопрос, который нужно было решить: когда? Перед Беном открылась масса самых разных вариантов развития событий (включая его немедленный арест, к чему он уже внутренне приготовился), но он решил, что лучше всего будет сделать задуманное утром, перед самым уходом на работу. Гербицид, конечно, подействует не сразу, но можно надеяться, что они вызовут «скорую», когда уже будет поздно. Если ему предстоит вернуться домой и обнаружить отравленную жену с любовником, лучше пусть они будут по-настоящему мертвы. По средам вся команда утренних телепередач собиралась на совещание, чтобы узнать, что запланировано на следующую неделю: какая стареющая звезда будет продвигать свои мемуары, какой певец будет рекламировать предстоящий тур по Великобритании. По средам Бен редко возвращался домой до обеда. Значит, среда.

Он осторожно внес в свою мысленную записную книжку пометку: «Среда, 15 мая».

Положить гербицид в чаеварку или в чайный пакетик и как это устроить — все эти вопросы нужно будет решить вечером рокового вторника, когда все, что нужно для заваривания чая, уже будет готово. Главное то, что решение принято.

Пятнадцатое мая — вне всякого сомнения, поворотный день в ее жизни — для Каролины началось скверно. Во-первых, Бен поцеловал ее перед уходом на работу. Такое не случалось с тех времен, когда он только устроился на телевидение. Майкл пришел, как всегда, в пять часов, но в постели вел себя слишком уж напористо, словно позабыл о нежности. Потом Каролина пролежала час в его руках, думая о том, что могло его встревожить, он же все это время молчал и заговорил, только когда включили телевизор. Возможно, он рассчитывал, что штампованные фразы ведущих и реклама отвлекут внимание Каролины оттого, что он собирался ей сказать.

Его учебник был открыт, и чайник на чаеварке уже начал гудеть, когда он по-юношески грубовато произнес:

— Все кончено.

Каролина в это время смотрела отрывки боя Фрэнка Бруно и слушала его невнимательно. Когда репортаж закончился, она повернулась к Майклу.

— Прости, что ты сказал?

— Я сказал, что все кончено.

В сердце Каролины словно вонзился кинжал. На несколько минут оно замерло. Когда к ней вернулся голос, она, как какая-нибудь глупая домохозяйка среднего уровня, пролепетала:

— Я не совсем поняла. Что кончено?

— Это. Наши встречи по утрам.

— Твой родители возвращаются домой раньше, чем планировали?

— Нет. У меня... появилась своя квартира, ближе к колледжу. Чтобы меньше тратить времени на дорогу по утрам и вечерам.

— То есть ты просто переезжаешь?

— Где-то так. Я же не могу жить с родителями вечно.

Голос Каролины стал громче и тоньше.

— Ты не живешь с родителями. Они вернутся только через полгода. Ты переезжаешь подальше от меня. Ты что, считаешь меня человеком, с которым можно встречаться, когда тебе удобно, а потом, когда это станет уже не так удобно, просто взять и уехать?

— Ну... вообще-то, да. Я свободный человек.

— Ты сволочь! Мерзавец.

Она в ту минуту с превеликим удовольствием схватила бы его за плечи и так бы встряхнула, чтобы у него зубы вылетели, но вместо этого она просто села в постели и в негодовании замолчала. Было четверть восьмого. Чайник на автоматической чайварке засвистел и налил кипяток в сосуд с чайными пакетиками.

«Выпейте чая или кофе, — сказал Бен в телевизоре своему гостю, политику, с улыбкой, напоминающей оскал черепа. — Сейчас как раз время для утреннего чая».

— Дело не во мне, верно? — наконец произнесла Каролина, пытаясь не дрогнуть голосом. — У тебя появилась другая?

— Хорошо, да, у меня появилась другая, — согласился Майкл.

— Моложе, чем я?

— Конечно, моложе, — сказал Майкл, открыл учебник и углубился в теорию монетаризма.

Про себя Каролина повторила: «Конечно, моложе?! Как это понимать? Женщин старше меня не бывает в природе? Или „я просто коротал время с такой старухой, как ты, дожидаясь, пока мне не подвернется кто-то моего

возраста“»)?

— Ты переезжаешь к девушке, — произнесла она грубовым голосом.

— Ага, — ответил Майкл, не отрываясь от Хайека.

«Как вам наш чай?» — спросил Бен своего гостя.

Каролина сидела на кровати, глядя на мелькающие картинки на экране, пока чаеварка остывала. Будущее раскинулось передней, как бескрайняя пустыня, — ей предстоит прожить жизнь жены и матери. Но, господи ты боже мой, разве это жизнь? По какой-то непонятной причине, когда она над этим задумалась, жизнь в роли любовницы показалась ей чем-то полноценным, традиционным и достойным. Теперь каждая ее мысль о предстоящих годах превращалась в отвратительную, издевательскую картинку, где все белое выглядело черным, как на негативе. Так же и человек, лежавший рядом с ней на кровати, из обаятельного объекта сексуального влечения превратился в грубого и неблагодарного подростка.

Тем временем в «Проснись, Британия» все тоже не шло гладко: двое ведущих запутались, кто что должен представлять. Каролина сосредоточила внимание на экране, она любила смотреть, когда Бен портачил.

— Прошу прощения, — произнес Бен с улыбкой доброго дядюшки. — Я думал, это слова Мэрайи, но, оказывается, мои. Так... Я знаю, что нашего сегодняшнего гостя зовут Дэвид, но я не знаю, о чем вы хотите сегодня поговорить, Дэвид.

— О ядах, — ответил Дэвид.

Но камера не переключилась на него, и, как только он произнес это короткое слово, Каролина (а вместе с ней и миллион телезрителей) увидела, что Бен разинул рот и в его глазах сверкнул, как молния, панический страх.

— Мне часто пишут родители маленьких детей, — спокойным голосом, обещающим, что все будет хорошо, заговорил Дэвид, — и очень часто они задают один и тот же вопрос: что делать, если в руки ребенка попал ад. Старые лекарства, моющие средства, вещества, применяющиеся в садоводстве, — все они могут нести опасность, а некоторые могут даже привести к смерти. — Каролина увидела, как Бен (камера словно прилипла к нему) с трудом проглотил подступивший к горлу комок и взялся рукой за шею. Потом режиссер наконец смилостивился над ним и показал доктора, который увлеченно продолжал рассказ: — Итак, вот основные правила, как нужно поступать в случае отравления...

Каролина не отличалась смекалкой, но вдруг последовательность событий этого утра выстроилась в цепочку: поцелуй Бена, его улыбка, когда он предложил своему гостю в студии чай, бутылка гербицида на

кухне рядом с коробкой с чайными пакетиками, изумление Бена при упоминании яда.

— Майкл, — сказала она.

— Что? — произнес он, не отрывая взгляда от книги.

Она посмотрела на погруженного в себя, жестокого и даже не осознающего своей жестокости человека, и кровь ее закипела.

— Ничего, — сказала она. — Давай выпьем чаю. Он, наверное, уже остыл совсем.

Она налила две чашки и одну передала ему. Он отложил книгу, которую на самом деле не читал, и мысленно поздравил себя с тем, что все прошло так легко. Взяв чашку, он сел на край кровати и стал смотреть в телевизор, где спортивный обозреватель рассказывал о вчерашнем соревновании легкоатлетов в Осло.

— Ого! — уважительно произнес Майкл, помешивая ложечкой в чашке. — Вот это, я понимаю, забег.

Он сделал большой глоток чая, потом быстро опустил чашку, повернулся к Каролине и начал задыхаться.

Каролина, держа в руке полную чашку, смотрела на подлого юнца. На губах ее играла торжествующая улыбка. Камера, спрятанная в шкафу в соседней комнате, зафиксировала эту улыбку для Бена и для суда, на котором их судили, по иронии судьбы, вместе.

САЙМОН БРЕТТ

Запретная смерть

Саймон Бретт одинаково мастерски пишет как классические детективы, так и исторические. Среди его последних романов «План миссис Парджетер» и «Утолясь, умрет». Больше всего Саймон Бретт известен благодаря своей серии романов о Чарльзе Пэрисе, актере и детективе поневоле, которому постоянно приходится сталкиваться с преступлениями, так или иначе связанными с лондонской театральной средой. Другая его серия посвящена приключениям загадочной миссис Парджетер, сыщицы, которая в своих необычных расследованиях ходит по самому краю закона. Кроме того, Саймон Бретт — мастер короткой формы, его рассказы входили в сборники, выпускаемые обществом почитателей классического детектива «Malice Domestic», а также в антологии «Однажды преступив закон» и «Веселые кости». Его сценарии к радиоспектаклям получили премию Британской гильдии сценаристов. Также его перу принадлежит несколько нехудожественных книг, и еще он является редактором нескольких книг из серии «Фабер», в том числе «Книга полезных стихотворений» и «Книга пародий». Саймон Бретт живет в английском городе Берфем.

~ ~ ~

Харриет Чейли нажала кнопку звонка на двери дома № 73 на Дреффорд-роуд. Этот большой эдвардианский особняк находился в той части города, где за последние десять лет Цены на недвижимость взлетели до небес. За приоткрытой Дверью гаража она заметила поблескивающий хромом старинный «бентли».

Двое старшекурсников на велосипедах у нее за спиной, пребывавшие в характерном для их возраста заблуждении, что всем вокруг интересно знать, о чем они говорят, оживленно обсуждали предстоящую сегодня вечеринку и разбирали по косточкам тех, кого собирались приглашать. Впрочем, этот треп ее только успокаивал, потому что был ей знаком.

Казалось, лишь совсем недавно она приезжала в город навестить Дикки. Но это было еще до того, как он получил диплом и занялся своими исследованиями. Дикки в те дни разговаривал точно так же. В те дни, когда он еще не ушел с головой в работу, в те дни, когда в его жизни еще было место для чего-то другого.

Но это было больше пяти лет назад. А теперь снова напомнила себе она, наверное, в тысячный раз за последние три дня, Дикки мертв.

Ее снова охватило чувство вины. После смерти родителей ей следовало быть ближе к младшему брату. Но со временем это становилось все сложнее и сложнее. В последние годы стало почти невозможно заставить Дикки говорить о чем-то, кроме предмета его исследований. Предмет этот (какая-то особенность синтаксиса старофранцузского языка) был до того туманным, что тем, кто имел неосторожность поинтересоваться его сутью, приходилось потом выслушивать получасовую лекцию.

Дикки был настоящим специалистом. Экспертом с мировым именем. Его приглашали читать лекции на конференции по всему миру: Токио, Сан-Франциско, даже в Париж. В академических кругах он, несомненно, заслужил огромное уважение, но для обычных людей — то есть для всех, чьи интересы не ограничивались данной особенностью старофранцузского синтаксиса, — было очевидно, что одержимость Дикки превратила его в скучного зануду.

«Хотя, — вдруг подумалось Харриет, — в этом он не одинок». Неужели семейный порок?.. Она знала, что точно так же предана своему делу — работе в британском посольстве в Риме. Спроси ее о любимом деле, и результат будет не сильно отличаться...

Если бы они нашли время расслабиться и не думать о делах! Если бы подумали о чем-нибудь другом. Если бы забыли о восьмилетней разнице в возрасте и попытались узнать друг друга получше.

Но теперь уже было поздно на это надеяться.

Дверь дома № 73 на Дреффорд-роуд открылась, и за ней показался мужчина лет пятидесяти. Он был в твидовом костюме, круглое лицо обрамляли почти неприлично длинные седые волосы. На нее он смотрел изучающе, без удивления, но явно не догадываясь, кто она.

— Добрый день. Я Харриет Чейли, — объявила она своим удивительно низким, почти мужским голосом.

На его лице тут же появилось сочувствующее выражение.

— Ужасно жаль, что все так сложилось. Прощу вас, входите. — Он провел ее по длинному коридору, отделанному темными деревянными

панелями, в гостиную с низкими кожаными креслами и горами раздутых папок, напоминающую школьную учительскую. На стенах между фотографиями ралли старинных «бентли» висели картины в простоватом южноамериканском стиле.

— Меня зовут Майкл Бруэр. Я был... Наверное, правильно будет сказать, домовладельцем Ричарда,^[25] но надеюсь, что и другом тоже. Присаживайтесь.

— Спасибо.

— Не хотите ли чаю? Или кофе?

— Нет, спасибо. Я только что пообедала.

Он неуверенно присел на ручку кресла.

— Не знаю, упоминал ли Ричард когда-нибудь обо мне в письмах...

— Нет. Нет, боюсь, что мы не так уж часто переписывались. Можно сказать, что совсем потеряли контакт несколько лет назад.

— Да, конечно. Иначе бы я знал, что вы — его ближайшая родственница, и, разумеется, не стал бы так спешить...

Он немного подался назад и вдруг, хотя Харриет его ни в чем не обвиняла, принялся защищаться.

— Мне ужасно неловко. Просто он, пока жил здесь, никогда не говорил, что у него есть какие-то родственники. В колледже тоже никто толком не знал о его семье. Он ни с кем не делился.

— Да.

— И поскольку мало людей приходило к нему сюда... А те, кто приходил, были... Скажем так, не были близкими друзьями... Да что там говорить, если у него и был друг, так это я. Поэтому, когда пришлось организовывать похороны, я подумал, что чем скорее все будет сделано, тем лучше.

Харриет твердо кивнула.

— Я вам очень благодарна.

— Поверьте, мисс Чейли, если бы я знал, что у Ричарда есть сестра, я бы никогда...

— Конечно. Не волнуйтесь. Просто неудачно сложились обстоятельства. Такое бывает.

— Да.

Но выражение его лица так и осталось взволнованным, и Харриет показалось, что ей стоит попытаться его успокоить. В конце концов, этот человек ведь сделал больше, чем кто-либо другой в подобных обстоятельствах.

— Я правда очень благодарна вам, мистер Бруэр. Хоть кто-то

позаботился о том, чтобы брата похоронили как положено.

— Да. — Он пожал плечами. — Это было меньшее, что я мог сделать.

— Хм. Их провели в церкви колледжа?

— Что? Похороны?

— Да.

Майкл Бруэр как будто смутился.

— Нет. Нет.

Какой-то инстинкт удержал Харриет от того, чтобы продолжать эту тему.

— Я бы хотела увидеть могилу Дикки... Ричарда, мистер Бруэр. Почтить его память и...

Его замешательство сделалось еще заметнее.

— Прошу прощения, но тело вашего брата было кремировано, и...

— Ах! — Это известие потрясло ее.

Когда три дня назад в посольство сообщили о смерти Дикки, Харриет была ошарашена этим известием. Единственным для нее утешением было представлять его тело и думать о том, что, хоть его уже и нет в живых, что-то от него осталось. Но сейчас она узнала, что даже эта надежда оказалась призрачной.

Вспомнив свою дипломатическую подготовку, она уверенно перевела разговор в другое, менее эмоциональное русло.

— А вы тоже связаны с университетом, мистер Бруэр?

— Я немного преподавал в свое время, — сказал он. — Но, как вы наверняка знаете из газет, в образовании сейчас занялись сокращением штатов. И вот, три года назад меня уволили.

— Сочувствую, — формальным тоном произнесла она. — А что вы преподавали?

— Испанский.

Харриет кивнула на стены.

— И отсюда эти картины?

— Да, я до сих пор езжу в Южную Америку почти каждое лето.

— Правда? Меня несколько лет назад отправили в Боготу. — Видя его удивление, она пояснила: — Я работаю в Министерстве иностранных дел.

Он кивнул.

— Я плохо знаю Боготу. Бывал там всего раз, и то лишь несколько дней.

— Понятно.

Светская беседа постепенно застыла на мертвой точке. Продолжать ходить вокруг да около было бессмысленно.

— Мистер Бруэр, — спросила Харриет с характерной для нее прямоотой, — как умер брат?

— Э-э-э...

— Я имею в виду, отчего он умер?

На его смущение уже было больно смотреть.

— По-моему, — собравшись с духом, сказал он, — в свидетельстве о смерти было указано «воспаление легких», но, если вы хотите узнать подробнее, обратитесь к доктору.

Доктор Харт, как и его кабинет, вид имел невзрачный и даже жалкий. Он и его пиджак спортивного покроя выглядели помято, как будто они вместе устали от бесконечного общения с больными и выявления симптомов. Его приемная была забита кашляющими, жалующимися и студентами, заработавшими нервный срыв в ожидании очередного экзамена. То, как доктор поглядывал на часы, не оставило у Харриет сомнения, что ей уделили время только лишь из вежливости.

— Первый раз ваш брат обратился ко мне, я думаю, месяца три назад. Он жаловался на проблемы с пищеварением. Понос, позывы к рвоте. Я выписал ему лекарства, но они ему, похоже, не помогли. Он еще несколько раз приходил ко мне, и все так же, без улучшений. Незадолго до его смерти я сам сходил к нему домой. Но тогда у него уже началась пневмония, и...

Доктор пожал плечами. Для него это был просто очередной случай, который закончился тем же, чем заканчиваются они все, с той лишь разницей, что на этот раз конец наступил немного раньше, чем можно было ожидать.

— Но почему же вы не отправили его в больницу? — спросила Харриет.

Доктор Харт устало кивнул.

— Я пытался его убедить, когда он приходил ко мне. Я хотел, чтобы он сдал кое-какие анализы, но ваш брат и слышать об этом не желал. Сказал, что у него нет на это времени.

— Что должен заниматься работой...

— Да, он так говорил. А когда я виделся с ним в последний раз, боюсь, что сдавать анализы было уже поздно. — Доктор вздохнул. — Мне жаль, мисс Чейли, но если больной сам отказывается следить за своим здоровьем, мы, доктора, мало чем можем ему помочь.

— А вскрытие производилось?

— В этом не было необходимости. Я видел вашего брата перед самой смертью. Смерть его не была неожиданной или необъяснимой.

— Да. — Харриет помолчала секунд. — Доктор Харт, как вы думаете, из-за чего он заболел?

Ответ прозвучал резко, почти грубо:

— Я же сказал. Он сам довел себя до этого. Одному Богу известно, чем он питался и когда. Насколько я знаю, мистер Бруэр пытался уговорить его есть нормальную, здоровую пищу, но почти всегда... Боюсь, он просто не думал о себе. В таких условиях любая инфекция могла для него стать губельной. Под конец он так себя истощил, что даже обычная простуда могла перерасти в воспаление легких. Ваш брат, мисс Чейли, вел весьма своеобразную жизнь. — Он снова с раздраженным видом посмотрел на часы. — А теперь, если у вас больше нет вопросов...

Харриет встала и направилась к выходу, но у двери остановилась.

— Вы мне рассказали все, что знаете, доктор Харт?

— Да, — угрюмо проговорил он и опустил взгляд на лежащие на столе бумаги.

— Как жаль, что Дикки так и не женился, — сняв с полки стопку книг, сказала Харриет и обвела взглядом заваленную бумагами комнату покойного брата. — Если бы рядом с ним был человек, о котором нужно заботиться, он бы не ушел в работу с головой. Я хочу сказать, ни одна женщина не позволила бы ему так жить, не видя ничего, кроме работы.

— Вы правы, — вежливо согласился Майкл Бруэр.

— Вы не видели, у него были подруги? То есть, может быть, сюда приходил кто-нибудь постоянно?

— Сюда вообще мало кто приходил.

— Похоже, брат женщинами вообще не интересовался.

Майкл Бруэр проворчал что-то, соглашаясь.

Харриет вздохнула.

— Я знаю людей такого склада. Но в детстве он был очень живым... Общительным. Наверное, ему было ужасно одиноко.

— А я так не думаю, — сказал Майкл Бруэр, пытаясь ее хоть чем-то подбодрить. — По-моему, он был настолько поглощен работой, что попросту не замечал, был с ним кто-нибудь рядом или нет.

— Хм. Как странно, сейчас его работа кажется совершенно бессмысленной. — Она сняла с полки еще одну книгу. — Я хочу сказать, что не понимаю даже названий этих книг. Что уж говорить об их содержании. Наверняка они недешево стоят. Хотя, конечно, это не для каждого.

— Да.

— Как вы думаете, можно будет избавиться от них через университет? Ну, то есть отдать в библиотеку... или кому-нибудь, кто занимается той же темой.

— Я уверен, что это возможно. Если хотите, я мог бы заняться этим.

— Если вам не трудно, я была бы вам очень благодарна.

— Конечно. Вы хотели бы их продать?

— Нет, что вы. Просто было бы хорошо, если бы они попали туда, где бы их оценили.

— Разумеется.

Она обвела взглядом комнату с выражением отчаяния на лице.

— У него вообще-то не так много вещей. То есть книги и журналы — да, но личных вещей почти нет.

— Да. У него, конечно, была одежда и... Хотите посмотреть?

— Нет, нет. Я все это отдам в «Оксфам» или...

— Я и с этим готов помочь, если хотите.

— Я не могу вас так утруждать...

— Нет-нет, все в порядке. Мне это не трудно, я же все равно тут живу, а вы говорили, что вам нужно возвращаться в Рим.

— Да, я на работе обещала вернуться через несколько дней. Мне дали отпуск по семейным обстоятельствам.

Внезапно ей представилось, как на столе в ее кабинете растут кипы документов, требующих обработки. Да еще этот раут у посла в субботу. Без нее им не удастся организовать все как следует. Хм, завтра днем есть удобный авиарейс.

— Знаете что, оставьте это мне, я все улажу, — успокаивающе произнес Майкл Бруэр. — Если вы уверены, что из его вещей вам ничего не нужно...

— Я, пожалуй, еще посмотрю. У него могли быть какие-нибудь семейные фотографии или еще что-нибудь.

— Оставайтесь, сколько вам нужно.

— Спасибо.

Харриет зевнула и украдкой посмотрела на часы. Почти восемь. Последние несколько дней она почти не спала. Все-таки нужно поискать еще. Может быть, здесь все же сыщется что-нибудь такое, что поможет раскрыть книгу жизни брата.

Однако мысль о завтрашнем рейсе засела у нее в голове. «Еще полчаса здесь, — подумала она, почувствовав укол совести, — а потом обратно в гостиницу». Перекусить, пораньше лечь спать, а утром поездом в Лондон. Здесь ей больше нечего было делать.

— Мистер Бруэр, — неуверенно произнесла она, — я хочу спросить насчет болезни Дикки...

Мужчина насторожился.

— Да?

— Как долго он был прикован к кровати?

— Думаю, недели три.

— А в это время он нормально питался?

— Я пытался его уговорить, но ему это было неинтересно. А когда он что-то съедал, надолго это в нем не задерживалось.

— Я вам очень благодарна за то, что вы присматривали за ним.

Майкл Бруэр пожал плечами.

— Жаль, что я не смог сделать чего-то большего.

— А он продолжал работать?

— Да. До самого конца. Я пробовал повлиять на него, говорил, что ему нужно в больницу, но... У него был очень волевой характер.

— Да.

Раздался звонок в дверь. Пробормотав «извините», Майкл Бруэр отправился вниз. Дверь в комнату он оставил приоткрытой, поэтому Харриет слышала происходивший в коридоре разговор.

Сначала Майкл Бруэр вежливо произнес:

— Добрый вечер.

Потом раздался неожиданный голос, молодой, грубоватый и немного заговорщический:

— Привет, мне этот адрес дал друг.

— Да?

— Его Род зовут.

— И что? — Это имя явно ничего не сказало Майклу Бруэру.

— Он сказал, что я могу прийти сюда, чтобы... Сказал, тут живет человек, который может...

— Прошу прощения, но ваш друг, похоже, ошибся и дал вам неправильный адрес. Здесь вам никто не поможет.

Заинтересовавшись разговором, Харриет подошла к двери комнаты Дикки. Через стойки перил она могла разглядеть посетителя. Это был молодой парень с черным панковским ирокезом, в порванных джинсах и куртке. Бледное лицо, нервно подергивающийся рот, но взгляд нагловатый, даже высокомерный.

Как только она выглянула, Майкл Бруэр закрыл входную дверь. Харриет поспешно вернулась в комнату и, чтобы принять занятой вид, присела на пол рядом с кипой бумаг у книжного шкафа. Она переставила ее

в сторону и увидела под бумагами пачку глянцевого журналов.

Она открыла один из них.

Несмотря на то что иногда она вела себя как старая дева, жизненный опыт Харриет Чейли был богаче, чем могло показаться. Она знала, что такое порнография.

Однако такой порнографии раньше ей видеть не приходилось. На фотографиях не было женских тел. Там были одни мужчины.

Она пошарила рукой под книжным шкафом и достала оттуда узкую коробку для сигар. Открыв крышку, она обнаружила пару тонких пластиковых шприцев, несколько запачканных кровью бинтов и маленький полиэтиленовый пакетик с белым порошком.

— Кхм.

Она повернулась и увидела стоявшего в дверном проеме Майкла Бруэра. На лице его была написана жалость.

— Простите, — сказал он, — я думал, что избавился от всего этого, и надеялся, что вам все-таки не придется об этом узнать.

— Вы что, — изумилась Харриет, — хотите сказать, что Дикки умер от передозировки наркотиков?

— Нет, — печально покачал головой Майкл Бруэр. — Дело не в этом.

— Я все равно не могу в это поверить, — призналась Харриет. — Я ведь помню, каким Дикки был раньше...

— Вы сами сказали, что давно не видели его. — Голос Майкла Бруэра был мягким, полным сочувствия.

— Это правда.

— И вы удивлялись, что он не общался с женщинами.

— Да.

— Мне очень жаль, но все было понятно с первого дня, когда он поселился здесь.

— Ох.

— Сюда приходили мальчики. Спросите любого из соседей. Молодые люди приходили по ночам к вашему брату.

— Я поняла. — Вдруг ее поразила мысль. — Подождите... А этот парень, который приходил сегодня...

Майкл Бруэр кивнул.

— Мне очень жаль. Мне действительно не хотелось, чтобы вы об этом узнали.

— Хорошо, что я узнала хотя бы сейчас.

— Но почему? Почему вы так говорите? Я думал, вам и без этого

сейчас нелегко.

— Нет-нет. Я хочу узнать о нем как можно больше. Я очень жалею, что не сделала этого, когда он был жив. Теперь я хочу узнать о Дикки все.

— Вот как...

— Может быть, так мне будет легче справиться с этой утратой.

— Может быть... — Майкл Бруэр грустно покачал головой. — Но мне кажется, так вы только сделаете себе больнее.

— Возможно, боль — это именно то, что мне сейчас нужно. Это искупление. Наказание за то, что не узнала его лучше, когда он был жив.

Майкл Бруэр кивнул, принимая такое объяснение.

— Почему доктор Харт не рассказал мне об этом?

— Мы обсуждали с ним это, мисс Чейли, и решили, что чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше.

— Врач не должен так поступать.

— Возможно. Но чисто по-человечески... По крайней мере, он проявил сочувствие.

— Да. — Харриет посмотрела на часы. — Он, наверное, вряд ли до сих пор на работе?

— Да, скорее всего.

— У вас есть его домашний телефон?

— Есть, — сказал Майкл Бруэр, печально кивнув головой.

— Вы хотите сказать, что не поставили диагноз сразу?

— Ну, хорошо. Да, — вспыльчиво ответил доктор Харт. То, что ему позвонили домой, и так было ему неприятно, а когда начали ставить под сомнение его медицинские знания, он и вовсе разозлился. — Послушайте, мисс Чейли, вы хоть представляете, сколько пациентов я принимаю в день? И я разговариваю с ними всеми: пенсионеры с артритом, женщины с менопаузами, студенты с бог знает какими проблемами. Секс, депрессия, наркотики... Вы представляете себе масштабы наркомании в этом университете? И с каждым годом ситуация только ухудшается, потому что торговцев наркотиками, похоже, никто не ловит. А если и поймают одного, на его место приходят двое. Так вот, из-за всего этого у врачей просто не хватает времени. Поэтому мы вынуждены ставить диагноз на основании видимых симптомов. Если больной жалуется на понос, ты прописываешь ему средство от поноса. Черт возьми, да что тут говорить, если о том, что ваш брат был гомосексуалистом, я узнал только перед самой его смертью.

— Я тоже этого не знала.

— Вот видите! Вы росли с ним вместе, и то не знали. Я же встречал

его всего... три... нет, четыре раза. Как я, по-вашему, мог узнать все подробности его личной жизни?

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Но я говорю о наркотиках... Меня это больше всего поразило. Раньше он был противником наркотиков. Причем яростным противником. Хотя это тоже было давно.

— Люди меняются.

— Да. А вы знали о том, что он принимал наркотики?

— Опять же, узнал об этом только перед самой его смертью. Если бы я знал раньше, я мог бы что-то сделать.

— Это Майкл Бруэр рассказал вам?

— Нет. Он, наоборот, делал все, чтобы я этого не узнал.

— Почему?

— Потому что был другом вашего брата.

— Он был ему больше чем друг, верно?

— Что вы имеете в виду?

Когда Харриет стала звонить по телефону, Майкл Бруэр из вежливости оставил ее одну в своем кабинете, поэтому она почувствовала, что может рискнуть поговорить с доктором на эту тему.

— Мы выяснили, — продолжила она, — что Дикки был гомосексуалистом...

— Нет. Это невозможно. Я уверен, что Майкл не такой. Он просто хороший, добрый человек. Сейчас таких людей практически не встретишь, но он такой. Он оказался с больным на руках и стал помогать ему, как мог.

— Но если это не Майкл рассказал вам, как вы узнали про наркотики?

— Я... нашел кое-что в комнате вашего брата. Шприцы. — «Как и я», — подумала Харриет. Доктор продолжил: — Майкла Бруэра тогда даже не было там.

— Вы разговаривали с Дикки об этом?

— Нет. Он был уже слишком плох. Практически лежал без сознания.

— Почему же вы не забрали его в больницу?

— Послушайте, мисс Чейли. Ваш брат умирал. Я не мог его спасти, и никто бы его не спас на той стадии болезни. Майкл Бруэр сказал, и я с ним согласился, что ему лучше умереть дома в знакомой обстановке, а не в больничной палате.

— А второй причиной было то, что вы не хотели, чтобы больничные врачи узнали о вашей ошибке?

— О какой ошибке? Что вы имеете в виду, мисс Чейли?

— Я имею в виду то, что вы раньше не поняли, что происходит с Дикки.

На другом конце провода стало тихо. Потом доктор Харт неохотно согласился:

— Хорошо. Да. Я должен был обратить на это внимание, но не обратил. Как я уже говорил, через мой кабинет проходит слишком много людей. Иногда встречаются такие люди, которые сразу вызывают подозрение. Их с первого взгляда можно отнести к группе риска. Но с такими, как ваш брат... который казался... эксцентричным, да, но в остальном совершенно нормальным... То есть такого человека в последнюю очередь можно было заподозрить в гомосексуальности или наркомании.

— Да, — согласилась Харриет. — И именно для того, чтобы скрыть свою ошибку, вы и написали в свидетельстве о смерти «воспаление легких» и...

— Он умер от воспаления легких, — возразил доктор Харт.

— Хорошо, он умер от этого, но убило его другое.

— Это казуистика.

— Нет, ничего подобного, — продолжала безжалостно давить Харриет. — И по этой же причине вы были только рады, что похороны устроили так быстро? Вы были рады, что его кремировали. Конечно, ведь это уничтожило доказательства вашей грубейшей ошибки.

— Хорошо. Если вы так это называете, пусть будет так.

После этого признания повисла тишина. Потом доктор снова стал защищаться.

— Знаете что, мисс Чейли, я совсем не рад, что так получилось. Но СПИД — болезнь новая, пока что неизлечимая, и обычным терапевтам (а я никогда не считал себя чем-то большим, чем обычный терапевт) о ней известно очень немного. Когда ко мне на прием приходит какой-нибудь наркоман или проститутка и жалуется на потерю веса и понос, я знаю, чего ожидать. С таким человеком, как ваш брат... Когда он приходит с чем-нибудь, что может быть вызвано пищевым отравлением или любым из многочисленных вирусов, то...

— Да, — вздохнув, произнесла Харриет. Несмотря на злость и обиду, она понимала позицию доктора. — Как, по-вашему, он мог заразиться?

— Об этом можно только гадать. Учитывая его беспорядочные гомосексуальные связи... Учитывая то, что в прошлом году он летал в Сан-Франциско на конференцию... Учитывая то, что он употреблял наркотики... Учитывая все то, что я узнал о вашем брате перед самой его смертью, можно сказать, что его болезнь была вопросом времени.

— Да. — Харриет почувствовала себя уставшей и опустошенной. —

Что ж, спасибо, доктор, что рассказали мне правду.

— Простите, что я не рассказал вам все сразу, но... Поверьте, я думал, что вам не обязательно знать то, что расстроит вас еще больше.

— Спасибо за заботу.

Доктор покашлял.

— Если вам от этого станет легче, мисс Чейли, то вы заставили меня почувствовать себя старым невежественным дураком, которому давно пора уходить из медицины.

Харриет не была голодна, когда тем вечером вернулась в гостиницу. Быстрый ужин, который она обещала себе, потерял привлекательность, как и сон. После всего, что она узнала в тот день, ей вряд ли удалось бы заснуть.

Даже завтрашний полет в Рим стал казаться чем-то далеким и неважным. Она уже не думала, что ей так уж необходимо быть на приеме у посла в субботу. Все равно он состоится, хоть с ней, хоть без нее.

Тот факт, что ее брат умер от СПИДа, все остальное сделал мелким и незначительным.

В его комнате она не нашла почти ничего из личных вещей. Только ключи. Сердце ее сжалось, когда, кладя их в сумочку, она заметила, что они надеты на то самое итальянское латунное кольцо, которое она подарила ему на день рождения, когда они еще не забывали поздравлять друг друга.

Кроме этого из дома № 73 на Дреффорд-роуд она привезла только пачку порнографических журналов и коробку со шприцами. Ей почему-то показалось, словно это могло иметь какое-то значение для жизни брата, точнее, для его смерти, что она должна убрать из его комнаты эти обличающие улики.

Она полистала журналы, не испытывая ни отвращения, ни интереса. Лишь удивление. Удивление оттого, как, оказывается, плохо знала она своего брата.

Это были несколько выпусков одного журнала, заметила она, за шесть последних месяцев. Может быть, когда-то у него были и предыдущие выпуски — Майкл Бруэр ведь намекнул на то, что убрал из комнаты все доказательства гомосексуальности Дикки, которые смог найти. Эти журналы остались, наверное, только потому, что лежали под кипой бумаг.

Пытаясь успокоиться и собраться с мыслями, Харриет рассеянно сложила журналы по порядку, самый старый внизу. На него положила пятимесячный, потом четырехмесячный, трехмесячный, двухмесячный, и сверху самый свежий.

Когда она посмотрела на обложку самого свежего из журналов, во рту у нее пересохло. «О боже», — подумала она.

Когда она сказала, куда ехать, таксист удивился.

— Я знаю, где это, — сказал он. — Просто вы не похожи на тех, кто обычно туда ездит.

— Я знаю, куда еду, — уверенно произнесла Харриет, отчего ее голос сделался еще ниже.

Это, похоже, все объяснило таксисту.

— А, я понял, — ответил он, к немалому ее удивлению, — вы один из них, транссексуал, верно?

Это был небольшой паб за автовокзалом. Небольшой и грязный. Мотоциклы вились вокруг него, как насекомые вокруг гнилого фрукта.

Харриет была настроена так решительно, что даже не подумала о том, как неуместно будет выглядеть ее стильный итальянский плащ среди кожаных курток с заклепками и потертых джинсов. Заказав красное вино, она не обратила внимания на то, как удивленно поднял брови бармен с густыми усами и серьгой в ухе, и на неприкрытое изумление и приглушенные комментарии остальных посетителей.

Она внимательно осмотрела пивную. У бара сидело несколько женщин, хотя синевато-багровые пряди волос и черный вампирский макияж делали их мало похожими на представительниц своего пола. Все же большинство посетителей были мужчинами. Молодые люди с высветленными волосами и измученными глазами, которые в шутку перебрасывались оскорблениями, мужчины постарше и покрепче в плотных кожаных куртках, старики в неприметных плащах.

Она попыталась представить Дикки в этом окружении. Попыталась вообразить молодого человека, которого она помнила с детства, здесь, в этом пабе, облокотившимся о стойку бара, как все эти мужчины, но разум ее так и не смог нарисовать этот образ.

А потом она увидела.

Знакомое бледное, как стена, лицо и черный гребень волос на голове. Парень сидел один, позабыв о кружке пива в руке, и взволнованно посматривал по сторонам.

Харриет Чейли перешла через зал и села рядом с ним. Он не обратил на нее никакого внимания, как будто не заметил.

Она прикоснулась к его руке. Он тут же отпрянул так, словно она обожгла его. Запавшие испуганные глаза уставились на нее.

— Что тебе надо? — прошипел он.

— Поговорить с тобой.

— Я ничего не сделал. Я чистый.

Их разговор начал привлекать внимание сидевших вокруг. Они оцетинились и немного, почти незаметно, придвинулись ближе. Вид у них был не самый дружелюбный.

— Я просто хочу поговорить, — настойчивым тоном повторила Харриет, снова кладя руку на рукав его джинсовой куртки.

На этот раз он вскочил на ноги, и толпа наблюдающих за ними угрожающе зашумела.

— Я заплачу, — сказала Харриет.

Запавшие глаза обратились на нее.

— Деньги?

Она кивнула.

— Сколько?

— Двадцать фунтов.

Парень кивнул, снова сел и подал головой незаметный знак. Толпа тут же расслабилась и утратила к ним интерес.

— И что ты хочешь от меня узнать? — развязным тоном произнес он.

— Я хочу узнать про семьдесят третий дом на Дреффорд-роуд, — ответила Харриет.

Утром следующего дня Майкл Бруэр, вернувшись из магазина, зашел в дом, закрыл за собой дверь и вздрогнул от удивления, когда услышал наверху густой женский голос.

— Доброе утро.

Он резко развернулся и увидел стоящую наверху лестницы мисс Чейли.

— Это вы!

— Извините, что я вошла без спросу, но у меня были ключи Дикки.

— Конечно. Должен признать, я немного удивлен, снова увидев вас здесь. Я думал, вы собирались сегодня днем лететь в Рим.

— Да, я собиралась сегодня возвращаться.

— Могу я узнать, что заставило вас передумать?

— Если подниметесь в комнату Дикки, я расскажу.

— Хорошо. — Майкл Бруэр медленно кивнул. — Только, если позволите, я сначала отнесу продукты на кухню.

— Конечно.

— Может быть, хотите кофе или еще что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Харриет сидела на кресле перед дверью ванной, когда в комнату своего бывшего жильца вошел Майкл Бруэр.

— Итак, — произнес он дружелюбным тоном. Похоже, ее вторжение его ничуть не смутило. — В чем же причина? Хотите что-нибудь еще из вещей Ричарда найти? Или нашли что-нибудь такое, что хотели бы показать мне?

— Вот единственное, что я вам хочу показать. — На столе перед ней лежал выпуск гей-журнала. — На это времени хватит. Присаживайтесь.

— Спасибо, — сказал Майкл Бруэр и сел.

— Извините. Глупо предлагать вам кресло в вашем собственном доме.

Он пожал плечами, давая понять, что несколько не в обиде за это нарушение правил вежливости.

— Итак? — Он вопросительно поднял бровь.

— Я просто хотела поблагодарить вас за то внимание, которое вы уделили Дикки, когда он болел, и...

Он сделал протестующий жест.

— Это меньшее, чем я мог ему помочь.

— Да. А как скоро вы поняли, что с ним?

— Я до самого конца ни о чем не подозревал. Хотя, конечно, мне стоило догадаться раньше. Понимаете, зная ту жизнь, которую он вел... То есть я хочу сказать, когда начался постоянный понос...

— Он начал терять вес...

— Да. А потом появилась еще и эта кожная инфекция... Я должен был сообразить, что к чему, но... Боюсь, что не сообразил. А потом уже было слишком поздно.

— Вы думаете, сам Дикки знал, что с ним происходит?

— Нет, я уверен, что он не догадывался. До самого конца. Я ему об этом точно не говорил. Я хотел оградить его от лишней боли.

— Это очень благородно.

— Да... В общем, дело в том, что Ричард совершенно не думал о своем здоровье. Для него болезнь была просто неудобством, помехой.

— Отрывала его от изучения старофранцузского синтаксиса.

— Вот именно.

— Плохо, что доктор Харт не сумел сразу определить, чем болеет Дикки.

— Да, наверное.

— У вас не возникло желания поговорить с ним, когда у вас появились подозрения?

— Да, я думал об этом. Но, скажу вам откровенно, поняв, что происходит, я решил — хотя, может быть, это и неправильно с моей стороны, — никому не рассказывать об этом. Понимаете, ведь от СПИДа нет лекарств, и Ричард был обречен на смерть с той минуты, когда заразился этой страшной болезнью. Когда с одной стороны тебя ждут бесконечные проверки, когда на тебя смотрят, как на прокаженного, и кладут в больницу, а с другой — есть шанс умереть дома и с достоинством...

— И не зная, что с тобой происходит...

— Да. И боюсь, что я выбрал второе.

— Хм. — Харриет задумалась. — Странная это болезнь, СПИД. Никто о ней ничего толком не знает.

— Да. И поэтому она так страшна.

— Были даже случаи, когда патологоанатомы отказывались делать вскрытие умерших от СПИДа.

— Я тоже про такое слышал.

— Обычные доктора тоже подвержены этому страху. Они ведь, в конце концов, просто люди. Некоторые из них даже боятся осматривать больных СПИДом.

— Может быть.

— И только радуются, если от тел умерших пациентов избавляются поскорее и без лишних вопросов.

— Наверное, и такое случается, да.

— Еще странно то, что многие симптомы, по крайней мере на ранней стадии, очень похожи на симптомы других заболеваний.

— Вы правы.

— Вот вы, например, знаете, — неожиданно произнесла Харриет, — что систематическое отравление может вызвать такие же симптомы, как СПИД?

Майкл Бруэр смутился на какую-то долю секунды.

— Нет. Нет, я этого не знал.

— Например, отравление мышьяком.

— В самом деле?

— Да. Понос, рвота, а потом и потеря веса из-за того, что пища не задерживается в организме жертвы... Обесцвечивание кожи, дерматит — все это классические симптомы отравления мышьяком. Если не изучать случай очень внимательно, ошибиться очень легко.

Майкл Бруэр вежливо улыбнулся.

— Вы настоящий кладезь информации, мисс Чейли. Наверное, вы

прекрасно играете в викторины.

— Спасибо. Да, я неплохо играю.

— Но, конечно же, вам известно, что сейчас в нашей стране достать мышьяк чрезвычайно сложно, так что ошибка, о которой вы говорите, в реальной жизни практически невозможна.

— Но учтите, что в других странах мышьяк все еще можно свободно купить.

— Правда? Это вы тоже из викторин знаете?

— Нет. Я просто хочу сказать, что ввезти в нашу страну из-за границы мышьяк так же просто — пожалуй, даже еще проще, — как другие запрещенные вещества.

Майкл Бруэр молча смотрел на нее холодными, как лед, глазами. Когда он заговорил, в голосе его послышались стальные нотки:

— Могу я узнать, что конкретно вы хотите этим сказать, мисс Чейли?

— Я хочу сказать, что в этом городе очень много наркоманов. В университете и среди местных подростков.

— Я слышал об этом.

— И молодые люди должны откуда-то получать наркотики.

— Вероятно.

— И один из их адресов — этот дом. Семьдесят три на Дреффорд-роуд.

— Что? — Лицо его вдруг сильно побледнело. — Кто вам такое сказал?

— Один молодой наркоман.

— Вы что же, считаете, что им можно верить?

— Этому я поверила... Это тот парень, который приходил сюда вчера вечером.

— Ему были нужны не наркотики. Он искал...

Харриет перебила его:

— Мальчик искал наркотики. Он мне сам это сказал. Вы все устроили очень ловко. Сделали так, чтобы я подумала, будто он — мальчик по вызову и пришел к Дикки. Но он приходил не за этим. Ему были нужны наркотики. Как и всем остальным, кто являлся в этот дом по ночам.

— Но ваш брат...

— Мой брат не был гомосексуалистом.

— Послушайте, я понимаю, как вам трудно принять то, что член вашей семьи...

— Бросьте, мистер Бруэр. Продолжать прикидываться бесполезно. Я знаю, что происходило здесь.

— Знаете? — Голос его стал еще холоднее.

— Вы уже несколько лет возите наркотики из Южной Америки. Не знаю точно, как долго, но наверняка с тех пор, как потеряли работу.

— Я вас не понимаю.

— Видите ли, мистер Бруэр, старинные «бентли» — дорогое увлечение. У вас должен быть стабильный и немалый доход, чтобы этим заниматься.

— Но я...

— Вы придумали отличную схему. И все у вас шло как по маслу, пока Дикки не узнал, чем вы занимаетесь. Он всегда ненавидел наркотики, ненавидел то, что они делают с людьми, и, я думаю, он пригрозил вам, что сообщит в полицию о вашем занятии.

— Вы не понимаете, что говорите.

— Понимаю, — непреклонным тоном произнесла Харриет. — Какое-то время вы водили Дикки за нос. Может быть, пообещали, что прекратите продавать наркотики, может быть, сказали, что сами сознаетесь. Каким-то образом вам удалось выиграть время. Но брат продолжал представлять опасность. А потом вы придумали способ избавиться от него. Причем таким образом, чтобы никто не стал доискиваться причин его смерти. И вы начали систематически травить его, а заодно постарались все устроить так, чтобы выглядело, будто он находится в категории риска.

Майкл Бруэр уже взял себя в руки. К нему вернулось его спокойствие. Он задумчиво почесал подбородок.

— Предположим, то, что вы говорите, правда. Позвольте узнать, что вас натолкнуло на подобные мысли?

— Две вещи, — твердо ответила Харриет. — Во-первых, эти журналы. — Она указала на стол.

— А что с ними?

— Подбросить журналы — хорошая мысль. Я думаю, что вы собирали их для себя, а потом, ближе к концу, подложили их в комнату брата, когда Дикки был слишком болен, чтобы замечать, что происходит вокруг. Вы их спрятали, но не слишком тщательно. Специально, чтобы доктор Харт нашел их. Так же, как я нашла их вчера.

— Вы этого не докажете.

— Думаю, что докажу. По крайней мере, косвенные улики у меня есть.

— Интересно.

— Видите этот журнал? — Она снова показала на стол. — Он вышел всего две недели назад.

— Но...

— А тогда Дикки уже не вставал с кровати, потому что был слишком слаб. И уж тем более не мог выйти на улицу и покупать журналы.

— Понятно. — Майкл Бруэр уныло кивнул, признавая свою небрежность. — Вы упомянули о двух вещах... — Он уже почти окончательно потерял уверенность в себе.

— А второе — это наркотики.

— Наркотики?

— С наркотиками это уже был перегиб. Согласно, мы теперь знаем (после всех публичных кампаний этого невозможно не знать), что главные жертвы СПИДа — это неразборчивые в связях гомосексуалисты и наркоманы, которые колются чужими иглами. Чего-то одного было вполне достаточно, чтобы люди начали задумываться о причинах его болезни. Но делать из него и гомосексуалиста, и наркомана — это уже чересчур. Это тоже натолкнуло меня на мысль, что вы имеете доступ к наркотикам.

Майкл Бруэр покаянно склонил голову.

— Да, согласен. Это был перебор.

— Вы понимаете, — сказала Харриет, — что эти ваши слова фактически равносильны признанию в том, что вы действительно убили моего брата?

— Да. — Он мрачно усмехнулся. — Да, я это понимаю. — Он медленно ослабил узел на галстуке. — Но и вы должны понять, почему я не боюсь в этом признаться вам.

— Признаться в том, что вы убили Дикки?

— Да. Это я его убил. И я думаю, что о моей тайне не узнает больше никто, потому что вряд ли вы сможете покинуть этот дом живой.

Тут он резко сорвал с шеи галстук, конец которого взвился в воздух, как кнут.

— Вы и меня хотите убить?

— Вы не оставили мне выбора. Ваш брат тоже не оставил мне выбора. Боюсь, мне пришлось его убить, хоть я этого и не хотел. Но я защищался. В этом деле, знаете ли, не бывает перемирий.

— Я знаю, — ответила Харриет. — В конце концов, я ведь работаю в Министерстве иностранных дел.

Майкл Бруэр снисходительно улыбнулся и начал делать из галстука петлю.

— Вы же знаете, как важно выиграть время. Если даже не сработает, все равно стоит попытаться.

— Если вы меня задушите, — заметила Харриет, — замести следы вам будет труднее, чем в прошлый раз. В первый раз вы были куда

изобретательнее. Теперь вам еще придется ломать голову над тем, как избавиться от тела.

— Чего не сделаешь, когда нужда заставит, дорогая моя. — Майкл Бруэр медленно двинулся к ней. — Я ценю вашу заботу, но не беспокойтесь, я что-нибудь придумаю.

— Более того, — храбро продолжила Харриет, — я не думаю, что даже доктор Харт подпишет свидетельство о моей смерти, если удушение там будет названо «естественной смертью».

— ЧЕРТА С ДВА ОН ЭТО ПОДПИШЕТ!

Новый голос застал врасплох обоих. Дверь ванной отлетела в сторону, и в комнату ворвался доктор Харт.

Майкл Бруэр разинул рот от удивления. Рот его захлопнулся с громким щелчком, когда кулак доктора Харта врезался в его подбородок. Еле устояв на ногах, убийца попятился и не стал сопротивляться, когда доктор воткнул ему в запястье иглу шприца.

— Пусть отдохнет, пока приедет полиция.

— Боже мой, — пробормотала Харриет.

Доктор Харт несколько смутился.

— Простите меня. Я вообще-то человек спокойный, но, боюсь, когда дело касается наркотиков, я просто свирепею. Когда я ударил его, я бил всех торговцев наркотиками. Когда я думаю о тех несчастных молодых людях, которые проходят через мой кабинет...

— Да. Вы точно все записали?

— Конечно. — Он сходил в ванную и вернулся с кассетным магнитофоном. Немного отмотав пленку, он нажал кнопку «play». Признание Майкла Бруэра повторилось.

Харриет с сожалением осмотрела комнату.

— Никогда не прошу себе, — сказала она, — что не сошлась с Дикки ближе. Но по крайней мере теперь я буду знать, что он был таким, каким я его помнила.

— Да. — Доктор Харт посмотрел на нее. — Спасибо, что обратились ко мне за помощью.

— Мне больше не к кому было обратиться.

— Теперь я хотя бы знаю, что сделал хоть что-то. Я говорил вам, что вы вчера заставили меня почувствовать...

— Да.

— Что ж, по крайней мере сегодня утром я уже не чувствую себя старым невежественным дураком. — Он устало улыбнулся. — Во всяком случае, ощущение это стало чуточку меньше.

МАЙКЛ ГИЛБЕРТ

Африканские древесные бобры

Долгая писательская карьера, прекрасные романы и рассказы Майкла Гилберта (1912–2006) получили признание в 1987 году, когда Ассоциация детективных писателей Америки присудила ему звание великого магистра. Мистер Гилберт работал адвокатом и был совладельцем крупной лондонской юридической фирмы, поэтому местом действия его произведений часто становился зал суда, а среди героев было немало юристов. Он написал три десятка романов, сотни рассказов, многочисленные сценарии радио- и телепостановок. Майклу Гилберту особенно удавалась шпионская тема, и несколько рассказов, вошедших в его сборник «Игра без правил» (1967), по праву можно назвать одними из лучших образчиков этого жанра. Один из самых известных его персонажей — Патрик Петрелла, главный инспектор лондонской полиции, который появился в нескольких изумительных полицейских детективах.

Рассказ «Африканские древесные бобры» не о полиции, но это один из самых захватывающих и запутанных детективов, которые вы когда-либо читали.

~ ~ ~

Подобно многим практичным и лишенным воображения людям, мистер Колдер верил в плохие приметы. Например, он никогда не садился на поезд, отправляющийся без одной минуты час, с подозрением относился к числу двадцать девять и отказывался вскрывать любые конверты и пакеты, на которых почтовая марка была наклеена вверх ногами. И надо сказать, что однажды это спасло ему жизнь, когда он не захотел вскрывать совершенно безобидный с виду пакет с логотипом его любимого в прошлом книжного магазина. Как выяснилось позже, на этот раз конверт содержал в себе три унции тритолуола и контактный запал. Когда об этом узнал мистер Беренс, он скептически хмыкнул, но согласился, что его другу повезло.

Еще мистер Колдер верил в совпадения. Говоря точнее, он верил в особый закон совпадений. Если вы в течение двенадцати часов дважды слышали новое имя или до сих пор неизвестный вам факт, то до окончания следующих двенадцати часов вы обязательно услышите его еще раз. И никакие убеждения, никакая логика не могли поколебать его веру. Если бы его попросили привести пример, он рассказал бы о случае, произошедшем с преподающим Фрэнсисом Осбалдестоном.

Впервые мистер Колдер услышал это имя в одиннадцать часов вечера на встрече ветеранов пехотного полка, в составе которого он воевал памятные восемь месяцев 1942 года в Ливийской пустыне. Он приходил на эти встречи раз в три года, но не для того, чтобы предаваться воспоминаниям о войне. Его больше интересовали произошедшие с тех пор перемены. Ему доставляло удовольствие видеть, что капрал транспортной роты, чьи запачканные маслом джинсы ему до сих пор прекрасно помнились, стал процветающим владельцем гаража; что канцелярский писарь, который приторговывал местами в расписании увольнительных, развив свой талант, стал сначала помощником букмекера, а потом и букмекером; и что богоподобный старший роты поднялся не выше консьержа в многоквартирном доме в Патни, а потому своего бывшего писаря при встрече в обычной жизни ему приходится называть «сэр».

Там было несколько старинных друзей. Фредди Фолкнер, который остался в армии и теперь командовал батальоном, проскользнул через толпу и сунул ему в руку почти полный стакан виски. Мистер Колдер был ему за это благодарен. Он обнаружил, что одним из недостатков старения является то, что мочевого пузыря теряет способность удерживать в себе пиво.

— Ты когда исполнишь свое обещание? — перекрикивая гам толпы, спросил полковник Фолкнер.

— Какое обещание? — сказал мистер Колдер. — Тут сколько порций виски? Три или четыре?

— Я решил сразу взять тебе много, тут к бару не пробиться. Ты что, забыл? Ты ведь обещал заехать ко мне в гости.

— Я не забыл. Просто трудно вырваться.

— Да брось. Ты же холостяк, что тебе мешает?

— Я не могу бросить Расселаса.

— Пса своего? Черт возьми, где я, по-твоему, живу? В Хампстед-Гарден-Саберб,^[26] что ли? Привози его с собой! Он только рад будет. У меня для него настоящее раздолье. Там полно живности, пусть собака немного побегает, главное, чтоб моих фазанов не трогал.

— Он у меня очень воспитанный, — сказал мистер Колдер, — и выполняет все команды. Если ты правда хочешь, чтобы я приехал...

— Конечно, хочу. Кроме того, я могу познакомить твоего Расселаса с еще одним любителем животных. С нашим приходским священником Фрэнсисом Осбалдестоном. Это удивительный парень. Ну ладно, доставай свой ежедневник и записывай дату...

На следующее утро в десять часов это имя настигло его снова. Мистер Колдер сидел, растянувшись, в кресле перед камином с закрытыми глазами и прислушивался к остаткам не лишнего приятности ощущения похмелья. Мистер Беренс сидел в другом кресле с воскресной газетой в руках, а почти все пространство перед ними занимал Расселас.

Мистер Беренс оторвался от газеты.

— Вы это читали? Интересная статья. О священнике, который творит чудеса.

— Сейчас самое большое чудо священников, — сонно произнес мистер Колдер, — это то, что им еще удастся заманивать людей в церковь.

— В его церковь они сами идут. Толпами, каждое воскресенье. Прихожанам даже стоять приходится, потому что всем не хватает мест.

— И как ему это удастся?

— Личное обаяние. Он даже на животных воздействует. И злого, и робкого — любого он может подзвать к себе, и они идут к нему и ведут себя смиренно.

— Он бы такой фокус с быком попробовал проделать.

— Он делал. Вот послушайте: «Однажды был случай, когда пасшийся бык отвязался и чуть не бросился на отдыхавших на поле детей. Пастор, случайно проходивший мимо, успокоил строптивого быка несколькими словами, и вскоре дети уже катались на спине усмирленного быка».

— Животный магнетизм.

— Да вы, наверное, встретив самого Франциска Ассизского, и то сказали бы: «Животный магнетизм».

— Он был святым.

— А откуда вы знаете, что этот пастырь не святой?

— Может, он и святой, только, чтобы убедить меня в этом, понадобится нечто большее, чем несколько трюков с животными.

— Тогда как насчет чудес? «В другой раз ночью во время грозы пастор был разбужен криком „Пожар!“. Прибежавший к нему церковный сторож рассказал, что молния ударила в сарай. Телефонная линия к ближайшему городу была разорвана, поэтому вызвать пожарную команду было

невозможно. Пастор сказал: „Нельзя терять ни секунды. Нужно звонить в колокола“. И как только он произнес эти слова, колокола начали звонить сами собой».

Мистер Колдер фыркнул.

— Это суцая правда! — заверил его мистер Беренс. — Мистер Пенни, сторож, клянется, что так и было. Он рассказывает, что к тому времени, когда он сходил к себе домой, где хранится единственный ключ от колокольни, и вернулся к церкви, колокола звонить перестали. Он поднялся на колокольню, но там никого не оказалось. Веревки висели на крючках, все было в идеальном порядке. И в это время приехали пожарные, они услышали звон и успели потушить сарай.

Мистер Колдер сказал:

— Все это слишком похоже на сказку. Что скажешь, Расселас? — Пес приоткрыл пасть, словно улыбаясь, и показал длинные белые зубы. — Он со мной согласен. Как зовут этого чудотворца?

— Преподобный Фрэнсис Осбалдестон.

— Приходской священник Хеджборна, в самом сердце сельского Норфолка.

— Вы его знаете?

— Я его имя первый раз услышал вчера вечером около одиннадцати.

— В таком случае, — заметил мистер Беренс, — согласно вашим фантастическим правилам, вы должны столкнуться с этим именем еще раз сегодня до десяти часов вечера.

И именно в этот миг зазвонил телефон.

Поскольку телефонный номер мистера Колдера не только не значился в справочнике, но и каждые шесть месяцев менялся, звонить ему могли только по делу. Поэтому он не удивился, узнав голос мистера Фортескью, который, среди прочего, был старшим управляющим вестминстерского отделения банка «Лондон Энд Хоум Каунтис».

Голос в трубке произнес:

— Мне нужно поговорить с вами и с мистером Беренсом как можно скорее. Скажем, завтра днем.

— Конечно, — ответил мистер Колдер. — А я могу узнать, в чем дело?

— Почитайте «Обсервер», там есть статья о священнике, который творит чудеса. Фрэнсис Осбалдестон.

— Ага! — торжествующе произнес мистер Колдер.

— Вы, кажется, чему-то радуетесь? — спросил мистер Фортескью.

Мистер Колдер ответил:

— Просто вы только что доказали одну теорию.

— Насколько я понимаю, — сказал мистер Фортескью, — вы довольно хорошо знаете полковника Фолкнера, еще по армии.

— Он был командиром моей роты, — пояснил мистер Колдер.

— Вы бы назвали его человеком с богатым воображением?

— Я бы сказал, что воображение у него развито примерно так, как у автобуса.

— Или человеком, которого можно легко ввести в заблуждение?

— Такого я бы не сказал.

Мистер Фортескью с важным видом поджал губы и сказал:

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Вам знакомо название Хеджборн?

— В самой деревне я не бывал, но ту часть Норфолка знаю. Глухое местечко. Во время войны там находились армейские полигоны. Потом армия не хотела возвращать эти земли.

— Я тоже припоминаю, — сказал мистер Беренс, — что вокруг этого потом скандал разгорелся. Даже в парламенте обсуждали. Так они в конце концов вернули землю или нет?

— Большую часть. Оставили себе поместье Снелшем вместе с его парком. После проблем, которые возникли на экспериментальной станции в Портоне, они перевели газовое отделение в Корнуолл, а отдел бактериологического оружия в Снелшем, от которого до Хеджборна меньше двух миль.

— Надо полагать, — заметил мистер Колдер, — армия должна очень хорошо охранять такие заведения, как Снелшем. Но чем их мог обеспокоить праведный пастор, живущий в двух милях от них?

— Вы не слышали, что случилось на прошлой неделе?

— А мы должны были это слышать?

— Прессе запретили об этом печатать, но рано или поздно информация все равно просочится. Ваш праведный пастор организовал то, что иначе как «деревенским боевым отрядом» и не назовешь. Он собрал его из членов совета местного прихода и еще пары десятков сельчан и фермеров. Они вторглись в само поместье Снелшем.

— Господи, — сказал Колдер, — наверное, заграждения там совсем ни к черту.

— С заграждениями там все в порядке: два ряда колючей проволоки и патрули с собаками. Деревенский кузнец перерезал проволоку в двух местах, а потом по этому месту они проехали трактором. У фермеров были ружья, поэтому с охранниками, вооруженными только дубинками, они

быстро справились.

— А собаки?

— Когда они увидели этого священника, там такое началось, что, насколько мне известно, они его чуть не зализали до смерти.

— И что же они сделали, когда оказались внутри? — спросил Беренс.

— Ворвались в лабораторию и освободили двадцать кроликов, дюжину морских свинок и почти полсотни крыс.

Мистер Беренс засмеялся, но, увидев устремленные на него глаза мистера Фортескью, сумел сделать вид, что на него напал кашель.

— Надеюсь, вам это не кажется смешным, Беренс. Многие из этих крыс были заражены азиатской чумой. Теперь остается лишь надеяться, что их всех изловили и уничтожили.

— А что с пастором?

— Естественно, сообщили в полицию. Из Тетфорда к пастору приехали инспектор с сержантом, но их не пустили.

— Не пустили?

— Им сказали, — пояснил мистер Фортескью, — что, если они попытаются арестовать пастора, против них будет применена сила.

— Но можно ведь... — произнес мистер Беренс и замолчал.

— Вот-вот, — сказал мистер Фортескью. — Думайте, прежде чем что-то говорить. Вы только представьте, что начнется, если наши друзья в Движении за ядерное разоружение и разных мирных организациях узнают, что для поимки какого-то сельского священника были использованы вооруженные силы.

Мистер Беренс ответил:

— Представляю. По-вашему, какая-нибудь более предприимчивая организация — скажем, Группа Международного Братства — могла заслать своего человека в Хеджборн? Человека, который использует в своих целях исключительное влияние пастора...

— Такое тоже возможно. Но нужно помнить, что отдел бактериологического оружия находится там всего только два года. Если туда кого-нибудь действительно послали, то это было сделано сравнительно недавно.

— А сколько там живет пастор? — поинтересовался мистер Колдер.

— Полтора года.

— Понятно.

— Дело запутанное, согласен. Я бы предложил вам взяться за него с обеих сторон. Я думаю, Беренс, что немногие знают о ГМБ и его ответвлениях больше, чем вы. Вы сможете выяснить, не занимались ли они

в последнее время этим районом?

— Сделаю все, что в моих силах.

— Да, все сделаем то, что в наших силах, — согласился мистер Фортескью. — А вы, Колдер, немедленно отправляйтесь в Хеджборн. Вас, кажется, хотел пригласить к себе полковник Фолкнер?

— Он уже меня пригласил, — сказал мистер Колдер. — На охоту.

Деревушка Хеджборн за последние четыреста лет изменилась, но не сильно. Местная церковь была построена в эпоху правления Карла Мученика, а поместье — во времена правления Анны Доброй. Здесь до сих пор стоит кузница, где заезжий фермер может подковать лошадь. Там же он может купить и дизельное масло для трактора. Над крытыми соломой крышами возвышаются телевизионные антенны.

Мистер Колдер высунулся из окна спальни и окинул взглядом спящую деревню, залитую светом полной луны. В дальнем конце улицы он мог разглядеть церковь, примостившуюся на пригорке. Ее колокольня четко вырисовывалась на фоне неба. Церковь со всех сторон окружали домики. Один из них принадлежал мистеру Пенни, церковному сторожу, который и прибежал к приходскому священнику с известием о пожаре на ферме Аслопа. Если бы мистер Колдер высунулся из окна чуть дальше, он смог бы разглядеть и крышу дома приходского священника среди деревьев в другом конце улицы.

Возможно ли, чтобы история с колоколами была правдой? Здесь это уже не казалось таким невероятным, как в Лондоне.

Негромкий стук в дверь возвестил о приходе Стоукса, бывшего денщика полковника, а теперь его слуги.

— Не хотите ли на ночь стаканчик чего-нибудь, сэр?

— После такого чудесного ужина, конечно же, нет, — ответил мистер Колдер. — Вы сами его готовили?

Стоукс приосанился с довольным видом.

— Это вам не ресторанное питание.

— Все было превосходно. Скажите, а вам не кажется, что здесь как-то скучновато?

— Я к этому привык, сэр. Я тут родился.

— Я об этом не подумал, — признался мистер Колдер.

— Я видел, вы сегодня днем заглядывали на кузницу. Инок Клейверинг — мой двоюродный брат. Да мы тут почти все родственники: Аслопы, Стоуксы, Воуэлы, Клейверинги.

— Так это Инок перерезал колючую проволоку вокруг Снелшема?

— Совершенно верно, сэр, — вежливо ответил Стоукс, но в его голосе слышалась настороженность. — Позвольте спросить, а как вы об этом узнали? В газетах об этом не печатали.

— Мне полковник рассказал.

— Ах да. Но все равно, я не понимаю, откуда он это узнал, ведь его тогда не было с нами.

— С вами? — удивился мистер Колдер. — То есть, если я правильно понял, вы, Стоукс, тоже участвовали в этом... предприятии?

— Конечно, сэр. Я ведь состою в совете нашего прихода. Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, ничего, — ответил мистер Колдер. — Спокойной ночи.

Прежде чем заснуть, он еще долго лежал, прислушиваясь к разговору прятавшихся в вязах филинов...

— Все верно, — сказал следующим утром полковник Фолкнер. — Мы все немного родственники. В Норфолке все не как у людей, так что это лишь добавляет нам немного странности.

— Расскажи о вашем священнике.

— Он был миссионером, насколько я знаю. Где-то в самой черной Африке. Потом подхватил малярию, сильно болел, и его оттуда выслали.

— Из самой черной Африки в самый черный Норфолк. И что ты о нем думаешь?

Полковник неторопливо зажег трубку и на какое-то время задумался. Потом сказал:

— Не знаю, Колдер. Он или святой, или проходимец. И он имеет какое-то влияние на животных, это точно.

— А его чудеса?

— Ну, это все немного преувеличили. Но... м-м-м... насчет этих колоколов... Тут я сам был свидетелем. От колокольни есть только один ключ, и я прекрасно помню, какой тут в прошлом году был переполох, когда он куда-то потерялся. Никто не мог взять ключ в доме Пенни, открыть башню, позвонить в колокола, а потом вернуть ключ на место так, чтобы этого не заметила ни одна живая душа. Подобное абсолютно невозможно.

— Сколько колоколов звонило?

— Тенор и дискант. Мы так всегда звоним, когда что-то случается. Кто-то из фермеров с другой стороны поля услышал звон, встал с кровати, увидел зарево и позвонил пожарным.

— Два колокола, — задумчиво произнес мистер Колдер. — Значит, звонить мог один человек.

— Если бы попал туда.

— Совершенно верно. — Мистер Колдер заглянул в список. — Меня интересуют три человека, с которыми я хотел бы встретиться. Смедли...

— Церковный староста. Я деревенский староста, так что он, можно сказать, моя противоположность. Не нравится он мне.

— Мисс Мартин, ваша органистка. У нее, кажется, дом рядом с церковью. И мистер Смоллпис, ваш почтальон.

— А почему именно эти трое?

— Потому что, — пояснил Колдер, — кроме самого священника, они — единственные, кто поселился в деревне за последние два года. Так мне сказал Стоукс.

— Стоукс должен это знать, — сказал полковник. — У него тут полдеревни родственников.

Мистер Смедли жил в маленьком темном коттедже позади трактира «Виконт Таунсенд», перед которым висела табличка с портретом самого второго виконта. Великий сельскохозяйственный реформатор^[27] был чрезвычайно похож на репу, с которой ассоциируется его имя.

Мистер Смедли оказался сухим и недоверчивым стариком. Он лишь немного оттаял, когда узнал, что его посетитель — сын каноника Колдера из Солсбери.

— Крупнейший специалист по церковным мемориальным доскам, — сказал он. — С мировым именем. Вы должны гордиться им.

— Я об этом понятия не имел.

— Да-да. У меня где-то есть его эссе о верденских изображениях в Ганновере. Чрезвычайно ученая работа. В нашей церкви тоже есть несколько таких латунных досок. Они, конечно, не такие старые и большие, как в Сток Даберноне, но тоже красивые.

— Интересная у вас деревня. О вас в газетах пишут.

— Да? Я и не знал, что наши мемориальные доски настолько знамениты.

— Не доски. Ваш священник. Его выставляют прямо-таки чудотворцем.

— Меня это не удивляет.

— Почему?

Мистер Смедли недобро прищурился и сказал:

— Меня не удивляет способность прессы опошлять все, к чему она прикасается.

— Но чудеса действительно происходили?

— Что в вашем понимании чудо? Если вы принимаете определение Бернарда Шоу, который говорил, что чудо — это событие, которое рождает веру, тогда да. Мы были свидетелями чуда.

Мистеру Колдеру вдруг пришло в голову, что церковному старосте их беседа доставляет больше удовольствия, чем ему самому. Он сказал:

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. У этих событий есть какое-то рациональное объяснение?

— Все опять же зависит от того, что вы вкладываете в слово «рациональное».

— Я хочу знать, — прямо сказал мистер Колдер, — это чудеса или ловкие фокусы?

Мистер Смедли подумал немного, склонив голову набок, потом сказал:

— Этот вопрос вам стоит задать священнику. В конце концов, если нам показывают фокусы, то фокусником может быть только он.

— Я как раз собирался сделать это, — промолвил мистер Колдер и собрался уходить.

Когда он был уже у самой двери, хозяин задержал его, возложив руку, похожую на костистую лапу, ему на плечо.

— Позвольте дать вам совет? — произнес он многозначительным тоном. — Это необычная деревня. Первое слово, которое приходит на ум, это «первобытная». Нет, я не хочу нагнетать страх, просто она настолько оторвана от внешнего мира, что развивалась намного медленнее, чем окружающие деревни и города. И еще одно... — Старик замолчал и вдруг напомнил мистеру Колдеру старого черного ворона, осторожно приближающегося к лакомому кусочку пищи. — Я должен предупредить вас, что люди здесь за своего священника стоят горой. Если то, что они считают проявлением Божественной силы, вы назовете ловкими фокусами... Вы меня понимаете?

— Понимаю, — ответил мистер Колдер.

Выйдя на деревенскую улицу, он пару раз глубоко вдохнул прохладный свежий воздух и направился к почтовому отделению.

В почтовом отделении было темно, пыльно и пусто. Он слышал, как почтальон в соседней комнате возится с ручным коммутатором. Прислушавшись, мистер Колдер понял, что мистер Смолпис не был коренным норфолкцем. Судя по его голосу, он скорее был родом из тех мест, где слышен звон колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу.^[28] Когда почтальон вышел в зал, это предположение подтвердилось. Если мистер Смедли был сельским вороном, то мистер Смолпис был лондонским воробьем.

Мистер Смоллпис приветливо произнес:

— Приятно видеть новое лицо. Вы у полковника остановились. Надеюсь, его тетушка оправится.

— От чего оправится?

— Ее десять минут назад увезли. У старушки удар. Впрочем, не первый. Если хотите знать, это с ней происходит каждый раз, когда она чувствует себя одиноко.

— Все старые люди такие, — согласился мистер Колдер. — У вас, наверное, очень хлопотная работа.

— «О, я — и кок, и капитан, и боцман брига „Нэнси Белл“», ^[29] — согласился мистер Смоллпис. — Я управляюсь с коммутатором (восемнадцать линий, между прочим), разношу почту, продаю марки, посылаю телеграммы и бегаю с поручениями. Хотя мне сверхурочные не засчитываются, а когда тебе за работу не платят, так и благодарить не за что. — Он посмотрел на часы над стойкой, которые показывали без пяти минут двенадцать, подвел стрелки на пять минут вперед, потом повернул табличку на входной двери словом «Закрыто» на улицу и сказал: — Поскольку полковник вряд ли вернется раньше двух, почему пиво в «Виконте»?

— Вы прямо читаете мои мысли, — сказал мистер Колдер. — А что будет, если всем вдруг понадобится куда-нибудь позвонить, а вас не окажется на месте?

— Ну, такого ведь не случится, верно?

Когда вернулся полковник (мистер Колдер был рад узнать, что его тетушке стало намного лучше), он сообщил о том, что его попытки что-либо выяснить не дали результатов.

— Если хочешь поговорить с мисс Мартин, ты можешь убить двух зайцев одним выстрелом. Почти каждую среду она ходит к священнику играть на фисгармонии. Его дом в конце улицы. Сначала дом, в котором жили приходские священники, стоял у церкви, но лет сто назад он сторел. Боюсь, что нынешнее сооружение архитектурной жемчужиной не назовешь. Это здание построено в худших традициях викторианской краснокирпичной церковной архитектуры.

Мистер Колдер, поднимая тяжелый кованый дверной молоток, был склонен согласиться с этой оценкой. Дом не отличался красотой, зато он был величественным и массивным.

Священник сам открыл дверь. Мистер Колдер, направляясь к этому дому, не знал, с каким человеком ему придется встретиться. С

воинствующим священнослужителем нормандской закалки? С фанатиком веры, готовым пойти на костер за свои убеждения? С коварным иезуитом, который живет по правилам Игнатия Лойолы, предаваясь одинокой молитве? Кого он не ожидал увидеть, так это худого мужчину неприметной наружности с извиняющейся улыбкой, который затараторил:

— Входите, входите. У нас можно без церемоний, мы тут двери никогда не запираем. Мы знакомы? Пойдите. Вы мистер Колдер и остановились у полковника. Какая чудесная у вас собака! Настоящий персидский дирхаунд королевской крови. Как его зовут?

— Расселас.

— Расселас, — повторил священник. Он смотрел не на собаку, а себе через плечо, как будто в саду у него за спиной происходило что-то интересное. — Расселас.

Пес громко заурчал. Пастор снова произнес «Расселас», на этот раз очень тихо. Урчание сменилось рычанием. Священник замер на месте и замолчал. Рычание снова превратилось в урчание.

— Так-то лучше, — сказал пастор. — Вы видели? Он на меня злился. Интересно, отчего бы это?

— Обычно он себя очень хорошо ведет с незнакомцами.

— Не сомневаюсь. Он очень умный. Почему это он решил, что я враг? Вы ведь слышали, как он это мне показывал?

— Я слышал и то, как он передумал.

— Я сумел его переубедить. Интересно то, почему он начал с враждебных мыслей. Надеюсь, он их не от вас перенял? Впрочем, это всего лишь мои фантазии. С чего бы вам вообще думать о нас? Проходите, познакомьтесь с нашей органисткой мисс Мартин. Она прекрасная женщина, очень нам помогает. И к тому же превосходно играет почти на любых инструментах.

Словно в подтверждение его слов, из-за приоткрытой двери грянула увертюра из оперы Перселла «Дидона и Эней», исполняемая на фисгармонии со всеми открытыми клапанами.

— Мисс Мартин. *Мисс Мартин!*

— Простите, пастор, я не услышала вас.

— Это мистер Колдер, боевой друг полковника Фолкнера. Удивительно, что такая жестокая вещь, как война, родила такую замечательную дружбу.

— Добро иногда является следствием зла, вы не находите?

— Нет, — возразил пастор, — я так не считаю. Добро иногда появляется вопреки злу. Это совсем другое утверждение.

— Прекрасная роза, — подхватила мисс Мартин, — может вырасти из навозной кучи.

— То есть я — роза, а полковник Фолкнер — навозная куча? Или наоборот?

Мисс Мартин захихикала, а пастор сказал:

— Пусть это будет вам наукой: проводя аналогию, нужно знать меру. Извините, мне нужно бежать, но вы можете остаться. Мисс Мартин угостит вас чаем. Останетесь? Отлично.

За чашкой чая, пока мистер Колдер думал над тем, как подвести разговор к интересующей его теме, мисс Мартин сделала это за него. Она сказала:

— В нашей деревне полно сплетников, мистер Колдер. Вы хоть и пробыли здесь всего два дня, а кое-кто уже начинает задумываться, для чего вы приехали. Тем более что вы ходите везде и разговариваете с людьми.

— Я по природе общительный человек, — ответил мистер Колдер.

— Ну-ну, мне очки втереть вам не удастся. Уж я-то знаю. Вас сюда прислали.

Мистер Колдер, пытаясь сдержать удивление, произнес:

— Кто же меня послал?

— Я не буду называть имен. Мы все знаем, что в церкви есть различные секты и группировки, которые считают учение нашего пастора противным своим узким догмам. Они завидуют его растущей славе.

— Вот оно что, — произнес мистер Колдер.

— Я не прошу вас говорить, правильна ли моя догадка. Я хочу только, чтобы вы поняли, что в этих историях нет преувеличений. Я приведу один пример, за который могу сама поручиться. Это случилось, когда мы пригласили на чай семью Брауни. Я тогда допустила ужасный промах, который мог привести к страшной беде. У нас не хватило еды. Можете себе это представить?

— Легко, — сказал мистер Колдер, пожав плечами.

— Я отвела пастора в сторонку и призналась ему. Но он только улыбнулся и сказал: «Загляните в эту тумбочку, мисс Мартин». Я так и уставилась на него. Дело в том, что в этой тумбочке я храню ноты и псалмы, и единственный ключ от нее находится у меня. Я открыла тумбочку, и что вы думаете? Внутри стояло большое блюдо со свежими бутербродами и две тарелки печенья.

— Которыми можно было накормить пять тысяч.

— Странно, что вы так сказали. Тогда мне в голову пришло такое же

сравнение.

— Вы об этом кому-нибудь рассказывали?

— Я не распускаю слухов. Но при этом присутствовала одна из моих помощниц. Она, наверное, и рассказала об этом людям. Вот и пастор. Не говорите ему об этом. Он, конечно же, все отрицает.

— Я рад, что мисс Мартин не оставила вас, — войдя в дом, сказал пастор. — Мне пришла одна мысль. Вы поете?

— Только под принуждением.

— Может быть, стихи читаете? Мы собираемся устроить деревенский концерт. Мисс Мартин в таких делах наша опора...

— Из сообщений вашего коллеги, — сказал мистер Фортескью, — следует, что он уже влился в жизнь этой деревни. В «Ист Англия газетт» написали, что в прошлую субботу он принял участие в деревенском концерте в поддержку Королевского общества защиты животных от жестокого обращения. Он читал «Гибель „Вечерней звезды“» Лонгфелло.

— Господи боже мой! — изумился мистер Беренс. — Сколько же у него талантов!

— Однако в том деле, разобраться с которым я его послал, он, похоже, еще не сдвинулся с мертвой точки. Он считает пастора искренним и убежденным человеком и пока что наблюдает за тремя людьми, которые могли быть направлены в деревню специально для того, чтобы взять священника в оборот. Вам что-нибудь удалось выяснить?

— Не совсем, — ответил мистер Беренс. — Я проверил наши обычные контакты и пришел к выводу, что наиболее вероятный кандидат — Группа Международного Братства. В прошлом они уже занимались подобными вещами. Растормошить местные суеверия, а потом на их основании начать общенациональную кампанию — вполне в их духе. Помните тех школьников, которые зашли на территорию ракетной базы, и то, как грубо с ними там обошлись?

— Это так утверждалось, что с ними грубо обошлись.

— Да. Это была инсценировка. Но они тут извлекли для себя немало пользы. У меня есть выход на их руководителя. Мой контакт утверждает, что они сейчас действительно что-то затевают. А это, в свою очередь, означает, что они направили своего агента в Хеджборн.

— Или что пастор и есть их агент.

— Да. Но доказать что-либо будет сложно. С конспирацией у них все в порядке.

Мистер Фортескью задумался, водя большим пальцем по контуру

выступающего подбородка, потом сказал:

— Вы смогли бы, воспользовавшись своим контактом, сделать так, чтобы определенная информация дошла до их агента в Хеджборне?

— Смог бы, но я не...

— Я слышал, что в медицине, — сказал мистер Фортескью, — если не удастся распознать и вылечить болезнь обычными методами, иногда вызывают искусственный кризис, с которым можно бороться.

— Только нельзя забывать, что, если мы вызовем кризис, несчастный старина Колдер окажется в самом его центре.

— Совершенно верно, — сказал мистер Фортескью.

Мистер Колдер заметил перемену в пятницу второй недели своего пребывания в Хеджборне. Никто не относился к нему откровенно враждебно, никто на него не нападал и никто даже не был с ним груб. Просто в деревне его перестали принимать. Люди, которые охотно разговаривали с ним в «Виконте Таунсенде», теперь при его появлении находили темы для беседы между собой. Когда он навещался к мистеру Смедли, тот не открывал ему дверь, хотя через окно он видел его с книжкой в руках. Мистер Смоллпис стал на улицах обходить его стороной.

Это было похоже на то, как в театре опускается железный противопожарный занавес, отделяя актеров и все, что находится на сцене, от зрителей. Неожиданно он оказался по одну сторону, а деревня по другую.

К субботе обстановка стала настолько гнетущей, что мистер Колдер решил: пора что-то предпринимать. Стоукс повез полковника по делам в Тетфорд, и он остался в доме один. Под влиянием минуты он решил поговорить с пастором.

Несмотря на то что погода была прекрасная, на деревенских улицах не было ни души. По дороге мистер Колдер, заметив шевеление занавесок в окнах, понял, что за ним наблюдают, однако вокруг царила тяжелая осенняя тишина. На этот раз странно притихшего Расселаса он оставил дома.

На стук в дверь никто не ответил. Вспомнив слова пастора о том, что двери здесь никогда не закрывают, он повернул ручку и вошел. В доме было тихо. Сделав несколько шагов по коридору, он остановился. Дверь по левую руку от него была открыта. Он заглянул и увидел пастора. Священник стоял на коленях на резной скамеечке для молитв так неподвижно, словно сам был ее частью. Если он и услышал шаги мистера Колдера, то не обратил на них ни малейшего внимания. Чувствуя себя глупейшим образом, мистер Колдер ретировался тем же путем, которым

пришел.

На обратном пути ему неожиданно вспомнилось, как он во время войны работал в составе военной миссии в Албании. Когда миссия посетила одну из отдаленных деревень, там они встретили такое же молчаливое равнодушие. Это весьма их озадачило, поскольку обычно их хорошо принимали. Вернувшись в ту деревню через несколько месяцев, мистер Колдер узнал правду. В деревне поймали доносчика, и люди просто ждали, когда миссия уедет, чтобы разделаться с ним. Мистер Колдер не был от природы впечатлительным человеком, но, когда он узнал, что сделали с доносчиком, его чуть не вывернуло наизнанку...

В тот вечер Стоукс, накрывая на стол, был необычно молчалив. Когда он удалился, полковник сказал:

— То, что должно произойти, произойдет завтра.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказали, что пастор с четверга постится. К тому же завтрашняя служба отменена, а вечерняя перенесена на четыре часа. Тогда-то все и начнется.

— И слава богу, — обронил мистер Колдер.

— Стоукс считает, что тебе лучше сегодня уехать. Он думает, что со мной все будет в порядке, но тебе лучше побережись.

— Спасибо ему за заботу, но я, пожалуй, останусь. Конечно, если ты не выгонишь меня.

— Да я буду только рад, — ответил полковник. — Кроме того, если они увидят, что ты уехал, они могут отложить свое дело, и тогда нам придется начинать все сначала.

— Ты позвонил по тому номеру, что я тебе дал?

— Да. Из телефонной будки в Тетфорде.

— И какой был ответ?

— Ответ был такой странный, — сказал полковник, — что я даже подумал, не напутал ли ты, поэтому...

Он передал мистеру Колдеру листок бумаги. Внимательно прочитав написанное, мистер Колдер сложил листок и спрятал его в карман.

— Ну что? Хорошие новости или плохие?

— Трудно сказать, — произнес мистер Колдер. — Но я могу пообещать одно: завтра вы услышите такую проповедь, которую не забудете до конца своих дней.

Когда пастор подошел к кафедре, он был бледен и собран, но лицо его уже не казалось мягким. Мистер Колдер удивился, как он мог раньше

посчитать его наружность неприметной. От этого человека веяло решительностью и непреклонной верой, казалось, он своим теплом согревает всю церковь. Он уже не походил на доброго святого Франциска, теперь он был подобен Петру Пустыннику, «чьи очи горят, а язык подобен мечу».

Секунду он стоял неподвижно, широко расправив плечи, потом медленно повернул голову и стал всматриваться в лица собравшихся, точно ища поддержки и направления у своих прихожан. Заговорил он голосом спокойным и негромким, почти будничным:

— Антихрист снова поднял голову. Дьявол вновь принялся за дело. Мы убедили себя в том, что нанесли ему сокрушительный удар. Но мы ошиблись. Наше прошлое предупреждение не возымело должного действия, и теперь нам придется повторить его. На этот раз тверже.

Полковник взволнованно посмотрел на мистера Колдера. Тот беззвучно, одними губами, произнес: «Жди».

— Мне стало известно, что грязная работа в Снелшеме не только возобновилась, но и ведется с новой силой. Еще больше Божьих созданий держится в неволе и подвергается пыткам, которых не знали даже в гестапо. Во имя науки мыши, кролики, морские свинки и хомяки принимают позорную и болезненную смерть. Вчера груз африканских древесных бобров, безобидных и дружелюбных созданий, был доставлен на эту... научную бойню. Им будет привит вирус, от которого у них сначала отнимутся конечности, потом они будут испытывать жуткую, невыносимую боль и в конце концов умрут. Цель этого бесчеловечного эксперимента — найти способ оттянуть смерть...

Мистер Колдер, напряженно внимавший, не расслышал последнего предложения, потому что толпа прихожан разом загудела.

Гудение неожиданно переросло в рев. Голос пастора возвысился над шумом, точно звук трубы.

— Мы позволим этому свершиться?

Церковь снова наполнилась ревом, еще более гневным.

— Мы разрушим это грязное место, камень за камнем. То, что останется, мы очистим огнем. Все, кто хочет помочь, за мной!

— Что нам делать? — спросил полковник.

— Сиди смирно, — сказал мистер Колдер.

Уже в следующую секунду они сидели на своем ряду одни в окружении сотни злых лиц. Пастор, все еще стоявший у кафедры, поднятой рукой успокоил шторм.

— Мы не допустим кровопролития, — провозгласил он. — Не будем

злом бороться со злом. Те, кто не с нами, против нас. Инок, возьми одного из них. Вы, двое, берите другого. В ризницу их!

Мистер Колдер сказал полковнику:

— Спокойно. Не сопротивляйся.

Когда их проталкивали между рядами, полковник, заметив в толпе взволнованное лицо, крикнул:

— Вы в этом тоже участвуете, Стоукс?

Но ответа он не услышал, потому что в следующее мгновение их вывели в ризницу. Дверь за ними захлопнулась, и в замке повернулся ключ. Толстые стены и девять дюймов прочного дуба не пропускали голоса, но игру органа им было слышно. Похоже, мисс Мартин исполняла «Боевой гимн Республики».

— Итак, — полковник повернулся к мистеру Колдеру, — что теперь?

— Дадим им пять минут, чтобы дойти до дома пастора. Там, я думаю, они проведут нечто вроде совета.

— А потом?

Мистер Колдер уселся на кипу подушечек, которые подкладывают под колени при молитве, и стал покачивать короткими ногами.

— Поскольку у нас есть пять свободных минут, я, пожалуй, введу тебя в суть дела. Присаживайся.

Полковник заворчал, но подчинился.

Мистер Колдер продолжил:

— Тебя не удивило, что чудеса, о которых мы слышали, можно разделить на два совершенно разных типа?

— Что-то я тебя не понимаю.

— Первый тип — обычный животный магнетизм. В этом у меня нет сомнений. Я сам видел, как пастор воздействовал на Расселаса. Он чуть не загипнотизировал бедную собаку. Второй тип... О них много говорили, но я встретил реальные доказательства лишь двух из них. Это колокола, которые звонили сами по себе, и еда, материализовавшаяся в закрытой тумбочке. Если отбросить всеобщую истерию, к чему сводятся эти чудеса? Ты сам рассказал мне, что ключ от колокольни однажды пропал.

— Ты думаешь, кто-то его выкрал, чтобы сделать дубликат?

— Разумеется.

— Но кто?

— Вот! — многозначительно произнес мистер Колдер. — Наверняка это был тот же самый человек, который организовал и второе чудо. Но, по моему, нам уже пора выбираться отсюда. Ты не находишь?

— Каким образом?

— Нужно, чтобы нас кто-нибудь открыл. Я заметил, что они оставили ключ в замке. Должен же тут быть кто-нибудь в здравом уме.

Полковник со скептическим видом произнес:

— Если учесть, что до ближайшей фермы, где нам хоть кто-нибудь смог бы помочь, отсюда добрая четверть мили, хотел бы я услышать, как ты будешь звать на помощь.

— Лезем по этой лестнице, — сказал мистер Колдер. — Я тебе покажу.

Тем временем в переполненной комнате пастор обращался к обступившим его со всех сторон людям:

— ...Все понятно? Они ожидают нас с южной стороны, как и в прошлый раз, поэтому мы пройдем через лес и ударим с северной стороны. Стоукс, вы можете подогнать лендровер полковника к этой стороне?

— Конечно, пастор.

— Захватите веревки с крюками. За вами будет следовать трактор Тома. Инок, сколько нужно времени, чтобы перерезать проволоку?

— Десять секунд.

Это вызвало громогласный смех.

— Хорошо. Нам задержки ни к чему. Мы проедем тракторами прямо через брешь и ударим в тыл. Горючий материал будет в прицепах за последним трактором. Мистер Смедли, вы возьмете своих скаутов и проследите, чтобы с этим не возникло заминки.

— Конечно, пастор. Скауты — настоящие эксперты по части разжигания костров.

— Отлично. Теперь ложный маневр у главных ворот. Этим займетесь вы, мисс Мартин. Берите с собой девочек. Потребуется, чтобы вас пропустили. Когда они откажутся — начинайте кричать. Если сможете добраться до караульного, царапайте его.

— Это я поручу Матильде Бриггс, — кровожадно произнесла мисс Мартин.

Инок Клейверинг тронул пастора за руку.

— Послушайте, — сказал он, подошел к окну и открыл его.

— В чем дело, Инок?

— Мне показалось, пару минут назад я услышал звон колоколов, но не хотел вас прерывать. Они уже замолчали. Колокола, как в прошлый раз, зазвонили сами по себе. Что это означает?

— Это означает, — жизнерадостно сказал пастор, — что я болван. Забыл закрыть на замок люк на колокольне. Наши пленники взобрались туда по лестнице и начали звонить в тенор и дискант. Поскольку звон

прекратился, надо полагать, кто-то их услышал и выпустил.

— Что нам теперь делать? — спросила мисс Мартин.

— Чего мы сейчас не должны делать, так это терять голову. Стоукс, вы обездвижили машину полковника?

Стоукс кивнул.

— Вы отключили коммутатор, мистер Смоллпис?

— Как и в прошлый раз.

— В таком случае я не представляю, как им в течение получаса удастся вызвать помощь. Нам вполне хватит времени сделать то, что мы задумали.

— Я бы вам этого не советовал.

Мистер Колдер стоял в дверном проеме, засунув одну руку в карман. Выглядел он спокойно, но решительно. Позади него они увидели огромную собаку, Расселаса, голова которого почти достигала плеч его хозяина. Глаза собаки горели янтарным светом.

На какой-то миг в комнате воцарилась полная тишина. Потом толпа сердито загудела.

— Это вы, Колдер! Скажите, кто вас выпустил? — сказал священник.

— Джек Коллинс. И он уже уехал на своей машине в Тетфорд. Полиция прибудет через полчаса.

— В таком случае они опоздают.

— Именно этого я и боялся, — сказал мистер Колдер. — Поэтому и поспешил сюда, чтобы остановить вас.

Толпа снова загудела, на этот раз еще громче и еще более угрожающе. Инок Клейверинг вышел вперед и бросил:

— Давайте запрем его в подвале, пастор, и продолжим.

— Я бы на вашем месте этого не делал, — сказал мистер Колдер. Голос его по-прежнему звучал спокойно. — Во-первых, если вы поднимете на меня руку, моя собака вам ее оторвет. Во-вторых, полковник сейчас стоит перед домом в саду. У него ружье, и, если придется, он пустит его в ход.

Пастор вкрадчивым голосом произнес:

— Не думайте, что сможете запугать нас. Полковник не станет стрелять. Он не убийца. А Расселас на меня не бросится. Правда, Расселас?

— Вы перепутали, пастор, — ответил мистер Колдер. — Я хочу, чтобы вы не нападали на нас. Хотя бы какое-то время, чтобы я успел сказать вам пару слов. Во-первых, охрана в Снелшеме была удвоена. Они вооружены и получили приказ стрелять. Сейчас вы поведете свою паству не на веселую вылазку, как в прошлый раз, а на бойню.

— Я думаю, он лжет, — с подозрением произнес мистер Смедли.

— Есть только один способ проверить это, — сказал мистер Колдер. — Но сейчас не это главное. Сейчас самый главный вопрос (который наши американские друзья назвали бы вопросом на шестьдесят четыре тысячи долларов^[30]): кто-нибудь из вас видел древесного бобра?

Вопрос был встречен молчанием.

— Ну же, давайте, — произнес мистер Колдер. — Наверняка среди вас есть натуралисты. Пастор, я вижу, у вас на полке стоит «Универсальная энциклопедия дикой природы». Вы не могли бы взять ее и прочитать нам что-нибудь о повадках этих любопытных существ?

Священник с понимающей улыбкой произнес:

— К чему вы клоните, мистер Колдер?

— Можете не искать, в энциклопедии вы этих животных не найдете. Древесных бобров не существует в природе. Они и не могут существовать, потому что бобры живут в реках, а не на деревьях. Этот зверь — выдумка моего старого друга, некоего мистера Беренса. Придумав это чудесное животное, он посчитал, что будет непросительным эгоизмом не поделиться им с людьми. Весть об их прибытии в Снелшем он передал своему товарищу, который сообщил об этом в некую занимающуюся подрывной деятельностью организацию, которая называется Группа Международного Братства. А те, в свою очередь, через своего местного агента передали это вам, пастор.

Широко улыбнувшись, пастор сказал:

— Выходит, меня водили за нос. Sancta simplicitas!^[31] И кто же этот агент?

— Это легко выяснить. Кто рассказал вам о древесных бобрах?

В этот миг послышался какой-то шум, потом раздался крик, грохот, и неожиданно грянул выстрел...

— Остается загадкой, — сказал мистер Колдер, — кого хотела застрелить мисс Мартин: пастора или меня. Случилось так, что Расселас сбил ее с ног, и она выстрелила в себя. Как только сельчане поняли, что их одурачили, они тут же словно огородили себя стеной. Они придумали историю о том, что мисс Мартин якобы очень боялась грабителей и для защиты от них хранила револьвер, который каким-то образом попал к ней после войны. Скорее всего, она держала его в своей сумочке, и они преподнесли это так, будто она достала его для того, чтобы кому-то показать, но случайно нажала на спусковой крючок и убила себя. Более

неправдоподобной истории представить себе невозможно, и у коронера подозрения возникли с первой минуты. Однако он так и не сумел разговорить их. В конце концов, не так-то легко не поверить свидетельству совета прихода в полном составе во главе с пастором. В заключении коронер написал: «Смерть от несчастного случая».

— Превосходно, — сказал мистер Фортескью. — Доказать что-нибудь было бы очень трудно, тут и ваши бобры не помогли. Как к этому отнесся священник?

— Очень спокойно. Мне пришлось задержаться там на время следствия, и в воскресенье я сходил в церковь на вечерню. Там было столько людей, что я с трудом нашел место. Священник произнес великолепную проповедь, которую начал словами: «Кесарю кесарево».

— Опасный противник, — заметил мистер Фортескью. — В целом мне совсем не жаль, что власти все-таки решили закрыть лабораторию в Снелшеме.

АНТОНИЯ ФРЕЙЗЕР

Желаю приятно умереть

Одной из самых интересных женщин-сыщиков, появившихся в последнее время, можно смело назвать тележурналистку Джемайму Шор. Ее создатель, леди Антония Фрейзер, — одна из очень немногих титулованных (до получения литературной славы) женщин, которые писали в жанре детектива. Писательская карьера Антонии Фрейзер началась в 1977 году, когда был напечатан ее первый роман «Тихая монахиня», и с тех пор из-под ее пера вышел уже почти десяток романов, в которых главной героиней является находчивая мисс Шор. Ранее леди Антония была известна как автор научно-популярных книг, среди которых «История игрушек» и «Король Карл II», и до сих пор остается признанным знатоком истории британской монархии.

«Желаю приятно умереть» — удивительный рассказ-загадка, в котором нет сыщика. Впрочем, читатель непременно получит массу удовольствия, если примет эту роль на себя.

~ ~ ~

В Нью-Йорке с Сэмми Люком все были необыкновенно любезны.

Взять, к примеру, его прибытие в аэропорт имени Джона Кеннеди: Сэмми был просто ошеломлен тем, как сердечно его встретили. Он подумал, что Зара (его жена) теперь наверняка успокоится. Она всегда волновалась о Сэмми, впрочем, он вынужден был признать, что небезосновательно. Однако это осталось в прошлом. В прошлом Сэмми был нервным, чувствительным, вспыльчивым — называйте, как хотите (Сэмми подозревал, что некоторые подруги Зары использовали словечки поглубже); но объяснялось это тем, что Сэмми постоянно преследовали неудачи, если, конечно, рядом не оказывалось Зары, которая их сглаживала. Но то было в Англии. Сейчас же Сэмми был уверен, что здесь, в Америке, нервничать ему не придется. Возможно даже, Новый Свет его излечит, и он уже никогда не будет нервничать.

Взять хотя бы сотрудников иммиграционной службы — разве Сэмми

не предупреждали на их счет?

«Это настоящие бандиты», — сообщила как-то мрачным голосом Тесс, богатая подруга Зары, которая часто бывала в Америке. На какую-то секунду Сэмми, все еще пребывая в своем английском нервическом состоянии, представил себе вооруженных пулеметами террористов, оккупировавших иммиграционный пропускной пункт. Но сидевший в кабинке офицер, который пригласил Сэмми, оказался человеком весьма хрупкой конституции, возможно, даже более хрупкой, чем сам Сэмми, хотя из-за отгораживающего его стекла трудно было определить точно. Улыбнувшись, он крикнул:

— Заходите, заходите. Зовите родных! — Табличка перед кабинкой гласила, что внутрь разрешается входить целой семьей.

— Простите, но я путешествую без жены, — извиняющимся тоном сообщил Сэмми.

— Хотел бы я, чтобы моя со мной тоже не путешествовала, — ответил служащий еще более дружелюбно.

Сэмми, смущаясь, подумал (полет, в конце концов, был долгим), стоит ли ему рассказать этому человеку о том, что он к своей жене относится совсем не так и очень жалеет, что Зара не смогла полететь с ним. Но новый друг Сэмми уже раскрыл его паспорт, полистал какой-то талмуд в черной обложке и сказал:

— Так вы писатель... Я мог читать ваши книги?

Для Сэмми это был шанс внятно объяснить цель своего приезда в Америку. Сэмми Люк написал уже шесть романов. Пять из них продавались хорошо — если не сказать удивительно хорошо — в Англии, но совсем не продавались в Соединенных Штатах. Шестой роман, «Плачущие женщины», возможно, из-за модной нынче темы, можно сказать, выиграл издательский джек-пот в обеих странах. Уже через несколько недель после публикации в Штатах книга пользовалась феноменальной популярностью, и продажи продолжали расти; к тому же были куплены права на ее экранизацию. (Джейн Фонда и Мерил Стрип в роли мазохисток? Почему бы нет?) В результате этого новые американские издатели Сэмми преисполнились горячей убежденности, что для того, чтобы окончательно закрепить широкий, тотальный успех «Плачущих женщин» в Штатах, осталось сделать лишь одно, а именно: при помощи телевидения превратить самого автора книги в знаменитость. Предполагалось, что, убедительно отстаивая свою точку зрения на вопросы насилия и женского мазохизма в телевизионных интервью и ток-шоу, Сэмми Люк поднимет свой последний роман еще выше в списках

бестселлеров и надолго закрепит его там. Клода Йансен, редактор Сэмми в издательстве «Порлок павлишерс», не сомневалась в успехе.

«Ты будешь прекрасно смотреться на ток-шоу, Сэмми, — убеждала его Клода, когда звонила из Америки. — Такой маленький, такой симпатичный, и вдруг...» — Клода издала губами громкий звук, как будто кто-то кого-то пожирал. Очевидно, пожираемым должен был стать не Сэмми. Клода была убежденной феминисткой, как она в осторожных выражениях объяснила Сэмми во время своего визита в Англию, когда, обойдя конкурентов, приобрела права на издание «Плачущих женщин» за огромные деньги. Но она верила в то, что такие бестселлеры, как «Плачущие женщины», выполняют свою социальную роль: приносят деньги, которые идут на финансирование радикальных феминистских произведений. Сэмми попытался объяснить, что его книга ни в коей мере не была антифеминистской, взять хотя бы тот факт, что сама Зара, его Эгерия,^[32] не нашла в ней ничего предосудительного...

«Расскажешь это на ток-шоу», — только и ответила ему Клода.

Пока Сэмми придумывал, как изложить все это покороче, но с выгодой для себя, человек в кабинке спросил:

— Цель вашего визита, мистер Люк?

Сэмми вдруг ощутил последствия того, что во время долгого перелета много выпил (спасибо «Порлок павлишерс» за билет первого класса), да к тому же еще заснул, точнее сказать, забылся тяжелым сном. В голове у него загудело. Он что-то ответил, и ответ его, судя по всему, показался удовлетворительным. Офицер поставил штамп в паспорте и вручил его Сэмми со словами:

— Добро пожаловать в Соединенные Штаты Америки, мистер Люк. Всего вам самого наилучшего. Желаю приятно провести день.

— Проведу, — пообещал Сэмми. — Я уверен, мне здесь понравится. День сегодня и впрямь чудесный.

Прием в знаменитой гостинице «Барраклоу» (куда его устроила Клода) оказался и того лучше. Все, решительно все в «Барраклоу» были озабочены тем, чтобы Сэмми получил как можно больше удовольствия от своего пребывания в США.

«Желаю приятно провести день, мистер Люк». Почти все разговоры заканчивались таким пожеланием, с кем бы он ни разговаривал: хоть с гостиничной телефонисткой, хоть с приветливым лифтером, хоть с важным консьержем, манерами напоминавшим настоящего джентльмена. Даже таксисты Нью-Йорка желали Сэмми приятного дня, хотя, видя их настороженные лица, он никак не мог ожидать от них подобного радушия.

Сэмми начинал ответ словами: «Спасибо, обязательно проведу его приятно», а потом добавлял с кривоватой улыбкой, стараясь выговаривать слова на американский манер: «Я обожаю Нью-Йорк».

— Зара, это самый гостеприимный город в мире! — прокричал он в трубку так громко, что его слова повторились коротким эхом.

— Тесс говорит, что на самом деле они тебе ничего не желают. — Гигантское расстояние превратило голос Зары в отдаленное тихое завывание. — Они это говорят неискренне.

— Тесс ошиблась насчет бандитов в иммиграционном отделе, так что вполне могла и с этим ошибиться. Тесс не владеет всей страной. Она унаследовала всего лишь небольшой ее кусочек.

— Дорогой, ты говоришь странные вещи, — заметила Зара. Когда она коснулась знакомой темы — заботы о Сэмми, — голос ее зазвучал тверже. — Ты как, в порядке? Я имею в виду, что ты там совсем один и...

— Я почти весь день провел на телевидении, — со смехом прервал ее Сэмми. — И был совсем один, если не считать ведущего и сорока миллионов зрителей. — Сэмми стал решать, стоит ли честно добавить, что не все передачи с его участием вышли в эфир и что иногда его аудитория составляла всего лишь полтора миллиона, как вдруг услышал полный упрека голос Зары:

— Ты не спрашиваешь про маму. — Именно неожиданная болезнь матери Зары, еще одного эмоционально зависимого от нее человека, стала причиной того, что поездка Зары в Нью-Йорк вместе с Сэмми отменилась в последнюю секунду.

Только после того, как Сэмми положил трубку, мягко поинтересовавшись здоровьем матери Зары и извинившись за грубое высказывание в адрес Тесс, он осознал, что Зара была совершенно права. Он действительно разговаривал как-то странно, и даже сам этому удивился. В Лондоне он никогда не осмелился бы сделать подобное замечание насчет Тесс. Осмелился? Сэмми взял себя в руки.

Заре, своей сильной и прекрасной Заре, он, разумеется, мог говорить что угодно. Она была его женой. Как семейная пара, они были очень близки, с чем соглашалось все их окружение. То, что у них не было детей (это решение они приняли еще в дни бедности да так с тех пор и не отменили его), лишь укрепляло их связь. Поскольку основой их брака было не сиюминутное неудержимое сексуальное влечение, а нечто более глубокое, более интимное (секс никогда не играл в нем главной роли, даже в самом начале), узы, соединяющие их, с годами только становились прочнее. Сэмми сомневался, что в Лондоне найдется пара с более

искренними отношениями.

Все это было правдой, о которой приятно вспомнить. Вот только случилось так, что в последние годы Тесс сделалась постоянной центробежной силой в их жизни: мнение Тесс учитывалось при покупке одежды, при оформлении интерьера и особенно при выборе штор. Короче, полный отстой! (Выражение это Сэмми позаимствовал у Клоды.) Кроме того, баснословные деньги Тесс каким-то образом делали ее мнение весомее, что было довольно странно, учитывая то, что Зара презирала людей, разбогатевших не своим трудом.

«Ну, хорошо. Теперь и у меня есть деньги. Много. Я их заработал», — думал Сэмми, надевая новый светло-голубой пиджак, который Зара — да, Зара — заставила его купить. Он посмотрел на себя в одно из огромных зеркал в золоченых рамах, украшавших его номер в «Барраклоу», для чего ему пришлось отодвинуть в сторону большой букет — подарок от управляющего гостиницы (или от Клоды?). Вот он, Сэмми Люк — покоритель Нью-Йорка или, по крайней мере, американского телевидения. В следующий миг он рассмеялся над собственной нелепостью.

Сэмми вышел через гостиную на маленький балкончик и посмотрел вниз на ленту растянувшейся внизу дороги, на крыши зданий, на Центральный парк, раскинувшийся посреди всего этого манящим зеленым пятном. Если говорить правду, Сэмми сейчас был по-настоящему счастлив. И причиной тому был не только успех его книги и не весьма прибыльная, как и предсказывала Клода, телевизионная слава, и даже не усиленное внимание прессы, хотя среди рецензий на его книгу были и разгромные, опять-таки, как предрекала Клода. Истинной причиной было то, что в Нью-Йорке Сэмми Люк чувствовал себя любимым. Любовь эта была всеохватывающей, удивительной и обезличенной. Это чувство ничего не требовало взамен. Это было похоже на электрический камин, в котором бутафорские раскаленные уголья горят, даже когда он выключен. Нью-Йорк пылал, но не мог обжечь. В глубине души Сэмми чувствовал, что еще никогда в жизни не был так счастлив.

Неожиданно снова зазвонил телефон. Сэмми ушел с балкона. Он ожидал один из трех звонков. Во-первых, это мог быть дежурный звонок Клоды: «Привет, Сэмми, это Клода... Слушай, последнее шоу, которое ты записал, — просто великолепно. Наша девочка из отдела рекламы, которая присутствовала на записи, сказала, что вначале все пошло не очень гладко (она испугалась, что они хотели разнести тебя в пух и прах)... Но вышло все как нельзя лучше... Фух!» Очередная порция интересных звуков, изданных ее подвижными и очень чувственными губами. «Молодчина,

Сэм! Ты их сделал! Та девушка, похоже, защищала тебя. Как там ее? Сью, Мэй? Джоани. Точно, Джоани. Она без ума от тебя. Нужно будет мне с ней поговорить. Что это такой симпатичной девушке вздумалось увиваться за мужчиной, да к тому же женатым...»

Физическое влечение Клоды к собственному полу было предметом грубоватых шуток между ними. Странно, но в Нью-Йорке даже это не казалось ему чем-то из ряда вон выходящим. В Англии Сэмми был поражен, хоть и не подал виду, откровенностью ее намеков. Еще больше его взволновало то, что однажды она хлопнула его по заднице, несомненно, в шутку, но добавив при этом: «Ты сам немного смахиваешь на девушку, Сэмми». Нельзя сказать, что это замечание его ободрило. Впрочем, даже это меркло в сравнении с тем стыдом, который он испытал, когда как-то раз Клода игриво заявила о своем влечении к Заре и подивилась, как это Зара (если не брать во внимание деньги) терпит его, Сэмми. Однако в Нью-Йорке все это вызывало у Сэмми лишь веселье.

Еще ему было приятно слышать (хоть это и было сказано несерьезным тоном), что он нравился Джоани, девушке из отдела рекламы, отвечавшей за его рабочий график, потому что Джоани, в отличие от красивой и пугающей пиратки Клоды, была маленькой и нежной.

Вторым возможным абонентом была сама Джоани. В таком случае она должна была звонить из вестибюля «Барраклоу», где ждала его, чтобы отвезти в телестудию на другом конце города на запись очередного интервью. Позже Джоани привезет его обратно к гостинице и сама, как обычно, заплатит за такси, словно предполагая, что его нервная система не выдержит, если они отойдут от этой традиции. Когда-нибудь, с улыбкой подумал Сэмми, он, возможно, даже пригласит Джоани зайти в его номер... В конце концов, для чего еще нужны гостиничные номера? (Сэмми никогда раньше не жил в гостинице в собственном номере: его английский издатель во время промо-туров по старинке селил своих писателей в смежных спальнях.)

Наконец, звонок мог быть от Зары. Их последний разговор, несмотря на все его извинения, закончился не на удовлетворительной ноте, и Зара, оставшись одна в Лондоне, наверняка теперь беспокоилась о муже. Мысль о Заре вдруг заставила его почувствовать какую-то внутреннюю удовлетворенность: в конце концов, ей было совершенно не о чем беспокоиться. «Кроме разве что Джоани», — добавил он про себя с улыбкой.

Раздавшийся из телефонной трубки голос поколебал удовлетворенность Сэмми.

— Я видела вас вчера по телевизору, — прошептал женский голос. — Ты ублюдок, Сэмми Люк. Я приеду в твой номер и отрежу тебе твой маленький...

Последовало подробное анатомическое описание того, что обладатель голоса собирался сделать с Сэмми Люком. Тихие чудовищные непристойности, жуткие и неожиданные, неприятные для его слуха, как отвратительный скрежет железа по стеклу, продолжали какое-то время изливаться из невинного белого гостиничного телефона, пока Сэмми не догадался прижать трубку к груди и заглушить голос своим новым голубым пиджаком.

Через пару секунд, думая, что заставил умолкнуть ужасный шепот, Сэмми снова поднес трубку к уху. Он успел расслышать слова:

— Желаю приятно умереть, мистер Люк.

Потом наступила тишина.

Сэмми стало плохо. В следующий миг он уже бежал через роскошную гостиную, еле сдерживая позыв к рвоте. Ванная в его шикарном номере находилась в дальнем конце огромной спальни, и, когда он ворвался в нее, ему показалось, что он пробежал несколько миль.

Сэмми лежал, тяжело дыша, на ближайшей к двери в ванную кровати, которая предназначалась для Зары, когда телефон снова зазвонил. Он поднял трубку, отставив ее от уха, прислушался и узнал веселый участливый голос гостиничной телефонистки.

— О, мистер Люк, — говорила она, — пока вы только что разговаривали по телефону, вам звонила Джоани Лазло из «Порлок паблишерс». Она обещала перезвонить, но просила передать вам, что назначенная на сегодня запись отменяется. Ведущий Макс Сигранд в командировке и не успевает вернуться вовремя. Очень жаль, что так вышло, мистер Люк. Это хорошая передача... Но она сказала, что сегодня вечером принесет вам договора на участие в других передачах... Желаю приятно провести день, мистер Люк. — И жизнерадостная телефонистка отключилась. Но на этот раз Сэмми вздрогнул, когда услышал знакомую фразу.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем позвонила Джоани. Она сообщила, что находится внизу, в вестибюле, с несколькими копиями «Плачущих женщин» и спросила, не занести ли их ему в номер. Когда она вошла в дверь гостиной с большой, полной книг мексиканской сумкой в руках, на щеках у нее выступил румянец. Джоани поздоровалась, как всегда, глядя на него восторженными глазами. И все же Сэмми не мог поверить, что недавно думал о том, чтобы соблазнить ее — или вообще

кого-либо — в своем позолоченном номере среди ваз с цветами. Теперь ему казалось, что это было очень-очень давно.

Дело в том, что за те несколько часов, пока Сэмми ждал Джоани, он принял еще два звонка. Шепот, описывая ожидающую его судьбу, сделался смелее, но остался таким же тихим. По непонятной для себя причине Сэмми дослушал все до конца. Наконец последовала фраза, которую он подсознательно ожидал. И все же сердце у него екнуло, когда он услышал слова: «Желаю вам приятно умереть, мистер Люк».

Когда последовал второй звонок, он сразу бросил трубку, а потом позвонил оператору.

— Все! — произнес он громким, возбужденным голосом. — Хватит!

— Прошу прощения, мистер Люк?

— Я имел в виду, что не хочу больше таких звонков.

— Как скажете. — Телефонистка была другая, не та жизнерадостная женщина, любительница телевизионных ток-шоу, но с таким же дружелюбным голосом. — Я пока не буду пропускать ваши звонки. Рада помочь. До свидания. Желаю приятно провести вечер.

Может быть, Сэмми стоило спросить нового оператора, кто ему звонил? Наверняка она с не меньшей радостью пообщалась бы с ним на эту тему. Но, пребывая в потрясенном состоянии, он не смог заставить себя заговорить с еще одним безликим и неунывающим ньюйоркцем. К тому же самый первый звонок соединяла веселая любительница телевизионных ток-шоу... Зара. Нужно рассказать все Заре. Она наверняка решит, что им делать. Точнее, что ему делать.

— Что происходит? — воскликнула она. — Я три раза пыталась тебе позвонить, а эта чертова операторша отказывалась меня с тобой соединять. Ты в порядке? Я звонила, потому что ты как-то странно разговаривал. Как будто обкурился чего-то. Смеялся, хотя ничего смешного не говорил. На тебя это не похоже. Я знаю, Нью-Йорк действует возбуждающе, но я никогда не думала, что...

— Я не в порядке, — прервал ее Сэмми. — Совсем не в порядке. — Он услышал, как надрывно прозвучал его голос. — Тогда я был в полном порядке, в полнейшем порядке, а сейчас наоборот.

Поначалу Зара никак не могла понять, что ей рассказывает Сэмми, и ему в конце концов пришлось прекратить попытки описать свое прежнее восторженное состояние. С одной стороны, она, похоже, просто не могла взять в толк, о чем он говорит, а с другой, Сэмми, ощущая чувство вины, понимал, что в немалой степени причиной его временного помешательства было то, что в нужный момент рядом с ним не оказалось Зары. Поэтому

Сэмми просто согласился с тем, что, прибыв в Нью-Йорк, вел себя несколько необычно, после чего попросил ее посоветовать, как ему быть дальше.

Как только Сэмми сделал это признание, Зара заговорила более привычным голосом: отрывистым, но уверенным. Она предложила позвонить Клоде в «Порлок».

— Если честно, Сэмми, я не понимаю, почему ты не позвонил ей сразу. — Зара заметила, что если Сэмми сам не сумел этого сделать, то Клода наверняка сможет поговорить с гостиничными, телефонистами и сделать так, чтобы подобные звонки отфильтровывались.

— Может, Клода даже знакома с этой женщиной, — несмело вставил Сэмми. — У нее есть очень странные друзья.

Зара рассмеялась.

— Надеюсь, не *настолько* странные. — Она уже несколько успокоилась, и Сэмми, перед тем как положить трубку, не забыл поинтересоваться здоровьем ее матери, а услышав, что Тесс вылетела в Америку по делам, даже сказал, что с радостью встретился бы с нею.

Когда Джоани вошла в номер, Сэмми рассказал ей о звонках с угрозами и, увидев на ее лице жалость, испытал внутреннее удовольствие.

— Это просто ужасно, Сэмми, — пробормотала она, ее светло-карие глаза прочувствованно заблестели. — Клода в данный момент не у себя в офисе, но, если позволишь, я сама прямо сейчас поговорю с управляющим.

Сэмми было как-то странно чувствовать, что Джоани больше не привлекает его. В ее дружелюбии было даже что-то раздражающее. Возможно, под этой яркой обложкой скрывалась пустота, и Тесс была права насчет того, что все ньюйоркцы неискренние. Как бы то ни было, Сэмми был рад, когда Джоани наконец ушла, прихватив подписанные книги.

Он не предложил ей выпить, несмотря на то что она принесла ему сигнальный экземпляр воскресного литературного приложения «Нью-Йорк таймс», в списке самых продаваемых книг которого «Плачущие женщины» поднялись вверх на четыре позиции.

— Желаю приятно провести вечер, Сэмми, — мягко произнесла Джоани, когда закрывала дверь номера. — Я оставила Клоде сообщение у ее секретарши, и завтра я тебе перезвоню.

Но вечер прошел не особенно приятно. Он сделал большую глупость и заказал ужин в номер. Причиной тому было то, что его охватил какой-то глупейший страх, что звонившая ему женщина может подстеречь его где-нибудь рядом с гостиницей.

— Приятного дня, — машинально произнес официант, принесший еду

на подогретом подносе, накрытом белой салфеткой, после того как Сэмми подписал чек. Сэмми готов был его задушить.

— День уже закончился. Сейчас вечер, — процедил он глухим злым голосом.

Он только что положил на счет несколько долларов чаевых. К этому времени официант, ловким привычным движением сунувший доллары в карман, уже был у двери. Он повернулся, на секунду растянул губы в улыбке и произнес:

— Да. Конечно. Спасибо, мистер Люк. Приятного дня. — Рука официанта легла на дверную ручку.

— Сейчас вечер! — вскричал Сэмми и почувствовал, как его бросило в дрожь. — Вы что, не понимаете? Вы согласны, что сейчас вечер?

Служитель гостиницы слегка оторопел, но совершенно не смутился и снова произнес:

— Да. Конечно. Вечер. До свидания. — После этого он ушел.

Сэмми налил себе виски из мини-бара. Есть ему уже не хотелось. Вид накрытой белой салфеткой тележки с ужином угнетал его, поскольку напоминал о разговоре с официантом, но ему не хватило мужества вытолкнуть тележку из своего номера в коридор. Он уже был не рад, что остался в гостинице, но вдруг сообразил, что сделал еще большую глупость, когда закрыл на ключ дверь в номер.

Поскольку Клода в тот день отсутствовала на работе, только Джоани нужно было винить в том, что гостиничные операторы не выполнили данных им указаний. Они пропустили очередной звонок неизвестной женщины примерно в десять часов, когда Сэмми смотрел по телевизору фильм с молодой Элизабет Тейлор в ожидании передачи с собственным участием, которая должна была начаться в полночь. Предполагалось, что операторы будут предварительно сообщать ему имя каждого звонящего, но этот звонок прошел напрямую.

На этот раз прощание прозвучало еще более зловеще:

— Желаю приятно умереть. Я скоро приду за тобой, Сэмми Люк.

Несмотря на изрядную порцию виски (он выпил еще одну бутылочку из мини-бара), Сэмми все еще дрожал, когда позвонил оператору, чтобы выразить свой протест:

— Я по-прежнему получаю эти звонки. Вы должны с этим что-то сделать. Вы же должны были не соединять меня.

Телефонистка (снова незнакомый голос) сильно удивилась, но отвечала очень доброжелательно, только теперь Сэмми чувствовал, что доброжелательность эта была насквозь фальшивой. Если даже ее ответ был

правдивым, это означало, что она была настоящей дурой. Она даже не помнила, что за последние десять минут направляла в его номер какие-либо звонки. Сэмми не решился дать ей указание не соединять его вообще ни с кем, потому что ему могла снова позвонить Зара. Или Клода. (Где была Клода сейчас, когда он нуждался в защите от этой чокнутой феминистки?) Он был слишком подавлен, чтобы полностью отрезать себя от внешнего мира. Что посоветовала бы Зара?

Решение, возникнув, показалось очень простым. Сэмми позвонил управляющему гостиницей и пожаловался на дежурную телефонистку. Управляющий, как и телефонистка, сильно удивился, но остался вежлив:

— Угрозы, мистер Люк? Уверяю вас, в «Барраклоу» вы находитесь в полнейшей безопасности. Естественно, у нас есть охрана, и мы всегда... Конечно, если вы хотите, чтобы я поднялся к вам и мы обсудили этот вопрос, я буду счастлив...

Явившийся управляющий оказался очень приятным человеком. Он упомянул не только выступления Сэмми на телевидении, но даже обмолвился, что прочитал его книгу. Она ему понравилась настолько, что он даже купил экземпляр для своей восьмидесятитрехлетней матери, которая видела Сэмми в шоу «Сегодня», и та тоже была в восторге от «Плачущих женщин». Впрочем, умелая любезность повергла Сэмми в еще большее уныние, поскольку он так и не понял, поверил ли тот его рассказу или же принял его за очередную жертву славы. Что, если все гости «Барраклоу» ведут себя так же и только и делают, что жалуются на вымышленные угрозы? Сэмми был настолько измучен, что и это предположение не смог обдумать.

В полночь он снова включил телевизор и стал смотреть на себя в голубом пиджаке, хохочущего и купающегося в собственном остроумии, отрицающего в десятый раз, что имеет садистские наклонности и что «Плачущие женщины» основаны на личном опыте.

Когда вскоре после окончания передачи тишину номера разорвал резкий телефонный звонок, Сэмми решил, что это может быть только его неведомая преследовательница. Однако вид себя прежнего, такого, каким он стал в Нью-Йорке (обходительным, уверенным), вернул ему какие-то осколки мужества. Поднимая трубку, Сэмми заметил, что уже не дрожит.

Это была Клода. Она только что вернулась в Нью-Йорк и получила от секретарши послание Джоани. Клода внимательно выслушала все, что рассказал Сэмми, и ответила без свойственной ей самоуверенности в голосе.

— Не нравится мне это, — произнесла она после необычно долгой для

нее паузы. — Со времен Энди Уорхола никто не знает, на что способны эти шутники. Может, завтра сделать сообщение для прессы? Заодно тиражи поднимем... Хотя, может быть, и не стоит. Я подумаю об этом. Утром позвоню Джоани. — К огромному облегчению Сэмми, Клода взяла дело в свои руки.

Клода снова помолчала, а когда заговорила снова, голос ее звучал мягко, почти по-матерински. Как ни странно, она напомнила ему Зару.

— Слушай, малыш Сэмми, оставайся у себя, и я скоро приеду. Мы же не хотим потерять известного автора, правда?

Сэмми снова вышел на балкончик и посмотрел на уличные огни, горевшие далеко-далеко внизу. Он недолго в них всматривался, отчасти из-за того, что страдал от головокружения (хотя в Нью-Йорке с этим у него стало намного лучше), отчасти из-за мысли о том, что там, внизу, может находиться его враг. Огни уже не казались Сэмми приветливыми. Глядя вниз, он представил себе Клоду, эту сильную женщину, заменившую ему Зару, как она спешит ему на помощь.

Когда Клода довольно неожиданно вошла в номер (возможно, она не хотела тревожить его звонком из вестибюля?), она действительно выглядела очень сильной. И красивой. Она была в черных дизайнерских джинсах и черной шелковой блузке, сквозь которую виднелись очертания плоской мускулистой груди с четко очерченными сосками. Ее грудь напоминала грудь молодого греческого атлета.

— Малыш Сэмми, — произнесла она нежным голосом. — Кто мог напугать тебя?

Дверь на балкон была все еще открыта. Клода заставила Сэмми налить виски себе и ей (железные нотки, послышавшиеся в этом указании, напомнили Сэмми о прежней Клоде). Потом не терпящим возражений голосом она велела ему выпить две загадочные таблетки, по форме похожие на бомбы, пообещав, что после них он будет спать, как младенец, и никакие «нехорошие» звонки его больше не побеспокоят.

Поскольку Клода, похоже, намеревалась оставаться рядом с ним и очень близко ее длинная рука нежно и нерушимо лежала у него на плечах, — Сэмми даже слегка обрадовался, когда она приказала вынести бокалы с виски на балкон, где обстановка была не такой интимной.

Сэмми с бокалами подошел к перилам и посмотрел вниз. Он чувствовал себя немного лучше. Какая-то доля прежнего благожелательного отношения к Нью-Йорку вернулась к нему, когда виски и таблетки начали оказывать воздействие. Сэмми уже не казалось, что его враг находился внизу, на улице, у входа в гостиницу.

В некотором смысле Сэмми, конечно, был прав, ибо враг его находился не внизу на улице, а молча стоял у него за спиной, на балконе, и выступающие из манжет элегантной черной шелковой блузки руки, большие, умелые и сильные, были затянуты в черные перчатки.

— Желаю приятно умереть, Сэмми Люк.

Даже знакомая фраза не успела обдать холодом его сердце, когда Сэмми понял, что летит вниз, вниз, на темную ленту нью-йоркской улицы, до которой было двадцать три этажа. Два бокала с виски выпали из его рук, и крошечные ледяные осколки стекла разлетелись далеко во все стороны от того места, куда упало маленькое бесформенное тело. То, что было в бокалах, исчезло, и на всей Мэдисон-авеню ни один человек не заметил, чтобы на лицо ему упали капли виски.

Мягкое сердце Джоани не выдержало, и она расплакалась, когда полицейские показали ей предсмертную записку Сэмми с его подписью, которую она столько раз видела на его книгах. Сам текст был напечатан на старенькой портативной печатной машинке, которую Сэмми привез с собой в Нью-Йорк. Джоани пришлось подтвердить, что Сэмми находился в подавленном настроении, когда она в последний раз видела его в гостинице. Об этом свидетельствовало и количество виски, которое Сэмми выпил перед смертью (даже падая, он держал в руках два бокала, сказали полицейские), не говоря уже о таблетках.

Официант своим рассказом дополнил общую картину.

— По-моему, парень был совсем не в себе, когда я принес ему в номер ужин, — сказал он и прибавил: — И еще ему было очень одиноко. Поговорить хотелось. Ну, вы знаете, какие они, эти самоубийцы. Он хотел меня задержать и сказать что-то. Я бы задержался, да занят был. — Весь вид официанта говорил о том, что ему было искренне жаль, что все так закончилось.

Управляющему гостиницей тоже было жаль, и это было с его стороны весьма достойно, если принять во внимание тот факт, что газеты, сообщая о смерти Сэмми, не забыли упомянуть, что он упал с балкона «Барраклоу».

Одна из телефонисток, веселая знакомая Сэмми, расстроилась еще больше:

— Боже, поверить не могу! Да я ведь только что его по телевизору видела!

Вторая телефонистка была сдержаннее и сообщила только, что Сэмми за весь вечер так и не смог определиться, хочет он, чтобы ему звонили, или нет.

В Англии Зара Люк рассказала о том, как прошел последний день

Сэмми, и о его подозрениях, впрочем, ничем не подтвержденных, насчет того, что его якобы кто-то преследует. Кроме того, она не стала скрывать, что Сэмми давно страдал нервными срывами и особенно боялся путешествовать в одиночку. Надо отметить, что это признание не особенно удивило их друзей.

— Никогда не прошу себя за то, что отпустила его одного, — надломленным голосом закончила Зара.

Клода Нансен из «Порлок паблишерс» выступила с прочувствованным заявлением насчет трагедии.

Она же встретила вдову писателя в аэропорту, когда Зара через неделю прилетела в Америку выполнить горькие обязанности, вызванные смертью Сэмми.

В аэропорту Клода и Зара обнялись, как и подобает в такую минуту, молча, со слезами. Лишь позже, когда они остались наедине в квартире Клоды (ибо останавливаться в «Барраклоу» Заре, разумеется, было нельзя), начались более нежные ласки, имевшие более глубокий смысл. Начались, но не закончились: у них не было причин торопить события.

— В конце концов, в нашем распоряжении все время, которое есть в мире, — прошептала вдова Сэмми издателю Сэмми.

— И все деньги, — так же тихо ответила ей Клода и подумала, что нужно будет не забыть сказать Заре, что в воскресенье «Плачущие женщины» займут первую строчку в списке бестселлеров.

ПАТРИЦИЯ МОЙЕС

Честный шантажист

Патриция Мойес (1923–2000) родилась в Дублине, но последние годы жизни провела на Британских Виргинских островах. Ее называли последним писателем Золотого века, потому что ее произведения выдержаны в традициях Агаты Кристи, Дороти Ли Сэйерс и других великих сочинителей детективов, которые издавались в период между двумя мировыми войнами. В своих книгах достоинства крепкого сюжета она подчеркивала выразительными образами персонажей. Из-под ее пера вышли почти двадцать романов, и все они посвящены приключениям супружеской пары — Генри и Эмми Тиббетт. В поздних книгах Мойес Генри становится главным суперинтендентом Скотланд-Ярда, а Эмми не только помогает ему в расследованиях, но иногда и берет дело в свои руки. Ее романы отличаются безукоризненно выстроенным сюжетом, среди них «На повестке дня смерть» (1962), «Сезон снегов и грехов» (1971) и «Смерть. Слово из шести букв» (1983).

Рассказы Патриции Мойес тоже превосходны, и вошедшая в этот сборник история о принципиальном шантажисте была признана одним из лучших детективных рассказов 1982 года.

~ ~ ~

Любой молодой человек, собирающийся стать серьезным шантажистом, должен понимать, что он выбрал нелегкую, возможно, даже опасную профессию, в которой не последнюю роль играют спорность, ловкость и глубокое знание человеческой природы. Но самое главное: он должен научиться не быть жадным. Если бы Гарри Бессемер не был жадным, он мог бы и по сей день продолжать заниматься своим весьма прибыльным делом в Лондоне.

Гарри пришел в эту профессию обычным, можно даже сказать, классическим путем. Его родители, простые люди из низов среднего класса, жившие на севере Англии, обрадовались и почувствовали нечто

вроде гордости, когда Гарри после окончания школы (учился он более-менее успешно, но звезд с неба не хватало) заявил, что собирается ехать в Лондон. Это доказывало, что парень храбр и независим. Родители обрадовались еще больше, когда он написал, что его приняли учеником в столичную полицию. Неплохое начало для мальчишки — сразу видно, из какого он теста. Быть ему главным инспектором, не меньше.

Вообще-то годы, проведенные на службе в полиции, Гарри особого удовольствия не принесли. На его вкус, работа была слишком тяжелой, а зарплата слишком маленькой. Но она дала ему неоценимый опыт и навыки, благодаря чему, уволившись из полиции, он без труда сумел устроиться сыщиком в уважаемое детективное агентство.

Поначалу он стаптывал себе ноги, занимаясь скучными делами о разводах (в те дни по британскому законодательству для расторжения брака требовались, так сказать, самые грязные доказательства, которые мог добыть только наемный детектив). Однако в работе он проявил усердие и изобретательность, и через какое-то время ему стали поручать более сложные и интересные дела, связанные с солидными и богатыми клиентами, которые по той или иной причине не хотели связываться с официальными властями. То, что он открыл, занимаясь этими делами (а именно то, что каждый человек уязвим, какое бы место в обществе он ни занимал), в конце концов и подтолкнуло его к решению стать шантажистом.

Разумеется, для него очень важно было обнаружить и иметь постоянный доступ к тем вещественным доказательствам, поисками которых он занимался по работе: письма, фотографии, даже пленки, хотя на последние он никогда не полагался. Начальству он сообщал, что поиски улики результатов не дали. Клиент мог после этого успокоиться, решив, что порочащий его документ более не существует, но мог и обратиться к другим частным детективам, и в таком случае было жизненно необходимо сделать так, чтобы и они ничего не нашли.

Осталось решить, где хранить все эти ценные документы. Гарри переехал из небольшого домика, который он снимал в пригороде Лондона, в такой же дом, но с другой стороны города, где поселился под вымышленным именем. В подвале он установил надежный сейф, фотокопировальный аппарат и обустроил там небольшую фотолабораторию. Собрав достаточное количество компрометирующего материала, он уволился со службы и начал карьеру профессионального шантажиста.

Какая жизнь для шантажиста лучше, семейная или холостая, — вопрос спорный. Жена может быть полезна в том смысле, что женатый мужчина

выглядит более респектабельно. Но, с другой стороны, это означает, что в свой очень личный мир приходится пускать другого человека. Гарри нашел неплохой выход. На свои сбережения, прибавив к ним небольшое наследство, полученное от родителей, в другом лондонском пригороде он купил маленькую химчистку с жилым этажом наверху. После этого он женился на милой и симпатичной, но не слишком яркой девушке по имени Сьюзен. Она занялась химчисткой и с головой ушла в это совершенно законное дело.

Сьюзен не было известно о существовании дома в пригороде, и она искренне верила, что муж ее занимался какими-то операциями с недвижимостью на севере, что, по ее мнению, и было причиной его частых отлучек. По простоте душевной тем же она объясняла и достаток, в котором они жили и который вряд ли могла принести маленькая химчистка.

Гарри прекрасно знал, что в работе шантажиста одной из самых больших трудностей является собственно процесс получения денег от шантажируемого, который должен проходить без непосредственного контакта шантажиста и его жертвы и, разумеется, без каких бы то ни было записей и вне банковской системы. Работал он только с наличными, и в этом химчистка была идеальным прикрытием. Он купил фургончик с надписью «Быстрая чистка» на боку и сам стал заниматься доставкой, но исключительно к домам своих жертв.

Выдавая себя за простого водителя, работающего на «Быструю чистку», каждому из своих «подопечных» он представлялся новым именем. Система получения денег была проста. Гарри раз в неделю или две заезжал к жертве, забирал в чистку что-то из вещей, а когда привозил обратно действительно вычищенную одежду, его неизменно ждал пакет с чеком за услуги химчистки, в котором лежала требуемая сумма наличными. Таким образом, если его клиенты были достаточно богаты, чтобы держать прислугу (а таких у него было большинство), последние даже не подозревали, что происходит. Неудивительно, что Гарри гордился своей схемой.

Несколько лет все шло гладко. Потом Гарри стала тревожить растущая вседозволенность современного лондонского общества. Вскоре он понял, что многочисленные актеры и актрисы, люди богатые, были для него клиентами совершенно бесперспективными. Они бы просто рассмеялись ему в лицо, а свою скандальную историю продали бы какой-нибудь газете за большие деньги. Даже аристократию охватило непозволительное, по строгим меркам Гарри, безразличие к своим порокам. Теперь получить от них практическую пользу можно было лишь в том случае, если они каким-

то образом были тесно связаны с королевским семейством. Неплательщики налогов все еще представляли интерес, но, к сожалению, служба внутренних государственных налогов уже научилась сама успешно вылавливать правонарушителей. Гомосексуальность перестала быть преступлением, и знаменитости подталкивали друг друга к публичному признанию своей нетрадиционности. Чуть ли не единственным направлением остались политики и дипломаты. Короче говоря, все это вкупе с инфляцией привело к тому, что жизнь честного шантажиста с каждым днем становилась все тяжелее и тяжелее.

Одним из лучших клиентов Гарри, который никогда его не подводил, был почтенный мистер... Впрочем, пусть лучше он зовется Икс. Мистер Икс был членом парламента, заместителем министра и в высшей степени уважаемым человеком. Он был женат на аристократке и ходил в непримиримых противниках Временной ирландской республиканской армии. Гарри раздобыл отличные доказательства (фотографии и письма) того, что мистер Икс находился в гомосексуальной связи с молодым ирландцем, для которого снимал скромную квартиру в восточном Лондоне на окраине Ислингтона, подальше от своего роскошного кенсингтонского особняка в западном Лондоне. Более того, молодой ирландец подозревался в незаконных связях с ольстерскими террористами. С точки зрения Гарри, это был идеальный расклад.

И даже более того, между Гарри и мистером Икс со временем установилось полное доверие, если не сказать дружба. В уплату за свободу действий Гарри требовал вполне разумную цену и никогда не повышал ее. К тому же он взял за правило лично следить, чтобы одежда мистера и миссис Икс была вычищена и выглажена по лучшему разряду. Их связь могла бы длиться очень долго, если бы Гарри не стал жадным.

Вся беда в том, что за одну неделю Гарри потерял двух постоянных клиентов. Одним из них был знаменитый писатель, автор «крутых» мужских романов, который неожиданно выступил в печати с подробностями своей любовной связи с каким-то рядовым морской пехоты. Это удвоило продажи его книг и лишило всякой ценности имеющуюся у Гарри компрометирующую фотографию. Вторым был член парламента (случай с неуплатой налогов, который остался незамеченным властями, но не Гарри). Он взорвался, открывая одно из заминированных писем, которые ирландские террористы разослали политикам, несогласным с их взглядами.

Этот двойной удар по финансовому положению Гарри заставил его пойти на решительный шаг. Он послал письмо почтенному мистеру Икс в Палату общин, оформив его так, будто его автором был кто-то из

избирателей мистера Икс. В письме содержалось требование о немедленной встрече с парламентарием для разговора о коммунальных и государственных налогах в его избирательном округе. Каждый британский избиратель имел право обсудить со своим депутатом эти вопросы, и в здании парламента были даже предусмотрены отдельные комнаты для таких бесед. Таким образом Гарри впервые встречался лично с мистером Икс, и, конечно же, он подписал письмо тем именем, под которым его знал мистер Икс. Вскоре Гарри получил письмо от секретаря мистера Икс, в котором ему сообщалось о том, что встреча назначена на следующую неделю.

Достопочтенный мистер Икс был совсем не дурак. Он сразу понял, что его ждет, и не ошибся. В тиши переговорной комнаты Гарри прямо заявил ему, что счета за чистку одежды, получаемые им каждые две недели, будут утроены, начиная со следующего раза, то есть с конца этой недели.

Мистер Икс улыбнулся своей обычной улыбкой. Он согласился с Гарри, что при нынешней инфляции увеличение было вынужденной мерой. Но Гарри это сразу насторожило, он почувствовал, что оказался на тонком льду, который может в любой миг под ним провалиться. Ведь, собираясь на встречу, он ожидал от своего клиента хотя бы какого-то сопротивления.

— Тут только одна закавыка, — продолжил мистер Икс. — Банки сегодня уже закрыты, а я завтра с утра улетаю в Бельгию на конференцию НАТО. Вы примете чек?

— Вызнаете мои условия, — ответил Гарри, почуяв неладное. — Только наличные.

— Что ж... — Мистер Икс вздохнул. — Я не вижу способа выйти из этой ситуации. Если вы согласитесь подождать до следующего месяца...

— Вы слышали, что я сказал. На этой неделе, произнес Гарри, у которого были свои финансовые сложности.

Тут мистера Икс озарило.

— Есть выход! — сказал он. — В аэропорту есть банки, которые завтра откроются до того, как я улечу. Я там сниму деньги и пошлю вам.

— Пошлете?

— По почте. Если вы дадите мне свой адрес...

— Нет, — твердо ответил Гарри. — Я не хочу, чтобы такие суммы наличными приходили в химчистку.

— Ну... Тогда, может быть, у вас есть другой адреса личный?

— На это вы меня не купите, — отрезал Гарри. — Я заберу деньги у вас дома... И наличными.

— Что же вы, Гарри, — обиженным голосом произнес мистер Икс, —

разве вы не видите, что я пытаюсь помочь вам? В конце концов, мы же доверяем друг другу, не так ли?

— Пока что да, — осторожно промолвил Гарри.

— Ну, хорошо. А как вам такое: я pošлю деньги из аэропорта в пакете на свой адрес. Мне, конечно, придется изменить почерк, но это не сложно. На пакете я напишу: «Конфиденциально. Лично в руки», и слово «конфиденциально» подчеркну тремя линиями, чтобы вы сразу его узнали.

— И что дальше?

— Пока меня не будет, моя почта будет складываться на мраморный столик в прихожей. Ну, вы знаете его. Когда дворецкий уйдет собирать одежду для чистки, вы просто возьмете пакет и положите себе в карман. Как вам план?

— Неплохо, — признал Гарри, медленно кивая головой. — Неплохо, — повторил он и улыбнулся. — Иметь с вами дело — одно удовольствие, сэр. Вы истинный джентльмен.

Немного позже, вечером, мистер Икс сказал своему ирландскому другу:

— Знаешь, Пэдди, надо сделать так, чтобы я получил письмецо с бомбой.

— Но...

— О, не беспокойся. Я сумею его узнать, и сразу отнесу в полицию. Появились слухи, что я, возможно, и не такой уж противник ИРА, каким кажусь...

— Хорошо, — ответил Пэдди, который был практичным молодым человеком. — И что ты хочешь?

— Бомбу надо послать завтра утром из аэропорта, — сказал мистер Икс.

— Но я не успею...

— Ты справишься, — уверенно произнес мистер Икс.

— Ну... Да, хорошо. Наверное, справлюсь.

— Конверт я подпишу сам. Сходи-ка принеси, только не маленький.

— Есть, сэр! — воскликнул Пэдди с шаловливой улыбкой и шутливо отдал честь. Через минуту он вернулся с большим плотным конвертом.

Мистер Икс принялся выводить большими прописными буквами, с ошибками, собственное имя и адрес. Потом добавил «Конфиденциально. Лично в руки» в верхнем левом углу и подчеркнул слово «конфиденциально» тремя линиями.

— Положи внутрь побольше газет или чего-нибудь, — сказал он, передавая конверт Пэдди. — Должно выглядеть так, будто пакет забит. Все

понял?

— Так точно, сэр, — браво повторил Пэдди и взял пакет. — Прямо сейчас сгоняю к парням, они сделают.

— Молодец, — сказал мистер Икс.

Через три дня Гарри, как всегда, приехал на своем грузовичке к кенсингтонскому дому своего клиента. Как всегда, дворецкий попросил его подождать в прихожей, пока он сходит за грязной одеждой. Дворецкого, который всю жизнь работал в богатых домах, очень раздражало то, что прислугу приходилось пускать в дом через парадный вход из-за того, что пристройка на заднем дворе, через которую вел черный ход, была продана за огромные деньги.

Как только дворецкий ушел, Гарри приблизился к мраморному столику. Разумеется, пакет был на месте, туго набитый и подписанный хоть и измененным, но узнаваемым почерком мистера Икс. Он взял пакет и опустил его в карман, как раз перед тем как дворецкий вернулся с мешком, полным одежды для чистки.

— Во вторник завезу, — жизнерадостно сказал Гарри и направился к двери.

Как же он ошибался! Едва сев в грузовичок, он вскрыл пакет, после чего сам Гарри, его грузовичок, одежда и часть парадной лестницы мистера Икс разлетелись на мелкие кусочки.

Гарри допустил еще одну серьезную ошибку, такую же непростительную, как его жадность. Если бы он навел справки, то узнал бы, что на той неделе в Бельгии никакой конференции не проводилось. Достопочтенный парламентарий, который в действительности уехал на несколько дней к сестре в деревню, вернулся в Лондон, как только услышал новость, и был удивлен и даже шокирован случившимся.

Полиция проявила себя на высшем уровне, такие происшествия для них уже были не в новинку. Дворецкий сообщил: после взрыва он заметил, что конверт с отметкой «Конфиденциально. Лично в руки», который лежал на столике в прихожей, исчез. Он мог заключить только, что его взял посыльный из химчистки: либо украл, либо (что более вероятно) просто перепутал его с другим точно таким же конвертом, который все еще лежал на том столике. Этот конверт был подписан «Быстрая чистка», и в нем лежал чек от мистера Икс за чистку одежды на три фунта тридцать пенсов согласно счету-фактуре.

Поскольку бедный Гарри погиб, полиция решила оправдать его за недостаточностью улик и заключила, что он взял пакет по ошибке. Мистера Икс они поздравили с чудесным спасением.

Однако террористы посчитали иначе. Пэдди занимал в их организации гораздо более высокое положение, чем представлял мистер Икс, и он заволновался. Если слухи о том, что мистер Икс ведет двойную игру, достигли такого размаха, что сам мистер Икс решил устроить на себя ложное покушение, это означало, что он перешел в категорию представляющих опасность персон. Достопочтенный мистер Икс, избавившись от Гарри, пребывал в приподнятом, даже в благостном настроении, когда спустя пару недель открыл безобидный с виду конверт в Палате общин, в результате чего лишился головы. Так свершилось суровое правосудие.

РЕДЖИНАЛЬД ХИЛЛ

Самое страшное преступление в мире

Реджинальд Хилл написал более сорока романов, включая серию о приключениях знаменитых Дэлзиела и Паско. Ассоциация писателей-криминалистов наградила его Золотым кинжалом за лучший детективный роман года, Ассоциация детективных писателей Америки номинировала его на премию «Эдгар», а в 1995 году Реджинальд Хилл получил Бриллиантовый кинжал Картье за выдающийся вклад в развитие жанра. Сейчас писатель живет на севере Англии в графстве Камбрия с женой Пэт и двумя кошками Пип и Марти.

~ ~ ~

Вчера из центрального корта во время решения одного из спорных вопросов за нарушение порядка был выдворен мужчина средних лет.

Из прессы

В детстве летними вечерами я любил сидеть с мамой на веранде нашего бунгало и смотреть на фламинго, скользящих над теннисным кортом, чтобы устроиться на ночлег на далеком озере.

Это было мое любимое время суток, а веранда — мое любимое место. Из мебели в ней были только низкий столик, несколько стоящих в разных углах плетеных кресел и старое английское фермерское кресло-качалка с широким сиденьем, продавленным и отполированным за долгие годы употребления.

Это было отцовское кресло. В конце дня он усаживался на него, удовлетворенно вздыхая, откидывался на спинку, вытягивал длинные ноги и непременно произносил:

— Это кресло, Колли, принадлежало еще твоему деду. Я тебе когда-нибудь говорил об этом?

— Да, отец.

— Да? Что ж, тогда я, наверное, рассказывал тебе и то, что мой отец говорил мне, когда сидел в этом кресле.

— «Жизнь — это игра, и играть нужно по правилам. А обман — самое страшное преступление в мире», — скороговоркой отвечал я.

— Молодец, малыш, — восклицал он, смеясь и бросая взгляд на маму, которая своей милой улыбкой заставляла улыбаться и меня.

Я всегда улыбался, когда видел ее улыбку. Тогда она казалась мне божественно красивой, и уж точно была самой красивой из тех единственных трех белых женщин, которые жили в пределах ближайших пяти сотен миль. Думаю, не только я считал ее такой. Бофф Гортон, молодой окружной офицер, бывало, говорил ей это открыто после третьего джина с тоником, и тогда она улыбалась, а отец смеялся. Бофф приходил довольно часто, якобы для того чтобы проверить, все ли у нас тихо (в то время уже произошли первые беспорядки), и сыграть пару сетов на нашем травяном теннисном корте. Я тогда был еще слишком мал, чтобы задумываться над тем, насколько серьезным было его восхищение мамой. Однажды, когда он в очередной раз пришел к нам в гости, отец задержался в буше, а я ночью встал попить воды и услышал яростный скрип качающегося кресла на веранде. Когда я пришел туда узнать, что происходит, я увидел маму, отдыхающую в кресле-качалке, и сидящего на полу Боффа, покрасневшего и запыхавшегося. Интересно, что Бофф удивил меня меньше, чем мама: тогда впервые в жизни я увидел, чтобы она занимала папино кресло.

Отец относился к Боффу скорее как заботливый старший брат. И только на теннисном корте между ними могли накаляться страсти, да и те были вызваны духом соперничества, а не ревностью. Как бы то ни было, их поединки неизменно превращались в яростное противостояние, в котором молодость Боффа и опыт отца настолько уравновешивали друг друга, что предсказать, кто из них победит, было невозможно.

У нас был чудесный корт. На то, чтобы довести эту прямоугольную английскую лужайку до ее нынешнего идеального состояния, было потрачено десять лет. Со всех сторон корт был окружен проволочной сеткой, нужной скорее для того, чтобы не пропустить на площадку диких животных извне, чем удержать внутри мячики. Люди попадали туда через небольшую, плотно пригнанную калитку, которая на ночь закрывалась на тяжелую цепь и большой висячий замок.

Отец и Бофф сыграли на нем в последний раз одним весенним днем, таким же теплым и роскошным, как лучшие английские летние вечера. Мамы тогда не было, она уехала принимать роды у нашей ближайшей

соседки, которая безрассудно отложила отъезд. Как ни странно, отсутствие мамы как будто распалило двух мужчин сильнее, чем ее присутствие, и приглашение отца сыграть в тени прозвучало как вызов на дуэль.

Бофф, пытаясь развеять набегающие тучи, сказал мне:

— Колли, старина, не хочешь подавать мячики, пока мы будем играть?

— Да, Колли, — подхватил отец. — Давай с нами. Можешь заодно быть судьей. Будешь следить, чтобы все было по правилам.

— Судьей? — воскликнул, наливаясь краской, Бофф. — Нам нужен судья? Я имею в виду, никто ведь никого не собирается обманывать, верно?

— Жизнь — это игра, и играть нужно по правилам. А обман — самое страшное преступление в мире, — выпалил я.

— Как ты прав, Колли, — произнес отец, мрачно поглядывая на Боффа. — Будешь судьей.

Больше они не спорили, но даже в том, как они разминались перед игрой, я почувствовал злость, которая взволновала и обеспокоила меня. А когда началась игра, это был такой яростный поединок, что никто из нас не заметил, как вокруг корта собрались зрители. Обычно только слуга наблюдал за игрой с почтительного расстояния в ожидании, когда его позовут принести освежающие напитки, хотя иногда мы замечали торчащую из кустов голову удивленного аборигена из странствующих племен. Но на этот раз все было иначе. Неожиданно я увидел, что корт окружен со всех сторон. Там было, наверное, двести человек. Все они стояли молча, но по их лицам без труда можно было прочитать их намерения, и в руках они держали копья и мачете.

— Отец! — задохнувшись, вскричал я.

Оба мужчины посмотрели в мою сторону, а потом увидели то, что видел я. На какой-то миг все замерло, а потом с жуткими воплями аборигены ринулись на нас. Бофф бросился к калитке, и на мгновение мне показалось, что он решил драться, несмотря на то что это было равносильно самоубийству, но окружающих офицеров, как видно, учат другому. Он схватил цепь, намотал ее на стойку и защелкнул на ней замок.

Враги остались снаружи, но в то же время мы, разумеется, оказались заперты внутри.

Если бы у них были ружья, не имело бы никакого значения, где мы находимся, внутри или снаружи. К счастью, огнестрельного оружия у них не было, а сетка оказалась слишком мелкой для широких наконечников их копий. И все равно они вскоре прорубили бы проход в сетке, если бы Бофф второй раз не продемонстрировал качество своей подготовки. Отец, охваченный возбуждением перед поединком, вышел из дома без оружия, но

у Боффа был с собой револьвер, и, как только наши противники принялись рубить металлическую сетку, он аккуратно прицелился и пустил пулю между глаз самому рьяному из них.

Они в панике отпрянули, но лишь на секунду. Поняв, что Бофф больше не стреляет, они вернулись к ограждению, но теперь никто из них не хотел первым поднимать мачете.

— У меня осталось пять пуль, — негромко произнес Бофф. — Они знают, что первый, кто пойдет вперед, умрет, и это единственное, что их сдерживает. Но в конце концов нас это не спасет.

— Можно попробовать перебежать в дом, — предложил отец. — Тут всего-то пятьдесят ярдов. А когда мы доберемся до ружей...

— Боже правый! — воскликнул Бофф. — Вы что, не понимаете? Как только мы высунем нос за ограду, нам конец. И прошу вас, не говорите о ружьях. Если кто-то из них услышит...

Внезапно со стороны бунгало раздался громкий крик, и я подумал, что кто-то нас действительно услышал. Но клубы дыма и языки пламени красноречиво показали, что произошло на самом деле. Это было одновременно и хорошо, и плохо. Плохо — потому что горел мой дом, хорошо — потому что поджог уничтожит оружие, которым они иначе могли бы воспользоваться, и даже, возможно, привлечет внимание к нашему положению.

Отец, очевидно, недовольный тем, что Бофф стал решать, что нам делать, вдруг взял ракетку.

— Мы можем чем-то заняться, пока не пришла помощь, — сказал он. — Моя подача, кажется.

Возможно, игра началась как некий жест отчаяния, но очень быстро она превратилась в суровое противостояние, и страсти, прерванные нападением, закипели с новой силой. Вначале я стоял у натянутой сетки, сжимая в руке револьвер, и наблюдал за врагами, столпившимися вокруг корта, но потом игроки стали так часто интересоваться моим судейским мнением, что мне пришлось все свое внимание обратить на игру.

Однако самым удивительным во всем этом было поведение мятежников. Сперва они какое-то время решали, как нас вытащить из-за ограды. Затем все замолчали, кроме одного, как мне показалось, слуги-перебежчика, который с важным видом стал объяснять и комментировать игру своим собратям, но потом и его голос стих, и под конец первого сета я понял, что они так же увлеклись состязанием, как сами игроки. Это было поразительное зрелище, словно я наблюдал за очень загорелой толпой болельщиков в Уимблдоне. Головы, следуя за полетом мячика,

поворачивались из стороны в сторону, а когда они видели особенно сильный или сложный удар, били концами копий о землю и издавали одобрительные гудящие звуки.

Отец выиграл первый сет со счетом семь — пять и, похоже, собирался повторить во втором сете, но при счете один — четыре начала сказываться молодость Боффа, и отец неожиданно оказался в роли обороняющегося. Когда счет сравнялся, четыре — четыре, он как будто сдался окончательно, но я догадался, что он просто смирился с неизбежным и теперь берег силы перед решающей игрой.

Такая тактика оправдала себя. Бофф победил в этом сете со счетом шесть — четыре, но порядком выдохся, и в последнем сете явного преимущества не было ни у кого. Счет дошел до шесть — шесть, потом семь — семь, восемь — восемь, девять — девять, затем перешел во второй десяток. К этому времени уже начало темнеть.

— Послушайте, — подойдя к сетке, тихим голосом обратился к отцу Бофф, — давайте попытаемся растянуть игру как можно дольше. Я не знаю, что сделают эти ребята, когда мы закончим. Согласны?

Отец, ничего не ответив, вернулся на свое место и приготовился подавать. Четыре мощных прямых удара принесли ему четыре очка. Толпа загудела. Я, позабыв о своей судейской непредвзятости, захлопал в ладоши. Отец приготовился принимать.

Не знаю, возможно, он и пытался продлить матч. Возможно, специально отбивал изо всех сил совсем не простые подачи Боффа для того, чтобы отдавать очки. Но закончилось все это печально. Три раза подряд мячик с ошеломительной скоростью отлетал от его ракетки и приземлялся у самой задней линии. Ноль — сорок. Три матч-пойнта. Начались подачи Боффа. Снова молниеносное отражение, но на этот раз Бофф, под влиянием то ли злости, то ли страха, бросился к мячику и послал его в обратную сторону. Отец с огромной силой пустил мячик обратно, Бофф отбил. Отец ударил снова, Бофф опять отбил.

— Что вы делаете? — крикнул он.

Отец, подбежав к сетке, пустил мяч в самый угол корта, но Бофф сумел его достать, для чего ему пришлось растянуться на траве во весь рост. Но какой удар он сделал! Мячик высоко перелетел через отца и стал падать в самый дальний угол. Отец развернулся и с невероятной скоростью бросился за мячиком. Мячик вращался в воздухе, и ударясь он о землю, отбить его было бы выше человеческих сил. Положение казалось безнадежным.

Но отец не собирался позволить мячику коснуться земли. Я затаил

дыхание, когда увидел, что он решил сделать сложнейший из ударов — отбить мячик с лета, находясь спиной к противнику. Клянусь, наблюдающие за игрой аборигены тоже замерли.

Отец выкинул руку, но этого оказалось недостаточно. Подпрыгнул. Достал! Удар вышел ошеломляюще красивым: мячик полетел к Боффу, все еще лежавшему на траве, и мягко опустился в паре футов от его лица.

— Не попал! — отчаянно закричал он.

Радостный вопль отца сменился сердитым криком:

— Не попал? *He попал?*

Он развернулся ко мне, обращаясь за решением, и развел руками. Бофф крикнул мне:

— Колли, ты же видел. Он не попал! Мячик упал за линией.

Он говорил, как и подобает окружному офицеру, властным голосом, не терпящим возражений. Но я был судьей, и поэтому тогда у меня было больше власти. Я покачал головой.

— Попал! — крикнул я. — Гейм, сет и матч...

С торжествующим криком отец перепрыгнул через сетку. И в тот же самый миг здоровенный черный парень с размалеванным лицом вставил в цепь на калитке свое копьё и нажал на нее так, что та разорвалась. Воющая толпа бросилась внутрь.

На корте они пробыли всего каких-то десять секунд, прежде чем приехал первый лендровер с солдатами, но за это время они успели порубить лежащего Боффа на куски. Отцу, стоявшему на ногах и размахивавшему ракеткой, как кавалерийской саблей, удалось отделаться несколькими ранами, ко мне же (возможно, из-за того, что в руках у меня был револьвер, хоть я и был слишком ошеломлен, чтобы пустить его в дело) нападавшие даже не приблизились.

Когда вернулась мама, она, конечно же, очень расстроилась. Я думал, что, увидев живых мужа и единственного сына, она не станет сильно горевать по сгоревшему дому, но чем упорнее я пытался до нее это донести, тем сильнее становилась ее печаль. Позже, когда я рассказал ей про матч и в подобающих благородной смерти подробностях описал, как Бофф героически пытался затянуть последний гейм, она зарыдала. Когда она пришла в себя, все уже было не таким, как прежде. Мне кажется, с тех пор я ни разу не видел, чтобы она смеялась над отцовскими шутками.

Не то чтобы он часто шутил. Одна из его ран воспалилась, и ему пришлось ампутировать правую руку по локоть. После этого он пытался научиться играть левой рукой, но его попытки не пошли дальше набивания мячика о землю. Через год о нашем корте напоминали только торчащие из

густой травы железные стойки.

Вскоре после этого случая меня отправили учиться в деревенскую школу. Где-то в середине первого семестра меня вызвал к себе директор и сообщил, что произошел трагический несчастный случай. Мой отец чистил ружье, и оно случайно выстрелило. Или мать чистила ружье. Или, может, они оба чистили ружья — подробностей я так и не узнал. В те дни еще знали, как напустить туман в такие вещи.

Конечно, я ужасно горевал, но школа — такое место, где все забывается быстро, и домой я оттуда уже не вернулся. Последним известным желанием моих родителей относительно моего будущего было отправить меня в Англию. Я не чувствовал себя вправе пойти против него, даже когда стал настолько взрослым, что у меня появилась определенная свобода. И здесь я обрел счастье со своей английской работой, с английским браком, с английским здоровьем. Я копаюсь в своем маленьком огорожке, читаю биографии политиков, поигрываю в гольф.

Но теннисом я не увлекаюсь. В школе я им не занимался и думаю, что никогда в жизни больше с ним не столкнулся бы, если бы мой директор не предложил мне билет на Центральный корт. Все равно я был в городе, так что глупо было не воспользоваться шансом попасть в Уимблдон.

Я получил настоящее удовольствие. От самого места, от зрителей, от игры, и меня не посещали тревожные воспоминания о былом до того мгновения, когда австралийский теннисист мощным ударом не перебросил мячик над головой своего американского противника, заставив того растянуться на корте.

И тогда я как будто увидел все снова.

Белый мячик летит через густой от тропических ароматов вечерний воздух.

Лежащая фигура на задней линии.

Умоляющий, отчаянный взгляд Боффа, наблюдающего, как мячик падает совсем рядом, но вне досягаемости и отскакивает прочь.

А вместе с ним его молодость, его надежды, его жизнь.

Сегодня на лице американца я увидел такое же страдание, услышал такое же неверие в его голосе.

Конечно, на кону были не жизнь, не мечты и не молодость. Но, как говорил отец, «жизнь — это игра, и играть нужно по правилам. А обман — самое страшное преступление в мире».

И у того американца с Боффом было нечто общее.

Оба мячика вылетели за линию на целых шесть дюймов.

ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУЛХАУЗ

Дживс и похищенная Венера

Пэлем Грэнвил Вудхауз, один из самых популярных авторов «легкой» литературы XX века, родился в английском городе Гилфорд 15 октября 1881 года. Закончив колледж Далвич, он два года работал банковским служащим, а после стал вести колонку «Между прочим» в лондонском журнале «Глоуб». За годы писательского труда он сочинил почти сто романов, пять сотен рассказов и эссе, шестнадцать пьес и несколько стихотворений. Начало Второй мировой войны застало писателя в Париже, где он жил со своей женой. В 1941 году он был арестован нацистами и вывезен в Берлин. В 1956 П. Г. Вудхауз принял американское гражданство. В 1975 он стал Кавалером рыцарского ордена и умер в том же году в возрасте 93 лет.

~ ~ ~

Когда в прихожей зазвонил телефон, я услышал, что трубку поднял мой верный камердинер Дживс. Через какое-то время он просочился в мою комнату.

— Миссис Траверс, сэр.

— Тетя Галия? Что она хочет?

— Мне она этого не сообщила, сэр.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, мне кажется довольно странным, что, подходя к телефону, я не испытал никакого, если так можно выразиться, предчувствия беды. Нет у меня мистических способностей, и в этом моя проблема.

— Привет кровной родне.

— Здравствуй, здравствуй, Берти, юный позор рода, — ответила она своим сердечным тоном. — Ты трезв?

— Как стеклышко.

— Тогда слушай внимательно. Я звоню из крохотной деревушки в Гемпшире, называется она Маршем-ин-зе-вейл. Я остановилась в усадьбе Маршем-мэнор у Корнелии Фозергилл. Она — писательница, романистка.

Слышал про такую?

— В моем списке литературы такого имени нет.

— Было бы, если бы ты был женщиной. Я пытаюсь заполучить ее новый роман для «Будуара».

Тут я сообразил. Тетя — владелец, или владелица, еженедельной газеты для полоумных дамочек под названием «Будуар миледи».

— Ну и как, получается?

— Она уже колеблется. У меня такое чувство, что еще один толчок, и она сдастся. Поэтому ты и приезжаешь сюда на выходные.

— Кто, я? Почему я?

— Ты сможешь мне уломать ее. Пустишь в ход свое очарование...

— У меня его, к сожалению, не так много.

— Ну, пустишь то, что есть.

Я вообще-то не любитель свиданий вслепую, и если жизнь научила меня чему-то, так это тому, что разумный мужчина должен держаться подальше от женщин, сочиняющих романы.

— Там еще кто-нибудь будет? Я имею в виду, какое-нибудь яркое молодое общество.

— Не скажу, что здешнее общество молодое, но, можешь мне поверить, оно чрезвычайно яркое. Тут муж Корнелии, Эверард Фозергилл, художник, и его отец, Эдвард Фозергилл, тоже своего рода художник. В общем, не заскучаешь. Так что зови Дживса, пусть собирает вещи.

Я полагаю, очень многие находят странным, что Бертрам Вустер, человек железной воли, в руках своей тетушки Далии становится мягким, как воск. Они не знают, что эта женщина обладает секретным оружием, при помощи которого она всегда может подчинить меня своей воле. Дело в том, что, если я позволю себе сказать хоть слово вопреки ее желаниям, мне будет отказано от стола, и тогда — прощайте жареные и вареные шедевры Анатоля, ее французского повара, подарка небес для желудочного сока.

Вот так и вышло, что тихим вечером 22 февраля текущего года я оказался за рулем своего старого спортивного автомобиля на просторах Гемпшира, с Дживсом на соседнем сиденье и тоской на сердце.

Нельзя сказать, что прибытие в Маршем-мэнор подняло мой дух. Когда меня провели в дом, я оказался в довольно уютной гостиной: большой камин с горящими поленьями, удобные кресла и чайный столик, источавший жизнеутверждающие ароматы тостов с маслом и кексов. Однако единственного взгляда на собравшееся общество мне хватило, чтобы я понял: я угодил в место, где все вокруг радуется глаз и лишь человек ничтожен.

В гостиной находились три человеческих души, и все трое — такой же замечательный продукт Гемпшира, как знаменитый гемпширский сыр. Один — маленький гражданин с такой бородой, которая доставляет массу неудобств ее обладателю, — хозяин дома, надо полагать, — а рядом с ним сидел еще один тип, той же конструкции, но более ранней модели, его папаша, как догадался я. Он тоже был с бородой. Третьей оказалась крупная расплывшаяся женщина в очках с роговой оправой, из тех, что носят многие щелкоперы слабого пола.

Какое-то время она смотрела на меня молча, потом, сообразив, кто я такой, представила меня обществу. А затем в гостиную пожаловала тетушка, и мы стали болтать о том о сем. Вскоре Фозергиллы направились к выходу, и я двинул за ними, но тетушка Талия была начеку.

— Секундочку, Берти, — сказала она. — Хочу тебе что-то показать.

— А я хотел бы узнать, — не растерялся я, — что за работку вы желаете на меня повесить.

— Я и до этого скоро дойду. То, что я хочу тебе показать, как раз с этим и связано. Но сначала — слово нашему спонсору. Ты заметил, какой Эверард Фозергилл дерганый?

— Нет, не заметил. А он дерганый?

— Да он вообще — сплошной комок нервов. Спроси, из-за чего.

— Из-за чего?

— Из-за той картины, которую я собираюсь тебе показать. Идем.

Она провела меня в столовую и включила свет.

— Смотри, — значительным тоном произнесла тетушка и привлекла мое внимание к большой картине, написанной маслом. Я думаю, ее можно назвать классической: на ней была изображена дородная дева, почти обнаженная, разговаривающая с неким подобием голубя.

— Венера? — смело предположил я. Обычно это верный ход.

— Да. Ее нарисовал старший Фозергилл. Он тот еще художник, нарисует женщину в турецкой бане и говорит всем, что это Венера. Это его подарок Эверарду на свадьбу.

— А по-моему, хорошая картина. И патина мне нравится, — сказал я. Еще один верный ход.

— Молчал бы уже. Патина... Эту мазню и картиной стыдно назвать. Фозергилл — бездарный любитель. В общем, так: обо всем этом мне поведала Корнелия. Слушай. Как я уже сказала, он этот ужас подарил Эверарду на свадьбу, но тот слишком любит отца и не хочет его обидеть, поэтому не может просто сунуть ее в подвал подальше от глаз. Вот и приходится ему лицезреть этот «шедевр» каждый раз, когда он садится

есть, хотя для него это хуже пытки. Видишь ли, Эверард — настоящий художник. Он пишет отличные картины. Вот взгляни. — Она показала на картину, висящую рядом с полотном Фозергилла-старшего. — Это его произведение.

Я внимательно осмотрел творение Эверарда. Это тоже была классическая картина и сильно смахивала на соседнюю.

— Венера?

— Остолоп! Это «Молодая весна».

— О, прошу прощения, хотя, должен заметить, тут и сам Шерлок Холмс ошибся бы. На основании данных показаний, я имею в виду.

— Так ты наконец понял, к чему я веду?

— Нет, совершенно ничего не понял.

— Хорошо, объясню по-простому. Если человек способен сотворить нечто настолько хорошее, для него настоящая мука ломать глаза о такую, с позволения сказать, Венеру каждый раз, когда ему хочется перекусить.

— О, как я его понимаю! У самого сердце кровью обливается. Но я не вижу, как я могу здесь помочь.

— А я вижу. Спроси, как.

— Как же?

— Ты украдешь «Венеру».

— Украду?

— Сегодня вечером.

— Говоря «украдешь», вы имеете в виду «украдешь»?

— Совершенно верно. Для этого я тебя и вызвала. Господи боже, — добавила она нетерпеливо, — ведь ты же постоянно ворует полицейские шлемы, и ничего.

Тут я вынужден был не согласиться.

— Не постоянно. Это случается довольно редко и по необходимости, как, например, во время лодочных гонок. А красть картины, уважаемая тетушка, совсем не то, что стянуть у полицейского шлем.

— Тут нет ничего сложного. Просто вырежешь ее из рамы острым ножом. Знаешь, Берти, — увлеченно продолжила она, — все складывается просто удивительно. На прошлой неделе здесь в округе работала шайка воров, специализирующихся на похищении картин. У соседей они утащили Ромни, а в доме чуть подальше — Гейнсборо. Когда исчезнет «Венера», старшему Фозергиллу и в голову не придет ничего заподозрить. Эти грабители разбираются в искусстве, скажет он себе, берут только лучшее. Корнелия согласилась со мной.

— Вы ей рассказали?

— Естественно. Мне же нужно было как-то ее пронять. Я сказала ей, что, если она разрешит печатать в «Будуаре» свой последний роман и немного сбавит свою обычную цену, ты ликвидируешь «Венеру».

— Как же вы добры ко мне, тетушка!.. И что она вам ответила?

— Она от благодарности готова была мне руки целовать. Так что давай, мой мальчик, берись за работу, и да поможет тебе всевышний. Тут всего и делов-то — открыть окно, чтобы выглядело так, будто воры влезли с улицы, и забрать картину. Отнесешь ее в свою комнату и сожжешь. Я прослежу, чтобы тебе принесли дров получше.

— Премного благодарен.

В свою комнату я отправился с поникшей головой и мыслями о том, за что на меня пало такое проклятие. Там я увидел Дживса. Он надевал запонки на рубашку. Не теряя времени, я ему все и выложил:

— Дживс, — сказал я, — вы не поверите, что тут творится. Знаете, что тетя Талия мне только что предложила?

— Да, сэр. Я случайно проходил мимо столовой и невольно услышал вашу беседу. У миссис Траверс звучный голос.

— Вы считаете, я должен согласиться?

— Боюсь, что да, сэр. Принимая во внимание вероятность того, что, если вы откажетесь, миссис Траверс примет относительно вас санкции, касающиеся стряпни Анатоля, у вас, похоже, нет другого выбора, кроме как выполнять ее желания. Вам нездоровится, сэр?

— Нет, это я злюсь. Подумать только, делать из Вустера похитителя картин! И как ей вообще подобное в голову пришло?!

— Женщины такого сорта куда опаснее мужчин, сэр. Позвольте узнать, вы уже составили план действий?

— Вы ведь слышали, как она себе это представляет. Я открою окно...

— Простите, что прерываю вас, сэр, но в данном случае миссис Траверс, мне кажется, ошибается. Разбитое окно будет выглядеть более правдоподобно.

— А кроме того, звон перебудит всех слуг, и они тут же явятся в гостиную посмотреть, что случилось.

— Нет, сэр, это можно сделать совершенно бесшумно. Достаточно лишь нанести патоку на лист оберточной бумаги, прижать его к стеклу и ударить кулаком.

— И где, по-вашему, мне взять оберточную бумагу? А патоку?

— Я могу их раздобыть. И я с радостью могу выполнить эту операцию вместо вас, если хотите.

— Вы? Что ж, это очень любезно с вашей стороны, Дживс.

— Что вы, сэр. Помогать вам — моя обязанность. Прошу прощения, мне показалось, в дверь постучали.

Он подошел к двери, открыл ее, и в просвете я увидел нечто похожее на дворецкого.

— Ваш нож, сэр, — сообщил Дживс, неся его мне на подносе.

— Спасибо, Дживс, черт бы его взял. — Когда я посмотрел на инструмент, меня даже передернуло. — С каким удовольствием я послал бы это все куда подальше!

— Я вам сочувствую, сэр.

Посоветовавшись, мы решили назначить операцию на час ночи, когда слуги должны наслаждаться положенным отдыхом, и ровно в час, минута в минуту, в моей комнате, как призрак из воздуха, материализовался Дживс.

— Все готово, сэр.

— И патока?

— Да, сэр.

— И оберточная бумага?

— Да, сэр.

— Тогда, будьте добры, выбейте стекло в столовой.

— Я это уже сделал, сэр.

— Да? Хм, действительно получилось беззвучно. Я не услышал ни звука. Что ж, вперёд! В столовую! Раньше начнем, раньше закончим.

— Совершенно верно сэр. «Когда бы, дело это совершив, могли б мы тотчас про него забыть, тогда нам нужно это сделать поскорее».^[33]

Нет смысла притворяться, будто, когда я спускался по лестнице, меня не покинули свойственные мне спокойствие и беспечность. У меня похолодели ноги, и, если вдруг раздавался какой-то звук, я вздрагивал. В ту минуту я думал о тете Далии, которая втянула меня в это, но, признаться, совсем не так, как должен думать о тетушке любящий племянник.

Все же нужно отдать ей должное: она сказала, что это будет проще, чем свалиться с бревна, — так и вышло. Остроту переданного мне ножа она не преувеличила. Четыре быстрых взмаха, и полотно выпало из рамы. Скатав его в трубочку, я вернулся в свою комнату.

Дживс в мое отсутствие зажег камин. Я уже собирался швырнуть жалкую мазню Эдварда Фозергилла в огонь и даже взялся за кочергу, но он остановил меня.

— Было бы неразумно сжигать такой большой предмет целиком, сэр. Это может вызвать пожар.

— Да-да, вы правы, Дживс. Придется ее резать на куски?

— Боюсь, это неизбежно, сэр. Могу ли я предложить виски и сифон с

содовой, дабы уменьшить монотонность сего занятия?

— А вы знаете, где их держат?

— Да, сэр.

— Тогда несите.

— Слушаюсь, сэр.

Я уже почти справился со своей работой и так ею увлекся, что даже не услышал, как открылась дверь и в комнату вошла тетя Талия. Когда она заговорила, я от неожиданности вскрикнул и подпрыгнул чуть не до потолка.

— Все в порядке, Берти?

— Могли бы и посигналить мне сначала, — сердито сказал я, приглаживая вставшие дыбом волосы. — Я из-за вас язык себе прикусил. Да, все прошло по плану. Но Дживс настаивает, чтобы мы сожгли *corpis delicti*^[34] по кусочкам.

— Правильно, ты же не хочешь устроить пожар.

— Он сказал то же самое.

— И был, как всегда, прав. Я принесла ножницы. Кстати, а где Дживс? Я думала, он рядом с тобой, самоотверженно помогает.

— Он самоотверженно помогает мне в другом месте. Он сейчас вернется с графином виски и всем, что полагается.

— Какой человек! Таких, как он, больше нет, — спустя несколько минут сказала она и вздохнула: — Боже, как же это напоминает мою старую добрую школу и наши девичьи вечеринки с какао. Мы тогда спускались в кабинет директрисы и жарили гренки на огне, пока закипал чайник. Кусочки хлеба мы нанизывали на кончики ручек. Эх, славные были денечки. Это вы, Дживс? Заходите и ставьте все рядом со мной. У нас, как видите, дело продвигается. Что это у вас?

— Садовые ножницы, сударыня. Я хочу оказать любую помощь, какую только смогу.

— Тогда начинайте. Шедевр Эдварда Фозергилла ждет вас.

Споро взявшись за дело, мы втроем быстро покончили с работой. Я только успел выпить первый стакан виски с содовой и взяться за второй, когда от «Венеры», кроме пепла, остался только небольшой кусочек левого нижнего угла, который еще держал в руках Дживс. Он, как мне показалось, задумчиво его рассматривал.

— Прошу прощения, сударыня, — промолвил он, — вы сказали, что мистера Фозергилла зовут Эдвард?

— Да, правильно. Если хотите, можете про себя его называть Эдди. А что?

— Ничего особенного, сударыня, просто картина, которая побывала сегодня в этой комнате, подписана «Эверард Фозергилл».

Сказать, что тетя и племянник не отнеслись к этому серьезно, означало бы грубо исказить истину. На какое-то время мы остолбенели. Первым пришел в себя я.

— Ну-ка, дайте мне этот фрагмент, Дживс... По-моему, тут написано «Эдвард», — сказал я, изучив подпись художника на клочке полотна.

— Ты с ума сошел! — Тетя Талия вырвала у меня из рук обрывок. — Тут ведь написано «Эверард», верно, Дживс?

— Мне тоже так показалось, сударыня.

— Берти, — произнесла тетя Талия голосом, который, как мне кажется, обычно называют сдавленным, и одарила меня таким взглядом, каким, должно быть, в старые времена на лисьей охоте смотрели на собаку, погнавшуюся за кроликом, — если ты сжег не ту картину...

— Я не мог сжечь не ту картину, — твердо ответил я. — Но, чтобы вас успокоить, я готов сходить и проверить.

Голос мой, как я уже сказал, звучал твердо, и, услышав меня, вы бы подумали: «Конечно же, Бертрам не мог ошибиться, раз он так уверен в себе», но, по правде говоря, я отнюдь не был в себе уверен. Я боялся худшего и даже приготовился, вернувшись из столовой, выслушать от тети Далии пространное и эмоциональное описание моих умственных и моральных недостатков.

В ту минуту мне меньше всего хотелось испытать еще одно потрясение, но именно это произошло, когда я достиг столовой. Как только я открыл дверь, кто-то выскочил из-за нее и на полном ходу врезался в меня. Мы вместе попятнулись в коридор. Включив свет, чтобы не наткнуться на какую-нибудь мебель и не наделать грохота, я смог рассмотреть этого человека и увидеть его в целом, как выражается Дживс.

Это был старший Фозергилл, в домашних тапочках и халате. В правой руке он держал нож, а под ногами у него лежал какой-то сверток, который он выронил при столкновении. Когда я с присущей мне вежливостью поднял его сверток и тот случайно раскрылся, с моих губ слетело:

— Вот черт!

Мое изумленное восклицание прозвучало синхронно с его отчаянным стоном. То, что он страшно побледнел, не могла скрыть даже его борода.

— Мистер Вустер! — пробормотал он, содрогнувшись всем телом. — Слава богу, что вы не Эверард!

Меня это, понятное дело, тоже радовало, но я пока осторожно помалкивал.

— Вы, конечно, — продолжил он, все еще дрожа, — удивлены тем, что я вот так, тайком, забираю свою картину. Но я могу все объяснить.

— Можете?

— Вы не художник...

— Нет, скорее писатель. Однажды я написал статью «Что носят хорошо одетые мужчины» для «Будуара миледи».

— Все же я думаю, что смогу объяснить вам, что для меня означает эта картина. Я писал ее два года. Она для меня как ребенок. Я наблюдал, как она выросла, и я любил ее. А потом женился Эверард, и я, поддавшись какому-то приступу безумия, подарил ее на свадьбу. Вы не представляете, через какие муки я прошел. Я видел, как он ее ценит. Во время еды он не сводило нее глаз. И я не мог, понимаете, не мог попросить вернуть мне ее. Но без этой картины моя жизнь как будто потеряла смысл.

— И вы решили ее умыкнуть.

— Да! Я сказал себе, что Эверард не станет подозревать меня (потому что у наших соседей недавно украли несколько картин) и подумает, что это работа той же банды. И я не смог устоять против искушения. Мистер Вустер, вы же не предадите меня?

— В каком смысле?

— Не расскажете Эверарду?

— А, понимаю. Нет, конечно же, нет, если вы так хотите. Я должен держать рот на замке?

— Да-да.

— Можете на меня положиться.

— Спасибо, спасибо, мистер Вустер, я знал, что вы не подведете. Что ж, сюда в любую минуту может кто-нибудь войти, поэтому я, пожалуй, пойду к себе. — Он попрощался и убежал по лестнице наверх, только его и видели.

Как только он скрылся, рядом со мной словно из-под земли выросли тетя Таля и Дживс.

— Вы здесь? — удивился я.

— Да, мы здесь. Где тебя носит?

— Я бы управился быстрее, но мне, видите ли, помешали бородатые художники.

— Кто?

— Я разговаривал с Эдвардом Фозергиллом.

— Берти, ты пьян.

— Я не пьян, я ошарашен. Тетя Таля, я должен вам рассказать удивительную историю.

И я рассказал ей удивительную историю.

— Таким образом, — подвел итог я, — мы снова убедились в том, что, какими бы мрачными ни казались обстоятельства, никогда не стоит отчаиваться. Налетели грозовые тучи, небо потемнело, а что мы видим теперь? Солнышко сияет, синяя птица удачи снова поет и машет нам крылом. Мадам Фозергилл хотела ликвидировать «Венеру» — она ликвидирована. Вуаля! — сказал я, на миг превратившись в парижанина.

— А что будет, когда она узнает, что вместе с ней ликвидирована и «Молодая весна»?

Поняв ее мысль, я пожал плечами:

— Да, нехорошо получилось...

— Не видать мне теперь ее романа.

— Вы правы, об этом я не подумал.

Тетушка набрала в грудь побольше воздуха с таким видом, что сразу стало понятно, что она собиралась сказать.

— Берти...

Дживс мягко покашлял. Этот его кашель звучит так, будто овца прочищает горло на каком-нибудь отдаленном склоне.

— Сударыня, позвольте высказать предположение.

— Да, Дживс. Напомнишь мне, — добавила она, повернувшись ко мне, — чтобы я продолжила позже.

— Просто у меня мелькнула мысль, сударыня, что из этого затруднительного положения все же есть выход. Окно в столовой разбито, обе картины пропали, и если мистера Вустера найдут здесь лежащим без чувств, то миссис Фозергилл не останется ничего другого, кроме как решить, что он, спасая их ценой собственной жизни, пал жертвой похитителей.

Тетя Талия так и засветилась.

— А-а-а, понимаю! Она будет так благодарна ему за его героическое поведение, что не сможет отказать мне с этим романом и согласится на мою цену!

— Я это и имел в виду, сударыня.

— Спасибо, Дживс.

— Не за что, сударыня.

— Грандиозный план, согласен, Берти?

— Потрясающий план, — согласился я. — Только меня одно смущает: я пока что не лежу без чувств.

— Ну, это мы можем устроить. Я бы могла тебя слегка стукнуть по голове... Чем, Дживс?

— Молоток для гонга — самое очевидное решение, сударыня.

— Да, молотком для гонга. Ты и не почувствуешь.

— Я и не собираюсь ничего чувствовать.

— Ты выходишь из игры? Подумай хорошенько, Бертрам Вустер, подумай, чем это для тебя обернется. Ты лишишься стряпни Анатоля на месяцы, месяцы! Ты даже запаха не почувствуешь. Он будет подавать Sylphides a la creme d'Ecivisses и Timbales de ris de veau Toulousiane, но тебя рядом не будет. Учти, это официальное предупреждение.

Я расправил плечи и вытянулся во весь рост.

— Мне не страшны ваши угрозы, тетя Талия, ибо... Как там, Дживс?

— Вы вооружены доблестью так крепко, сэр, что все они как легкий ветер мимо проносятся... [35]

— Вот-вот. Знаете, уважаемая тетушка, я много размышлял о стряпне Анатоля и пришел к заключению, что это — палка о двух концах. Конечно, его копчености — это райское наслаждение, но стоит ли это того, чтобы рисковать своим телом? Когда я в прошлый раз гостил у вас, я стал шире в талии на целый дюйм. Разлука с угощениями Анатоля пойдет мне только на пользу. Я не хочу довести себя до состояния дяди Джорджа.

Я имел в виду нынешнего лорда Якли, видного завсегдатая клубов, который с каждым годом становится все более и более видным, особенно если смотреть сбоку.

— Так что, — продолжил я, — как это ни мучительно, я готов отказаться от упомянутых вами Timbales и, следовательно, отвечаю на ваше предложение стукнуть меня по голове решительным polle prosequi. [36]

— Это твое последнее слово?

— Да, — отрезал я, поворачиваясь, и, как только я произнес это слово, что-то с огромной силой ударило меня сзади по голове, и я пал, как вековой дуб под топором лесоруба.

Помню, что, очнувшись, я увидел, что лежу в кровати, и услышал какое-то гудение. Когда туман рассеялся, оказалось, что это голос тети Далии.

— Берти, — говорила она, — я хочу, чтобы ты выслушал меня. У меня есть новость, услышав которую, ты запоешь от счастья.

— Боюсь, что пройдет немало времени, — ледяным голосом произнес я, — прежде чем я когда-нибудь запою. Моя голова...

— Да, безусловно, слегка пострадала, но не отвлекайся. Я хочу рассказать, чем все закончилось. Исчезновение картин списали на банду, возможно, международную, которая похитила Гейнсборо и Ромни.

Фозергилл, как и предсказывал Дживс, теперь считает тебя героем и согласилась на публикацию своего романа в «Будуаре» на моих условиях. Ты был прав насчет синей птицы. Она и правда поет.

— Ага, в голове у меня тоже поет.

— Знаю. И, как ты говоришь, сердце кровью обливается. Но невозможно приготовить омлет, не разбив яиц.

— Сами придумали?

— Нет, Дживс. Он так шепнул, когда мы стояли над тобой.

— Дживс, значит, да? Что ж, я надеюсь, в будущем... А, Дживс, — сказал я, когда он вошел, неся на подносе нечто похожее на освежающий напиток.

— Сэр?

— Насчет яиц и омлета.

— Слушаю вас, сэр.

— Если вы найдете способ с этого дня исключить яйца и отказаться от омлета, я буду вам очень благодарен.

— Хорошо, сэр. Я запомню.

ДОРОТИ ЛИ СЭЙЕРС

Полицейский и призрак

Дороти Ли Сэйерс родилась 13 июня 1893 года в Оксфорде в семье ректора соборной певческой школы при церкви Христа. Детство ее прошло на лоне болотистых равнин восточной Англии, прекрасно знакомых ее читателям по роману «Девять портных», и она стала одной из первых женщин, получивших ученую степень в Оксфорде. Дороти Ли Сэйерс редактировала журнал «Оксфорд поэтри» и работала сочинителем рекламных текстов, прежде чем написала свой первый детективный роман «Чье тело?» (1923), в котором читатель впервые встретился с сыщиком-любителем лордом Питером Уимзи. В 1924 году у нее родился внебрачный сын, а позже она вышла замуж за журналиста Освальда Атертона Флеминга. Она написала 11 романов, 44 рассказа, а также получила известность как эссеист и переводчик.

~ ~ ~

— Бог ты мой! — произнес его светлость. — Неужели это сделал я?

— Все улики указывают на это, — ответила его жена.

— В таком случае мне остается лишь сказать, что я еще никогда не видел, чтобы столь убедительные улики приводили к такому результату.

Медсестра, похоже, приняла это на свой счет. С нотками упрека в голосе она произнесла:

— Мальчик чудесный.

— Хм, — протянул Питер и аккуратно поправил очки. — Что ж, вы свидетель-эксперт, вам виднее. Позвольте, я его возьму.

Медсестра посмотрела на него с сомнением, но просьбу выполнила. Правда, чело ее разгладилось, как только она увидела, как уверенно и умело ветреный отец принял на руки малыша, что, впрочем, было не так уж удивительно для многократного дяди. Лорд Питер осторожно сел на край кровати.

— Как думаешь, у него все как положено? Не хуже других? —

несколько взволнованным голосом спросил он. — Когда я сам что-то делаю, я, разумеется, уверен в успехе, но... когда приходится с кем-то сотрудничать, никогда не знаешь, чем все закончится.

— Думаю, сойдет, — сказала Харриет.

— Хорошо. — Он быстро развернулся к медсестре. — Мы согласны. Оставляем его. Забирайте его и спрячьте хорошенько. Скажите, пусть запишут на мой счет. Знаешь, Харриет, это очень интересное добавление к тебе, но из-за него я мог потерять тебя. — Голос его дрогнул, потому что в последние двадцать четыре часа он чуть не сошел сума от страха.

Доктор, который зачем-то выходил в соседнюю комнату, вернувшись, успел услышать последние слова.

— Вы паникер, ничего подобного не могло случиться, — добродушно произнес он. — Ну ладно, вы уже увидели все, что хотели, так что вам пора. — Крепко взяв за плечо своего подопечного, он подвел его к двери. — Ложитесь спать, — сочувственным тоном посоветовал врач. — Вы устали.

— Я себя отлично чувствую, — воспротивился Питер. — Я же ничего не делал. И вот еще что... — Приняв воинственный вид, он указал в сторону соседней комнаты. — Скажите своим медсестрам: если я захочу взять на руки своего сына, я не буду спрашивать у них разрешения. Если его мать захочет его поцеловать, она его поцелует. У себя в доме я не допущу этой вашей гигиены.

— Очень хорошо, — не стал возражать доктор. — Как пожелаете. Лишь бы вам спокойно жилось. Лично я считаю, что микробы даже могут быть полезны. Они, знаете ли, закаляют организм, приучают защищаться. Нет, спасибо, я не хочу выпить. Мне сейчас идти к следующей мамаше, а запах алкоголя не способствует доверию.

— К следующей? — Питер оторопел.

— Это мои пациенты в больнице. Вы отнюдь не единственная рыба в море. Каждую минуту рождается новый человек.

— Боже! Ну и мир! — Они спустились по большой изгибающейся лестнице. В прихожей они увидели лакея, который с трудом боролся с дремотой, но поста своего не покидал.

— Все в порядке, Уильям, — сказал Питер... — Идите отдыхать, я закрою двери. — Он вышел с доктором на порог. — До свидания... И спасибо вам, старина. Извините, что я на вас наорал.

— Ничего страшного, так все поступают, — философски заметил доктор. — Ну, все, счастливо оставаться. Я еще зайду позже, но только для того, чтобы отработать свой гонорар. Мне тут по большому счету больше

делать нечего. Вы женились на девушке из хорошей здоровой семьи. Поздравляю вас.

Машина, недовольно пофыркав после долгого простоя на холоде, заурчала и тронулась с места, оставив Питера одного на пороге. Теперь, когда все кончилось и он мог ложиться спать, сна у него не было ни в одном глазу. Он чувствовал себя таким возбужденным, что мог бы прямо сейчас отправиться на какую-нибудь вечеринку. Питер прислонился к кованым перилам, закурил сигарету и рассеянно посмотрел на освещенную фонарями площадь. Тут-то он и увидел полицейского.

Фигура в синей форме появилась со стороны улицы Саут-одли-стрит. Он тоже курил и шел нетвердым шагом констебля на дежурстве, а торопливой походкой человека, который заблудился и никак не может найти выход из лабиринта улиц. Приблизившись, он сдвинул шлем и озадаченно потер лоб. Профессиональная привычка заставила его внимательно посмотреть на мужчину во фраке и без головного убора, одиноко стоящего на пороге в три часа ночи. Но поскольку мужчина явно был трезв и, судя по всему, никаких противозаконных действий совершать не собирался, он опустил взгляд и собрался пройти мимо.

— Доброе утро, констебль, — обратился к нему джентльмен.

— Доброе утро, сэр, — не особенно приветливо бросил в ответ полицейский.

— Рано вы с дежурства, — не смутился Питер, которому хотелось с кем-то поговорить. — Не хотите зайти, выпить чего-нибудь?

У стража порядка тут же вновь пробудились подозрения.

— Нет, сейчас не хочу, спасибо, — осторожно ответил полицейский.

— Нет, именно сейчас. Вот в том-то и дело. — Питер отбросил сигарету. Она прорисовала в воздухе яркую дугу и, упав на тротуар, рассыпалась искорками. — У меня сын родился.

— А! — облегченно произнес полицейский, услышав это невинное признание. — Первый?

— И последний. Хватит с меня и одного.

— Мой брат тоже так каждый раз говорит, — сказал человек в форме. — Говорит, мол, все, больше никогда, но... Их у него одиннадцать. Что ж, удачи вам, сэр. Я понимаю вашу радость, и спасибо за приглашение, но после того, что мне мой сержант наговорил, я уж и не знаю, что мне лучше. У меня после вчерашнего пива за ужином во рту капли не было, провалиться мне на этом месте, если я вру.

Питер, немного наклонив голову набок, внимательно посмотрел на полицейского.

— Сержант сказал вам, что вы были пьяны?

— Так и сказал, сэр.

— А вы не были?

— Нет, сэр. Я ему рассказал все, как оно и было, хотя чем там все закончилось — представления не имею.

— В таком случае, — ответил Питер, — как говорила леди Тизл Джозефу Сэрфесу,^[37] вас беспокоит сознание собственной невинности. Если он обвинил вас в том, что вы принесли жертву Бахусу... лучше зайдите ко мне и так и сделайте. Почувствуете себя гораздо лучше, уверяю вас.

Полицейский заколебался.

— Прямо и не знаю, сэр. Просто, понимаете, я сейчас в таком взвинченном состоянии...

— Я тоже, — сказал Питер. — Черт возьми, да заходите, посидите со мной за компанию.

— Прямо не знаю, сэр... — снова промолвил полицейский и поднялся по лестнице.

Обуглившиеся дрова в камине светились внутренним темно-красным светом. Питер пошевелил их кочергой, и между ними заиграл огонек.

— Садитесь, — сказал он. — Я на секунду выйду.

Полицейский сел, снял шлем и осмотрелся по сторонам, пытаясь вспомнить, кто живет в этом большом доме на углу площади. Родовой герб, выгравированный на стоявшем на каминной полке большом серебряном блюде, ничего ему не сказал, даже несмотря на то что он повторялся в цвете на задней стороне спинок кресел с тканой обивкой. Питер, возвращаясь откуда-то из темных пространств под лестницей, заметил, как он толстым пальцем водит по контуру герба.

— Изучаете геральдику? — спросил он. — Семнадцатый век, и не сказать, что искусная работа. Вы в нашем районе недавно, верно? Меня зовут Уимзи.

Он поставил на стол поднос.

— Если предпочитаете пиво или виски, говорите, потому что эти бутылки — всего лишь уступка моему настроению.

Полицейский с интересом посмотрел на длинные горлышки и обернутые серебряной фольгой пробки.

— Шампанское? — спросил он. — Никогда не пил, сэр. Но хотелось бы попробовать.

— Вам оно покажется не крепким, — сказал Питер, — но, если выпьете его достаточно много, вы мне всю свою биографию расскажете.

Хлопнула пробка, и вино полилось в широкие бокалы, искрясь в свете огня.

— Ну, за вашу супругу, сэр, — сказал полицейский, — и за нового джентльмена. Дай Бог ему долгой жизни и всего хорошего. Немного на сидр смахивает, правда, сэр?

— Чуть-чуть. Скажете свое мнение после третьего бокала, если продержитесь до тех пор. И спасибо за пожелания. Вы сами женаты?

— Пока нет, сэр. Надеюсь жениться, когда получу повышение. Если только сержант... Ладно, не хочу вспоминать. А вы давно женаты, сэр?

— Чуть больше года.

— И как вам это? Нравится?

Питер рассмеялся.

— Последние двадцать четыре часа я чуть мозги себе не вывернул, когда пытался понять, почему я, когда мне чертовски повезло в жизни, как последний дурак, проставил на кон все свое счастье ради какого-то глупого эксперимента.

Полицейский сочувственно покивал.

— Я понимаю вас, сэр. По мне, так вся жизнь у нас такая. Если не рискуешь, с места не сдвинешься. Если рискуешь, можешь не угадать, и тогда кого винить? Да и когда что-то случается, оно случается так быстро, что ты и подумать не успеваешь.

— Это точно, — сказал Питер и снова наполнил бокалы.

Он заметил, что общество полицейского его успокаивает. Как и все люди его сословия и воспитания, в особенно волнительные минуты он обращался к простым людям. Когда случился последний семейный кризис, он, для того чтобы успокоить нервы, словно почтовый голубь, который, повинувшись инстинкту, возвращается в гнездо, направился в подсобку к дворецкому. Там ему посочувствовали и даже позволили начистить столовое серебро.

Чувствуя ясность ума, необъяснимым образом вызванную шампанским и нехваткой сна, Питер стал наблюдать за тем, как воздействует на его гостя «Поль Роже» 1926 года. Первый бокал позволил ему узнать его взгляды на жизнь, после второго он узнал его имя (Альфред Берт) и услышал новую порцию загадочного недовольства в адрес сержанта, а после третьего, как и было предсказано, последовала исповедь.

— Вы были правы, сэр, — сказал полицейский, — когда заметили, что я тут новичок. Меня сюда поставили только в начале этой недели, поэтому я еще не знаю ни вас, сэр, ни остальных жителей этого района. Вот Джессоп, тот знает всех. И Линкер знал, но его перевели в другое

отделение. Да вы, наверное, помните Линкера — рослый такой парень, раза в два больше меня, с песочными усами. Да, наверняка вы его встречали. Так вот, сэр, как я уже говорил, район этот я знаю только в общем, далеко не как свои пять пальцев, так сказать, и, может, поэтому я, бывает, и могу сделать что-то не то, но это совершенно не объясняет того, что я видел. А я действительно это видел, и я не был пьян, совершенно. Ну а то, что я ошибся с цифрой, так это с каждым может произойти. И все равно, сэр, я точно видел цифру 13, вот так же ясно, как сейчас вижу ваш нос.

— Точнее не скажешь, — произнес Питер, чей нос трудно было не заметить.

— Вы знаете Мерримэнс-энд, сэр?

— Кажется, знаю. Это длинный тупик где-то в конце Саут-одли-стрит? Там с одной стороны ряд домов, а с другой — высокая стена?

— Совершенно верно, сэр. Там дома высокие и узкие, все на одно лицо: у каждого выступающее крыльцо с колоннами, закрытое со всех сторон.

— Да. Как будто специально взяли самые некрасивые дома где-нибудь в Пимлико^[38] и перенесли их туда. Ужасно. К счастью, улица, кажется, так и не была завершена, а то мы имели бы еще одно такое уродство на противоположной стороне. Этот дом был построен еще в восемнадцатом веке. Как он вам?

Берт обвел взглядом широкую гостиную, камин с изящным декором в стиле Адама, обшивку стен с красивыми лепными украшениями, двери с фронтонами, высокое окно, полукруглое сверху, освещающее гостиную и галерею, благородные очертания лестницы. Он задумался, подбирая слова.

— Это дом джентльмена, — наконец произнес он. — Тут свободно дышится, если вы понимаете, что я хочу сказать. Такое впечатление, что здесь и вести себя грубо не захочется. Хотя, скажу вам честно, уютным он мне не кажется. Я бы тут копченую рыбу голыми руками не стал есть. А вообще дом видный. Я раньше не задумывался, но теперь, когда вы упомянули, начинаю понимать, что не так с теми домами на Мерримэнс-энд. Они все как будто сжатые с боков. Я сегодня побывал в нескольких, и именно так они и выглядят — не дома, а набор коробок. Но я как раз собирался рассказать вам об этом. Это было ровно в полночь, — продолжил полицейский. — Сворачиваю я, как всегда на дежурстве, в Мерримэнс-энд, дохожу почти до самого конца и вдруг вижу: какой-то парень подозрительно жметя к стене в тени. Как вы знаете, сэр, там есть калитки, за которыми начинаются сады, так вот он у одной из них и ошивался. Грубоватый такой тип, в большом мешковатом пальто, может,

бродяга какой с набережной. Я на него фонариком посветил — улица-то плохо освещается, а ночи сейчас темные, — но лица его рассмотреть не смог, потому как на нем была какая-то старая рваная шляпа и широкий шарф на шее. Я, понятно, решил, что он что-то недоброе затеял, и уже собрался спросить его, что он там делает, но не успел. В эту самую секунду из одного из домов напротив я услышал страшный крик. Это было до того жутко, сэр!.. «Помогите! — кричали из дому. — Убивают! Спасите!» У меня волосы на голове зашевелились, когда я это услышал.

— Это был мужской голос или женский?

— Мужской, сэр. Кажется. Это даже был не крик, а рев. Я и говорю: «Черт, что это? В каком это доме?» Парень ничего не ответил, только показал пальцем, и мы вместе побежали. И вот, только мы подбежали к дому, изнутри послышался звук, как будто кого-то душат, а потом что-то грохнуло, не иначе как что-то на дверь навалилось.

— Боже правый! — воскликнул Питер.

— Я давай кричать, жму на звонок. «Эй! — кричу. — Что тут происходит?», и давай кулаком в дверь барабанить. Никто не ответил, и я стал опять стучать и звонить. Тут парень, который был со мной, приоткрывает отверстие для писем и заглядывает внутрь...

— В доме горел свет?

— Окна все были темные, свет был только в окошке над дверью. Горел он ярко, и я, когда посмотрел вверх, увидел номер дома. Тринадцать. Цифра была нарисована краской на стекле, так что я его прекрасно рассмотрел. Так вот, этот парень посмотрел внутрь и вдруг как-то странно забулькал и чуть ли не отпрыгнул назад. «Эй, — говорю я ему, — ты чего, приятель? Ну-ка, дай я посмотрю». И вот я наклоняюсь, прикладываю глаза к щели и смотрю.

Констебль замолчал и глубоко вдохнул. Питер снял проволоку со второй бутылки.

— Хотите верьте, хотите нет, сэр, — продолжил полицейский, — но я тогда был такой же трезвый, как и сейчас. И я могу рассказать вам все, что увидел в том доме, потому что все помню прекрасно. Не то чтобы я много чего там увидел, щель-то была совсем узкая, но все-таки я прищурился и осмотрел прихожую с обеих сторон и еще кусочек лестницы. И вот что я там увидел, а вы внимательно слушайте, потому что это важно для того, что было потом.

Он сделал еще один глоток «Поль Роже», чтобы было легче говорить, и продолжил:

— В прихожей был пол — я очень хорошо его рассмотрел —

мраморный, из черно-белых квадратов, и он далеко уходил вглубь дома. Примерно посередине на левой стороне начиналась лестница с красной дорожкой. У ее основания стояла статуя — белая голая женщина с большим кувшином в руках. А в кувшине том — целая охапка синих и желтых цветов. Рядом с лестницей была открытая дверь в комнату. Там ярко горел свет, и я разглядел край стола. На нем было полно посуды: бокалы и серебро. Между этой дверью и входной дверью стоял здоровенный блестящий черный шкаф с нарисованными золотыми фигурками, прямо как из музея. В самой глубине прихожей было что-то наподобие зимнего сада, но я не мог рассмотреть, что там внутри, только казалось оно очень серым. Справа тоже была дверь, и тоже открытая. За ней я разглядел красивую гостиную, с бледно-голубыми обоями и картинами на стенах. В прихожей тоже картины висели, и справа столик стоял с медной чашей для визитных карточек. Я рассказываю вам, сэр, все, как видел своими собственными глазами. Если бы меня там не было, откуда бы я узнал все эти подробности?

— Мне приходилось слышать, как люди описывают то, чего на самом деле не было, — задумчиво произнес Питер, — но это звучало совсем иначе. Мне рассказывали о крысах, о кошках и змеях, иногда даже об обнаженных женских фигурах. Но жуткие лакированные шкафы и столы в прихожей — это что-то новенькое.

— Это вы точно сказали, сэр, — согласился полицейский. — И я вижу, вы мне пока верите. Но там было еще кое-что, и поинтереснее. В прихожей на полу лежал человек. Мне было его прекрасно видно. И он был мертвый. Крупный мужчина, ни бороды, ни усов, и он был во фраке. Кто-то всадил ему нож в горло. Я видел рукоятку. Кажется, это был нож для разделки мяса. На мраморном полу блестела большая лужа крови.

Полицейский посмотрел на Питера, вытер носовым платком лоб и осушил четвертый бокал шампанского.

— Головой он лежал к столу, — продолжил он, — а ногами, должно быть, к двери, но из-за почтового ящика я не мог рассмотреть то, что находилось у двери. Понимаете, сэр, я-то заглядывал внутрь через сетку почтового ящика, а он был не пустой. То, что там лежало, — я думаю, письма, — закрывало мне вид вниз. Но остальное — и то, что впереди, и немного по сторонам — мне было видно прекрасно. И все это, как говорится, намертво врезалось мне в память, потому что смотрел я туда, наверное, секунд пятнадцать, не больше. Но потом весь свет разом потух, будто кто-то выключил общий рубильник. Тогда я, скажу честно, немного испугался и обернулся. И вот, когда я обернулся, — внимание, это самое

важное! — тот парень в лохмотьях исчез.

— Не может быть! — изумился Питер.

— Исчез, повторил полицейский. — Сбежал. Я стоял там один. И вот тут-то, сэр, я и сделал свою самую большую ошибку, потому как подумал, что он не мог уйти далеко, ну, и побежал по улице за ним. Но я не увидел его. Я вообще никого не увидел. Ни в одном доме там свет не горел, и мне вдруг пришло в голову, что тут такое творится, а никому до этого нет дела. Да одно то, как я стучал в дверь и кричал, должно было поставить на ноги всю улицу, не говоря уже о том жутком вопле. Но знаете, как бывает... Вы, наверное, и сами такое замечали. Бывает, человек забудет на ночь окна на первом этаже закрыть или, скажем, камин потушить. Ты можешь, пытаешься привлечь его внимание, кричать так, что и мертвый проснется, но на твои крики ни одна живая душа не ответит. Сам хозяин видит десятые сны, а соседи хоть и готовы тебя убить за то, что ты шумишь под окнами, но думают: «это не мое дело» и прячут головы под одеяло.

— Да, — сказал Питер. — Лондон такой.

— Верно, сэр. В деревне все по-другому. Там ты иголку не можешь с земли поднять, чтобы к тебе не подошел кто-нибудь и не спросил зачем... Но в Лондоне никому ни до кого нет дела... В общем, думаю я: «Надо что-то предпринять» и начинаю свистеть в свисток. Тут уж все услышали. По всей улице окна стали открываться. Это тоже Лондон.

Питер кивнул.

— Лондон и Страшный суд проспит, а остальные города с целомудренным видом отвернутся и сделают вид, что ничего не происходит. Но Господь всеведущий скажет ангелу: «Вот тебе свисток, Михаил. Свисти. Восток и запад восстанут из мертвых при звуке полицейского свистка».

— Вот именно, сэр, — согласился констебль и впервые подумал о том, что в этом шампанском все-таки что-то есть. Он немного помолчал, а потом заговорил снова: — Короче говоря, так случилось, что, когда я засвистел, Уизерс, это констебль с соседнего участка, уже пришел на Одли-сквер, чтобы встретиться со мной. Понимаете, сэр, мы с ним так все время встречаемся, каждый раз в другое время. Этой ночью мы договорились встретиться в двенадцать на площади. Так вот, появляется он, причем, надо сказать, довольно быстро, и видит такую картину: я стою посреди улицы, а на меня изо всех окон орут люди, пытаюсь узнать, что происходит. Ну, само собой, мне было ни к чему, чтобы все они повыходили на улицу, — в толпе моему беглецу было бы проще всего от меня уйти, поэтому я крикнул им, что волноваться нечего, что просто дальше по улице случилась какая-то

ерунда. А потом я увидел Уизерса и страшно обрадовался. Прямо там на месте я и рассказал ему, что произошло. Я сказал ему, что в тринадцатом доме в прихожей лежит труп и что произошло убийство. «Тринадцатый? — говорит он. — Ты что, дурень, здесь нет дома с таким номером. В Мерримэнс-энд все номера четные». И так оно и есть, сэр, из-за того, что дома на другой стороне так и не были построены, там вообще нет нечетных номеров. Меня это немного кольнуло, ведь я не настолько тогда потерял голову, чтобы номера домов не запомнить, хотя и работаю на этом участке, как уже говорил, всего неделю. Нет, я был уверен, что видел номер тринадцать на окне над дверью и ошибиться никак не мог. Но когда Уизерс услышал остальную историю, он подумал, что, может, я перепутал и там было написано не 13, а 12. Восемнадцать это быть не могло, потому что там всего восемь домов, и шестнадцать не могло быть, потому что я точно знал, что дом не был последним. В общем, решили мы, что это было или двенадцать, или десять, и пошли проверять.

В двенадцатый номер мы попали без труда. К нам спустился очень приятный господин в халате, он спросил, что случилось и может ли он чем-то помочь. Я извинился и сказал, что у нас, мол, есть подозрение, что в одном из домов что-то случилось, и спросил, не слышал ли он чего. Разумеется, как только он открыл дверь, я сразу понял, что это не тот дом: прихожая там была маленькая, с обычным полом из полированных досок, а на стенах — аккуратные панели, и никаких голых женщин и черных шкафов. Господин этот сказал, что его сын несколько минут назад слышал, как кто-то кричал и колотил в дверь. Он встал с кровати и высунул голову в окно, но ничего не увидел. Они, правда, решили, что это хозяин четырнадцатого дома опять ключи забыл. Мы поблагодарили его и пошли к четырнадцатому номеру.

В четырнадцатом номере дозваться хозяина оказалось не так просто. Им оказался ужасно вспыльчивый джентльмен, я подумал, из военных, но, как потом выяснилось, отставной индийский чиновник. Темнокожий джентльмен с громким голосом, слуга у него тоже был темнокожий. Индиец этот спросил, какого черта мы расшумелись и почему порядочный гражданин не имеет права спокойно поспать. Когда я ему повторил свою историю, он предположил, что это молодой остолоп из двенадцатого номера опять напился. Внутри он пускать нас отказывался, Уизерсу пришлось немного нажать на него, и в конце концов спустился его слуга и пустил нас внутрь. Прихожая была совсем не похожа на ту, что искали мы: начать с того, что лестница там была с противоположной стороны, хотя рядом с ней тоже стояла статуя, только это был какой-то идол языческий с

несколькими головами и руками. А стены там все были завешаны какими-то железками и их индийскими богами, ну, вы знаете, как это бывает. Единственным сходством с тем, что видел я, был черно-белый линолеум на полу. Слуга этот был какой-то уж слишком обходительный и мне совсем не понравился. Он сказал, что спал в своей комнате и не слышал ничего, пока хозяин ему не позвонил. Потом на лестницу вышел сам хозяин и раскричался, что мы его зря побеспокоили, что шум наверняка, как обычно, шел из двенадцатого номера и что, если тот молодой человек не прекратит дебоширить, он подаст в суд на его отца. Тогда я спросил, видел ли он что-нибудь, и тот ответил, что ничего не видел. Оно и понятно, потому что увидеть, что происходит внутри прихожей или на крыльце, из других домов невозможно — по бокам везде там стоят цветные стекла.

Лорд Питер Уимзи посмотрел на полицейского, потом посмотрел на бутылку шампанского, словно оценивая содержание алкоголя в каждом, и, подумав, снова наполнил оба бокала.

— Так вот, сэр, — освежившись, сказал констебль Берт. — К тому времени Уизерс уже снова смотрел на меня как на сумасшедшего. Правда, ничего не сказал, и мы вернулись к десятому номеру, где, как оказалось, жили две незамужние дамы. Там вся прихожая была заставлена чучелами птиц, а обои — настоящий каталог цветов. Та, что спит в передней части дома, глухая, как пень, а та, которая спит в задней части, ничего не слышала. Но нам удалось поговорить с их служанками, и кухарка сказала, что будто бы слышала крик о помощи и подумала, что это кричали в двенадцатом доме. Она испугалась, накрылась с головой одеялом и стала молиться. Горничная оказалась разумной девицей. Она выглянула в окно, когда услышала, как я стучал в дверь. Сначала она ничего не увидела (мы-то тогда были внутри закрытого крыльца), но решила, что что-то происходит. Она отошла от окна надеть тапочки, чтобы не простудиться, и, когда вернулась к нему, успела заметить бегущего по улице человека. Она говорит, что он бежал очень быстро и почти бесшумно, как будто был в галошах, и еще сказала, что видела развевающиеся у него за спиной концы шарфа. Она увидела, как он выбежал с улицы и свернул направо, а потом услышала меня, когда я рванул за ним. К сожалению, из-за того, что она смотрела на того бродягу, из какого дома выбежал я, она не заметила. По крайней мере, раз она видела того типа в шарфе, это доказывало, что я ничего не придумал. Девушка его не узнала, но оно и неудивительно, потому что она в этом доме совсем недавно работает. К тому же, вряд ли этот тип имеет какое-то отношение к преступлению, ведь он-то был снаружи рядом со мной, когда начались крики. Я считаю, что он просто из

тех господ, которые не любят, когда к ним слишком пристально присматриваются, поэтому, как только я отвернулся, он решил, что ему будет спокойнее где-нибудь в другом месте, и сделал ноги.

— Я думаю, мне незачем, — продолжил полицейский, — утомлять вас рассказом о каждом доме, в котором мы побывали. Мы зашли в каждый дом, от второго до шестнадцатого, и ни в одном из них прихожая не была похожа на ту, что мы с тем парнем видели через отверстие почтового ящика. И никто из жителей больше нам ничем не помог. Видите ли, сэр, я долго рассказываю, но на самом деле все это произошло очень быстро. Сначала были крики, они недолго длились, всего несколько секунд. Как только они закончились, мы перебежали через дорогу и поднялись на крыльцо. Потом я начал кричать и стучать в дверь, но это было недолго, до того, как тот приятель заглянул в щель в двери. Потом я сам посмотрел внутрь, но тоже смотрел туда от силы секунд пятнадцать. И пока я этим занимался, мой парень дал деру. Потом я побежал за ним и засвистел в свисток. Выходит, на все про все ушла минута или полторы. Не больше. И вот, сэр, к тому времени, как мы обошли все дома на Мерримэнс-энд, уж поверьте, мне как-то не по себе стало. А Уизерс начал коситься на меня подозрительно. Когда мы вышли из последнего дома, он и говорит: «Берт, это что, шутка какая-то? Потому что если это шутка, то вам работать надо не в полиции, а в театре». Тогда я ему снова рассказал, совершенно серьезно, без всяких шуток, как все было, и сказал, что если бы нам удалось поймать того парня в шарфе, он бы подтвердил, что тоже это все видел. «И вообще, — говорю я ему, — неужели вы считаете, что я стал бы рисковать работой ради каких-то глупых шуток?» Он отвечает: «Черт возьми, если бы я не знал, что вы непьющий, я б решил, что вам всякие глупости мерещатся». «Глупости? — говорю я. — Да я своими глазами видел труп с торчащим из горла ножом и не считаю это глупостями. Он и сам жутко выглядел, так там еще и весь пол кровью был залит». А он мне: «Может, он и не мертвый был? И его успели убрать оттуда?» «Ага, — говорю я, — а заодно и сам дом убрали». Тут мне Уизерс и говорит, странным таким голосом: «А вы вообще уверены насчет дома? Может, это у вас воображение разыгралось? Голые женщины и всякое такое...» Каково мне было это слышать? «Нет, — отвечаю, — ничего у меня не разыгралось. На этой улице произошло что-то странное, и я собираюсь во всем разобраться. Даже если для этого придется в поисках того типа в шарфе прошерстить весь Лондон». «Да уж, — говорит Уизерс, а сам усмехается так противно, — жаль, что он так быстро исчез». «Но вы, — говорю на это я, — раз уж на то пошло, не можете сказать, что я его придумал, потому что

та девушка его тоже видела. И слава богу, — говорю, — потому что иначе вы бы меня уже не в театр, а в сумасшедший дом определили». «Ну что же, — говорит он, — я не знаю, что вам посоветовать. Стоит, наверное, вам позвонить в участок и спросить инструкции». Что я и сделал. И после этого к нам пришел сам сержант Джоунз. Он выслушал нас обоих очень внимательно, медленно прошел по улице до самого конца, потом вернулся и говорит мне: «Берт, опишите-ка мне еще раз эту прихожую, только подробно». Я и описал, в тех же словах, что и вам сейчас, сэр. Он послушал и говорит: «Вы точно уверены, что там с левой стороны от лестницы была комната с накрытым столом, а справа комната с картинами на стенах?» Я ему: «Так точно, сержант, я в этом уверен». Тут Уизерс и восклицает: «Ага!» — таким, знаете, голосом, будто поймал меня на вранье. А потом сержант сказал: «Берт, соберитесь с мыслями и посмотрите внимательно на эти дома. Видите, какие они узкие? Ни в одном из них не может быть комнат с обеих сторон от входа. На окна смотрите».

Лорд Питер покосился на бутылку и разлил остатки шампанского.

— Не стану от вас скрывать, сэр, — продолжил полицейский, — что я почувствовал себя очень глупо. Как я мог этого не заметить? Уизерс, тот заметил, потому и посчитал меня пьяным или слегка тронувшимся. Но все равно я продолжал стоять на своем. Сказал, что тогда, наверное, какие-то из двух домов соединены вместе. Правда, я сам понимал, что этого быть не может, мы ведь сами зашли в каждый из них и нигде не увидели никаких соседних комнат. Разве что где-нибудь была потайная дверь, как те, про которые пишут в разных рассказах про всяких жуликов и бандитов. «Ну, хорошо, — говорю я сержанту, — но крики-то были настоящие, потому что не только я их слышал. Спросите людей, они подтвердят». «Хорошо, Берт, — говорит он, — я готов дать вам шанс». И он снова постучал в двенадцатый номер (к четырнадцатому он не хотел обращаться, потому что тот и так уж был злой, как черт), и на этот раз открыл нам сын. Он оказался приятным молодым человеком, совершенно спокойным. Сказал, что слышал крики и отец их слышал. «Четырнадцатый дом, — сказал он. — Там надо искать. Я не удивлюсь, что тот старикашка, который там живет, своего несчастного слугу на тот свет отправил. Эти „заграничные англичане“ с рубежей империи все такие: от них не знаешь чего ожидать... А их острые приправы вредны для печени». Когда я заикнулся о том, что надо бы еще раз в четырнадцатый номер наведаться, сержант начал выходить из себя. «Вы прекрасно знаете, что это не четырнадцатый номер, — чуть не заорал он на меня. — И лично я считаю, что вы, Берт, либо пьяны, либо у вас с головой не все в порядке. Так что лучше ступайте

домой и проспитеесь, — говорит. — Ко мне придете, когда будете в состоянии отдавать отчет в своих действиях». Я, конечно, пробовал спорить, но куда там! Он и слушать меня не стал. Развернулся и ушел. А Уизерс пошел на свой участок. Я походил там еще немного туда-сюда, пока не явился Джессоп, а потом пошел домой и по дороге встретил вас, сэр. Но я не пьян, сэр... По крайней мере, тогда не был, хотя сейчас, признаться, у меня такое чувство, что перед глазами все кружится. Похоже, это ваше шампанское крепче, чем кажется. Но тогда я был совершенно трезвым и уж точно не сошел с ума. Это призрак, сэр. Да-да... Призрак, так и есть. Может быть, в каком-то из этих домов много лет назад произошло убийство, и сегодня ночью я его и увидел. Возможно, что они и нумерацию домов на улице изменили из-за этого, — я слышал, что такое бывает, — и когда настает та самая ночь, дом становится таким, каким он был тогда. Но почему эта черная метка упала на меня? Что это за призраки, если из-за них приходится страдать ни в чем не повинному человеку? Разве это честно? Я думаю, вы со мной согласитесь, сэр.

Рассказ полицейского несколько затянулся, и стрелки на старинных напольных часах показывали четыре сорок пять, когда он закончил. Питер Уимзи с симпатией посмотрел на своего гостя, к которому уже проникся самыми теплыми чувствами. Надо сказать, что алкоголь подействовал на него несколько сильнее, чем на полицейского, потому что он пропустил обед и не поужинал из-за отсутствия аппетита. Однако разум его сохранил ясность. Вино лишь взбодрило его. Он сказал:

— Вам, когда вы смотрели в прихожую через отверстие для почты, было видно какую-нибудь часть потолка или лампы?

— Нет, сэр. Я мог смотреть направо, налево и прямо, но не вверх или вниз. Пола под самой дверью мне тоже не было видно.

— Когда вы смотрели на дом снаружи, свет был только в окошке над дверью. Но когда вы заглянули через щель, все комнаты были освещены, и справа, и слева, и в глубине?

— Совершенно верно, сэр.

— В тех домах, кроме парадных, есть другие входы?

— Да, сэр. Если выйти из тупика и свернуть направо, там чуть дальше будет небольшой переулок, на который выходят черные ходы.

— Похоже, у вас отменная зрительная память. Интересно, другие виды памяти у вас так же хорошо развиты? Можете ли вы, к примеру, сказать, не почувствовали ли вы какой-нибудь необычный запах в одном из тех домов, куда вы заходили? Особенно меня интересуют номера десять, двенадцать и четырнадцать.

— Запах, сэр? — Полицейский закрыл глаза, напрягая память. — Как же, было дело. В десятом доме, где живут две женщины. Там стоял какой-то старый запах. Не могу объяснить... Не лаванда, а то, что женщины кладут в чаши и вазы для запаха: лепестки роз и всяких других цветов... Ароматическая смесь, вот как это называется. Ароматическая смесь. А в номере двенадцатом... Ну, там не было ничего особенного, я только, помню, подумал, что у них должны быть очень хорошие слуги, хотя мы не видели никого, кроме самих хозяев. Пол и обшивка стен — все было начищено до блеска. В них как в зеркало смотреться можно было. Воск и скипидар, подумал я. И, разумеется, тяжелый труд. Короче говоря, чистый дом с хорошим, чистым запахом. Но в четырнадцатом номере было как раз наоборот. Там мне запах не понравился. Там стоял густой, удушливый запах, как будто его слуга жег ладан своим истуканам.

— Интересно! — произнес Питер. — То, что вы рассказываете, наводит на определенные мысли. — Он сложил пальцы и задал последний вопрос, глядя поверх них: — Вы когда-нибудь бывали в Национальной галерее?

— Нет, сэр, — ответил изумленный полицейский. — Никогда туда не заходил.

— Ох, Лондон, Лондон, — посетовал, качая головой, Питер. — Пожалуй, мы, лондонцы, меньше всех знаем о наших великих музеях. Ну да ладно. Как же нам разговорить этих господ? Хм... Думаю, для визита еще рановато. А впрочем, что может быть приятнее, чем с утра, до завтрака, совершить добрый поступок? Чем раньше вы найдете общий язык с вашим сержантом, тем лучше. Так, надо подумать... Да, наверное, это сработает. Вообще-то костюмированные представления — не моя стихия, но привычный ход моей жизни и так до того нарушился, что одним новшеством больше, одним меньше — погоды не сделает. Ждите здесь, а я пока схожу приму ванну и переоденусь. Я могу задержаться, но все равно приходите в гости до шести неприлично, так что ничего страшного.

Мысль о ванне была соблазнительной, но, возможно, не самой лучшей, потому что, как только тело Питера почувствовало горячую воду, его охватила какая-то странная расслабленность. Возбуждение, вызванное шампанским, начало уходить, и он с большим трудом вырвал себя из цепких лап сна. Впрочем, холодный душ вернул ему бодрость.

Выбор одежды заставил призадуматься. Серые фланелевые брюки нашлись быстро, и хоть они были слишком хорошо выглажены для той роли, которую он собирался сыграть, Питер понадеялся, что на это не обратят внимания. С рубашкой вышло сложнее. Их у него имелась целая

коллекция, но все они были неброскими и очень элегантными. Какое-то время он склонялся к тому, чтобы надеть белую рубашку с открытым спортивным воротником, но в конце концов остановился на голубой, которую в свое время купил ради эксперимента, но остался ею недоволен. Красный галстук, если бы такая вещь имелась у него в гардеробе, пришелся бы весьма кстати. Поразмыслив, он вспомнил, что видел однажды на шее у своей жены довольно широкий галстук в оранжевых тонах, и решил, что он, если сыщется, подойдет для его целей. На ней он смотрелся довольно мило, на нем же будет выглядеть настоящим уродством.

Он зашел в соседнюю комнату. Было необычно видеть ее пустой. Его охватило странное ощущение. Вот *он* здесь, в комнате жены, копается в ее вещах, пока *она* лежит наверху в обществе пары сиделок и совершенно нового человечка, из которого может вырасти что угодно. Он сел перед зеркалом и уставился на свое отражение. Ему казалось, что за эту ночь он каким-то образом изменился, но, глядя на себя, он подумал, что просто выглядит небритым и слегка нетрезвым. Впрочем, именно сейчас это было как раз то, что надо, хотя, конечно, и не украшало отца семейства. В поисках ленты он обыскал все полки туалетного столика. Из них исходил знакомый запах пудры для лица и саше. Он переключился на большой встроенный платяной шкаф: платья, костюмы, полки, полные белья, вид которого заставил его прочувствованно вздохнуть. Обнаружив полку с перчатками и чулками, он почувствовал, что находится на правильном пути, и уже на следующей полке нашел галстуки. Среди них заманчиво поблескивал и искомый оранжевый предмет туалета. Он надел его и с удовольствием отметил, что выглядит в нем совершенно нелепо.

Он вышел из комнаты жены, оставив выдвинутыми все полки, как будто там побывал грабитель. Далее были извлечены на божий свет древний твидовый пиджак деревенского вида, годный разве что для рыбалки в Шотландии, и пара коричневых холщовых туфель. В брюки он вдел ремень, потом после непродолжительных поисков нашел старую мягкую фетровую шляпу неопределимого цвета, после чего снял с ленты шляпы рыболовные мушки и запихнул манжеты рубашки поглубже в рукава пиджака. На этом он решил остановиться, но потом подумал, вернулся в комнату жены и выбрал себе большой шерстяной платок зеленовато-голубого оттенка. Экипировавшись подобным образом, он спустился вниз к констеблю Берту, который крепко спал с открытым ртом и храпел.

Питер почувствовал укол обиды. Он, можно сказать, приносит себя в жертву ради этого полицейского, а у того даже не хватает обычного такта

проявить хоть какую-то благодарность. Впрочем, сейчас не было необходимости его будить. Питер громко зевнул и сел рядом...

В половине седьмого их разбудил лакей. Если он и удивился, увидев хозяина в очень странном наряде спящим в гостиной рядом с рослым полицейским, то был слишком вышколен, чтобы признаться в этом даже самому себе. Он просто снял со стола поднос, чтобы унести, и чуть слышное позвякивание бокалов разбудило Питера, который всегда спал очень чутко.

— Это вы, Уильям. Я что, заснул? Который час?

— Без двадцати пяти минут семь, милорд.

— Как раз самое время. — Тут он вспомнил, что лакей спит на верхнем этаже. — Что на западном фронте? Без перемен? Все тихо?

— Я бы не сказал, что тихо, милорд. — Уильям позволил себе слегка улыбнуться. — Молодой мастер около пяти часов несколько оживился. Но в общем, все хорошо, насколько я могу судить по рассказу Дженкин.

— Дженкин? Это младшая из сиделок? Не уходите, Уильям. Не могли бы вы слегка пнуть в бок констебля Берта? Нам с ним надо заняться одним делом.

Мерримэнс-энд пробуждался. Из тупика вышел, позвякивая бутылками, молочник, на верхних этажах начали загораться окна, слуги принялись раздвигать шторы, перед десятым домом горничная уже подметала ступеньки крыльца. Питер оставил полицейского в начале улицы.

— Не хочу появляться здесь в первый раз в официальном сопровождении, — пояснил он. — Подойдете, когда я махну рукой. Кстати, как зовут приятного господина из двенадцатого дома? Мне кажется, он может нам помочь.

— Мистер О'Халлоран, сэр.

Полицейский выжидающе посмотрел на Питера. Казалось, он утратил всякую инициативу и целиком доверился этому гостеприимному и чудаковатому джентльмену. Питер, сунув руки в карманы брюк и небрежно надвинув шляпу на глаза, углубился в улицу. У двенадцатого дома он остановился и осмотрел окна. На первом этаже они были открыты, дом уже не спал. Он взбежал по ступенькам, заглянул в щель для писем и нажал кнопку звонка. Дверь открыла горничная в опрятном синем платье и белом чепце.

— Доброе утро, — сказал Питер, приподнимая потрепанную шляпу. — Мистер О'Халлоран дома? — Звук «р» он произнес твердо, раскатисто. — Я имею в виду младшего мистера О'Халлорана.

— Он дома, — ответила горничная, подозрительно осматривая раннего гостя. — Но еще не встал.

— Не встал? — повторил Питер. — Я понимаю, в такое раннее время не принято наносить визиты, но мне нужно срочно с ним увидеться. Дело в том, что я... Там, где я живу, произошла одна неприятность. Вы не могли бы все же попросить его спуститься? Прошу вас. Я всю дорогу к вам пешком шел, — добавил он жалобно, и это была истинная правда.

— В самом деле, сэр? — произнесла горничная и сочувственно добавила: — Вы и правда выглядите очень уставшим.

— Ерунда, — сказал Питер. — Я просто не обедал. Но, если я увижусь с мистером О'Халлораном, все будет хорошо.

— Может, вы войдете в дом, сэр, — сказала горничная. — А я пока схожу, попробую его разбудить. — Она провела усталого странника в прихожую и усадила его на стул. — Как мне вас представить, сэр?

— Петровинский, — без колебаний ответил его светлость.

Как он и ожидал, ни необычное имя, ни необычный наряд необычно раннего гостя не вызвали удивления. Горничная оставила его в небольшой чистой прихожей и, поднимаясь по лестнице, даже не обернулась.

Оставшись один, Питер осмотрелся и заметил, что в прихожей почти не было мебели и освещалась она единственной люстрой, висевшей почти над самой входной дверью. Почтовый ящик был обычный, проволочный, его нижняя часть была аккуратно выложена коричневой оберточной бумагой. Откуда-то из глубины дома донесся запах жарящегося мяса.

Через какое-то время раздались быстрые шаги на лестнице, и показался молодой человек в халате. Спускаясь, он говорил:

— Это ты, Стефан? Мне горничная назвала тебя мистером Виски. Что, опять Марфа от тебя ушла, или... Что за черт! Кто вы такой?

— Уимзи, — спокойным голосом произнес тот. — Не Виски, а Уимзи, друг давешнего полицейского. Я просто заглянул похвалить ваше искусство создавать оптические иллюзии, которое, я полагал, умерло вместе с изобретательным Ван Хогстратеном или, по крайней мере, с Грейсом и Ламбеле.

Молодой человек вздохнул. У него было приятное лицо, веселые глаза и заостренные, как у фавна, уши. С сожалением усмехнувшись, он сказал:

— Надо полагать, мое прекрасное убийство раскрыто. Что ж, как видно, оно было слишком хорошим. Но эти полицейские!.. Я всей душой надеюсь, что они устроили беспокойную ночь в четырнадцатом доме. Позвольте ли узнать, каким образом вы оказались втянуты в это дело?

— Дело в том, — сказал Питер, — что я тот человек, к которому

тянутся расстроенные констебли. Почему — сам не знаю. И когда я представил себе крупную фигуру в синей форме, которую столь убедительно увлек за собой некий бродяга, чтобы заставить посмотреть в отверстие в двери, я тут же перенесся мыслями в Национальную галерею. Сколько раз я заглядывал в смотровое отверстие выставленной там маленькой черной коробки и наслаждался интерьером голландского дома, составленным из нескольких перспектив, нарисованных на четырех плоских сторонах коробки.^[39] Как разумно было с вашей стороны во время встречи с полицейским сохранять красноречивое молчание. Ваш ирландский акцент выдал бы вас. Слугам вашим, я полагаю, было приказано не появляться внизу.

— Скажите, — О'Халлоран присел на краешек стола, — вы что, знаете на память, чем занимается каждый житель этого района Лондона?

— Нет, — ответил Питер. — Констебль, подобно доброму доктору Ватсону, умеет наблюдать, но не умеет делать выводы из своих наблюдений. Вас выдал запах скипидара. Думаю, во время его первого визита устройство еще находилось где-то недалеко.

— Оно было сложено и спрятано под лестницу, — ответил художник. — Потом я отнес его в студию. Отец еле успел убрать его с дороги и снять с окна над дверью номер «13», когда прибыло полицейское подкрепление. Он даже не успел вернуть на место этот стол, на котором я сижу. Если бы дом решили обыскать, его сразу бы увидели в столовой. Отец — удивительный человек. Даже меня поразило то, с каким хладнокровием он держал оборону, пока я бегал, как заяц, вокруг домов. Ведь он мог очень просто отделаться от полиции, но отец, как настоящий ирландец, любит дразнить власти.

— Я бы хотел встретиться с вашим отцом. Единственное, что мне еще не полностью понятно, это для чего вам понадобилась вся эта хитроумная затея. Вы случайно не провернули небольшое ограбленье за углом, пока констебль был занят?

— Об этом я не подумал, — с сожалением в голосе произнес молодой человек. — Нет, полицейский не был специально выбранной жертвой. Он случайно оказался рядом во время генеральной репетиции, и я просто не смог удержаться от этой шутки. Дело в том, что мой дядя — сэр Люций Престон из Королевской академии художеств.

— Вот оно что, — произнес Питер. — Дело начинает проясняться.

— Я не поклонник реализма, — продолжил мистер О'Халлоран, — и все мои картины не реалистичны. Дядя несколько раз заявлял мне, что я так рисую из-за того, что просто не умею рисовать. В общем, идея была такая:

я должен был пригласить его завтра на обед и рассказать ему о загадочном доме номер тринадцать, который якобы появляется время от времени на этой улице и из которого доносятся странные звуки. Задержав его до полуночи, я должен был вызваться проводить его до конца улицы. И когда мы вышли бы из дома, на улице должны были раздаваться крики. Тогда я повел бы его назад...

— Дальше все ясно, — сказал Питер. — Придя в себя после потрясения, он признал бы, что ваше произведение — вершина академического реализма.

— Я надеюсь, — промолвил мистер О'Халлоран, — что мне все же удастся провести это представление так, как задумывалось. — Он посмотрел на Питера, и тот ответил:

— Я тоже на это искренне надеюсь. Еще я надеюсь на то, что у вашего дяди крепкое сердце. Но могу ли я тем временем позвать и успокоить моего несчастного полицейского? Его подозревают в том, что он находился на дежурстве в пьяном виде. Это может стоить ему продвижения по службе.

— Боже мой! — воскликнул молодой художник. — Это не должно случиться. Конечно, зовите его.

Самым сложным оказалось заставить констебля Берта узнать при дневном свете то, что он видел ночью через щель в двери. Когда ему показали набор холстов с нарисованными, причудливо деформированными и укороченными предметами и фигурами, он ничего не понял. Только после того, как конструкцию собрали и осветили надлежащим образом в занавешенной студии, он в конце концов согласился, что видел именно эту картинку.

— Чудеса, да и только, — сказал он. — Прямо как на представлении Маскелина и Деванта.^[40] Хотел бы я, чтобы это сержант увидел.

— Заманите его как-нибудь сюда завтра вечером, — предложил О'Халлоран. — Пусть он будет охранять моего дядю. Вы, — он повернулся к Питеру, — вы, кажется, знаете подход к полицейским. Может, вам удастся его сюда направить? У вас изображать голодного несчастного бродягу получается не хуже меня. Что скажете?

— Не знаю, — ответил Питер. — Вообще-то этот костюм меня порядком раздражает. К тому же, заслуживает ли такого несчастный полицейский? С академиком делайте, что хотите, но когда речь заходит о блюстителе закона... Черт возьми! Я семейный человек, должно же у меня быть *хоть какое-то* чувство ответственности.

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН

Самый обычный шантаж

Алан Александр Милн родился 18 января 1882 года в Лондоне. Учась в кембриджском Тринити-колледже, он редактировал студенческий журнал «Гоанта». Закончив обучение в 1903 году, он вернулся в Лондон и стал работать журналистом, но успех к нему пришел только в 1906, после того как ему предложили пост ассистента редактора журнала «Панч». В 1913 году он женился на Дороти де Селинкурт, а в 1915 году вступил в Королевский Уорикширский полк. Еще до окончания службы в армии Милн получил признание как талантливый писатель, что позволило ему после отставки полностью заняться литературным трудом. Несмотря на то, что Милна знают в первую очередь как автора Винни-Пуха, его произведения, написанные в жанре детектива, тоже заслуживают внимания. Знаменитый американский критик Александр Вулкотт назвал его «Тайну Красного дома» одним из лучших в истории детективных романом.

~ ~ ~

Мистер Седрик Уэйзерстон из адвокатской конторы «Уэйзерстон и Ривз», крупный мужчина, в свои сорок выглядевший еще достаточно молодо, сидел у себя в кабинете за рабочим столом и увлеченно орудовал вязальными спицами. Вообще-то вязал он неважно, но очень гордился тем фактом, что сумел овладеть этим искусством. Вязать он научился в плену, когда в 1917 году, в первый раз попав на передовую, угодил прямым в немецкий окоп. С годами обстоятельства его пленения тоже каким-то удивительным образом превратились в предмет гордости. Ему очень нравилось начинать предложения словами: «Помню, когда я был в плену в Хольцминдене...» Когда ему сообщили, что пришел клиент, он положил клубок шерстяных ниток, спицы и незаконченный носок в верхний левый ящик стола, пригладил ладонями волосы и стал ждать, пока к нему приведут посетителя.

— Сэр Вернон Филмер.

Мистер Уэйзерстон поднялся, чтобы пожать руку одному из своих лучших клиентов.

— Рад видеть вас, сэр Вернон. Не часто вы к нам заглядываете. Надеюсь, ничего не стряслось?

Глядя на сэра Вернона, трудно было сказать, что его также радует эта встреча. Высокий светловолосый мужчина с холодными светло-голубыми глазами, выступающим носом и небольшим строгим ртом был одним из тех прирожденных политиков, которые всегда оказываются в нужном месте, когда раздают правительственные посты. Если бы на Новый год присваивались десять рыцарских званий за то, что можно назвать, пожалуй, только «государственной службой», и, выбрав девять имен, стали бы решать, кому присудить десятое, о нем бы наверняка вспомнили в первую очередь.

— Сигарету?

Сэр Вернон ответил отрицательным жестом. Мистер Уэйзерстон закурил сам и откинулся на спинку кресла, не забыв сложить перед собой руки домиком.

— Меня шантажируют, — сказал сэр Вернон.

— Боже мой, с этим нужно что-то делать, — произнес мистер Уэйзерстон, скрыв за подчеркнuto спокойным тоном почти все чувства, которые он испытывал в ту минуту. И удивление было самым слабым из них, ибо он не испытывал любви к политикам.

— За этим я и пришел к вам.

Мистер Уэйзерстон сконструировал в уме несколько предложений, пока не подобрал подходящее.

— Шантаж, — деликатно начал он, — предполагает наличие неких совершенных в прошлом или же предполагаемых неблагоприятных действий. Действия эти могут быть направлены против закона, против нравственности и против социальных устоев. В вашем случае, очевидно, можно добавить политическую подоплеку. Действия какой категории или каких категорий могут оказаться обнародованы, сэр Вернон?

— Законной, — прямо ответил сэр Вернон и натянутым голосом добавил: Моя совесть абсолютно чиста.

«Да, да, — подумал мистер Уэйзерстон, — совесть-то ваша, наверное, уже давно вышколена и закалена».

Говоря точнее, сэр Вернон, шантажист угрожает сделать достоянием гласности какие-то ваши действия, которые с точки зрения закона считаются наказуемыми?

— Да. Говоря еще точнее, если правда всплывет сейчас, против меня может быть выдвинуто обвинение, но это не означает, что меня обязательно арестуют. Я даже думаю, что сейчас это вовсе исключено.

— Когда это произошло?

— Почти тридцать лет назад... А именно — в 1909 году.

— То есть сейчас речь идет о социальных и политических последствиях?

— Это очевидно. Хотя в то время они тоже были, и немалые. Вам не кажется, что мне стоит рассказать вам об этом?

Мистер Уэйзерстон поспешно вскинул руку. До сих пор ему ни разу не приходилось сталкиваться с делами о шантаже, и мысль о том, что ему придется заниматься каким-то, судя по всему, старым нераскрытым преступлением, его не обрадовала. Он напряг память, пытаясь припомнить 1909 год и какие-нибудь беззакония, в которых мог участвовать сэр Вернон, тогда двадцатидвухлетний молодой человек, но, поскольку в то время он сам был двенадцати — летним мальчиком, ему ничего не вспомнилось.

— Сэр Вернон, — сказал он. — Вам наверняка будет неприятно рассказывать эту историю кому-либо. Я предлагаю пока обсудить это дело, так сказать, в общих чертах. Есть три варианта отношений с шантажистом. Первый — выполнить его требования.

Сэр Вернон красноречивым жестом дал понять, что он об этом думает.

— Второй — преследовать его по закону. Как вы знаете, это можно делать анонимно, под именем «мистер Икс».

Сэр Вернон издал короткий неприятный смешок.

— Остается последний вариант — уладить дело с шантажистом вне зала суда. Я мог бы заняться его требованиями, я мог бы помочь с судебным преследованием, но скажу вам откровенно, сэр Вернон, я не смогу повлиять на мерзавца ни переговорами, ни угрозами, ни силой. — Выдержав для доходчивости небольшую паузу, он добавил: — К счастью, я знаю человека, который может это сделать.

— Частный сыщик или какой-нибудь не слишком щепетильный адвокат?

— Адвокат. Не слишком щепетильный в том смысле, что он обычно работает с низами общества. Но за своих клиентов он стоит горой, будь то проститутка или премьер-министр. Он очень грамотный специалист.

— Вы знаете его лично?

— О да. Война забросила нас в Хольцминден, мы оба оказались пленниками.

— Хм, — с сомнением произнес сэр Вернон.

— Я понимаю ваше нежелание доверяться незнакомому человеку. Возможно, мне стоит добавить, что он считает шантаж самым отвратительным преступлением. Есть только одна категория людей, которых он отказывается защищать в суде, — это шантажисты. Я бы сказал, что подобной принципиальностью во всем адвокатском сословии отличается, пожалуй, он один. Чтобы добраться до шантажиста, он не пожалеет ни своего кошелька, ни времени, он переступит через свои принципы и... через закон.

— Очень хорошо, — сказал сэр Вернон. — Я принимаю ваше предложение. Пожалуй, будет лучше, если я встречу с этим парнем у себя дома. Скажем, сегодня вечером, в девять. Вы можете это организовать?

Мистер Уэйзерстон что-то отметил у себя в блокноте.

— Его зовут Скруп, — сказал он, встал и протянул руку. — Надеюсь, вы сообщите мне, как будет развиваться ваше дело. И если я чем-то еще могу вам помочь, сэр Вернон...

Они пожали друг другу руки и вместе подошли к двери.

«До чего неприятный человек, — подумал мистер Уэйзерстон, вернувшись на свое место за столом. — Холодный, как рыба. Интересно, что он сделал?»

Он поднял телефонную трубку и набрал номер. Потом, поскольку заняться было нечем, он снова взялся за вязание.

Когда мистера Скрупа спрашивали, что помогло ему добиться успеха в жизни, он отвечал: «Мои брови». Брови у него были от природы немного подняты, словно он, не переставая, по-доброму удивлялся миру, и их необычный изгиб каким-то чудесным образом передавал его удивление тому, кто оказывался рядом с ним. «Ты и я, — как будто говорили они, — мы-то все знаем, все понимаем». Вряд ли кто-нибудь позволял себе шутить с сэром Верноном, к тому же, он сам не был тем человеком, который стал бы близко сходиться с кем-либо менее важным, чем он сам, и тем более с каким-то подозрительным адвокатом, но даже он, увидев необычные брови мистера Скрупа, счел, что перед ним человек опытный и много повидавший.

— Если можно, сигару. Спасибо, — сказал мистер Скруп. — Пить я не буду. Итак, сэр Вернон, Уэйзерстон говорит, вас шантажируют. Кто вам сообщил об этом?

— Я вас не понимаю, — холодным голосом произнес сэр Вернон.

— Черт возьми, люди просто так не просыпаются с ощущением того, что на них начинается охоту шантажист. Что-то должно было навести вас на эту мысль.

— Естественно, я получил письмо.

— Почему это так естественно? Вам могли позвонить по телефону. Это оно у вас в руках?

Сэр Вернон протянул ему листок бумаги.

— Оно пришло сегодня утром с остальной почтой.

— Хм. Напечатано на машинке. И подписано: «Доброжелатель». Смешно. Вы знаете, кто это написал?

— Догадываюсь, но уверенности нет.

— Пятьсот фунтов банкнотами в субботу как залог добрых отношений, а потом по пять сотен каждую шестую неделю. Похоже, он собрался жениться. Что ж, в нашем распоряжении шесть недель до второй выплаты. Шесть недель на то, чтобы что-то придумать.

— Вы предлагаете мне заплатить пятьсот фунтов?

— Конечно. Только платить будете не вы. Это сделаю я. Не будем вас впутывать в это дело.

— Прочитайте письмо до конца.

— Я уже прочитал. Деньги вам следует собрать до субботы; вам нельзя никому сообщать о случившемся; в субботу утром должна быть готова машина, на ней вы поедете на встречу, о месте встречи вам будет сообщено в тот день письмом.

— Возможно, вам неизвестно, что в субботу я завтракаю в «Чекерз»?

— Никто мне ничего не сообщает, — грустно вздохнул мистер Скруп. — Но почему бы вам не позавтракать в «Чекерз»? Я слышал, еда там отменная. И кто предоставит вам лучшее алиби, чем премьер-министр?

— Вы хотите поехать на встречу вместо меня?

— Изображая сэра Вернона Филмера? А я, по-вашему, похож? Думаю, мне все же удастся найти кого-нибудь, кого издалека можно принять за вас. Мне кажется, от вас потребуют только привезти в указанное место деньги, откуда шантажист их заберет позже. Такой своего не упустит. Вот, послушайте, он сообщает: «У меня письмо, написанное на борту „Божьей коровки“ в 1909 году 15 сентября. И не говорите, что не помните, о чем речь». — Мистер Скруп поднял на него глаза. — Вы помните?

— Да.

— Хорошо. В таком случае расскажите мне, о чем речь.

— В тот осенний день на борту «Божьей коровки» нас было трое: Роберт Хейфорт, владелец яхты, я и моряк из местных, его звали Тауэрс. Мы рыбачили недалеко от берега. Хейфорт, прекрасный пловец, предложил поплавать. Тогда был довольно сильный ветер, море казалось не приветливым, так что я отказался и остался на яхте. Хейфорта, который

меньше чем на полмили никогда не плавал, не было минут десять, когда ко мне неожиданно приблизился Тауэрс. Правую руку он держал за спиной. Мне он никогда не нравился. Его вообще никто не любил в том городишке, но в море он был полезным человеком, поэтому Хейфорт часто брал его с собой. В руке у него была бутылка, и он держал ее, как дубинку. Он... Он обвинил меня в том, что... — Сэр Вернон поморщился от отвращения. — В том, что у меня был роман с его женой.

— А он был?

Сэр Вернон испепелил Скрупа презрительным взглядом и продолжил:

— Я спросил его, что за чушь он несет. Я решил, что он пьян. Он сказал, что, когда он мне все растолкует, у меня будет такое лицо, что ни одна девушка не захочет со мной связываться. Это было ужасно. Он держал в руках опасное оружие, к тому же он сам был намного сильнее меня. Хейфорт находился далеко и продолжал отдаляться. Я оказался во власти этого человека. Вопрос стоял так: или я его, или он меня. И когда я это понял, в меня точно дьявол вселился.

Он налил себе бренди и выпил его одним быстрым глотком. «Сейчас, — подумал Скруп, — перед его глазами пронесется вся его прошлая жизнь. И почему политики всегда говорят избитыми фразами?»

— И вы убили его, — сказал Скруп. — Как это произошло?

— Я до сих пор не могу понять, как это случилось. У меня как будто вдруг появилась сверхчеловеческая сила. Я подозреваю, что причина кроется в страхе и неистовой ярости, которая охватила меня при виде того, чем он собирался со мной разделаться.

— Вы его убили, а потом продолжали избивать уже мертвое тело, так?

— Да.

— А когда закончили — это уже не походило на самозащиту. Это походило на преднамеренное, тщательно спланированное жестокое убийство. Верно?

— Да, но это не было преднамеренным убийством.

— Так это выглядит в глазах закона. Ну а потом вы услышали крик Хейфорта: «Эй, на судне!», помогли ему подняться на борт, он увидел тело и сказал: «Боже мой, что тут произошло?» Вы ему рассказали, и он согласился вам помочь. Так все было?

— Примерно так.

— Ага, начинаю понимать. То письмо было написано ему. В нем вы полностью признавали свою вину и освобождали его от каких бы то ни было подозрений. Но зачем понадобилось письмо? Он что, не доверял вам?

— Если бы что-нибудь случилось со мной, если бы тело вынесло на

берег...

— Это было бы неудобно для него. Потому что — поправьте меня, если я ошибаюсь, — это он ухлестывал за женой Тауэрса.

— Да. Я не знал об этом, но, по-моему, были и другие люди, которые об этом догадались.

— Итак, когда он получил от вас это письмо, вы отплыли дальше от берега... Благо ветер был сильный, как вы говорили. Короче говоря, на море были все условия для того, чтобы несчастного Тауэрса смыло за борт. Спасти его вы не пытались?

— Потом начался настоящий шторм, но мы не поднимали якорь до трех часов утра и потом сказали, что Тауэрс погиб в полночь. В темноте, при такой погоде, когда нас было только двое, что мы могли сделать? Нас самих чуть не смыло за борт. Я тогда даже потерял надежду вернуться на берег.

— Убедительно. И никто ничего не заподозрил?

— По крайней мере мне об этом ничего не известно. Тауэрс был настоящим мерзавцем, никто по нему не скучал.

— Даже жена?

— Она — меньше всех. — Сэр Вернон прочистил горло и добавил: — Я должен прояснить, что в то время решалась моя судьба. На кону стояла моя будущая карьера, и у меня не было выбора. Я только закончил Оксфорд, и передо мной открывались самые радужные перспективы...

Скруп поднял письмо.

— Сэр Вернон, вы думаете, за этим стоит Хейфорт?

— Конечно, я не исключаю такой возможности. Хотя возможно, что он умер и кто-то нашел мое письмо в его бумагах. Я потерял его из виду во время войны и с тех пор ничего о нем не слышал.

— Он был способен на такое?

— В те дни нет, — сдержанно произнес сэр Вернон. — Иначе он не стал бы моим другом. Но он всегда был бесшабашным парнем, и мало ли что с ним могла сделать война. Может быть, потом у него жизнь не заладилась, и он постепенно опустился до... этого. Война, — сказал сэр Вернон, которому удалось избежать ее, — не улучшает характер человека.

— В этом послании что-либо указывает на то, что его автору известно нечто большее, чем содержание вашего письма Хейфорту?

— Не думаю.

— Например, откуда эта уверенность, что вы умеете водить машину? Очень многие не умеют этого.

В первый раз за вечер сэр Вернон посмотрел на Скрупа с уважением.

— Действительно, — задумчиво произнес он.

— В то время вы водили машину?

— Через пару месяцев жена мне подарила «роллс-ройс» в качестве свадебного подарка.

— Поздравляю. Вы Хейфорта в нем возили?

— Может быть. Я до войны несколько раз с ним встречался.

Скруп встал и бросил окурок сигары в камин.

— Совершенно очевидно, что в первую очередь мы должны найти Хейфорта. В пятницу я на ночь останусь здесь, чтобы быть с вами, когда вы получите инструкции. — Он достал из кармана блокнот и карандаш. — Поверните голову вправо, мне нужно видеть ваш профиль. — Он начал рисовать. — Так, рост примерно пять футов одиннадцать дюймов, верно? Думаю, у меня есть нужный человек. Разумеется, он будет в очках и закутан в шарф, как же еще ходить на свидание с шантажистом? Дин (его так зовут) зайдет сюда через черный ход в субботу в восемь утра. Он будет в накладных усах. Повеселимся. Так, по-моему, неплохо получилось. — Он поднял рисунок и полюбовался им со стороны. — Слава богу, что он требует денег.

— А что еще могут требовать шантажисты? — презрительным тоном произнес сэр Вернон.

— Например, министерское кресло, — ответил мистер Скруп. — При том, как я собираюсь работать, это значительно усложнило бы дело.

В субботу в восемь тридцать утра сэр Вернон вышел из парадной двери своего дома и нервной походкой направился в гараж. Февральское утро было морозным, поэтому даже для того, чтобы пройти короткое расстояние, он облачился в плотное светло-коричневое пальто и клетчатое кепи. Подогнав машину к двери, он вернулся в дом, где в утренней гостиной его ждали мистер Скруп и завтрак.

— Итак, сэр Вернон, — произнес мистер Скруп, дожевывая омлет, — приступим к делу. В двенадцать тридцать вам нужно быть возле пятого мильного камня между Уэллборо и Чизельтоном. Вы говорите, что знаете эту дорогу. Откуда?

— Хейфорт держал свою яхту недалеко от Чизельтона.

— Хорошо. За сколько вы сможете туда добраться?

— За три часа.

— Значит, и Дину придется уложиться в три часа. Он только что пришел. Вам нужно будет показать ему на карте это место. Как там местность?

— Равнины. Насколько я помню, ни домов, ни деревьев, спрятаться

негде. Длинная и почти прямая дорога.

— Дин спрячет деньги за столбом. Никаких особых ухищрений, просто чтобы их не заметил случайный прохожий. Потом он поедет дальше, в Чизельтоне повернет и возвратится в Лондон другой дорогой. Наверняка шантажист до столба будет следовать за ним на каком-то расстоянии. Возможно, он уже сейчас дежурит где-то рядом с домом — чтобы послать письмо, он должен был этой ночью находиться в Лондоне, — и в таком случае будет следить за вашей машиной. Дин в вашем пальто и кепи его вполне устроит.

Сэр Вернон снова взял письмо и внимательно перечитал.

— Вы все время говорите «он», — медленно сказал он. — Не кажется ли вам, что это может быть банда?

— А в центре паутины гениальный злодей? — с надеждой в голосе произнес мистер Скруп.

— Я вижу, — холодно промолвил сэр Вернон, — вы думаете иначе.

Скруп отложил гренок и заговорил серьезно:

— Я скажу, что я думаю. А потом изложу свои планы. Вы в этом участвуете, поэтому имеете право знать. Я думаю, что если двое молодых людей летом отплывают недалеко от берега, чтобы половить рыбу и искупаться, они не станут брать с собой непромокаемую одежду. Я думаю, что, если один из них только что дрался за свою жизнь и убил человека, любое письмо, которое он после этого написал бы трясущейся рукой, еще не оправившись от волнения, выглядело бы как набор нечитаемых каракулей. Я думаю, что, если небольшая яхта с двумя людьми в легкой одежде восемь часов борется со штормом, эти двое буквально вымокнут до нитки. И я думаю, что после всего этого, когда неожиданный шторм снял с них всякие подозрения, мистер Роберт Хейфорт, найдя у себя в кармане мокрую бумажку, на которой невозможно разобрать ни единого слова, сначала не понял бы, что это такое, а вспомнив, выбросил бы ее, посмеявшись над собственными страхами, заставившими взять с вас эту расписку. Во что превратился бы этот клочок бумаги за тридцать лет, невозможно представить. Короче говоря, вы можете не сомневаться, что шантажистом является сам Хейфорт и на самом деле никакого письма у него нет.

Сэр Вернон позволил себе немного расслабиться.

— Все это звучит весьма обнадеживающе, мистер Скруп. Вы меня успокоили.

— Да, но даже в этом случае он может порядком испортить вам жизнь. Поэтому, поскольку с шантажистами лучше не иметь дела ни под каким

видом, я предлагаю при вашей финансовой поддержке вывести его из игры.

— Теперь, когда мы знаем, кто это...

— Мы не знаем. Мы только знаем, кем он был: его лицо и имя тридцатилетней давности. Это нам не поможет. Но из его послед него письма можно сделать вывод, что он держится знакомой территории. Возможно, что он и живет в этом районе, и почти наверняка у него есть машина. Вы когда-нибудь изучали историю?

— На выпускных в Оксфорде я получил по истории «отлично», — ответил сэр Вернон.

— Я имею в виду не мертвую историю. Я говорю о настоящей истории. Истории преступлений. Вам не приходилось изучать дело Линдберга?

Сэр Вернон слегка пожал плечами, и мистер Скруп не стал ждать ответа.

— Оно закончилось тем, что следователи знали о преступнике все — кроме того, кто он такой. Однако он получил выкуп (номера купюр, были, естественно, переписаны) и когда-нибудь должен был ими расплатиться. Это была единственная надежда поймать его. Но как это сделать? На каждую автозаправку в округе послали перечень номеров купюр и дали указание владельцам незаметно записывать на каждой полученной за бензин десятидолларовой купюре номер машины, которая заправлялась, чтобы вечером можно было свериться со списком.

— Очень изобретательно. Вы тоже переписали номера купюр?

— Разумеется. И сегодня днем я съезжу в Уэллборо и все там устрою. Поскольку я действую неофициально, это будет стоить денег. Но когда придет пора второй выплаты, я уже буду знать его имя и адрес. Скажу вам еще кое-что. Он написал, что вторая встреча состоится двадцать пятого марта и совсем в другом месте. Это обман. Если его план сегодня успешно сработает, что мне и нужно, в следующий раз он повторит его в точности. Ему это выгодно тем, что вы до последней минуты не будете знать, чего ждать, а ему не придется тратить время на поиски еще одного безопасного места.

— А что будет, когда вы его найдете?

— А вот тогда, — улыбнулся мистер Скруп, — начнется самое интересное.

Когда человек, называющий себя мистером Ричардом Хастингсом, был арестован за хранение и сбыт фальшивых денег, он сделал то, что делают все умные заключенные. Он попросил мистера Скрупа о встрече.

— Итак, — произнес мистер Скруп, поблескивая глазами, — я слушаю вас, мистер Хастингс. — Он с интересом осмотрел заключенного, решил, что тот когда-то был джентльменом, но сбился с пути истинного, и предложил ему сигарету.

— Спасибо. Я понятия не имею, почему арестовали меня, но они утверждают, что...

— Да, я знаю версию полиции, но я хочу услышать вашу версию.

— Я клянусь вам, что я...

— ...совершенно невиновен. Это понятно. Но нам все равно нужно выяснить, каким образом такое большое количество фальшивых купюр оказалось в вашем сейфе и почему некоторые другие фальшивки, которыми расплачивались в вашем районе, привели к вам. У вас есть объяснение?

— Мне их подбросили.

— Кто?

— Не знаю. Наверное, какой-то враг.

— Понятно. А как насчет тех банкнот, которые были пущены в обращение и прошли через ваши руки?

— Наверняка они прошли через множество рук. Почему на мне остановились?

— Это очевидно: потому что в вашем сейфе хранился их запас. Ваша история меня не устраивает, мистер Хастингс.

— Другой у меня нет.

— В таком случае, — вежливо произнес мистер Скруп, — всего доброго. — Он встал. — Если позволите, один короткий совет. То, что вы будете рассказывать другому адвокату, может не быть правдой, но ваш рассказ должен хотя бы звучать правдоподобно, чтобы у него на какое-то время создалось впечатление, что все могло быть так, как вы говорите. — Он с улыбкой протянул руку.

Ричард Хастингс руку не подал.

— Подождите, — сказал он. — Лучше я вам это скажу. Я нашел эти чертовы деньги.

— Уже лучше. Где?

— Под каким-то камнем.

— Знаете, я не думаю, что это сможет кого-то убедить. Вы ведь не каждый день находите такие большие пакеты с деньгами, так что вы должны были запомнить это историческое место.

— Хорошо, если вам нужно знать точное место, деньги были спрятаны под пятым мильным камнем на дороге между Уэллборо и Чизельтоном.

— Вы их что, считали?

Ричард Хастингс разозлился.

— Какого черта? Неужели непонятно? На нем было написано «Уэллборо. 5 миль».

— Вы что-то искали за этими камнями?

— Я просто сел рядом отдохнуть — там было удобно прислониться — и заметил, что земля рядом потревожена. Вот я и решил проверить.

— А потом страшно удивились.

— Совершенно верно.

— И что вы там увидели?

— Пакет с однофунтовыми купюрами. Я тогда еще подумал, что это очень странно.

— И решили украсть пакет?

— Как это понимать?

— Вы хотите, чтобы обвинение вам изменили на присвоение находки.

— Да! — вдруг громко воскликнул Хастингс. — Я их присвоил. Это ведь не очень серьезно, да? Теперь вы знаете правду.

— Довольно странно, — сказал мистер Скруп, — что человек, едущий по дороге Уэллборо — Чизельтон холодным зимним утром, останавливается именно у пятого камня и решает отдохнуть рядом с ним, а не на мягком сиденье в своей машине.

Ричард Хастингс негодуяюще вскочил и крикнул:

— Что это значит? Вы что, пытаетесь меня на чем-то поймать?

— Я просто пытаюсь делать то, — спокойно произнес Скруп, — что адвокат обвинения будет делать гораздо тщательнее.

— Извините. Я понимаю, но, — он неуверенно усмехнулся, — неудивительно, что я всем этим немного расстроен. Но я клянусь вам, и это святая правда: я не знал, что эти деньги фальшивые, и нашел я их именно на том месте, где говорю.

— Им этого будет мало. Когда вы их нашли?

— Я не помню точную дату.

— Какую дату вы не помните?

Мистер Ричард Хастингс провел тыльной стороной ладони по лбу.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Мне нужно знать, когда вы вышли из машины, прислонились к пятому мильному камню и случайно обнаружили пакет с деньгами. Скажите приблизительно.

— Первая неделя февраля.

— Около семи недель назад. Первая отслеженная фальшивка всплыла восемнадцатого февраля в Чизельтоне в гараже «Лайон». Так что сходится.

Хорошо, а вторая дата? Когда вы снова вышли из машины, прислонились к пятому мильному камню и совершенно случайно нашли второй пакет с деньгами?

Мистер Ричард Хастингс облизал губы.

— Почему вы решили, что я это делал?

— В вашем сейфе найдено два пакета. В одном, открытом, находилось примерно четыреста пятьдесят фальшивых купюр. Во втором, не открытом (или, возможно, открытом, но потом опять перевязанном), было пять сотен.

— Я могу это объяснить. Да-да, я начинаю вспоминать. Пакет, который я нашел...

— На первой неделе февраля?

— Да. Вообще-то там было два пакета, связанных вместе. Я пересчитал деньги в верхнем, их оказалось ровно пятьсот фунтов. Я совсем забыл про второй пакет, который не открывал. Было очевидно, что там лежали еще пятьсот фунтов, то есть всего там была тысяча, как вы и говорили. Я понимаю, как глупо это звучит...

— Вовсе нет. Теперь единственное, что нам осталось объяснить, — произнес мистер Скруп, лучезарно улыбаясь, — каким образом деньги, лежавшие внутри второго пакета, оказались завернуты в страницу «Вестерн морнинг ньюс» от двадцать четвертого марта, то есть вышедшей через шесть недель.

Роберт Хейфорт грохнул по столу кулаком и закричал:

— Будь он проклят! Он подставил меня! Лживая скотина!

— Лживая? Кто он?

— Достопочтенный сэръ Вернон Филмер, — произнес он с таким видом, будто ему было противно произносить это имя. — Хорошо, ваша взяла. Эти деньги были платой за молчание. Этот ваш самодовольный лицемерный сэръ убил человека. Вы хотите, чтобы на суде я рассказал правду? Хорошо, я расскажу правду, и мы вместе пойдем на дно.

Мистер Скруп встал.

— Я дал себе слово никогда не защищать в суде шантажистов. Все, что вы мне рассказали, разумеется, останется между нами. А теперь я выхожу из игры. Хочу предупредить вас, что шантаж карается очень сурово, почти так же, как убийство. Любые письменные доказательства вины сэра Вернона Филмера, которые могут находиться у вас, окажутся в руках полиции, и вам не позволят ими воспользоваться. Ничем не подтвержденное обвинение, сделанное вами в свою защиту, только навредит вам и сделает приговор более суровым. Если вы прислушаетесь к моему непрофессиональному совету, то сделаете в суде заявление о своей

невиновности, не станете никого обвинять и будете надеяться, что ваш адвокат сумеет доказать, будто вы в некотором роде — невинная жертва заговора.

Он взял шляпу и направился к двери.

— Да, и вот еще что, — добавил он, — те если каким-то образом пойдет слух (хотя я не представляю, как такое может случиться), что я отказался от этого дела, это ни в коем случае не настроит суд против вас. — Его брови забавно шевельнулись. — Возможно, это даже пойдет вам на пользу. В судебных кругах существует совершенно бессмысленная легенда, будто бы я защищаю только тех, кто виновен.

Мистер Седрик Уэйзерстон поднял телефонную трубку.

— Уэйзерстон слушает.

— Занят?

— Да нет, пока сижу без дела.

— Наш разговор никто не слушает? — поинтересовался голос.

— Дружище!..

— Хорошо. Я просто подумал, что ты захочешь узнать, что твой достопочтенный друг теперь может спать спокойно.

— Отлично! Поздравляю. Я как раз сегодня просматривал одно интересное дело: подделка документов, сбыт фальшивых денег и прочее, и, как ни странно... Хотя, конечно, это простое совпадение.

— Думаю, да. Не стоит уважаемому семейному адвокату заниматься уголовными делами.

— Оно просто мне на глаза попало. И что, по-твоему, случится, когда пройдет пять лет?

— Я полагаю, что ты потеряешь важного клиента, а государство — преданного слугу. И очень неожиданно.

— Ах, я и сам этого боялся! — Мистер Уэйзерстон негромко засмеялся. — Знаешь, а ты страшный человек. У нас был самый обычный шантаж, но нет такого преступления, которого ты бы не совершил, чтобы шантажист получил по заслугам. Если, — прибавил он, — ты понимаешь, что я имею в виду.

— Видишь ли, — извиняющимся тоном произнес голос, — не люблю я шантажистов.

— Я тоже.

— Выходит, что и сэр Вернон Филмер мне не по душе.

— Я тебя прекрасно понимаю, — улыбнулся мистер Уэйзерстон.

ЛИЗА КОУЛИ

Случайная удача

Лиза Коуди является лауреатом премии «Кризи» за чрезвычайно популярную детективную серию об Анне Ли и была номинирована на престижную премию «Эдгар». Среди ее блестящих романов о частной сыщице Анне — «По условиям контракта», «Плохая компания», «Простофиля», «Проблемы с головой» и «Охотник». В ее завораживающе напряженном романе «Разлом» действие происходит в Восточной Африке. В настоящее время писательница живет в Англии.

~ ~ ~

Он сидел, прислонившись к полуразрушенной стене, и выглядел почти так, как будто ничего и не случилось. Я заметила его только потому, что светила полная луна. А луна была красивая; через огромный белый круг проплывали пушистые, похожие на волосы благообразной старушки облака.

Пару минут я смотрела на мужчину, но он не пошевелился. Да и чему тут удивляться? Я ведь мигом догадалась, что он не из местных (уж слишком хорошо был одет), и удивилась, как он попал сюда. В эти районы люди, одетые, как он, не заходят.

Он недавно умер. Я это поняла сразу, потому что на нем все еще были ботинки. Если ты умираешь здесь, обувь твоя остается при тебе не больше десяти минут. Ну а кошелек твой не задержится у тебя и десяти секунд, будь ты хоть мертвый, хоть живой.

Подумав об этом, я быстро огляделась по сторонам — мало ли кто мог прятаться в тени. Если бы я увидела кого-нибудь крупнее себя, я бы осталась на месте. Лунная тень чернее катафалка, и я знала, что той ночью не я одна на улице. Но в Котлованах быть храбрым может только взрослый, и кто-то из них уже мог рыскать по этим руинам. Поэтому я выскочила из-за своей груды булыжника и бросилась к трупу.

Оказавшись рядом с ним в считанные секунды, я схватилась за левый отворот его пальто. Семеро из десяти человек правши, так что шансы на то,

что в его левом внутреннем кармане окажется что-то ценное, были семь к трем. Одно быстрое движение — и содержимое кармана оказалось у меня в руке.

В ту же секунду я услышала звуки: треснула гнилая деревяшка, зашуршал битый кирпич. Я сдернула часы с его запястья и почти тем же движением запустила руку в карман его пальто. А потом вскочила и пустилась наутек.

Я бежала подальше от Котлованов, потому что, хоть там полно мест, где можно спрятаться, те люди, от которых я хотела улизнуть, знали их не хуже меня. Котлованы хороши, только если ты скрываешься от полиции. Грабить мертвяка было занятием не из приятных, и я не хотела, чтобы после этого ограбили меня саму.

Ноги меня понесли на Хай-стрит. По дороге я остановилась под фонарным столбом, чтобы рассмотреть свою добычу. В руке у меня были толстый бумажник из змеиной кожи, тяжелые золотые часы и горсть металлических фунтов и пятидесятицентовиков. Хоть раз за мою короткую жизнь мне выпала удача.

Но не станешь же менять свои привычки из-за одного случайного везения, и поэтому, увидев всех этих сытых горожан, бегающих по магазинам в поисках рождественских подарков, я, как обычно, протянула руку.

— У вас не найдется лишней монетки? — завела я привычную песню. — На чашку чая? На ночлег? На еду?

И, как всегда, они либо подавали по-королевски, либо говорили, чтобы я нашла себе работу. В ту ночь мне везло. У меня лучше всего получается, когда на улице не оченьлюдно, и к тому времени, когда я добралась до станции, у меня в руках уже был неплохой улов. Но шляться по улицам и пересчитывать у всех на глазах свои доходы — не самая хорошая идея, поэтому я мотнулась на подземке в Паддингтон.

У моей сестры в Паддингтоне квартира. Вообще-то она живет со своим парнем в Камберуэлле, так что эта квартира только для дела. Парню своей сестры я не доверяю, но я более-менее доверяю своей сестре, почему и приехала на этот адрес. Здесь можно встретить самых разных людей, но кого здесь нельзя встретить, так это ее парня, что меня вполне устраивает. Если вам интересно, его это устраивает тоже, потому что меня он любит не больше, чем я его.

Когда мы с Дон только приехали в город, мы очень зависели друг от друга, потому что ни у нее, ни у меня больше никого не было. Но после того, как она познакомилась с ним и занялась делом, я уже не была ей

нужна так, как раньше, и мы разошлись.

Главная беда Дон в том, что она не может существовать без мужчины. Она говорит, что, когда с ней рядом нет мужчины, она словно не живет, перестает чувствовать себя настоящей. Чувствовать себя настоящей для Дон очень важно, поэтому мне, наверное, не стоит ее осуждать, но все ее мужчины почему-то оказывались сплошным расстройством. Вы можете сказать, что мне повезло со старшей сестрой, что мне надо брать с нее пример. А я вам отвечу: я скорее умру, чем стану такой, как она.

Но все-таки она мне сестра, и вместе мы через многое прошли. Особенно в прошлом году, когда вместе приехали в Лондон. Да и до этого, когда мама выгнала нас, вернее, выгнала Дон из-за ее ребенка. И после, когда парень Дон выгнал ее, тоже из-за ребенка.

Никогда в жизни я так не голодала, как в прошлом году, когда пыталась ухаживать за Дон. В конце концов она потеряла ребенка. Я тогда даже немного обрадовалась, потому что я не знаю, как бы мы протянули, если бы она родила. Да я и не думаю, что она смогла бы его воспитать. Гораздо труднее найти парня, если у тебя на шее маленький ребенок.

Ну да ладно, это все в прошлом, а сейчас Дон имеет квартиру в Паддингтоне.

Я дождалась на улице, пока она осталась одна, потом поднялась и постучала.

— Кристал! — сказала она, открыв дверь. — Что ты здесь делаешь? Ты бы вела себя поосторожнее — я могла быть не одна.

— Но ты же одна, — ответила я. И она пустила меня, сморщив нос и затащив потуже кимоно.

Не люблю я это кимоно — оно скользкое, в нем жарко. Покрасив волосы прядями, Дон стала носить одежду таких цветов, которые нормально смотрелись бы на дереве осенью, но на ней выглядели грубо и даже пошло.

— Боже, — сказала она, — ну и видок у тебя. Ты что, постричься не можешь? Твоя куртка выглядит так, будто в ней крысы живут.

Я сняла куртку, но то, что было под ней, ей тоже не понравилось.

— Ну и вонь, — сказала она.

— Я, к твоему сведению, мылась на прошлой неделе, — ответила я. — Но все равно схожу в ванну. — Мне требовалось укромное место, чтобы получше изучить то, что я взяла у мертвеца.

— Только недолго, — забеспокоилась она и посмотрела на часы. — Ко мне через полчаса должны прийти.

Я заперлась в ванной и посмотрела на часы мертвяка. На циферблате

было написано «Cartier», и не было никаких сомнений в том, что они из настоящего золота. «Настоящее качество», — подумала я и немного расстроилась. По справедливости, человек с такими часами не должен после смерти валяться голым в Котлованах. А именно так к этому времени наверняка и было. Я представила себе бледное голое тело под луной. Его никто не узнает без пальто, без костюма, без обуви. Он будет выглядеть как кто угодно. В Котлованах все люди одинаковые.

Чтобы подбодрить себя, я заглянула в его бумажник. Пересчитав, я обнаружила там 743 фунта и 89 пенсов. И половину этих денег я бы не смогла использовать.

Только представьте себе меня, пытающуюся разменять пятьдесят фунтов одной бумажкой. Конечно, если у кошки на усах молоко, есть один шанс из миллиона, что она подоила корову, только вероятность того, что я могла раздобыть полтинник честным путем, еще меньше. И у меня не было возможности толкнуть эти часы. Любой честный приемщик в ломбарде, увидев такие часы, сдаст меня полиции. А нечестный просто заберет их себе — глазом моргнуть не успеешь. В любом случае пользы мне от них не будет.

Перед тем как вернуться к сестре, я попользовалась ее зубной щеткой и по-быстрому пшикнулась ее дезодорантом. Кто знает, когда еще найдешь чистую воду, поэтому надо брать то, что есть под рукой сейчас.

— Кристал, — сказала она, увидев меня, — сделай одолжение, свали куда-нибудь, пока ты мне лошадей не распугала.

— У меня для тебя есть подарочек на Рождество, — сказала я и протянула ей часы.

— Ты рехнулась! — Она вытаращилась на часы так, будто увидела паука у себя в кровати. — У кого ты их украла, Кристал?

— Ни у кого, — ответила я. — Я их нашла.

И это правда, потому что тот тип умер. Часы не были чьей-то собственностью, потому что больше не существовало того, кому они принадлежали. Когда ты умираешь, ты как бы исчезаешь. И на этом все. Мертвые не имеют собственности.

Даже получив такой подарок, Дон не разрешила мне остаться на ночь. Смешно, но, если бы у меня в кармане не лежали 743 фунта 89 пенсов, я бы и сама этого не хотела. Будь у меня только 89 пенсов, я бы с удовольствием отправилась спать на улицу.

Но иметь что-то опасно. Когда ты что-то имеешь, ты превращаешься в цель. Это все равно что быть красивой. Не верите? Посмотрите на Дон. Она красивая, и она была целью с одиннадцати лет. Красота принесла ей

сплошные неприятности. Ей всегда приходилось иметь рядом кого-то, кто мог бы ее защитить. Хорошо, что я некрасивая.

На Харроу-роуд есть ночлежка, и я надумала податься туда. Я никак не могла решить, что мне теперь делать, поэтому зашла в «Кэжелти» и сидела там, пока меня не выгнали. Как жаль, что очень мало таких мест, куда можно просто так зайти и засесть на всю ночь, чтобы спокойно подумать. На ходу как-то трудно думать, а когда тебе холодно и от голода сводит желудок, тебе и вовсе не до размышлений.

Через какое-то время мне вдруг пришло в голову, что лучше всего будет пойти в то место, где я провела прошлую ночь. Кто-то скажет, что глупо возвращаться туда, где только вчера полиция устроила облаву, но я решила, что, раз уж они побывали там вчера, сегодня бояться нечего.

Дом № 27 на Альма-Тадема-роуд должны скоро снести. Говорят, что там опасно находиться. И в крыше, и в полу там полно дыр, но если ты не пьяный, ходишь осторожно и не додумаешься там разводить огонь, это здание не опаснее остальных. Вчера заваруха как раз и началась с того, что мы привели туда двух алкашей и одному из них под утро вдруг стало холодно...

Добравшись до места, я увидела, что на дверь и окна первого этажа наколотили еще больше досок. Я-то могла пробраться внутрь, но на это уйдет время. По улице все еще ходили люди, так что, если я хочу нормально выспаться, мне, чтобы не рисковать, придется вернуться сюда позже.

Пройдя мимо дома, я взяла путь на Набережную. Идти было долго, и я успела проголодаться. Вообще-то я всегда чувствую голод, Дон говорит, что у меня глисты. Может, и так, но мне кажется, что это из-за моего возраста. Вот, например, Кровавая Мэри на ногах проводит почти столько же времени, сколько я, но ест она, по-моему, раза в два меньше, чем я. Она уже много лет как перестала расти.

Кровавая Мэри не одна такая, но я упомянула о ней, потому что именно ее встретила на Набережной той ночью. Она пыхтела и вздыхала, толкая перед собой свою тележку на колесиках.

— Ох, мои бедные вены, — пожаловалась она, и дальше мы пошли вместе. Я чуток замедлила шаг, чтобы она поспевала за мной.

— У арки палатка еще стоит, — прохрипела она. — За весь день и полчашки чая не выпила.

Раньше она пела на улицах, бродила по Оксфорд-стрит с протянутой рукой и орала во все горло «Бумажную луну», но после прошлогоднего бронхита с осложнениями голос у нее пропал.

В ларьке я взяла нам по стаканчику чая и по бутерброду с сосиской.

— Разжилась деньгами, Крис? — спросил Джонни Павлов.

Это его палатка, и он имеет право спрашивать, потому что иногда, когда никто не видит, он поит меня чаем бесплатно. Он постоянно твердит, что у него «не благотворительное общество», но, если застать его в подходящем настроении, он угостит тебя горячим чаем не хуже любого общества.

И все равно я напомнила себе, что нужно быть осторожнее.

— На Рождество, — ответила я, — на Хай-стрит всегда хорошо подают.

— На Хай-стрит? — удивился он. — Надеюсь, ты не была в том районе, где дома сносят? Я слышал, там сегодня вечером нашли труп, совсем голый.

— Да? — сказала я, а сама сделала вид, что мне это до лампочки. — А я не слышала. Я работала на Хай-стрит весь день.

Потом я пошла к Кровавой Мэри и села рядом с ней под аркой. Джонни не любит, когда мы сидим слишком близко к его палатке, говорит, мы солидных клиентов распугиваем и те не хотят покупать у него хот-доги.

— Посмотри на луну, — сказала Кровавая Мэри и завернулась поплотнее в свои многочисленные кофты.

Луна уже висела выше и уменьшилась, хотя продолжала ярко светить.

— Ты где сегодня ночуешь, Кристал? — спросила она. Я поняла, к чему она спрашивала. В это время года такая луна предвещает мороз.

Тут, откуда ни возьмись, к нам подошел Умный Брайан, так что отвечать мне не пришлось. Он, как всегда, жутко кашлял и какое-то время не мог говорить. Я думаю, что он умирает. Нельзя с таким кашлем прожить долго. Когда-то он учился в колледже в Эдинбурге, но потом пристрастился к наркотикам и провалил все экзамены. Здесь, в Лондоне, ему поначалу совсем неплохо жилось — хотя бы потому, что он был очень красивым. Но наркоши красоту теряют так же быстро, как забывают свои обещания. Теперь лицо его похоже на скрипку, а руки и ноги все в язвах.

Справившись с кашлем, он сказал:

— Не угостишь чайком, Кристал?

Вообще-то мы уже допили чай, поэтому я какое-то время молчала, не зная, что ответить. Но Брайан выглядел так жалко, что в конце концов я купила еще два стаканчика, один ему, другой Кровавой Мэри. Пока они пили, я потихоньку ускользнула.

— Береги себя, Крис, — произнес Джонни Павлов, когда я проходила мимо, и посмотрел как-то странно.

Когда ты забираешься в закрытый дом, первое, что нужно сделать, это найти другой выход. В хорошем доме должно быть несколько выходов. Ты же не будешь, если что, бежать сломя голову к той самой двери, за которой стоят полицейские.

У дома на Альма-Тадема-роуд в кухне есть черный ход, ведущий в сад. Перед тем, как лечь спать, я ослабила гвозди на досках, которыми была забита эта дверь. И еще я хорошенько спрятала бумажник из змеиной кожи.

Я правильно сделала, что решила идти сюда, — в доме, кроме меня, никого не было. Куча сырого пепла указывала то место, где два алкаша развели костер, и пепел этот не лежал спокойно, а кружился маленькими вихрями из-за сквозняка. Это было единственное движение в доме.

Я прошлась по дому, собирая все газеты и тряпки, какие нашла, чтобы соорудить себе гнездо, потом легла, поджала ноги и закрыла глаза.

Ночь — не лучшее мое время. Ночью я не могу удерживать свои мысли, и неприятные воспоминания начинают выползать из глубин разума. Когда ты одна и сидишь в полной темноте, трудно сохранять веселое настроение, поэтому я должна быть очень, очень уставшей, чтобы лечь и заснуть. Иногда я, чтобы заснуть, повторяю в уме разные слова — например, текст какой-нибудь песни или стихотворение, которое учила в школе, — повторяю их снова и снова, не оставляя у себя в голове места для разных плохих мыслей.

В ту ночь я, наверное, очень устала, потому что успела дойти только до половины «При чем здесь любовь?», когда провалилась в сон. Когда мы еще жили дома, Дон крутила эту песню постоянно. Она слушала ее так часто, что я, как только слышала вступление, готова была на стену лезть. Но теперь именно такие песни помогали мне коротать ночи, песни, слова которых всплывали из подсознания, хотя я никогда и не старалась их запоминать.

Разбудил меня чей-то кашель. Я открыла глаза, но было еще темно. Захлебывающийся кашель не прекращался. «Умный Брайан», — подумала я и немного расслабилась. Ничего хорошего в том, что тебя застают одну в темноте.

— Как холодно, — сказал он, когда нашел меня. — Там просто мороз стоит. — Он забрался в мое гнездо. Я там так пригрелась, что вылезать оттуда мне совсем не хотелось, но я знала, что его кашель все равно уже не даст мне заснуть.

— Давай обнимемся, Кристал, — сказал он. — Мне согреться надо.

— Отвали, — огрызнулась я.

Его тонкие пальцы напомнили мне сельскохозяйственные вилки,

которыми рыхлят землю. Кое-кто занимается этим, чтобы согреться, но не я. Я слишком многое видела и хочу умереть чистой.

Он снова закашлялся. Потом сказал:

— У тебя бабки есть, Кристал?

— Утром чаю выпить хватит, — ответила я. Мне правда не хотелось вставать. Гнездышко у меня получилось — сказка, и к тому же было нечестно отдавать его Брайану.

— Ты знаешь, что тебя ищут? — сказал он. — Кто-то видел тебя в Котлованах.

— Меня? Кто это мог меня там видеть?

— Знаешь этого пацана? — сказал он. — Марвин, кажется, его зовут. Так вот, они его хорошо попрессовали, и он сказал, что видел тебя.

— Кто меня ищет? — Я села.

— Ложись обратно, я еще не согрелся. — Он обхватил меня и потянул вниз, но ничего такого не начал, поэтому я не стала вырываться.

Через какое-то время он продолжил:

— Джонни Павлов сказал, что ты при деньгах. Они и его спросили.

— Дождавшись, когда закончился новый приступ кашля, я поинтересовалась:

— Кто его спросил? Полиция?

— Нет, ответил Брайан.

Он что-то знал, я чувствовала это. А потом я подумала: он разговаривал с Джонни, он разговаривал с Марвином, а Марвин видел меня в Котлованах. Может быть, Брайан разговаривал и с теми, кто меня ищет?

Я спросила:

— Это они тебя послали, Брайан? Послали найти меня?

Он аж сложился пополам от кашля, а когда успокоился, сказал:

— Ты не понимаешь, Кристал. Мне нужны деньги. Я не ширялся уже несколько дней.

Вот, значит, в чем дело. Оставив его, я ушла через черный ход. Брайан был прав, на дворе было ужасно холодно.

И я тоже была права: обладание вещами превращает тебя в цель. Перед тем как перелезть через забор, я бросила бумажник в саду, но потом вернулась за ним. Если я его выброшу, меня все равно не перестанут искать. Отсутствие этого бумажника из змеиной кожи не защитит меня. У Марвина ведь его не было, а он пострадал. Я подумала: «Почему они решили взяться за Марвина?» Наверное, у него были ботинки того мертвяка или что-то из его одежды. Может, мальчишка нацепил здоровенное пальто, а они узнали его.

Раньше меня никогда никто не искал. Я никому не была нужна. Я даже подумала, не стоит ли мне вообще сбежать из города куда-нибудь на север или в Уэст-Кантри. Но когда я сбежала в первый раз, со мной была Дон. И нам тогда пришлось очень нелегко, потому что мы совсем не знали город. Прошло очень много времени, прежде чем мы разобрались, что тут к чему.

Об этом я и думала, когда шла по дороге. Луна уже спряталась, и небо сделалось грязным, каким бывает перед самым рассветом. От холода у меня текло из носа, и к тому же сильно хотелось есть, поэтому я зашла в кулинарию «Кашмир», где продают готовые блюда. «Кашмир» — хороший магазинчик, потому что у него есть собственный контейнер для отходов, который стоит шагах в двадцати от входа. А хорошо это тем, что, когда закрываются пабы, народ идет в индийский магазин, но те, кто до этого пил, часто заказывают слишком много еды и несъеденное выбрасывают в этот контейнер. Я много раз здесь завтракала. Самое классное в кашмирских завтраках то, что еда попадает к тебе уже холодной, но индийские специи своей остроты и жгучести не теряют и начинают согревать тебя изнутри. С этой точки зрения индийская пища — самая лучшая в городе.

Позавтракав, я почувствовала себя намного бодрее, и на глаза мне попала маленькая закусовая с освещенными окнами, где можно было посидеть. И именно там я как следует изучила бумажник. Раньше, в квартире Дон, я только пересчитала деньги и распихала их по карманам. Теперь же я изучила кредитные карточки, библиотечные билеты и визитки.

Вообще-то я такими вещами не занимаюсь — я их никак не могу использовать. Но на этот раз мне показалось, что единственный способ выбраться из этой истории — вернуть их. Хозяин этих карточек, может, и мертв, но все еще опасен.

Его звали Филип Уокер-Джоунз. Он был членом обеденного клуба, бридж-клуба и шахматного клуба. У него были две визитки с его именем: «Дата-сервис Лтд» и «ОАО „Безопасные системы“». Он был двойным финансовым директором. Неплохо, учитывая, что обе компании размещались в одном доме на Саутуорк-роуд. Эта улица находится недалеко от того места, где я его нашла. Может, он вышел из своего офиса и умер по дороге в метро? Но как он тогда попал в Котлованы?

Я представила этого Филипа Уокер-Джоунза, как он сидит в лунном свете у полуразрушенной кирпичной стены. Выглядел он так, будто только присел отдохнуть. Но он не отдыхал. Он был мертв. Никаких ран или следов ударов я не заметила, не было похоже, чтобы его убили... Он просто сидел там во всей своей красе и выглядел, надо сказать, очень благородно.

Наверняка там где-то рядом был и малыш Марвин (а может, и не он один), который, как и я, смотрел на мертвеца, решая, стоит ли рискнуть и заглянуть в его карманы... Выходит, мы ошиблись.

Мне не хотелось возвращаться в район Котлованов, но, раз я надумала вернуть бумажник, другого выхода не было. Поскольку в такое раннее время общественный транспорт еще не ходил, я пошла пешком. Ничто так не проясняет голову, как хороший завтрак, поэтому по дороге я начала думать.

Что такое «дата-сервис» и для чего нужны «безопасные системы», я не знала. Скорее всего, это как-то связано с компьютерами. Зато было хорошо понятно, что обеды, бридж и шахматы — это вещи, которыми занимаются сидя. В бумажнике Филипа Уокер-Джоунза не было карточек какого-нибудь клуба любителей плавания и сквоша, как будто он предпочитал проводить время сидя. Может быть, он был нездоров. А если он был нездоров и ему вдруг пришлось бежать, его вполне мог хватить сердечный приступ.

За такими мыслями я не заметила, как дошла до реки. Когда я переходила через мост, мне пришло в голову, что компьютерами, бриджем и шахматами занимаются только очень умные люди, а умные люди, насколько мне известно, все носят очки и предпочитают не бегать. И уж тем более умный человек не стал бы бегать ночью по таким глухим районам, как Котлованы, разве что за ним гнались. Испуганный нездоровый человек, убегая от погони, запросто мог получить удар. Все очень просто.

С реки дул холодный пронизывающий ветер, но не только из-за него меня бросило в дрожь. Дело в том, что если Филип Уокер-Джоунз смертельно испугался чего-то, это означало, что у меня тоже есть причины для страха.

«Верни этот чертов бумажник, — подумала я, — и как можно скорее. Скажешь: „Вот ваши деньги, и не трогайте меня“, а потом — бежать». Бегать я умею.

Я остановилась, чтобы подкрепиться стаканом молока, выудила из карманов несколько полтинников и запихнула их обратно в бумажник, чтобы он выглядел посолиднее.

Когда я поняла, что нужно делать, мне даже стало как-то легче на душе. Ощущение было такое, что я уже избавилась от бумажника в змеиной коже, и, дойдя до Саутуорк-роуд, я и не думала прятаться от посторонних взглядов. К этому времени уже рассвело, на улице было полно людей и машин, и меня, как всегда, никто не замечал.

И все равно Котлованы я обошла стороной. С уверенным видом шагая

по Саутуорк-роуд, я всматривалась в номера домов и вывески. Увидев на одной из них надпись «ОАО „Безопасные системы“», я смело направилась к двери.

Дом был старым, но дверь явно вставили сюда недавно. И она была закрыта. Наверное, было еще слишком рано. Часов у меня нет, и сколько ждать до открытия, я не знала, поэтому подумала, что пока неплохо бы сгонять на станцию: там, по крайней мере, висят часы и в ожидании можно попить чаю, но в эту самую секунду дверь открылась изнутри. Я до того испугалась, что чуть не бросилась оттуда со всех ног. Но оказалось, что дверь открыла молодая женщина, а с женщинами у меня обычно проблем не возникает. Глаза у нее были в красных ободках, на лице — скорбное выражение. А еще на скуле у нее темнел огромный синяк, увидев который, я вспомнила о маленьком Марвине.

Она сказала:

— Чего тебе? — Тон ее приветливым нельзя было назвать, но не казалось, что она задумала что-то плохое.

— Это ОАО «Безопасные системы»? — спросила я.

— Офис закрыт, — сказала она и добавила: — Ты когда-нибудь слышала про такие вещи, как вода и мыло?

— У меня есть кое-что для вас. — Я протянула ей бумажник.

— Боже мой! — воскликнула она и вдруг зарыдала.

Так мы и стояли там: я — с протянутым бумажником и она — глядя на него и обливаясь слезами.

Наконец она снова заговорила:

— Не нужно это мне. Забери его.

Она попыталась захлопнуть дверь перед моим носом, но я вставила в просвет ногу.

— И что мне с ним делать? — спросила я.

— Выкинь, — рявкнула она и, поскольку ногу я не убирала, продолжила: — Кто тебя просил приносить это мне? Выбрось его в реку... Можешь отдать Стиву, мне наплевать. Я со всем этим покончила.

Она вдруг сильно ударила дверь по моей ноге, так что я отпрыгнула. После этого дверь с треском захлопнулась.

Меня это до того удивило, что я, разинув рот, уставилась на дверь и не услышала, как сзади ко мне подошел какой-то здоровенный тип. Когда он положил мне руку на плечо, я чуть не подпрыгнула.

— Это ты Кристал? — донесся голос откуда-то с высоты.

— Нет, — ответила я. — Не знаю такой. — Бумажник я незаметно сунула в карман.

— Тогда что ты здесь делаешь? — спросил он, не отпуская меня.

— Эта женщина иногда подает мне пару монет, — сказала я и посмотрела на его ноги.

Мужчине смотреть в глаза — бесполезное занятие. Если ты хочешь понять, что он собирается сделать, нужно смотреть на его ноги. Ноги этого здоровяка будто вросли в землю. Не понравилось мне то, что он знал мое имя.

— Хорошо. Тогда как тебя зовут?

Я чуть было не брякнула «Дон», но вовремя прикусила язык.

— Ну? — не отступался он.

— Дорин, — сказала я. — А вас как зовут? — Если бы он оказался Стивеном, я бы отдала ему бумажник и убежала.

— Сержант уголовной полиции Майкл Сассекс, — сказал он.

Это было еще хуже, чем я ожидала. Теперь даже полиции известно мое имя. Несмотря на холод, у меня вспотели подмышки.

— Я хочу задать тебе пару вопросов, — сказал он и еще крепче сжал мое плечо.

— Я ничего не знаю. О чем?

— О том, где ты была прошлой ночью. И кого видела.

— Ничего я не видела! — чуть ли не закричала я.

— Конечно, — сказал он, улыбаясь. — Пойдем. Я тебя покормлю, а потом мы поговорим.

Никогда, никогда не доверяйте полицейскому, если он улыбается.

Со мной ничего подобного раньше не происходило. Если хотите знать, я даже никогда в жизни не разговаривала с полицейскими. У меня слишком быстрые ноги.

— Ты где живешь, Кристал? — спросил он, когда двинулся с места.

— Меня зовут Дорин, — сказала я и попыталась выкрутиться из-под его руки.

— Так где ты живешь... Дорин?

При общении с полицейскими следует придерживаться одного правила: если они задают вопросы, нужно отвечать. Если им ничего не говорить, они начинают злиться. Это так же, как с социальными работниками. Если они хотят слышать ответы, отвечайте им, а правду можете оставить при себе. Я назвала сержанту Майклу Сассексу адрес ночлежки на Уолуорт.

Он повел меня в сторону Котлованов. Мне туда возвращаться никак не хотелось, поэтому я сказала:

— Я уже завтракала. И мне нужно идти, я должна встретиться со

своим социальным работником.

Не стоило мне этого говорить. Он тут же захотел узнать имя этого работника и во сколько я должна с ним встретиться. Одна ложь порождает другую. Намного лучше вообще не разговаривать с полицейскими, потому что тогда не придется ничего выдумывать.

Послушав меня, он сказал:

— А ты не слишком молода, чтобы жить одна... Дорин?

— Мне восемнадцать, — соврала я, и мне стало совсем погано на душе.

После того как этот человек положил свою здоровенную лапу мне на плечо, я не сказала ни единого слова правды. Но с ними ведь и нельзя иначе, верно? Однажды я разоткровенничалась с социальным работником, и закончилось это тем, что она чуть не забрала нас с Дон в приют. Тогда нас бы разлучили и Дон никогда не нашла бы себе парня. О ее парне можно говорить что угодно, но он пристроил ее к делу, и теперь она зарабатывает хорошие деньги. Теперь она чувствует себя настоящей. В приюте ничего этого не случилось бы.

Мы почти дошли до Котлованов. Поглядишь — кажется, что здесь и нет никого. Ни алкашей, ни костров, никто не копается в мусоре, который сбрасывают туда по ночам. Обычный городской микрорайон, который начали сносить, да так и забросили, потому что не нашлось никого, кто хотел бы строить здесь новые дома. Со временем в этих развалинах поселились самые разные люди.

Сержант остановился и сказал:

— Вчера мы нашли здесь труп.

Я промолчала. Того куска стены, у которого сидел мертвец, видно мне не было, но я помнила это место.

— Да, — вдруг произнес он таким голосом, будто задумался о чем-то другом. — Он был голый. Когда придет мое время, я хотел бы умереть там, где не будет вора.

Я все продолжала смотреть на его ноги, и теперь даже ноги выглядели так, будто думали о чем-то другом. И я решила.

Я резко вырвалась из его хватки, юркнула между двумя прохожими, перепрыгнула через сетку и бросилась в Котлованы.

Мне меньше всего хотелось оказаться тут, но это было единственное место, где я могла спрятаться.

Я слышала, что он побежал за мной, и, когда петляла между кучами битого кирпича, чувствовала за спиной его топот. Для такого здоровяка он удивительно быстро бегал.

— Стой! — заорал он, но я продолжала бежать.

Свернула сюда, свернула туда, перескочила через стену, обежала гору мусора, скользнула в подвал, поднялась по лестнице. И все это время я слышала рядом с собой его топот и дыхание. Он не отставал.

Силы у меня уже были на исходе, когда я увидела трубу. Я сделала рывок и нырнула в нее головой вперед. Ничего другого я не придумала. Это было единственное место, куда он не последовал бы за мной.

И это было единственное место, из которого я не могла выбраться.

Я знаю эту трубу: однажды я залезла в нее, прячась от ветра. Она никуда не ведет. Ярдах в десяти от входа она поворачивает, и дальше там все забито влажной землей.

В общем, как ни верти, другого выхода у меня не было. Я влетела в трубу и поползла вглубь. В такой узкой трубе даже мне было тесно. Чтобы обернуться, мне придется доползти до поворота.

В трубе было темно, как в могиле. Круг света вначале погас — сержант Майкл Сассекс втиснул в проем плечи и голову.

— Не дури, Кристал. Вылезай оттуда! — В узком пространстве голос его прозвучал, как гром. — Слушай, я просто хочу поговорить. Я тебе ничего не сделаю.

Как же, он бы ничего не сделал мне, пока я оставалась в трубе, а он снаружи.

— Попробуй достать меня! — крикнула я в ответ. Если бы там не было так темно и мокро, меня бы эта ситуация даже развеселила.

— Я не знаю, что ты задумала, Кристал, — продолжил он, — но у тебя большие неприятности. Я могу тебе помочь.

Я чуть не рассмеялась.

— Я не знаю никакой Кристал. Как ты собрался мне помочь?

— У тебя есть враги, — ответил он. — Эти же враги были и у того типа, который умер. Ты что-то взяла у него, и теперь они ищут тебя. Это опасные люди, Кристал, и тебе нужна моя помощь.

— Не знаю я никаких мертвых типов, — сказала я. — И ничего я не брала.

— Ты тратишь мое время.

— Хорошо, — сказала я, — тогда я уйду. — Идти было некуда, но я не думала, что он знал об этом.

— Подожди! — воскликнул он. — Никуда не уходи, пока не выслушаешь то, что я хочу сказать. — Он замолчал. Я об этом всегда подозревала: они ждут, что ты им будешь исповедоваться, а сами скорее удавятся, чем что-то расскажут.

Немного помолчав, он спросил:

— Ты все еще там?

— Я все еще здесь, — ответила я. — Но ненадолго. Я тут уже промокла вся.

— Ну ладно, — сказал он. — Ты этого не поймешь, но я все равно расскажу. Этот мужчина, который умер, был системным аналитиком.

— И что это такое? — спросила я.

— Специалист по компьютерам. — Сержант вздохнул. Я услышала это со своей стороны трубы. Звук в трубах хорошо распространяется. — Он писал свои компьютерные программы и исправлял ошибки в чужих. Но больше всего он занимался защитными программами. — Он снова вздохнул. — Слушай, будь хорошей девочкой, вылезай оттуда и просто назови мне номер.

— Какой еще номер?

Он был прав, я действительно ничего не понимала и совершенно запуталась. Я-то думала, что меня ищут из-за того, что я взяла бумажник. Я попыталась его вернуть, но та женщина отказалась его брать, и это было самое удивительное. Где это слыхано, чтобы человеку предлагали деньги, а он отказывался их брать?

— Неважно какой, — разозлился он. — Этот тип, этот Филип Уокер-Джоунз, работал не с обычными клиентами. Он работал с людьми, которые не ведут бухгалтерских книг. Всю информацию о своих делах они переносят на компьютерную ленту или на диски, чтобы обычный полицейский не смог их найти. Черт, сейчас кругом сплошные высокие технологии.

Судя по голосу, он был очень раздражен, только я не могла понять из-за чего: из-за того что я не вылезала из трубы или из-за того что он сам разбирался в высоких технологиях не больше, чем я.

А потом я вдруг услышала шаги, и кто-то произнес:

— Вы что здесь делаете, босс?

— Принимаю грязевую ванну, не видно, что ли? — выпалил сержант Майкл Сассекс. — Что я, по-твоему, могу тут делать?

— Так вы ее упустили? — спросил голос.

— Нет, что ты! Это просто новая техника допроса. Приказ такой пришел сверху: «Допросы проводить в грязных трубах».

Он так злился, что я чуть не рассмеялась.

— Ты еще там? — крикнул он мне.

— Уже нет. До свидания, — бросила я в ответ и заползла за поворот, где подтянула ноги к груди, чтобы меня не было видно.

— Дьявол! — прошипел сержант. — Ты спугнул ее, идиот.

Я услышала, как он закричал и тихо выругался, а потом произнес:

— Лучше помоги мне выбраться отсюда, Хиббард.

Снова послышались возня и проклятия, после чего откуда-то издалека долетел голос:

— Куда ведет эта чертова труба?

— Понятия не имею, босс, — ответил Хиббард. — Может, в реку.

— Ну, так иди и проверь! — гаркнул сержант. — И если найдешь эту красотку, смотри не упusti, а не то ты у меня уже завтра выйдешь патрульным на улицу.

— А вы уверены, что это именно она? — спросил Хиббард. Ему явно не хотелось лазить по Котлованам в поисках трубы.

— Ты читал описание. Двух таких не может быть.

Мне не понравилось, как он это произнес, и мне не понравилось, как он отозвался обо мне. Я замерзала и уже промокла до нитки, но не собиралась выходить к таким людям.

Так мы и застряли там, он снаружи, а я, скрючившись, в трубе, в ожидании, когда он сдастся и уйдет. Время от времени он светил внутрь фонариком, наверное, от нечего делать, но я ни разу не шелохнулась и не издала ни единого звука.

Иногда я слышала, как он начинал ходить туда-сюда, тихо ругаясь. Он напомнил мне одного из маминых любовников, когда тот однажды решил, будто я у него что-то стянула. Мы тогда все этим занимались. Он лазил в мамину сумочку, а мы с Дон воровали у него. Мы прятались под лестницей, когда он носился по дому и орал, что спустит с нас шкуру. Еще иногда я пряталась от школьного надзирателя, который ловил прогульчиков на улице.

Для меня прятаться — привычное дело. Все, что для этого нужно, — немного терпения и сытый желудок. Но не пытайтесь прятаться там, где сыро и холодно, для этого нужен настоящий талант, и новичкам этого делать я не рекомендую.

Через какое-то время вернулся Хиббард. Но голос его звучал уже не так самоуверенно.

— Девчонка наверняка уже удрала, — сказал он. — Не могу я найти конец этой трубы.

— Куда-то же эта чертова штука должна выходить, — ответил сержант уголовной полиции. — Свяжись по рации, вызови людей, делай что-нибудь!

Он остался на своем месте, а я осталась на своем.

Вернувшись в очередной раз, Хиббард предложил:

— А почему бы нам не вызвать инженеров и не перекопать всю эту хрень к чертям собачьим?

В другой раз сержант сказал:

— Нужно прочесать все это место. Она могла выбросить его и спрятать куда-то. — Голос у него уже тоже был уставший. — И все это из-за этого номера, мать его. Почему этот тупой педик не отбросил копыта в каком-нибудь другом месте?

На что Хиббард ответил:

— Почему вы так уверены, что он был при нем? И почему вы уверены, что теперь он у нее?

— Он был у него, потому что он нес его мне, — ответил сержант. — А теперь он у нее, потому что она взяла его бумажник. Все остальное мы уже нашли, так что если этот умник гребаный не вытатуировал его у себя на черепе под волосами, значит, он должен быть в бумажнике.

— А что если он его держал в голове? — спросил Хиббард. — Ну, просто запомнил?

— Двадцать пять цифр?! Ты вообще думаешь, когда говоришь? Он сам сказал мне, что записал его и хочет передать мне. Ты что, собрался идти на обед? Никто не пойдет ни на какой обед, пока я не получу эту девчонку.

Пришлось нам всем торчать там без обеда. Сержант Майкл Сассекс заставил всех голодать совершенно напрасно, потому что у меня не было никакого номера из двадцати пяти цифр.

Но бессмысленно волноваться о том, чего у тебя нет, тем более когда тебя волнует то, что ты можешь получить. Меня очень волновал тот факт, что я могу получить воспаление легких. Если ты болеешь, ты не можешь себя прокормить. Если ты не можешь себя прокормить, ты теряешь силы. А потом есть два варианта: либо тебя сажают в приют, либо ты умираешь. И я видела, как такое происходило.

Скажу вам еще кое-что: когда я наконец вылезла из трубы, случилась очень странная вещь. Ну, вообще-то это не вещь, и нельзя сказать, что это на самом деле произошло, но тогда мне так показалось, и меня это жутко испугало.

Я превратилась в старуху.

Это произошло, когда я выглянула из-за поворота и не увидела в конце трубы света. Я прислушалась, но не услышала с той стороны никаких звуков. Тут-то мне и стало страшно. Я решила, что от долгого сидения в замкнутом пространстве ослепла и оглохла.

Я стала двигаться, но тело у меня настолько одеревенело от холода,

что я еле доползла до выхода. Мне уже было все равно, поймают меня полицейский или нет. Я даже сама позвала его. Голос был слабый и хриплый. Поверите ли, мне даже хотелось, чтобы он оказался там, снаружи. Понимаете, я хотела, чтобы он мне помог, поскольку думала тогда, что ослепла, и была испугана.

Но его там не оказалось. Зато, когда я подползла к выходу, выяснилось, что уже стемнело, да к тому же пошел дождь, настоящий ливень. Спина и ноги у меня были скрючены, и я не могла ни подняться, ни разогнуться. В ногах совсем не осталось сил, и я не смогла бы убежать, даже если бы на меня спустили собак.

Я была старухой, когда плелась там ночью, согнувшись пополам и глядя на лужи в жидкой грязи у себя под ногами. Мне вспомнилась тогда Кровавая Мэри и то, как она выглядит по утрам. Но есть женщины еще старше, чем она, которым не приходится нагибаться, чтобы заглядывать в мусорные ящики, потому что это их обычное состояние.

Конечно, вскоре я пришла в себя. Кровообращение восстановилось, и я снова стала чувствовать ноги. И до меня дошло, что я не ослепла, просто было уже темно. Но я не перестала бояться.

И после того, как я распрямила спину, меня не покинуло ощущение беспомощности. Даже при том, что у меня было 734 фунта 89 пенсов. Меня искала полиция. Меня искали те сволочи, которые избили малыша Марвина. И мне некуда было идти. Я чувствовала себя обессиленной и старой, и я нуждалась в помощи. И тогда я подумала, что нужно самой найти цель.

Эта мысль чуть-чуть подняла мне настроение. Совсем немножко, потому что после того утреннего карри у «Кашмира» я ничего не ела, а чувство голода наводит тоску как ничто другое. И все же я взяла себя в руки и отправилась на поиски своей цели.

Имени ее я не знала, но я знала, где ее найти: на противоположном конце Северной линии метро. Пешком туда я бы в тот вечер не пошла, ни за какие деньги. Поэтому я доехала на метро до станции «Челк-фарм» и стала ждать возле одного из книжных магазинов.

Один раз мне показалось, что я увидела ее, но, когда я подошла, эта женщина только прижала к себе сумку и прибавила ходу. Эту ошибку я списала на голод. Обычно я не ошибаюсь в женщинах среднего возраста.

Но в конце концов я увидела ту, которую ждала. На ней были светло-коричневый плащ и клетчатый шарф. Прячась от дождя под зеленым зонтиком, она с трудом тащила две сумки с рождественскими покупками.

— Вам помочь? — спросила я.

Она заколебалась. Я знаю такой тип женщин. Она из тех людей, которые открывают кошелек еще до того, как ты их о чем-то попросишь, которые не посылают тебя искать работу и не говорят, что ты все равно потратишь деньги на выпивку. Когда ты проходишь мимо таких людей, они провожают тебя жалостливыми глазами и вздыхают.

Не сразу, но все же она дала мне одну из сумок, ту, что полегче. Она хорошая. Она хочет мне верить. Или хотя бы не хочет не доверять мне. Я поняла, что это она, моя цель.

Она сказала:

— Большое спасибо. Моя машина тут рядом, за углом.

Я пошла за ней следом и потом стояла под дождем, пока она искала ключи от машины. Поставив одну сумку в багажник, я помогла ей со второй.

Она посмотрела на меня и снова замялась. Нет, она думала не о том, как от меня отделаться, а о том, как потактичнее предложить мне деньги.

— Спасибо за помощь. — Она опять полезла в сумочку. Я дождалась, когда она достанет деньги, и сказала:

— Мне не нужны деньги, но спасибо, что предложили.

— Но мне же нужно как-то тебя отблагодарить, — сказала она.

На это я сделала несчастное лицо и покачала головой.

— Что? — с волнением в голосе спросила она.

Настала решающая минута.

— У меня есть деньги, но я не могу их потратить, — сказала я и показала ей пятидесятифунтовую банкноту.

Она посмотрела на деньги, потом посмотрела на меня.

— Я знаю, что вы подумали, — сказала я. — Вот поэтому я и не могу их потратить. Мне нужно купить какую-нибудь нормальную одежду, потому что в таком виде я не могу устроиться на работу. Но когда я захожу в магазин, они там смотрят на меня так, будто я эти деньги украла, и бегут вызывать полицию. Никто не верит таким, как я.

Она снова посмотрела на деньги, потом опять на меня и сказала:

— Я, конечно, не хочу казаться подозрительной, но где ты взяла пятьдесят фунтов?

— Одна очень добрая женщина дала их мне, — ответила я. — Наверное, она хотела дать мне пятерку, но перепутала. Она в самом деле была очень доброй, потому что мне никто никогда и пятерки не давал. Потом я попыталась купить чаю и жареной картошки, а продавец вызвал полицию, и только тогда я поняла, что та женщина ошиблась.

— Понимаю, — сказала она.

— Нет, не понимаете. Иметь такие деньги хуже, чем не иметь ничего, — пожаловалась я.

— Могу я чем-то помочь? — поинтересовалась она.

Она попалась.

— О, вот было бы здорово, если бы вы помогли мне их потратить. Я всего лишь хочу купить хорошую куртку и обувь какую-нибудь. Тут за углом есть дешевый магазин для бедных, я целый день вокруг него брожу, но мне страшно туда заходить одной.

Очень скоро я поняла, как мне с ней повезло. У этой женщины было по-настоящему золотое сердце. Она купила мне большую шерстяную кофту, стоившую всего пару фунтов, а пока я выбирала джинсы и свитера, разговаривала с продавщицами.

Вещи там были только качественные, наверное, отданные на благотворительность такими же дамами, как она. Такие всякое старье не сдают. Я еще скажу: моя новая знакомая в те минуты была по-настоящему счастлива, словно сбылась ее давняя мечта. Кому-то на самом деле, по-настоящему, понадобилась ее помощь. И ей можно было не волноваться, что я потрачу ее деньги на выпивку или наркотики, потому что деньги были не ее и я у нее на глазах тратила их на теплую одежду.

Даже женщины за прилавком заулыбались, когда я вышла из-за вешалок с полными руками. Наверное, пока я выбирала, она тихонько пересказала им мою историю. Вот поэтому-то мне и нужна была ее помощь. Если бы я пришла сюда одна, эти милые продавщицы в два счета выставили бы меня из магазина. Они бы испугались, что я у них что-нибудь украду.

Когда мы вышли из магазина, все еще лило, как из ведра. На этот раз сумки несла я.

Я уже собиралась попрощаться, когда она сказала:

— Послушай, не обижайся, но тебе нужно принять ванну и переодеться. — Все это она произнесла очень быстро, на одном дыхании, как будто и правда боялась меня обидеть. — Я живу недалеко, вверх по улице. Если хочешь, поехали.

— Да нет, — сказала я. — Я вам все сиденья в машине испачкаю.

— Неважно. Соглашайся.

Я и подумала: «Почему бы нет?» Пусть порадует, она заслужила.

Она набрала горячую ванну и вылила туда чуть ли не полбутылки пахучей пены, а потом вручила мне свой шампунь и целую охапку полотенец. После этого она оставила меня одну.

Клянусь, у нее слезы выступили на глазах, когда я вышла из ванны в

новой одежде.

— Кристал! — воскликнула она. — Ты теперь совсем другой человек. — Это меня вполне устраивало. — Ты сейчас похожа на мою дочь, когда она была помоложе.

И это было отлично, потому что полицейские и те гады, которые Марвина били, не искали кого-то похожего на дочь этой женщины. К тому же никто и глазом не моргнет, если увидит у такой пятьдесят фунтов. Ее дочь не превратится в старуху с кривой от постоянного ковыряния в мусорных баках спиной.

«И я тоже сделаю все, чтобы такой не стать», — подумала я.

Она напоила меня чаем, накормила картошкой с яичницей, и, когда я собралась уходить, дала мне пятерку и свой зеленый зонтик.

Мне, конечно, стыдно, что я стащила ее мыло, но от старых привычек трудно отделаться.

Она даже хотела отвезти меня куда надо на машине, но я не согласилась. Она была милой женщиной и все такое, но не думаю, что она поняла бы насчет Дон. Милые женщины такого не понимают.

Я бы, наверное, могла давать уроки о том, что делать, когда находишь человека, который хочет о тебе заботиться. И первым пунктом было бы: нельзя испытывать судьбу. Потому что, если ты испытываешь судьбу и подчиняешься их правилам, они начинают давать тебе то, что, по их (мнению, тебе нужно, а не то, что ты хочешь. Если бы моя благодетельница узнала о Дон и о том, как мы действительно живем, она бы обратилась в социальные службы. И тогда она из милой женщины превратилась бы в назойливую старую корову.

Вообще-то это я оказывала ей услугу. Я уверена, что она предпочтет быть милой женщиной, а не старой назойливой коровой.

Если кто-то и обратил на меня внимание, когда я стучалась к Дон, никто из них не догадался бы, что я весь день провела в грязной трубе. Дон тоже не догадалась.

— Боже, Кристал, — удивилась она, открыв дверь, — ты прямо какая-то школьница из богатой семьи!

Я поняла, что она имела в виду, но мне это не очень понравилось. Но мне повезло, я застала ее, когда она бездельничала: читала комиксы и слушала музыку. И теперь, когда я была чистая и нормально выглядела, она позволила мне сесть на ее диван.

— И все равно тебе надо постричься, — сказала Дон.

Она достала ножницы и маникюрный набор, мы сели на ее кровать, и она занялась моими волосами и ногтями. Дон, если бы захотела, запросто

могла бы стать косметологом. Вот только у нее не хватило бы терпения окончить курсы, да и вряд ли бы ее устроили доходы косметолога — она слишком привыкла к хорошей жизни.

Это чем-то напоминало старые дни, когда мы вот так же вместе слушали диски и она возилась с моими волосами. Мне не хотелось портить эту приятную минуту, но мне нужно было спросить ее про часы.

Дело в том, что в ванной той милой женщины я еще раз заглянула в бумажник Филипа Уокер-Джоунза.

Дон, подправляя пилочкой ноготь на моем большом пальце, сказала:

— А что с моим подарком?

— Эти часы из настоящего золота.

— Я все равно не буду носить мужские часы, — сказала она. Дон иногда бывает очень привередливой.

— А где они? — спросила я.

— Хочешь забрать? Хорошенький подарок, если его надо возвращать.

Я посмотрела на нее, она посмотрела на меня. Потом она сказала:

— Хорошо, Кристал. Если тебе так хочется знать, я хочу подарить их своему парню на Рождество.

— Я их дарила тебе, а не ему.

— Мужские часы? — Она рассмеялась. — Я собиралась сделать на них гравировку, «С любовью, от Дон», но там не хватило места. Вся задняя крышка покрыта цифрами, и ювелир сказал, что, если их стереть, я потеряю слишком много золота.

Я обрадовалась, потому что почувствовала себя очень умной. Хорошая горячая пища действительно помогает думать. Озарение посетило меня, как только я доела яичницу с картошкой.

Я сказала:

— Давай поспорим, что цифр ровно двадцать пять.

— Не знаю. Их там полно было. — Она положила пилочку обратно в футляр. — Если хочешь знать, я их сдала в ломбард и купила ему настоящую золотую зажигалку.

Она отдала мне квитанцию из ломбарда.

Немного она выручила за настоящие золотые часы. Дон совсем не такая практичная, как я, и в ломбарде ее обманули. Хотя это было не так уж и важно. Во-первых, часы были не ее, а во-вторых, мне же будет дешевле их вернуть. Если я захочу это сделать.

Бедная Дон... Она так нуждается в моей заботе! Но она так не считает, поскольку думает, что о ней заботится ее парень. Она не похожа на меня. Она не хочет сама о себе заботиться. Это не ее. И если бы я рассказала ей,

через что мне сегодня пришлось пройти, чтобы разобраться со своими неприятностями, она бы назвала меня дурой.

Но смотрите: я спаслась от сержанта, я оделась так, что он не узнает меня, даже если мы столкнемся на улице нос к носу. И Умный Брайан меня тоже не узнает, поэтому не наведет на меня тех гадов, которые избili Марвина. Я приняла ванну, прекрасно пообедала яичницей с картошкой. У меня теперь достаточно денег, чтобы обеспечить себе приличный ночлег на обозримое будущее. А теперь у меня были еще и часы.

Точнее, я могла вернуть их в любое время. Но пусть лучше они пока полежат в ломбарде, там им будет безопаснее. Я все еще не знала, почему были так важны те двадцать пять цифр, но не сомневалась, что рано или поздно они мне тоже пригодятся.

Я увидела, что Дон смотрит на меня.

— Кристал, спустись на землю грешную, — сказала она. — Может, ты и выглядишь как богатая школьница, но ты все равно такая же, как я.

Вот и все, что она знала.

ПИТЕР ЛОВСИ

Оса

Питер Ловси известен поклонникам детективного жанра во всем мире как создатель серии романов о сержанте Криббе и констебле Теккерее — полицейских викторианской эпохи. В другой серии романов, посвященных той же поре, в роли сыщика выступает король Эдуард VII. Параллельно с этими сериями Питер Ловси написал десятки рассказов и несколько сценариев телефильмов. Также он является лауреатом нескольких литературных премий, в том числе Золотого и Серебряного кинжалов, присуждаемых Ассоциацией писателей-криминалистов.

~ ~ ~

Шторм угас, оставив после себя лишь ветер, который сдувал пену с беспокойных волн. На берегу тут и там валялись выброшенные морем кучи зеленых водорослей. Ракушки, деревянные щепки и несколько медуз лежали там, где их оставил отлив. Как и в любое другое утро, на берегу можно было увидеть одинокую фигуру с ведром в руке. Это был Пол Моллой, и, как всегда, он был сосредоточен.

Его жена Гвинет стояла рядом с деревянными ступеньками, ведущими с берега к их дому через сад с цветущими деревьями.

— Пол, обедать!

Лишь после того, как она еще дважды прокричала это приглашение, поврежденный мозг Пола уловил посторонние звуки. Он развернулся и неуклюже поковылял к ней.

Инсульт, случившийся с ним в июле прошлого года, за несколько дней до его шестьдесят первого дня рождения, превратил Пола в жалкую пародию на того здорового и сильного человека, каким он был прежде. После удара у него нарушилась координация движений, и теперь он двигался, как маленький ребенок, только намного медленнее. И еще он онемел.

Смириться с потерей речи Гвинет было труднее всего. Ее бесило, что

теперь она была отрезана от его мыслей. Пол не мог ни писать, ни даже рисовать. Ей приходилось довольствоваться тем отрывочным общением, которое еще было возможно. Каждый раз, возвращаясь с берега, он ей что-то приносил: ракушку или обкатанный водой камушек. Она принимала эти подарки так же благосклонно, как когда-то принимала розы.

В больнице ей сказали, чтобы она продолжала разговаривать с ним как со взрослым, даже если он ничего не понимал. Это было трудно. Она старалась, но все равно голос ее звучал так, будто она обращалась к ребенку.

— Какая красивая ракушка! Это мне? Спасибо, милый. Я отнесу ее в дом и положу на полочку с остальными сокровищами, которые ты для меня нашел... Только она будет лежать в самом центре. — Она наклонилась, чтобы поцеловать его, но он отвернулся, наблюдая за какой-то чайкой.

Гвинет помогла мужу подняться по ступенькам, и они вместе отправились в короткий, но утомительный путь. Они купили эту землю (в нескольких милях к северу от Бандаберга на квинслендском побережье) за десять лет до того, как Пол ушел из брисбенской страховой компании. Пол мог бы еще много лет занимать пост председателя, но он всегда обещал, что прекратит заниматься делами в шестьдесят, до того как станет жирным и немощным. Они возвели этот великолепный дом и обустроили его всем необходимым на свой вкус: бассейн, джакузи, сарай для лодок, теннисный корт. Теперь ими пользовались только их гости.

— Не отставай, милый. Давай скорее, — подгоняла она Пола. — Тебя ждет такой бекон пальчики оближешь. — И, пытаясь заечь в нем хотя бы искру интереса, добавила: — Наверное, Гайдн все еще спит. Не думаю, что он пойдет с тобой гулять на берег. По крайней мере, до завтрака — это точно. Может, вообще не захочет из дома выходить. Не очень-то он любит море, да?

Кто бы ни приезжал к ним, Гвинет всегда уговаривала гостей остаться у них подольше. Ей не хватало настоящих разговоров. Гайдн приехал к ним из Уэльса. Он был дальним родственником, и Гвинет никогда раньше с ним не встречалась, но она была не против принять его. Она познакомилась с ним, когда, чтобы чем-то занять себя, принялась копаться в истории своего рода. Когда-то, много лет назад, отец подарил ей старую Библию с генеалогическим древом на обложке. Она сохранила ее. А потом записалась в генеалогическое общество и узнала, что лучший способ найти своих предков — написать в местные газеты, выходящие там, где они жили. Ей удалось напечатать свое письмо в уэльской газете; Гайдн, который жил в Суонси, увидел его и откликнулся. Его фамилия тоже была Эванс, и он

тоже изучал фамильную историю. Он установил, что их роды связаны через прадеда по имени Хью Эванс, который жил в Порт-Толботе.

Пол вошел в дом, даже не посмотрев на задернутые шторы.

— Знаешь, — продолжила Гвинет, — а я не удивляюсь, что Гайдн привык все время находиться в доме: я помню, какая в Уэльсе погода. Раз он священник, то, наверное, много читает Библию. — Снова поймав себя на том, что говорит очевидные вещи, она открыла дверь на кухню. — Входи, Пол. Похоже, завтракать мы с тобой будем вдвоем.

Гайдн появился, когда стали пить утренний кофе. Приехав сюда, он в первый же день снял черный костюм с белым пасторским воротником и надел розовую футболку. В мирской одежде он выглядел несколько моложе, скажем, лет на сорок пять, но она же подчеркнула то, что Гвинет назвала бы пивным брюхом, если бы Гайдн не был священником.

— Ну что, выспались? Уже лучше себя чувствуете? — поинтересовалась она.

— Бесконечно лучше, благодарю вас, Гвинет. — Когда он открывал рот, сразу было видно, что он не австралиец. — А после вашего бассейна я словно заново родился.

— Вы плавали?

— Не то чтобы плавал. Я имел в виду ваш маленький круглый бассейн. Она улыбнулась.

— А, джакузи. Вы там нашли кнопки?

— Я не знал, что мне нужно было искать какие-то кнопки.

— Ими включаются форсунки, создающие эффект водоворота. Вы многое потеряли, если не включили их.

— В таком случае мне нужно обязательно проделать это снова.

— Пол любил там купаться. Но теперь я боюсь, что он может поскользнуться, поэтому он там не бывает.

— Я вас понимаю.

— Хотя, может быть, мне и стоит рискнуть. Врач говорит, он может начать пользоваться мышцами, которые не затронул удар... Правда, дорогой?

Пол не обратил на нее внимания.

— Он все понимает? — спросил Гайдн.

— Я хочу верить, что понимает, даже если он не может этого показать.

Извините, но я не хотела бы о нем говорить так, словно он не один из нас.

Гайдн понимающе кивнул.

— Тогда давайте поговорим о чем-нибудь менее тягостном. У меня для

вас хорошие вести, Гвинет.

Она что-то пробормотала, судя по тону, недовольно. Проповеди — дело, конечно, нужное, но читать их надо не у нее на кухне, а в церкви.

Однако оказалось, что вести Гайдна не были связаны с богословием.

— Одна из причин моего приезда — помимо вашего любезного приглашения — это то, что я хочу сообщить вам о нашем общем предке, сэре Тюдоре Эвансе.

— О сэре Тюдоре? У нас в роду были дворяне?

— Да, в семнадцатом веке.

— Что-то я не припомню, чтобы видела его на нашем родословном древе.

Гайдн улыбнулся с видом человека, намного лучше разбирающегося в генеалогической науке.

— Если я не ошибаюсь, оно начинается с восьмидесятых годов восемнадцатого века.

— Да.

— Утверждать, что род начался тогда, конечно же, неверно. У ваших предков, живших в восемнадцатом веке, были родители, так же, как и у моих, а те, в свою очередь, тоже имели родителей. Таким образом, историю можно проследить до самых истоков, до сэра Тюдора и, в конечном итоге, до самого Адама.

— Давайте не будем говорить об Адаме, лучше расскажите мне о сэре Тюдоре. — Гвинет быстро повернулась к Полу, который сосал палец. — Ты наверняка не знал, милый, что я происхожу из дворянского рода.

Гайдн сказал:

— Это прямая линия. Его называли Плантатор Эванс. Согласно моим исследованиям, он владел половиной Барбадоса. Он нажил огромное состояние продажей сахарного тростника.

— В самом деле? Состояние? И что с ним стало?

— Большая его часть в 1683 голу пошла на дно во время крушения «Глорианы». Это одна из величайших морских трагедий. Он продал свои плантации, чтобы вернуться на землю отцов, и почти доплыл до Уэльса, когда на Бристольский залив налетел шторм и корабль вместе со всем экипажем исчез. На борту были сам сэр Тюдор и его жена Элеонора.

— Как печально!

— Да. Упокой, Господи, их души.

Гвинет коснулась пальцем лба.

— Что-то я припоминаю. Прошлый год был для нас настоящим кошмаром, и у меня столько всего вылетело из головы... «Глориана». Это

не тот ли корабль, который нашли охотники за сокровищами? Я где-то читала об этом.

— О, эта история была во всех газетах, — подтвердил Гайдн. — Я привез с собой несколько вырезок. Они у меня в чемодане.

— Вспомнила. Водолазы подняли со дна много дорогих вещей. Они нашли целые бочки монет, серебро и прекрасные драгоценные украшения. О, как волнительно! А мы можем заявить о своих правах?

Гайдн покачал головой.

— Это исключено, дорогая моя. Для этого пришлось бы нанимать адвокатов. К тому же, наверное, уже слишком поздно.

— Почему?

— Насколько я знаю, если у побережья Великобритании на затонувших кораблях находят сокровища, их нужно сдавать в специальную службу или таможду. После этого у их законного владельца есть год и один день на то, чтобы заявить о своих правах. После этого найденные предметы продаются, и выручка поступает тому, кто их нашел.

— Год и один день, — повторила Гвинет. — О, Гайдн, это так интересно. А когда эти искатели сокровищ начали поднимать вещи с «Глорианы»?

— В прошлом марте.

— Одиннадцать месяцев! Значит, у нас еще есть время подать заявку. Мы должны это сделать.

Гайдн тяжело вздохнул.

— Эти вещи могут быть очень дорогими.

— Но они станут нашими, если мы сумеем доказать свои права на сокровища.

Он протестующе выставил руку.

— В отличие от вас, моя дорогая, я не имею на это права. У вас с сэром Тюдором прямая связь, а у меня очень отдаленная. Нет, личного интереса в этом деле у меня нет. Кроме того, человек моей профессии не может служить одновременно Богу и мамоне.

— Вы действительно верите, что я имею право на эти богатства?

— Охотники за сокровищами наверняка будут оспаривать это.

— Речь идет о миллионах фунтов, верно? Я что, должна просто позволить им присвоить их? Мне нужно найти какого-нибудь адвоката. И побыстрее.

Гайдн кашлянул.

— Они берут за работу астрономические гонорары.

— Я знаю, — сказала Гвинет. — Мы можем себе это позволить...

Верно, Пол?

Пол вытянул губы трубочкой и дунул, что, вероятно, не имело отношения к делу. Так, по крайней мере, решила Гвинет.

— И что они хотят? Какой-нибудь первоначальный взнос?

— Кажется, это называется «предварительный гонорар».

— Я могу хоть завтра чек выписать, если надо. Теперь я занимаюсь всеми нашими денежными делами. У нас на счету денег более чем достаточно. Меня больше волнует, где найти хорошего адвоката.

Гайдн взял себя пальцами за подбородок и задумался.

— Я бы не стал обращаться в австралийскую контору. Лучше подыскать кого-нибудь на месте. В Уэльсе лучшей считается кардиффская адвокатская контора «Джоунз, Хип и Джоунз». Я уверен, что они могли бы взяться за это дело.

— А мы успеем? До марта осталось несколько дней.

— Да, дело срочное, — согласно кивнул головой Гайдн. — Знаете что? Я мог бы на несколько дней сократить свой отпуск. Если я на выходных вернусь в Уэльс, я бы с ними встретился уже в понедельник.

— Что вы, я не могу просить вас о таком одолжении, — произнесла Гвинет тоном, свидетельствующим об обратном.

— Мне это несложно, — беззаботно махнул рукой Гайдн.

— Вы ангел! А они примут австралийские деньги?

— Наверное, нет, но это не страшно. Дорожные чеки — вот решение. Лично я ими всегда пользуюсь. Знаете, если вы действительно серьезно настроены...

— О да!

— Вы могли бы купить стерлинговые чеки на мое имя, а я бы заплатил за вас.

— Вы правда можете это сделать?

— Я сделаю все, что в моих силах.

Она вся засветилась от удовольствия.

— А теперь, если они недалеко, я хотела бы взглянуть на ваши вырезки.

Принеся вырезки, он ушел в свою комнату, и она перечитала их несколько раз днем, когда Пол ушел гулять на берег и она осталась одна. Три вырезанных из газеты страницы пестрели цветными фотографиями поразительной находки. Больше всего ее восхитили рубиновое ожерелье и золотые браслеты. Она даже подумала, что не станет их продавать и оставит себе. Вместе с вырезками Гайдн принес ей и намного более

подробное генеалогическое древо, которое не оставляло никаких сомнений в том, что она — единственный прямой потомок сэра Тюдора Эванса.

Неужели такое возможно?

Позже сомнения несколько раз посетили ее. Наверняка эти охотники за сокровищами вложили немалые деньги в корабли, акваланги и прочее оборудование. Должно быть, они не сомневались в том, что все, поднятое ими со дна, будет принадлежать им. Возможно, есть какие-то пункты закона, которые не позволяют ей претендовать на эту находку? Еще она подумала о том, насколько точны результаты исследований Гайдна. Его благие намерения не вызывали у нее сомнений (какой смысл ему обманывать?), но по своему скромному опыту копания в фамильной истории она знала, насколько легко перепутать разных Эвансов.

«С другой стороны, — сказала она себе, — я для этого и нанимаю адвокатов. Это их задача выяснить, имею ли я законное право на эти сокровища».

Ближе к вечеру произошел досадный случай. Она пошла на берег, чтобы отвести домой Пола. На том отрезке берега, на котором он любил гулять, всегда было малоллюдно, даже на выходных, и вскоре она заметила его, стоящего на коленях на песке. На этот раз ей не пришлось кричать. Он сам встал, поднял свое ведро и неверной походкой направился к ней. Она машинально выставила руку, чтобы взять его очередной подарок. Он заглянул в ведро, взял что-то из него и положил на ее раскрытую ладонь.

Мертвая оса.

Она чуть не отдернула руку и не выронила насекомое. Гвинет была рада, что сдержалась, ведь он специально сохранил осу для нее, и ей не хотелось его обижать.

— О, это оса? — сказала она. — Какая красивая! Спасибо, милый. Ты такой заботливый. Давай отнесем ее домой и положим рядышком с остальными камушками и ракушками, хорошо?

Она достала из кармана бумажный носовой платок и бережно завернула в него крошечное тельце.

Дома она развернула его и раздвинула лежавшие на полке ракушки и камни, освобождая место.

— Ну вот.

Она повернулась к Полу и улыбнулась.

Он поднял руку и раздавил осу большим пальцем.

— Пол!

Этот жестокий поступок поразил Гвинет. У нее возникло такое чувство, словно было разрушено что-то дорогое.

— Зачем ты это сделал, Пол? Ты же мне ее подарил. Я ценю твои подарки, ты ведь знаешь.

Неуклюжей шаркающей походкой он вышел из комнаты.

Вечером за ужином она рассказала Гайдну об этом случае, снова нарушив правило не обсуждать Пола в его присутствии.

— Мне все кажется, что он это сделал неспроста, — призналась она. — Это так на него не похоже.

— Если хотите услышать мое мнение, — сказал Гайдн, — это говорит о том, что у него сохранился разум. Оса не должна находиться в доме, ни мертвая, ни живая. По правде сказать, у меня на ософобия. Это одна из причин, почему я не хожу на берег. Везде, где есть вода, обязательно будут и осы.

— Наверное, вас когда-то укусила оса?

— Нет. К счастью, мне всегда удавалось держаться от них подальше, но одного моего дядю оса убила.

— Убила оса?

— Ему тогда было всего сорок четыре. Это случилось в Аберистуите у всех на глазах. Оса укусила его в правый висок. Лицо у него стало ярко-красным, и он рухнул прямо на гальку. Тетя побежала за врачом, но тот смог лишь констатировать смерть.

Эта трагедия явно произвела огромное впечатление на Гайдна. То, что он рассказывал об этом случае простым языком, без обычных в его речи цветистых выражений, доказывало это.

— Какой ужас! Наверное, это редкий случай.

— Такое случается чаще, чем выдумаете. Говорю вам, хоть оса — это божья тварь, но я стараюсь держаться от них подальше. — Он повернулся к Полу и впервые обратился к нему напрямую, стараясь завершить разговор на более веселой ноте. — Поэтому — да приумножится сила ваших перстов, мой друг.

Пол посмотрел на него пустым взглядом.

В конце трапезы Гайдн объявил, что утром уезжает.

— Я звонил в аэропорт. Мне там сказали, что могут включить меня в какой-то «подсадочный» список, и подсказали, что лучше лететь до выходных, так что я лечу завтра.

— Завтра? — Голос Гвинет взволнованно дрогнул. — Но как же? Мы ведь еще не купили дорожные чеки.

— Ничего страшного, моя дорогая. В аэропорту есть место, где их

можно купить. Вы можете просто выписать мне чек. Наверное, это даже лучше сделать прямо сейчас, чтобы завтра с утра не забыть.

— И сколько нужно?

— Не знаю. Я, право, очень слабо представляю себе, сколько сейчас берут адвокаты. Но вы точно готовы на эти расходы?

— Совершенно точно. Если выяснится, что я не имею права на эти сокровища, я надеюсь, мне об этом сообщат?

— Я сам вам сообщу, моя дорогая. Сколько вы можете потратить? Будет лучше, если я возьму больше, чем меньше.

Она выписала ему чек на десять тысяч австралийских долларов.

— Что ж, если позволите, теперь я пойду собирать вещи и побуду один перед сном.

— Может, утром вам приготовить завтрак пораньше?

Гайдн улыбнулся.

— Да, скажем, часов в восемь. Для меня это действительно рано. Я тогда успею и выполнить то, что я себе обещал, — искупаться во включенном джакузи. Спокойной ночи, и храни вас Бог, моя дорогая. И вас, старина Пол.

Гвинет не спалось. Посреди ночи она посмотрела на Пола и заметила, что тот лежит с открытыми глазами. Она нащупала его руку, сжала ее и заговорила с ним так, как будто он понимал:

— Я все думаю, правильно я поступила, отдав Гайдну этот чек. Не то что я ему не доверяю... То есть он же священник, а разве можно не доверять священнику? Я просто думаю, как поступил бы ты, милый. Дал бы ты ему эти деньги? И, знаешь, мне почему-то кажется, что нет. Я все время спрашиваю себя, что ты хотел сказать мне, когда давал ту осу? Ведь ты такого никогда раньше не делал. А потом еще и раздавил ее.

Наверное, вскоре после этого она наконец заснула, потому что, снова открыв глаза, Гвинет увидела, что из-за краев штор уже проглядывает серый рассвет. Она вздохнула и повернулась к Полу, но его сторона кровати была пуста. Наверное, он уже ушел на берег.

Через несколько минут она уже приняла душ и оделась, чтобы пораньше начать готовить завтрак. Она решила, что сначала достанет продукты, потом приведет домой Пола и после этого приступит к готовке.

Однако тем утром ее ждало немало неожиданностей.

Идти на берег за Полом ей не пришлось, потому что по какой-то необъяснимой причине он сам вернулся в дом и занял свое обычное место

на кухне.

— Пол! Ты меня огорошил, — сказала она, удивленно глядя на него. — Что случилось, дорогой? У тебя сегодня утром разыгрался аппетит? Потерпи немного, я уже начинаю. Бутерброд хочешь пока? Но я, пожалуй, сперва схожу к Гайдну, проверю, проснулся ли он.

Когда она подошла к двери Гайдна, ей вдруг пришло в голову, что сегодня Пол ничего не принес ей с берега. Она решила, что, наверное, он на нее обиделся за то, что вчера она разговаривала с ним об осе таким тоном.

Она не любила стучаться в комнату священника, боясь потревожить его во время утренней молитвы, но сегодня это было необходимо сделать, чтобы он не проспал.

— Спасибо, — раздался из-за двери голос Гайдна. — У меня еще есть время на джакузи?

— Конечно. Скажем, минут двадцать вам хватит?

— Вполне.

Она вернулась на кухню и сделала Полу бутерброд. Ведро, которое он всегда брал с собой на берег, стояло рядом с ним. Гвинет украдкой заглянула в него, проверить, не лежит ли там для нее подарок, ракушка или гольш.

Пусто.

Ничего не сказав, она принялась накрывать стол. Потом поставила на огонь сковородку.

Через пятнадцать минут завтрак был готов, но Гайдн пока не появился.

— Похоже, в джакузи ему понравилось, — сказала она Полу. — Давай начинать без него.

Когда закончили, она сказала:

— Пойду проверю.

Ножка стула, на котором сидел Пол, была прижата к двери и не давала ей открыться.

— Подвинься, дорогой. Я не могу выйти.

Он не пошевелился.

— Наверно, ты прав, — сказала Гвинет, как всегда, заставляя себя думать, что его действия осмысленны и имеют цель. — Не стоит беспокоиться из-за пустяков. За несколько минут еда не испортится.

Прошло еще четверть часа.

— Может, с ним что-то случилось? Надо сходить проверить. Пусти меня, дорогой.

Когда она взяла Пола за руку и помогла встать, он обнял ее и притянул к себе, прижавшись к ней щекой. Она удивилась, но это было ей приятно.

Он не обнимал ее с того дня, когда с ним случилась беда. Гвинет поцеловала его и пошла искать Гайдна.

Гайдн в черных плавках лежал ничком на плиточном полу рядом с джакузи, в котором шумно бурлила вода. Когда она позвала его, он не пошевелился.

— По-моему, он умер, — сказала Гвинет девушке, ответившей на звонок в «скорую».

Девушка посоветовала сделать ему искусственное дыхание и сказала, что машина уже выехала.

Гвинет все еще сидела на полу, пытаясь вдохнуть жизнь в Гайдна, когда приехала полиция.

— Позвольте взглянуть, миссис, — сказал сержант. Потом, после беглого осмотра тела, он объявил: — Он мертв. Сожалею. Это ваш муж?

Она объяснила.

— Вы его здесь нашли?

— Да. Вы думаете, это электричество?

— Это я хотел бы от вас узнать. Джакузи работало, когда вы его нашли?

— Да. — Гвинет вдруг сообразила, что вода в джакузи уже не бурлила. Наверное, Пол выключил его, когда она звонила в «скорую». Пола ей не хотелось вмешиваться, поэтому она добавила: — Хотя не знаю. Может быть, я ошибаюсь.

— Может, тут и правда есть утечка тока, — предположил сержант. — Проверим. А ваш муж дома?

— Был дома. — Она выкрикнула его имя и, не услышав ответа, сказала: — Наверное, он ушел на берег. Он всегда там гуляет. — И она рассказала им об инсульте.

Прибыли еще полицейские. Некоторые были в штатском. Один из них представился инспектором уголовной полиции Перри. В течение следующих двух часов он несколько раз разговаривал с Гвинет. Инспектор сходил в комнату Гайдна и открыл чемодан, который тот собрал для полета домой. Вернувшись к Гвинет, он улыбнулся.

— Так вы говорите, что считали его родственником из Уэльса?

— Да, это мой родственник.

— Дальний?

Не замечая его усмешки, Гвинет сказала:

— Если хотите, могу вам показать генеалогическое древо...

— Не стоит, миссис Моллой. Его чемодан забит подобными

картинками, и все они такие же липовые, как его уэльский акцент. Он не был священником. Его звали Браун. Майкл Герберт Браун. Это английский мошенник, которого мы искали много месяцев. Скотланд-Ярд подобрался к нему слишком близко, поэтому прошлым летом он перебрался к нам в Квинсленд. Он своими рассказами о сокровищах выманивал у людей тысячи. Вот ваш чек. Я бы сказал, что вам очень повезло.

Через какое-то время тело перенесли в машину «скорой помощи» и увезли.

Вечером позвонил инспектор Перри.

— Я просто хотел сообщить вам, что с вашим джакузи все в порядке, миссис Моллой. Я получил отчет от патологоанатома и могу сказать, что Браун умер не от электрического удара.

— От чего же тогда?

Инспектор рассмеялся.

— От чего-то более интересного. Он был ужален.

Гвинет нахмурилась и положила руку на горло.

— Его ужалила оса?

— Можно сказать и так. — В голосе инспектора были слышны удивленные нотки. — Только это не совсем та оса, которую вы себе представляете.

— Я не понимаю.

— Тут нет ничего загадочного, миссис Моллой. Его ужалила морская оса. Знаете, что такое морская оса?

Она знала. Все живущие на берегу знали, что такое морская оса.

— Это медуза. Очень ядовитая медуза.

— Правильно. Одно из самых ядовитых созданий на планете.

— Но он не плавал в море. Он даже на берег не выходил.

— Как раз это, пожалуй, все и объясняет.

— Каким образом?

— Он про морских ос не знал. Штормом их много прибило к берегу. Похоже, что Браун решил все же один раз сходить на море перед отъездом. Он надел плавки и, наверное, зашел в воду. Далеко идти ему было не нужно, медузы плавали у самого берега на отмели. Мы с вами знаем, насколько опасны эти существа, но англичанину это, очевидно, было неизвестно. Морская оса ужалила его, он кое-как вернулся в дом и упал рядом с джакузи.

— Ясно. — Она понимала, что подобное не могло произойти.

— Миссис Моллой, попытайтесь вспомнить, вы видели, как он уходил

на берег?

— Я готовила завтрак.

— Жаль. А где был ваш муж?

— Пол? — Она покосилась на Пола, который сидел в своем кресле, обхватив руками ведро. — Он был со мной на кухне. — Она хотела добавить, что Пол тогда вернулся с берега, но не успела, потому что инспектор уже переключился на другие варианты.

— Может, кто-то другой видел Брауна на берегу. Но в такое время, я полагаю, там бывает мало людей.

— Да.

— Все же постарайтесь найти хотя бы какого-нибудь свидетеля. Я помню, вы сказали, что он предпочитал не выходить на берег, но умер-то он именно от контакта с морской осой. Это установлено совершенно точно.

— Я в этом и не сомневаюсь.

— Если он не вышел на берег, как иначе это могло произойти? Я могу представить еще только один вариант, но не могла же медуза из моря перенестись в джакузи!

ДЖИЛЛИАН СЛОВО

В поисках Тельмы

Джиллиан Слово родилась в Южной Африке, но с двенадцати лет живет в Англии. Журналист и телепродюсер, она написала несколько отличных детективных романов о лондонской сыщице Кейт Байер, в том числе «Болезненные симптомы» и «Смерть психоаналитика».

~ ~ ~

Я почти покончила с заполнением налоговой декларации, когда раздался звонок в дверь. Точнее сказать, декларация уже почти прикончила меня. Центральная колонка вела себя вполне дружелюбно, но вот колонки слева и справа от нее никак не хотели приходить в согласие.

Снова раздался звонок. Я не ответила — не хотелось мне сейчас никого видеть, к тому же я только что приняла важное решение. Я решила схитрить: если взять несколько пенсов из правой колонки и добавить их в левую, баланс сойдется. Конечно, это было не совсем законно, но, если это заметят в таможенном и акцизном управлении, они узнают только то, что им и так известно: дела у меня идут из рук вон плохо.

— Дверь была открыта, — произнес несмелый голос.

Недовольная тем, что меня отвлекают, я нахмурилась и повернулась к двери. Взгляд мой остановился не на лице, а на широком ремне из лакированной кожи. Я подняла глаза выше.

Стоящий в двери человек был настоящим великаном, ростом ближе к семи футам, чем к шести,^[41] и с соответствующим телом. Такой человек не мог не бросаться в глаза, и было видно, что он гордится этим. Бритая голова гиганта отливала густым черным цветом на фоне его одежды. А одежда у него была примечательная: пестрый костюм-тройка, в котором можно было отыскать все цвета радуги, и сидел он на богатырской фигуре как влитой; широкий серебряный галстук прятался за ослепительно ярким жилетом; на паре добротных сверкающих туфель красовались серебряные пряжки размером с мою руку. Я сглотнула.

— Дверь была открыта, — повторил он.

Голос его был тихим и мелодичным. Никогда не стоит настраивать против себя великанов (даже наделенных обворожительным голосом), поэтому я улыбнулась. Чтобы посмотреть на него, мне пришлось так задрать голову, что у меня заболела шея, и я встала, чтобы хоть как-то сократить нашу с ним разницу в росте. Он шагнул ко мне.

Мужчина был действительно огромен. Когда он подошел ко мне, мне показалось, что я стою рядом с башней. С таким меряться смысла нет, поэтому я опять села.

— Чем могу помочь? — сказала я и подумала: «Слава богу, хоть голос не задрожал».

Он улыбнулся, и вместе с ним улыбнулся длинный серо-коричневый шрам через всю левую щеку. Усевшись передо мной в кресло, он опустил на мой стол два огромных кулака. Я невольно подалась назад. Немного, но головой о стенку стукнулась. Я незаметно почесала затылок.

— Я очень надеюсь, что вы можете мне помочь, — сказал он.

Я с внимательным видом кивнула и приготовилась слушать. Я была готова к чему угодно.

— Я хочу, чтобы вы нашли одного человека, — сказал он. — Человека зовут Тельма.

Тут у меня в голове как будто что-то щелкнуло, да так явственно, что, могу поспорить, в ту секунду, напрягая память, я потеряла сотню тысяч мозговых клеток. «Помню-помню, читали», — подумала я. Цинично улыбаясь, я прислонила спинку своего кресла к стене и положила ноги на стол, прямо на бухгалтерскую книгу. Жаль только, что у меня из угла рта не торчала сигарета, это дополнило бы образ.

— А как вас зовут? — спросила я. — Случайно не Лось?^[42]

Он озадаченно поднял брови.

— Лось? — переспросил он и на секунду задумался. — Нет. Мартин. Мартин Маллой.

Я снова улыбнулась, и на этот раз цинизм не был напускным.

— Сходится, — сказала я.

Он нагнулся вперед и сдвинул мои ноги вправо, открыв колонки цифр. Его толстый указательный палец ткнул в строчку посередине.

— А здесь нет, — сказал он. — Вы перепутали местами цифры. Посмотрите.

Я опустила ноги на пол и придвинула к себе книгу, чтобы закрыть, но не смогла удержаться и посмотрела на то место, куда указал его палец. Он оказался прав. Я нахмурилась.

Он улыбнулся с извиняющимся видом.

— Я просто хорошо разбираюсь в цифрах. А читать вверх ногами научился, когда сидел.

— Так, значит, вы сидели в тюрьме, — констатировала я.

Он кивнул.

— А упрятала вас туда Тельма.

На его лбу пролегла глубокая складка, и я вспомнила о его росте и кривом шраме на щеке. Он уже не производил впечатления доброго великана: я рассердила его. Я потянула за телефонный провод, пододвигая к себе аппарат.

— Тельма не упрятывала меня туда, — произнес он холодным голосом. — Более того, если кому-то я и должен сказать спасибо за то, что выбрался оттуда, так это ей, Тельме. — Он посмотрел мне прямо в глаза и прибавил: — Я не люблю, когда о Тельме говорят плохо.

Огромным усилием воли я заставила себя не отвести взгляд. Глядя на него, я легонько подтолкнула телефонную трубку, и та упала мне на колени. После этого я положила руку на телефон и поблагодарила Бога за то, что у меня в кабинете теперь стоит кнопочный аппарат. Брови Мартина Маллоя сдвинулись еще ближе.

— Рассказывайте, — сказала я, но голос мой прозвучал неуверенно, можно даже сказать, испуганно. Думая о том, удастся ли мне добежать до двери, если неожиданно вскочить, я незаметно нажала на телефоне первую девятку.

Одним быстрым и легким движением он перегнулся через стол, взял у меня с колен трубку и положил ее на стол.

Потом он опустил палец на одну из телефонных кнопок и нажал.

— Это вторая девятка, — сказал он. — Осталось нажать еще раз. [\[43\]](#) Давайте. Я не буду вам мешать.

Теперь клетки моего мозга исчезали с невероятной скоростью. «Это вызов, — подумала я. — Он заткнет мне рот, не успею я и слова в трубку сказать». Он играл со мной и, возможно, наслаждался этим. Но что мне было делать? Я сидела одна в своем жалком кабинете посреди Лондона. Если крик о помощи и услышат на улице, никто не подумает узнать, что происходит, все только поспешат убраться подальше. У меня не было выбора. Без телефона я была лишена связи с миром.

Я медленно подняла руку и подумала, что, если очень быстро нажать на кнопку, может, мой вызов и успеет соединиться. Рука начала дрожать.

— Я человек тихий, — проговорил он, наблюдая за моей рукой. — Видя мой рост, люди обычно думают обратное, но, честно, я и мухи не обижу. По крайней мере, женщину так точно не трону.

— А это откуда? — Я указала на его шрам. — Порезались, когда брились?

Он пожал плечами, и я заметила, как под пиджаком у него вспучились мышцы.

— Тюрьма — не курорт, — сказал он. — В ней ты или ломаешься, или становишься другим человеком.

— И вас она сделала другим человеком?

— Тельма сделала меня другим человеком, — сказал он. — Поэтому я и хочу ее найти.

Тут я несколько успокоилась, положила трубку на телефон и выдохнула. Страх прошел, и я почувствовала себя глупо. А еще меня охватила злость. «Он профессионал, — подумала я. — Настоящий хороший актер. И он меня сделал». Он и те, кто его послал, а я догадывалась, кто это мог быть. Что ж, теперь мне оставалось отделаться от него, закончить свои подсчеты и закрыть кабинет — возможно, в последний раз. После этого я смогу заняться мстью.

«Но я буду делать это осторожно», — подумала я. Выдвинув верхний ящик стола, я достала блокнот. Открыв его на чистой странице, я написала вверху: «М. Маллой» и подчеркнула имя — так выглядело внушительнее. На следующей строчке я вывела прописными буквами: «ТЕЛЬМА».

— Парсонс, — сказал он. — Тельма Парсонс.

— Танцовщица? — спросила я, не поднимая головы.

— Социальный работник, — ответил он и прищурился. — Но она любила танцевать. Она показывала мне свои детские фотографии, на которых была в белой пачке.

«Социальный работник, — написала я. — Неудавшаяся балерина».

— Тельме все удавалось, — сказал он громко. Впервые он повысил голос.

Я ласково улыбнулась. «Танго в одиночку не станцуешь, — подумала я. — Наконец-то настал мой выход». Как бы он ни старался изобразить праведный гнев, меня бы это все равно не проняло, тем более этот великан был настолько глуп, что связался с Сэмом.

— Почему бы вам не рассказать мне все по порядку? — предложила я.

Он откинулся на спинку кресла, и оно жалобно скрипнуло. Насупив брови, он стал теревить золотую цепочку для часов, висевшую у него на жилете.

— Тельма часто навещала меня в тюрьме, — начал он. — Она приучила меня к книгам.

Мой взгляд невольно обратился к моей бухгалтерской книге.

Он рассмеялся, или, по крайней мере, я приняла за смех те скрипучие звуки, которые исторг его огромный рот.

— Не к таким книгам, — сказал он. — К цифрам у меня талант от рождения. Из-за них у меня и начались неприятности. Нет, Тельма открыла мне мир литературы.

«Социальный работник перевоспитывает зэка, открывая ему глаза на прелести произведений девятнадцатого века», — написала я в блокноте.

— Современной литературы, — громко сказал он.

От неожиданности я вздрогнула, но вспомнила, что он умеет читать вверх ногами.

— Это полностью перевернуло мое отношение к жизни, — продолжил он. — Открыло новые горизонты. Я хочу поблагодарить ее и сделать это не в душной и мрачной тюрьме, а в настоящем мире. В свободном мире.

«В свободном мире, — подумала я. — Похоже, она его пичкала антикоммунистическими книжонками».

— Ну, так езжайте к ней и поблагодарите у нее в кабинете, — сказала я.

Великан со страдальческим видом покачал лысой головой.

— Она уволилась с работы, — сказал он. — Это занятие ей никогда не нравилось. Она говорила, что такая работа не давала ей выразиться, и теперь у нее хватило смелости бросить это дело. Мне не сказали, где ее искать. Они о своих работниках никому ничего не сообщают — боятся, что кто-нибудь из бывших зэков по какой-то причине затаит на них злобу.

— И вы хотите, чтобы я ее нашла, — подытожила я.

— Правильно, — сказал он с видом учителя, которому удалось что-то втолковать недалекому школьнику.

— И ищите вы ее, чтобы поблагодарить.

Он кивнул и опустил руку в карман своего пестрого клетчатого пиджака.

«А сейчас мы узнаем, откуда ноги растут», — подумала я, но он только положил передо мной листок бумаги, на котором было написано имя «Тельма Парсонс» и адрес в Ислингтоне.

— Здесь работала Тельма? — спросила я.

Вместо ответа он снова полез в карман. «Ага, — подумала я, — сейчас точно узнаем».

Но я опять ошиблась. Прямо передо мной он положил пачку новеньких банкнот. Я посмотрела на него, и на моем лице, наверное, было написано такое удивление, что он улыбнулся. Я взяла деньги и провела пальцем по шершавой поверхности.

— Двести пятьдесят фунтов, — сказал он. — Плата вперед.

— Вам сказали, что это будет столько стоить? — поинтересовалась я.

— Сказали? — Он нахмурился, и я решила в будущем стараться не раздражать его. — Это предположительная сумма, — продолжил он. — Гонорар плюс кое-что на расходы. Когда закончите, выпишете мне счет, и мы рассчитаемся. Вы знаете, считать я умею.

На это я ничего не сказала, и он тоже замолчал. Когда он встал и направился к двери, я не сводила с него глаз.

— Надеюсь, вы не только оставите мне свой адрес, но и будете поддерживать какую-то связь? — сказала я ему в спину.

Он повернулся.

— Да. Обстоятельства сложились так, что мне сейчас приходится переезжать с места на место. — Прежде чем снова отвернуться, он махнул мне рукой и произнес: — Я буду на связи.

— Еще одно, — сказала я, когда он наклонился, чтобы пройти в дверь. — Вы читали Чандлера?

— Не читал, — ответил он, не поворачивая головы. — И не прочитаю. Я бросил читать. Я хочу только поблагодарить Тельму и начать жить своей жизнью.

Когда я вошла, они очень удачно сидели за кухонным столом, все трое, те, кого я считала виноватыми. Сэм был занят своим любимым делом — пытался простыми словами объяснить какое-то особенно заумное решение проблемы пространственно-временного континуума — в то время как Анна и Дэниел изо всех сил делали вид, что понимают его.

Мое вторжение прервало эту идиллию. Я глотнула из бутылки шотландского виски, который купила по дороге.

— Не самый удачный день? — спросил Сэм.

Я сунула бутылку в карман пиджака, отчего тот некрасиво оттопырился. «Но ничего, — подумала я, — настроение это мне не испортит, потому что дальше его портить некуда». Я покачала головой и сказала:

— Прекрасный день. Были проблемы с декларацией, но спасибо Лосю — помог.

Они переглянулись, и у меня возникли первые подозрения. Они очень правдоподобно изображали удивление, отметила про себя я, но потом подумала, что Анна и Дэниел наверняка чему-то научились у своих актеров, а Сэм... За много лет преподавания будущим светилам науки Сэм научился быть холодным, как рыба.

Я решила сменить тактику, вытащила из сумочки пачку денег и швырнула им. Пачка приземлилась именно там, где я хотела, — на колени Сэма. Анна и Дэниел наклонились, чтобы получше их рассмотреть.

— Прекрасные новенькие банкноты, — заметил Дэниел. — Этот Лось ограбил банк?

— Может быть, Сэм ограбил? — сказала я. — Давайте его спросим.

Сэм посмотрел на деньги своим характерным отстраненным взглядом.

— Лось, — задумчиво произнес он. — Это из «Глубокого сна»?

— «Прощай, любимая», — быстро поправил его Дэниел. — Я думал, современные математики — люди образованные.

Сэм открыл рот, чтобы что-то сказать в свое оправдание, но я поняла, что пора прекращать эту игру.

— Я знаю, вы считаете, что мне нужно бросить свое дело, — сказала я. — Вообще-то я и сама пришла к такому заключению. Но подсылать ко мне девятифутового Лося — я бы не сказала, что это тонкий намек. К тому же это не смешно.

На этот раз удивление в их глазах выглядело неподдельным. Я хорошо знала эту троицу, и они прекрасно знали меня. «Они бы не стали, — подумала я, — прикидываться так долго».

— Он заявил, что его зовут Мартин, — произнесла я уже не таким уверенным голосом. — Мартин Маллой. Он искал Тельму.

Они снова быстро обменялись взглядами, но ничего не сказали. Я заметила, что Анна смотрит на мой оттопыренный карман. Беспокойство, появившееся у нее на лице, доказывало ее невиновность, доказывало, что они все не имели отношения к тому, в чем я их подозревала. Я сглотнула, вынув из кармана бутылку, подошла к ним и поставила ее на стол. Придвинула стул и тяжело опустилась на него.

— Лучше начну все сначала.

И я рассказала им все, что произошло у меня в кабинете, каждое слово скупого диалога, и, закончив, я уже не сомневалась, что это была не их затея. Но это означало, что у меня стало одной заботой больше. Причем немалой.

— Так кто его послал? — спросила я.

На этот вопрос не было ответа ни у них, ни у меня. Как и все обычные люди, я знала людей, которым я не нравилась, и я знала людей, которые не нравились мне. Но никого из них нельзя было назвать врагом, таким, который стал бы столь изощренным способом разыгрывать меня, да еще не пожалел бы на это две с половиной сотни.

— Может, какие-то недовольные клиенты?

У меня не было недовольных клиентов. Если уж на то пошло, у меня вообще не было клиентов в последнее время.

— И что ты собираешься делать? — Голос Анны вывел меня из задумчивости.

Я подобралась и расправила плечи, как будто уже знала решение, которое только-только начало формироваться у меня в голове.

— Найти ее, — твердо заявила я. — Найти Тельму. Что еще мне остается?

— А если выяснится, что эти деньги украдены?

Я пожалала плечами.

— Когда это выяснится, вот тогда я об этом и подумаю, — сказала я, взяла бутылку и аккуратно уронила ее в ведро. — А теперь, раз уж я решила пока не разводиться с вами, давайте отметим это настоящим виски.

Когда я добралась до офиса Тони в Голдерс-Грин, меня уже порядком развезло.

В «Стрит таймс» работали такие же, как Тони, люди, которых в один прекрасный день постигло озарение, что их язвы уже не излечатся. Они собрались вместе и решили, что раз уж у них пошли болячки, которыми страдают начальники, они вполне могут стать начальниками самим себе. Они организовали в Лондоне редакцию и стали выпускать газету, которая с тех пор (а сейчас она достигла, можно сказать, среднего возраста) уже перестала пытаться завоевать прибыльный молодежный рынок. Я думаю, что они были одними из немногих сохранившихся до наших дней порождений шестидесятых годов, хотя давно уже переросли ностальгию или страх и, как могли, обосновались в современном враждебном мире.

Однако здание, в которое недавно переехала «Стрит таймс», выглядело не особенно приветливо. Оно находилось между магазином женской одежды «Дороти Перкинз» и неухоженным домом, в котором располагалась адвокатская контора. Правда, тут постоянно стоял приятный запах свежего хлеба, исходивший из пекарни некоего Градзински на первом этаже. Разыскивая стеклянный кабинет Тони, я про себя отметила, что надо будет не забыть купить ржаного хлеба и голландского сыра. Увидев наконец Тони, я заметила, что манжеты рукавов его рубашки стянуты резинками.

— Все не выйдешь из образа? — спросила я.

Тони оторвал глаза от компьютера и изобразил то, что, по его мнению, было похоже на улыбку.

— Этот чертов ребенок отгрыз пуговицы, — сказал он.

— А как она?

Улыбка сделалась живее.

— Прекрасно, — довольно произнес он, но спохватился, провел рукой по мышинового цвета волосам и добавил: — А что ей станется... Хочешь кофе?

— Если с пирожным — давай.

Тони нахмурился.

— Сейчас их делают машины, — сказал он, — на каком-то складе в Бромли. Они пахнут так, что мы тут начинаем подозревать: старые добрые времена еще не закончились.

— Тогда не буду. — Я присела на край его стола и заглянула в монитор. — Ничего себе цифры. «Стрит таймс» ударились в постмодернизм?

Тони отвернул монитор.

— Бухгалтерия, — резко произнес он. Больше ничего объяснять ему было не нужно. Я прекрасно понимала, что такое бухгалтерия, почему и выбрала себе соответствующую профессию.

— Имя Мартин Маллой тебе о чем-нибудь говорит? — спросила я.

Тони зевнул.

— А где прелюдия? Предварительные ласки? — произнес он усталым голосом. — Раньше ты, по крайней мере, делала вид, что собираешься дать мне что-то за мою бесценную информацию. — Он снова зевнул. — Ты, надо полагать, решила, что со мной можно не церемониться, раз нас сослали в Годдерс-Грин?

Я пожала плечами.

— Мне нечего предложить. Дела еле идут.

— В каком направлении? В гору или вниз?

— Последнее.

— В таком случае... — Тони нажал на клавиатуре кнопку, и компьютер загудел. — До чего шумные эти новые технологии, — пожаловался он. — Проверим, не потерялась ли наша база данных во время переезда. — Он двумя пальцами быстро пробежался по клавиатуре. — Маллой, — громко произнес он. — Мистер Мартин Маллой.

Я смотрела, как Тони, прищурившись, смотрит на экран, пока нажатием какой-то кнопки он не остановил поток информации.

— Кажется, я вспомнил его, — сказал он. — Это был интересный случай.

«Выходит, это его настоящее имя, — подумала я. — Действительно, интересный случай».

— Мартин, он же Мышка Маллой, сообщил Тони.

— Мышка?

— Это намек на его рост. Никогда с ним не встречался, и, судя по всему, рост у него немалый.

— Это точно.

— Еще это намек на то, что он никогда не разговаривал с полицейскими. — Глаза Тони снова забегали по экрану. — Этот Маллой — гений в цифрах, — сказал он. — Когда он первый раз попал на передовицы, бульварная пресса попыталась сделать из него безумного ученого. Но он в эту игру играть не стал, и они в конце концов оставили его в покое.

— А с чего это вдруг о нем вообще заговорили? — спросила я.

— Маллой был связан с ист-эндскими бандитами, — пояснил Тони. — Их банда грабила банки. Ну, ты знаешь, как это — у нас в последнее время не Лондон, а настоящий Нью-Йорк. Ходили разговоры, будто полиция вышла на Маллоя, чтобы он навел их на больших людей. Он этого не сделал, и кто-то решил во что бы то ни стало затащить его в суд. Полиция в конце концов отстранилась от этого дела, убедив налоговое управление прижать его за уклонение от налогов.

— Уклонение от налогов.

Тони усмехнулся.

— В ногу со временем идут, да? Дело гроша ломаного не стоило, но присяжные видели только то, что перед ними здоровенный парень, к тому же черный, который отказывается отвечать на вопросы. Короче, впаяли ему по полной. Грустно, но, судя по тому, что здесь написано о его физических данных, в тюрьме у него проблем не должно было возникнуть.

Я вспомнила его шрам и задумалась.

— Женщины в деле участвовали? — спросила я.

Тони щелкнул подругой кнопке.

— Тут не упоминается. — Он еще раз прокрутил текст на мониторе и, ничего не обнаружив, удалил его. — Если хочешь, я могу это проверить.

— Если будет время.

Тони снова зевнул.

— Хорошо. Я свяжусь с тобой...

Не закончив предложение, он уткнулся в компьютер. На этом разговор со мной был закончен. Тони не хотел меня обидеть, просто он всегда был таким: правила вежливости для него не существовали. Но я знала, что, если ему что-нибудь удастся раскопать, он про меня не забудет. Да и, кроме того, кто я такая, чтобы отрывать человека от дел? И я ушла, оставив его заниматься бухгалтерией.

Или попыталась это сделать. Я забыла, как Тони любил делать

длинные паузы в разговоре.

— Кейт, — произнес он, когда я подошла к двери.

Я обернулась.

— Нашла бы ты себе другую работу, — сказал он.

Пожав плечами, я ушла.

Вечер я провела в одиночестве, если не считать моего саксофона. Хотя я в его компании не чувствовала себя одиноко. Я только недавно поменяла в нем пружины и провела несколько часов, заново узнавая его диапазон и проверяя свои силы.

Обычно музыка помогала забыть о работе, но не в этот раз. Пока я играла блюз, меня не покидал образ человека по прозвищу Мышка. Я видела его таким, каким он предстал передо мной в кабинете: яркая одежда, грустные глаза — человек, которого лишили дома и упрятали в тюрьму за уклонение от уплаты налогов. Я почувствовала сострадание к нему, мне стало жалко, что я не поверила ему, что не расспросила подробнее. «Вот за это я и любила эту работу, — подумала я. — Поэтому я буду больше всего скучать, когда мне придется закрыть дело». Не так часто приходится встречаться с великанами, которые разыскивают своих социальных работников, чтобы поблагодарить за приобщение к литературе. «Наверное, эта Тельма — необычная женщина, — подумалось мне. — И наверняка подоверчивее меня. Нужно было мне вести себя приветливее. Нужно было постараться».

Я тряхнула головой, переключилась на быстрый южноафриканский тауншип-джаз и выбросила из головы жалость. В конце концов, это Тельма, если она существует, социальный работник, а не я. Я попытаюсь ее разыскать, и это все, что я могу сделать. У меня и своих проблем хватало, мне нужно было думать о том, как не потерять свое дело.

Я не заметила, как заиграла блюз.

Едва проснувшись, я почувствовала жару. Это была та жара, которая приходит в Лондон каждые тринадцать лет. Я раскрыла стоящий в прихожей шкаф, в котором хранилась одежда, купленная на всякий случай, и осмотрела небогатые запасы. В конце концов, решив наплевать на все, я надела обтягивающую черную хлопковую юбку, тоненькую розовую футболку и сандалии на ремешках. Зная капризы английской погоды, я прихватила жакет.

Розовая футболка уже начала терять свой первозданный непорочный вид, когда я прибыла по адресу, который мне дал Мартин Маллой.

Здание выделялось на фоне соседних домов, как одуванчик среди травы: небольшое приземистое полушарие с красно-желтыми стенами — отрада для глаз между серыми кирпичными громадинами. Чем-то оно напоминало палатки-шатры шестидесятых годов, только в современном исполнении, и являло собой продукт программы городского совета по децентрализации своих служб для удобства населения.

Население (в основном это были женщины и дети), которое толпилось в большом зале с узкими наклоненными окнами, смелость архитектурных решений, похоже, совершенно не впечатляла. Оно и понятно: здесь было ужасно душно, и, несмотря на то что само здание выглядело весело, внутри оно было крайне неудобным. Когда я спросила, где мне найти дежурного социального работника, мне было предложено присесть и подождать. Я осторожно опустила на красный пластиковый предмет, который был привинчен к полу и сильно смахивал на мусорное ведро с большими отверстиями.

— Это не кресло, а наказание господне, — сказала женщина, сидевшая слева от меня. — Посидишь час и задницы не чувствуешь.

— Наш Джонни однажды застрял в таком, — подхватила женщина справа. — Пришлось вызывать пожарных, чтобы вырезали его оттуда. Естественно, потом меня сделали виноватой. — Она протянула руку и шлепнула Джонни, который, похоже, был не против повторить приключение с пожарными.

— Мисс Байер, — позвал голос.

Меня провели в маленькую комнату, где было ужасно душно, горела лампа дневного света, стояли стол и два стула. За столом сидела женщина немного за тридцать. Она улыбнулась и показала мне на стул. Когда я села, женщина почти скрылась из виду за горами лежащих на столе бумаг.

Она сдвинулась вправо, вытащила из одной кипы картонную папку и раскрыла ее перед собой. Я увидела, что внутри лежат чистые листы бумаги. Женщина нахмурилась, повернулась и из большой, размером с рюкзак, сумки достала толстую ручку. Ручка ей понадобилась для того, чтобы перенести мое имя, которое я вписала в бланк, на первый листок в папке.

— Я слушаю вас, — деловым тоном произнесла она.

— Я ищу человека, — сказала я.

Женщина пристально посмотрела на меня, увидела, что я не шучу, и захлопнула папку.

— Послушайте, мисс Байер, — четко произнесла она. — У нас есть определенный набор функций, которые мы и выполняем. Я вам скажу

сразу, мы не занимаемся поиском пропавших людей. Почему бы вам не обратиться в полицию? Нам с ними не очень везет, но вы можете попытаться.

Складки, появившиеся на ее лице, выдали ее агрессивное настроение. Она выглядела уставшей, несмотря на то что рабочий день только начался.

Я улыбнулась:

— Тяжелое утро выдалось?

Она поморщилась.

— Если б только утро...

— Тогда я не стану отнимать у вас время, — сказала я. — Я ищущу Тельму Парсонс.

На лице женщины промелькнула тревога, вспышка чувства, которое она поспешила скрыть, спрятав голову за одной из кип. Когда лицо ее опять появилось, оно снова было вежливо-холодным. Я даже подумала, не причудился ли мне панический страх, который какую-то секунду назад появился в этих усталых глазах. Она вопросительно приподняла бровь.

— Тельма была социальным работником, — продолжила я, — и числилась в вашей организации. Работу свою она не любила, как и все вы, и нашла способ оставить ее. Она моя подруга, и я надеялась, что вы поможете мне ее найти.

Звучало это не очень убедительно, и я сама понимала это. Филипп Марлоу справился бы лучше. Но я же не Филипп Марлоу, верно? Я всего лишь частный детектив, живу в стране, где детективов не любят, и я женщина, а не мужчина.

«Но и эта женщина не испуганный свидетель, которому есть что скрывать, — успокоила я себя, видя, как просветлело ее лицо при упоминании о моей дружбе с Тельмой. — Она просто перегружена работой и пытается не поддаться разочарованию в жизни, которое несет с собой ее профессия. А вдруг это поможет?»

Не помогло.

— Мы никогда не разглашаем адресов наших бывших сотрудников, — сказала она. — И нынешних, кстати, тоже. — Она была хорошим работником, но недостаточно хорошим. Ее глаза сузились и, несмотря на показное равнодушие, неприязненно заблестели.

Я открыла рот, чтобы попробовать еще раз, но она кивнула головой в сторону двери, красноречиво давая понять, что мое время истекло. Папку она убрала в сторону и открыла следующую.

Когда я вышла за дверь, дорогу мне преградила женщина с двумя детьми: маленьким мальчиком и младенцем на руках. Старшего ребенка

она ткнула мне.

— Вы не могли бы присмотреть за ним минутку? — сказала она. — Мне нужно малыша перепеленать, а на этих стульях сидеть невозможно.

И она с орущим младенцем торопливо ушла по коридору. Я посмотрела на оставленного ребенка.

Мальчишка был симпатичный, если не обращать внимания на текущие из носа сопли. Но я на это не могла не обращать внимания, поэтому достала из сумочки салфетку и потянулась к нему.

Мальчик отскочил прежде, чем я успела к нему прикоснуться. Я узнала его.

— Джонни?

Он вытер нос рукой и угрюмо кивнул. Я улыбнулась. Для меня это был подарок судьбы.

— Хочешь заработать пятьдесят пенсов? — спросила я.

Он окинул меня взглядом, явно решая, можно ли с меня взять побольше, и сказал:

— Фунт.

— Семьдесят пенсов?

— Фунт, — твердо повторил он, сложил на груди маленькие руки и, упрямо расставив ноги, стал ждать.

Пришлось мне принять поражение. Я присела рядом с ним и объяснила, что мне от него нужно. Джонни кивнул и, когда я закончила, протянул руку ладонью вверх. Я положила на нее железный фунт, который тут же переключался в его карман. Он снова кивнул.

Как и было договорено, я оставила его, зашла за угол и стала ждать.

Ничего не происходило. Я подождала еще — по-прежнему ничего. «Он меня обманул, — подумала я. — Наверное, Тони прав. Никудышный из меня детектив». Но вдруг из-за угла раздался крик, душераздирающий вопль. Ничего подобного я никогда не слышала. Крик прекратился, но через секунду возобновился с новой силой.

План сработал идеально. Я услышала, как с грохотом распахнулась дверь и женский голос произнес:

— Что случилось? — Это был голос женщины, из кабинета которой я только что вышла.

В ответ ей раздался еще один крик, но на этот раз со словами:

— Мой братик, — верещал Джонни, — братик! Он застрял!

— О боже! — пробормотала женщина.

Джонни снова заорал.

— Хорошо, хорошо, — сказала она, — я вытащу его, только ты

можешь не кричать?

Они быстрым шагом вышли из-за угла, сначала Джонни, потом женщина. Проходя мимо меня, он издал еще один крик, и женщина, подтолкнув его, ускорила шаг.

Я двинулась в противоположном направлении и, зайдя за угол, побежала. Влетев в ее кабинет, я плюхнулась на ее место, схватила ее сумку и принялась рыться в ней, не забывая прислушиваться к тому, что происходило снаружи.

Это была не сумка, а какая-то бездонная пропасть, к тому же забитая самыми разными вещами. Я стала подряд доставать все, что попадалось под руку. Услышав, что крик прекратился и раздался громкий шлепок, я поняла, что времени у меня совсем не много.

Из сумки появлялись старые бумажные платочки, ключи, целая россыпь кредиток («социальным работникам могли бы и лучше платить», — мелькнуло у меня в голове) и недоеденная булочка. Все не то. Я снова запустила руку в сумку.

Я уже готова была сдаться, когда нашла то, что искала, — записную книжку, маленькую, в черной обложке. Но времени у меня уже почти не осталось — снаружи уже доносились шаги.

Открыла книжечку на букве «П». Фамилия «Парсонс» там не значилась. Шаги были уже совсем рядом.

Я открыла букву «Т» и увидела имя «Тельма». Одно имя, без фамилии. Только мне это не помогло, потому что под именем к странице был приклеен черный бумажный прямоугольник. Я попыталась его оторвать, но он был приклеен намертво. Не повезло. Шаги уже были у самой двери, поэтому я сделала то, что должна была сделать: вырвала страничку, записную книжку вместе с остальным мусором сгребла в сумку, повесила сумку на стул и бросилась к двери.

Там я столкнулась с ней.

— Ручку у вас забыла, — сказала я. — Когда-нибудь голову забуду.

Гнев сошел с ее лица, и, устало вздохнув, она закрыла за мной дверь.

В рабочем кафе через дорогу, с чашкой мутной воды, выдававшейся там за чай, я заняла один из столиков и стала изучать украденную страницу. Отдрать черную бумажку не получилось. Я попыталась, но только оторвала от нее уголок.

Я перевернула страницу. На обратной стороне едва заметно проступали слова, но расшифровать написанное было невозможно. Я поднесла листок к свету, и это не помогло. «Черт возьми, нужно что-то

придумать», — подумала я.

Оставив чай на столе, я пошла в туалет. Там поднесла бумажку к висевшему над раковиной зеркалу. Надпись снова показалась, но по-прежнему оставалась неразборчивой. Тогда я достала из сумки ручку и, держа листок у голой лампочки, стала наводить видимые линии.

Времени это отняло немало, но, когда я закончила, на листке бумаги был четко написан адрес.

Чай все еще дожидался меня на столе. Положив рядом с чашкой несколько монет, я вышла на улицу.

Тельма жила в небольшом доме почти напротив футбольного стадиона. Все дома на этой улице были на одно лицо: невзрачные строения из тускло-серого кирпича с кружевными занавесочками на маленьких квадратных окнах, с садиками, невысокие ограждения которых не могли сдержать поток мусора от футбольных фанатов, и с грязными темно-красными крыльцами, которые когда-то, в другую эпоху, мылись каждый день.

Поднявшись по ступенькам к двери, я нажала кнопку звонка. Ответа не последовало. Из дома не доносилось ни звука. Я позвонила еще раз и опять безрезультатно. Я развернулась, чтобы уйти, и в эту секунду краем глаза заметила, как пошевелился уголок тусклой занавески. Я подождала, но ничего не происходило. Тогда я поняла, что делать. Я вернулась в машину, газанула погромче, чтобы было слышно в доме, и уехала оттуда. Обогнув квартал, я вернулась на ту же улицу и припарковала машину в стороне от ее дома, заглушила двигатель и приготовилась ждать.

Прошло два часа. Все это время я думала о своей работе. Вернее, о ее отсутствии. Я пыталась понять смысл того, чем я занимаюсь. Зачем варюсь в своей машине жарким летним днем, наблюдая, как утекают минуты и деньги, в ожидании появления недружелюбной Тельмы. Тони был прав. И Сэм тоже. Настало время идти вперед, время снова окунуться в настоящий мир.

Моя рука уже лежала на ключе зажигания, чтобы завести машину и уехать, когда я услышала шаги. Я тут же пригнулась и тяжело опустилась на пол. Приподняв голову, я посмотрела в боковое зеркало. Это была она, женщина с бывшей работы Тельмы. Она быстро прошла мимо моей машины, так близко, что я почти ощутила исходящее от нее волнение, и пересекла улицу, направляясь к двери Тельмы.

Дверь сразу открылась. Я смогла рассмотреть только край какой-то одежды голубого цвета, потому что женщина из социальной службы почти

полностью заслонила от меня свою противницу. О том, что они были противниками, я догадалась сразу. Не надо было слышать их разговора, чтобы понять: он был бурным. Это было видно по жестам этой женщины, по ее напряженной спине, по тому, как она достала что-то из сумки и швырнула к двери, по тому, с каким видом она ушла, и по тому грохоту, с которым захлопнулась дверь.

Когда она проходила мимо меня, я снова пригнулась, но в этом не было необходимости, потому что, охваченная гневом, она шагала, не замечая ничего вокруг, и что-то бормотала себе поднос. В какой-то миг она остановилась и ударила себя по голове, ударила в прямом смысле — хлопнула себя изо всей силы ладонью по лбу. Я и за двадцать ярдов от нее услышала хлопок.

Потом она двинулась дальше. Когда она завернула за угол, я вышла из машины, но направилась не прямо к двери Тельмы, а, обойдя дома сзади, нашла ее калитку. Толкнула ее, та подалась. Замок на ней был совсем слабый и открылся от одного нажима.

Я прошла по узкой дорожке мимо полного мусорного ведра и небольшого домика, который, очевидно, раньше был туалетом. Подойдя к кухне, я, недолго думая, открыла дверь и вошла.

В нос ударил отвратительный запах. По бокам от раковины высились горы невымытых тарелок. На полу стояли две миски, одна с остатками молока, другая — с кошачьим кормом, а на подоконнике были горшки с засохшей геранью. Солнце, вместо того чтобы питать цветы, выпило из них все соки.

Однако я бы не назвала эту кухню бедной. Она была нашпигована всевозможными микроволновками, кофеварками, автоматическими соковыжималками, наборами блестящих ножей из нержавеющей стали и прочей кухонной утварью последних моделей. «Взбесившийся идеальный дом», — подумала я, проходя через комнату в прихожую.

Оказавшись в узком коридоре, я обнаружила две закрытые двери. Я выбрала ту, что вела в комнату, в которой я видела шевеление занавески. Комната оказалась небольшой и грязной, хотя было видно, что мебель здесь подобрана со вкусом. Здесь находилась женщина лет тридцати пяти, облаченная в джинсы и голубую блузку с низкой талией. Тонкие светлые волосы безжизненно свисали по сторонам вытянутого лица. Она стояла рядом с маленьким старинным кленовым столиком и что-то на нем рассматривала.

Она повернулась и увидела меня, как только я вошла, но после этого замерла. Вернее, замерло ее тело, но не лицо. На этом бледном лице в

считанные секунды сменилось несколько эмоций: сначала шок, потом страх и, наконец, покорность судьбе.

— Что вы здесь делаете? — вяло спросила она.

— Дверь была открыта, — сказала я. — Дверь в кухню.

— У вас ордер есть?

Я покачала головой:

— Я не из полиции.

Покорность начала медленно сменяться гневом.

— В таком случае я сама их вызову. — Она сняла трубку со стоявшего на столике телефона. Однако это движение как будто лишило ее сил. Так и не поднеся трубку к уху, она посмотрела на меня. — Что вам нужно? — На этот раз в ее голосе послышалось отчаяние.

Я подошла и заглянула ей за спину. На столике я увидела исписанные листы бумаги. На одном из них наискосок лежала копирка. Увидев, на что я смотрю, она одним движением руки смахнула бумаги на пол и впиалась в меня взглядом.

— Меня зовут Кейт Байер, — сказала я. — Я частный детектив. Человек по имени Мартин Маллой нанял меня, чтобы найти вас.

— Мартин? — непонимающе повторила она.

— Вы навещали его в тюрьме.

Она явно вспомнила, о ком идет речь, лицо ее прояснилось, но тут же снова исказилось, однако на этот раз не от страха, а от веселья. Сначала она хихикнула, потом негромко засмеялась, а затем смех перерос почти в истерический хохот. Я стояла и слушала, как она смеялась мне в лицо, пока у нее слезы не потекли по щекам.

Мало-помалу смех утих. Она шмыгнула носом и вытерла глаза. Посмотрев на меня, она снова прыснула и отвернулась.

— Частный детектив, — пробормотала она. — Поверить не могу.

Я пожала плечами.

— Вас ищет Мартин.

— Пусть ищет. Я не хочу его видеть, — произнесла она так, словно поставила точку.

— Он просто хочет поблагодарить вас, — объяснила я.

Взгляд, который она бросила на меня, был полон презрения, но, как мне показалось, не в мой адрес, а в адрес Мартина.

— За то, что вы открыли ему мир литературы.

Она посмотрела на меня так, будто снова готова была засмеяться, но я не винила ее. Все это действительно звучало смешно. Если бы я не встречалась с Мартином Маллоем, я бы, услышав такое, тоже рассмеялась.

А Тельма встречалась с Мартином. Она не засмеялась. Она улыбнулась, но отнюдь не весело.

— Он тоже меня кое-чему научил, — зло произнесла она. — Тупая сволочь.

До сих пор я не осознавала своего отношения к этому делу или того, насколько важно мне было выполнить заказ Мартина Маллоя. Я просто действовала, не задумываясь. Сначала я увидела лежащую на полу копирку. Потом посмотрела на оставшиеся на столе бумаги, и для меня все встало на свои места. Быстрым движением я подошла к столу и выдернула ящик. Тельма была слишком удивлена, чтобы остановить меня, и мы обе посмотрели на пол, на рассыпавшееся содержимое ящика. В следующую секунду она бросилась на пол, закрывая его, но поздно. Я успела увидеть то, что ожидала.

— Это называется подделка.

Лежа на полу в окружении маленьких прямоугольных кусочков пластика, она посмотрела на меня горящими от злости глазами. Я вспомнила сотрудницу социальной службы и ее недавний визит в этот дом, вспомнила дорожную кухонную утварь. Все сходилось.

— Подделка кредитных карт, — сказала я, размышляя вслух. — А копирка вам нужна для того, чтобы снимать подписи.

Женщина лежала на полу, но не выглядела беспомощной. Она продолжала жечь меня взглядом.

— И что дальше? — выпалила она.

Я не ответила, но ей мой ответ был не нужен.

— А ничего, — продолжила она. — Вы же из добрых, верно? Помогаете людям. Я вижу это, потому что и сама когда-то играла в эту игру. Только все это ничего не дает.

— Кроме благодарности, — заметила я.

— Да кому она нужна, эта благодарность? — воскликнула она. — Спасибо в карман не положишь. Я за свою жизнь достаточно повидала таких Мартинов Маллоев, и больше с ними встречаться у меня нет никакого желания. Жертва системы — вот он кто такой. Идиот с добрым сердцем. Он даже сам рассказывал мне, как можно подписи подделывать, пока не понял, для чего я этим интересуюсь. А потом он еще имел наглость читать мне лекции, как будто это я в тюрьме сидела, а не он. Но я свой срок отбыла, отработала. Теперь я свободна. Я больше ничего никому не должна, и Мартину Маллою тоже...

Я понимала, что она права. Она выглядела так, будто могла и собиралась говорить часами, но мне не нужно было ее слушать. Я вышла из

комнаты, прошла через коридор к парадной двери и ступила на залитый ярким солнцем двор. Дверь я оставила открытой, чтобы в дом попал свежий воздух. На душе у меня было тоскливо.

Мартин Маллой появился через два дня. Я ждала его в своем кабинете. Ничего другого мне не оставалось. За это время я так и не смогла избавиться от ощущения собственной бесполезности, которое охватило меня после встречи с Тельмой.

Дверь я не запираю, и на этот раз он не стал звонить. Он просто вошел и остановился передо мной.

— Вы нашли ее? — спросил этот великан с бесшумной походкой.

Я кивнула.

Когда он улыбнулся, лицо его расцвело, как яркий тропический цветок, который даже шрам не смог испортить.

— Когда мы сможем встретиться? — спросил он.

Я встала.

— Она не хочет вас видеть.

Не знаю, чего я ждала, — злости, сожаления или даже агрессии, но увидела лишь слегка разочарованный взгляд. Он кивнул и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

— Как у нее дела? — поинтересовался он.

Я не знала, что ответить. Посмотрев в его теплые коричневые глаза, я вздрогнула. Вспомнив его улыбку, я поняла, что не хочу его расстраивать.

— У нее все хорошо, — солгала я. — Просто занята очень.

Зря я это сказала, Маллой не был доверчивым простачком.

— Не делайте из меня дурака, — произнес он голосом таким же твердым, как его могучее тело. — Я вам не ребенок.

Я снова опустилась на кресло.

— Простите, — сказала я, — мне не нужно было притворяться. У Тельмы далеко не все хорошо. Она занимается какими-то махинациями с кредитными карточками... И дела у нее совсем плохи, — добавила я быстро, почему-то чувствуя себя так, словно предала кого-то. Я отвернулась и посмотрела в окно на чистое голубое небо.

— Я чем-то мог бы ей помочь? — спросил он. — Она ведь мне помогала. — Голос его звучал грустно.

Я покачала головой и снова повернулась к нему.

— Я не думаю, что... — начала я.

Но его уже охватили мысли, и он не стал держать их в себе.

— Я понимал, что это глупо, — сказал он. — Я пытался объяснить ей,

что такие люди, как мы, не имеют шансов в этой жизни. Я думал, если я бы с ней поговорил как свободный человек, она послушала бы меня.

Я вспомнила, какими словами Тельма отзывалась о нем, и не сдержалась:

— Эта дрянь не стоит того, чтобы ее спасали.

— Не говорите так, — ответил он. — Она просто запуталась. Не бывает таких людей, которые недостойны спасения.

Я кивнула, больше в знак того, что понимаю его чувства, чем соглашаясь. Выдвинув ящик стола, я достала его деньги, к которым еще не притрагивалась.

— Времени я почти не потратила, — сказала я, — так что хочу вам вернуть...

Он посмотрел на меня с улыбкой, но улыбка уже не была открытой.

— Оставьте, — беззаботно произнес он. — Там, откуда эти деньги пришли, их еще много. Это плата за молчание. За срок, который я отсидел. — Лицо его смягчилось. — Я видел, что Тельма была в отчаянии, — сказал он. — Поэтому и хотел поблагодарить ее. Я подумал, если хоть кто-нибудь скажет ей, как много она сделала для людей, это поможет ей, даст надежду. Наверное, я опоздал.

Я ничего не сказала. Что тут можно было сказать?

Но он еще не закончил.

— Вы посылали кого-то найти меня?

Я кивнула.

— Хозяин моей квартиры выставил меня на улицу, — сказал он. — Вам бы следовало знать, что никто не хочет иметь дело с заключенными. Особенно с такими, которые выглядят, как я. Зачем вы это сделали?

Я почувствовала, что должна сказать ему правду.

— Потому что я не была уверена, что вы на самом деле существуете.

Он кивнул, скорее себе, чем мне.

— Мне жалко таких людей, как вы, — сказал он снова, и снова так, будто разговаривал сам с собой. — Я пришел к литературе поздно. Но я могу то, чего не можете вы. Я различаю, где настоящая жизнь, а где вымысел.

Пожав плечами, я посмотрела на него, на огромного человека, одетого на этот раз в костюм, прошитый золотыми нитками, которые поблескивали, когда он двигался.

— Это не всегда просто, — улыбнулась я.

Заметив мой взгляд, он тоже улыбнулся, подошел ко мне, взял мою руку в свою огромную ладонь и легонько пожал.

— Я рад, что познакомился с вами, Кейт Байер, — сказал он. — Впустите солнце. Дышите полной грудью.

— Спасибо, — сказала я.

— Знаете, у вас положительный баланс на счету, — пожав плечами, произнес он. — Можете мне поверить — я ведь разбираюсь в цифрах. С работой у вас все наладится. Вы хороший специалист, вы ведь нашли Тельму, верно?

Из кабинета он вышел также неслышно, как вошел в него. Я взобралась ногами на кресло, чтобы посмотреть, как он будет идти по улице, но так и не увидела его.

Я была в нужном положении, поэтому выполнила его совет.

Я открыла окна.

Это было трудно, но я смогла.

НИКОЛАС БЛЕЙК

Этюд в белых тонах

Николас Блейк (его настоящее имя Сесил Дэй-Льюис) родился 27 апреля 1904 года в Ирландии. Образование он получил в Англии, где в Оксфордском университете вместе с Уистеном Хью Оденом и Стивенем Спендером стал зачинателем так называемой «новой» поэзии тридцатых годов. Окончив университет, он стал работать школьным учителем, пока в 1935 году не переключился на литературу. В 1968 году он был избран придворным поэтом Великобритании, так называемым поэтом-лауреатом.

В семнадцати из двадцати детективных романов, которые он написал под псевдонимом Николас Блейк, главным героем является сыщик-любитель Найджел Стрейнджуэйз. Много лет он рецензировал для журнала «Спектейтор» детективные произведения, которые называл «народным мифом двадцатого века». Николас Блейк умер в 1972 году.

~ ~ ~

— А погодка подходящая для этого времени года, — заметил Делец голосом сочным, как грудка жареного гуся.

Его сосед по купе, сидевший рядом с ним Парень из Глубинки, посмотрел на метавшийся за окном снег и ответил:

— Вам такое действительно нравится? Эта снежная буря никому ничего хорошего не принесет. Хотя смотря что вы имеете в виду, говоря «подходящая». Если взять статистику за последние пятьдесят лет...

— Ваша фамилия случайно не Джоуд,^[44] сэр? — поинтересовался Делец, подмигнув остальным сидевшим в купе.

— Нет. Стайнзфилд, Генри Стайнзфилд.

Парень из Глубинки, рыжий мужчина, который сидел, плотно прижав руки к коленям своих коричневых твидовых брюк, мог бы сойти за какого-нибудь зажиточного фермера, если бы не долгий, спокойный и задумчивый взгляд, которым он обвел по очереди каждого из своих попутчиков.

То, что он увидел, не особенно его вдохновило. На противоположном сиденье слева направо размещались: Интересная Штучка, посчитавшая, что подмигивание Дельца было адресовано исключительно ей, и незаметно подтянувшая край юбки еще выше от колена; сухонький маленький человечек с волосами песочного цвета, который сопел и раздраженно ерзал, как кипящий чайник, и каждые пять минут смотрел на свои золотые часы, после чего встряхивал «Таймс» с таким хрустом, будто держал в руках пергамент; и Козырь, одетый как щеголеватый прощельга, с дерзким, но беспокойным взглядом молодого преступника.

— А я Перси Дьюкс, — сказал Делец. — Для друзей просто Пи Ди. Оптовый торговец. К вашим услугам. Ну что, еще часа полтора, и мы будем за границей, а там привет, колокольчики — красавицы Шотландии!^[45]

— Колокольчики в январе? А вы мечтатель, — вставила Интересная Штучка.

— А вы шотландец? — спросила сидевшая слева от Стайнзфилда Умиротворенная Дама.

— Я англичанин снаружи. — Перси Дьюкс похлопал себя по отвороту серого пиджака, потом из-за пазухи вытащил фляжку с шотландским виски и сделал глоток. — И шотландец внутри.

Его хохот сотряс стенки вагона. Интересная Штучка захихикала.

— Вам это пригодится, если рельсы завалит снегом и мы тут застрянем на ночь, — сказал Генри Стайнзфилд.

— Вас часом не Вещим Вороном кличут, сэр? — Купе снова содрогнулось.

— Подобное никак не возможно, — сказал Непоседа, — Начальник станции в Ланкастере заверил меня, что поезд проедет. Хотя мы уже чертовски опаздываем. — Он в очередной раз взглянул на часы.

— Вот ведь какая забавная штука, — задумчиво проговорил Парень из Глубинки. — То, как мы думаем, будто можем замедлять или ускорять время, наблюдая за стрелками часов. Вы часто ездите этим поездом, мистер...?

— Килмингтон. Артур Джей Килмингтон. Нет, до сих пор только один раз приходилось. — Непоседа разговаривал с суховатым эдинбургским акцентом.

— Ах да, это было в прошлом месяце, семнадцатого числа. Помню, я вас тогда видел.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь. Это было двадцатого. — Рот мистера Килмингтона снова сжался, крепко, как резинка на пачке юридических документов.

— Двадцатого? В самом деле? Это когда обворовали поезд? И, похоже, улов был совсем не плохой. Кстати, обворовали этот самый поезд. В нем везли рождественскую почту, и мешки испарились где-то между Ланкастером и Карлайлом.

— Боже мой, — сокрушенно вздохнула Умиротворенная Дама. — Куда мы катимся?

— Еще немного, и мы как раз докатимся до места преступления, сударыня, — сказал порывистый мистер Дьюкс. Поезд в это время медленно подъезжал к перевалу Шап.

— А я не видел, чтобы в газетах писали о том, где именно произошло преступление, — пробормотал Генри Стайнзфилд.

Дьюкс обратил на него вялый взгляд.

— Вы читаете все газеты?

— Да.

В купе неожиданно стало как-то неуютно. Лишь Козырь, лениво рассматривавший ногти, этого как будто не почувствовал.

— В какой газете вы об этом прочитали? — поинтересовался Стайнзфилд.

— Я об этом не читал. — Дьюкс постучал Стайнзфилда по колену. — Но что мешает мне использовать свой котелок? Да тут и не надо много думать. Если вы хотите сбросить с поезда почтовый мешок... То что? Правильно, поезд должен ехать медленно, а иначе мешок, упав на землю, может порваться. И между Ланкастером и Карлайлом есть только одно место, где поезд замедляет ход. Там, где дорога проходит через холмы Шапа. И медленнее всего он движется на подъезде к перевалу, как раз там, где мы сейчас находимся. Следите за моей мыслью?

Генри Стайнзфилд кивнул.

— Далее. Нужно быть круглым дураком, чтобы выбрасывать мешки где-нибудь посреди богом забытых болот, — продолжил мистер Дьюкс. — Если бы вы ездили по этой линии так же часто, как я, вы бы знали, что примерно за милю до перевала поезд проезжает по мосту, а под мостом проходит дорога. Тихая одинокая дорога, понимаете? Тут это единственная дорога, которая проходит рядом с железнодорожной линией. Вы выбрасываете мешки рядом с мостом, ваши дружки спускаются по насыпи на дорогу, закидывают их в машину, и поминай как звали!

— Из вас вышел бы прекрасный сыщик, — с придыханием произнесла Интересная Штучка.

Мистер Дьюкс довольно сложил руки на груди.

— А может, я и есть сыщик, — хрипловато рассмеялся он. — Может, я

старый частный детектив, который умеет мозгами шевелить.

— Ох, не удивлюсь, если все так и было, — сказала Умиротворенная Дама. — В наши дни столько жуликов развелось.

Козырь, оторвавшись от созерцания ногтей, посмотрел на нее подозрительно, а мистер Килмингтон пробормотал что-то насчет того, что на железной дороге никто ни за чем не следит, а проводника нужно бы серьезно наказать.

— Проводник не может находиться везде одновременно, — заметил Стайнзфилд. — Я думаю, что он должен время от времени обходить вагоны и...

— Так пусть он этим и занимается, а не спит, запершись у себя в купе! — неожиданно резко воскликнул мистер Килмингтон.

— Вы что, это сами видели?

Тут подал голос Козырь. Говорил он с американским акцентом, которым разговаривают на Чаринг-Кросс-роуд.

— Ребята, если эта банда правда собиралась вывалить мешки у моста, как этот парень говорит, как они могли знать, когда проводника не окажется в почтовом вагоне? — Он смахнул пылинку с брюк своего яркого костюма в клеточку.

— Вы правы, — сказал Перси Дьюкс. — Я думаю, в поезде должны были работать два сообщника. Один под каким-то предлогом вывел проводника из почтового вагона, а второй тем временем занялся мешками. — Он повернулся к мистру Килмингтону. — Вы что-то говорили насчет того, что проводник этого поезда спал у себя в купе. Если бы я был подозрительным человеком, если бы я был Шерлоком Холмсом, — он снова подмигнул попутчикам, — я бы сейчас крепко задумался о вас, сэр. Вы были на поезде в день, когда произошла кража. Вы ходили к проводнику. Вы обмолвились, что видели его спящим. Вы, случайно, не вызывали проводника для того, чтобы...

— Как вы смеете? Это возмутительно! — вскричал мистер Килмингтон. Его четкий голос даже стал хриплым от негодования. — Я бы посоветовал вам следить за тем, что вы говорите, и очень внимательно, если не хотите оказаться в суде. К вашему сведению, когда я...

Но что хотел донести до их сведения мистер Килмингтон, его попутчики так и не узнали, потому что поезд, который в это время уже начал осторожный спуск с перевала Шап, вдруг задрезжал и затрясся, как лихорадочный больной в бреду. Зашипели тормоза, потом с глухим звуком кулака, бьющего в подушку, паровоз зарылся в огромный сугроб, находившийся по ту сторону перевала.

Было только пять минут восьмого.

— Что это? — пронзительно вскричала Интересная Штучка, когда со стороны головы поезда послышалось истерическое пыхтение и шипение.

— Въехали в занос, надо полагать.

— Он пытается сдать назад. Бесполезно. Колеса скользят по рельсам. Вы только посмотрите! — Перси Дьюкс, высунув голову с подветренной стороны поезда, комментировал происходящее. — Ничего себе, я такого зимнего вида спорта еще не встречал.

— Проводник! Эй, проводник, — позвал мистер Килмингтон, но фигура в синей форме, на секунду заглянув в купе, поспешила дальше по коридору. — Нет, вы видели? Я буду на него жаловаться.

Генри Стайнзфилд вышел в коридор и открыл окно. Хотя вагон теоретически был защищен от ветра с этой стороны, пурга ударила ему в лицо снегом, словно ледяным кастетом. Он присоединился к группке пассажиров, которые вышли из своих купе и направились в сторону локомотива. Когда они туда добрались, из кабины спустился проводник. Он сказал, что причин для волнения нет, что, если прорваться через занос не удастся, к ним пришлют специальный локомотив, который отбуксирует их обратно в Пенрит, и что он собирается идти ставить туманные сигналы на линии сзади поезда.

Машинист попробовал было снова сдать назад, но при весе состава, при том, что ехать нужно было в гору, да по обледеневшим рельсам, учитывая, что весь паровоз был облеплен снегом, из этих попыток ничего не вышло.

— Нужно раскопать тележки, — сказал он кочегару. — Бери из первого вагона лопаты, а я прослежу, чтобы эти не позамерзли. — Он ткнул пальцем в сторону нескольких пассажиров, которые, как племя дикарей, скакали между сугробами и колотили себя по плечам.

Присоединившийся к ним Перси Дьюкс быстро стал душой компании. Черного от сажи кочегара он называл «снежком», своих компаньонов призывал копать не на жизнь, а на смерть и пророчил скорое прибытие целой стаи сенбернаров с бочонками бренди на ошейниках. Но после десяти минут тяжелого труда, когда были расчищены первые колеса тележек, стало понятно, что снежная масса сдвинула колеса локомотива с рельсов.

— Так не годится, Чарли, — сказал машинист. — Придется тебе идти назад к телефонной коробке и вызывать помощь.

— Это если провода еще не оборвались, — с мрачным видом ответил кочегар. — До коробки идти милю, не меньше, да еще в гору. Я, по-вашему,

кто, капитан Скотт, что ли?

— По крайней мере, ветер будет дуть тебе в спину, приятель. Так что давай, отправляйся.

Услышав такое, пассажиры взволнованно загудели. Однако самых шумных из них машинист успокоил предложением отвезти их куда угодно, если они поставят локомотив обратно на железки. Когда остальные разошлись по вагонам, Генри Стайнзфилд попросился зайти в кабину на несколько минут, чтобы высушить пальто.

— Да пожалуйста, — гостеприимно откликнулся машинист, а потом фыркнул: — Вы это слышали? «Мне сегодня нужно быть в Глазго!» Это же смешно! А тут еще Берт — это мой проводник — тоже заладил... Ну, он-то понятно почему расстроился. У него жена сильно болеет. Все думали, она до Рождества не дотянет, но он нашел для нее лучшего хирурга в Глазго и положил ее в частную лечебницу. Сейчас, по его словам, она как будто пошла на поправку. Он каждый день к ней ходит после работы.

Стайнзфилд поговорил с ним минут пять, а потом вернулся проводник, невысокий парень с дубленным лицом и беспокойными глазами. Он изо всех сил дул на замерзшие руки.

— Берт, мы сегодня не прорвемся. Чарли сказал тебе?

— Да. По-моему, там пассажиры собираются устроить скандал, — сообщил он унылым голосом.

Генри Стайнзфилд вернулся к своим попутчикам. Хоть в купе людей было много, там ощущался не предвещавший ничего хорошего легкий холодок. Он подумал, как долго сможет продержаться паровое отопление, и предположил, что это, должно быть, зависит от количества воды в бойлере паровоза. Стайнзфилд предвидел множество вариантов своей кончины, но замерзнуть насмерть в английском поезде он определенно не собирался.

Артур Джей Килмингтон ерзал на месте сильнее обычного. Когда по коридору проходил проводник, он спросил его, где находится ближайшая деревня, и сказал, что ему нужно обязательно позвонить в Эдинбург («срочнейшее дело»), чтобы сообщить своему клиенту, что он опаздывает на встречу. Проводник сказал, что в двух милях на северо-востоке есть деревня, ее огни видно в отдалении, но отсоветовал мистеру Килмингтону идти туда в такую пургу — лучше дожидаться спасательного локомотива, который приедет за ними не позже девяти вечера.

На какое-то время в купе воцарилась тишина, ошеломленное молчание горожан, оказавшихся оторванными от цивилизованного мира. Потом энергичный мистер Дьюкс предложил — раз уж они застряли тут на пару часов — познакомиться. Умиротворенная Дама представилась как миссис

Грант, Интересная Штучка — как Инез Блейк, Козырь с подчеркнuto небрежным видом человека, расплачивающегося в магазине фальшивыми деньгами, назвался Макдоналдом, Ай Макдоналдом.

Вскоре разговор снова зашел о краже и о преступниках, ее совершивших.

— Наверное, они очень умные, — заметила миссис Грант певучим южношотландским говором.

— Умных преступников не бывает, мэм, — негромко отозвался Стайнзфилд. Его задумчивый взгляд неспешно перешел с Макдоналда на Дьюкса. — Ни среди мелкой рыбешки, ни среди крупных организаторов. Все они, если хотите, недолюди. Толика хитрости, безграничная трусость, а все остальное не более чем тупость и хвастливость. Они слишком глупы, чтобы заниматься чем-то, кроме преступлений, у них даже не хватает ума помалкивать о своих грехах, из-за чего они рано или поздно попадают. Все они считают себя ловкими парнями, но на самом деле ловкости у них не больше, чем у дивана. Им даже не приходит в голову, что можно менять свои профессиональные методы, поэтому полиция и ловит их.

— Полностью с вами согласен, сэр, — сказал мистер Килмингтон. — Мне по профессии часто приходится встречаться с преступными элементами. И вопреки своей скромности я могу сказать, что ни один из них не превзошел меня. Я все их уловки насквозь вижу.

— Несомненно, вы правы, джентльмены, — с усмешкой произнес Перси Дьюкс. — Вот только тех молодчиков, которые ограбили этот поезд, полиция до сих пор не нашла.

— Найдут. И изумрудный браслет графини Аксминстерской тоже отыщут. Представляю, как они удивились, когда обнаружили его в почтовом мешке. Это украшение оценивают в двадцать пять тысяч фунтов.

Перси Дьюкс разинул рот. Козырь присвистнул. Инез Блейк, либо не выдержав духоты переполненного купе, либо потрясенная мыслью о таком баснословно дорогом украшении, тихо простонала и упала без чувств прямо на колени мистера Килмингтона.

— Вот те на! Что с вами, дорогая? — воскликнул мистер Килмингтон. Тут все засуетились, заволновались. Лишь юный Макдоналд не потерял ледяного спокойствия. Он на секунду склонился над ней, потом громко произнес:

— Эй, хватит лапать девушку, положите ее на сиденье. Да, я к вам обращаюсь, Килмингтон.

— Что вы себе позволяете? Как вам не стыдно? — Маленький человечек встал, да так резво, что девушка чуть не скатилась на пол. — К

вашему сведению, я всего лишь пытался...

— Да знаю я вас, старичков. Так слюни и пускаете. Уберите от нее руки, я говорю.

В последовавшей тишине Килмингтон впился негодующим взглядом в Макдоналда, но потом, увидев в стальных глазах молодого человека холодные огоньки, молча сдернул с полки свою черную шляпу и портфель и ринулся вон из купе. Генри Стайнзфилд сделал движение, будто собирался его остановить, но, как видно, передумал. Миссис Грант вышла следом за Килмингтоном, но вскоре вернулась с мокрым платочком и стала вытирать лоб мисс Блейк. Было всего 8:30.

Когда все более-менее успокоилось, мистер Дьюкс повернулся к Стайнзфилду:

— Вы, кажется, сказали, что изумрудное ожерелье... как бишь ее... графини Аксминстерской стоит двадцать пять тысяч фунтов? Неужели она могла послать такую ценную вещь по почте? Вы не ошибаетесь?

— Насчет цены? Нет, — тихонько произнес углом рта Генри Стайнзфилд, как идиот, раскрывающий секреты. — Никому не говорите, но у меня есть друг, который работает в «Космополитэн», в фирме, в которой оно застраховано. Это тоже не попало в газеты. Вот ведь глупая женщина! Она поехала в Шотландию на какое-то большое семейное торжество, а ожерелье забыла взять. Она написала домой, чтобы его выслали ей в конверте по почте.

— Двадцать пять тысяч фунтов, — прочувствованно произнес Перси Дьюкс, как бы взвешивая на языке баснословную сумму. — Уму непостижимо.

— Да. Некоторым людям удача просто на голову сваливается, верно?

Откормленное лицо Дьюкса блестело, как шмат сала. Юный Макдоналд полировал ногти. Инез Блейк читала журнал. Через какое-то время Перси Дьюкс, заметив, что вьюга начала стихать, сказав, что пойдет подышит воздухом и заодно посмотрит, не видно ли посланного им на помощь локомотива, вышел из купе.

За окном продолжали кружиться снежинки, но уже не тысячами, а десятками. Было 8:55. Вскоре из купе вышла и Инез Блейк, а через десять минут после этого миссис Грант заметила Стайнзфилду, что снег совсем прекратился. Ни Инез, ни Дьюкс еще не вернулись, когда в 9:30 Генри Стайнзфилд решил спросить, почему не появляется помощь. В багажном вагоне, который примыкал к вагону Стайнзфилда со стороны хвоста поезда, никого не оказалось, поэтому он развернулся и двинулся по коридору до первого вагона, там вылез и подошел к кабине машиниста.

— Наверное, помощь где-то задержалась, — сказал проводник, высунувшись в окно. — Чарли им дозвонился, и они обещали, что локомотив будет у нас к девяти. Но ждать уже недолго, сэр.

— А вы не видели мистера Килмингтона? Невысокий мужчина, с песочными волосами. Черная шляпа, пальто, синий костюм. Он со мной в одном купе ехал. Я прошел через весь поезд и его не встретил.

Проводник на миг задумался.

— Ах да! Маленький такой тип? Это тот, что спрашивал меня про ближайшую деревню? А, ну так он, видать, уже того, ушел.

— Вы хотите сказать, что он ушел в деревню?

— Ну да. Если его нет в вагонах, значит, ушел. Он снова ко мне подходил, это в девять было, и сказал, что если через пять минут не приедет помощь, он уходит.

— Вы после этого его не видели?

— Нет, сэр. Я после того все полчаса тут был, с ребятами разговаривал.

Генри Стайнзфилд, призадумавшись, пошел обратно вдоль вагонов. Выйдя за освещенное фонарями паровоза место, он включил электрический фонарик. За последним вагоном отвесная восточная сторона прорубленного в горе туннеля подходила почти вплотную к рельсам. Несмотря на то, что снег прекратился, ледяной, пронзительный северо-восточный ветер не унимался. Через двадцать ярдов его фонарик осветил почти засыпанную цепочку следов нескольких ног, которая уходила через пустошь на северо-восток. Похоже, кто-то из пассажиров отправился в деревню, чьи огни холодно поблескивали в отдалении. Стайнзфилд собирался пройти по следам дальше, когда услышал скрип снега под ногами. Кто-то шел к поезду вдоль линии. Он тут же выключил фонарик, и в ту же секунду ему как будто накинута на голову мешок — такой густой и всеобъемлющей, была темнота. Шаги уже раздавались совсем близко. Стайнзфилд в последнюю минуту включил фонарик, и желтый луч света выхватил из тьмы приземистую фигуру Перси Дьюкса. Тот вполголоса выругался.

— Какого черта! Я из-за вас полчаса проторчал в этом проклятом...

— Вы не видели Килмингтона?

— А, это вы. Нет. Как, черт возьми, я мог его видеть, если он в поезде? Я прошел по линии, проверял, не едет ли обещанный локомотив. В помине нет... Дьявол, до чего холодно! Я пошел.

Через какое-то время Стайнзфилд тоже пошел, но не к поезду, а вдоль путей в сторону деревни. Луч его фонаря дрожал и метался по глубокому

снегу. Обжигающий ветер дул прямо в лицо. Неудивительно, что пассажиры повернули обратно, подумал он, когда через несколько сотен ярдов цепочка следов оборвалась. Но потом он понял, что они вовсе не повернули. То, что сначала показалось ему снежным сугробом, отдаленно напоминающим фигуру лежащего человека, оказалось лежащим человеком, засыпанным снегом. Стряхнув снег, он развернул человека на спину.

Суетливый Артур Джей Килмингтон обрел вечный покой. Его портфель лежал под ним, а черная шляпа, слегка припорошенная снегом, — там, где упала, возле головы. Бегло осмотрев его, Стайнзфилд не заметил на нем никаких признаков насилия. Но глаза его были выпучены, а лицо отливало синевой. «Наверное, так выглядят задушенные, — подумал Стайнзфилд, — или те, кто задохнулся». Он снова быстро опустился на колени и посветил фонариком в мертвое лицо. От жуткой картины ему чуть не стало плохо. Ноздри мистера Килмингтона были полностью забиты снегом, который превратился там в лед. Снегом был забит и его рот.

«И здесь, — подумалось Стайнзфилду, — в этом пустынном месте, он мог бы пролежать еще несколько дней или даже недель, если бы не перестал снег». А когда наступила бы оттепель (что в том году произошло лишь через два месяца после описываемых событий), снег бы растаял и вытек у него изо рта и ноздрей, и никаких улик, указывающих на то, что было совершено убийство, не осталось бы, только труп нетерпеливого маленького адвоката, который попытался в пургу дойти до деревни и поплатился за свою несдержанность жизнью. Возможно, тогда никто не стал бы и задумываться о том, как столь аккуратный и педантичный человек мог решиться идти в таких туфлях две мили по глубокому снегу в кромешной темноте, не имея никакого освещения, ибо Стайнзфилд, обыскав его карманы, нашел только следующие предметы: записную книжку, авторучку, носовой платок, портсигар, два письма и немного мелочи.

Стайнзфилд встал и отправился обратно звать помощь, но, пройдя всего двадцать ярдов, заметил еще одну цепочку следов, уходящую от главной тропинки в сторону. Эти следа выглядели свежее, снег еще не так сильно засыпал их, и, похоже, они были оставлены одной парой ног. Он тоже свернул и пошел вдоль следов. Тот, кто проложил эту тропинку, по уходящей вправо плавной кривой вышел обратно к рельсам примерно в ста пятидесяти ярдах от того места, где лежал труп. Здесь стоял домик для путевых рабочих. Увидев, что дверь не заперта, Стайнзфилд вошел. Внутри не было ничего, кроме холодной жаровни и сигарного запаха.

В свое купе Стайнзфилд вернулся через полчаса. За это время он

помог работникам поезда перенести тело Килмингтона в почтовый вагон. Еще он сделал интересное открытие, имеющее отношение к передвижениям Килмингтона. Выходило, что после стычки с Макдоналдом и короткого разговора с проводником адвокат какое-то время провел в другом купе. За почтовым вагоном находился вагон первого класса, последний в поезде, и он был почти пустым, но в одном из купе Стайнзфилд нашел спящего пассажира. Он разбудил его, описал Килмингтона и спросил, не видел ли тот его раньше.

Пассажир недовольным голосом рассказал Стайнзфилду, что невысокий мужчина в темном пальто, из-под которого выглядывали синие брюки, подходил к его двери. Нет, пассажир не рассмотрел его лица, потому что был заспан, к тому же тот человек, обращаясь к нему, вежливо снял черную фетровую шляпу, и шляпа эта закрыла ту часть его головы, которая не была заслонена верхом двери. Нет, тот тип не входил в купе. Он, стоя в коридоре, спросил, который час (пассажир, посмотрев на часы, ответил, что 8:50), после чего сказал, что, если помощь не прибудет до девяти часов, он пойдет пешком в ближайшую деревню.

После этого разговора Стайнзфилд сходил в кабину машиниста. Проводник, которого он нашел там, сказал, что выходил из поезда и примерно в 8:45 пошел вдоль путей навстречу кочегару, отправлявшемуся за помощью. Дошел он до того места, где раньше установил туманные сигналы. Там, уже почти в девять часов, они и встретились с кочегаром, что последний подтвердил. Вернувшись в поезд, проводник зашел в последний вагон и увидел Килмингтона, сидевшего в одиночестве в купе первого класса (именно тогда адвокат и объявил ему о решении идти в деревню, если посланный к ним локомотив не приедет через пять минут). После этого проводник вышел из вагона и направился к кабине машиниста, где стал разговаривать с товарищами.

«Это свидетельство неопровержимо доказывало, что Килмингтон был убит в первых минутах десятого», — подумал Стайнзфилд, возвращаясь в свое купе. Все его попутчики были в сборе.

— Ну что, вы нашли его? — спросил Перси Дьюкс.

— Килмингтона? Нашел. В снегу позади поезда. Он умер.

Инез Блейк негромко вскрикнула. Презрительную ухмылку с лица юного Макдоналда как ветром сдуло, и он побледнел, как мел. Мистер Дьюкс пососал жирные губы.

— Бедный маленький человечек, — сказала миссис Грант. — Он все-таки решил идти, да? И замерз по дороге?

— Нет, — прямо ответил Стайнзфилд. — Его убили.

На этот раз Инез Блейк вскрикнула по-настоящему, и в следующую секунду, подобно эху, со стороны хвоста поезда донесся истошный гудок — спасательный локомотив наконец прибыл.

— В Пенрите нас будет ждать полиция, так что нам лучше заранее подумать, что им говорить. — Стайнзфилд повернулся к Перси Дьюксу. — Например, вы, сэр. Где вы были между 8:55, когда вышли из вагона, и 9:35, когда я вас встретил? Вы видели Килмингтона?

Дьюкс, уже не такой жизнерадостный, как прежде, поднял на него заплывшие жиром пороссячи глазки и спросил, кем он себя возомнил.

— Я работаю на страховую компанию «Космополитэн». До этого я был следователем в Управлении уголовных расследований. Вот моя карточка.

Дьюкс даже не посмотрел на нее.

— Да все в порядке, старина. Я просто хотел убедиться. В наши дни никому нельзя доверять. — Голос его наполнился заискивающей масляной задушевностью мелкого дельца, пытающегося заключить сделку с крупным коммерсантом. — Я просто вышел погулять, размять старые ноги. И не видел там ни души.

— А кого вы ожидали увидеть? Ведь вы дожидались кого-то в домике путевых рабочих, даже сигару там выкурили. За кого вы меня приняли, когда сказали, что прождали полчаса?

— Тише, тише, старина, — с некоторой обидой в голосе произнес Перси Дьюкс. — Ну да, я заходил в тот дом и покурил немного. А потом просто пошел обратно к поезду и по дороге встретил вас. Никому я там встречу не назначал...

— Нет, я не могу молчать, — прервала его мисс Блейк и срывающимся от волнения голосом поведала Стайнзфилду, что, выйдя из купе вскоре после Дьюкса, за окном туалета она услышала голоса. — Я узнала голос этого джентльмена, — продолжила она, кивнув в сторону Дьюкса. — Он сказал что-то вроде: «Ты еще раз нам поможешь, приятель, так что привыкай. Ты в деле по самые уши, обратного пути нет». Там был еще один голос, тихий, может быть, это был Килмингтон, не знаю. Но он звучал по-шотландски. Он сказал: «Хорошо. Встретимся через пять минут. Тут, через несколько сотен ярдов вверх по линии, есть домик, там и поговорим».

— А что вы сделали после того, как услышали эти голоса? — спросил Стайнзфилд.

— Я встретила одного джентльмена, моего друга, и мы немного с ним посидели.

— Неужели? — зловеще произнес Макдоналд. — А что ж тогда ты...

— Молчать! — прикрикнул Стайнзфилд.

— Я не обманываю, правда, — сказала девушка, не обращая внимания на Макдоналда. — Если хотите, я могу вас с ним познакомить. Он подтвердит, что я пробыла с ним полчаса или даже больше.

— А что скажете вы, мистер Макдоналд?

— Я не собираюсь ничего рассказывать, — угрюмо произнес молодой человек.

— Мистер Макдоналд не собирается ничего рассказывать. А вы миссис Грант?

— Я после того все время просидела в купе, сэр.

— После того?

— После того, как выходила намочить платок, чтобы помочь этой девушке, когда она лишилась чувств. Если помните, мистер Килмингтон покинул купе до меня. Я видела, как он шел в сторону почтового вагона.

— Вы слышали, он что-нибудь говорил насчет того, что собирается идти в деревню?

— Нет, сэр. Он просто быстро прошел к почтовому вагону, потом начал возмущаться, что он в это время не закрыт, и сказал, что будет жаловаться на проводника.

— Понятно. И вы все это время сидели здесь с мистером Макдоналдом?

— Да, сэр. Кроме тех десяти минут, когда он выходил из купе вскоре после того, как вы ушли, сэр.

— Зачем вы выходили? — обратился Стайнзфилд к молодому человеку.

— Просто подышать воздухом, брат.

— И случайно при этом прихватили золотые часы мистера Килмингтона. — Проницательные глаза Стайнзфилда впились в лицо Макдоналда.

Под этим взглядом заносчивости у того поубавилось, однако он попробовал поднять шум:

— Я ничего не знаю! Вы не имеете права...

— Я всего лишь хочу сказать, что совершено убийство, и когда полицейские обыщут вас, они найдут у вас золотые часы убитого. Думаю, это вас не очень обрадует, мой юный друг.

— Я не виноват, это была просто шутка! — Несчастный Макдоналд заголосил на чистом кокни. — Он просто вывел меня из себя своими словами, что он самый умный и всех насквозь видит. Вот я и решил его проучить немного... Я собирался их вернуть, клянусь, только потом я его

не нашел. Это просто шутка была, поверьте. К тому же часы не я вытащил, а Инез.

— Ах ты грязная сволочь! — закричала девушка.

— Заткнитесь, оба! Свою шутку объясните пенритской полиции. Надеюсь, вы до того времени не умрете со смеху.

В этот миг поезд дернулся и стал подниматься обратно по склону. У телефонной коробки он остановился, чтобы Стайнзилд связался с Пенритом, а потом загрохотал дальше на юг.

В Пенрите на платформе Стайнзилда встретили инспектор и сержант из полиции графства в сопровождении врача. Потом, после небольшой задержки в почтовом вагоне, где врач, откинув черное пальто проводника, которым был накрыт труп, приступил к предварительному осмотру тела, они прошли в купе Стайнзилда. Близ Пенрита проводник по просьбе Стайнзилда запер купе с пассажирами. Когда он его открыл, первым в купе вошел инспектор.

Сначала он обыскал Макдоналда. Найдя у него спрятанные часы, он предъявил Макдоналду и Инез Блейк обвинение в краже. После этого инспектор приступил к аресту по обвинению в преднамеренном убийстве...

Кого арестовал инспектор за убийство Артура Джей Килмингтона?

Автор дал не менее восьми подсказок, с помощью которых вы можете логическим путем не только установить личность убийцы, но и узнать мотив преступления, а также определить способ, которым оно было совершено.

Предлагаем вам, прежде чем продолжить чтение рассказа, принять вызов автора, определив восемь ключей, разгадать эту загадку и сравнить свое решение с выводами мистера Блейка, которые следуют ниже.

За преднамеренное убийство Артура Джей Килмингтона инспектор арестовал проводника поезда.

Часы из кармана адвоката вытащила Инез Блейк, когда в 8:25 сделала вид, что лишилась чувств. Тогда же часы были незаметно переданы ее сообщнику Макдоналду. Килмингтон имел привычку постоянно смотреть на часы, и невозможно представить, если он не был убит до девяти часов, чтобы за это время он не хватился часов и не устроил скандал. Это подтвердили слова пассажира из вагона первого класса, который рассказал, что некий человек, соответствующий описанию Килмингтона, спрашивал у него время в 8:50; если бы это был настоящий Килмингтон, он, прежде чем

обращаться к кому-то, захотел бы посмотреть сначала на свои часы, заметил бы пропажу и поднял бы шум. Тот факт, что Килмингтон не сообщил о краже часов проводнику и не вернулся в купе, чтобы попытаться их найти, доказывает, что он был убит до того, как заметил пропажу, то есть вскоре после того, как в 8:27 вышел из купе. Однако проводник уверял, что разговаривал с ним в 9 часов. Следовательно, проводник лгал. Зачем ему нужно было лгать, если не для того чтобы устроить себе алиби? Это ключ номер один.

Проводник утверждал, что разговаривал с Килмингтоном в 9 часов. Однако в 8:55 снежная буря уже превратилась в легкий снегопад, который вскоре и вовсе прекратился. Когда Стайнзфилд обнаружил тело, оно было покрыто снегом. Это означает, что Килмингтона убили *во время пурги*, то есть до 9 часов. Следовательно, проводник лгал, когда говорил, что в 9 часов Килмингтон был еще жив. Это ключ номер два.

Генри Стайнзфилд, который по поручению страховой компании «Космополитэн» расследовал исчезновение изумрудного ожерелья графини Аксминстерской, восстановил преступление следующим образом.

Мотив. Жена проводника до Рождества серьезно болела. Потом, примерно в то же время, когда произошла кража из поезда, он нанимает лучшего хирурга в Глазго и кладет ее в частную лечебницу (свидетельство машиниста поезда: ключ номер три). Обычный оклад проводника не позволяет оплачивать такое дорогостоящее лечение, поэтому кажется вполне вероятным, что проводник согласился участвовать в преступлении за приличную мзду. Какую роль играл он в этом? Во время расследования проводник указал, что оставил свое купе в почтовом вагоне на пять минут, когда поезд подъезжал к перевалу Шап, и, вернувшись, увидел, что почтовые мешки исчезли. Но Килмингтон, который в тот день ехал на этом поезде, обнаружил, что в это время дверь каюты проводника была заперта, и теперь (свидетельство миссис Грант: ключ номер четыре) заявил о своем намерении жаловаться на проводника. Последний догадывался, что донос Килмингтона будет противоречить его собственным словам и этим поставит его под подозрение, поскольку почтовый вагон он запер на несколько минут для того, чтобы сбросить мешки, но, когда Килмингтон постучал в дверь, сделал вид, что спит (показания самого Килмингтона). Следовательно, от Килмингтона нужно было избавиться.

Перси Дьюкс уже попал под подозрение Стайнзфилда как организатор кражи. За время поездки Дьюкс трижды выдал себя. Во-первых, он проговорился о том, что ему было известно, в каком месте из поезда выбросили мешки, хотя в газетах об этом не упоминалось. Во-вторых,

несмотря на то, что об исчезновении изумрудов в газетах тоже не писали, Дьюкс знал, что похищено было изумрудное ожерелье: Стайнзфилд подстроил эту ловушку, упомянув браслет, но впоследствии в разговоре Дьюкс говорил уже об ожерелье. В-третьих: сильное беспокойство Дьюкса после (ложного) заявления Стайнзфилда о том, что ожерелье оценивается в двадцать пять тысяч, было типичной реакцией преступника, посчитавшего, что его на приличную сумму обманул скупщик. Дьюкс планировал совершить вторую кражу из поезда и снова хотел привлечь для этого проводника. Свидетельство Инез Блейк (ключ номер пять) о том, что она слышала, как он говорил: «Ты еще раз нам поможешь, приятель», четко указало на участие проводника в предыдущем преступлении. Почти наверняка Дьюкс тогда разговаривал с проводником, поскольку только железнодорожный служащий мог знать о существовании домика путевых рабочих и назначить Дьюксу встречу в нем. Более того, если бы Дьюкс обсуждал предстоящее преступление в самом поезде не с работником железной дороги, а с кем-то другим, это вызвало бы подозрение, если бы их увидели вместе.

Совершение преступления. В 8:27 Килмингтон идет в почтовый вагон. Он угрожает написать жалобу на проводника, не подозревая, какие последствия это может иметь для последнего. Проводник, возможно, пообещав показать ему дорогу до деревни, выводит Килмингтона из поезда, отходит вместе с ним от освещенного места, оглушает его (небольшой кровоподтек Стайнзфилд просто не заметил во время беглого осмотра тела), относит туда, где Стайнзфилд впоследствии найдет труп, и забивает ему рот и ноздри снегом. Потом, вместо того чтобы незаметно вернуться в поезд, проводник решает устроить себе алиби. Он берет шляпу жертвы, идет в поезд, надевает свое темное пальто, находит спящего в вагоне первого класса пассажира и, изображая Килмингтона, спрашивает у него время и сообщает о намерении идти в деревню, если помощь не прибудет в течение пяти минут. После этого он возвращается к жертве и бросает шляпу рядом с ним (Стайнзфилд заметил, что шляпа, по сравнению, с телом, была лишь немного припорошена снегом: это ключ номер шесть). Более того, пассажир заметил под черным пальто синие брюки (ключ номер семь). У проводника форма синяя. Дьюкс был в сером костюме, а Макдоналд — в ярком клетчатом, и это говорит о том, что мнимый Килмингтон не мог быть одним из них.

В 8:55 проводник решает укрепить алиби и отправляется навстречу возвращавшемуся кочегару; от тела он идет к домику путевых рабочих. Следы, которые он оставил, по сравнению с протоптанной тропинкой в

сторону деревни, были намного меньше запорошены снегом, когда Стайнзфилд увидел их (ключ номер восемь), и это означает, что они были оставлены через некоторое время после убийства и не могли обличить Перси Дьюкса. После 8:55 проводник встречает кочегара, и они вместе возвращаются в поезд. Дьюкс, который вышел «погулять», находит проводника, и между ними происходит разговор, который услышала Инез Блейк. Проводник назначает Дьюксу встречу в домике путевых рабочих. По его замыслу, это должно было сделать Дьюкса главным подозреваемым, если бы об убийстве стало каким-то образом известно, потому что ему трудно было бы объяснить, почему он провел целых полчаса в холодном домике именно в то время, когда всего в ста пятидесяти ярдах от него был убит Килмингтон. После этого разговора проводник идет в кабину машиниста и около сорока минут разговаривает там с остальными железнодорожниками. Таким образом, у него появляется алиби на время от 8:55 до 9:40. Его план мог бы оказаться успешным, если бы не три фактора, которые он не мог предугадать: первое — это присутствие в поезде Стайнзфилда, второе — это то, что пурга прекратилась почти сразу после 9 часов, и третье — кража часов Артура Джей Килмингтона.

ДЖОН ДИКСОН КАРР

Рыжий парик

Обычно газету отправляли в печать в два часа. В тот день Макграту, редактору раздела новостей, нездоровилось (празднование Рождества прошло не без последствий), и он, оставив дела на юного Паттерсона, ушел домой пораньше — отлеживаться. Макграт спал тяжелым сном, когда у его кровати зазвонил телефон.

Макграт, издавая потусторонние звуки, как разбуженный до полуночи призрак, все же снял трубку.

— Хейзел Лоринг? — повторил он. — И что с ней?

— Она умерла, — ответил Паттерсон. — Вернее, ее убили. Вы знаете площадь Виктории?

— Нет.

— Это маленькая тихая площадь в Бейсуотере. Хейзел Лоринг жила там. Посреди площади — небольшой парк для прогулок, и вот примерно в одиннадцать часов патрульный полицейский нашел в этом саду Хейзел Лоринг, она была мертва и практически раздета.

— *Что?* — вскричал Макграт, и сон в одно мгновение выветрился из его головы.

— Ну, на ней были только бюстгальтер и нижняя рубашка. Она сидела на скамейке, мертвая, как Клеопатра, а остальная ее одежда лежала рядом с ней, аккуратно сложенная.

— В такую погоду?

— Да. Полицейский за час до этого видел, как она шла в парк. Причина смерти — несколько ударов по голове тростью со свинцовым набалдашником. За скамейкой остались следы борьбы.

— Да! — загорелся Макграт. — Ставь это на первую полосу. Каждая женщина в стране захочет узнать, что случилось с Хейзел Лоринг.

Все знали имя Хейзел Лоринг, лицо Хейзел Лоринг и взгляды Хейзел Лоринг. «Улыбайся и здоровей» — так называлась еженедельная колонка, которую она вела в газете «Дейли бэннер», злейшем конкуренте «Дейли рекорд» Макграта. «Улыбайся и здоровей» назывались и печатавшиеся тысячными тиражами буклеты, в которых она объясняла домохозяйкам, как можно без особых усилий поддерживать хорошую фигуру. И в них она не призывала питаться одними галетами и любить это.

«Я разработала эти упражнения по совету врача, — писала она. Всего лишь три минуты утром, и больше можете ни о чем не задумываться. Если вы любите шоколад, ешьте его на здоровье. Просто не забывайте выполнять упражнение и ешьте, что хотите».

Ее простой, искренний стиль растопил сердца женщин. И вскоре она уже давала советы не только о здоровье, но и о любви, о шляпках и о мужьях. Все видели фотографии красивого уверенного лица с угловатыми скулами, белозубой улыбкой и ямочками на щеках. У нее была прекрасная фигура, она была худа и очень энергична. Одевалась она со вкусом, но не броско. Серьезные карие глаза, волосы, собранные в аккуратный пучок, — ей могло быть тридцать пять. Тысячи чувствовали себя так, будто были знакомы с ней лично, и не стеснялись писать ей об этом.

Но кто-то ее убил, полураздетую, в общественном парке холодной декабрьской ночью.

По правде говоря, даже Макграт, многое повидавший на своем веку, услышав о том, что произошло, испытал жалость. Его жена не сдерживала своих чувств.

— Бедная женщина! — воскликнула она с соседней кровати. — Бедная женщина!

— О, тебя это так поразило? — спросил Макграт, у которого тут же проснулось редакторское чутье.

— Господи, конечно! Подумать только, что за жестокое, бессмысленное...

— Значит, так мы и представим эту историю. Кажется, на меня нашло вдохновение... Но Хейзел Лоринг! Кто мог подумать...

На следующее утро плоды своего вдохновения он представил Хаустону, ответственному редактору.

Офисы «Дейли рекорд» занимают модернистское здание, больше всего напоминающее заключенный в хромированную клетку гигантский шарообразный аквариум. О ночном происшествии уже знали все, и Флит-стрит гудела от слухов. Убийство Хейзел Лоринг — хотя никто еще не располагал доказательствами, что это было именно убийство, — посчитали таким важным событием, что в кабинете ответственного редактора было проведено собрание. В этом оформленном в кубистском стиле помещении с яркими шторами царственный Хаустон восседал за большим столом из черного стекла. У него был мученический вид.

— Это невозможно, — сказал он. — Мы не можем на такое пойти. Мы потеряем лицо.

— Хорошо. Оставайтесь при лице, — горячо ответил Макграт, — но не

упускайте такой шанс. Вот смотрите: это женское преступление, оно просто сочтется интересом для женщин. Оно подходит для серии репортажей, что-нибудь вроде «Наш корреспондент следит за расследованием» или «Развитие событий, день за днем». И вот, когда половина женщин Англии с замиранием сердца ждет новостей, что делаем мы? А вот что: мы поручаем освещать это дело женщине.

Хаустон провел рукой по узкому высокому лбу.

— Женщина будет писать о работе полиции?

— Почему нет? Ничто не мешает ей не потерять лицо, верно? Она будет женственной и доброй, добавит немного грусти, и готово! Все читатели будут наши.

Хаустон опустил плечи.

— Но тут нужна хватка, — заметил он. — Одно дело — писать о войне, и совсем другое об убийстве. Даже не знаю, кого бы я мог на это поставить.

— А как насчет той француженки? Жаклин Дюбуа. Она у нас только неделю, но я вот что вам скажу: ее считают самой пробивной журналисткой в Париже, Ришар из «Лои» отзывался о ней в восторженных выражениях, и я думаю, что ему можно верить.

— Она говорит по-английски?

— Она наполовину англичанка. Ее мать родом из Лондона, так что она прекрасно говорит по-английски.

— И она... м-м... не потеряет лицо?

— Нет. Это я вам гарантирую.

— Найдите ее, — коротко произнес Хаустон.

И все же он не чувствовал себя спокойно до тех пор, пока не увидел Жаклин Дюбуа воочию. После этого он облегченно и даже почти радостно вздохнул.

Макграт же, напротив, приуныл. Рекомендовал он эту девушку понаслышке, кроме отзывов Ришара, он о ней почти ничего не знал, и при первой встрече с Жаклин его охватило паническое чувство, будто он стал жертвой какого-то особенного французского чувства юмора.

Жаклин вошла в кабинет так несмело, что Хаустон даже встал, чтобы подвинуть ей стул. Это была блондинка, маленькая, в теле, с золотистыми волосами, светлой кожей, которая, как правило, очень легко вспыхивает, и большими темно-голубыми глазами, которые обычно бывают либо широко распахнуты, либо скромно потуплены. Ее поджатые губы свидетельствовали о смущении и о желании угодить. Она была в добротной, но скромной меховой шубе, и во всем, от простого серого

платья до коричневых чулок и туфель, чувствовались аккуратность и скромность. Девушка не сводила огромных глаз с Хаустона, но только когда он не смотрел прямо на нее. Приятным мягким голосом она, нерешительно и несколько путаясь в словах неродного языка, спросила, зачем ее вызвали.

Пока Макграт стоял, в отчаянии кусая губы, Хаустон сказал:

— Идея следующая: мы хотим, чтобы вы...

— Сели на хвост полиции, — пробормотал Макграт.

— Добывали новости, — строгим тоном продолжил Хаустон, — которые могут быть интересны нашим читателям. Возьметесь?

Жаклин подняла прозрачные голубые глаза.

— Возьмусь ли я? — выдохнула она и вдруг воскликнула: — Черт меня дери, да я зубами вцеплюсь!

Хаустон так и сел. Было видно, что в девушке чувство благодарности вступило в борьбу со скромностью и, похоже, одержало победу.

— Я благодарить вас на коленях! — продолжила она, молитвенно сложив ладони. — Мисс Лоринг, бедная женщина, Богу душу отдала. Честное слово, я мечтала написать об этом, но даже не надеялась, что мне так повезет. О, вы такой милый. Хотите я вас поцелую?

— Боже правый, нет! — воскликнул Хаустон.

Но Жаклин не слушала его. Она уже полностью ушла в себя. Носком туфли она постучала по ковру. На лбу ее пролегла сосредоточенная складка, и, видимо, приняв какое-то решение, она кивнула.

— Я неполноценная, — призналась она. — Я недавно в Англии и пока еще не знаю тут все входы-выходы. Но ничего, я вам накопаю материалчик — пальчики оближете Кто у вас самый главный начальник всего полицейского департамента?

— Заместитель комиссара Управления уголовных расследований.

— Хорошо! — живо откликнулась Жаклин. — Я буду с ним делать любовь.

У Хаустона глаза полезли на лоб.

— Нет, нет, нет, — произнес он.

— Да, да, да! — возразила Жаклин, энергично кивая головой.

— Вы этого не сделаете, мисс Дюбуа!

— Ничего не понимаю, — пожаловалась Жаклин. Изумленный и нерешительный взгляд ее опустился на ковер. — Вы не хотите, чтобы я это сделала? Но почему?

— Это слишком долго объяснять, мисс Дюбуа. Если в общем, то могу сказать, что подобное не совсем согласовывается с политикой нашей газеты. Кроме того, есть некоторые... так сказать, практические

соображения. Во-первых, вам к нему не прорваться. Во-вторых, если даже вам это удастся, от него вы ничего не узнаете.

Прозрачные глаза Жаклин заблестели.

— Ха, ха, ха! — сказала она. — То же самое мне говорили, когда я делала глазки Морнэю, *juge d'instruction*.^[46] У него вот такие баки. — Она жестом показала бороду внушительных размеров. — А я все равно заполучила официальные фотографии перестрелки жандармов на рю Жан Гужон. Вот было шуму!.. Но если вы не хотите...

— Нет, мы такого определенно не хотим.

Жаклин разочарованно вздохнула, но тут же снова воспрянула духом.

— Хорошо, тогда я должна узнать имя полицейского, занимающегося этим расследованием, и делать любовь с ним. И еще, пожалуйста, со мной всегда должен быть редакционный фотограф.

— Фотограф? Зачем?

— Во-первых, это удобно. Работая в «Лои», я много раз делала отличные снимки. Однажды мне удалось фотографировать, как графиня де ля Тур Сен-Сюльпис она клепто-маньяк — ворует ожерелье из магазина Полье на рю де ля Пэ.

— В самом деле?

— О-ля-ля, это была сенсация! — довольно промурлыкала она. — Еще это полезно тем, что можно сфотографировать полицейского, который занимается чем-то нехорошим. Тогда надо ему пригрозить опубликовать фотографии, если он не расскажет то, что тебе нужно.

Хаустон слушал ее так, как будто впал в транс. Жаклин казалась окруженной розовым облаком невинности, как ангел на открытке к Дню святого Валентина. Он бы не смог удивиться больше, если бы Мона Лиза вдруг высунулась передним из рамы и показала язык. Наконец дар речи вернулся к нему.

— Начинаем мы с соблазна, а заканчиваем шантажом, — промолвил он. — Макграт, я не могу этого допустить. Девушка, вы уволены! Вы погубите эту газету за неделю.

— Если вы ее увольняете, — загремел Макграт, — то и я подаю в отставку! Во имя всех святых, у нас наконец появился настоящий журналист!

— Вы хотите, чтобы нас МВД прикрыло?

— А для чего у нас редакторы сидят? Ее статьи будут проверяться и, где надо, исправляться. Поверьте, если...

— Я еще хочу попросить, — несмелым голоском промолвила Жаклин. — У вас работает один фотограф, Генри Ашвин, он хороший

человек, хотя и пьет, по-моему, слишком много виски-сода. Я хочу этого фото графа, пожалуйста.

— Ашвин? Почему именно Ашвин?

— Я знаю, что у него роман со служанкой Хейзел Лоринг. Да! Это наш козырь? Так вот, я даю ему виски, и мы разговариваем. Я уже у него много чего узнала.

— До того, как вас назначили?

Жаклин удивленно подняла брови.

— Ну да! Разумеется. Вот послушайте. Этой мисс Лоринг тридцать пять лет. В личной жизни она очень несдержанная и грубая. Генри Ашвин думает, что она обманщица, но не совсем в этом уверен. Еще она вся очень правильная, как вы говорите, ханжа. Замужем ли она? Нет. Но у нее есть жених, адвокат по имени Эдвард Хойт, и он увивается за ней уже пять лет, однако дальше этого у них дело не идет. Почему она не выходит за него, а?

— И почему?

— Я это выясню, — просто ответила Жаклин. — Теперь я расскажу то, чего не рассказала вам полиция.

— Да? — протянул Хаустон, все еще не выйдя из транса.

— Это то, что ее служанка рассказала Генри Ашвину, а Генри Ашвин рассказал мне. Когда мисс Лоринг нашли в том парке на скамейке в одном brassiere,^[47] нижней рубашке и туфлях, остальная ее одежда лежала рядом с ней на скамейке.

Макграт тут же насторожился.

— Нам это известно. И не только нам, об этом во всех газетах знают.

— Да. Но! — Жаклин выдержала многозначительную паузу. — Есть еще кое-что. В ее одежду (да-да!) был завернут рыжий парик и темные очки.

Хаустон и Макграт озадаченно переглянулись, думая, не скрывается ли за этим выражением какая-нибудь французская метафора. Но Жаклин не оставила у них сомнений.

— Рыжий парик, — повторила она и для наглядности похлопала себя по макушке. — И дымчатые очки, через которые смотрят. — Тут она приложила к глазам руки, изображая очки. — Зачем ей они понадобились, а? Черт возьми, но и это еще не все! Точно известно, что она сама разделась. Ее служанка говорит, что ее хозяйка по-особенному складывала свои чулки, она их... zut!..^[48] Хотите, я сниму свои и покажу, как она их складывала?

— Нет, нет!

— Хорошо, я просто спросить. Но это особенный способ. И еще платье тоже по-особенному сложено. Так вот, она снимает платье, и у нее с собой парик и очки. Что это значит? Вы разрешите мне это узнать? Пожалуйста. — На Хаустона устремились полные укоризны большие голубые глаза. — Вы сказали, что увольняете меня, это плохо. Я знаю, что я бестолковая сумасбродка, так все говорят в Париже, но, пожалуйста, вы же можете быть добрым, да? Дайте мне шанс, и я все сделаю, обещаю!

Хаустона одолевали самые мрачные предчувствия, но он был журналистом.

— Надеюсь, что так, — произнес он.

Инспектор Адам Белл из управления уголовных расследований стоял в аккуратной маленькой гостиной дома № 22 на площади Виктории. Он смотрел то в окно на парк, то на стоящего перед ним мужчину с бледным лицом.

В это промозглое зимнее утро площадь Виктории казалась погруженной в вечный сумрачный покой. Дома, окружавшие ее, были наглухо закрыты. В парке за зубцами металлической ограды ветви деревьев в блеклых сумерках казались черными и узловатыми, гравийные дорожки змеились вокруг железных скамеек и скелетов кустов, а земля промерзла и стала твердой, как камень.

Инспектор Белл в белой стерильной гостиной дома погибшей женщины разговаривал с женихом Хейзел Лоринг. Инспектор был молодым и очень серьезным выпускником Хендонского полицейского училища, но он был человеком душевным, и это во многом ему помогало.

— Вы можете еще что-нибудь добавить, мистер Хойт?

— Ничего, — ответил Эдвард Хойт и потрогал свой черный галстук. — Вчера я хотел повести ее на концерт, но она отказалась, поэтому пришлось мне идти одному. Видите ли, я... э-э-э... не читаю дешевые газеты, поэтому узнал обо всем только сегодня утром, когда мне позвонила мисс Элис Фармер, секретарь Хейзел.

Инспектор Белл разделял мнение Хойта о бульварной прессе: дом был окружен тройным кордоном, чтобы внутрь не проник ни один репортер, и вокруг парка уже бродили сотни зевак.

Эдвард Хойт внезапно опустился в кресло рядом с небольшим камином за белой решеткой. Он был высоким стройным мужчиной чуть за сорок, с красивым лицом, большими узловатыми руками и спокойным характером. Наверняка, отметил про себя Белл, он был очень терпеливым поклонником. В свете горевшего в камине огня его налитые кровью глаза

поблескивали, когда он то и дело посматривал на диван, на котором лежали аккуратный парик, темные очки и тяжелая трость.

— Все это слишком невероятно и жутко, — продолжил он, — и я все еще не могу в это поверить. Может быть, вы мне что-то расскажете, инспектор? Хотя бы что-нибудь?

Белл ответил уклончиво:

— Вы слышали показания, сэр. Мисс Фармер, ее секретарь, утверждает, что вчера вечером, за несколько минут до десяти, мисс Лоринг вышла из дома, не сказав, куда направляется. — Помолчав, он добавил: — Она не первый раз вот так уходила: всегда около десяти часов, и возвращалась, как правило, через два-три часа.

Хойт молчал.

— Отсюда, — продолжил Белл, — она, очевидно, пошла напрямик в парк.

— Ради всего святого, зачем ей понадобилось идти в парк? — вырвалось у Хойта.

Белл вопроса будто не услышал.

— Полицейский услышал у калитки парка какой-то шум, включил фонарик и увидел мисс Лоринг, открывающую калитку ключом. Он спросил, что она делает, но мисс Лоринг ответила, что живет на площади и имеет право ходить в парк даже в темную декабрьскую ночь. Констебль не стал ее задерживать, но не забыл о ней. Примерно через час он снова оказался у парка. Калитка была все еще открыта — он услышал, как она скрипнула. Он зашел за ограду и увидел ее на скамейке... там... возле первого поворота дорожки, примерно в пятнадцати футах от входа.

Белл замолчал.

Он явственно представил себе эту сцену: калитка, поскрипывающая на холодном ветру, тонкий, робкий луч света на ледяном теле и белой шелковой нижней рубашке, голова, свесившаяся со спинки, и ботинки на высоких каблуках с расстегнутыми пуговицами.

— Почти вся ее одежда (шуба, платье, пояс для чулок, чулки) лежали рядом с ней и были сложены так, как, по утверждению ее служанки Генриетты Симмс, она всегда складывала свою одежду. В сумочку ее никто не заглядывал. Ключ от калитки парка с прикрепленной картонной биркой лежал на дорожке.

После каждого предложения Белла Эдвард Хойт кивал.

Белл подошел к дивану и взял трость. Верхняя часть ее значительно перевешивала нижнюю, потому что под никелированным набалдашником скрывалось полфунта свинца.

— Ее убили, — снова заговорил Белл, — за той скамейкой. Земля там мерзлая, но на ней остались отпечатки ее каблуков и следы борьбы. Она не была слабаком.

— Да, — подтвердил Хойт.

— Этой тростью ей пробил череп за левым виском. — Белл взвесил трость на руке. — Наверняка именно она послужила орудием. На ручке обнаружены микроскопические следы крови и волосы, хотя крови из раны вытекло совсем немного. В нашей лаборатории установили, что... — Тут он неожиданно замолчал. — Прошу прощения, сэр, я не собираюсь устраивать допрос с пристрастием. Я просто принес эти вещи, чтобы проверить, не узнает ли их кто-нибудь.

Хойт ответил со старосветской учтивостью:

— А я прошу прощения у вас, инспектор. Для меня огромное удовольствие иметь дело с джентльменом. — Он встал с кресла и провел тыльной стороной ладони по рту. — Хорошо, что там не было крови, — добавил он. — Хорошо, что ее не... избивали.

— Да.

— Но разве такое возможно, инспектор? Чтобы рана, из которой вытекло так мало крови, оказалась смертельной?

— О да. Тут главное — повреждение тканей мозга. Одно моего знакомого ударило дверью вагона, так он даже не подозревал, что с ним что-то случилось, пока не потерял сознание. — Тон Белла изменился, он произнес четко: — Итак, сэр, я рассказал вам, что известно об этом деле. Вы ничего не хотите добавить?

— Ничего, разве что...

— Да?

Хойт заколебался.

— Понимаете, я беспокоился о ней. Она в последнее время нехорошо выглядела. Боюсь, что у нее появились проблемы с перееданием. — На лице его появилось некое подобие улыбки, что выглядело довольно странно, учитывая его красные глаза. — Но она говорила: «Пока я буду делать утренние упражнения, как тысячи моих последовательниц...» Она очень гордилась своим положением, инспектор.

Это было не совсем то, чего ожидал Белл.

— Я имею в виду, может быть, вам известны какие-то причины, по которым кто-то мог захотеть ее убить?

— Нет. Клянусь.

— Или с какой целью она могла раздеться перед убийством?

Рот Хойта сжался, но ответить ему помешало появление тихой и

спокойной, но подвижной женщины в роговых очках. Мисс Элис Фармер, секретарь мисс Лоринг, была похожа на существовавшее в былые годы представление о школьных учительницах. Слишком мягкие, хоть и не лишённые привлекательности черты лица, собранные в неряшливую причёску каштановые волосы; картину дополняли бумажные манжеты и туфли на плоской подошве.

За шесть лет работы у Хейзел Лоринг она много раз доказывала свою преданность хозяйке. Теперь же у нее покраснели веки, и время от времени она просовывала под очки уголок носового платка, вытирая слезы.

— Стервятники! — сказала она, крепко сжимая платочек. — Вампиры! Инспектор, я... Я знаю, тело несчастной Хейзел увезли, но разве вы не давали распоряжение, чтобы ни один из этих ужасных журналистов не прошел за оцепление?

— Да, а что?

— Просто дело в том, — она храбро выставила вперед подбородок, — что они прошли. Их видно из моего окна наверху. Двое. Один — мужчина с фотоаппаратом, а другая, представьте себе, женщина! Как уважающая себя женщина может опуститься до того, чтобы писать... — Лицо ее налилось кровью. — Репортажи! Я понимаю, когда женщины пишут что-то хорошее и доброе, это совсем другое! О боже! Вы ведь понимаете, о чем я?

Инспектор Белл понимал, что его приказ был нарушен. Он сдвинул брови.

— Вы уверены, что это журналисты?

— Да вы сами посмотрите!

Приятное лицо Белла зловеще помрачнело. Глубоко вдохнув в себя воздух, он взял со стула пальто и котелок.

— Прошу прощения, я на минуту, — казенным голосом произнес он. — Сейчас я с ними разберусь.

Белл стремительным шагом вышел из дома. Парковая калитка, расположенная на западной стороне площади, находилась почти напротив дома Хейзел Лоринг. Сама железная калитка, когда-то зеленая, а теперь ржавого цвета, была обращена к западу, где перед ней проходила гравийная дорожка.

Возле калитки прохаживались невысокая девушка с золотистыми волосами, в шубе, и высокая, неряшливого вида фигура в макинтоше с фотоаппаратом в руках. Окликнув их, инспектор Белл встал у них на пути и заговорил.

Генри Ашвин, фотограф, воспринял это спокойно, он всего лишь

натянул шляпу на большие торчащие уши и с виноватым видом пожал плечами. Но безмерное изумление Жаклин быстро сменилось негодованием. Она искренне верила, что помогает расследованию, и не могла взять в толк, что нужно этому человеку.

— Да не будьте вы таким верблюдом! — кричала она, пытаясь урезонить инспектора. — Вы ничего не понимаете. Я Дюбуа из «Дейли рекорд». А это мистер Ашвин из «Дейли рекорд».

— Я знаю мистера Ашвина, — недружелюбно произнес Белл. — Последний раз вас спрашиваю, вы уйдёте сами или вас выведут силой?

— Но вы же этого не сделаете!

Белл удивился.

— Почему вы так думаете?

— И с представителями прессы вы тоже не должны так разговаривать. Это некрасиво, и у вас у самого будут неприятности. Генри, мне не нравится этот человек. Выбросьте его отсюда, и мы продолжим заниматься делом.

— Ашвин, — промолвил Белл, — эта девушка совсем сума сошла?

— Извините, инспектор, — ответил Ашвин, — я сейчас все улажу. Послушайте, Жаки, у нас тут не Франция. Это я и пытался вам втолковать всю дорогу. В Англии журналистам не разрешается...

— Так вы не сделаете этого?

— Я не могу, Жаки.

— Ну все, я рассердилась, — сказала Жаки и с видом холодного величия сложила на груди руки. — Черт возьми, я жутко рассердилась, и за это я не расскажу вам ничего о зацепке, которую я нашла.

— Зацепке? — резко произнес Белл.

— Ха! Теперь, значит, вам интересно со мной беседовать, да? — воскликнула Жаклин, качая головой из стороны в сторону. Но тут ее тон изменился, она заговорила робко, заискивающе: — Пожалуйста, поймите, я хочу быть хорошей и хочу, чтобы вы были хорошим. Я могу помочь вам, если вы не прогоните меня. Мне кажется, я знаю, что случилось здесь прошлой ночью. Как только я услышала, что ботинки мисс Лоринг были расстегнуты и что при ней были парик и очки...

Белл быстро повернулся к ней.

— Откуда вам известно, что у нее были расстегнуты ботинки? И насчет парика и очков? В газеты об этом не сообщалось.

Сумерки сгущались над голыми деревьями парка. Ничто не нарушало темноту, кроме небольшого огонька такси, которое ездило по площади, шумно гремя мотором. Жаклин открыла сумочку и достала большой

прямоугольный лист глянцевой бумаги.

Это была фотография Хейзел Лоринг, снятая спереди с расстояния в несколько десятков футов. Тени находились за фигурой, поэтому отчетливо была видна каждая деталь: прямая спина, безжизненно опущенные руки, запрокинутая голова, мускулистые ноги и ботинки, на которых были четко видны расстегнутые пуговицы.

— Откуда это у вас? — вскричал Белл.

— Это мое, инспектор, — признался Ашвин. — Сегодня утром, до того, как там все убрали, я перелез через ограду. Если бы я вспышкой воспользовался, ваши люди меня сразу бы заметили, но в десять уже хорошо светило солнце, так что я просто сделал один снимок и убрался побыстрее.

Маленькие глазки Ашвина блеснули из-под его поношенной шляпы. В парке уже стало так темно, что в его лице почти ничего нельзя было рассмотреть, кроме этого блеска да еще признаков того, что ему пора побриться. Если обычно он держался довольно развязно, то сейчас, напротив, всем видом излучал смирение, да к тому же стал обвинять Жаклин.

— У меня в мыслях не было использовать эту фотографию, клянусь! — сказал он и, кивнув на девушку, продолжил с обидой в голосе: — Она ее у меня украла, хотя я даже не собирался ее показывать...

— Ботинки! — настойчиво повторила Жаклин.

Белл снова развернулся к ней.

— Что ботинки?

— Ботинки и есть зацепка, — просто сказала она. — Вы не спрашивать меня, как я получаю информацию. Про парик и очки я узнала, можно сказать, от служанки мисс Лоринг. Но я готова рассказать то, что поможет вам разобраться с этим делом, и провалиться мне на месте, если я вру.

Белл заколебался.

— Если это какая-то игра, — отрывисто произнес он, — кое у кого будут крупные неприятности. Я вас предупредил. Но если у вас есть что рассказать, говорите.

Жаклин с довольным видом приосанилась.

— Вы разве сами не видите, что по этим ботинкам можно определить, что здесь произошло?

— Если честно, нет.

— Ах, вот поэтому и нельзя расследовать убийства женщин без помощи женщин. Сейчас я вам покажу. Видите на фотографии, что у

ботинок очень высокие каблуки? Видите?

— Да.

— И застегнуты они только одним ремешком и одной пуговицей на... как это... zut!

— Подъеме?

— Я прекрасно говорить английский, спасибо, — холодно произнесла Жаклин. — Я обходиться и без вашей помощи. И к вашему сведению, я как раз подумала сказать «подъем». Но вы до сих пор не понять? Нет? — Голос ее сделался заискивающим и зазвучал сладко, как мед. — Если я вам сказать, вы сделать для меня кое-что? Вы будете хорошим? Разрешите напечатать то, что я захочу?

— И не надейтесь.

— Ах так! Значит, я вам ничего не рассказывать.

Тут чаша терпения Адама Белла переполнилась. Еще никогда за свою карьеру он не встречал ничего подобного. Да, карьера его была не такой уж долгой, но у Жаклин она вряд ли была дольше. Он решил, что больше не станет терпеть эту чушь и поставит зарвавшуюся девчонку на место, причем в самых прямых выражениях.

Он уже открыл рот, чтобы это сделать, когда на фасаде дома № 22 промелькнул приглушенный свет — это открылась и закрылась дверь.

Как только Белл услышал отчетливые шаги на дороге, его охватило предчувствие беды. Приземистая фигурка без верхней одежды и с развевающимися волосами спешила в сторону парка.

Когда фигурка приблизилась, Белл увидел, что по лицу мисс Элис Фармер текут слезы.

— Это из-за вас! — сказала она Беллу. — Боже, ну почему вы ушли? Если бы вы остались с ним...

— Тише, успокойтесь. Что случилось, мисс Фармер?

— Ваш сержант уже позвонил в «скорую» и говорит, что они смогут его спасти, но, боже мой, если они его не спасут, я не знаю, что буду делать. Боже, боже, это даже страшнее, чем... — Тут она совладала с собой и сказала: — Извините. Это несчастный мистер Хойт. Он отравился. Не могли бы вы вернуться в дом?

Адам Белл смог поговорить с Хойтом только на следующий день. В то утро в кармане Белла лежал последний выпуск «Дейли рекорд». И он думал о том, как заместитель комиссара воспримет историю Жаклин Дюбуа.

Сиделка провела его в небольшую палату, где Эдвард Хойт лежал среди подушек на белой железной кровати. Элис Фармер сидела на

скрипучем кресле-качалке у окна и смотрела на снег, засыпающий Кенсингтон-Гарденз.

— Глупый поступок, сэр, — негромко произнес Белл. — Я это понимаю, инспектор.

— Зачем вы это сделали?

— А вы не догадываетесь?

Хойт кисло улыбнулся. Его руки со змееподобными венами неподвижно лежали на одеяле, безразличный взгляд устремился на потолок. Вчера казалось, что ему было за сорок, теперь же он словно постарел на десять лет.

— Самое интересное то, — продолжил он, нахмурившись, — что я не собирался этого делать. Я не лгу, инспектор. Я не осознавал, видит Бог, не осознавал, каким страшным и неодолимым может быть секундный порыв. — Он помолчал, словно переводя дыхание, и продолжил: — Я поднялся наверх, взглянуть на комнату Хейзел. Вот и все. Это правда. Я заглянул в ванну, увидел открытый шкафчик для лекарств и в нем — пузырек с таблетками морфия. Не успев понять, что я делаю, я налил стакан воды и проглотил семь-восемь таблеток. В ту минуту, признаюсь, мне не хотелось жить.

— В самом деле?

— Да. Но сейчас я передумал. Я жалею, что так поступил. Как вы говорите, это был глупый поступок.

«Настоящий джентльмен», — подумал инспектор Белл.

Со стороны окна донесся резкий, злой скрип кресла. Элис Фармер посмотрела через плечо и быстро повернулась обратно. От снега за окном теплая маленькая палата как будто наполнялась светом.

— Конечно, я понимаю, — неуклюже начал Белл, — вы, как жених мисс Лоринг...

— Не совсем правильно меня называть ее женихом, — возразил Хойт с холодной отрешенностью.

Его тон заставил инспектора Белла насторожиться.

— То есть как, сэр?

— Хейзел не собиралась выходить замуж. Ни за меня, ни за кого-либо еще.

— Откуда вам это известно?

— Она сказала мне. Но я все равно ждал. Мне всегда доставляла удовольствие бессмысленная роль *preux chevalier*.^[49] Но Бог свидетель, теперь это в прошлом. — Хойт на секунду закрыл глаза. — Видите, я говорю откровенно.

— Вы хотите сказать, она вас не любила?

Хойт слабо улыбнулся.

— Сомневаюсь, что Хейзел была способна на это чувство. Нет, я говорил не об этом.

— А о чем?

— Я думаю, она уже была замужем. Секунду! — Голос его зазвучал тверже. — У меня нет ни единого доказательства. Это всего лишь предположение. Впечатление... Инспектор, я был знаком с Хейзел Лоринг пять лет, но так и не узнал, что скрывалось за ее знаменитыми бровями и ямочками на щеках. Я знал ее характер. И ее сердце. И ее разум, который по большому счету был весьма посредственным. Господи, что я говорю?

Он опять закрыл глаза и побледнел еще сильнее. Снова скрипнуло кресло, Элис Фармер встала, подошла к кровати и налила ему стакан воды из кувшина.

Хойт благодарно кивнул головой, но она лишь покосилась на него. Однако инспектору Беллу, наблюдавшему за каждым движением руки, за каждым поворотом головы, этот короткий взгляд объяснил многое. Он подумал: «Если Хейзел Лоринг не любила Эдварда Хойта, то понятно, кто его любит».

Мисс Фармер порхнула на свое место у окна.

— Я вам это рассказываю, — снова заговорил Хойт, ставя стакан на столику кровати, — потому что хочу, чтобы в этом деле не осталось вопросов. Если у Хейзел действительно был тайный муж, которого она от всех прятала, она не могла с ним развестись. Она создала себе слишком праведный образ.

Подняв воротник пальто, Белл вышел из больницы в снегопад. Жаклин Дюбуа, в шубе и шляпе с вуалью, ждала его у ступеней.

Инспектор Белл посмотрел на нее, потом сорвался с места и побежал.

Побежал он, потому что увидел отъезжающий автобус, на котором он собирался доехать до гостиницы, стоящей на одной из улиц всего в нескольких ярдах от площади Виктории. Автобус уже немного отъехал и стал набирать скорость, но Белл поднажал, запрыгнул на подножку и поднялся на пустой второй этаж. Не успел он занять место, как туда же ворвалась запыхавшаяся и раскрасневшаяся Жаклин.

Девушка чуть не плакала.

— Вы не благородный! — взывала она. — Я подвернуть лодыжка. Вам что, нравится, что мне так болит?

— Честно? Да, — ответил Белл.

— Вы меня не любите совсем?

— Да. Знаете почему? Потому что я утром прочитал вашу статью в «Дейли рекорд».

— Вам она не нравится? Но, cheri, ^[50] я же написала ее, чтобы вас порадовать.

— Излагая свою историю, вы четыре раза назвали меня «симпатичным». Не знаю, как я после такого смогу в Скотланд-Ярде показаться. Но кроме этого, вы еще назвали свою статью...

— Вы злитесь?

— Нет, что вы. Конечно же, я не злюсь.

— Хорошо. А еще у меня есть зацепка.

Неожиданно для себя Белл засмеялся. Правила есть правила, это понятно, но ему вдруг подумалось, что он ведет себя как напыщенное ничтожество. По большому счету девушка не могла ничем ему помешать. Жаклин даже была по-своему привлекательна.

— Что? Еще одна? — спросил он.

— Нет, нет, нет! Та же самая. Вы мне не разрешить объяснить. Не разрешить объяснить, как я знаю, что мисс Лоринг была убита совсем не в парке, а убийца убить ее где-то еще и принести в парк потом.

Автобус чуть накренился, объезжая сугроб на дороге.

Белл, купивший у кондуктора два билета, чуть не выронил их из рук.

— Это что, какой-то очередной трюк?

— Это правда! Я знаю это по ботинкам. У них очень высокие каблуки, ремешки не застегнуты.

— И?

— Она не могла в них ходить. Да-да, верьте. Она не прошла бы в них ни шагу. Это никак невозможно. Либо ботинки свалились бы, либо она. Вот послушайте. Вы говорите: «Мисс Лоринг вошла в парк и начала раздеваться». Так? Но зачем тогда она снимает чулки и снова надевает ботинки? Вы говорите: «Когда она раздетая, убийца ловит ее, начинается борьба, она получает удар, убийца поднимает ее и садит на скамейку». Я говорю: нет, нет, нет! Она не могла ходить в этих ботинках и тем более не могла в них драться. Они бы слетели с нее, и на ее ногах остались бы следы земли. А следов не было, верно?

— Продолжайте, — помолчав, сказал Белл.

— Бросается в глаза, что убийца надевать ботинки на мисс Лоринг после ее смерти.

— Но...

— Теперь я говорить вам что-то еще. Что вам больше всего

непонятно? Какая у вас главная головная боль? Это то, почему мисс Лоринг решает раздеваться в парке, когда на улице мороз. Правильно? Но она этого не делала. Сначала она сходила в парк, потом вышла из парка и вошла в какое-то помещение. Там она раздевается, и там убийца ее ловит и убивает. Потом в темноте он тащит ее обратно в парк, чтобы заставить вас думать, будто она была убита там. Он только начинает ее одевать, когда ему что-то мешает, и он убегает. Да?

Автобус к этому времени уже прогрохотал по Глостер — террас и теперь сворачивал на Харгрэйвс-стрит, которая вела к площади Виктории. Белл уже увидел впереди площадь. Он грохнул кулаком по спинке сиденья перед собой.

— Черт подери!.. — воскликнул он и замолчал. — Хотел бы я знать, действительно ли все так было.

— Я уверена, что это правда, — ответила Жаклин. — Ни одна женщина не станет раздеваться в такую погоду. И даже если я — бестолковая сумасбродка, это так.

— Минутку. А как же следы каблуков на земле за скамейкой?

— Это фальшивка, — спокойно ответила Жаклин. — Я не думаю, что на такой твердой земле вообще могут остаться следы. Их сделал убийца.

Резко остановившись, автобус бросил их на спинки передних сидений. Они вышли на тротуар возле тихой гостиницы в паре шагов от площади Виктории. Несмотря на то, что Жаклин так и вертелась вокруг него, Белл не спешил ни в движениях, ни мыслями.

— Нет. Это ерунда, — решил он.

— Вы плохой, и я не люблю вас. Почему это ерунда?

— Ну, например, куда заходила женщина? Вы говорите, мисс Лоринг куда-то зашла и «разделась». Куда? Домой она не возвращалась. Куда может в такое время пойти женщина, чтобы раз...

Он осекся на полуслове и поднял глаза. По Харгрэйвс-стрит с воем гулял холодный ветер, поднимая в воздух клубы снега. У грязного краснокирпичного здания, перед которым они стояли, было два входа. Над одним из них золотыми буквами было написано название гостиницы. На стеклянной двери второго белой эмалью были написаны другие слова. Буквы были небольшие, но, прочитав их, Белл вздрогнул. На двери значилось:

турецкие бани

Открыто круглосуточно

На автоматическом лифте они спустились в теплое полутемное фойе подвального помещения. Как только женщина, стоявшая за стойкой, увидела, кто выходит из лифта, она откинула крышку и выбежала им навстречу.

— Сэр! — закричала она. — Вам нельзя сюда заходить!

— Я из полиции... — начал Белл, но женщина задумалась не больше чем на секунду:

— Простите, сэр, но вам все равно нельзя сюда заходить. Сегодня женский день. Разве вы не видели объявление наверху?

— А я могу войти? — нежным голосом проворковала Жаклин.

— Да, сударыня, разумеется.

— Сколько? — спросила Жаклин, открывая сумочку. Сжав руку Жаклин так крепко, что та даже взвизгнула, Белл оттеснил вторую женщину обратно за стойку. Потом он предъявил ей свое удостоверение, после чего показал ей фотографию Хейзел Лоринг.

— Вы когда-нибудь видели эту женщину?

— Я... Я не знаю. Здесь бывает столько людей. Что вы хотите?

На стойке в коробочке лежали карандаши и ручки. Выбрав цветной карандаш, Белл намалевал на фотографии грубое подобие темно-рыжего парика. Потом дорисовал темные очки.

— А эту женщину вы когда-нибудь видели?

— Видела, — призналась женщина. — Конечно, видела. Она приходила сюда только ночью. Если бы вы сказали, что вам...

— В понедельник ночью она приходила?

Женщина, которую, похоже, больше волновало, чтобы Белл, не дай бог, не вошел в дверь слева от стойки, подтвердила и это.

— Да, приходила. Она пришла примерно в четверть одиннадцатого, немного позже, чем обычно. Я обратила на нее внимание, потому что она совсем нехорошо выглядела, на ногах шаталась, и руки у нее дрожали. Никаких ценных вещей у меня она не оставила.

— В какое время она ушла?

— Не знаю. Я... не помню. — Лицо женщины на какой-то миг исказилось, как будто его свело судорогой, и она добавила: — Вот миссис Брэдфорд. Если вы сейчас же не уберетесь, она вас сама выставит.

В подвальном помещении было очень тепло и немного влажно. Откуда-то из глубины доносился мерный пульсирующий гул. Мягкий свет падал на стойку, на стальной шкаф с выдвигаемыми ящиками за ней и левее — на двери, обтянутые кожей и оббитые медными гвоздиками.

Одна из этих дверей открылась, появившаяся из-за нее плотная, среднего роста женщина с заправленными за уши темными волосами и сросшимися над носом бровями сначала дернулась назад, как будто собираясь убежать, но потом остановилась. Ее непроницаемое лицо производило довольно зловещее впечатление, она была в белой куртке и юбке, а на ногах у нее были пляжные сандалии.

— Миссис Брэдфорд... — начала женщина из-за стойки.

Миссис Брэдфорд медленно обвела взглядом пришельцев. В фойе повисло тревожное, гнетущее ощущение надвигающейся бури. Голоса, тихий смех создали соответствующий призрачный фон.

— Входите, — сказала она им и открыла дверь, ведущую в небольшой кабинет.

Когда вошли, она заперла за собой дверь. После этого она плюхнулась на вращающийся стул и начала плакать.

— Я знала, что мне это не сойдет с рук, — сказала она.

— Вот и все, — спустя десять минут пробормотал Белл. — Хойт рассказал мне, что мисс Лоринг любила поесть.

Миссис Брэдфорд презрительно фыркнула. Она сидела, нагнувшись и оперев локти в колени, и, похоже, когда ей дали сигарету, стала чувствовать себя лучше.

— Поесть! — протянула она. — Да она была бы размером с дирижабль, если бы не доводила себя в бане чуть ли не до смерти. Да. И если бы не держала дома целый шкаф опасных лекарств для похудения. Я предупреждала ее. Да разве она меня слушала? Она зарабатывала слишком большие деньги на этой своей кампании за худобу.

— Вы были знакомы?

— Я знала Хейзел Лоринг двадцать лет. Мы познакомились еще в детстве, на севере, и росли вместе. Она всегда была леди, не то что я. И она всегда была очень умной.

Беллу уже многое стало понятно.

— Выходит, все эти советы о том, что простые упражнения могут поддерживать фигуру...

— Все это сказки, — сказала миссис Брэдфорд и, качая головой, выпустила струю дыма. — Хотя ее упражнения некоторым людям

действительно приносили пользу. Есть такие женщины, которые могут внушить себе все, что угодно. Если они для себя решают, что упражнения могут им помочь похудеть, они действительно начинают худеть... Вот только сама малышка Хейзел не была такой. Поэтому она и приходила сюда тайком, в этом дурацком парике, как какая-нибудь звезда экрана. Она до смерти боялась, что кто-нибудь ее увидит.

— И все же ее убили, — сказал Белл. — Это были вы, надо полагать?

Сигарета выпала из пальцев миссис Брэдфорд.

— Убили? — прошептала она и промахнулась мимо окурка, когда попыталась раздавить его ногой. Но потом вдруг закричала: — Да вы что, белены объелись? Убили!

— Тише!

— Убили? — повторила миссис Брэдфорд. — Да она в парилке умерла. Упала и умерла. Мне пришлось ее незаметно вытаскивать отсюда, ведь тут такой скандал поднялся бы, что нас бы на следующий день закрыли.

— Она умерла от сотрясения мозга.

Миссис Брэдфорд задумалась.

— Да? Так вот что это было. Я заметила у нее на голове красное пятно, прикрытое париком. Я подумала, что она ударилась о край мраморного сиденья, когда упала...

— Нет, — сказал Белл. — Она умерла от удара палкой со свинцовой насадкой по голове. В лаборатории это доказали.

В отдалении загудели вентиляторы, воздух в кабинете пришел в движение. Миссис Брэдфорд легко для женщины ее комплекции соскользнула со стула и стала отступать назад.

— Я всегда была честной женщиной, — произнесла она неестественным тонким голосом. — Нечего на меня наговаривать. Это был несчастный случай. Или сердце не выдержало, или головой слишком сильно ударилась, когда упала. Такое и раньше бывало. Люди иногда не выдерживают жару. А вы приходите сюда и обвиняете меня...

— Одну минутку, — негромко произнес Белл.

Его он заставил миссис Брэдфорд остановиться, она приподняла руку, как будто принося клятву.

— Скажите, — продолжил Белл, — вы видели, как мисс Лоринг заходила сюда в понедельник вечером?

— Да.

— Как она выглядела? Может быть, она казалась нездоровой, например?

— Она казалась очень нездоровой. Спросите у Люси в фойе, она

подтвердит. Она вся дрожала и вообще была какой-то не такой. Я потому и присматривала за ней.

— Что произошло потом? Я не обвиняю вас во лжи, просто расскажите, что произошло потом.

Миссис Брэдфорд какое-то время смотрела на него, потом заговорила:

— Ну... она вошла в раздевалку, разделась, замоталась в простыню и отправилась в массажную. Я работаю управляющей и вообще-то обычно массаж не делаю, но ей делала из-за ее маскировки. Она до того плохо выглядела, что я даже волноваться начала. А потом я нашла ее на полу в парилке. Она была там одна. Уже мертвая. Я подумала тогда: «Матерь Божья, я ведь так и знала: что-то случится. И вот!..»

— Дальше.

— Что мне оставалось делать? Я не могла ее отнести в раздевалку, где ее одежда осталась, потому что там были другие женщины, а я не хотела, чтобы кто-то узнал, что произошло.

— Дальше.

— Но мне нужно было от нее избавиться. Нужно! Я пошла в раздевалку, сгрэбла ее одежду и сумку и бегом вернулась в парилку. Но там ее одевать было нельзя, потому что в любую секунду туда мог кто-то войти, понимаете?

— Дальше.

Миссис Брэдфорд облизала губы.

— Наверху есть дверь, которая ведет на аллею у гостиницы. Я замотала ее в простыню, взвалила на плечо и понесла наверх. Я сразу поняла, куда ее нести, потому что рядом с ее сумкой лежал большой ключ с картонкой, на которой было написано, что это ключ от парка на площади Виктории. Я отнесла ее в парк и посадила на первую попавшуюся скамейку. Потом начала ее одевать, чтобы никто не догадался, что она была в бане. Я успела только надеть на нее нижнюю рубашку и натянуть ботинки, когда услышала шум. Я отступила в сторону и правильно сделала, потому что там сверкнул неожиданный яркий свет.

— Я же говорила! — пробормотала Жаклин. — Я же говорила, что ей помешал полицейский.

— А после этого я убежала, — закончила миссис Брэдфорд и вытерла глаза. — Простыня была у меня в руках, но парик и очки я забыла. — Ее лицо некрасиво искривилось. — Вот все, что я сделала. Признаю. Но это все, в чем я виновата. Здесь, в бане, ее никто не убивал.

— Вообще-то, — спокойно произнес Белл, — я не считаю, что ее здесь убили. Обстоятельства указывают на то, что она была мертва еще до того,

как попала сюда.

Испугать Жаклин Дюбуа было непросто. Это было по силам только ее воображению. И воображение тотчас породило странные видения мертвой женщины с восковым лицом, которая заходит в баню, прикрывая свою смерть рыжим париком и темными очками. Это ее настолько взволновало, что она даже вскрикнула, но Белл унял ее.

— Вот странность, — задумчиво промолвил инспектор, — я только вчера рассказывал мистеру Хойту о своем друге. Его ударило дверью вагона на платформе. Он поднялся, отряхнулся, заверил всех, что с ним все в порядке, пошел домой и через час потерял сознание от сотрясения мозга. Такие случаи совсем не редкость. В «Судебной медицине» Тэйлора описывается много таких примеров. Я считаю, что подобное произошло и с Хейзел Лоринг.

— Вы хотите сказать, что...

— Учтите! — значительно произнес он. — Учтите, я ничего не могу вам обещать. Я не могу сказать, посчитают вас, миссис Брэдфорд, соучастником или нет. Но, между нами, я не думаю, что вам стоит волноваться. Насколько я понимаю, Хейзел Лоринг встретила убийцу в парке в десять часов. Завязалась драка. Убийца ударил ее и, посчитав мертвой, ушел. Она встала, подумала, что с ней все в порядке, и пришла сюда, в баню. В парилке она потеряла сознание и умерла. Потом вы, найдя ключ от парка, отнесли ее тело как раз на действительное место преступления.

Белл глубоко вдохнул и задумчиво сдвинул брови.

— Теперь нам осталось лишь найти убийцу, — добавил он.

Эдвард Хойт, выйдя из больницы в пятницу утром, сел в такси и поехал на площадь Виктории. Яркое солнце превращало снег в слякоть.

Развенчание аферы Хейзел Лоринг, появившееся в четверг в «Дейли рекорд», стало одновременно и откровением, и потрясением. Для газеты это был звездный час.

Макграт, редактор раздела новостей, сплясал некое подобие сарабанды. Генри Ашвин, фотограф, быстро опрокинул в себя три бокала виски и отправился на поиски Жаклин. Сэр Клод Чампьюн, владелец «Дейли бэннер», проглотил аспирин и поклялся отомстить. По всей стране женщины перестали заниматься по системе Хейзел Лоринг. Однако все испытывали тревогу. У всеобщего возбуждения имелся горький привкус. Какой бы аферисткой ни была погибшая, ее жестоко убили, и убийца до сих пор разгуливал по городу.

Лицо Эдварда Хойта тоже выражало некоторую озабоченность, когда он поднялся на порог дома № 22. Дверь ему открыла Элис Фармер. Увидев, кто пришел, она так и засияла от радости. За этой встречей наблюдали Жаклин Дюбуа и Генри Ашвин, притаившиеся за парковой оградой.

Сейчас главное то, — видимо, продолжая прерванный разговор, произнес Ашвин, — чем занят Белл. Он вас теперь считает какой-то палочкой-выручалочкой.

Жаклин не без гордости кивнула.

— Он думать, я очень хороша, — согласилась она. — Я просто пробовать подсказывать ему идеи, вот и все. Но, между нами, я не знаю, чем он занимается. Он очень загадочный.

— Ага, так он вас победил! Да, наверное, вам это неприятно.

Жаклин тут же вспыхнула, как маков цвет.

— Никто меня не победил! Но, может быть, я ошибаюсь на его счет. Сначала я думаю, он просто глупый англичанин, глупый и вежливый, теперь я думаю, его голова работать лучше, чем мне казаться. Он все время говорить об огнях.

— Огнях?

— Больших огнях. О, смотрите!

Она показала. К дому № 22 приближался еще один гость. Миссис Юнис Брэдфорд, почти неузнаваемая в изящном пальто и широкой плоской шляпе, быстро шагала по улице. Лучи утреннего солнца падали прямо на дверь, и они увидели, как уверенно миссис Брэдфорд нажала на кнопку звонка. Открыла ей мисс Фармер.

— Ну вот, теперь мне все понятно, — произнес голос инспектора Белла.

Жаклин едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. Белл в сопровождении сержанта Рэнкина и констебля в форме шел к ним по размокшей земле со стороны ближайших деревьев. Солнце светило им в спину.

— Господи, инспектор, нельзя так к людям подкрадываться, — сказал Ашвин и кивнул на дом со словами: — Встреча подозреваемых?

— Да.

— И вы собираетесь кого-то арестовать?

Жаклин бросило в дрожь, хотя солнце было почти по-весеннему теплым.

— Вы можете пойти с нами, — сказал ей Белл с бесхитростным выражением лица. — Я бы даже сказал, что вы должны пойти с нами. Добрая половина моих выводов зависит от вас, хотя вы можете об этом и не

догадываться. К тому же, я хочу, чтобы восторжествовала справедливость. Пытаясь раскопать правду, вы только то и делали, что шпионили да подворовывали. А я взял на себя смелость стянуть кое-что у вас.

— Это шутка? — сказала Жаклин. — Что это означает? Я не понимаю.

Белл открыл портфель, который принес с собой.

— Вы помните, — сказал он, — как решили часть загадки, увидев расстегнутые ботинки на фотографии, сделанной утром после убийства?

— Да.

Белл достал из портфеля большой прямоугольный лист глянцевой бумаги. Это была та самая фотография, которую все они видели: тело Хейзел Лоринг на скамейке, все детали четко видны, пространство за скамейкой погружено в тень.

— Это та фотография?

— Zut! Конечно та!

Белл испытующе посмотрел на Ашвина.

— Вы это подтверждаете? Это та самая фотография, которую вы сделали около десяти утра во вторник?

Ашвин с выражением крайнего недоумения на лице лишь кивнул в ответ. Сержант Рэнкин вдруг прыснул, но тут же сделал вид, что закашлялся.

— В таком случае это весьма необычно, — сказал Белл. Он поднял фотографию. — Это самое необычное из всего, с чем мы до сих пор столкнулись. Взгляните. Все тени на этом снимке, как видите, падают прямо за скамейку и тело. Но скамейка, о чем нам было известно с самого начала, обращена лицом на запад, а задом к востоку. Теперь посмотрите на скамейку. Видите, как тени падают перед ней на дорожку? Другими словами, эта фотография не могла быть сделана утром. В тот день она вообще не могла быть сделана, потому что во вторник солнце скрылось очень рано. Такой яркий свет и такие черные тени могли появиться только при одном условии. Эта фотография была сделана в темноте со вспышкой — которая и была тем «неожиданным ярким светом», который увидела миссис Брэдфорд, когда...

Жаклин вскрикнула.

Лицо стоящего рядом с ней человека вдруг преобразилось, искорежилось, как скомканный лист бумаги. Пара рук мелькнула в воздухе, чтобы выхватить фотографию у Белла и разорвать ее на части, но сержант Рэнкин оказался быстрее. Он схватил человека за шею, и они вместе полетели на землю.

Голос Белла остался таким же спокойным:

— Генри Ашвин, вы арестованы за убийство вашей жены Хейзел Лоринг. Предупреждаю: все, что вы скажете, будет записано и может быть использовано против вас на суде.

Вечером того дня Белл был с Жаклин более разговорчив, чем обычно.

— Добавить мне почти нечего, — небрежно произнес он. — Получив подсказку от Хойта, я оформил запрос и очень скоро установил, что некая Хейзел Энн Лоринг и некий Генри Филдинг Ашвин поженились в Хэмпстедском загсе в 1933 году. — Он усмехнулся. — В этом вам, любителям, не тягаться с профессиональной полицией.

Жаклин, сгорая от нетерпения, спросила:

— Он ее шантажировал, да?

— Да. Некоторым образом. Этот Ашвин тот еще фрукт. Во-первых, Хейзел Лоринг пришлось бы объяснять, как она связалась с таким негодяем. Во-вторых, она не могла допустить, чтобы о шантаже стало известно кому-то еще. Поэтому Ашвин и делал вид, будто у него, как вы выразились, роман со служанкой Хейзел Лоринг — ему нужен был какой-то предлог, чтобы часто бывать рядом с этим домом. Но Хейзел это в конце концов надоело. Она выдвинула ультиматум и договорилась с ним о встрече в парке. Там между ними произошла дикая стычка — мы знаем, что у обоих характер был не сахар. Уложив ее, Ашвин убежал. Это не было запланированным преступлением, поэтому он просто удрал. Потом, когда он выпил своего любимого виски, на него напал страх. Он вспомнил, что оставил там свою трость. Он не думал, что она может вывести на него, и все же не хотел рисковать. Поэтому он вернулся на площадь... И, наверное, подумал, что сходит с ума, потому что увидел, как Юнис Брэдфорд несет тело и усаживает на скамейку. Как бы там ни было, он решил, что это подарок судьбы. Если бы Ашвин сумел сфабриковать какие-то улики против нее, ее бы повесили за убийство, которого она не совершала. Поэтому он выхватил фотоаппарат со вспышкой, которые всегда носил при себе, и сделал фотографию. Однако в темноте цель было видно плохо, миссис Брэдфорд успела отпрыгнуть от скамейки и в результате вовсе не попала в кадр. Об этом он узнал, только когда проявил фотографию. Конечно, он не собирался никому показывать этот снимок. Он бы порвал фотографию и уничтожил негатив, но...

Жаклин, лучезарно улыбаясь, кивнула.

— Я ее стянула, — с гордостью в голосе заявила она. — А потом ему приходится сочинять объяснение.

— Совершенно верно. Я сразу понял, что тусклый, закрытый бумагой

фонарь полицейского, нашедшего тело, не смог бы дать «неожиданный яркий свет», о котором упоминала миссис Брэдфорд. Достаточно было просто повнимательнее присмотреться к фотографии, увидеть, как падают тени, чтобы понять, что Ашвин лжет. Я собрал очевидных подозреваемых в одном доме, чтобы заставить Ашвина потерять бдительность и подтвердить свою историю в присутствии полицейских. Вот и все.

Он усмехнулся.

— И все же что-то хорошее во всем этом есть, — добавил он. — Эдварду Хойту и Элис Фармер будет очень хорошо вместе.

Но Жаклин его не слушала. Глаза ее сияли. Она положила ладонь на его руку и невинным голоском произнесла:

— Если бы я не стащила фотографию, если бы я не додумалась до всего, вы могли бы и не раскрыть это дело, да?

— Возможно.

— Вы не думаете, что я бестолковая сумасбродка?

— Нет.

— И вы с каждым днем все сильнее и сильнее чувствуете, что не можете без меня обходиться, да?

Белл оторопел.

— Подождите! Я не говорил такого!

— Но я это говорю, — убежденно заявила Жаклин, глядя на него искренними глазами. — Мы ведь подходим друг другу. Я могу для вас воровать то, что нужно, а вы, если хотите, можете быть моей совестью и ругать меня. Только не злитесь слишком сильно, когда я вам помогаю. И тогда я каждый день смогу брать интер... интер...

— Интервью? — предположил Белл.

— Хорошо, если вы так говорите, хотя я прекрасно знаю английский язык, и вам не надо мне подсказывать. Если я вас очень люблю и быть хорошей девочкой, вы разрешите мне помогать вам расследовать преступления, когда я просить?

Белл посмотрел на залитое краской красивое лицо.

— Да, — сказал он, — *ou je serai l'oncle d'un singe!*^[51] Видите, я тоже неплохо знаю французский.

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

Галстук Вудро Вильсона

Патриция Хайсмит (1921–1995) известна тем, что своими романами и рассказами расширила границы традиционного детектива, отказавшись от привычных условностей жанра. Либо показывая мир в восприятии преступника, либо выбирая в главные герои (относительно) обычного человека, мужчину или женщину, и демонстрируя, как он или она постепенно доходит до преступления (как, например, в романе «Незнакомцы в поезде») или до безумия (роман «Дневник Эдит»), Патриция Хайсмит вложила новый смысл в понятие «саспенс». В ее книгах размышления на социальные и политические темы незаметно вплетаются в необычные, элегантно закрученные криминальные сюжеты.

Ее работы не раз привлекали внимание голливудских режиссеров. Самой значительной из экранизаций является снятый по ее роману фильм Альфреда Хичкока «Незнакомцы в поезде». Эта картина была признана шедевром настоящего крепкого саспенса. Также было снято несколько фильмов по серии романов о Томе Рипли, и самым известным из них, пожалуй, можно назвать «Талантливый мистер Рипли», вышедший на экраны в 1999 году.

~ ~ ~

Фасад Музея восковых ужасов мадам Тибо сверкал и светился красными и желтыми огнями даже днем. Попеременная пульсация золотых и кровавых фонарей притягивала взгляд и завораживала.

Клайв Уилкс любил это место, как внутри, так и снаружи. Работал он разносчиком в гастрономе, поэтому всегда мог выкроить для себя минутку, для этого достаточно было сказать, что какая-то доставка отняла больше времени, чем он думал: пришлось, например, дожидаться под дверью миссис Такую-то, поскольку консьерж сказал, что она может вернуться с минуты на минуту, или, скажем, довелось топтать несколько кварталов,

чтобы разменять деньги, из-за того что у миссис Смит с собой оказалось только двадцать долларов одной купюрой. В такие минуты свободы — а Клайв непременно позволял их себе раз или два в неделю — он ходил в Музей восковых ужасов мадам Тибо.

Внутри музея вы сначала проходили по длинному темному коридору (для создания настроения), потом с левой стороны вам открывалась сцена кровавого убийства: девушка с длинными светлыми волосами втыкала нож в шею старика, обедающего за кухонным столом. Обед его состоял из двух восковых сосисок с восковой тушеной кислой капустой. Далее следовала сцена похищения сына Линдберга, где можно было полюбоваться на Хауптманна, спускающегося по лестнице, приставленной к окну детской. За окном было видно верх лестницы и верхнюю половину фигуры Хауптманна, державшего в руках маленького ребенка. Еще там была Шарлотта Корде рядом с лежащим в ванне Маратом, а также серийный убийца Джон Кристи, душивший чулком женщину.

Клайв любил каждую из фигур, и смотреть на них ему никогда не надоедало. Только смотрел он не серьезным и немного удивленным взглядом, как другие посетители. В музее Клайв больше улыбался, даже смеялся. Фигуры были такими забавными, отчего же не посмеяться?

Дальше в музее располагались камеры пыток, одна старая, другая современная, имеющая целью показать применявшиеся в двадцатом веке методы пытки — в нацистской Германии и Французском Алжире. Мадам Тибо, в существовании которой Клайв очень сомневался, не отставала от времени. В музее было представлено убийство Кеннеди, смерть Шарон Тейт, разумеется, и еще какие-то убийства, произошедшие всего месяц назад.

Первым осознанным желанием, которое вызвал у Клайва музей, было провести в нем ночь. И желание это он воплотил в жизнь, предусмотрительно захватив с собой бутерброд с сыром. Сделать это было довольно легко. Клайв знал, что три человека работали в самом здании музея («в недрах», как он про себя это называл, хотя музей находился на уровне улицы), а четвертый, пухлый мужчина средних лет, продавал билеты в стоящей у входа кабинке. В недрах работали двое мужчин и одна женщина. Женщина, тоже толстая, лет сорока, с вьющимися каштановыми волосами и в очках, проверяла билеты в конце темного коридора, где начиналась сама выставка.

Один из работавших внутри мужчин рассказывал посетителям о прототипах экспонатов, хотя почти никто его не слушал. «Здесь мы видим выражение лица настоящего убийцы, воспроизведенное в воске мадам

Тибо с изумительной точностью» и так далее. Второй мужчина, с черными волосами и в таких же, как у женщины, очках с черной оправой, просто слонялся по музею, отгоняя детей от восковых фигур, и, возможно, высматривал карманных воришек или следил, чтобы мужчины не приставали к женщинам в музейной полутьме.

Клайв знал, что было очень просто шмыгнуть в какой-нибудь угол потемнее или в нишу рядом с одной из «железных дев», а то и в саму «деву». Но, хоть он и был худым, шипы все-таки могли его достать, поэтому Клайв оставил эту идею. Он заметил, что посетителей начинают вежливо выпроваживать примерно в 9:15, потому что музей закрывался в 9:30. Как-то вечером, задержавшись до самого закрытия, Клайв обнаружил в глубине музея нечто вроде раздевалки для сотрудников. С той же стороны он услышал звук спускаемой воды в туалете.

И вот одним ноябрьским вечером Клайв спрятался в тени, благо в музее ужасов ее было достаточно, и прислушался к разговору работников, собиравшихся уходить. Женщина — как выяснилось, ее звали Милдред — собиралась взять коробку с дневной выручкой у Фреда, кассира, чтобы пересчитать деньги и спрятать их в раздевалке. Клайва деньги не интересовали. Его интересовала лишь предстоящая ночь в музее и то, как потом можно будет этим хвастаться.

— Пока, Милдред. До завтра, — произнес один из мужчин.

— Что-то еще надо делать? Я уйду, — сказала Милдред. — Боже, как я устала! Но «Человека-дракона» посмотрю обязательно.

— «Человек-дракон», — равнодушно повторил мужской голос.

Очевидно, Фред, передав коробку с деньгами, вышел через главный вход. Клайв вспомнил, что однажды видел, как кассир, выходя из музея, выключил свет в начале коридора, а потом запер за собой дверь и закрыл ее на засов.

Клайв стоял в укромном уголке рядом с «железной девой». Услышав, как захлопнулась задняя дверь и в замке повернулся ключ, он какой-то миг упивался тишиной, одиночеством и напряженной неопределенностью, а потом вышел из своего укрытия. Первым делом он на цыпочках пошел в раздевалку, потому что никогда там не был. С собой Клайв прихватил коробок спичек (и сигареты, хотя курение здесь было запрещено, на что указывали несколько развешенных в разных местах знаков), и ему хватило одной спички, чтобы найти, где включается свет. В комнате он увидел старый стол, четыре металлических шкафчика, жестяное мусорное ведро, подставку для зонтиков и несколько книг на книжной полке, прибитой к некогда белой, а теперь грязно-серой стене. Клайв выдвинул ящик стола и

увидел внутри старую потертую деревянную коробку. Однажды он видел, как эту коробку кассир заносил в музей. Коробка была закрыта. Клайв подумал, что мог бы с ней выйти, но ему это было неинтересно, и он посчитал, что это очень достойно с его стороны. Он вытер коробку рукавом, не забыв и про дно, к которому прикасался пальцами. «Смешно, — подумал он, — вытирать свои отпечатки с того, что не собираешься красть».

Предвкушая удовольствие, он повернул выключатель, и большие стеклянные будки с жуткими экспонатами осветились. Неожиданно почувствовав голод, он достал бутерброд, откусил кусок, остальное завернул обратно в бумажную салфетку и спрятал в карман. Он медленно прошел мимо убитого Кеннеди — миссис Кеннеди и врачи тревожно склонились над белым столом, на котором лежал президент. Спускающийся по лестнице Хауптманн заставил Клайва захихикать. Лицо полуторагодовалого Чарльза Линдберга-младшего было таким безмятежным, будто он играл в кубики у себя в детской.

Клайв перелез через металлический поручень и подошел к восковым Рут Снайдер и Джадду Грею. Его охватило волнение, когда он встал рядом с ними, всего в нескольких дюймах от шеи мужа Рут, которую сдавливал стальной проволокой ее любовник. Клайв протянул руку и прикоснулся к нарисованной крови в том месте, где проволока врезалась в горло особенно глубоко. Потом Клайв потрогал холодные скулы жертвы. Выпученные стеклянные глаза были неприятными, и к ним он не стал прикасаться.

Через два часа Клайв начал петь церковные гимны «Господь, я ближе к тебе» и «Иисус хочет превратить меня в солнечный луч». Но всех слов он не знал, поэтому вскоре прекратил и закурил.

К двум часам утра ему стало скучно, и он, думая по пути домой зайти в закусочную и подкрепиться гамбургером, попытался выбраться из музея, сначала через переднюю дверь, потом через заднюю, но не смог, поскольку обе двери были закрыты на засов снаружи. Впрочем, вынужденное заточение не встревожило его, он доел засохший бутерброд с сыром и немного поспал на трех составленных в ряд стульях. Лежать на них было так неудобно, что Клайв не сомневался: проснется он очень скоро. Так и произошло, он проснулся в пять. После этого он умылся и еще раз полюбовался восковыми экспонатами. На этот раз он прихватил с собой сувенир — галстук Вудро Вильсона.

В девять часов (а музей мадам Тибо открывался в 9:30) Клайв спрятался в идеальном месте — за одним из экспонатов, фоном которому служила черная китайская ширма с золотым орнаментом. Перед ширмой

стояла кровать, а на кровати лежал восковой мужчина с закрученными усами — жертва жены-отравительницы.

Вскоре после 9:30 первые посетители появились в музее, и служитель, тот, что был выше и серьезнее, завел свою обычную скучную лекцию. Лишь в начале одиннадцатого Клайв почувствовал, что может незаметно выбраться из своего укрытия, смешаться с толпой и покинуть музей со свернутым галстуком Вудро Вильсона в кармане. Он чувствовал себя немного уставшим, но счастливым. Хотя, если подумать, кому он мог рассказать о своем приключении? Джоуи Врэски, этому безмозглому индюку, работавшему за прилавком в гастрономе Симмонса? Ха! Чего ради? Джоуи не заслуживал того, чтобы ему рассказывали хорошую историю. На работу Клайв опоздал на полчаса.

— Извините, мистер Симмонс, я проспал, — выпалил Клайв, войдя в магазин, как ему казалось, вполне вежливо. Его уже ждала работа. Клайв поставил картонную коробку на передний багажник велосипеда.

Клайв жил с матерью. Эта худая нервозная женщина работала продавцом в магазине женского белья. Муж оставил ее, когда Клайву было девять. Других детей у нее не было. Клайв бросил школу за год до окончания, к сожалению матери, после чего год занимался только тем, что валялся дома или болтался на улице с друзьями. Правда, ни с одним парнем из их компании Клайв не сдружился по-настоящему, чему его мать была только рада, потому что считала их бездельниками и хулиганами. В магазине Симмонса Клайв проработал уже почти год, и его матери стало казаться, что он наконец образумился.

Вернувшись домой в полседьмого вечера, Клайв рассказал матери о том, что якобы вчера после работы встретил на улице Ричи, своего старого друга, который служил в армии и приехал домой на побывку. Они пошли к Ричи домой и заговорились допоздна. Родители Ричи предложили ему переночевать, он согласился и провел ночь на диване. Мать поверила в этот рассказ и пошла готовить ужин — тушеную, фасоль и яичницу с беконом.

Клайв действительно никому не мог поведать о ночном приключении. Ему было бы обидно, если бы кто-то, выслушав его со скучающим видом, сказал: «Ну и что?», потому что поступок этот на самом деле потребовал некоторой подготовки, составления предварительного плана и даже определенной смелости. Галстук Вудро Вильсона он повесил рядом со своими галстуками, на леску, натянутую на внутренней стороне дверцы шкафа. Это был серый шелковый галстук, выглядел он консервативно и дорого. Несколько раз Клайв представлял себе, как кто-то из работающих в музее мужчин или женщина по имени Милдред, взглянув на Вудро

Вильсона, восклицает: «Эй, а куда подевался галстук Вудро Вильсона?»

Каждый раз, когда Клайв думал об этом, ему приходилось наклонять голову, чтобы скрыть улыбку.

Однако через двадцать четыре часа забавное приключение уже не казалось ему таким уж забавным и захватывающим. Возбуждение охватывало Клайва, только когда он проезжал на своем велосипеде мимо сверкающего фасада Музея восковых ужасов мадам Тибо (а случалось это раза два-три в день). В такие минуты сердце его начинало биться сильнее, по жилам пробегал жар, и он представлял себе убийц, застывших в момент совершения своих жутких злодеяний, и тупые лица глазающих на них посетителей. Но Клайв даже не стал покупать билет (65 центов), чтобы сходить полюбоваться на лишенного галстука Вудро Вильсона.

Вскоре Клайву пришла в голову забавная идея. На этот раз он заставит посетителей удивиться. Клайв еле сдерживал смех, когда после очередной доставки мчался на велосипеде в гастроном Симмонса.

Теперь оставалось решить когда. Сегодня вечером? Нет, лучше потратить день-два и хорошенько все обдумать. К этому делу нужно было подойти с умом. Тут понадобится скрытность и ловкость — от мыслей об этом у Клайва захватывало дух.

Два дня он провел, оттачивая замысел. Он ходил в местные закулочные, пил пиво и играл с друзьями в пинбол. Пинбол-машины тоже сверкали огнями и яркими надписями («Играть — не переиграть», «Веселое состязание»), но, следя безучастным взглядом за метавшимся шариком и изменением счета, Клайв думал только о заведении мадам Тибо. Так же было, и когда он посмотрел на раскрашенный во все цвета радуги музыкальный автомат, и когда подошел к нему, чтобы бросить монету. Он думал о том, что будет делать в Музее восковых ужасов мадам Тибо.

На следующий вечер, поужинав дома с матерью, он пошел в музей и купил билет. Старый кассир на посетителей внимания почти не обращал — был слишком занят отсчитыванием сдачи и отрыванием корешков от билетов. Это устраивало Клайва, и в музей он вошел ровно в девять.

Он осмотрел экспонаты, хотя на этот раз они не вызвали такого восторга, как прежде. Вудро Вильсон по-прежнему был без галстука, как будто никто не заметил пропажи, и Клайв, увидев это, тихонько усмехнулся. Он помнил, что, когда оставался здесь на ночь, последним музей покинул вечно строгий гроза карманников, этот сыщик-непоседа, поэтому сделал вывод, что ключи должны быть у него и, следовательно, его следует убить последним.

Женщина стала первой. Клайв снова спрятался за одной из «железных

дев», пока толпа посетителей неспешно выходила из музея. Когда Милдред, в полушубке и шапке, сказав что-то одному из оставшихся в выставочном зале мужчин, проходила мимо него в сторону задней двери, Клайв шагнул из укрытия и сзади обхватил рукой ее шею.

Она только издала негромкий звук, похожий на выдох.

Клайв сдавил ей горло, и звук оборвался. Наконец она обмякла, и Клайв оттащил ее в дальний темный угол слева от раздевалки. По дороге он сбил какую-то картонную коробку, но тихий шум не привлек внимания двух мужчин.

— Милдред ушла? — спросил один из них.

— Кажется, она в раздевалке.

— Нет, не похоже. — Человек, произнесший это, уже вышел в коридор, где Клайв склонился над Милдред, и заглянул в пустую раздевалку, в которой все еще горел свет. — Ушла. Ну и я, пожалуй, тоже буду собираться.

Клайв вышел из угла и тем же движением обхватил мужчину за шею. На этот раз ему пришлось труднее, потому что мужчина стал вырываться, но рука у Клайва была тонкая и сильная, движения его были быстрыми, и он ударил голову мужчины о деревянный пол.

— Эй, что там? — Глухой звук привлек внимание второго мужчины.

Этого Клайв попытался ударить в челюсть, но промазал, и его кулак угодил в шею. Но это оглушило мужчину, музейного сыщика, поэтому второй удар попал в цель, и затем Клайв взял его за воротник рубашки и стукнул головой об оштукатуренную стену, которая была тверже деревянного пола. После этого Клайв убедился, что все трое мертвы. Головы мужчин были в крови, у женщины кровь вытекала тонкой струйкой изо рта. Клайв обыскал второго мужчину и в кармане брюк нашел ключи, там же лежал перочинный нож. Нож Клайв тоже взял.

Потом тот мужчина, что был выше ростом, слегка пошевелился. Встревожившись, Клайв открыл нож с перламутровой ручкой и три раза всадил его мужчине в горло.

«Хорошо, что я заметил», — подумал Клайв, еще раз удостоверившись, что все они мертвы. Теперь в этом можно было не сомневаться. Можно было не сомневаться, что на них настоящая кровь, а не та красная краска, которой разрисованы восковые фигуры. Клайв включил свет и пошел в выставочный зал. Ему предстояло решить интересную задачу: выбрать место для трех трупов.

Женщина должна была лежать в ванне Марата, насчет этого у Клайва не было сомнений. Он какое-то время думал, не раздеть ли ее, но потом

решил не делать этого, просто потому что, сидя в ванне в меховом полушубке и шапке, она будет выглядеть намного смешнее. Фигура Марата заставила его рассмеяться. Он думал, что вместо ногу него окажутся какие-нибудь палки, — потому что со стороны можно было видеть только верхнюю часть тела Марата, но оказалось, что у Марата ног не было вовсе. Его тело заканчивалось на уровне пояса какой-то большой восковой культей, укрепленной на деревянной подставке, не дававшей ему упасть. Это безумное изваяние Клайв отнес в раздевалку и поставил в центр стола. Затем он перенес женщину, которая была довольно тяжелой, на место Марата и положил ее в ванну. У нее с головы свалилась шапка, но он водрузил ее на место, натянув на один глаз. Окровавленный рот раскрылся.

«Господи, ну и умора!»

Теперь нужно было решить, как поступить с мужчинами. Совершенно очевидно, что тот, которому он разрезал горло, лучше всего смотрелся бы на месте старика, евшего восковые сосиски с капустой, которому стоявшая за ним девушка втыкала в горло нож. На все про все у Клайва ушло всего пятнадцать минут. Поскольку старик был представлен в сидячем положении, Клайв примостил его на унитаз в туалете. Было просто уморительно видеть сидящего на унитазе старика с ножом и вилкой в руках, да еще к тому же с кровоточащим горлом. Клайв, хохоча, прислонился к дверному косяку. Он даже не боялся, что его услышат, ибо это было настолько смешно, что ради этого можно было и на виселицу пойти.

Дальше — музейный сыщик. Клайв осмотрелся и остановил взгляд на Вудро Вильсоне, которого изобразили изучающим соглашение о перемирии 1918 года. Восковая фигура сидела за огромным столом и подписывала какую-то бумагу, и это было самое подходящее место для человека с проломленным черепом. Клайв с трудом вытащил ручку из восковых пальцев, положил ее на стол и перенес фигуру (она была не очень тяжелой) в раздевалку, где усадил за стол и вставил ей в правую руку шариковую ручку. Клайв заметил, — что его пиджак уже весь покрылся пятнами крови и от него придется избавиться, но на брюках крови пока не было.

Клайв подтащил второго мужчину к изначальному месту Вудро Вильсона, приподнял его и посадил на стул. Но мертвое тело заваливалось вперед на зеленые промокашки и чистые листы бумаги, а ручка отказывалась держаться в пальцах.

Все же ему удалось придать телу нужное положение. Клайв отступил на шаг от стола и довольно улыбнулся. Потом прислушался и сел на стул с прямой спинкой, чтобы несколько минут отдохнуть, потому что вдруг

почувствовал, как быстро бьется его сердце и каждая мышца его тела изнывает от усталости. Ключи были у него, так что теперь он мог запереть музей, пойти домой и хорошенько выспаться перед завтрашним весельем.

Клайв снял с одной из восковых фигур свитер. Ему пришлось стаскивать его через ноги, потому что руки у фигуры не сгибались. Горловина свитера от этого сильно растянулась, но другого выхода не было. На фигуре осталось нечто вроде нагрудника, заменявшего рубашку, торс и руки ее остались голыми.

Клайв скомкал свой пиджак и стал ходить с ним по всему музею, вытирая отпечатки пальцев со всего, к чему мог за это время прикоснуться. После этого он выключил свет, прокрался к задней двери, вышел, закрыл ее за собой на ключ и задвинул засов. Ключ он опустил бы в почтовый ящик, но, поскольку его не оказалось, просто бросил на ступеньки. В урне для мусора он нашел несколько газет, завернул в них пиджак и пошел дальше, пока не увидел еще одну урну. В нее он и засунул свой сверток между конфетных оберток, пивных банок и прочего хлама.

— У тебя новый свитер? — спросила дома мать.

— Ричи подарил... На счастье.

Ночью Клайв спал как убитый. Он настолько устал, что даже воспоминание о сидящем на унитазе старике не смогло заставить его снова рассмеяться.

На следующее утро Клайв стоял напротив музея, когда в 9:30 пришел продавец билетов. В 9:35 к музею подошли лишь четыре человека, но Клайв больше не мог ждать, Он пересек улицу и купил билет. Кассир, продавая билеты, говорил посетителям: «Проходите, проходите. Сегодня что-то все опаздывают».

Он вошел в дверь, чтобы включить свет, потом решил включить освещение экспонатов. Для этого ему пришлось пройти по коридору до раздевалки, рядом с которой находился электрический щит. И Клайву, который следовал за ним, показалось забавным, что кассир не заметил ничего необычного. Он даже не обратил внимания на Милдред, сидевшую в полушубке и шапке в ванной Марата.

Посетителями были мужчина с женщиной, мальчик лет четырнадцати в кедах, по-видимому, сам по себе, и еще один мужчина. Они без особого интереса смотрели на Милдред, словно считали, что так и должно быть, и это могло бы вызвать у Клайва приступ истерического смеха, если бы он не чувствовал, что сердце его выскакивает из груди, а дыхание перехватывает от напряженного ожидания. Человек, лежащий лицом в сосисках и капусте тоже не вызвал удивления. Клайв был несколько разочарован.

В зал вошли еще двое посетителей, мужчина и женщина.

Развязка наступила возле стола Вудро Вильсона. Одна из женщин, прижимаясь к руке мужа, спросила:

— Что, когда подписывалось перемирие, кого-то убили?

— Не знаю. По-моему, нет, — неуверенно ответил мужчина.

Клайву показалось, что еще немного, и от сдерживаемого смеха у него лопнет грудная клетка. Он резко развернулся, чтобы не выдать себя, и его охватило чувство, будто один из присутствующих знает его историю. К этому времени настоящая кровь потемнела и засохла. Зеленая промокательная бумага покрылась ржавыми пятнами, и кровь со стола стекла на пол.

В другом конце зала, там, где находилась Милдред, вскрикнула женщина.

Раздался мужской смех, но тут же прекратился.

А дальше все произошло в одно мгновение. Женщина истошно завизжала, а мужчина крикнул:

— О боже, это же настоящее!

Клайв увидел, как мужчина подошел к труп, лежащему лицом в сосисках, и стал осматривать его.

— Кровь *настоящая*! Это *мертвый* человек!

Другой мужчина, из посетителей, без чувств рухнул на пол.

В зал вбежал кассир.

— Что случилось?

— Пара трупов... Настоящих!

Лишь теперь продавец билетов посмотрел на ванну Марата и от удивления даже отпрыгнул назад.

— Святое Рождество! Господь всемогущий!.. Это же... Это Милдред!

— А здесь еще.

— И там еще один!

— Боже! Надо... Надо полицию вызвать! — пролепетал кассир.

Одна пара выбежала из зала, но остальные остались, не в силах двинуться с места от потрясения и изумления.

Кассир убежал в раздевалку, где был телефон, и Клайв услышал, как он закричал. Разумеется, он увидел там сидящего воскового человека и половину тела Марата на столе.

Клайв решил, что настало время делать ноги, и стал медленно продвигаться через группу людей, появившихся у двери, которые, очевидно, не увидев кассира, решили сами зайти в музей.

«Это хорошо, — подумал Клайв. — Это неплохо. Очень даже

неплохо».

В тот день он не собирался идти на работу, но вдруг решил, что разумнее будет сходить и попросить выходной. Мистер Симмонс, конечно, был недоволен, как всегда, когда Клайв жаловался на здоровье, но, поскольку Клайв выглядел уставшим и держался за живот, старику Симмонсу ничего не оставалось, кроме как согласиться. Клайв вышел из гастронома. В кармане у него лежали все его наличные, около двадцати трех долларов.

Клайву захотелось сесть на автобус и поехать куда-нибудь далеко-далеко. Он понимал, что может попасть под подозрение, если кассир вспомнит, что он часто бывал в музее мадам Тибо, и особенно если он вспомнит, что Клайв был там вчера, но это никак не влияло на его желание прокатиться на автобусе. Желание это было очень простым и в то же время неодолимым. За восемь долларов с мелочью он купил билет на западное направление и в результате примерно в семь часов оказался в довольно крупном городке в Индиане, названием которого Клайв не поинтересовался.

Автобус высадил нескольких пассажиров, в том числе и Клайва, на станции, в которой были кафе и бар. Клайву стало интересно, что пишут газеты, и он подошел к газетному киоску у входа в кафе. Там он увидел такие заголовки:

Тройное убийство в Музее восковых фигур

Резня в музее Загадочный убийца:

Три трупа за одну ночь

Последний заголовок понравился Клайву больше всего. Он купил три газеты, зашел в бар, заказал пиво и стал читать.

«Сегодня утром в 9:30 кассир Фред Джей Кармоди и несколько посетителей известного в городе Музея восковых ужасов мадам Тибо обнаружили среди экспонатов музея три настоящих трупа. Это были тела сорокаоднолетней миссис Милдред Вири, сорокатрехлетнего Джорджа Пи Хартли и тридцатисемилетнего Ричарда Кей Макфаддена, все они были

сотрудниками музея. Двое мужчин погибли от травм головы, у одного из них были обнаружены колото-резаные раны на шее, а женщина была задушена. В настоящее время полиция занята поисками улик на месте преступления. Предполагается, что убийства были совершены вчера вечером после 10 часов, когда трое работников музея собирались уходить домой. Убийца, или убийцы, мог быть среди последних посетителей, вошедших в музей до его закрытия в 9:30. Предполагается, что он, или они, спрятался где-то в помещении музея, дожидаясь, когда уйдут остальные посетители...»

Клайв был доволен. Отхлебнув пива, он улыбнулся. Он склонился над газетами, словно не хотел ни с кем делиться своей радостью, но это было не так. Через несколько минут он встал и посмотрел по сторонам, чтобы проверить, не читает ли кто-нибудь, кроме него, эту статью. Двое мужчин просматривали газеты, но Клайв не мог определить, читают ли они о нем, потому что их газеты были сложены.

Клайв закурил сигарету и пролистал все три газеты, проверяя, не упоминалось ли там что-нибудь о подозреваемых.

Ничего такого он не нашел. В одной из газет упоминалось, что Фред Джей Кармоди среди вчерашних посетителей не заметил никого подозрительного.

«...Принимая во внимание очевидную бессмысленность данного преступления и то, что преступник своими жертвами заменил несколько восковых экспонатов выставки, полиция склонна считать убийцу психически ненормальным. Жители окрестных районов были предупреждены по радио и телевидению о необходимости проявлять бдительность на улицах и закрывать дома».

Клайв усмехнулся. Психически ненормальный убийца! Он сожалел, что ни в одной из газет не было подробностей, что все три статьи были совершенно сухими и лишенными юмора. Они могли бы и упомянуть о старике на унитазе или о парне, который подписывал мирный договор с дыркой в голове. Видно же, что работал гений! Почему этого никто не оценил?

Допив пиво, Клайв вышел из бара на узкую улочку. Уже было темно, и горели фонари. Ему нравилось ходить по незнакомому городу, заглядывать

в витрины, но он искал закусочную, где можно купить гамбургер, и зашел в первую, которая попала ему на пути. Это заведение было оформлено как старый железнодорожный вагон.

Клайв заказал гамбургер и чашку кофе. Рядом с ним сидели двое мужчин, похожих на героев вестернов: в ковбойских сапогах и довольно грязных широкополых шляпах. Клайв предположил, что один из них мог быть шерифом, но мужчины негромко разговаривали о каких-то акрах. Земля. Они сидели, сгорбившись над своими гамбургерами и кофе, так близко, что локоть одного из них постоянно касался локтя Клайва. Клайв снова захотел перечитать газеты и одну для удобства положил на подставку для салфеток.

Когда один из его соседей попросил его подать салфетку, Клайв улыбнулся и спросил приветливым голосом:

— Вы читали про убийства в музее?

Мужчина сначала растерялся, но потом сказал:

— Ага. Видел заголовки.

— Кто-то убил трех человек, которые там работали. Вот, смотрите. — В одной из газет была фотография, но Клайву она не нравилась, потому что трупы, изображенные на ней, лежали рядом на полу. Ему было бы приятнее видеть Милдред в ванне.

— Да, — обронил мужчина в ковбойской шляпе и немного отодвинулся от Клайва, как от чего-то неприятного.

— Убийца убрал некоторые восковые фигуры, а на их место посадил своих жертв. Тут про это написано, но фотографий почему-то нет.

— Да, — произнес его сосед и принялся доедать гамбургер.

Клайва это неприятно кольнуло. К щекам его прилила кровь, когда он снова взялся за газету. Вообще-то раздражение Клайва росло с каждой минутой, отчего сердце его забилося быстро-быстро, как это бывало, когда он проезжал мимо Музея восковых ужасов мадам Тибо, с той лишь разницей, что сейчас его ощущения были совсем не приятными.

Однако Клайв растянул губы в улыбке и снова повернулся к сидевшему слева от него мужчине.

— Я об этом упомянул, потому что это сделал я. Это моя работа. — Он указал на фотографию трупов.

— Слышь, парень, — ленивым тоном произнес его сосед, — ты бы занимался лучше своими делами, о'кей? Мы тебе не мешаем, вот и ты нам не мешай. — Мужчина усмехнулся, покосившись на своего товарища.

Тот смотрел на Клайва, но, как только Клайв взглянул на него, отвел глаза.

Для Клайва этого было достаточно. Он достал деньги и заплатил за недоеденный гамбургер доллар. Оставив сдачу на столе, он направился к двери.

— Откуда ты знаешь, может, этот парень не шутит, — услышал он за спиной голос.

Клайв развернулся и сказал:

— Я не шучу.

После чего вышел в ночь.

Спал Клайв в небольшой дешевой гостинице Молодежной Христианской Организации. Проснувшись утром, он подумал, что стоит ему выйти на улицу — и его тут же остановит первый встречный полицейский, но этого не случилось. На попутной машине он приехал в другой город, ближе к своему. В свежих газетах не упоминалось ни о нем, ни о каких-либо новых уликах. Вечером в другом кафе он поговорил с двумя парнями его возраста, и разговор этот почти слово в слово повторил предыдущий. Они не поверили ему. «Идиоты», — подумал Клайв. Или притворяются? А может, лгут?

Остановив попутку, он вернулся в родной город и направился в полицейский участок. Ему стало жутко любопытно узнать, как отреагируют они. Он представил, что скажет мать после его признания. Наверное, то же самое, что говорила своим подругам и полицейскому, когда ему было шестнадцать и он угнал машину.

«После того, как его оставил отец, Клайв изменился. Я знаю, что лучше бы в доме был мужчина. Чтобы он мог равняться на него. Мне все так говорят. Клайв с четырнадцати лет задает мне вопросы типа „А кто я такой, мама?“ и „А я тоже человек?“»

Клайв так и представлял себе, что будет говорить мать в полицейском участке.

— Я хочу сделать важное признание, — сказал Клайв дежурному полицейскому.

Тот посмотрел на него довольно неприветливо и подозрительно, но сказал, в какой кабинет пройти. Там Клайв увидел полицейского офицера с седоватыми волосами и жирным лицом и рассказал ему свою историю.

— Ты в какую школу ходишь, Клайв?

— Я не хожу в школу. Мне восемнадцать лет. — Клайв рассказал, что работает разносчиком в гастрономе Симмонса.

— Клайв, у тебя большие проблемы, но не те, что ты думаешь, — заявил офицер.

После этого Клайв почти час ждал в кабинете психиатра. Потом

пришла и мать. К этому времени его уже охватило сильное раздражение. Они не поверили ему. Они говорили, что это типичный случай ложного признания с целью привлечь к себе внимание. Мать, естественно, рассказала о том, как он задавал ей вопросы «Я человек?» и «Кто я?», и это только укрепило психиатра и полицейского в их мнении.

Клайву было предписано дважды в неделю ходить на психотерапию.

Все это порядком разозлило Клайва. Возвращаться к Симмонсу он не захотел и устроился разносчиком в другое место, потому что привык иметь кое-какие деньги, на велосипеде ездил быстро и сдачу всегда возвращал честно.

— Вы ведь так и не нашли убийцу, верно? — спросил как-то Клайв у полицейского психиатра. — Вы самые тупые бараны, которых я когда-нибудь встречал в жизни.

Психиатр ответил мягким голосом:

— Не стоит так разговаривать с людьми, парень.

Клайв сказал:

— Совершенно незнакомые мне обычные люди в Индиане сказали: «Может, этот парень не шутит». У них голова работает лучше, чем у всех вас!

Психиатр улыбнулся.

Клайв заскрипел зубами. Была одна вещь, которая могла подтвердить его рассказ, — галстук Вудро Вильсона, все еще висевший у него в шкафу. Но эти тупые ослы не заслуживали того, чтобы его видеть. Ужиная с матерью, ходя в кино, развозя продукты, он планировал. В следующий раз он сделает что-то более важное, например, устроит пожар в большом здании, или подложит бомбу куда-нибудь, или возьмет пулемет, поднимется на крышу и начнет расстреливать людей на улице. В следующий раз он убьет сотни людей или даже тысячи. И вот тогда они узнают. Тогда они отнесутся к нему как к человеку, который действительно существует, который заслуживает того, чтобы его фигуру выставили в Музее восковых ужасов мадам Тибо.

ФРАНСИС ФАЙФИЛД

Нечего терять

Франсис Файфилд — автор семи романов, получивших статус бестселлера. Романы «Вопрос вины», «Глубокий сон», «Игра теней» и «Чистая совесть» объединены «сквозными» персонажами: прокурором Хелен Вест и полицейским детективом Джефффри Бейли. Под именем Франсис Хегарти она выпустила два психологических триллера и роман «Потанцуем» (1995), опубликованный в Великобритании издательством «Viking». Франсис Файфилд живет в Лондоне, работает адвокатом и сотрудничает со Службой уголовного преследования.

~ ~ ~

— Так вам нравится моя страна?

— О да! Нравится. Очень нравится.

Ей нравилось, как он смотрел на нее, нравилась его улыбка, которая была такой милой, что казалась слаще ананаса, свежего, сочного, только что сорванного, который нарезали и подали ей так, будто она была королевой, и стоил он тут всего несколько центов. Ей нравилось, что люди на этом западноафриканском пляже не косились на ее фигуру, а улыбались, глядя ей в глаза. Ей нравилось. Ей это так сильно нравилось, что она даже начала забывать свой родной английский. Слова из трех или больше слогов уже с трудом давались ей.

На что бы Одри ни обращала взгляд, увиденное слепило ее. Песок был ярко-желтого цвета, небо — пронзительно-голубое, хлопковые одежды играли всеми цветами радуги. Кожа у людей была всех оттенков коричневого цвета, как полированная древесина антикварной мебели у нее дома: орех, красное дерево, сосна — черный цвет там отсутствовал. В природе не существует по-настоящему черной древесины. Черный — это не цвет, это иллюзия.

— Хорошо? Нравится?

— Что? — На секунду она растерялась. — Что нравится?

— Ананас?

- Очень.
- Увидимся.
- Надеюсь, скоро?
- Конечно.

Она наблюдала, как он уходил, и знала, что будет ждать его. Будет ждать, когда он вернется и посмотрит на нее большими добрыми глазами человека, который мухи не обидит.

Абдул и сидел на корточках рядом с ее тяжелым деревянным лежаком, напоминая изготовившегося к прыжку тигра. Он мог казаться расслабленным: локти на коленях, ягодицы почти касаются песка, руки повисли, но как только он начинал говорить, он сразу же начинал оживленно жестикулировать. По-английски он разговаривал неуверенно, с запинками, хотя гораздо лучше, чем она на любом иностранном языке, и все же с такими познаниями его не приняли бы ни в одну английскую среднюю школу. Миссис Одри Баретт понимала это. Дома она ездила из своей деревни в городскую школу для трудных детей, где одной из главных была проблема языка. Пенджаби против английского. Быстро потеряв детское убеждение, что все, кто разговаривает на иностранном языке, должны быть очень умными, чтобы произносить все эти странные и необычные звуки, она перестала считать, что о душе или уме человека можно судить по тем словам, которые вылетают из его рта. Доброта не имела ничего общего с лингвистикой. Еще она перестала считать, что восхитительная культура ее общества (а она действительно искренне восхищалась ею) больше других подходит для того, чтобы править миром. Одри была интеллигентной женщиной средних лет, читала серьезные газеты и предпочитала такие романы, которые заставляют задуматься. Она была одновременно либералом и консерватором, жила праведной жизнью, но почему-то все время ощущала себя неудачником. Никто и никогда не восторгался Одри Баретт.

Здесь она снова взялась за старую привычку — грызть ногти, потому что объявила войну своей застенчивости.

— Как много детей, много-много, я думать, миссис Б., я думать? — спросил ее управляющий гостиницей, пытаясь составить мнение о ее ответственности и найти общий знаменатель для разговора. Люди всегда разговаривают о своих детях, и в его семье у любой женщины старше пятидесяти должны быть внуки.

— Тысячи, — гордо ответила Одри, и, пока не объяснила, он смотрел на нее округлившимися от удавления глазами.

Правда, она забыла упомянуть о своих двух беспокойных девочках,

давно покинувших ее, которые звонили ей каждую неделю из Лондона, где жизнь совсем не такая, как на севере Англии. Давно покинувшие ее вместе со своим отцом. Такова правда, ничего не попишешь. Теперь она не понимала, как случилось, что она обзавелась ими, и единственное объяснение находила в том факте, что гормоны — не лучшие советчики при выборе партнера. Человек, за которого она вышла замуж, оказался злым, даже жестоким, и этот жизненный опыт она попыталась забыть и трансформировала его в любовь к мужчинам, не склонным к насилию. Как говорила ее лучшая подруга Молли, самые неприятные ошибки иногда могут приводить к замечательным последствиям. Вот только ошибки эти, как в ее случае, иной раз делятся годами.

— Абдули — хороший мальчик, — выразительно сказал управляющий. — Абдули присматривать за вас. Он чуть подался вперед и доверительным тоном прибавил: — Он несчастный, этот мальчик. Очень.

«Называть Абдули мальчиком неправильно», — подумала Одри, когда увидела его. Абдули был совсем не мальчиком, а мужчиной почти сорока лет, и сам нуждался в присмотре. На этом гамбийском пляже было много красивых молодых людей. В свой первый день здесь, выйдя рано утром на пляж, Одри какое-то время наблюдала за ними с тем же безучастным удовольствием, с которым смотрела бы на серию движущихся картинок. Бесконечными упражнениями они доводили свои тела до совершенства, надеясь попасть в футбольную команду. Хорошая физическая форма могла обеспечить юношу работой или даже сделать знаменитостью. Абдули не был одним из них. Огромный рост, шоколадного цвета кожа, широкий торс, один глаз немного косит. Он рассказал, что его жена и ребенок давно погибли в пожаре, и у него не было достаточно сил или денег, чтобы завести новую семью. Он делал то, что мог делать, говорил он. Абдули считал себя слишком старым для надежды, он не был молодым прекрасным львом. Если бы он был молод, Одри даже не посмотрела бы в его сторону. Однако, окажись он на главной улице ее родной процветающей деревни, под серым английским небом, в глазах ее зеленоглазых земляков он наверняка выглядел бы как бог.

Живя осторожной независимой жизнью, Одри избегала необдуманных поступков так же, как она избегала прямого солнца. И никогда не занималась поисками мужчины. Европа была для нее местом, где, путешествуя, она знакомилась с другими женщинами-путешественницами. Африка стала жестоким ударом по всем ее чувствам. Бедность доводила ее до отчаяния, всеобщее бескультурье бесило; от запахов у нее кружилась

голова, от ярких цветов рябило в глазах, а солнце сделало из нее красавицу.

То было в июне. Сейчас стоял ноябрь. Абдули лежал на кровати в крошечной гостевой спальне ее маленького коттеджа, согнувшись в три погибели, чтобы уместиться на ней. Никогда еще он не жил в таком достатке, но, глядя на него, можно было подумать, что он умирает. Здесь его косоглазие и кривизна зубов были заметны намного сильнее, чем на золотых пляжах или среди буйной зелени, подбирающейся к самому берегу. Лежа на ее белоснежной подушке, он и сам как будто побледнел. Блузка скрывала испарину, выступившую на ее теле, на его коже пот блестел, как капли воды.

Одри любила его больше жизни, и больше всего на свете она хотела его убить.

Они были женаты десять недель.

Для этих вечно улыбающихся перед туристами африканцев женский возраст как будто не имел никакого значения. Абдули дрожал, когда она прикасалась к нему, он словно был связан с ней невидимыми нитями. На девушек он не смотрел. Он смотрел на нее так, будто она была живым воплощением красоты. Они научились шутить, используя незначительный запас слов и универсальный язык жестов. Понимание между ними казалось безграничным и искренним, если учесть, в каких условиях оно формировалось. Ни он, ни она не считали, что их расцветающая любовь как-то привязана к пляжу. Этот цветок был слишком прекрасен, чтобы принадлежать одному месту. Управляющий гостиницей однажды благосклонно улыбнулся и, приложив палец к носу, сказал:

— Любовь здесь витает в воздухе, миссис Баретт. Или это весна?

«В конце концов, — думала она, предвкушая реакцию Молли, — что мне терять?» Нет ничего геройского в том, чтобы полюбить мужчину и предложить ему жениться. Вообще-то потребовалось бы гораздо больше смелости, чтобы уйти в сторону, зная, что остаток жизни будешь представлять, как все могло бы быть. Сидя в своем обсаженном розами коттедже, после очередной реформы системы образования, слишком рано уйдя на пенсию, при деньгах, но с пустотой в сердце. Когда не будет учеников, когда не о ком будет заботиться, когда у жизни не будет ни смысла, ни цели. Совсем другая жизнь представилась ей, когда Абдули признался, что любит ее и что любовь всегда находит дорогу к сердцу. Одри Баретт станет учить этого смешного печального мужчину, который не

знал, что такое злость. Вечером того дня, пока кондиционер остужал ее разгоряченное тело, она заснула у себя в номере, думая о том, как это будет здорово. Во сне она видела свой триумф.

Сейчас она не только думала о жестоком убийстве, но и решилась идти до конца. Свет фонаря, стоявшего за окном, отбрасывал странные тени на потолок, когда деревья под порывом ветра начинали насмешливо качать голыми ветками: дура, дура, дура; вздыхая и бранясь, шепча, что нет дурака глупее, чем дурак, предоставленный самому себе. За эти десять недель Одри постарела на десять лет. Они так и не узнали друг друга в библейском смысле, как по-книжному называла это ее дочь. Это было одно из тех лакомств, которые берегутся для подходящего случая до тех пор, пока не истекает их срок годности, после чего они уже не кажутся чем-то соблазнительным, а потом о них и вовсе забываешь. Однако осознание этого пробудило давно спавшую в ней гордость. В ней осталось что-то такое, чего она не раскрыла ему, к чему не позволила прикоснуться, хотя причиной тому было то, что он сам этого не хотел. Один маленький кусочек Англии все еще остался нетронутым.

— Я выхожу замуж, Молли.

— Да ты что?! Не верю.

— Он вдовец, я познакомилась с ним в отпуске, мы с ним прекрасно ладим, так почему бы нет?

Она не испытывала ни тени сомнения, когда все устраивала, когда, едва вернувшись домой, начала организовывать его перелет; когда, не сказав ни слова, заплатила за все из своего кармана; когда занималась бумажной волокитой и когда, невзирая на насмешки и оскорбления, продолжала добиваться своего. Все это было намного проще, чем рассказать об этом Молли или дочерям. Известие это, конечно же, стало для них громом среди ясного неба.

— Да, и он, разумеется, черный, — обронила она в конце, как нечто незначительное, не найдя в себе смелости добавить, что черный — это всего лишь иллюзия цвета и что окончательное решение она приняла, когда однажды застала его спящим у двери своей спальни.

Абдули спал, как младенец, не испытывая ни малейших неудобств от того, что лежать ему приходилось на бетонном полу. Человек, способный на такое, заслуживал лучшего. Нельзя сделать хуже человеку, у которого ничего нет, его можно только изменить.

Тишина в телефонной трубке заставила ее сердце сжаться.

— Так ты поздравить меня, дорогая?

Молчание.

— Скажи хоть что-нибудь.

— Не могу. Ты сошла с ума.

Ничто не могло завести ее и заставить доказывать свою правоту сильнее, чем противодействие. Раньше, когда назревал конфликт, Одри всегда отходила в сторону, искала выход. Она не шла в бой, а сливалась с тенью, ждала, пока волнение уляжется, после чего торжествующе выходила снова на свет и продолжала гнуть свою линию. К тому же она хотела удивить не столько Молли и дочерей, сколько своих соседей, считавших ее занудной, добропорядочной и бесполой миссис Баретт, которая двадцать лет прожила без мужчины в месте, где одинокая жизнь и жизнью-то не считалась. Другими словами, скучной и унылой. Одри такое отношение не радовало, и она решила для себя, что предстанет в глазах местных сплетников истинной женщиной, а в глазах школьных коллег — сильным человеком, хозяином своей судьбы, не побоявшимся начать новую жизнь... С мужчиной, который гораздо выше и добрее, чем все их мужья.

Как она собиралась его убить? Сейчас было три часа ночи, и холод стоял собачий. У бедняги Абби было воспаление легких. Все, что ей нужно было сделать, это открыть окно и снять с кровати белье. Он привык спать на грязных полах, пусть попробует поспать здесь.

Одри подоткнула под него пуховое одеяло, села ровно и стала смотреть на него. Почему беспощадные, накачанные наркотиками и склонные к убийству грабители никогда не появляются, когда они нужны? Она бы приплатила такому зверю за то, чтобы он сделал свое дело, хотя охотнее пожертвовала бы свои сбережения специалисту, который смог бы все обставить так, чтобы выглядело, будто ее недавно появившийся супруг умер достойной естественной смертью.

То было долгое бодрствование, от полуночи до рассвета, и времени на раздумья было хоть отбавляй. Помимо грубого решения проблемы при помощи льда существовало множество других вариантов. Можно было ему дать лишнюю дозу антибиотиков (о том, чтобы кто-нибудь от такого умирал, она не слышала, но это было неважно). Или снотворного. А еще в холодильнике с незапамятных времен валялся кулек с антидепрессантами. Она могла накормить его всеми этими таблетками сразу, могла отравить его алкоголем, который он презирал, и сказать, что он сам это сделал. Он был слаб. Он был очень болен. Доктор бы это подтвердил.

Абдули приоткрыл глаза. У него хватило сил улыбнуться.

— Банджи, — пробормотал он. — Банджи.

Имя девушки, название города, но только не ее имя.

Одри могла похвастаться хорошей фигурой, красивым лицом и пышными черными волосами, лучше, чем у многих, но она не была настолько самовлюбленной, чтобы думать о свадьбе с пышным белым платьем и прочим вздором. К тому же, деньги им пригодились бы на другое. Кто-то наверняка взял бы его на работу, хотя бы из-за одного его доброго нрава. Одри расписала это все на листе миллиметровки. На то, чтобы вникнуть в систему, ему понадобится год, решила она, год или даже меньше. А пока у них достаточно денег, чтобы купить ему одежду, которую он очень любил. Вернее, было бы достаточно, если бы этот человек имел хотя бы малейшее понятие о том, как следует распоряжаться деньгами. Он его не имел. Он не мог понять, что, если она собралась купить ему костюм за восемьдесят фунтов, она не будет покупать костюм за три сотни, который понравился ему. Он не понимал, почему она живет в коттедже с низкими потолками, когда продавались другие дома. Он не понимал (и это доводило ее до истерического смеха) разницы между богатым и бедным. Если у тебя есть хоть какие-то деньги, ты можешь купить весь мир. И это говорил человек, который мог спать на бетонном полу. Человек, размер обуви которого приводил в изумление заносчивых продавцов в магазинах и у которого от холода болели ступни.

На свадьбе Абдули выглядел озадаченным великаном. Она состоялась через две недели после его приезда в Англию. Одри спросила его тогда, прижимаясь головой к его груди, уверен ли он, что хочет этого.

— Конечно. Конечно. Я очень уверен. — Он пригладил свой дешевенький пиджак, неуверенно улыбнулся и высвободился из ее объятий. — Потом, — сказал он, — мы будем любить друг друга.

Да, он, конечно, произвел фурор. Но скромность свадьбы и англосаксонская сдержанность стали ее очередной ошибкой. Он хотел, чтобы она выглядела как какая-нибудь звезда экрана, так, как она никогда в жизни не выглядела. Свои слова он произносил с пафосом сэра Лоуренса Оливье и выглядел как Отелло. Но тогда он, наверное, готов был убить ее так же, как сейчас она готова была убить его.

Для него такая свадьба ничего не значила. Он говорил, что у него не было веры. Вера, которая жила в нем, заставляла его бормотать себе под нос какие-то непонятные молитвы и считать, что происходящее вовсе не сделало его женатым. Та же самая вера превратила его в некое подобие вора.

Одри была многогранной натурой, и каждая из ее граней была неотъемлема. Ей был нужен мужчина, этот мужчина, такой нежный, такой непохожий на своего предшественника, чтобы замкнуть круг ее существования и превратить вакуум посередине в заполненное пространство, которое больше не будет ее беспокоить. «Этот вакуум никуда не исчезнет, — говорила ей подруга Молли. — Не бывает людей, которые чувствуют себя полноценными всегда. Одри, дорогая, посмотри, чего ты достигла. И гордись этим. Прекрасный дом с розами, любовь и уважение коллег, свобода, спокойная и достойная жизнь».

— Достоинство — это добродетель, помните это, дети...

Одри тихонько пробормотала эту строчку из детского стишка и вытерла Абдули лицо. Она могла бы накрыть его лицо подушкой, нажать и подождать немного: она не думала, что он стал бы сопротивляться, потому что он никогда ничему не противился.

Похороны прошли бы намного лучше, чем свадьба.

Сидя у его кровати, она думала о том, как его преждевременная кончина вернет ей то, чего она лишилась. Она представляла, как будет в черном платье входить за гробом в крематорий, благородная в горе, с высоко поднятой головой, как ею будут восхищаться собравшиеся выразить сочувствие, как с уважением будут перешептываться за ее спиной о том, какая она мужественная, как не побоялась второй раз выйти замуж, о том, как они были счастливы вместе, и о том, каким недолгим оказалось их счастье. Это ужасное горе. Настоящая трагедия. Она снова вернула бы былое положение, но уже в выгодном статусе вдовы и с флером эксцентричности. В конце концов, никто ведь не слышал, чтобы они ссорились. Они с Абдули никогда не ссорились. Они почти не разговаривали. Отчаяние заставляло его сохранять ледяное молчание. Он не мог признать, что ошибся, как не мог он и рассказать ей словами о той неодолимой тоске по дому, которая начала поедать его, как рак, как только до него дошло, где и как ему отныне предстоит жить.

Удивление и интерес быстро сменились отчаянием.

— Что не так, Абби? Почему тебе ничего в этом доме не нравится? Почему ты так относишься ко всему, что важно для меня?

Она говорила мягко, пульсировавшая в ней злость превратилась в горестные раздумья. Он ненавидел холод, он ненавидел низкие притолоки в ее коттедже, в магазинах он дрожал, как испуганное животное, он не любил здешнюю еду и к ее кошке относился как к какому-то демоническому созданию. Врач говорил, что у него могла быть аллергия на кошек.

Воспаление легких усложнилось приступами удушья. Вот будет смешно, если окажется, что его убила кошка. Она могла бы принести ее в спальню и разбудить его, после чего стала бы спокойно наблюдать, как он умирает от ужаса. Этот большой человек был просто жалок. Еще важно и то, что его холодная, трусливая, непоколебимая ненависть к животным передалась и ей и заставила ее возненавидеть все то, что коробило его. Она подумала о том, что нажила за свою жизнь, о том месте, которое занимала в обществе, и ее охватило ощущение бессмысленности всего этого. Она перестала верить в себя, перестала верить в правильность своих поступков, перестала ощущать смысл жизни. Все, на что она обращала взгляд, превращалось в тлен. Он как будто держал в руках изысканное вязаное изделие и медленно, по ниточке, расплетал его. Тот, который не знал, что такое грубость и насилие, разрушил все.

В те ночи, когда свершались убийства, — по крайней мере, она об этом читала, — за окнами обычно завывает ветер, гром и молнии возвещают о самом страшном преступлении, известном человеку. Но тогда убийство казалось чем-то совершенно обыденным и нормальным, и ночь была спокойной и ясной. Она выглянула в окно на деревенскую улицу, кусочек опрятной английской глубинки.

— Банджи, — пробормотал он и повернулся лицом к белому потолку. — Банджи.

Потом он открыл глаза и, когда она подвинулась к нему, посмотрел на нее. Он вскрикнул. Один раз, громко. Издал короткий, полный отчаяния звук. А потом его глаза снова закрылись.

Бедный кроткий человек.

— Ты никогда не отличалась особой терпимостью, — когда-то сказала ей Молли. — И никто из нас, кроме тех, особенно одаренных, кто немножко не в себе, не бывает настолько терпим, чтобы полностью принимать людей такими, какие они есть. Тебе не понравилась его страна, ты ее не полюбила и не поняла, но ты в этом не виновата. Почему ты решила, что он вдруг должен полюбить твою?

— Потому что он любил меня.

— Этого, — сказала Молли, — далеко не достаточно. Нельзя посадить кактус в пруд и рассчитывать на то, что он вырастет. Ездовая лайка никогда не полюбит пустыню, пусть даже она будет чемпионом породы. — По части садоводства и собак Молли была настоящим экспертом.

— Он такой добрый и мягкий, что я не вынесу этого, — сказала Одри.

С кровати послышался всхлип. Одри села на край постели. Прикоснулась к его лицу. Он накрыл ее руку ладонью и прижал к своей горячей коже. Она погладила его по голове и дала воды. Она знала, что в ту минуту в ее власти было решать, жить ему или умереть. Он тоже это знал и, похоже, не был против.

— У тебя ничего нет, — шепнула она ему. — Ничего.

Но он знал, что это не так. У него много чего было. Единственное, чего у него не было, — это денег.

Ночная тьма начала развеиваться, когда она спустилась вниз, чтобы впустить кошку. Осень в том году была погожая. По небу шли красивые красные полосы. Хотя это не шло ни в какое сравнение с изумительным великолепием заката Западной Африки, где Одри полюбила, где можно было зарыть сердце в песок, а голову отдать облакам. Для убийства нужна темнота. Одри же ждала дня. Она нетерпеливо дожидалась того часа, когда люди придут в свои кабинеты и будут готовы ответить на звонок и должным образом воспринять ее официальный голос. Тем временем она решила чем-нибудь заняться и принялась изучать выписку об остатке банковского счета. Нахмурившись, она стала подсчитывать предстоящие на неделе расходы. Горечь она спрятала в себя, затолкнула в самый дальний уголок сознания с той же решимостью, с которой когда-то месила тесто. Она отсекла от себя чувства обиды и негодования и отложила в сторонку к остальным горячим чувствам, которые были ее спутниками той ночью. Она, в конце концов, не такая женщина.

Нет, такая. Она была не лучше, чем думала о себе, и хуже, чем он, страдавший молча и отворачивавший к стене лицо, пока она готовилась. Он не умолял и даже не думал сопротивляться. Он был таким, каким она его знала с самого начала, — просто хорошим человеком, по-своему. Он никогда не обидел бы ее, он никогда не сделал бы того, что сделала она, — не причинил бы ей зла. Одри не было стыдно ни за одно из своих решений.

В десять часов она поднялась наверх. Глаза его были закрыты, он крепко и мирно спал, как будто знал, что она собиралась сделать. Она подошла к окну, рывком раздвинула занавески и впустила в комнату солнце. Бледное, водянистое английское солнце.

— Ты едешь домой, — твердо сказала она. — Через два-три дня. Когда почувствуешь себя лучше. Понятно?

Когда его лицо ожило и глаза открылись, взгляд его был полон

облегчения, которое он даже не пытался скрыть, и от этого ей захотелось плакать. Невинный, как дитя, он даже не догадывался, о чем она думала. Конечно, для него будет лучше не иметь ничего.

Когда он улетел, после того как в аэропорту они смеялись, плакали и давали друг другу бессмысленные обещания, она вернулась домой и занялась уборкой. Сняв постельное белье с кровати, на которой он спал, она задумалась, станет ли когда-нибудь его использовать. Она приготовила для себя объяснения, чтобы сохранить то чувство собственного достоинства, которое у нее еще осталось. Она дала себе клятву, что никогда не скажет о нем плохого слова. Мужественное поведение словно опустошило ее, выпило все соки. Никогда раньше она не заглядывала в свою душу, никогда и не предполагала, что может быть такой плохой.

Приподняв матрас, чтобы перевернуть его вверх ногами, у изголовья кровати, на уровне подушки, она нашла нож. Это был незнакомый ей, грозного вида нож, гораздо острее, чем те, которые продают в сувенирных лавках.

Этот нож предназначался ей.

Подумав, Одри решила, что ей нужно быть благодарной. Это открытие заставило ее по-новому оценить события той последней ночи.

ДЖИЛЛИАН ЛИНКОТТ

Отравленный персик

Джиллиан Линкотт написала пять романов о приключениях отчаянной суфражистки Нелл Брэй, действие которых происходит в викторианской Англии. Кроме того, Джиллиан Линкотт, бывшая журналистка Би-би-си, является автором романа в жанре исторического детектива, события в котором разворачиваются на Аляске, и серии о Берди Линнетте, бывшем полицейском, ставшем спортивным тренером. Ее рассказы включались во многие антологии детективного рассказа, например, в сборник «Они написали убийство».

~ ~ ~

За что я люблю лето, так это за возможность приехать в один из садов под деревушкой Кабо-коув. Нет ничего лучше, чем вечером наслаждаться плодами, собранными за день. Конечно, есть такие люди, у которых даже после самого сладкого плода во рту останется плохой привкус. В данной истории семейство Вэлленсов откроет это для себя самым неожиданным образом.

* * *

...Нужно особенно внимательно следить за тем, чтобы не придавить или не ударить побег; порезы, оставленные ножом, заживают быстро, но ушибы зачастую оказываются неизлечимы.

Ежемесячник садовода. Выпуск «Персик».

*Джордж У. Джонсон и Р. Эррингтон,
октябрь 1847 г.*

Ветки подрезали в январе. В персиковой оранжерее садовники отвязали ветки от проволоки, укрепленной на выбеленной стене, и расправили их с такой осторожностью, будто в руках у них была паутина. К

ним подошел мастер с ножом с костяной рукояткой и начал срезать мертвые ветки, плодоносившие в прошлом году, и выбирать побеги, которые принесут новый урожай. За ним, как алтарник за попом, ходил его молодой ученик с небольшой корзиной в руках и подбирал каждый кусочек ветки, упавший на землю. Было произнесено всего несколько слов, а больше и не требовалось. За восемьдесят лет, прошедшие с того времени, когда персиковую оранжерею построил дед его нынешнего владельца, этот ритуал не изменился и повторялся каждую зиму. Королева Виктория возглавила империю и умерла, ученики укоренялись и становились главными садовниками, девятнадцатый век сменился двадцатым, но всегда на изломе зимы, после зимнего солнцестояния, когда дни только начинали незаметно увеличиваться, в персиковой оранжерее в Бриарли подрезали ветки.

Стоя у двери между персиковой и виноградной оранжереями, Генри Вэлэнс, как отец и дед до него, наблюдал за этими добрыми заботливыми людьми, целью которых было хранить, бережно улучшать и передавать дело сыновьям. Этот январь отличался от предыдущих лишь тем, что рядом с ним стояла Эдвина, его жена, которая через наклонное окно смотрела на голый огород и грядку капусты. За пять лет их совместной жизни у Эдвины так и не появился интерес к садоводству. Ее больше занимал дом и обязанности хозяйки (детей у них еще не было). Ей и сейчас было не особо интересно, но в последние месяцы она не перечила мужу, когда он несмело советовал, как ей проводить время, и следовала за ним повсюду, послушно, но без задора в глазах, без живинки, которая когда-то отличала каждое ее слово, каждое движение. Волосы под шапкой-тюбаном были по-прежнему блестящими, как шерсть гнедой лошади, стройную грацию ее высокой фигуры не могло скрыть длинное каракулево пальто, которое она из-за холода не снимала даже в теплицах. Но руки ее, затянутые в серебристо-серую лайку, были крепко сжаты, а лицо было холодным, как зимнее небо.

Муж придвинулся к ней, чтобы их не услышали люди, возившиеся с персиками, и вполголоса произнес:

— У меня письмо от Стивена.

За последние несколько месяцев они приобрели привычку о самых важных вещах разговаривать в людных местах или когда рядом были слуги. Это уменьшало возможные неприятные последствия. Она чуть-чуть повернула голову, продолжая смотреть на огород, как будто брюссельская капуста могла уползти с грядки, если за ней не следить.

— Похоже, он написал книгу.

— Какую книгу?

— Роман.

— Зачем это ему понадобилось?

У нее вообще был негромкий голос, а сейчас он и вовсе еле слышался.

— Говорит, что хочет заняться делом. — Она ничего не сказала. Он посмотрел на нее, потом перевел взгляд на садовников. — Я ему написал, что заплачу в два раза больше, чем он рассчитывает на этом заработать, если он не опубликует его.

— Он не согласится.

Произнесла она это с холодной уверенностью. Они еще какое-то время постояли, потом он подал ей руку, и они пошли через стеклянные галереи виноградной оранжереи и через пустую арбузную теплицу, вычищенную до блеска на зиму. Их шаги отдавались на железных решетках. В персиковом доме мастер наблюдал, как двое садовников полосками ткани привязывали к стене деревце. Он остановил их, подошел, поднял нож, глядя на одну из веточек, потом, так и не отрезав ее, подал знак продолжать. Дерево было подрезано идеально, и веточка была оставлена, чтобы родить персик. За фруктовыми оранжереями несколько людей чистили и чинили огромный бойлер, который подавал горячую воду в трубы, лежащие под решетчатым полом. Вскоре, когда подрезка будет закончена и кран бойлера открыт, чтобы создать искусственную весну, сок начнет подниматься по тонким стволам и разливаться по растопыренным веткам. Пока что день-два персиковые деревья могли отдохнуть.

К апрелю теплая персиковая оранжерея наполнилась розовыми цветами, хотя снаружи воздух еще не утратил зимней свежести. Садовники вели борьбу с вредителями, которые могли помешать плодам завязаться. Ученик ходил с латунным опрыскивателем вдоль рядов деревьев, брызгая на листья табачной водой, чтобы сократить количество тли. Один из садовников кистью мазал смесью серы с жидким мылом каждый узел, каждую трещинку, чтобы убить яйца красных пауков, и не забывал присматривать за учеником.

— Эй, аккуратнее с этой штуковиной, ты только что чуть ветку не отломал.

Вообще-то секундная неосторожность ученика не потревожила даже листика на деревце, и внимание садовника было не полностью поглощено борьбой с паучьими яйцами и тлей. В то время происходили такие события, о которых знали даже ученики, и волны, зародившиеся в хозяйских комнатах, распространились через слуг вниз до кухонь, а оттуда через

посудомойщиц достигли садовников, которые приносили в дом корзины с овощами. Среди последних был организован сбор средств, после чего в книжный магазин ближайшего городка отправили заказ. Кучер по дороге со станции должен был забрать заказанный товар вместе с другими копиями, которые заказывали слуги, кухарки и конюхи. Дворецкий, у которого были связи в Лондоне, похоже, уже обзавелся собственной копией, но никому ее не показывал. В обед садовники собрались в своей лачуге за задней стеной теплиц, разместились поудобнее на мешках и ведрах и выбрали того, кто будет читать вслух. Его желание начать чтение как положено, с первой главы, не нашло поддержки.

— Там ничего интересного. Давай сразу с того места, где про них говорится, про него и про нее, а начало мы слушаем потом.

— Если захотим.

Раздался смех, но негромкий. Им было выделено полчаса на то, чтобы съесть свой хлеб с сыром, но то, что они делали сейчас, не входило в их обязанности и могло закончиться неприятностями, даже увольнением за неуважение, если бы об этом стало известно. Дверь захлопнули перед носом любопытных учеников, но от мастера или старшего садовника она их не защитила бы.

Чтец жалобным голосом поинтересовался, как ему определить, где в книге начинается самое интересное.

— Тут нету комментариев на полях, как в Библии.

— Я слышал, это в десятой главе.

Чтец пошуршал страницами, прочитал про себя начало главы и присвистнул.

Тут же несколько голосов велели ему не валять дурака и начинать читать вслух.

— Тут она зовет его к себе, чтобы голову ему намылить за то, что он с одной служанкой сошелся.

— Там так и написано — «сошелся»?

— Ну давай, читай уже!

Теперь, когда дошло до самого интересного, все они почувствовали некоторую неловкость. Тот, кому доверили книгу, принялся читать торопливым полусшепотом, и им пришлось тянуть вперед головы, чтобы расслышать. Леди зовет джентльмена в будуар. Настроена она решительно. Обычно она на болтовню слуг не обращает внимания, но он должен понять, что молодые горничные находятся в ее ведении, и как работодатель она несет моральную ответственность перед их родителями. Если джентльмен может заверить ее, что все эти слухи безосновательны, она предпримет

самые суровые меры против тех людей, которые их распускают.

Тут снаружи раздался какой-то шум. Садовники замерли, но оказалось, что это всего лишь двое учеников пытаются подслушать, и вскоре они были спроважены с накрученными ушами.

— Давай дальше.

Джентльмен не может дать ей подобное заверение. Вместо этого он хвалит ее за то, что она принимает на работу таких хорошеньких горничных. Сначала она не верит, а потом приходит в ярость. Он сохраняет спокойствие, потом спрашивает ее, не ревнует ли она. Дама выходит из себя и даже пытается ударить его. Он хватает ее за руку, она падает на диван и устремляет на него черные горящие глаза. Он стоит над ней и смотрит на нее с хищной улыбкой.

— А что дальше-то?

— Ничего. Это конец главы.

Он повернул к ним книгу и показал наполовину пустую страницу.

— Ну так читай следующую.

Он перевернул страницу.

— Тут нет продолжения. По крайней мере, в этой главе. Здесь про то, как джентльмен в клуб ходил.

— И что он...

Неожиданно резко распахнулась дверь лачуги. Почти весь дверной проем загоразивала квадратная фигура в котелке. Это был сам главный садовник, которому уволить их всех было не труднее, чем ухвертку раздавить.

— Вы чем это тут занимаетесь? Вы уже час тут торчите.

Потом он увидел книгу и вырвал ее из рук чтеца.

— Постыдились бы! Я вам покажу, где место для этой грязи.

Садовники с виноватыми лицами прошли следом за ним через двор (за этим шествием из-за сарая наблюдали двое учеников) к бочке с жидкими удобрениями — коровьим навозом в дождевой воде. Он кивнул одному из садовников, чтобы тот снял крышку, бросил в бочку книгу и дождался, пока та погрузилась в вязкие глубины. Еще один кивок, и крышка вернулась на место.

— Если я увижу, что у меня в саду кто-нибудь держит в руках эту гадость, если я услышу, что кто-нибудь хотя бы упоминает ее, или мне покажется, что кто-то о ней думает, этот человек прямым ходом отправится искать новое место без характеристики. А теперь идите и займитесь делом.

Повесив головы, они разошлись. Двое направились к оранжереям.

— А он все-таки в одном месте ошибся. Сказать где?

— Где?

— Когда написал, что у нее черные глаза. На самом деле они у нее карие.

Они рассмеялись, но приумолкли, когда увидели Хоббса, мастера, который дожидался их. Поднять на него глаза они не осмелились.

* * *

...ни персик, ни нектарин не вызревает полностью, если недополучает солнечного света во время созревания почек.

Энциклопедия садоводства.

Дж. С. Лоудон, 1835 г.

К концу июня персики почти созрели. За деревьями наблюдали и ухаживали с того времени, когда среди лепестков сформировались маленькие зеленые шишечки; каждый день они подвергались тщательнейшему осмотру и отбору, пока на каждой ветке не осталось всего лишь по одному плоду. Теперь все ждали окончательного созревания. Опасаясь, что летнее солнце окажется слишком жарким и сожжет их через стеклянный потолок, Хоббс каждое утро приходил в оранжерею, становился между аккуратными рядами деревьев, поднимал голову, какое-то время смотрел вверх, а потом тихо, как в церкви, говорил несколько слов ученику. Ученик брался за колесо и открывал ряды вентиляционных окон, медленно, дюйм за дюймом, пока они не оказывались под нужным углом, чтобы обеспечить мягкую циркуляцию воздуха. И это повторялось каждые несколько часов, пока поднималось солнце. Как только открывались окна, в персиковой оранжерее проводилась уборка, не менее тщательная, чем в гостиной. С дорожки сметали каждый комок песка, каждое дерево придирчиво проверяли на мельчайшие признаки наличия вредителей, ибо в то время сезон был в разгаре и персики, можно сказать, вышли в общество. Поместье Бриарли было знаменито своими фруктовыми оранжереями, и прогулка между завтраком и обедом вдоль зеленых рядов с налитыми гроздьями винограда, под зелеными и желтыми фруктами, висящими в густой тени листвы, для гостей была почти обязательна. Вообще-то в том сезоне в Бриарли гостей почти не видели, но оранжереи, как всегда, были готовы к их встрече. Сегодня утром Генри Вэлэнс пришел в оранжерею один. Вернее сказать, его челядь держалась за ним на почтительном расстоянии: сначала главный садовник, потом мастер Хоббс,

потом двое садовников, отвечавших за фруктовые деревья.

Время от времени Генри останавливался, ощупывал и нюхал дыню, трогал виноградинку. Когда это случалось, главный садовник подходил к нему, и они обменивались несколькими серьезными словами. Процессия медленно дошла до персиковой оранжереи и остановилась между двумя рядами деревьев.

— Почти созрели, верно?

Главный садовник движением головы подозвал Хоббса. То, что главный садовник позволял Хоббсу отвечать на вопросы хозяина напрямую, говорило о том, что он уважает его как специалиста. Хоббс был в темном костюме, в шляпе, по случаю официального визита без садовничьего фартука; в падавшей на него зеленоватой тени поблескивала цепочка для часов.

— Ранний Хейла должен созреть к понедельнику, сэр, а ранний Беатрис почти сразу после него. Потом пойдут Риверс и Миньон.

— Превосходно. Будем ждать.

Отец и дед Генри тоже когда-то стояли на том же самом месте и произносили почти те же слова. Разница была лишь в сухости голоса, как будто все то, чего он собирался ждать, уже осталось в прошлом.

Потом он с усилием произнес:

— Вы проследите, чтобы к концу второй недели у нас был хороший урожай? У нас будет много гостей. Полный дом.

Двое садовников переглянулись. Первый прием с прошлого года! Слуги уже начали подозревать, что в этом году приема вообще не будет.

— Мы проследим, сэр.

Он мог бы и не спрашивать. Их работа в том и заключалась, чтобы в доме все лето были свежие персики, вне зависимости от того, приезжают к хозяевам гости или нет. Однако обиды его вопрос не вызвал. Все работники сада любили своего хозяина. Любили и жалели.

* * *

Сетки... совершенно бесполезны для защиты от ос и прочих насекомых, поскольку они садятся на внешнюю сторону и, сложив крылья, свободно пролетают даже через мельчайшие ячейки.

Энциклопедия садоводства

Через стеклянные галереи со стороны дома послышался звук торопливых шагов. Шаги были слишком легкие и быстрые для садовника и слишком уверенные для горничной. Мужчина замер.

— Генри! — раздался голос его жены, дрожащий от едва сдерживаемой паники. Он встретил ее у двери. — Тебе письмо. Только что пришло.

Она протянула конверт. Сначала он удивился. Каждый день ему приходили десятки писем, и Эдвина была не обязана носить их ему. Но потом Генри заметил почерк, взял письмо и прочитал.

— Он услышал о приеме. Собирается приехать.

— Нет!

Садовники оказались в затруднительном положении. Подслушивать личные хозяйские разговоры никто из них не хотел. Но и уйти через дверь в огород без приказа они тоже не могли. Они принялись с огромнейшим вниманием изучать листья персика, хотя и так знали, что они идеальны.

— Напиши ему. Скажи, чтобы он не приезжал.

— Я не могу этого сделать. Он, в конце концов, мой брат.

— Он не приедет, если ты ему не разрешишь.

— Он все равно приедет, и что мне делать тогда? Вызывать полицию, чтобы его арестовали? Приказать людям бросить его в озеро, когда в доме будет полно гостей? Да после такого в обществе будут говорить об этом годами.

— Он этого и добивается.

— Да, и единственный способ помешать ему — не побояться и позволить ему приехать.

— Нет.

Но это слово уже было произнесено другим голосом, беспомощным и подавленным. Он протянул руку, но она повернулась и ушла. Ее медленные, удаляющиеся в сторону дома шаги еще долго доносились из стеклянных галерей.

Главный садовник вежливо обратился к хозяину:

— Сэр, фиги в этом году очень уродились. Не хотите ли взглянуть?

— Фиги. Да, конечно.

Когда они собрались идти дальше, главный садовник вдруг остановился.

— Прошу прощения, сэр, но взгляните на это.

Он указал на один из персиков. Оба садовника разом ахнули.

— Оса. Рано еще для них.

Насекомое сидело, сложив крылья, на нижней части персика. Хоббс, мертвенно побледнев, шагнул вперед.

— Прошу прощения, сэр.

Один из садовников, хотя его никто не спрашивал, вдруг произнес:

— Парень говорил, что видел их гнездо сзади на сарае.

Главный садовник зыркнул на него колючим взглядом.

— Так почему вы его не убрали? Хоббс, займитесь этим. — Указание это прозвучало не так резко, как могло, учитывая, в какое постыдное положение их поставило вторжение осы. Хоббс кивнул, и небольшая процессия двинулась дальше.

* * *

Несильное сдавливание точки соединения черенка с плодом позволит узнать, достаточно ли он спел.

Ежемесячник садовода. Выпуск «Персик»

В июле запах зрелых персиков наполнил воздух нежным душистым ароматом. Каждое утро мастер аккуратно срывал самые спелые плоды и бережно укладывал их на подушечку, лежавшую на подносе, который держал ученик. Но он срывал не все персики. В Бриарли было заведено оставлять на деревьях несколько фруктов, чтобы гости, решившие прогуляться, могли полюбоваться этими чудесными плодами, светившимися сквозь зеленые листья, как глаза сонного животного. Однако компания еще не дошла до персиковой оранжереи, задержавшись по пути, чтобы посмотреть на сочные фиолетовые лозы винограда. Восхищенный шепот, руки в белых перчатках, тянущиеся к ягодам, но замирающие, так и не прикоснувшись к ним, словно в страхе замарать нетронутую красоту райского сада. Однако одна рука, мужская и без перчатки, все же прошла сквозь невидимый барьер и сорвала одну ягоду. Легкая дрожь, то ли изумленная, то ли довольная, прошла по группе. Радуюсь вниманию, человек, сорвавший виноградинку, положил ее себе в рот. Губы его можно было назвать не по-мужски пухлыми, и, жуя, он показал внутреннюю поверхность нижней губы, гладкую и влажную.

— Ну как? Вкусно?

Вопрос задала женщина с темными, собранными на затылке волосами и большими глазами. От нее пахло гвоздикой, и, глядя на ее платье, можно было предположить, что портниха, пожалуй, слегка переусердствовала в

своем стремлении сделать так, чтобы оно в точности повторяло очертания ее пышной груди. Вместо ответа мужчина сорвал еще одну ягоду и поднес к ее рту. Глаза женщины покосились в сторону, где стояли хозяин с хозяйкой, потом она приоткрыла рот, сложив губы кружочком, чуть опустила голову и, как птичка, взяла ягоду из его пальцев.

— О да. Очень вкусно.

После этого наступила тишина, нарушил которую голос хозяина:

— Не пройти ли нам к персикам? — И, не удержавшись, он прибавил:
— Если ты наелся, Стивен.

— Пока да.

Группа двинулась дальше в молчании.

* * *

Садоводы часто кладут мягкую подстилку под фруктовые деревья, чтобы уберечь опадающие фрукты от повреждения. Опавшие плоды бывают особенно сладкими.

Ежемесячник садовода. Выпуск «Персик»

В воскресенье день начался позже, чем обычно. Между первым и вторым завтраками лишь несколько гостей побывали в оранжереях. Хозяин с хозяйкой, как всегда, отправились в церковь. Некоторые из гостей пошли с ними, но, поскольку день был жаркий, большинство решило прогуляться вдоль озера или по лимонной аллее. После обеда, когда выходной день повернул к концу, шаг гуляющих стал ленивее и началась вежливая борьба за места на скамейках под деревьями. Потом никто не мог вспомнить, кто предложил еще раз сходить в оранжереи. Возможно, это был сам хозяин. Но это точно была не Эдвина, потому что после обеда у нее заболела голова и она ушла к себе. Предложение могло последовать от Стивена, поскольку эти два дня он почти все время находился в центре внимания молодежи. Случайный человек мог бы решить, что здесь хозяин он, а не его брат, хотя все это время его отношение к Генри и Эдвине было самым благопристойным. Он даже обронил, что в их старом фамильном доме ему до того понравилось, что он начал подумывать, не задержаться ли здесь еще на недельку. Кто бы это ни предложил, его поддержали, и чуть больше десяти человек отправились в оранжереи, включая женщину, пахнущую гвоздикой. Некоторые из гостей постарше отметили про себя, что для женщины, чей муж работал за границей, в течение этих двух дней она уж

слишком часто оказывалась рядом со Стивеном. Поздно вечером несколько мужчин, отдыхая в бильярдной после изрядной порции портвейна, обменялись шутками насчет того, что Стивен собирает материал для нового романа за спиной Генри. Еще одна ночь, и в понедельник утром он уедет. Мужчины в бильярдной даже сделали ставки.

Солнце, еда и вино развеяли некоторый присущий прогулкам по оранжереям оттенок торжественности. Стивен был весел, безудержен и бегал по напоенным фруктовыми запахами дорожкам, как большой ребенок, которому хочется все увидеть, потрогать, попробовать. Его настроение передалось молодежи. У женщины, которая съела виноградинку, появились соперницы, потому что теперь уже никто не боялся прикасаться к плодам, срывать их и есть. Со стебля была сорвана дыня, и ею стали перебрасываться, как мячом, пока желтая мякоть и семечки не разлетелись по красным плиткам пола. Генри наблюдал за этим безучастно. Так же безучастно наблюдал за этим и стоявший в десяти ярдах от них главный садовник. Развеселившаяся компания смеялась, бегала по виноградной оранжерее и обрывала виноград, оставляя кисти с голыми черенками и обрывками фиолетовой кожуры.

Войдя в тенистую зеленую персиковую оранжерею, они увидели работавшего там Хоббса, и на какой-то миг показалось, что он, защищая заветные персики, готов проявить грубость по отношению к гостям хозяина, хотя это, разумеется, стоило бы ему места. Увидев приближающуюся компанию, он даже встал у них на пути, но, когда встретился взглядом с главным садовником, неохотно отступил в сторону. Однако этот намек на противостояние, похоже, только раззадорил Стивена. Он предложил одной женщине съесть персик, не срывая. Та потянулась губами к спелому, сочному красно-золотому фрукту. Хоббс шагнул к ней, возможно, для того, чтобы сорвать плоди вручить ей с почтением, приличествующим этой даме и прекрасному фрукту. Главный садовник не на шутку встревожился, предвидя возможное нарушение этикета, и хотел было его остановить, но женщина в последнюю секунду со смехом отвернулась от персика.

— Это невозможно. Он упадет.

— Возможно! Просто для этого нужно, чтобы рот был сухим. Вот, смотрите.

В полной тишине, под взглядами всей компании, Стивен подошел к самому крупному персику. Он висел очень удобно — на уровне его

подбородка, выступая из листвы. Стивен немного согнул колени и запрокинул голову так, что фрукт оказался прямо на его губах. Зубы сомкнулись на персике. Сок потек по подбородку и стал капать на лацкан его белого пиджака. Какая-то женщина коротко вскрикнула, но на нее тут же зашикали. Персик зашатался, закрутился на черенке, но не сорвался. Шейные мышцы Стивена напряглись, и он откусил еще один кусок, больше предыдущего. Потом раздался какой-то негромкий треск, и он начал заваливаться на спину с персиком в зубах. На этот раз раздалось несколько вскриков, но никто не стал шикать. Поскольку Стивен стоял, запрокинув голову, падая, он с такой силой ударился о железную решетку, что содрогнулся, наверное, каждый листик в оранжерее. Раздались крики:

— Он задыхается! Господи боже мой, да уберите же это у него изо рта.

— Воздух, нужен воздух!

— Выведите женщин.

— Тут есть врач?

Генри уже подбежал к Стивену вместе с главным садовником и мастером. Они перевернули его и вырвали из зубов персик. Искраженное лицо говорило о том, что он задохнулся до того, как ударился головой, но, поскольку два раза умереть он не мог, это не имело значения. Генри быстро поднялся, закашлявшись, и попятился к стене. Там его стошнило.

— Выведите его. Выведите его на воздух.

— Выходите, все.

Привязанный к палке кусок материи, пропитанный насыщенным раствором цианистого калия, убивает не только тех ос, которые находятся в гнезде в данную минуту, но и тех, которые вернутся туда позже.

Помощник садовода. Джон Райт, 1892 г.

Пока дожидались врача, начали возникать первые подозрения, причиной которых был главным образом запах. Кроме Генри, еще несколько человек кашляли, выходя из оранжереи, одна из женщин лишилась чувств, и ее пришлось приводить в себя. Когда Генри и большая часть компании направлялись домой, главный садовник, Хоббс и несколько мужчин из гостей накрыли тело чистыми мешками. После этого они вышли в виноградную оранжерею и плотно притворили за собой дверь. Отойдя в дальний конец оранжереи, гости закурили, а садовники встали чуть в стороне от них. Когда наконец прибыл врач, они последовали за ним, но подходить к телу не стали, хотя к этому времени запах почти выветрился.

Врач откинул мешок с мертвого лица.

— Так что, вы говорите, случилось?

— Он ел персик и подавился.

Врач наскоро осмотрел тело, потом велел снова накрыть, но не трогать его, пока не приедет полиция. Врач этот (добросовестный шотландец) появился в деревне довольно недавно. Старый доктор, наверное, проявил бы больше такта.

Вывод из этого был один, и никто его не подвергал сомнению: Стивен Вэлленс получил по заслугам. Если ты совращаешь служанку брата, потом его жену и в погоне за прибылью рассказываешь об этом всему свету, нечего жаловаться, если в твоём персике окажется полно цианида. Даже те, кому Стивен нравился и кто с любопытством следил за его успехами, испытали своего рода удовлетворение от того, что конец все-таки настал, хотя был определенный спортивный интерес в том, чтобы узнать, как далеко может зайти человек, прежде чем вступят в силу законы природы. Стивен сам выбрал путь, по которому шел, и, согласно существующим в природе правилам, его ждало быстрое падение.

Во всяком случае, таким был немедленный вердикт общества. Каким будет вердикт государственной системы правосудия, это другой вопрос, и поначалу казалось, что с ним могут возникнуть трудности. То, что Стивен умер от отравления цианидом, и то, что переносчиком яда послужил персик, никем не ставилось под сомнение. Оптимистическая версия о самоубийстве, совершенном в неожиданную минуту раскаяния, была отброшена сразу всеми, кто хотя бы отдаленно был знаком со Стивеном или с его репутацией.

— Что ж, если говорить откровенно, я полагаю, это было убийство.

Дискуссия происходила поздно вечером в бильярдной, но никто даже не пытался играть, поскольку это было бы совершенно неуместно в воскресенье, когда хозяйка лежит с головной болью наверху, ее муж находится рядом с ней, а его младший брат в морге. Здесь начали собираться люди, имевшие вес, не та ветреная молодежь, которая увивалась за Стивеном, а более трезвомыслящие мужчины, которые знали отца Генри, которые занимали места в городских магистратах и выбирали представителей в парламент.

— Его нельзя винить. Я бы и сам то же самое сделал.

— Но травить ядом — не очень-то это благородно.

— Зато действительно. Быстро и практически безболезненно, надо

полагать. Да и, если разобраться, что ему оставалось? Я имею в виду, сейчас ведь не те времена, чтобы вызывать на дуэль.

— Теперь, очевидно, будет расследование. Они могут решить, что это убийство, совершенное неустановленным лицом или лицами...

— Или могут даже назвать лицо, которое это сделало, если соберут достаточно улик.

Какое-то время все молчали, обдумывая этот вариант.

— Хотя нельзя забывать и о том, что существует еще случайная смерть.

— В том персике была целая пробирка цианистого калия. Как он мог туда попасть случайно?

— В садоводстве цианистый калий используют для борьбы с осами. По крайней мере, мой садовник использует, и я не думаю, что у Генри какие-то другие садовники. На персики, если не следить, осы слетаются тучами.

Снова наступившее молчание прервал самый старый из них:

— Пожалуй, утром я поговорю с его главным садовником.

* * *

Его использование можно доверять только профессионалам.

Помощник садовода

На коронерский суд Хоббс пришел в своем лучшем выходном костюме и новеньком котелке. Когда он вышел давать показания, свет из окна падал прямо на него. К этому времени суд уже выслушал брата покойного, двух врачей, полицейского и главного садовника, который отчетливо помнил, что велел мастеру разобраться с появившимися в персиковой оранжерее осами. Коронер с сочувствием отнесся к горю брата, а с врачами и главным садовником был деловит.

К мастеру он обращался более холодным тоном, но Хоббс на все вопросы отвечал почтительно. В доме мистера Вэленса он прослужил двадцать лет. Да, он использовал цианистый калий, когда травил ос в гнезде, в сарае у них специально для этого хранится банка. Нет, он не знал, что яд может попасть в персик. Да, его предупреждали, что с этим веществом нужно быть осторожнее, и он знал, что оно ядовито. Если некоторое количество яда попало с его садовых перчаток или какого-то инструмента на фрукт, то это могло произойти только в результате

небрежности. Мог ли он назвать какой-нибудь другой способ, как это могло произойти? Нет, сэр, никакого другого способа он не представляет. В зале суда послышались шуршание и вздохи, как будто зашумели тяжелые листья под порывом ветра. Коронер выдержал паузу, давая присутствующим осознать всю значимость этого ответа, после чего обратился к другой стороне дела. Врач, констатировавший смерть, и полицейский обнаружили на персике крошечные осколки стекла.

— Его положили на пол, сэр, когда один из джентльменов вынул его изо рта покойного.

— Вы предполагаете, что именно тогда на него попало стекло?

— Да, сэр.

— Вы часто оставляете осколки стекла на полу в оранжереях вашего хозяина?

— Не часто, сэр.

— И все же стекло оказалось там. Следует ли полагать, что это еще один пример небрежности?

Хоббс не сразу понял, что должен ответить на этот вопрос.

— Да, сэр, произнес он все тем же почтительным тоном.

Наконец ему позволили занять свое место. Главный садовник, который и упавшему лепестку цветка не позволял задержаться на полу оранжерей больше секунды, слушал ответы мастера, глядя прямо перед собой, с застывшим лицом. В заключительной речи коронер сказал несколько резких слов по поводу халатности лиц, которым по роду деятельности следовало бы быть более внимательными. Хоббс выслушал их, низко опустив голову надлежащим на коленях котелком. Суд принял решение считать смерть результатом несчастного случая.

У здания суда один из друзей Генри Вэленса подошел к Хоббсу, который стоял в одиночестве среди разъезжающихся машин и экипажей.

— Что ж, Хоббс, хорошо то, что хорошо кончается.

— Да, сэр.

— Мистер Вэлэнс, кажется, не собирается вас увольнять?

— Нет, сэр.

— Это очень великодушно с его стороны. Я уверен, вы ему очень признательны.

— Да, сэр.

И несмотря на то, что во многом благодаря именно его стараниям все закончилось, ко всеобщему удовлетворению, этому человеку показалось, что Генри в самом деле действовал из благородных побуждений.

Неприятные слова, произнесенные коронером в адрес Хоббса и его преступной халатности в обращении с ядом, остались в прошлом, стали достоянием истории, официально запротоколированным.

— Я надеюсь, ничего подобного больше не повторится.

— Нет, сэр.

Оба мужчины приподняли шляпы, когда мимо них медленно проехала машина Вэлленсов. Эдвина сидела прямая, как стрела, рядом с мужем, и густая вуаль не могла скрыть ее бледности.

К октябрю сезон персиков почти закончился. Несколько штук сортов Принц Уэльский и Леди Пальмерстон еще краснели среди листвы, но в доме персиков почти не заказывали, да и в оранжереи почти никто не ходил. Только Генри время от времени бывал там с осмотром да перебрасывался с Хоббсом парой слов на отстраненные темы. Однажды утром, когда в воздухе уже чувствовался морозец, в оранжерею вошел главный садовник. Хоббс в это время вешал новые таблички на проволоке. В пределах слышимости больше никого не было.

— Все хорошо, Хоббс?

— Да.

Главный садовник посмотрел через окно на двух мужчин, вскапывавших картофельные грядки.

— Кое-кто говорит, что с вами обошлись несправедливо. Но вы свою часть очень складно рассказывали и в итоге ничего не потеряли.

Ответа не последовало. Внимание главного садовника, похоже, было полностью сосредоточено на людях снаружи.

— Странные вещи иногда находишь в земле.

Проволока в руке Хоббса вдруг натянулась и начала вибрировать. Голову он по-прежнему не поднимал.

— О чем вы?

— В конце июля я зашел на огород и заметил, что в одном месте кто-то недавно копал землю. Прямо за дядилем. Но я никому не велел там копать. Тогда я сходил в сарай за лопатой и сам копнул немного в этом месте. Как вы думаете, что я там нашел?

Хоббс так вцепился в проволоку, что ветка, к которой она была привязана, тоже задрожала.

— Персики, вот что я там нашел. Я их быстро закопал, и теперь по тому месту проходит мощеная дорожка. На всякий случай.

Ветка дерева уже начинала трещать, когда Хоббс отпустил проволоку и поднялся. Главный садовник взял его за руку, не грубо.

— Разумеется, вы не могли предугадать, какой именно персик он выберет, поэтому вам пришлось подготовить несколько штук. И вы собирались остановить женщину, когда она хотела укусить один из них.

Хоббс кивнул.

— Как вы догадались?

— Что это ваших рук дело? Ну, мистер Вэлленс, конечно, мог бы один такой персик подготовить, но для того, чтобы обработать несколько штук, нужно иметь умелые руки и время. Никто не проводит в персиковой оранжерее больше времени, чем вы, и ни у кого нет таких рук, как у вас. Я видел, как вы прививаете фруктовые деревья.

Хоббс в ответ на этот комплимент снова кивнул.

— И я знаю еще одно. Я знаю, почему вы это сделали, и поэтому не виню вас.

Мастер посмотрел в лицо главному садовнику, и из него хлынули слова.

— Все только и говорили о том, что он сделал с ней, с миссис Вэлленс, как будто моя девочка ничего не значила. А еще эта книга, все прочитали о том, что он сделал с горничной, с моей девочкой, а потом леди позвала его к себе, чтобы поговорить, и он... Когда я узнал, что у него хватило наглости вернуться сюда, чтобы посмеяться над нами, я начал думать... Начал думать, что я мог бы сделать. Ну и придумал.

Главный садовник все еще держал его руку. Любой, кто заглянул бы снаружи в оранжерею, увидел бы просто двух мужчин, выкроивших минутку, чтобы отдохнуть под осенним солнышком.

— Как ваша дочь?

— Она уехала к тете в Уэльс. Они говорят, что отец ребенка — моряк, погибший в море. Она сюда не вернется.

Тишина. Оба мужчины были терпеливы, но первым сдался Хоббс.

— Нужно забыть об этом и жить дальше.

— Об этом уже все забыли. Вы допустили халатность, так решил суд.

— Но...

— Помолчите. Я думаю.

— Я полагал, вы уже подумали.

— Посмотрите на это пустое место, вон там. Как считаете, может быть, посадить там парочку Риверсов или Лорд Напьеров?

Сначала Хоббс посмотрел на голую белую стену, потом на него.

— Вы говорите об этом *сейчас*?

— Почему нет? Никогда не поздно начать готовиться к следующему году, верно?

— К следующему году...

Он не сразу понял значение этих слов, а когда понял, сказал «спасибо» и снова повернулся к дереву. Ветка, уже без плодов, зацепилась за его манжету, но он освободил ее все еще немного дрожавшей рукой и продолжил заниматься своим делом.

АГАТА КРИСТИ

Четверо подозреваемых

Агата Кристи (1890–1976) не зря носит почетный титул «королевы детектива». Мало кто из литературных персонажей может сравниться по популярности с ее сыщиками Эркюлем Пуаро и мисс Джейн Марпл, которые объездили всю Англию, раскрывая многочисленные преступления. Будущая писательница, родившаяся на южном побережье английского графства Девон, поначалу хотела стать пианисткой, но природная застенчивость помешала ей сделать музыку своей профессией. Во время Первой мировой войны Агата Кристи работала медсестрой в госпитале королевского летного корпуса, после этого она участвовала в нескольких археологических экспедициях своего второго мужа Макса Маллоуэна в качестве фотографа. Богатый жизненный опыт писательницы нашел отражение в написанных ею 66 романах и 144 рассказах.

~ ~ ~

Когда разговор зашел о нераскрытых преступлениях и избежавших наказания преступниках, все стали по очереди высказывать свое мнение: и полковник Бантри, и его милая полноватая супруга, и Джейн Хельер, и доктор Ллойд, и даже почтенная мисс Марпл. Единственным, кто не высказался, был человек, несомненно, самый компетентный в этом вопросе среди всех присутствующих. Сэр Генри Клитеринг, отставной комиссар Скотланд-Ярда, молча сидел, покручивая усы, или скорее поглаживая их, и, думая о чем-то своем, улыбался.

— Сэр Генри, — наконец не выдержала миссис Бантри, — если вы ничего не скажете, я закричу. Все-таки, действительно ли многие преступления остаются безнаказанными?

— Выдумаете о газетных заголовках, миссис Бантри, наподобие «Очередная неудача Скотланд-Ярда», со списком нераскрытых преступлений.

— Которые, я полагаю, являются лишь небольшой частью от общего

количества, — вставил доктор Ллойд.

— Да, это так. О сотнях раскрытых преступлений и наказанных злодеях сообщают гораздо реже. Но в данном случае вопрос не в этом, верно? Нераскрытые преступления и те, о которых попросту неизвестно, — это ведь разные вещи. Во вторую категорию попадают все преступления, о которых неизвестно Скотланд-Ярду, преступления, о которых вообще никто не знает.

— Но таких, наверное, не так уж много, — произнесла миссис Бантри.

— Вы так считаете?

— Сэр Генри! Неужели вы намерены утверждать обратное?

— А мне кажется, — задумчиво произнесла мисс Марпл, — что таких преступлений должно быть много.

Очаровательная старушка, как и подобает истинной англичанке, сделала это заявление с совершенно невозмутимым видом.

— Но дорогая мисс Марпл... — начал полковник Бантри.

— Разумеется, дураков всегда хватает, — продолжила мисс Марпл. — А дурак не сможет скрыть свое преступление так, чтобы о нем никто не узнал, как бы ни старался. Но есть немало людей, которые совсем не дураки, и мне становится страшно, когда я думаю о том, на что способны люди, не имеющие твердых нравственных принципов.

— Да, — согласился сэр Генри, — умных людей много. Сколько преступлений всплыло только лишь из-за случайности! Каждый раз, когда такое случается, спрашиваешь себя: а если бы не эта случайность, понес бы преступник наказание?

— Это ужасно, Клитеринг, — покачал головой полковник Бантри. — Просто ужасно.

— В самом деле?

— Что значит — в самом деле? Конечно, это ужасно.

— Вот вы говорите, преступление осталось безнаказанным. Но возможно ли такое? Может быть, преступник не ответил перед законом, но причинно-следственная связь работает и вне закона. Говорить, что не бывает преступления без наказания, банально, но я убежден, что это именно так.

— Возможно, возможно, — сказал полковник Бантри. — Но это не делает ситуацию менее ужасной, менее... э-э-э... ужасной. — Не сумев подобрать подходящего слова, он в некоторой растерянности замолчал.

Сэр Генри Клитеринг улыбнулся.

— Девяносто девять человек из ста, несомненно, согласятся с вами, — сказал он. — Но поймите, что на самом деле главное — не вина. Главное —

невиновность. Почему-то никто этого не осознает.

— Что-то я не понимаю, — неуверенно произнесла Джейн Хельер.

— А я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Когда миссис Трент обнаружила, что у нее из сумочки пропало полкроны, у нее сразу возникли подозрения насчет приходящей служанки миссис Артур. Разумеется, все семейство Трентов пришло к выводу, что монету взяла служанка, но, будучи людьми добрыми и зная, что у той большая семья и муж-пьяница, они решили, скажем так, не прибегать к крайним мерам. Однако после этого они начали относиться к ней по-другому и перестали оставлять ее дома, когда куда-то уезжали, что для нее было довольно важно. У других людей отношение к ней тоже стало меняться. А потом неожиданно открылось, что деньги взяла гувернантка. Миссис Трент случайно увидела ее в зеркале, когда та снова рылась в ее сумочке, забыв прикрыть дверь в комнату. Совпадение, хотя я предпочитаю называть это провидением. И я думаю, что сэр Генри говорил об этом. Большинство людей интересуется только то, кто взял деньги, и истина оказалась самой неожиданной... Как в детективных романах! Но в настоящей жизни больше всех пострадала несчастная миссис Артур, которая была совершенно невиновна. Вы об этом говорили, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл. Вы абсолютно правильно уловили мою мысль. В вашем примере поденнице повезло. Ее невиновность была доказана. Но бывает и такое, что несправедливые подозрения преследуют человека всю жизнь.

— Вы говорите о каком-то конкретном случае, сэр Генри? — любопытствовала миссис Бантри.

— Вообще-то да, миссис Бантри. Это очень необычный случай. Мы полагаем, что было совершено убийство, но доказать это невозможно.

— Яд? — выдохнула Джейн. — Яд, не оставляющий следов?

Доктор Ллойд беспокойно заерзал на месте, а сэр Генри покачал головой.

— Нет. Никаких отравленных индейских стрел. Хотел бы я, чтобы было все так просто. Мы имеем дело с чем-то гораздо более обыденным. Я бы даже сказал, с настолько обыденным, что нет никакой надежды установить злоумышленника. Некий пожилой господин упал с лестницы и сломал шею. Несчастный случай. Подобные досадные происшествия случаются ежедневно.

— А что случилось в действительности?

— Кто знает? — Сэр Генри пожал плечами. — Может быть, его толкнули в спину? Или там была натянутая нить, которую потом аккуратно

убрали? Этого мы не узнаем никогда.

— Но вы считаете, что это было... Что это была не случайность? И почему вы так думаете? — спросил доктор.

— Это довольно долгая история, но... В общем, да, мы почти не сомневаемся, что это было убийство. Как я уже сказал, доказать чью-то вину невозможно — у нас недостаточно веских улик. Но у этого дела есть другая сторона, ради чего я о нем и упомянул. Четыре человека могли совершить это. Виновен лишь один из них, остальные трое невиновны. Но если не будет установлена истина, трем невиновным людям предстоит прожить всю жизнь под тяжестью подозрения.

— Мне кажется, нам будет понятнее, если вы поведаете свою долгую историю, — сказала миссис Бантри.

— Что ж, в конце концов, можно обойтись и без подробностей, — сказал сэр Генри. — По крайней мере, начало можно опустить. Если вкратце, тут замешана некая тайная немецкая организация, «Шварц Ханд». Это некое подобие каморры, вернее, того, как большинство людей представляет каморру. Занимаются они шантажом, террором и тому подобным. Организация впервые дала о себе знать после войны, и после этого ее деятельность стремительно приобрела невероятный размах. Невозможно подсчитать, сколько человек пострадало от их рук. Все попытки власти бороться с этим тайным обществом были безуспешны, поскольку его секреты тщательно охранялись. Также не удавалось найти никого, кто согласился бы предоставить информацию. В Англии мало кто знал об этом обществе, но Германия была повергнута в ужас. В конце концов «Шварц Ханд» была уничтожена благодаря усилиям одного человека, некоего доктора Розена, в свое время одного из ведущих агентов спецслужб. Он внедрился в организацию, сблизился с ее руководством и, как я уже сказал, способствовал ее развалу. После подобного, разумеется, самым мудрым решением для него было покинуть Германию, и чем раньше, тем лучше. Он переехал в Англию. Берлинская полиция предупредила нас о его приезде, и, когда он пришел к нам, я сам разговаривал с ним. Держался он спокойно, как человек, смилившийся с судьбой и знающий, какое будущее его ожидает. «Они доберутся до меня, сэр Генри, — сказал он. Рано или поздно это случится». Он был крупным мужчиной, с красивым лицом и очень низким голосом. Лишь легкая горланность произношения выдавала его национальность. «Моя участь предрешена. Но я готов к этому. Я понимал, на что иду, когда брался за это дело, и задачу свою я выполнил. Организация уже не сможет возродиться, но многие ее участники на свободе, и у них есть только один способ

отомстить — найти и убить меня. Это лишь вопрос времени, и все же я хочу, чтобы это случилось как можно позже. Видите ли, я сейчас собираю и редактирую один интересный материал, можно сказать, подвожу итоги жизни, и мне бы хотелось успеть закончить эту работу». Он говорил очень просто и в то же время с таким достоинством, что я не мог не восхищаться им. Я сказал ему, что мы сделаем все возможное, чтобы защитить его, но он лишь отмахнулся от моих слов. «Когда-нибудь они все равно доберутся до меня, — повторил он. — Когда это случится, не вините себя. Я не сомневаюсь, что вы сделаете все возможное». После этого он рассказал о своих планах, которые были очень простыми. Он хотел поселиться в небольшом коттедже в деревне, где мог бы спокойно заниматься своей работой. В конце концов он выбрал небольшую деревушку в Сомерсете, Кингз Натон, которая расположена в семи милях от железнодорожной станции и, на удивление, почти не тронута цивилизацией. Он купил уютный домик, сделал в нем ремонт, кое-что перестроил и обосновался там окончательно. С ним жили его племянница Грета, личный секретарь и старая экономка, немка, которая верой и правдой служила ему почти сорок лет. В доме бывал приходящий садовник, из деревенских.

— Четверо подозреваемых, — обронил доктор Ллойд.

— Совершенно верно. Четверо подозреваемых. Вот, собственно, и вся история. Жили они в Кингз Натон тихо-мирно пять месяцев, а потом грянул гром. Доктор Розен упал с лестницы и через полчаса был найден мертвым. Когда это случилось, Гертруда была на кухне. По ее утверждению, она ничего не слышала, потому что дверь в кухню была закрыта. Фрейлейн Грета находилась в саду, сажала какие-то луковицы, опять же, по ее словам. Садовник Доббс утверждает, что в это время завтракал в небольшом сарае, где хранится рассада, а секретарь говорит, что гулял, и во время прогулки его, разумеется, тоже никто не видел. Алиби нет ни у кого, никто не может подтвердить ничьи слова. Можно утверждать лишь то, что этого не мог сделать посторонний человек, потому что незнакомца в маленькой деревне наверняка бы заметили. И парадная дверь, и черный ход были заперты — у каждого имелся собственный ключ, так что, как видите, под подозрение попадают только эти четверо. И в то же время невозможно поверить, что такое мог совершить кто-то из них. Грета, дочь его родного брата? Гертруда, прослужившая у него сорок лет? Доббс, никогда в жизни не покидавший Кингз Натон? Или Чарльз Темплтон, его секретарь...

— Да, — сказал полковник Бантри. — Что насчет него? Лично мне он кажется наиболее подозрительным. Что вы о нем знаете?

— Как раз то, что я о нем знаю, и снимает с него подозрения. По

крайней мере, на то время, — веско произнес сэр Генри. — Дело в том, что Чарльз Темплтон — мой человек.

— Вот как? — опешил полковник Бантри.

— Мне нужен был там свой человек, но я не хотел, чтобы в деревне начались разговоры. Розену действительно был нужен секретарь, вот я и приставил к нему Темплтона. Он джентльмен, свободно говорит по-немецки и вообще толковый парень.

— Но в таком случае кого же вы подозреваете? — растерянно произнесла миссис Бантри. — Похоже, никто из них не мог...

— Да, такое создается впечатление. Но на это можно взглянуть с другой стороны. Фрейлейн Грета, его племянница, — прекрасная девушка, но война показала нам, что брат может пойти против сестры, а отец — против сына, и так далее. Мы знаем случаи, когда самые очаровательные девушки совершали просто неслыханные поступки. Все это относится и к Гертруде. Кто знает, какие силы могли быть вовлечены в этом случае. Возможно, какая-нибудь ссора с хозяином или недовольство, растущее с каждым годом. Пожилые женщины ее склада порой бывают поразительно злопамятны. А Доббс? Если он не связан с семьей, с него можно снимать подозрения? Деньги способны на многое. Вполне вероятно, что за это время его могли подкупить. Одно кажется несомненным: убийца получил какое-то послание или приказ извне. Иначе зачем было ждать пять месяцев? Нет, наверняка это дело рук агентов «Шварц Ханд». Очевидно, они не были окончательно уверены, что их предал именно Розен, и ждали подтверждения. Когда сомнения отпали, они и послали своему шпиону в доме приказ убить.

— Это чудовищно! — воскликнула Джейн Хельер и передернула плечами.

— Но вы спросите, каким образом убийца получил приказ? Я сам над этим вопросом бился. Тут была единственная надежда пролить свет на это дело. С кем-то из этих четверых у них поддерживалась связь. Задержки с исполнением приговора не должно было возникнуть. Я знал, что как только придет приказ, он будет выполнен молниеносно. Это был особый почерк «Шварц Ханд». Я начал с того, что вам может показаться смешным: выяснил, кто в то утро приходил в дом. Составил список, не делая исключений ни для кого. Сейчас покажу.

Он достал из кармана пухлый конверт и выбрал одну из бумаг, лежавших внутри.

— Мясник. Принес баранью шею. Проверен, подозрений не вызвал. Посыльный от бакалейщика. Принес пакет кукурузной муки, два фунта

сахара, фунт масла и фунт кофе. Проверен и подозрений тоже не вызвал. Почтальон. Принес два рекламных проспекта для фрейлейн Розен, письмо Гертруде, три письма доктору Розену (одно с заграничной маркой) и два письма мистеру Темплтону, одно из них тоже из-за границы.

Сэр Генри замолчал и достал из конверта пачку документов.

— Возможно, вам будет любопытно взглянуть. Они были переданы мне самими получателями или извлечены из мусорной корзины. Я думаю, вы сами догадываетесь, что все они были проверены экспертами на предмет невидимых чернил и прочих ухищрений. Никаких волнующих открытий это не принесло.

Все собрались вокруг него, чтобы посмотреть. Проспекты были от одного цветочного питомника и от знаменитой лондонской фирмы, торгующей меховыми изделиями. Из двух счетов на имя доктора Розена один был из местной лавки за семена, а другой — из лондонского магазина за канцелярские товары. Адресованное ему письмо было следующего содержания:

Дорогой Розен, только что была у доктора Спата. На днях видела Маркуса Джексона. Он и Елизавета Перри недавно вернулись из Рабата. Скажу честно: я ни капли не завидую им — такие путешествия приводят меня в Трепет. Надеюсь скоро получить от вас весточку. Напоминаю: хоть вы и не верите мне, все же остерегайтесь того человека, о котором я говорила.

Ваша Георгина

— Мистер Темплтон получил вот этот представленный к оплате счет, как видите, от своего портного, и письмо от друга из Германии, — продолжил сэр Генри. — Письмо он, к сожалению, порвал во время прогулки. И, наконец, письмо, которое получила Гертруда.

Дорогая миссис Шварц, надеюсь, вы придете на собрание в церковь в пятницу вечером. Священник гаварит, что надеится, что вы придете, патаму что здесь вам всегда рады. Спасибо большое за рецепт курицы, он мне очень панравился. Надеюсь, что у вас все хорошо и мы скоро встретимся.

Искренне ваша, Эмма Грин

Прочитав это послание, доктор Ллойд улыбнулся. Улыбнулась и миссис Бантри.

— Мне кажется, на это письмо не стоит тратить времени, — сказал доктор Ллойд.

— Я тоже так подумал, — ответил сэр Генри, — и все же я проверил, существует ли эта миссис Грин и действительно ли в пятницу намечалось собрание. Предосторожность никогда не помещает.

— Так и мисс Марпл всегда говорит, — снова улыбнулся доктор Ллойд. — Мисс Марпл, вы не заснули? О чем вы так задумались?

Мисс Марпл вздрогнула.

— Ох, какая же я... — смущенно произнесла она. — Я просто задумалась, почему в письме доктору Розену слово «Трепет» написано с большой буквы.

Миссис Бантри взяла письмо.

— Действительно, с большой!

— Да, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Я думала, вы заметили.

— В этом письме содержится предостережение, — вмешался полковник Бантри. — Я на это первым делом внимание обратил. Я замечаю намного больше, чем вы думаете. Да, самое настоящее предостережение... Но насчет кого?

— С этим письмом связано одно необычное происшествие, — сказал сэр Генри. — Темплтон рассказал, что доктор Розен, открыв это письмо за завтраком, затем передал его секретарю со словами, что хотел бы увидеть того субъекта, который такое написал.

— Почему субъекта? — удивилась Джейн Хельер. — Оно же подписано «Георгина».

— Имя написано неразборчиво, — заметил доктор Ллойд. — Это может быть «Георгий», хотя, по-моему, больше все-таки похоже на «Георгина». Вот только письмо написано мужской рукой.

— А знаете, это интересно, — промолвил полковник Бантри. — Значит, он, прочитав письмо, просто взял и отбросил его, сделав вид, что не понял, от кого оно. Наверное, он хотел увидеть, какое впечатление это произведет на кого-то. Вот только на кого? На девушку? Или на мужчину?

— Или даже на служанку, — добавила миссис Бантри. — Возможно, она как раз в это время приносила завтрак. Но что мне непонятно, так это особое...

Она склонилась над письмом и стала его внимательно осматривать. Мисс Марпл придвинулась к ней, протянула руку и пощупала бумагу. Они о чем-то зашептались.

— Но зачем секретарю понадобилось рвать другое письмо? — неожиданно спросила Джейн Хельер. — По-моему, это... Не знаю... Странно как-то. И еще, кто это ему мог писать из Германии? Хотя, если вы говорите, что он вне подозрений...

— Но сэр Генри не говорил этого, — быстро произнесла мисс Марпл, прервав тихое совещание с миссис Бантри. — Он сказал, что подозреваемых четверо, а значит, мистер Темплтон входит в их число. Я права, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл. К сожалению, опыт научил меня одному правилу: не бывает людей выше подозрений. Я только что изложил вам причины, по которым каждый из этих людей может оказаться виновным, хоть это и кажется невероятным. В Чарльзе Темплтоне я поначалу не сомневался, но потом, памятуя только что упомянутое правило, я и его взял под подозрение. Как это ни прискорбно, но нужно признать, что каждая армия, каждый флот, каждый полицейский отряд имеет в своих рядах определенное количество предателей, нравится нам это или нет. Поэтому Чарльза Темплтона я проверял не менее пристрастно, чем остальных. Я задавал себе те же вопросы, которые только что задала мисс Хельер. Почему именно он из всей четверки не смог предъявить полученное письмо, тем более что письмо, судя по марке, пришло из Германии? Кто мог ему писать из Германии? Последний вопрос напрашивался сам собой, поэтому я спросил его об этом напрямую. Ответ оказался очень простым: сестра его матери замужем за немцем, и то письмо было от его немецкой двоюродной сестры. Таким образом, я узнал то, чего не знал раньше: оказывается, у Чарльза Темплтона есть родственники в Германии. И это, само собой, сразу же включило его в список подозреваемых. Чарльз работает со мной, он мне всегда нравился, и я доверял ему, но, если рассматривать это дело непредвзято, я должен признать, что он главный подозреваемый. Но все же... Не знаю. Не знаю!.. И, скорее всего, не узнаю никогда. Главное для меня — не наказать убийцу. Для меня есть вопрос в тысячу раз важнее. Возможно, это будет стоить карьеры честному человеку... И все из-за подозрения, подозрения, которым я не имею права пренебречь.

Мисс Марпл покашляла и произнесла негромко:

— Значит, сэр Генри, если я правильно поняла, вас больше всего беспокоит вопрос виновности молодого мистера Темплтона?

— Да, в некотором смысле. Вообще-то я бы должен одинаково относиться ко всем четверым, но я не могу сказать, что это так. Вот, например, Доббс на его счет у меня, конечно, тоже есть подозрения, но его

карьеру это не испортит, тем более в деревне все уверены, что смерть доктора Розена была обычным несчастным случаем. С Гертрудой немного хуже — из-за подозрений в ее адрес фрейлейн Розен наверняка изменит свое отношение к ней. Хотя, возможно, для нее это не так уж важно. А что касается Греты Розен... Тут не все так просто. Грета прелестная девушка, а Чарльз Темплтон красивый молодой человек, и пять месяцев они прожили под одной крышей. Произошло неизбежное, они полюбили друг друга. Но случилась катастрофа, и они не успели признаться в своих чувствах. Прошло три месяца. Через пару дней после того, как я вышел в отставку, ко мне наведальась Грета Розен. К этому времени она уже продала коттедж и собиралась вернуться в Германию, уладив все дядины дела. Она пришла ко мне, так сказать, по личному вопросу, хотя и знала о моей отставке. Какое-то время она ходила вокруг да около, но наконец все прояснилось. Она спросила, что я думаю о том письме с немецкой маркой. Это письмо не давало ей покоя. Видно, ее тоже тревожило то, что Чарльз порвал его. Она хотела знать мое мнение на этот счет. Разумеется, она ему поверила, но... Хотела знать наверняка. Видите? То же самое чувство: она хотела верить, но проклятая подозрительность, хоть и была загнана в темные глубины разума, не давала ей покоя. Я рассказал ей все начистоту, ничего не скрывая, и попросил ее о том же. Я спросил, любит ли она Чарльза и любит ли Чарльз ее. «Думаю, да, — ответила она. — Я даже уверена. Мы были так счастливы. Каждый день был событием. Мы знали... Мы оба догадывались. Но мы не спешили — нам казалось, что впереди у нас бесконечность. Когда-нибудь он сказал бы, что любит меня, и я ответила бы, что люблю его... Ах, вы сами понимаете, что случилось потом. Все изменилось. Между нами как будто пробежала черная кошка. При встрече мы не знаем, что говорить. Наверное, он чувствует то же, что и я. Наверное, тоже хочет верить. Поэтому, сэр Генри, я и пришла к вам. Умоляю, помогите мне! Я хочу быть уверенной, что дядю убил не Чарльз Темплтон. Скажите, что это не он! Скажите! Умоляю!..» Но я не мог этого сказать. Они будут все больше отдаляться друг от друга... И подозрение будет призраком преследовать их обоих, призраком, от которого невозможно избавиться.

Сэр Генри откинулся на спинку кресла с усталым видом. Лицо его словно посерело. Раз или два он печально покачал головой.

— И ничего тут не поделаешь, разве только... — Он снова сел ровно, и по лицу его скользнула ироничная улыбка. — Разве только мисс Марпл поможет нам. Что скажете, мисс Марпл? У меня такое чувство, что это письмо как раз по вашей части. Письмо о церковном собрании. Оно не

натолкнуло вас ни на какие соображения? Вы можете помочь двум несчастным влюбленным обрести счастье?

Однако, несмотря на ироничность тона, было видно, что в просьбу эту он вкладывал больше надежды, чем хотел показать.

Мисс Марпл покашляла и поправила кружева.

— Все это мне немного напомнило случай с Анни Поултни, — призналась она. — С письмом, разумеется, все понятно, и миссис Бантри, и мне. Я говорю не о письме с приглашением в церковь, а о другом. Сэр Генри, вы живете в Лондоне, поэтому неудивительно, что вы не обратили на это внимания.

— На что? — удивился сэр Генри.

Миссис Бантри взяла каталог и с видимым удовольствием начала читать:

— «Доктор Спат. Чистые сиреневые лепестки, на редкость красивый цветок с очень длинным и крепким стеблем. Прекрасно подходит для украшения сада и хорошо срезается. Один из лучших экземпляров своего вида. Маркус Джексон. Прекрасной формы цветок, немного напоминающий хризантему, необычного кирпичного цвета. Елизавета Перри. Ярко-красный декоративный цветок. Рабат. Яркий, оранжевый с красным оттенком цветок. Прекрасное садовое растение и долго сохраняется в срезанном виде. Трепет...»

— С большой буквы, если помните, — указала мисс Марпл.

— «Трепет. Розовые и белые оттенки, очень большой цветок прекрасной формы». — Миссис Бантри отбросила каталог и с торжествующим видом пояснила: — Сорты георгин!

— И их первые буквы образуют слово «Смерть», — пояснила мисс Марпл.

— Но ведь письмо было послано самому доктору Розену, — возразил сэр Генри.

— В этом и заключается хитрость, — сказала мисс Марпл. — Поэтому именно в нем и было зашифровано предупреждение. Что бы он сделал, если бы получил письмо неизвестно от кого с незнакомыми именами? Разумеется, отдал бы его своему секретарю.

— Неужели действительно...

— О нет! — поспешила заверить его мисс Марпл. — Не секретарь. Это, наоборот, подтверждает его невиновность. Он бы не допустил, чтобы это письмо попало к вам в руки. И наверняка не стал бы уничтожать свое письмо с немецкой маркой. Право же, его невиновность, если позволите так сказать, — более чем очевидна.

— Тогда кто же...

— Что ж, я почти уверена... Нет, полностью уверена! У стола находился еще один человек, который просто взял письмо и прочитал, что в тех обстоятельствах было совершенно естественно. Вы помните, что она с той же почтой получила садовый каталог?

— Грета Розен? — протянул сэр Генри. — Так, значит, ко мне она приходила...

— Мужчины ничего не понимают в таких вещах, — философски произнесла мисс Марпл. — И боюсь, что нас, старух, они считают отставшими от жизни, вечно недовольными занудами. Но вот что я вам скажу. К сожалению, женщины слишком хорошо разбираются в женщинах. Я не сомневаюсь, что им что-то мешало. Молодой человек неожиданно почувствовал необъяснимое отвращение к ней. Он подозревал ее, подозревал безотчетно, сам не зная почему, но скрыть этого не мог. Думаю, к вам она пошла от злости. Ему на самом деле тогда уже было нечего бояться, и к вам она явилась только для того, чтобы укрепить ваши подозрения насчет бедного мистера Темплтона. Наверняка вы не так уж сильно подозревали его до ее визита.

— Но я уверен, что она не сказала ничего такого... — начал сэр Генри.

— Мужчины, — мягко перебила его мисс Марпл, — не разбираются в таких вещах.

— А эта девушка... — Он замялся. — Выходит, она совершила хладнокровное убийство, и ей это сошло с рук!

— О нет, сэр Генри, — сказала мисс Марпл. — Не сошло. Ни вы, ни я не верим, что преступление может остаться безнаказанным. Помните, вы сами это не так давно сказали. Нет. Грете Розен не удастся избежать наказания. Начать с того, что ей придется иметь дело с людьми особенного типа: шантажистами и террористами. Это не лучшая компания, и, скорее всего, ее ждет жалкий конец. Как вы говорите, сейчас нужно думать не о виноватых, а о невиновных. Я осмелюсь предположить, что мистер Темплтон женится на своей немецкой кузине. То, что он порвал ее письмо, весьма... можно сказать, весьма подозрительно, только в данном случае слово это имеет не то значение, в котором мы его употребляли весь вечер. Похоже, он боялся, что другая девушка могла увидеть это письмо или спросить о нем, вам не кажется? Да, наверняка их соединяет не только родственная любовь. Теперь Доббс... Впрочем, я согласна с вами, вряд ли для него это имело большое значение. Возможно, расстройство желудка обеспокоило бы его куда больше. А что касается бедняжки Гертруды, которая напомнила мне Анни Поултни... Бедняжка Анни Поултни!

Подумать только, после пятидесяти лет честной службы ее обвинили в том, что она украла завещание мисс Ламб, хотя никаких доказательств этому не было. У несчастной едва не разорвалось сердце. А потом, после ее смерти, завещание обнаружилось в потайной полочке чайницы, куда старая мисс Ламб сама его спрятала для сохранности. Но для бедной Анни это уже не имело значения. Вот что меня больше всего тревожит в судьбе этой старой немки. С возрастом люди становятся очень обидчивыми. За мистера Темплтона я не волнуюсь — он молод, красив и явно пользуется успехом у женщин. Вы ведь напишете ей, сэр Генри? Напишите, что с нее сняты все подозрения. Ее старый хозяин, с которым она прожила чуть ли не всю жизнь, умер, и, конечно же, она думает об этом и чувствует, что ее подозревают в его... Ох, страшно даже подумать, каково ей сейчас!

— Я напишу, мисс Марпл, — пообещал сэр Генри и с любопытством посмотрел на нее. — Знаете, я, наверное, никогда не смогу понять вас до конца. У вас каждый раз новый, неожиданный подход.

— Боюсь, что подход у меня самый примитивный, — скромно возразила мисс Марпл. — Я почти не выезжаю из своей Сент-Мэри-Мид.

— И все же вы сумели решить, если можно так выразиться, загадку международного масштаба, — заметил сэр Генри. — А в том, что загадка решена, я не сомневаюсь.

Мисс Марпл покраснела, но быстро справилась с собой.

— Думаю, для своего времени я получила хорошее образование. У нас с сестрой была гувернантка-немка, мы называли ее фрейлейн. Очень сентиментальное было существо. Она учила нас языку цветов. В наши дни он забыт, но это очаровательная наука. Желтый тюльпан, к примеру, означает «безответная любовь», а китайская астра — «я умру у твоих ног от ревности». То письмо подписали именем Георгина, и в письме это было главное слово. Жаль, что я не помню, что означает георгина. Увы, память у меня уже не такая, как прежде.

— По крайней мере, не «смерть».

— Нет, конечно. Ужасно, правда? В мире порой происходят очень грустные вещи.

— Верно, — вздохнула миссис Бантри. — И все-таки хорошо, когда у тебя есть цветы и друзья.

— Заметьте, нас, мужчин, она не упоминает, улыбнулся доктор Ллойд.

— Один мой поклонник каждый день присылал мне в театр багровые орхидеи, — мечтательно промолвила Джейн.

— Это означает «жду вашей благосклонности», — весело произнесла мисс Марпл.

Сэр Генри издал странный звук, закашлялся и отвернулся.

Мисс Марпл вдруг вздрогнула.

— Вспомнила! — воскликнула она. — Георгина означает «предательство и обман».

— Чудесно, — произнес сэр Генри и со вздохом прибавил: — Просто замечательно.

ЛОРД ДАНСЕНИ

Две бутылки соуса

Для Эдварда Джона Мортон Дракса Планкетта, восемнадцатого барона Дансени, литературная карьера была лишь развлечением, наравне с такими благородными занятиями, как путешествия, охота и крикет. Фантастический вымысел и детектив часто переплетаются в его произведениях.

Возможно, самым известным его рассказом можно назвать «Две бутылки соуса» (1934), который входил в антологию «Силы тьмы: Коллекция мрачных рассказов».

~ ~ ~

Смизерс меня зовут. Я из тех, кого обычно называют маленьким человечком, занимающимся своим маленьким дельцем. Я коммивояжер, продаю «Нам-намо», соус для мяса и острых закусок — знаменитый на весь мир соус, должен вам сказать! Это действительно хороший продукт, в нем нет никаких вредных кислот, на сердце он не влияет, так что работа у меня несложная. Да я и не устроился бы на эту работу, если бы это было не так. Но я надеюсь, что когда-нибудь буду заниматься товаром, который труднее продавать, потому что чем товар труднее продать, тем лучше платят. Ну а пока я просто живу, скромно, без всяких излишеств. Хотя квартира у меня дорогая. Так уж случилось, и об этом я хочу вам рассказать. История эта необычная, но, хоть я и маленький человечек, больше вам об этом никто не расскажет. Может быть, кроме меня кто-нибудь что-нибудь знает, но они молчат. Дело было так. Искал я себе комнату в Лондоне, когда на работу только устроился. Мне нужно было жить именно в Лондоне, в столице.

Нашел я в центре один небольшой квартал, застроенный домами блочного типа, надо сказать, довольно мрачного вида, и встретился с человеком, который там распорядился. Я рассказал ему, что хочу. У них это называлось квартирами, хотя там была только спальня да что-то вроде комода. Так вот, поскольку, когда я к нему подошел, он разговаривал с другим клиентом, судя по виду, джентльменом, на меня он (человек,

сдававший квартиры) особого внимания не обратил. Поэтому какое-то время я просто ходил за ним, глазел на разные комнаты и дожидался своего часа, когда меня поведут смотреть жилье моего уровня. Зашли мы в одну очень хорошую квартиру: гостиная, спальня, ванна и еще одна комнатка, которую они называли прихожей. И вот так я познакомился с Линли. Он и был тем джентльменом, которого водили по квартирам.

— Дороговато, — сказал он.

Человек, сдававший квартиры, повернулся к окну и принялся ковыряться во рту зубочисткой. Даже интересно, как много может сказать о человеке такое простое занятие. Этим своим ковырянием он давал понять: у меня, мол, таких квартир сотни, и мне плевать, будете вы тут жить или нет. Мне все было ясно, как будто он вслух это произнес, хотя он и звука не издал, отвернулся просто, посмотрел в окно и в зубах начал ковыряться. Тогда я подумал-подумал и говорю мистеру Линли: «Сэр, а если я заплачу половину и мы будем жить здесь вместе? Мешать я вам не буду, потому что работаю и постоянно в разъездах. Устраивайте здесь все, как хочется. Поверьте, какая-нибудь кошка вам и то больше хлопот доставила бы, чем я».

Возможно, вы и удивились, что я так себя повел, но еще больше вы удивитесь, когда узнаете, что он согласился... По крайней мере, вас бы это точно удивило, если бы вы знали меня, обычного человечка со своим маленьким дельцем.

И все же я сразу понял, что я понравился ему гораздо больше, чем тот человек у окна.

— Но здесь всего одна спальня, — сказал он.

— Я бы прекрасно устроился и в этой маленькой комнате, — ответил я.

— Это прихожая, — произнес человек у окна, не вынимая изо рта зубочистки.

— И я бы убирал постель и прятал бы ее в шкаф в любое время, когда скажете, — добавил я.

Он как будто задумался, а тот, у окна, молча смотрел на Лондон. И в конце концов мистер Линли согласился.

— Это ваш друг? — спросил человек, сдававший квартиры.

— Да, — ответил мистер Линли.

Это было очень любезно с его стороны.

Я объясню, почему я так поступил. Могли я позволить себе снимать такую квартиру самостоятельно? Конечно же, нет. Но я услышал, как мистер Линли упомянул, что недавно приехал из Оксфорда и собирается

пару месяцев пожить в Лондоне. Другими словами, ему просто было нужно уютное жилье на то время, пока он будет обустроиваться и подыскивать работу или пока будет в состоянии его оплачивать. «Отлично, — сказал я себе, — что такое хорошие манеры для делового человека, в особенности для того, кто занимается таким делом, как я? Да все! Если бы я перенял хотя бы четверть оксфордских замашек этого мистера Линли, я бы стал продавать товара вдвое против прежнего, а там, того и глядишь, мне доверили бы продавать что-нибудь не такое ходовое и платить стали бы, может, даже в три раза больше. Как ни крути, это прямая выгода». И потом, четверти образования вполне хватит на то, чтобы сойти за образованного. Я хочу сказать, не нужно читать наизусть весь «Ад», чтобы показать, что ты знаешь Мильтона. Для этого хватит и полстрочки.

Ладно, вернемся к моей истории. Вы, наверное, даже не думаете, что такой маленький человечек может заставить вас содрогнуться. Так вот, поселившись в этой квартире, я скоро забыл об Оксфорде. А забыл я о нем потому, что меня полностью захватил мой сосед. Ум у него был изворотливый, как тело акробата, мысли проворные, как птица. Ему даже не нужно было образование. Вы и не заметили бы, есть оно у него или нет. Идеи из него так и сыпались, причем такие, что обычному человеку и в голову бы не пришли. Но мало того, он и чужие мысли улавливал слету. Сколько раз бывало такое, что он заранее знал, что я собираюсь сказать. Нет, мысли он читать не умел, просто у него хорошо работала интуиция. Я тогда научился немного в шахматы играть, просто чтобы по вечерам, после работы, отвлечься от «Нам-намо». Однако шахматные задачи мне не давались. Но он, бывало, проходя мимо, бросит взгляд на доску и говорит: «Попробуйте походить сначала этой фигурой», я ему: «Куда?», а он мне: «На любую из этих трех клеток». Тогда я говорю: «Но ведь все клетки под боем» (а, хочу заметить, речь всегда шла о ферзе). На это он отвечает: «Ферзь здесь стоит без дела, поэтому, вероятно, так и задумано, что им надо пожертвовать».

И, знаете, он всегда оказывался прав.

Понимаете, он просто умел подстраиваться под мысли других. Этим он и занимался.

Потом в Андже случилось это жуткое убийство. Может, вы уже и не помните о том случае, но тогда мы впервые услышали о Стигере.

Стигер поселился с одной девушкой в домике на Северных Холмах. У девушки было 200 фунтов, и все эти деньги до пенни перекочевали к нему. После этого она исчезла, и Скотланд-Ярд так и не нашел ее.

В одной из газет я случайно вычитал, что Стигер купил две бутылки

«Нам-намо». Отерторпская полиция выяснила о нем все до мелочей, единственное, чего они не знали, — что он сделал с девушкой. Упоминание о родном соусе, разумеется, привлекло мое внимание, и, если бы не это, я бы на ту статью и внимания не обратил и уж точно не стал бы ничего говорить Линли. Я-то о «Нам-намо» думал постоянно, поскольку продавал его, потому и запомнил этот случай. И вот однажды я сказал Линли:

— Вы такой проницательный человек, шахматные задачи решаете в два счета, странно, что вы не взялись за эту отерторпскую загадку. Мне она представляется очень похожей на шахматы.

— В одной шахматной партии загадок больше, чем в десяти убийствах, — ответил он.

— Но Скотланд-Ярду это дело оказалось не по зубам, — сказал я.

— Неужели? — усмехнулся он.

— Он окончательно повержен, — сказал я.

— Печально, — ответил он и почти без всякого перехода добавил: — Изложите факты.

Мы тогда вместе ужинали, и я рассказал ему все, что узнал из газет. Девушку звали Нэнси Элт. Это была красивая блондинка невысокого роста, и у нее было 200 фунтов личных денег. В том домике в горах они прожили пять дней. После этого она решила задержаться там еще на две недели, и после этого живой ее никто не видел. Стигер говорил, что она уехала в Южную Америку, но позже говорил уже не о Южной Америке, а о Южной Африке. Деньги Нэнси держала в банке, но они были сняты, также было известно, что примерно в это же время у Стигера появилось 150 фунтов. Кроме того, Стигер был вегетарианцем и всю еду покупал в лавке зеленщика. Это насторожило констебля Анджа, ранее никогда вегетарианцев не встречавшего, и он стал следить за ним. И правильно сделал, потому что впоследствии на все вопросы Скотланд-Ярда у него был ответ. На все, кроме одного, разумеется. Он также обратился за помощью в полицию Отерторпа, расположенного в пяти-шести милях от Анджа, те приехали и тоже взялись за дело. Они установили, что после исчезновения девушки он ни разу не выходил из дома за пределы сада. Чем дольше они за ним наблюдали, тем подозрительнее он казался, что, естественно, происходит всегда, когда за кем-то следишь. Итак, очень скоро они уже следили за каждым его шагом. Интересно, что если бы он не был вегетарианцем, никто бы не обратил на него внимания и тогда улика было бы недостаточно, даже для Линли. Нельзя сказать, что они что-то раскопали против него. Собственно говоря, улика была всего одна — те появившиеся из ниоткуда 150 фунтов, да и о ней узнали люди из Скотланд-

Ярда, а не полицейские из Отерторпа. Зато деревенский констебль разузнал насчет лиственниц. Лиственницы эти поставили в тупик Скотланд-Ярд, до самого конца приводили в недоумение Линли, и для меня они тоже были загадкой. В небольшом салу рядом с его домом росло десять лиственниц, и Стигер, перед тем как поселиться в том доме, испросил у его владельца разрешение делать с ними, что ему захочется. И потом, после того как Нэнси Элт, скорее всего, умерла, он срубил эти деревья, все до одного. Почти неделю каждый день он трижды выходил в сад, чтобы рубить лиственницы, и, когда срубил все десять, разделал их на небольшие бревна, не больше двух футов в длину, и сложил эти бревна в аккуратные поленницы. Его работой можно было любоваться. Но зачем он это делал? Кто-то предположил, что он таким образом хотел объяснить наличие топора в доме. Только, как видно, перестарался, потому что на это у него ушло две недели тяжелого труда. Да и такую малышку, как Нэнси Элт, он мог убить без топора. Была еще одна теория: дрова ему понадобились для того, чтобы избавиться от тела. Но он их так и не использовал. Никто не прикасался к большим аккуратным поленницам. Какого-то более правдоподобного объяснения не мог придумать никто.

Таковы факты, которые я пересказал Линли. Ах да, еще он купил большой нож для разделки мяса. Забавно, что каждый убийца почему-то считает своим долгом иметь у себя большой нож. Хотя не так уж это забавно, в конце концов. Если уж тебе надо расчленить труп, ты это делаешь, и без ножа тут никак. Было установлено еще несколько фактов. Тело он не сжег, только время от времени разводил огонь в маленькой печи, чтобы готовить еду. Они (констебль и полицейские из Отерторпа) выяснили это очень остроумным способом. Там вокруг дома разбросаны небольшие рощи, в той части страны их называют перелесками, и они незаметно залезали на эти деревья и нюхали дым. Они это делали постоянно, но запаха горелого мяса ни разу не почувствовали, пахло обычной стряпней. Толковые ребята работают в оттерторпской полиции, хотя это, конечно, не помогло отправить Стигера на виселицу. Позже, когда приехали люди из Скотланд-Ярда, они выяснили еще кое-что такое, что сузило рамки следствия. Они определили, что земля под домом и в саду нигде не вскапывалась, при том что он после исчезновения Нэнси ни разу не выходил оттуда. Ах да, вот еще: у Стигера, кроме ножа, был большой напильник. Но следов перетертых костей на нем не нашли, как и на ноже не нашли следов крови. Он, понятное дело, вымыл их, я так и сказал Линли.

Теперь, прежде чем продолжить рассказ, я должен вас предупредить. Я человек маленький, и вы, наверное, не ожидаете от меня каких-то ужасов,

но я предупреждаю: этот человек был убийцей. Ну, или, по крайней мере, убийцей был кто-то другой. Убили девушку, к тому же красивую и милую девушку, и нет никакой уверенности в том, что человек, который это сделал, не пошел на такое, что вы себе даже представить не можете. Человек, который мог совершить подобное, когда на него падает тонкая длинная тень веревки, ни перед чем не остановится. Всякие детективные рассказы про убийц, может быть, и хороши для чтения у камина перед сном, но настоящее убийство — штука совсем не милая, и еще неизвестно, что страшнее — просто убийца или убийца, который в отчаянии и пытается замести следы. Я прошу, чтобы вы помнили об этом. Я вас предупредил.

Итак, я говорю Линли:

— И что вы об этом думаете?

— Канализация? — сказал он.

— Нет, — говорю, — тут вы ошибаетесь. Скотланд-Ярд проверил. А до них еще люди из Отерторпа. Там небольшая труба, которая выходит в сточный колодец за садом, и ничто через нее не проходило. Я имею в виду, такое, что не должно было там проходить.

Он сделал еще пару предположений, но в каждом случае Скотланд-Ярд был впереди него. И это в моей истории и есть самая главная зацепка, если так можно выразиться. Вот вы обязательно думаете, что человек, который берется что-то расследовать, обязательно должен первым делом хватать лупу и отправляться на место преступления, а там измерять отпечатки ног, отыскивать ниточки, ведущие к раскрытию, и находить орудие убийства, которое глупые полицейские прозевали. Но Линли даже близко к тому месту не приближался, у него не было лупы (по крайней мере я ни разу не видел его с лупой в руках), и Скотланд-Ярд всегда был на шаг впереди него.

Вообще-то у полицейских таких ниточек было больше, чем нужно. Они знали, что он убил несчастную девушку, и они знали, что он не избавлялся от тела, хотя тело каким-то образом исчезло. Тело не могло находиться в Южной Америке, как, впрочем, и в Южной Африке. И все это время, не забудьте, у них перед глазами были эти пленницы — тоже ниточка, только непонятная и никуда не ведущая. Нет, нам этих ключей было вполне достаточно, и Линли на место преступления не ездил. Сложность заключалась в том, чтобы разобраться со всеми теми нитями, которые уже были у нас в руках. Для меня все это было полнейшей загадкой, для Скотланд-Ярда тоже, и Линли, похоже, тоже вперед не продвигался. Мне эта тайна не давала покоя. Если бы мне тогда случайно не попалась та статья и если бы я не упомянул о ней Линли, с той загадкой

произошло бы то же самое, что происходит со всеми нераскрытыми тайнами: она превратилась бы в черное пятно в истории.

Если честно, Линли поначалу не очень заинтересовался этим делом. Но я был настолько уверен, что он сумеет найти решение, что скоро и ему внушил эту идею.

— Вы ведь решаете шахматные задачи.

— Это в десять раз сложнее, — упрямо заявил он.

— Так почему бы вам не взяться за эту? — спросил я.

— Так съездите и узнайте положение на доске, — сказал Линли.

Он всегда так разговаривал. Мы тогда прожили вместе уже две недели, и я успел привыкнуть к этому. Он хотел, чтобы я съездил в Андж. Знаю, вы спросите, почему он сам не поехал. Но если бы он сам разъезжал по деревням, у него не было бы времени на то, чтобы думать. Другое дело, когда он сидел в кресле у камина. Тут уж его мысль ничто не могло остановить, если вы понимаете, о чем я. Итак, на следующий день я сел на поезд и отправился в Андж. Когда я сошел с поезда, передо мной открылись великолепные Северные Холмы, спокойные и величественные, как музыка.

— Это вон там, верно? — спросил я носильщика.

— Да, — сказал он, — навверх, по вот этой дороге. И не забудьте повернуть направо, когда дойдете до старого тиса, это большое дерево, так что вы его не пропустите, а потом... — И он подробно рассказал мне, как идти.

И в деревне все были такими, приветливыми, добрыми, готовыми помочь. Понимаете, просто для Анджа, если так можно сказать, настал звездный час. Об Андже узнали все. Если бы вы послали туда письмо, не указав ни графства, ни области, оно все равно дошло бы по назначению. Местные жители были этому рады. Осмелюсь предположить, если бы вы попытались разыскать Андж теперь... Ну а тогда они просто, как говорится, ковали железо, пока горячо.

Ну так вот. Передо мной был огромный холм, поднимавшийся к солнцу, как песня. Вряд ли вас заинтересует рассказ о весне, о цветущем боярышнике, о том, в какой цвет окрашивалось все вокруг в конце дня, о поющих птицах, но я тогда, помню, подумал: «Это место просто создано для любви». Но потом, когда я вспомнил о том, что он убил здесь ту девушку... Я, как вы знаете, человек маленький, но когда я представил себе, как она гуляла по этим холмам, слушала пение птиц, я сказал себе: «Если он ее убил, я буду не я, если не отправлю этого человека на виселицу». Вскоре я дошел до дома и стал ходить вдоль забора, заглядывая

в сад. Впрочем, особых результатов мои поиски не принесли, я не обнаружил ничего такого, чего до меня не нашла полиция. Но мне не давали покоя поленья, сложенные в кучи на самом видном месте.

Я долго размышлял, облокотившись на забор, вдыхая запах боярышника и глядя на поленницы и небольшой аккуратный дом в другой стороне сада. Мне в голову приходили самые разные соображения, пока я не остановился на самом лучшем: я решил, что от меня будет гораздо больше пользы, если я не буду торчать здесь перед забором в ожидании озарения, а просто вернусь с фактами в Лондон и предоставлю думать Линли с его Оксфордами-Кембриджами. Забыл вам сказать, что утром я заехал в Скотланд-Ярд. Правда, рассказывать тут особо нечего. Они спросили меня, что мне нужно, и, поскольку какого-то определенного ответа на этот вопрос у меня не было, от них я мало что узнал. Но здесь, в Андже, все пошло иначе. Анджийцы были сама любезность. Как я уже говорил, они тогда не могли нарадоваться свалившейся на них славе. Констебль позволил мне войти в дом, взяв с меня слово, что я не буду ни к чему прикасаться, и разрешил осмотреть сад изнутри. Там я увидел пни десяти лиственниц и заметил одну интересную вещь. Не то чтобы это как-то пригодилось, но Линли потом похвалил меня за наблюдательность. Я и правда старался. Короче говоря, я заметил, что деревья были срублены как попало. И из этого я заключил, что человек, который этим занимался, ничего не смыслил в рубке деревьев. Констебль назвал это дедукцией. Тогда я добавил, что деревья рубили тупым топором, и это заставило констебля задуматься, хотя на этот раз он вслух не согласился со мной. Я уже говорил, что Стигер после исчезновения Нэнси выходил из дому только для того, чтобы рубить деревья? Кажется, говорил. Как бы то ни было, это чистая правда. Они следили за ним днем и ночью, попеременно. Констебль сам мне это рассказал. Это, конечно, здорово сузило рамки расследования. Единственное, что мне в этом не нравилось, так это то, что все эти сведения собрали простые полицейские, а не Линли, а в том, что он мог бы это сделать, я не сомневался. Так в этой истории появилась бы какая-то романтика. К тому же они вообще ничего бы не узнали, если бы по всей деревне не разнеслась весть о том, что Стигер — вегетарианец и отоваривается исключительно в лавке зеленщика. И вполне вероятно, что даже это стало известно только потому, что на него затаил обиду мясник. Просто удивительно, к чему могут привести мелочи! Лично я считаю, что лучше не отличаться от других. Впрочем, я, кажется, отошел от темы. Я бы хотел, чтобы так всегда было, хотел бы забыть обо всем этом, но я не могу.

Итак, я собрал всю возможную информацию, ниточки, я бы сказал,

только нити эти никуда не вели. Например, я установил все, что он когда-либо покупал в деревне. Я даже мог бы вам сказать, какую соль он предпочитал — чистую, без фосфатов, которые иногда добавляют для товарного вида. Кроме того, он покупал много льда у торговца рыбой и много овощей, как я уже говорил, у зеленщика, заведение которого называлось «Мерджин и сыновья». А еще я поговорил с констеблем. Его звали Слаггер. Я поинтересовался у него, почему они не обыскали дом сразу после того, как исчезла девушка.

— Мы не имеем на это права, — сказал он. — И, кроме того, поначалу у нас подозрений не возникло. Подозрений насчет девушки. Мы просто присматривались к нему из-за того, что он вегетарианец. После того, как ее последний раз видели, он прожил здесь еще целых две недели. Ну а потом мы, конечно, зашли в гости.

— И что вы увидели там, когда вошли? — спросил я Слаггера.

— Только большой напильник, нож и топор, которым он ее, наверное, и разделал, — сказал констебль.

— Но топор ему был нужен, чтобы рубить деревья, — уточнил я.

— Да, — неохотно согласился он.

— А для чего он их срубил? — продолжил я.

— Ну, мое начальство, конечно, имеет мнение на этот счет, — сказал он, — но они не распространяются об этом.

Видите, им действительно не давали покоя эти дрова.

— Но расчленил ли он ее вообще?

— Он же сказал, что она уехала в Южную Америку, — ответил Слаггер.

Многое из того, что он мне рассказывал, я уже забыл. Помню, он сказал, что Стигер перед отъездом перемыл дома всю посуду.

Со всеми этими сведениями я на закате сел в поезд и вернулся к Линли. Я бы рассказал вам о позднем весеннем вечере, таком спокойном и прекрасном, о том, как он опустил на тот мрачный дом и окутал его со всех сторон необычайным великолепием, как будто благословляя, но знаю, что вам интереснее читать про убийство. Вернувшись в Лондон, я все рассказал Линли. Правда, многое казалось мне недостойным упоминания, но что я мог поделать? Как только я собирался о чем-то умолчать, он это чувствовал и задавал вопросы.

— Вы можете не рассказать чего-то важного, — говорил он. — Даже какой-нибудь гвоздик, выметенный служанкой при уборке, может стать основанием для смертного приговора.

Все это, конечно, так, но, если быть последовательным, почему

каждый раз, когда я упоминал о моем «Нам-намо» (из-за которого по большому счету вся эта каша и заварилась, потому что, если бы не я, Линли бы вообще про эту историю не узнал) и указывал на то, что Стигер купил две его бутылки, он отвечал, что нам нужно не забивать голову мелочами, а думать о главном? И не было ничего удивительного в том, что я про соус все время вспоминал, потому что в Андже я продал почти полсотни бутылок. Убийство всегда заставляет мозги работать быстрее, и две бутылки Стигера дали мне возможность, которую не использовать мог бы только дурак. Но для Линли это, понятное дело, ничего не значило.

Увидеть мысли человека невозможно, нельзя и заглянуть и в его мозг, поэтому никто и никогда не сможет описать, как происходит самая удивительная вещь в мире. Но я думаю, что в тот вечер, когда я разговаривал с Линли перед ужином и продолжал рассказывать за ужином, когда потом мы сидели у нашего камина и курили, — все это время мысли Линли были сосредоточены на одном неразрешимом вопросе. И вопрос заключался не в том, каким образом Стигер смог избавиться от тела, а в том, для чего он каждый день две недели подряд выходил из дома рубить деревья и даже (как я недавно выяснил) заплатил хозяину дома двадцать пять фунтов за разрешение. Вот что тяготило Линли. А что касается того, как Стигер спрятал тело, здесь полиция перекрыла уже все пути. Сказать, что он похоронил его? Но полиция установила, что земля на территории дома не была вскопана нигде. Сказать, что он его куда-то унес? Они ответят, что он не выходил за пределы сада. Сказать, что он его сжег? На это они возразят, что не чувствовали запах горелого мяса, когда дым из дымохода опускался на землю; а когда не опускался, они сами поднимались на деревья. Я прекрасно знал Линли, и мне не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: в его изошренном мозге происходит что-то важное. Я тогда решил, что, возможно, он близок к разгадке, и еще, когда я подумал о том, что полиция постоянно опережает его и я ничего не могу с этим поделать, мне стало его жаль.

Пару раз он спросил меня, не заходил ли кто-нибудь в дом. Не выносилось ли оттуда что-нибудь? Но достоверных ответов на эти вопросы у меня не было. Потом я, кажется, сделал какое-то неуместное предположение или, возможно, опять упомянул о «Нам-намо», и он прервал меня, довольно резко.

— А что сделали бы вы, Смизерс? — сказал он. — Что бы вы сами предприняли?

— Если бы убил несчастную Нэнси Элт? — удивился такому вопросу я.

— Да.

— Я даже не могу представить, что сотворил такое! — сказал я.

Он вздохнул, почему-то сочувственно.

— Наверное, мне никогда не стать сыщиком, — сказал я, и он лишь покачал головой.

Потом он, как мне показалось, целый час, насупившись, смотрел на огонь. Затем снова покачал головой, и после этого мы пошли спать.

Следующий день я буду помнить до конца жизни. Я, как обычно, до самого вечера был на работе, продавая «Нам-намо», и ужинать мы сели около девяти. Квартиры в тех домах не предназначены для приготовления горячей пищи, и ужин у нас был холодным. Линли начал с салата. Я до сих пор помню, как это было, каждую секунду. Я тогда все еще находился под впечатлением своих коммерческих успехов в Андже. «Только дурак, — думал я, — не смог бы продать там „Нам-намо“, но почти пятьдесят бутылок (если быть точным, сорок восемь) для такой маленькой деревни — это совсем не мало в любом случае». Так что я снова об этом разговорился, но потом, совершенно неожиданно, я понял, что Линли совершенно не интересуется «Нам-намо». Я резко замолчал. И знаете, что он сделал? Это было весьма любезно с его стороны. Наверное, он сразу понял, почему я прекратил разговор, потому что протянул руку и сказал:

— Вы не могли бы передать ваш «Нам-намо»? Хочу приправить салат.

Меня это так тронуло, что я чуть было не сделал этого, но вовремя остановился. Наш соус — только для мяса и острых закусок. Об этом написано на этикетке.

Поэтому я ему так и сказал:

— Он подходит только к мясу и острым закускам. — Хотя я не знал, что такое «острые закуски», потому что есть мне их не приходилось.

Никогда раньше я не видел, чтобы человек так менялся в лице. Тут так и хочется написать: «Он как будто увидел привидение», но на самом деле он выглядел не так. Он выглядел так, как выглядит человек, который увидел нечто такое, чего до него не видел никто, нечто совершенно невероятное.

А потом он произнес изменившимся голосом, более спокойным, мягким и тихим:

— Значит, к овощам не подходит, говорите?

— Совершенно, — ответил я.

И тут он издал горловой звук, немного похожий на всхлип. Я и не знал, что он был таким чувствительным. Конечно, я не догадывался, что с ним происходит. Я думал, что такие образованные люди, как он, учась в своих

Итонах и Харроу, должны избавляться от подобного. В глазах у него не было слез, но что-то буквально давило на него.

А потом он начал говорить, делая долгие паузы между словами:

— Человек, наверное, может по ошибке приправить «Нам-намо» овощи.

— Только раз, — ответил я. Что я еще мог сказать?

И он повторил мои слова таким тоном, будто они предвещали конец света, и так значительно, что они приобрели какой-то особенный жуткий смысл. Он медленно покачал головой и замер, как будто ушел в себя.

— А почему вы спрашиваете? — спросил я через какое-то время.

— Смизерс, — тихо промолвил он.

— Да, — ответил я.

— Смизерс, — повторил он.

— Да?

— Послушайте, Смизерс, — сказал он, — вы должны позвонить в Андж зеленцику и спросить у него вот что...

— Что?

— Купил ли Стигер те две бутылки соуса в один день, на что я надеюсь, или в разные... Он не мог так поступить.

Я подождал, не скажет ли он что-нибудь еще, но продолжения не последовало, поэтому я отправился выполнять его просьбу. Удалось мне это не сразу (время-то было уже позднее, девять часов) и только с помощью полиции. Мне сказали, что вторую бутылку он купил через шесть дней после первой, о чем я и сообщил Линли. Когда я вошел в комнату, он посмотрел на меня с огромной надеждой, но по его глазам я понял, что принес не тот ответ, который он ожидал.

Если человек не болен, он не будет принимать все так близко к сердцу. Поэтому, раз он сидел молча, я сам обратился к нему:

— Вам нужно выпить хорошего бренди и пораньше лечь спать.

Он ответил:

— Нет. Мне нужно поговорить с кем-нибудь из Скотланд-Ярда. Позвоните им. Скажите, пусть приедут сюда немедленно.

Но я возразил:

— Я не могу в такое время вызывать инспектора.

Глаза его так и вспыхнули.

— Тогда скажите им, что они никогда не найдут Нэнси Элт, и попросите прислать кого-нибудь сюда. Я расскажу ему почему. — А потом он добавил, но, по-моему, только для меня: — Им придется постоянно следить за Стигером, чтобы взять его за что-нибудь другое.

Вы не поверите, но инспектор пришел. Инспектор Алтон.

Пока мы ждали, я попробовал разговорить Линли. Должен признаться, меня снедало любопытство. Но еще, видя, каким тяжелым взглядом он смотрит в камин, я хотел оторвать Линли от его мрачных мыслей. Я спросил у него, в чем дело, но он не желал отвечать.

— Убийство само по себе ужасно, — только и сказал он. — И оттого, что убийца замечает следы, оно становится еще ужаснее.

Он не желал отвечать.

— Есть такие вещи, о которых лучше не знать.

Как же он был прав! Я бы хотел никогда не слышать об этой истории. Да я ее практически и не слышал. Просто я догадался обо всем, когда случайно услышал его последние слова, сказанные инспектору Алтону. И на этом вам, пожалуй, стоит закончить чтение моего рассказа, чтобы вы тоже не догадались обо всем. Сделайте это, даже если вы любите детективные истории с убийством. Подумайте, наверняка вам больше хочется почитать что-нибудь захватывающее и романтическое, а не рассказ о настоящем жестоком убийстве. Что ж, как угодно.

Когда вошел инспектор Алтон, Линли, не произнеся ни слова, пожал ему руку и жестом пригласил пройти в спальню. Они удалились туда вместе и разговаривали приглушенными голосами. Я не разобрал ни единого слова.

Когда они входили в ту комнату, инспектор выглядел здоровым, полным сил человеком.

Выйдя оттуда, они молча прошли через гостиную в прихожую, и только тогда я услышал какие-то их слова. Молчание нарушил инспектор.

— Но зачем он рубил деревья? — произнес он.

— Только для того, — сказал Линли, — чтобы поднять аппетит.

ПИТЕР РОБИНСОН

Две дамы из Розового коттеджа

Питер Робинсон родился в 1950 году в Йоркшире, но в настоящее время живет в Торонто. Робинсон — автор серии романов об инспекторе Бэнксе, среди которых «Вид с эшафота», «Преданный человек», «Необходимое завершение», «Угрюмая долина», «Бессмысленная ненависть», «Что было в среду», «Последний счет» и «Невинные могилы». Роман «Бессмысленная ненависть» в 1992 году был признан Ассоциацией детективных писателей Канады лучшим романом года, а «Невинность» стал лучшим рассказом в 1991 году. Рассказ «Две дамы из Розового коттеджа», охватывающий целую человеческую жизнь, строится вокруг тайны, которая никого не оставит равнодушной.

~ ~ ~

В нашей деревне их всегда называли «две дамы из Розового коттеджа»: мисс Юнис с совсем белыми волосами и мисс Тереза с сероватыми. Никто толком не знал, откуда они появились и сколько им лет. Общее мнение было таково, что они встретились в Индии, Америке или Южной Африке и решили вернуться на родину, чтобы доживать свои дни вместе. И тогда, в 1939 году, предполагалось, что им обеим было под девяносто.

Представьте, каково было наше изумление, когда однажды в сентябре к Розовому коттеджу подъехала полицейская машина и в считанные часы по деревне расползлись слухи о выкопанных в саду человеческих костях, слухи о расчленении, слухи об убийстве.

Деревня наша называется Линдгарт. Находится она в одной из самых отдаленных долин Йоркшира, примерно в двадцати милях от Иствейла, ближайшего крупного города. Сама деревня представляет собой группу домиков из известняка с шиферными крышами, сгрудившихся вокруг ухабистого луга, который всегда мне чем-то напоминал развевающийся на ветру зеленый платок. У нас есть все, что полагается иметь деревне: бакалейный магазинчик, лавка мясника, три паба... А еще мы считаем, что здесь самая красивая в мире природа.

В 1939 мне было пятнадцать. Мисс Юнис и мисс Тереза к тому времени прожили в деревне двадцать лет, и все же они оставались для нас чужими. Говорят, для того, чтобы тебя признали в деревне своим, нужно провести в ней как минимум две зимы, но в таком отдаленном месте, как Линдгарт, в те дни на это не хватило бы и десяти.

Насколько было известно местным обитателям, две дамы прошли этот «испытательный срок» и были более чем достойны называться полноправными членами сообщества, но от них веяло какой-то обособленностью, из-за чего сами местные жители не шли с ними на сближение.

Все покупки они совершали в деревне и, когда встречались с кем-то на улице, всегда были вежливы; они не пропускали служб в церкви Святого Освальда и участвовали во всех благотворительных мероприятиях; они ни разу не были замечены ни в одной из пивных. И все же оставалось какое-то ощущение отстраненности, они словно не были (или не хотели быть) частью целого.

Несмотря на напряженное политическое положение в стране, лето 1939 года было необычайно красивым. Или мне так кажется, потому что воспоминания о детстве всегда приукрашают историю? Долину нашу можно было бы назвать самым бесприютным и пустынным ландшафтом на поверхности земли, даже в августе, но мне летние дни моего детства кажутся наполненными ярким солнечным светом и чистой небесной синевой. В 1939 году каждый день был новой симфонией цвета: золотые лютики, розовый клевер, светло-лиловая герань складывались в переменчивую, как картинка в калейдоскопе, палитру. Пока в Европе шли напряженные переговоры, пока Молотов и Риббентроп подписывали советско-нацистский пакт и пока в стране ходили слухи о воинском призыве и введении карточной системы, в Линдгарте почти ничего не менялось.

Летом обитатели долины обычно занимались резкой торфа, починкой стен, стрижкой овец и прочей случайной работой, также это была пора развлечений: спектакли разъездного театра, цирк, ярмарки и концерты духового оркестра. Даже грянувшая 3 сентября весть о начале войны застала нас за весельем. Послушав радио, люди почесали в затылке и стали думать, когда произойдет что-нибудь похожее на войну.

Конечно, нам раздали Противогазы в картонных коробках, которые нам полагалось всегда носить с собой; запретили включать уличное освещение и фары машин. Последнее стало причиной многих

происшествий, в основном с участием овец, переходивших неогороженные дороги.

Еще в деревню привезли эвакуированных из городов детей. В основном они были похожи на каких-то оборванцев, у многих водились вши, и большинство из них было совсем не приспособлено к деревенской жизни. Нам они казались людьми другой расы. Почти никто из них не имел теплой одежды и резиновых сапог, как будто в городах грязи не бывает. Сейчас, думая об этом, я понимаю, что эти несчастные дети были оторваны от дома и родителей и, наверное, ужасно напуганы. Мне стыдно в этом признаваться, но тогда я совсем не лез из кожи вон, чтобы оказать им теплый прием.

В некоторой степени объяснялось это тем, что я всегда был погружен в свой собственный мир. Я был книжным ребенком и недавно открыл для себя Томаса Гарди, который, как мне казалось, понимал, каково это — быть одиноким деревенским парнем, мечтающим стать писателем. Еще я помню, как сильно меня захватывали и пугали некоторые его книги. После «Сухой руки» я неделю не позволял никому к себе прикасаться, а прочитав рассказ «Барбара из рода Гриб», я боялся спать, думая, что в моем шкафу стоит безобразная статуя; как только погаснет свет, дверь шкафа медленно, со скрипом откроется и...

Если мне не изменяет память, в тот жаркий июльский день я читал «Вдали от обезумевшей толпы». Как обычно, я читал на ходу, когда шел через луг, потому и врезался в мисс Терезу. Помню, я тогда еще подумал, что у нее довольно крепкое тело для такой старухи.

— Смотрите, куда идете, молодой человек! — строго произнесла она, но, выслушав мои горячие извинения, немного смягчилась.

Она спросила, что я читаю, и, когда я показал ей обложку книги, на секунду закрыла глаза, и на ее морщинистом лице промелькнула странная тень.

— Ах, мистер Гарди, — сказала она, немного помолчав. — Когда-то я была с ним знакома. Тогда он еще был молод. Я выросла в Дорсете.

Меня охватили необычайное волнение и восторг. Человек, который был знаком с самим Томасом Гарди! Я сказал ей, что он мой самый любимый писатель, что он мне нравится даже больше Шекспира и что я, когда вырасту, тоже стану писателем, таким как он.

Мисс Тереза снисходительно улыбнулась.

— Не нужно так волноваться, — сказала она и задумалась. — Если вам действительно интересен мистер Гарди, — продолжила она, посмотрев на мисс Юнис, — может быть, вы зайдете к нам как-нибудь на чай?

Когда я заверил ее, что буду рад, она сказала, чтобы я приходил в Розовый коттедж в следующий вторник в четыре часа, разумеется, испросив разрешения у матери.

Та встреча во вторник была первой из многих. Внутри коттедж совсем не соответствовал своему названию, там было темно и мрачно, совсем не так, как в наших домах, полных светлых и ярких цветов. Мебель была старой, даже ветхой. Семейных фотографий, которыми обычно украшают каминные полки, я не увидел, зато на стене там висела огромная картина в золотой раме, изображавшая девушку, одиноко работающую в поле. Если в доме иногда и чувствовался не очень приятный запах, то чаще всего его перебивал аромат горячих ячменных лепешек, которые пекла мисс Тереза.

— Мистер Гарди был очень противоречивым человеком, — как-то раз сказала мне мисс Тереза. — Конечно, он был мечтателем и счастливее всего чувствовал себя, гуляя на природе наедине со своими мыслями. Но еще он был неплохим музыкантом. Он часто играл на скрипке на различных торжествах, на свадьбах, на танцах, и был он намного общительнее и жизнерадостнее, чем думают многие критики. А еще он был настоящим ученым, все время проводил с книгами, изучал латинский и греческий. Я тоже, поверите ли, не была дурочкой и, думаю, вполне могла поддержать разговор, хотя с латынью у меня было плохо, а с греческим и того хуже. — Она негромко засмеялась, потом опять посерьезнела. — Впрочем, вряд ли кто-то может сказать, что действительно знал его. Ты видел лишь маску. Вы понимаете меня, молодой человек?

Я кивнул:

— Думаю, что понимаю.

— Да, — протянула она и в задумчивости замолчала, что часто происходило с ней, когда она рассказывала о Гарди. — По крайней мере, так казалось мне. Хоть он и был на десять лет меня старше, я надеюсь, что все-таки смогла разглядеть за этой маской живого человека. Но из-за того, что в деревне его считали немного странным и часто не понимали, постепенно его личность обросла слухами. Помню, что говорили о нем и о той девушке из Паддлтауна. Как ее звали, Юнис?

— Трифена.

— Правильно. — Она поджала губы и произнесла с отвращением: — Трифена Спаркс. Мы с ней были примерно одного возраста, но я всегда ее считала ужасно скучной девушкой. Так вот, по деревне поползли слухи о ребенке, конечно же, безосновательные. — Она посмотрела в окно на луг, где группка ребятишек пыталась играть в крикет. Глаза ее как будто

заволокло. — Сколько раз я проходила возле его дома и замечала его в окне второго этажа, когда он писал или смотрел на сад. Иногда он махал рукой и спускался поговорить со мной. — Неожиданно она замолчала, глаза ее заблестели, и она продолжила: — Он ездил в Дорчестер смотреть, как вешают преступников. Вы знаете об этом?

Я вынужден был признаться, что нет, поскольку Гарди был знаком мне только по книгам, но мне не пришло в голову сомневаться в словах мисс Терезы.

— Да, тогда казни еще проводились публично. — Она снова замолчала, и я увидел, вернее, почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь. А потом она сказала, что на сегодня воспоминаний хватит и пора переходить к лепешкам и чаю.

Я думаю, что ей нравилось вот так неожиданно прерывать свои рассказы, словно давая понять, что пора возвращаться к реальности. Помню, в другой раз она посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

— Когда он родился, доктор посчитал его мертвым. Если бы не санитарка, он бы не выжил. Наверное, это должно как-то влиять на человека.

Мы разговаривали о многих других подробностях жизни Гарди и его работ, и мисс Юнис почти никогда не участвовала в этих разговорах, лишь время от времени качала головой. Изредка, когда мисс Терезу подводила память и она не могла вспомнить, например, над каким романом он работал в том или ином году, мисс Юнис подсказывала ей.

Одну нашу встречу я помню особенно отчетливо. Мисс Тереза на удивление быстро поднялась с кресла и на минуту вышла из комнаты. Я вежливо продолжал пить чай, краем глаза поглядывая на молчавшую мисс Юнис и прислушиваясь к тиканью больших напольных часов в прихожей. Вернулась мисс Тереза со старой книгой, вернее, с двумя старыми книгами в руках.

Когда она протянула их мне, я увидел, что это было двухтомное издание «Вдали от обезумевшей толпы». В то время я этого не знал, но это было первое издание 1874 года, которое стоило, наверное, целое состояние. Но, пожалуй, даже больше, чем иллюстрации Хелен Патерсон, меня изумила короткая надпись на форзаце: «Тэсс, с любовью, Том».

Я знал, что Тэсс — это краткая форма имени Тереза, потому что у меня в Харрогите была тетя по имени Тереза, и у меня не возникло сомнения в том, что упомянутая в надписи Тэсс была тем человеком, который сидел напротив меня, а Томом был не кто иной, как сам Томас Гарди.

— Если он называл вас Тэсс, — помню, сказал тогда я, — может быть,

он думал о вас, когда писал «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»?

Мисс Тереза побледнела так стремительно, что я испугался за ее здоровье, и комната как будто наполнилась холодом.

— Не говорите глупостей, молодой человек, — прошептала она. — Тэсс Дербифилд была казнена за убийство.

Официально мы участвовали в войне, кажется, уже неделю, когда в деревню приехала полиция. Их было трое, один в форме и двое в штатском. Они примерно два часа провели в Розовом коттедже, потом вышли, сели в машину и уехали. Больше мы их не видели.

Но на следующий день на кладбище я случайно подслушал разговор нашего констебля с приходским священником. Мне очень повезло, что между нами стояли несколько тисов и я мог оставаться незамеченным, слыша каждое слово.

— ...Они говорят, его убили, — произнес констебль Уокер. — Ему проломил голову кочергой, лотом разрезали на кусочки и закопали в саду. Это было около Дорчестера. Деревня та называется Верхний Бокхемптон. Тамошние жители, когда рыли бомбоубежище, нашли кости. Для детей настоящее потрясение.

Неужели они говорили о мисс Терезе? Об этой милой старушке, которая пекла такие вкусные лепешки и была знакома с молодым Томасом Гарди? Неужели она была способна разбить кому-то голову, расчленив тело и зарыть в саду? Несмотря на жару, меня обдало холодом.

Но больше об убийстве никто не слышал. Полиция не возвращалась, люди нашли новые темы для разговоров, и через пару недель в деревне к мисс Юнис и мисс Терезе относились уже так, как прежде. Единственное, что изменилось, — мать перестала отпускать меня в Розовый коттедж. Я, конечно, сделал вид, что недоволен, но в то время меня все равно уже больше увлекали оружие, шифры и самолеты.

После приезда полицейских события развивались быстро. Однако произошли четыре вещи, которые заставили меня на какое-то время забыть об убийстве: кажется, в ноябре того года умерла мисс Тереза, мисс Юнис сделалась еще более молчаливой, война разгоралась, и меня призвали в армию.

Следующий раз я вспомнил о двух дамах из Розового коттеджа, как это ни покажется странным, в Египте, в сентябре: 1942 года. Я служил в Восьмой армии и тогда нес ночное дежурство недалеко от Эль-Аламейна. Ничто не может сравниться с жутковатой красотой ночной пустыни.

Первое, что удивляет, — это ночной холод, который приходит на смену невыносимой дневной жаре. Тебя охватывает трепет от ощущения бесконечного пространства. Но еще более удивительными кажутся разбитые танки, джипы и грузовики, причудливо искореженные и напоминающие в лунном свете какой-то окаменевший лес или обнажившийся коралловый риф.

Чтобы мешать нам спать, немцы из Африканской армии Роммеля каждую ночь включали запись «Лили Марлен» и непрерывно транслировали ее на направленные в нашу сторону огромные динамики. В одну из таких ночей, пытаясь согреться и не уснуть и стараясь не обращать внимания на музыку, я разговорился с одним солдатом из Дорсетского полка, звали его Сидни Феррис.

Когда Сидни упомянул, что вырос в Пиддлхинтоне, я вдруг вспомнил про двух дам из Розового коттеджа.

— А у вас там не происходили какие-нибудь убийства? — спросил я, угощая его сигаретой. — В деревне Верхний Бокхемптон?

— Когда я был маленьким, там часто говорили об убийствах, — сказал он, не забывая прикрывать огонек сигареты. — Лучше, чем радио.

— Я имею в виду, когда жена убила мужа.

Он кивнул.

— Таких историй было полно. И когда мужья убивали жен, тоже было. Тут задумаешься, стоит ли вообще жениться, верно? Верхний Бокхемптон, говоришь?

— Да. Женщину, кажется, звали Тереза Морган.

Он задумчиво нахмурился.

— Нет. Это имя мне ни о чем не говорит, — сказал он. — Но я помню, что у нас говорили о какой-то женщине, которая убила мужа, разрешила его на куски и закопала, в саду. Пару лет назад какие-то дети там нашли кости, когда копали бомбоубежище. Но, я думаю, это были кости какого-то животного.

— А что в деревне? Поверили в эту историю?

Он пожал плечами.

— Не знаю, как остальные, но лично я не поверил. Про что-нибудь подобное постоянно болтают, так что все эти истории не могут быть правдой, иначе половина из нас была бы уже на том свете. — И он затащил сигаретой, пряча ее в кулаке, как делают все солдаты, чтобы противник не заметил красный огонек.

— Кто-нибудь рассказывал, что стало с той женщиной? — спросил я.

— Через несколько лет она уехала. Еще говорят, будто видели, как из

того дома кто-то выходил той ночью, когда якобы и произошло убийство.

— Может, это он и был? Муж?

Он покачал головой.

— Нет, тот человек был худым, а ее муж был крупным мужчиной. Потом стали говорить, что это был ее любовник. Такие истории никогда не обходятся без любовника, ты не заметил? Ты же знаешь, о чем думают люди, которые распускают подобные слухи.

— Никто не догадывался, кто это мог быть?

— Нет, этого никто не знал. Так, говорили разное. Но все это бабские сплетни, не больше.

— Но, может, какая-то правда...

В эту секунду пришел мой сменщик, и следующая неделя была такой напряженной, что больше Сида я не встречал. Потом я узнал, что он погиб в битве за Эль-Аламейн всего через месяц после нашего разговора.

К загадке Розового коттеджа я вернулся только в начале пятидесятых. В то время я жил в Иствейле в небольшой квартире, выходящей окнами на бульжную мостовую рыночной площади. Город этот тогда был намного меньше и спокойнее, чем сегодня, хотя сама площадь почти не изменилась с тех пор: старинный ярмарочный крест, гостиница «Куинс Армс» на углу, норманнская церковь и полицейский участок с фасадом в тюдоровском стиле — все они и сейчас выглядят как прежде.

Недавно вышел из печати мой первый роман, и я все еще наслаждался тем неповторимым ощущением, которое в жизни писателя бывает только раз, когда он впервые берет в руки напечатанные и заключенные в обложку страницы своего самого первого произведения. Разумеется, сочинительство не приносило доходов, поэтому я подрабатывал в книжном магазинчике на Норт-маркет-стрит. Однажды утром, в выходной (помню, это был базарный день), когда я был поглощен работой над третьей главой того, что должно было стать моим вторым романом, в мою дверь негромко постучали. От неожиданности я вздрогнул, потому что ко мне редко кто приходил.

Охваченный удивлением и любопытством, я оторвался от печатной машинки и пошел открывать. На пороге стояла высохшая старушка, сутулая, с совершенно белыми волосами. Одной рукой она опиралась на палочку с медной ручкой в виде головы льва, а в другой держала перевязанный пакет.

Наверное, она заметила мою растерянность, потому, слегка улыбнувшись, сказала:

— Вы не узнаете меня, мистер Райли? Боже, боже, неужели я так

постарела?

И тут я узнал ее, узнал ее голос.

— Мисс Юнис! — воскликнул я и распахнул дверь. — О, простите меня, я просто задумался о своем. Прошу, входите! И зовите меня Кристофер.

Когда мы расположились на креслах с чаем (но, увы, без лепешек мисс Терезы), я заметил у нее темные круги под глазами, желтизну вокруг зрачков и пергаментную сухость кожи. Мисс Юнис была серьезно больна.

— Как вы нашли меня? — спросил я.

— Для этого не нужно быть Шерлоком Холмсом. Каждый в таком небольшом городе, как Иствейл, знает, где живет знаменитый писатель.

— Я бы не назвал себя знаменитым, — скромно ответил я, — но все равно спасибо. Я и не знал, что вы следите за моими успехами.

— Так хотела Тереза. Вы ей очень нравились. Кроме нас с ней и полицейских, вы единственный в Линдгарте человек, который бывал в Розовом коттедже. Вы знали это? Если помните, мы не любили компании.

— Да, я помню, — сказал я.

— Я пришла, чтобы отдать вам вот это.

Она вручила мне пакет, и я аккуратно развязал его. Внутри оказалось выпущенное издательством «Смит, Элдер и К°» первое издание «Вдали от обезумевшей толпы», то самое, с посвящением Томаса Гарди Тэсс.

— Я не могу это принять, — сказал я. — Она, наверное, очень ценная. Это же пер...

Она нетерпеливо махнула рукой.

— Пожалуйста, возьмите. Так хотела бы Тереза. И я тоже так хочу. Послушайте, — прибавила она, — я пришла к вам не только ради этого. Я должна сказать вам что-то очень важное. Помните, как много лет назад к нам приезжала полиция? Мне не хочется умереть, не рассказав никому правду.

— Но почему вы решили рассказать это мне? И почему именно сейчас?

— Я уже говорила. Вы очень нравились Терезе. К тому же вы — писатель, — загадочно добавила она. — Вы поймете. Если захотите использовать эту историю в какой-нибудь книге — пожалуйста. Ни у Терезы, ни у меня нет живых родственников, так что никто не будет в обиде. Единственная моя просьба: подождите несколько лет после того, как я умру, прежде чем что-то печатать. А умереть, по прогнозам врачей, я должна в течение нескольких месяцев. Я ответила на оба ваших вопроса?

Я кивнул:

— Простите, мне так...

— Не нужно. Как вы знаете, я давно уже пережила восьмой десяток, и не скажу, что последние несколько лет были мне в радость. Но на все воля Божья. Так вы согласны с моими условиями?

— Конечно. Это, очевидно, как-то связано с предполагаемым убийством?

Она подняла брови.

— Так до вас дошли эти слухи? — сказала она. — Да, убийство было. Тереза Морган убила своего мужа, Джейкоба, и похоронила его в саду.

Она приподняла чашку, и я налил ей чаю, заметив, что ее рука немного дрожит. У меня рука тоже задрожала. Через открытое окно с базара донеслись крики торговцев.

— Когда она это сделала? — Других слов мне на ум не пришло.

Она закрыла глаза и поджала потрескавшиеся губы.

— Я не помню точно, в каком году это произошло, — промолвила она. — Но это и не важно. Вы сами сможете это узнать, если вам будет нужно. В том же году в Индии Викторину провозгласили императрицей.

Я знал, что это случилось в 1877-м. У меня всегда была хорошая память на даты. Если мои подсчеты верны, мисс Терезе тогда было около двадцати семи.

— Вы расскажете, как это произошло?

— Для этого я и пришла сюда, — довольно резко ответила мисс Юнис. — Муж Терезы был грубым, жестоким пьяницей. Она бы никогда не вышла за него, если бы могла сама решать. Но ее родители настаивали на этом браке. У него была своя небольшая ферма, а они — всего лишь арендаторы. Тереза была очень умной девушкой, но в те времена это ничего не значило. Можно даже сказать, считалось недостатком. Так же, как ее строптивый характер. Он избивал ее до полусмерти... И, конечно, бил всегда туда, где синяки не проступают. Однажды она решила, что с нее хватит, и убила его.

— Как?

— Ударила его кочергой по голове, а когда стемнело, вырыла в саду глубокую яму и закопала его там. Она испугалась, что, если дело дойдет до суда, ей не поверят и повесят. У нее просто не было доказательств его жестокости, а у Джейкоба, как у многих пьющих мужчин, хватало дружков в деревне. А Терезу приводила в ужас мысль о публичном повешении.

— Но неужели ни у кого не возникло подозрений?

Мисс Юнис покачала головой.

— Джейкоб часто рассказывал о том, что хочет бросить жену и уплыть

в Новый Свет. Он постоянно бранил ее за то, что она не родила ему детей, и угрожал, что когда-нибудь она проснется, а его уже не будет рядом, что он уедет в другую страну, чтобы найти женщину, которая будет в состоянии родить ему сыновей. Он повторял это в пивной так часто, что об этом, наверное, знало все графство Дорсет.

— Значит, когда он исчез, все решили, что он исполнил свою угрозу и бросил ее?

— Именно так. Разумеется, не обошлось без слухов, что его убила жена, но такие слухи всегда рождаются, когда случаются подобные загадки.

«Да, — подумал я, вспомнив разговор с Сидом Феррисом той холодной ночью в пустыне десять лет назад, слухи и фантазии, игра чьего-то воображения». Но он упоминал и о каком-то третьем человеке, которого якобы видели на месте преступления. Это могло подождать.

— Тереза прожила на той ферме еще десять лет, — продолжила мисс Юнис. — А потом продала ее и уехала в Америку. Это было отчаянное решение, но смелости, как и красоты, Терезе было не занимать. Тогда ей было под сорок, но, несмотря на тяжелую жизнь, она все еще приковывала к себе взгляды. В Нью-Йорке она встала на ноги и в конце концов вышла замуж за финансиста. Его звали Сэм Коттер. Он был хорошим человеком. Еще у нее там появилась подруга.

— Вы?

Она кивнула.

— Да. Через несколько лет Сэм умер от сердечного приступа. Мы какое-то время оставались в Нью-Йорке, но очень тосковали по родной земле. Наконец в 1919 году, когда закончилась война, мы вернулись домой. Терезе, естественно, не хотелось появляться в Дорсете, поэтому мы поселились в Йоркшире.

— Удивительная история, — сказал я.

— Но это еще не все, — продолжила мисс Юнис, прервавшись на секунду, чтобы отпить чая. — Был ребенок.

— Но вы же сказали...

Она оторвала одну руку от палочки и протестующим жестом подняла ее ладонью вперед.

— Кристофер, прошу вас, позвольте мне рассказать мою историю так, как хочу я. Потом можете делать с ней, что пожелаете. Вы не представляете, как это тяжело для меня. — Она замолчала и опустила взгляд на медную львиную голову. Она смотрела на нее так долго, что я испугался, что она заснула или умерла. Из-за окна доносились громкие зазывные крики мясника, продававшего баранью ногу. Как только я

собрался встать и подойти к мисс Юнис, она пошевелилась. — Был ребенок, — повторила она. — Тереза родила в пятнадцать лет. Роды были трудными, и после этого она уже не могла иметь детей.

— И что случилось с этим ребенком?

— У Терезы была сестра, Элис, она жила в Дорчестере. Элис была на пять лет ее старше и уже имела двух детей. Как только беременность стала заметна, Тереза и Элис уехали на несколько месяцев в Корнуолл к родственникам. Потом они всем говорили, что это ребенок Элис. Вы удивились бы, если бы узнали, как часто такое происходит. Когда они вернулись, у Элис была чудесная малышка.

— Кто был отцом?

— Тереза мне так и не сказала. Единственное, что она всегда говорила, — ребенок не был плодом насилия, и отцом его был человек, которого она страстно любила. И не Джейкоб Морган.

— Она после этого когда-нибудь видела своего ребенка?

— Конечно. Что могло помешать ей навещать сестру и смотреть, как растет любимая племянница? Когда девочка подросла, она и сама стала приходить на ферму.

Тут мисс Юнис замолчала и так сильно сдвинула брови, что мне показалось, что кожа у нее на лбу вот-вот порвется, как сухая бумага.

— Тогда-то и начались проблемы.

— Какие проблемы?

Мисс Юнис отставила в сторону палочку и взяла чашку чая. Я снова наполнил ее. Руки ее уже не дрожали, и чашку она прижала к костлявой груди так, словно тепло напитка было единственным, что удерживало в ней жизнь.

— Это самая трудная часть, — произнесла она слабым голосом. — Я думала, что никогда не решусь ее кому-то рассказать.

— Если не хотите...

Она лишь отмахнулась.

— Все хорошо, Кристофер. Собираясь сюда, я сомневалась, стоит ли вам рассказывать все, но теперь, поговорив с вами, поняла, что стоит. Раз уж я зашла так далеко, бессмысленно что-то скрывать. Только дайте мне пару секунд, я должна собраться с духом.

Торговля на базаре была в самом разгаре, и в последовавшей тишине я слышал оживленные голоса продавцов и покупателей, азартно споривших о цене.

— Я упоминала, что Тереза была очень красивой девушкой? — через какое-то время произнесла мисс Юнис.

— Да, упоминали.

Она кивнула.

— Она была настоящей красавицей, и дочь пошла в нее. Когда она начала сама ходить на ферму, ей было лет двенадцать-тринадцать. Джейкоб, разумеется, обратил на нее внимание, заметил, как она начала «раздаваться», как он говорил. Однажды девочка явилась, когда Тереза ушла в деревню за дровами. Дома ее встретил Джейкоб, который только что вернулся из пивной. Нужно ли рассказывать, чем это закончилось, мистер Райли?

Я покачал головой.

— Я никоим образом не хочу его оправдывать, но он, вероятно, не знал, что она его падчерица?

— Да. Он этого не знал. Так же, как она не знала, что Тереза ее мать. Узнала она это намного позже.

— Что было потом?

— Тереза вернулась, когда Джейкоб боролся с отбивающейся, почти раздетой девочкой. А дальше было то, о чем я уже рассказывала. Она схватила кочергу и ударила его по голове. И не раз, а шесть раз подряд. Потом они навели в доме порядок, дождались темноты и похоронили его в саду. Она послала девочку обратно к сестре и стала жить так, как будто муж бросил ее.

Так, значит, это дочь — та загадочная фигура, которую, по словам Сида Ферриса, видели уходящей с фермы в день убийства.

— И что стало с несчастной девочкой? — спросил я.

Мисс Юнис опять замолчала, но на этот раз как будто начала задыхаться и очень побледнела. Я поднялся и двинулся к ней, но она выставила руку.

— Нет-нет, со мной все в порядке, Кристофер. Прошу вас, садитесь.

За окном просигналила машина, и кто-то из торговцев громко выругался.

Мисс Юнис погладила себя по груди.

— Ну вот, так-то лучше. Все закончилось. Просто небольшой спазм. Но знаете, мне стыдно. Я сказала вам неправду. Это так трудно... Понимаете, дело в том, что я была... Я и есть эта девочка.

Секунд пять я смотрел на нее, не в силах произнести ни слова. Потом, заикаясь, пролепетал:

— Вы? Вы дочь мисс Терезы? Но этого не может быть. Это невозможно.

— Я не думала, что удивлю вас так, — мягко продолжила она, — но

вы сами виноваты. Когда люди видят рядом двух старух, они видят только двух старух. Когда вы пятнадцать лет назад начали ходить к нам в Розовый коттедж, Терезе было девяносто лет, я мне — семьдесят шесть. Не думаю, что для ребенка это такая уж большая разница. Да и для большинства других людей тоже. К тому же Тереза всегда была здоровой и удивительно хорошо сохранилась.

Придя в себя, я попросил ее продолжать.

— Мало что можно добавить. Я помогла матери убить и похоронить Джейкоба Моргана. Но мы не разрезали его на части. Это — выдумки бессовестных сплетников. Мои неродные родители умерли почти одновременно в самом начале века, и Тереза прислала мне деньги, чтобы я переехала к ней в Нью-Йорк. Замуж я не вышла, поэтому меня ничто не держало. Я думаю, что та встреча с Джейкобом Морганом, хоть и была короткой и ничем не закончилась, на всю жизнь внушила мне отвращение к супружеским отношениям. Как бы то ни было, именно в Нью-Йорке Тереза рассказала мне, что она — моя мать. Сэму она, разумеется, не могла признаться в этом, поэтому представила меня как знакомую, и мы жили как подруги, а не как мать и дочь. — Она улыбнулась. — Вернувшись в Англию, мы решили выдать себя за двух старых дев. В деревне о таких вещах не принято расспрашивать, поэтому нам это было удобно.

— А как же полиция нашла вас спустя столько лет?

— Мы никогда не скрывали своих имен и не прятались. Розовый коттедж мы купили у местного агента еще до возвращения из Америки, так что наш адрес значился на каждой бумаге, которую мы заполняли. — Она пожала плечами. — Полицейские быстро поняли, что Тереза слишком слаба, чтобы ее допрашивать, а тем более сажать в тюрьму, поэтому просто не стали продолжать это дело. И если уж на то пошло, у них не было доказательств. Вы этого не знали, потому что Тереза не хотела вам об этом говорить, но она знала, что умирает, еще до того, как к нам приехала полиция. Так же, как и я сейчас знаю, что умираю.

— И она умерла, так и не сказав вам, кто был вашим отцом?

Мисс Юнис кивнула.

— Насчет этого я не обманывала. Но у меня были подозрения. — Глаза ее заискрились, как шипучий напиток, налитый в стакан. — Знаете, Тереза всегда слишком предвзято относилась к этой Трифене Спаркс, а мистер Гарди заглядывался на хорошеньких девушек...

Сорок лет прошло после смерти мисс Юнис. Я жил во многих деревнях, городах и странах. Хотя я часто вспоминал историю, которую она

рассказала мне, у меня не возникало желания изложить ее на бумаге до сегодняшнего дня.

Две недели назад я опять переехал в Линдгарт и, распаковывая вещи, наткнулся на первое издание «Вдали от обезумевшей толпы». 1874 — год, в котором Гарди женился на Эмме Гиффорд. Когда я в очередной раз задумался над загадкой короткой надписи на форзаце книги, слова стали сами по себе складываться у меня в голове, и мне оставалось лишь перенести их на бумагу.

Дописав рассказ, я вдруг почувствовал сильную усталость. Сегодня жаркий день, и раскаленный воздух дрожит, смазывая зеленые, серые и коричневые крутые склоны холмов. Я смотрю в окно и вижу туристов, отдыхающих на деревенском лугу. Молодые люди раздеты по пояс, у некоторых на лопатках татуировки — бабочки и ангелы, рядом с ними сидят девушки в шортах и футболках. Они смеются, едят бутерброды и пьют из бутылок газировку или пиво.

Одна из девушек только что заметила меня и помахала рукой, возможно, считая старым извращенцем, и, когда я помахал ей в ответ, я представил себе другого писателя — гораздо талантливее меня, до величия которого я никогда не смогу подняться, — как он сидит у окна и смотрит на красивую, совсем молодую девушку, идущую через сад. Девушка машет ему в ответ. И она останавливается нарвать цветов, пока он откладывает свой роман и выходит из дома на теплый солнечный воздух, чтобы познакомиться.

ДЖОНАТАН ГЭШ

Глаза Короля Оффы

Жизнелюбивый торговец антиквариатом, симпатичный негодяй Лавджой своим умением вечно ввязываться в разного рода авантюры завоевал себе и своему создателю, Джонатану Гэшу, славу и преданное почитание среди поклонников детективного жанра. История занимает важное место в таких романах серии о Лавджое, как «Иудова пара», «Кража в Ватикане» и «Дом для светлячка». Она играет большую роль и в рассказе «Глаза короля Оффы»

(«Король Оффа» — это название старинной монеты), хотя он не входит в цикл о Лавджое.

~ ~ ~

Советник Эш ждал в безмолвной тишине, наблюдая за дорогой. Ночь была чистая, звездная, из тех, которые потом хочется вспоминать. На какую-то секунду он задумался, серьезно сдвинув брови, боясь вспомнить что-нибудь неприятное, но потом образы прошлого нахлынули и смыли его раздражение. Как там... «К звенящим звездам устремился крик».^[52] Теннисон, кажется. Когда-то это заставляли учить на память. Он с некоторым раздражением подумал, что в те времена был слишком ленивым, чтобы вообще что-нибудь учить. А взять нынешнюю молодежь, с каким видом они приходят устраиваться на работу! Будто им все чем-то обязаны. А в каком состоянии они иногда приходят!

Это уединенное место как нельзя лучше подходило для его целей. Яркая луна, крутой поворот, замерзшие белые скелеты деревьев и гололедица на дороге. Такая ночь стоила того, чтобы дожидаться ее полгода с того самого дня, когда Гордон отказался продавать «Короля Оффу» и тем самым обрек себя на смерть.

Эш похвалил себя в уме за удачный выбор. Поскольку здесь его ничто не потревожит (как было, например, в прошлый раз, когда прямо у него под боком остановился тот пьяный тип, чтобы пообниматься со своей подружкой, и нарушил его планы), сегодня ночью он убьет. Несмотря на

минусовую температуру, он вдруг почувствовал, что сильно вспотел. Это все от напряжения. Напряжение заставляет человека потеть. Напряжение и секс.

Он посмотрел на часы — было что-то около десяти. В это время Гордон уже должен выходить из «Козла и компаса» и садиться в машину. К счастью, Гордон не был механиком. Он этим отличался еще с детства — был всегда слишком задумчивым и замкнутым. Эшу отчаянно хотелось курить. А вот Гордон, понятное дело, не курил. Как вообще такая холодная рыба могла понравиться Дженни? При других обстоятельствах Эш этого бы так не оставил, но сейчас ставки были покрупнее, чем девушка. Хотя, когда Гордон умрет... Даже если Дженни нравится ее работа в лаборатории местной больницы, вдовы, как известно, охотно принимают утешения от того, кто знает, как правильно к этому подойти. Он заметил, что невесело улыбается, и отключил мышцы лица. Дисциплина.

На какую-то секунду ему снова вспомнилось стихотворение, та часть, где рыцарь нес умирающего Артура через ледяные пещеры, и лязг его доспехов разносился между сталактитами. Жутковатая сцена похорон. Такое не скоро забудешь.

Самое интересное начнется примерно через месяц, когда Дженни будет избавляться от имущества Гордона и захочет продать «Короля Оффу». Эш почувствовал, что у него задрожали руки. «Напряжение поднимает человеку температуру тела, — подумал Эш, — а похоть заставляет дрожать, подобно охотничьей собаке, почуявшей дичь».

Лед был прекрасен. Несколько дней без снега, потом вчерашний стойкий туман, слабый намек на оттепель сегодня рано утром и трескучий мороз на закате. На протяжении всей автострады расставили знаки, предупреждающие о гололедице, по радио весь день передавали зловещие прогнозы. Эш знал этот отрезок дороги как свои пять пальцев. С другой стороны, и Гордон знал его не хуже. Они достаточно часто ездили по ней на велосипедах, чтобы изучить ее вдоль и поперек. Никакого освещения на этих старинных извилистых восточноанглийских дорогах, естественно, не было. Ближе к реке лед на ней образовывался быстрее — настоящая удача.

Прежде чем устроиться в засаде, Эш осмотрел поверхность за средневековым горбатым мостом. Отлично. Хуже, чем на катке. В такую ночь без цепей на шинах тут не проедешь. Гордон никогда о таком не задумывался. Эш это знал, потому что специально за ним наблюдал. Так ему, дураку, и надо. На твердой, как железо, замерзшей дороге не останется никаких следов, поэтому Эш выбрал небольшое неприметное местечко у правой обочины. Переехав через мост, Гордон попадет на лед, которым

здесь покрыто как минимум сто ярдов пути... И тут ему наперерез вылетит незнакомая машина, которая неожиданно появится с правой стороны, где вроде бы ничего не было, кроме деревьев. Гордон автоматически вдавит тормоз, и все. Причиной его смерти станет лед на дороге. Это даже не убийство. Это будет нечто вроде самоубийства или несчастного случая. Узкая дорога круто сворачивает влево к излучине реки, а парапет там невысокий. Эш сам не раз на совещаниях в совете жаловался на то, что на этом месте любая машина может запросто вылететь с дороги и рухнуть с обрыва в медленную глубокую реку...

В этом деле весь расчет был на гололедицу. Там, где на дороге обычный лед, ехать проще. Тем более что в лунном свете он сверкает белизной, предупреждая водителя о том, что, въезжая на мост, нужно не забыть переключить передачу. То ли дело чарующая, зловещая красота гололедицы! При гололедице дороги всегда кажутся сухими и безопасными. Под ледяной коркой дорога кажется черной, как смола, но на самом деле она скользкая, как зеркало. Несмотря на нервозность, Эш улыбнулся. Может быть, включить радио, позволить себе глоток из фляжки для согрева или сигарету? Нет. Дисциплина превыше всего.

Небо озарил луч света, качнулся и снова пропал. Приближалась машина.

«Вот и старина Гордон пожаловал», — проворчал Эш.

Он запустил двигатель. Действовать нужно хладнокровно и решительно. О похищении «ягуара» наверняка скоро станет известно. Все оказалось на удивление просто. Собственная машина Эша стояла рядом с тем же пабом. Угонять «ягуар» для дела, возможно, было излишней предосторожностью, но риск тут минимальный. Вообще-то Эшу было даже как-то неприятно, что это оказалось настолько легко. «Ягуар» понадобился для того, чтобы Гордон, если что-то пойдет не так, не узнал его зеленый «хамбер».

Два параллельных луча снова скользнули по небу. Приближающаяся машина находилась у поворота на Дрэгонсуэлл. Тут же, как и следовало ожидать, свет фар прошелся по боковой дороге. Наверняка это он. Эш нажатием на педаль заставил двигатель мощно загудеть. Триста ярдов. Чтобы расслабить руки, Эш несколько раз сжал и разжал кулаки, как солдат перед началом боя. Потом поставил рычаг на первую передачу и взялся за руль. В последнюю минуту он решил, что мощный двигатель выдержит, и переключил на вторую скорость. Это незначительное изменение плана лишь доказало его полную собранность и способность мгновенно подстраиваться под обстоятельства, о чем он будет потом вспоминать с

заслуженной гордостью.

Приближающаяся машина качнулась, стрельнув лучами фар в небо, после чего сгустилась в темный силуэт и въехала на старые камни горбатого моста.

Сейчас.

Эш выехал на дорогу. Раздался истошный гудок машины, в звуке которого можно было услышать отчаяние. Что-то коротко проскрежетало, и вот уже Эш быстро выкручивает руль среди деревьев на противоположной стороне. Чтобы вернуться на дорогу, ему пришлось включить заднюю передачу. «Угнать машину с цепями на колесах было гениальной мыслью!» — похвалил он себя. Развернуться ему удалось без труда. Через шесть секунд он уже мчал в ту сторону, откуда ехал Гордон.

Через две сотни ярдов Эш включил фары. Взглянув в зеркало заднего вида, он увидел только черноту над речной долиной. Он потянулся за сигаретами. Скоро «Король Оффа» будет принадлежать ему.

Хардвик, секретарь гольф-клуба, одобрил кандидатуры доктора и полицейского без колебаний, даже несмотря на то что последний раз клюшку они держали несколько лет назад. Причину этого он доходчиво объяснил миссис Асперн, когда просматривал ее счета из ресторана.

— Без докторишки и какого-нибудь местного сыщика гольф-клубу как будто чего-то не хватает... Возможно, стиля.

Миссис Асперн была с этим категорически не согласна.

— Если в клуб заявится женщина-врач, — выпалила она, — представьте, какой будет скандал.

Хардвик вздохнул.

— Времена меняются, миссис Асперн. — Они спорили об этом каждую субботу. — К тому же обед в переполненных залах клуба вряд ли можно счесть вершиной безнравственности. — Но это не помогло. Миссис Асперн умела так вскрикивать через крепко сжатые зубы, что после этого любые, даже самые убедительные доводы рассыпались в прах.

В другом конце ресторана доктор Бакстер пыталась образумить инспектора Янга.

— Джордж, ты слишком много думаешь об этом, — говорила она, имея в виду дело об автомобильной аварии, которое было очень простым и не вызывало никаких подозрений. — Вдова погибшего имеет полное право обижаться на полицию.

— Почему? — Джордж Янг вдруг с удивлением осознал, что проигрывает в споре. — Честное слово, меня эта чертова женщина до

белого каления довела.

— Она шумела?

— Нет. Она была спокойной и натянутой, если ты понимаешь, о чем я. Я просто пытался ей доказать, что невозможно совершить преступление, не оставив хоть каких-нибудь следов, Клэр.

— Но любая версия может оказаться верной, Джордж...

— Вот-вот, именно это она и твердила! — Джордж заметил, что говорит слишком громко и в их сторону уже повернулось несколько голов. Он улыбнулся, давая понять, что все в порядке. Клэр передала соль, чтобы дать ему время немного успокоиться. — Но ты же сама должна понимать, насколько бессмысленно такое утверждение. В запале он лишний раз посолил телятину. — Так называемое убийство без улик является несчастным случаем по определению.

Клэр заинтересовалась.

— На это можно посмотреть с другой точки зрения, Джордж.

— Я слушаю.

— С точки зрения той женщины. Ее муж мог быть убит умышленно. Ваши люди не сумели найти доказательств того, в чем она не сомневается.

Джордж зарычал.

— Мы прочесали берег реки, мост, обочины...

— Вот, — задумчиво промолвила Клэр: — В местной газетенке все верно написали? Про гололедицу, про машину?

— Верно.

— Я читала эту статью, — сказала Клэр. — На льду следы машины остаются?

— После того, как он растает, — нет, любовь моя, — довольно сухо произнес инспектор. — Миссис Саммерстон считает, что другая машина, которая дожидалась ее мужа рядом с дорогой, резко выехала ему наперерез, заставив его потерять управление.

— Такое вполне возможно.

— Но только не для местного жителя, — упрямо произнес инспектор. — Он знал, какой бывает эта дорога при любой погоде.

— Я переезжала через мост несколько раз, — вставила Клэр. — Там кругом лед. Если не жать на газ, машина сама начинает тормозить.

— Значит, он выпил пару лишних рюмок и забыл об этом.

— Или его заставили резко затормозить. — Клэр положила на тарелку нож и вилку. — Если в низине у дороги скрывалась другая машина... Любой рефлексивно нажал бы на тормоз.

— Это только в том случае, если вторая машина действительно

существовала, Клэр. Ты такая же полоумная, как его жена. — Джордж на секунду замолчал.

Доктор чуть наклонила голову и пытливо посмотрела на него.

— Выкладывай. Я вижу, ты о чем-то недоговариваешь.

Джордж беспокойно передернул плечами.

— Она говорит, что знает, чья это была машина.

Клэр ахнула.

— И вы ничего не сделали?

— Почему не сделали? Сделали. — Джордж наполнил стаканы. В эту субботу Клэр выбрала вино, немецкое «Шпатлезе», «сладковатое, но вполне созревшее». — Мы проверили все. Машина подозреваемого была почти до самого закрытия припаркована у таверны в нескольких милях от моста.

— Свидетели есть? — Вопрос Клэр, похоже, задел за живое инспектора, потому что он произнес обиженным тоном:

— Ты думаешь, я и это забыл проверить, да?

— Извини, — кротко произнесла Клэр. — Но машина простояла там не всю ночь?

— Он намекнул, что у него с этой девушкой... — Джордж неуверенно замолчал, но Клэр понимающе улыбнулась. — Дженни Саммерстон утверждает, что это вранье. Говорит, что это мечты того, второго типа.

— Он был богат?

— Погибший? Скорее наоборот. Тут, похоже, не подкопаешься. Не с чего начинать. Единственная странность — это то, что они были друзьями. Выросли вместе.

— Кошмар! — Клэр отпила из охлажденного стакана. — Всю жизнь дружили и ненавидели друг друга.

Джордж вдруг почему-то почувствовал себя неудобно.

— Послушай, Клэр, я могу наконец сказать, что я думаю?

— Конечно, дорогой. — Клэр обезоруживающе улыбнулась и поморгала, чтобы заставить его засмеяться.

— Будь серьезнее. Дело в том, что некоторые люди просто не могут принять правду, даже если та находится у них перед самым носом. Такие люди будут лгать, бросать обвинения, сходить с ума... даже клеветать на лучшего друга, лишь бы опровергнуть очевидное.

— Все люди, переживая горе, могут вести себя нелогично.

— Более того, — воодушевился Джордж, чувствуя, что начинает брать верх, — здесь есть и ее вина. Если ее двадцатилетний муж предпочитает проводить вечер в пабе с друзьями, а не дома... Она в этом

виновата, понимаешь? Ей нужен козел отпущения, вот она и выбрала самого подходящего человека, имя которого, наверное, часто слышала дома. Потом она идет в полицию и заявляет.

— Но ее версия звучит довольно складно. У нее есть такой же обоснованный мотив?

— Такой же необоснованный, Клэр, — начиная злиться, возразил Джордж, заметив на ее устах улыбку.

Миссис Асперн тоже заметила эту улыбку и то, как резко посерьезнел инспектор, когда решил рассказать Клэр о том, из-за чего, по мнению Дженни Саммерстон, Эш убил Гордона. Губы ее сжались, она встала из-за стола, думая о том, насколько мистер Хардвик доверчив, и о том, что все мужчины неразумны, как дети.

Инспектор Янг был бы рад знакомству с Дженни Саммерстон, если бы знакомство это произошло не тогда, когда смерть ее мужа стала предметом следствия, а при любых других обстоятельствах. Она отличалась приятной стройностью, одевалась элегантно, но неброско и даже не побоялась выбрать одежду ярких цветов. Свитер ее прекрасно сочетался с плиссированной юбкой, а туфли были скорее скромными, чем броскими. Единственным, что указывало на ее горе, были темные круги под глазами. В остальном она выглядела собранной и уверенной.

— Я знаю, что вы думаете, инспектор, — сказала тогда она. — Вы думаете, что я сейчас выбита из колеи, но пройдет пара недель, и я приду в себя. Это не так. Я полностью отдаю себе отчет в своих поступках.

Джордж Янг сохранял спокойствие. Это обычная реакция, и людей в таком состоянии можно понять.

— Миссис Саммерстон, — мягко произнес он, — нам нужно нечто большее, чем предположения.

— Это не предположение, — ровным голосом ответила она. — Я совершенно уверена, что так и было.

— Но советник Эш уважаемый человек...

— Доктор Криппен тоже был уважаемым человеком.

— ... и он дружил с... вашим мужем.

— Они вместе росли и ходили в одну школу, — Дженни Саммерстон кивнула с таким видом, будто считала это доказательством своих слов. — Но их дороги разошлись.

— Они часто встречались? — Инспектор заметил, что втянулся в разговор, несмотря на то что бессмысленность всего этого его порядком раздражала.

— Нет, последние несколько лет не часто, только иногда в компании.

— В клубе?

— Нет, в кругу коллекционеров монет.

— То есть они уже не были близкими друзьями, — твердо произнес Янг. — Значит, нет ни улики, ни мотива.

— Мотив есть, — возразила Дженни. — Коллекция Гордона.

Инспектор Янг услышал, как дважды кашлянул сержант Brent, — сигнал к тому, что нужно получить дополнительную информацию. Он щелкнул ручкой, показывая, что сигнал принят.

— У Гордона была дорогая коллекция, миссис Саммерстон?

— Не очень.

— Существуют ли какие-нибудь соглашения, позволяющие советнику Эшу и кому-либо другому завладеть этой коллекцией после смерти вашего мужа?

— Нет.

— В коллекции есть что-нибудь, принадлежащее им обоим?

— Нет.

Разговор закончился после часа пререканий. Дженни Саммерстон настаивала на том, что Эш каким-то образом подстроил смерть ее мужа. Как позже Джордж сказал Клэр Бакстер, описывая Дженни, «просто не было причин верить ни единому слову этой убитой горем женщины».

— ...Хотя все возможно, доктор, — закончил он с напускной серьезностью, заставив Клэр удивленно посмотреть на него. На прошлой неделе она победила в одном из споров, используя это же выражение.

— И все же, Джордж, меня не покидает ощущение, что в ее словах что-то есть.

— Так, — пригрозил он, — если ты сейчас начнешь говорить о женской интуиции...

— Не бойся, — рассмеялась Клэр, — не начну. Мы же вместе согласились, что такого не бывает.

Они встали из-за стола и вышли в клубную комнату для отдыха.

Клэр поехала в свой кабинет прямо из гольф-клуба, хотя ее смена начиналась только в полночь. Андерсон, с которым они уже год вели общую практику, оторвавшись от бумаг, посмотрел на нее с удивлением.

— Привет, Клэр, — сказал он. — А я думал, по субботам у тебя в программе бутики и парикмахерские.

Клэр быстро прошла через кабинет и закрыла дверь, ведущую во владения медсестры Харгривз. Слишком современная манера разговора

молодого доктора все еще раздражала ее, хотя они уже несколько раз обсуждали это. Впрочем, после каждой беседы он, похоже, только сильнее удивлялся ее придирчивости.

— Гордон Саммерстон, кажется, наш клиент, не помнишь, Дерек? — спросила она, заходя ему за спину, где располагалась картотека.

— Это тот, который из Дрэгонсуэлла? Наш. В прошлом месяце оформил медицинскую страховку. Здоров, как бык.

— Он умер, — ответила Клэр. — Авария.

Андерсон перестал писать и повернулся к ней.

— Черт! Уже третий за этот месяц. Эпидемия какая-то. — Он увидел, что Клэр заколебалась, прежде чем ответить. — Что-то не так?

Она нашла среди конвертов тот, на котором значилось имя Гордона Саммерстона.

— Не знаю. Тут что-то странное. Хотя в его карточке, похоже, ничего особенного.

— В дорожных авариях нет ничего загадочного, Клэр. Обычная глупая смерть.

— Наверное, ты прав, Дерек. — Она уронила конверт на стол перед Андерсоном и открыла боковую дверь, собираясь уходить. — Развлекайся.

— Знаешь, — сказал ее младший коллега, с улыбочкой рассматривая ее ноги, — а ты для своего возраста неплохо сохранилась. Если правильно разложишь карты, сможешь меня подцепить.

— Делом лучше занимайся.

Медсестра, услышав, как закрылась дверь, подняла голову и подумала о докторе Бакстер и Дерекке Андерсоне.

«От некоторых женщин не знаешь, чего и ждать, — сказала она себе, — особенно от таких, как Клэр Бакстер. Разве что иногда».

Инспектор Янг сидел за своим рабочим столом, перелистывая каталоги. Сержант Brent взял их для него у констебля Макэндрюса, единственного в их участке завязанного коллекционера. Любопытно было видеть, как Макэндрюс, обычно неразговорчивый и замкнутый, просиял, когда его спросили о его хобби. Откровенное невежество инспектора в вопросах нумизматики не вызвало у него насмешки, напротив, он, казалось, был рад рассказать о том, какие взаимоотношения дарят в кругах местных коллекционеров. Среди знатоков нумизматики коллекционеры монет, отчеканенных вручную, похоже, считались своего рода аристократами. Однако Саммерстона и Эша интересовали вопросы еще более специфические, и они, по мере своих скромных сил, сфокусировали

внимание на монетах с изображением монархов донорманнского периода. С особым упоением Макэндрюс рассказывал о величайшем и в то же время самом малоизученном из древних английских королей. Джордж Янг о нем никогда не слышал, но, судя по рассказу молодого констебля, без него вся эпоха средневековья сложилась бы по-другому. Весь этот период, как видно, был озарен ослепительным сиянием могучего, но загадочного короля Оффы.

После разговора Янг поблагодарил Макэндрюса, отправил его обратно на пост и принялся с интересом рассматривать фотографии монет в каталогах.

— Вот ведь психи ненормальные, — пробормотал он. — Старый пенни — это всего лишь старый пенни, и какая разница, сколько экземпляров сохранилось? Он смотрел на одну фотографию так долго, что у него круги пошли перед глазами. Ненормальные, — повторил он и отодвинул каталоги в сторону. Нужно поговорить с Эшем. Он и так уже слишком долго откладывал.

Эш провел взглядом машину инспектора, развернулся и пошел к дому с ощущением полнейшего успеха. Он сделал это, совершил невозможное — убийство, которое даже полиция признала несчастным случаем.

У Дженни было слишком туго с деньгами, чтобы оставить себе коллекцию Гордона, и, поскольку она сама в нумизматике не разбиралась, «Оффа» будет продан с аукциона вместе с остальными. «И угадайте, кто будет на том аукционе?» — подумал он и радостно рассмеялся. Возможно, уже через месяц он будет держать в руках серебряную монету короля Оффы, уникальную, блестящую, с портретом короля, глядящего с поверхности крошечными круглыми глазками. Но как точно Дженни догадалась, как именно он убил Гордона! Ему пришла в голову интересная мысль: только женщина, действительно хорошо знающая мужчину, может так, как Дженни, почувствовать истину. Но насколько хорошо она знала его? Что, если она тоже почувствовала огонек желания? Неужели она никогда не сравнивала решительного и энергичного советника Эша со своим мужем-размазней? В этой мысли ему почудилось что-то эротическое. Дженни и «Оффа»? Возможно.

Даже как-то странно думать, что совсем скоро он сможет взглянуть в глаза Оффы, величайшего правителя между Александром и Вильгельмом Завоевателем. Только если эти чертовы социальные службы не увеличат вдове субсидию. Он даже усмехнулся от этой мысли. Может, ему самому предложить это совету? Через час, потягивая бренди в уютном кресле, он

все еще улыбался.

На следующий день рано утром Дженни Саммерстон предстала перед мистером Уоткинсом в его кабинете. Показная простота кабинета являла собой яркий контраст расположенным по соседству пышным аукционным залам, но так нравилось старому аукционисту. У него даже была любимая присказка на этот счет: «Простота вне конкуренции». Старика больше смутило мужество Дженни, чем ее беда.

— Вы уверены, что хотите именно через нас продавать вещи Гордона, Дженни?

— Да, мистер Уоткинс.

— Видите ли, хоть я и старый друг вашего отца, но я не могу обещать вам повышенный процент. Существуют определенные правила, от которых мы не имеем права отступать. Вы, наверное, это знаете?

— Я понимаю.

— Очень хорошо. Тогда обдумайте все еще раз хорошенько и приходите через...

— Нет. — Неожиданная твердость ее тона захватила его врасплох. — Я хочу покончить с этим до конца месяца.

Дженни Саммерстон встречала сентиментальных вдов, не желающих расставаться со старыми вещами, домами и даже стилем жизни, не в силах противиться некоему внутреннему побуждению, которое они считали преданностью. Ей они всегда казались жалкими. Она бы никогда не стала так вести себя. Все это она и объяснила давнему партнеру ее отца по боулингу, слушавшему ее с серьезным выражением лица.

— И ту монету с королем Оффой, которую Гордон купил здесь пару лет назад, вы тоже будете продавать?

— Да, и ее.

— Представляю, какой переполох поднимется среди местных коллекционеров.

— Да, наверное.

— Вы окончательно решили не искать покупателей напрямую? — Мистер Уоткинс повертел в руках очки, давая ей возможность ответить, и, не дождавшись, заговорил деловым тоном: — Что ж, я уверен, аукцион — именно то место, где стоит решать подобные вопросы. Здесь мы в любом случае выручим не меньше, чем предложил бы любой из коллекционеров в частном порядке.

— Спасибо, мистер Уоткинс. — Дженни Саммерстон встала, направилась к двери, но на секунду задержалась, чтобы добавить: — Я не

сомневаюсь, что могу на вас положиться, только...

— Да?

— Могу я... Могу я поставить кое-какие условия?

— Да, разумеется, в пределах разумного. Резервированная цена, надо полагать?

— Нет, совсем не это. Но... Я бы хотела, чтобы самая ценная монета из коллекции Гордона была в полной безопасности.

— Уверяю вас, Дженни...

— Пожалуйста. — Она вдохнула полной грудью и посмотрела на него почти с воинственной решимостью. — Я хочу, чтобы одна монета находилась в отдельном контейнере до тех пор, пока не станет собственностью покупателя.

— Но покупатель имеет право видеть, что берет, Дженни.

Дженни покачала головой.

— Он получит возможность ее осмотреть. Две стороны коробки будут стеклянными. Любой сможет осмотреть монету, только ее нельзя будет доставать.

— Что ж, хорошо. — Мистер Уоткинс записал что-то в блокноте. — А о какой монете идет речь, моя дорогая?

Глаза Дженни блеснули, и еще до того, как она произнесла эти слова, старик понял, каким будет ответ.

— «Король Оффа», — сказала она.

Через несколько секунд он уже смотрел на закрывшуюся за Дженни дверь. Его охватило какое-то смутное беспокойство. Произошло что-то нехорошее, он это почувствовал. И это была не какая-нибудь канцелярская ошибка, которую можно отследить и исправить, нет, у него появилось такое ощущение, будто вся его жизнь переменялась. Произошло что-то бесповоротное.

Джиландерс, директор городской библиотеки, пребывал в некоторой растерянности.

— Подумать только, — жаловался он мисс Мортимер, своему заместителю, — последний раз эту книгу у нас брали год назад, а сегодня прямо свет клином на ней сошелся — сразу четыре запроса! Может, в городе какая-то выставка проходит, о которой мы не знаем?

— Мы должны заказать еще одну копию, сэр. — Мисс Мортимер использовала любой удобный случай, чтобы пополнить запасы библиотеки.

— Ничего мы заказывать не будем! — сердито воскликнул Джиландерс (ей-то не приходилось иметь дело с городским финансовым

комитетом). — Поверьте, как только мы закажем лишний экземпляр Норта и Долли, о них тут же забудут. Такое уже не раз было. Помните ту дурацкую биографию какого-то изготовителя флейт? Пустая трата денег. «Англосаксонские монеты» им подавай...

Мисс Мортимер не стала настаивать.

— Да, мистер Джиландерс.

Что-что, а приступы гнева у начальника она давно научилась распознавать.

Аукционные торги проходили на удивление спокойно. Макэндриус обрадовался, когда его сняли с дежурства на улице и приказали отправляться на аукцион в штатской одежде, но инспектору Янгу происходящее казалось тоской смертной. На прошлой неделе он встречался с мистером Уоткинсом, который по его просьбе подробно рассказал ему, как будет проходить аукцион. Наблюдение будет вестись за всеми покупателями, так что никаких неожиданностей не предвиделось.

«Оффа» не вызвал у Джорджа Янга восторга. Монета лежала в серой, тяжелой, как свинцовый брусок, металлической коробке со стеклянным верхом и низом. Даже стекло казалось тяжелым. Оно было таким толстым и темным, что он с трудом рассмотрел монету внутри.

— Превосходная монета, не правда ли? — сказал какой-то любитель, пока аукционист что-то бубнил с кафедры.

— Да, — с сомнением в голосе ответил инспектор. Луч света озарил содержимое коробки.

Монета золотистого цвета каким-то образом удерживалась между двумя серыми металлическими пластинами. Наверное, это и есть «Король Оффа», хотя Макэндриус говорил, что она не золотая, а серебряная. Металлический контейнер напоминал крошечный сейф.

— А нельзя ли открыть коробку и посмотреть? — спросил он ассистента.

— Нет, сэр. Инструкции, — ответит тот.

Итак, требования Дженни Саммерстон были выполнены. Янг окинул взглядом толпу и увидел сидевшего в третьем ряду Чарльза Эша. Лот 209. При той скорости, с которой работал аукционист, очередь до «Короля Оффы» дойдет не раньше обеда. Развернувшись, чтобы уйти, он заметил, что на стенках коробки с монетой было что-то выгравировано. Он наклонился и прочитал: «Собственность Гордона Саммерстона, погибшего 12 декабря». Он с удивлением заметил, что эта надпись имеется на всех четырех металлических стенках и даже на стекле. Странно. Гравировка,

похоже, свежая. Может быть, коробку сделали специально для аукциона?

В дверях он столкнулся с Дженни Саммерстон. Он поздоровался, но она отвела взгляд и уверенно прошла мимо. Наверняка пришла посмотреть, во сколько коллекционеры оценят сокровище ее мужа. Выходя, он незаметно кивнул Макэндрюсу, но тот с восторженной физиономией прислушивался к ставкам и не заметил сигнала. Джордж Янг сказал себе, что волноваться глупо. Самым неприятным было крайне раздражающее ощущение, будто ты пришел на футбол, но никто не говорит, какой счет.

Еще никогда Эш не ездил так быстро. Приехав домой, он взлетел в кабинет быстрее, чем замолчал мотор его машины. Едва сорвав с себя пальто, он бережно положил тяжелую коробочку на фетровую подстилку. Потом открыл окно, хотя знал, какой крик поднимет жена из-за сквозняка. Дым сигар губителен для патины на старых монетах, также, как кислоты, которые выделяет в атмосферу древесина дуба. Именно поэтому в его кабинете почти вся мебель была из красного дерева и тика.

Лампа, увеличительное стекло, стакан бренди. Он ждал этой минуты годами.

— Позже, — крикнул он, когда жена позвала его спускаться к ужину.

Все оказалось намного проще, чем он предполагал. Старика Уоткинса, похоже, расстроила такая низкая цена. Наверное, он ожидал уровня «Кристис». От этой мысли Эш громко рассмеялся. Если бы Дженни не пошла на такую дешевую уловку и не попыталась бы выдать монету за золотую, цена на «Короля Оффу» могла взлететь до небес. А так ее жалкие попытки лишь уменьшили цену настолько, что он приобрел монету даже без особого ущерба для кармана. По меньшей мере два лондонских дилера подошли к металлической коробке и осмотрели «Оффу» через толстое стекло, после чего с отвращением развернулись, ушли в паб и больше не возвращались. «Гордону нужно было хоть чему-то научить свою жену», — подумал Эш. Ни один нумизмат не позволил бы, чтобы на драгоценную поверхность монеты наносились какие-то вещества. Хотя пара минут и правильно подобранный растворитель — и на монете не останется следа от этой грязи... И тогда он сможет спокойно всмотреться в маленькие глаза великого короля Оффы. Сколько он ждал этой встречи! Но нужно быть очень аккуратным, к тому же придется ждать утреннего света, который так необходим для нумизматической работы.

Взгляд его скользнул по выгравированному на коробке имени Гордона. Довольно искусная работа, хотя металл очень твердый, но Эш не позволит ничьему имени значиться на его собственности. Нет, сэр. Коробку придется

выбросить. «Оффа» будет храниться в его собственном шкафу на самом видном месте. Хорошо бы еще напротив стола небольшой торшер поставить...

На то, чтобы выкрутить винты, удерживающие вместе металлические грани, ушло не больше пары секунд. Эш торжествующе улыбнулся, когда достал внутреннюю прозрачную часть с монетой внутри и осторожно положил на войлок.

Небольшой кисточкой он протер поверхность. Как это типично для женщин — все им хочется приукрасить. Если бы она не прикасалась к «Оффе», он мог бы уйти за целое состояние. Он повернул монету, наклонился к ней ближе и как зачарованный смотрел на портрет короля, так долго, что у него начало покалывать в глазах.

Наконец, посчитав, что прошла какая-то минута, он поднял глаза и с удивлением отметил, что на улице пошел снег. «Странно, — подумал он, — на сегодня снега не обещали». Потом он поморгал, чтобы прочистить, глаза, посмотрел на мрачное серое вечернее небо и понял, что ему показалось. Снега не было. Он улыбнулся. Наверное, от долгого созерцания своего последнего приобретения у него устали глаза. В конце-то концов, сейчас обладателей «Короля Оффы» можно по пальцам одной руки пересчитать!

Той ночью организм, как всегда, спал наверху. Составляющие его клетки синхронизировались и омывались гомеостатически контролируемые жидкостями. Органы подчинялись спонтанным ответным реакциям, независимо от основного организма, импульсы блуждающего нерва ритмично модулировали дыхание. И все же спал он беспокойно. Эпителиальные клетки несвоевременно начали воспроизводиться по краям век организма. В утонченно красивых поляризованных мембранах, плотно облегающих каждое ядро, уже появились прободения. Полупроницаемость, защищавшая и поддерживавшая сбалансированную внутреннюю среду генома, уже начала пропускать внутрь прозрачные жидкости, подавляющие мерцающие переливчатые цепочки цистронов. Еще глубже в глазу организма отмирали жизненно-важные нервные клетки. Структура клетчатки осталась нетронута, но нейроны подвергались деформации уже несколько часов. Завтра палочки сетчатки все еще будут расположены ровно, но колбочки начнут терять свою форму, предвещая надвигающийся метаболический коллапс.

Советник Эш застонал во сне. Но лишь однажды.

Внизу, в темном кабинете, «Короля Оффу» скрывал слой зеленого

войлока, но это покрытие не смогло сдержать излучений, исходящих с поверхности монеты. Мертвый серебряный лик великого царя источал смерть с безмолвным упорством. Крошечные выпуклые глазки, прижатые к войлоку, смотрели слепым взглядом вверх, словно провожая невидимые лучи, которые струились сквозь сукно и пронизывали деревянные стенки изящного шкафа, пробиваясь наружу и заполняя воздух безмолвной комнаты.

Через три дня с прибрежных болот пришел морозный туман. Темные кусты боярышника и терн, образующий живую изгородь, не покрылись белым инеем. Но стоявший в воздухе мороз заковал в зловещий прозрачный лед дороги и деревья. На главных прибрежных дорогах ночные потоки машин превратились в тонкие струйки, а потом и вовсе иссякли. К шестому дню все дороги покрылись гололедицей, и рыболовные корабли вернулись из моря и застыли тесной кучкой в безмолвной дельте реки. Город притих. Деревни вновь обрели давно потерянный средневековый покой. Умные путешественники надевали на колеса цепи и надеялись на снег или оттепель. Мудрые люди оставались дома.

На шестой день Дженни Саммерстон позвонила Эшу.

— Чарльз? Это Дженни Саммерстон.

Эш попытался оживиться, услышав ее голос, хотя в последнее время чувствовал он себя ужасно. Было только девять, но жена уже легла — в такую паршивую ночь все равно нечем заняться. К тому же у нее работал телевизор. Хотя какой от нее толк? Она никогда не помогала ему, когда он болел.

— Ты, Дженни? Рад тебя слышать. — Голос его привычно переключился на участливый тон, хотя в конце прошлой недели он немного осип, наверное, из-за болезни. А может, какой-нибудь вирус подхватил. — После смерти Гордона у меня до сих пор не было возможности выразить тебе сочувствие...

Она прервала его довольно резко:

— Ничего страшного, Чарльз. Как ты?

— Нормально, — озадаченно произнес он.

— Точно? — Дженни немного помолчала и продолжила: — Тебя не тошнит, Чарльз? Аппетит не пропал? Зрение не падает?

Он почти видел, как она улыбается. Наверняка она позвонила не для того, чтобы справиться о его здоровье... Или нет?

— А после аукциона голос у тебя охрип, Чарльз.

Эш почувствовал, что кровь отлила у него от лица, сосуды напряглись, их стало покалывать.

— Как ты узнала, что я приболел? — От неожиданного спазма в кишечнике он согнулся пополам.

Воркующий голос продолжил:

— Устал за эти дни, Чарльз? Вялость охватывает?

— Какого черта, Дженни? — Пересохший язык его едва ворочался. — Как...

— Слушай внимательно, Чарльз. И лучше сядь, пока я буду говорить, раз уж ты так болен. То, что я скажу, может тебя сильно удивить. — Она никакие могла знать о его здоровье, потому что не видела его после аукциона. — За последние шесть дней, Чарльз, у тебя катастрофически упало зрение. Ты уже даже не можешь читать. У тебя гноятся веки и губы.

Так и было. Только вчера он ездил в клинику к Смитсону. Смитсон, лучший специалист по глазам в стране, взял у него несколько анализов, но явно остался в недоумении.

— Ты чувствуешь усталость, и тебе не хватает энергии чем-то заняться. — Дженни говорила так, будто читала с листа. — У тебя на лице язвы, Чарльз. Начался кашель. Могу поспорить, что твоя жена не раз говорила, как ты побледнел. Скоро тебя будет тошнить после каждого приема пищи.

Эш, напряженно размышляя, молчал.

— Я надеюсь, ты серьезно к этому относишься, Чарльз, потому что это действительно важно. Клетки твоей крови начали разрушаться, твой пульс будет постепенно ослабевать...

Его затрясло. Рука задрожала. Он отдернул от уха трубку, чтобы не слышать отрывистый профессиональный голос женщины. Дважды он подносил к губам носовой платок, чувствуя позывы к рвоте. Эта сука как-то добралась до него.

— Откуда ты знаешь? Что ты со мной сделала? — Он знал, что она все еще была на линии, слушала и ждала.

— Небольшое вводное пояснение, Чарльз, — строгим тоном произнесла Дженни. — Тебе нужно знать, что существует примерно шестнадцать тысяч эффективных и доступных ядов...

— Ядов? — И он понял. — В позолоте...

В трубке снова раздался скрипучий отстраненный голос:

— Пожалуйста, не перебивай. Я собиралась сказать, что, если ты обратишься в полицию, я буду отрицать любые твои голословные обвинения. Врачи тебе не помогут. Я позаботилась о том, чтобы выбрать комбинацию ядов, которая дает очень сложную симптоматику, о чем тебе уже известно. — Значит, она знала и то, что он побывал в клинике. — К

тому времени, когда найдут противоядие, будет уже безнадежно поздно.

— Дженни, — судорожно произнес Эш. — Я Богом клянусь, что не имею отношения к аварии Гордона. Прошу тебя. Ко мне пришел инспектор и передал, что ты говорила...

— Чарльз, не трать время, у тебя его не так много, — проворковала Дженни. — Разве ты не понял? Ты начал умирать.

Она сошла с ума. Другого объяснения быть не могло.

— Дженни, я отдам тебе все. Клянусь! Если это вопрос денег...

— Назвать противоядие? — Смех Дженни больно ударил в его барабанные перепонки. — Оно у меня, здесь. Я жду.

— Ждешь?

— Не будь таким подозрительным, Чарльз. Я знаю, из-за чего ты захотел избавиться от Гордона. Дело было во мне, не так ли, дорогой?

В ней? Все тело Эша покрылось потом. Он вытер влажную ладонь о бедро. Конечно, она нравилась ему, и нравилась давно, но чтобы убить ради нее?! Однако он решил соглашаться со всем, что скажет эта сумасшедшая сука. Нужно только получить противоядие, а там он помчится к доктору Бакстер, и она спасет его...

— Ты угадала, — осторожно произнес он.

— А теперь я хочу проверить тебя, Чарльз.

Эш заколебался.

— Что я должен сделать? — произнес он более спокойным голосом. Умолять он не привык, но торговаться умел. Главное — заполучить противоядие.

— Чарльз, приезжай ко мне. Немедленно.

— В такой туман? По заледеневшей дороге? — Она не ответила. Сука, знала, что у него нет выбора. — Я приеду, Дженни. Я вызову такси.

— Нет. Ты приедешь один, Чарльз.

Это было невозможно.

— Но мои глаза. Я же ничего не вижу. Да еще в такую погоду...

— Хорошо, — сладким голосом произнесла она. — Тогда давай подождем денька два-три.

— Нет! Нет! Я... я приеду, — он кашлянул, прочищая горло, — дорогая.

Щелчок. Гудок. Эш положил трубку. Он все еще дрожал, но понимал, что выход есть. Вот сволочь! Значит, она специально подмешала яд в золотую краску, которой покрыла «Короля Оффу», зная, что он не удержится и станет ее разглядывать. Есть такие яды, которые воздействуют на человека даже в мизерном количестве. Неудивительно, что окулист

растерялся. Нужно ехать. Быстро. И скоро все снова будет хорошо. Она все-таки почувствовала искру между ними. Он встал и пошел за ключами, от машины и пальто, почти улыбаясь, хотя чувствовал себя отвратительно. Значит, старый убийственный шарм Эша все еще работает. Женщины, они как рассерженный мужчина — любят пустить пыль в глаза. Но если она зашла так далеко, чтобы отомстить ему, возможно, следует быть с ней поосторожнее. Он будет осторожен, но тверд. Все это обычная сексуальная игра, а он в них проигрыша не знал.

Машина завелась сразу. Прекрасный, мягкий ход. На дороге он выехал на черепашьей скорости, так и не услышав, что его звала жена. Ледяной туман был повсюду. Он был до того густым, что свет фар пробивался сквозь него всего на несколько футов. Ему пришлось скрючиться над рулем и изо всех сил напрячь свои полуслепые глаза, чтобы хоть что-то разобрать на дороге. Этот чертов врач еще хотел его сразу в больницу положить, как будто человек с обязанностями советника может все вот так взять и бросить. Эш вдруг вспомнил про свои глазные капли, но после того, что сказала Дженни, стало понятно, что от них все равно пользы не будет. Он решил без всяких капель всматриваться в туман своими изъязвленными, налитыми кровью глазами. Нужно добыть противоядие.

К счастью, на дороге было мало машин, и не очень быстро, но ему все же удавалось продвигаться вперед. Но у поворота на Дрэгонсуэлл он полз уже на восьми милях в час с открытыми боковыми окнами, чтобы видеть размытый край дороги. Самая большая язва на верхних веках начала кровоточить от холода. Каждые несколько ярдов он останавливался и неумело вытирал с лица кровь и гной. Он извел три носовых платка. Два раза он останавливался и крепко сжимал веки, надеясь, что после этого зрение хоть немного улучшится. Но оно только ухудшалось. Его ежеминутно охватывали приступы гнева, заглушавшие даже страх, и тогда он громко стонал. Как только он получит противоядие, уж он позаботится о том, чтобы она сполна расплатилась за то, что заставила его так бояться. Она будет страдать не меньше, чем он! Сначала подыграть ей, а потом дать волю рукам. Некоторые женщины другого не понимают. Если она так его хочет, почему не снять трубку и не позвонить ему, когда Гордона нет дома? Ничего, эта садистка получит не только секс. Это он обещает...

Он осторожно подъехал к горбатуому мосту. В голове у него промелькнула мысль, что все это было ловушкой, хитростью, чтобы заманить его сюда в такую ужасную погоду. Но если это так, ничего у нее не выйдет. Он ехал настолько медленно, что не заскользил бы, даже спускаясь со склона, а тем более — на относительно ровной дороге. Цепи с

колес он планировал снимать только в апреле. И все же он почувствовал облегчение, когда, спускаясь с моста, увидел, что фары наконец высветили часть дороги и несколько футов растущих по бокам деревьев. Следующее опасное место — конец этого прямого участка, там, где дорога резко сворачивает от парапета у излучины реки. Это будет опаснее, чем обычно, потому что чертовы дорожники сидели по домам из-за погоды. И парапета там не было — его снес Гордон. К счастью, Эш заметил четыре мигающих оранжевых огонька, указывающих поворот. По крайней мере, человек, отвечающий за безопасность дорог, не зря получал зарплату. Эш высунулся из машины и, немного увеличив скорость, направился к оранжевым огням.

На другой стороне реки Дженни наблюдала за приближающимися мутными огнями его машины. Ее силуэт мог сойти за пролом в парапете. Рядом с ней мигали четыре предупредительных огонька, слегка пощелкивая с каждой вспышкой. В таком расположении они даже довольно красиво смотрелись. Она с гордостью стояла между ними на противоположном берегу реки.

Эш спохватился только тогда, когда его машина наклонилась, немного качнулась и красиво соскользнула в реку, с громким треском ломая лед. Инерция движения отнесла машину довольно далеко от берега и пролома во льду. Его высунутую из окна голову дернуло вперед и ударило о край двери. Последнее, что он осознал, — это отвратительный, мерзкий процесс умирания. Дженни почти ничего не удалось рассмотреть. И, к сожалению, она не могла остаться, чтобы послушать бульканье и гул подо льдом на том месте, где на дне реки гасли фары. Ей еще предстояла работа. Из рюкзака она достала четыре покрывала и набросила на сигнальные огни. У них были тяжелые ножки, поэтому за раз она могла унести только два фонаря. А ей нужно было пройти вдоль реки до горбатого моста, а потом обратно по дороге, чтобы поставить фонари на место около пролома в парапете.

Через тридцать минут Дженни, несколько запыхавшись, сняла покрывало с последнего, четвертого фонаря, установленного у дороги на изначальное место, чтобы предупредить водителей о дыре в парапете. «Как и положено», — довольно подумала она. Конечно, было бы намного проще перенести их по льду через реку, но рисковать она не хотела.

С патологоанатомом инспектор Янг знаком не был, но видел его несколько раз на суде. Хендерсон был одним из тех тощих, скрипучих очкариков, которые даже в юности кажутся стариками. Его невозмутимый вид и дерганые движения производили впечатление и внушали доверие. Лишь раз инспектор видел его взволнованным, и это с ним случилось из-за

какой-то мелкой опечатки, которую никто другой и не заметил бы. Пытаясь не смотреть на заспиртованные образцы на низкой полке за спиной патологоанатома, инспектор сел на указанный доктором Хендерсоном стул.

— Эш, надо полагать? — Гнусавый голос полностью соответствовал его невзрачной комплекции.

Янг кивнул.

— Мы подозреваем преступление.

— Вы меня удивляете. — Хендерсон листал принесенные документы. — Обычные для ДТП травмы. Смерть вызвали множественные повреждения. Если бы он даже выжил после такого, то, наверное, утонул бы. Шок, холод, сотрясение мозга и потеря ориентации под водой — у него не было шансов. Перелом шеи только немного ускорил его смерть.

— Я осматривал тело, — сказал инспектор. — Что это у него вокруг глаз?

— Странное изъязвление. Он недавно обращался в офтальмологическую клинику. Врач не смог поставить точный диагноз. Обширное изъязвление, возможно, из-за химического или токсического воздействия. И его зрение...

— Он плохо видел?

— Да. Офтальмолог выявил множественные рубцы на сетчатке, атрофию...

— Он бы скоро ослеп. — Это был вопрос, но прозвучал он как утверждение.

— Да. Доктор Смитсон это предположил.

— Из-за чего?

Хендерсон пару секунд решал, стоит ли распространяться о подобных вещах, а потом сказал:

— Я разговаривал со Смитсоном после вскрытия, и он тоже такого никогда не видел. Вернее, видел лишь однажды. И это были ожоги от излучения каких-то опасных источников. Военные дела.

Инспектор задумался. Свинцовые контейнеры используются при транспортировке радиоактивных веществ. Он вспомнил тяжелую свинцовую коробку с темными стеклами, возможно, темными потому, что стекло тоже содержало свинец.

К горлу его подступил комок, как он решил, от страха. Он, как и другие, наклонился к коробке, чтобы получше рассмотреть «Короля Оффу». Может быть, излучение и на него попало?

— Что с вами, инспектор? — спросил патологоанатом.

— Доктор, — медленно заговорил он, — допустим, я захочу выставить

на обозрение какой-нибудь покрытый радиоактивным веществом предмет, скажем, монету, но так, чтобы не пострадали люди. Как мне это сделать?

— Ну, это зависит от ситуации. Можно положить этот предмет в свинцовый ящик со свинцовым стеклом, — сказал Хендерсон. — И предупредить людей, чтобы не подходили близко. Тут работает физический закон обратных квадратов. — Он побарабанил пальцами по записям. — Конечно, для таких повреждений глаз должен находиться очень близко к источнику.

— Какое количество радиоактивного вещества может привести к такому повреждению? Его можно было нанести на, скажем, пенни?

— Легко.

Инспектор Янг вздохнул.

— А вы бы могли обследовать дом на радиацию?

Хендерсон слегка улыбнулся.

— Это тоже предположение, инспектор?

Человек из Управления уголовных расследований взвесил мрачную шутку и сказал:

— Нет. Это не предположение.

— А в чем, собственно, дело? Или я не имею права спрашивать?

Инспектор не сразу ответил. Дженни Саммерстон могла быть знакома с кем-нибудь из людей доктора Хендерсона, может быть, по каким-нибудь курсам или по колледжу. Шансы невелики, но рисковать не стоило.

— Так, хочу для себя проверить, — наконец сказал он. — Ничего серьезного.

— Перестраховываетесь?

Они договорились, что доктор Хендерсон, не поднимая шума, проверит машину погибшего. В его доме будут взяты образцы из водосточных труб. Предметы из кабинета Эша и земля в его саду будут обследованы на предмет содержания радиоактивных изотопов, и заключение будет послано напрямую инспектору Янгу.

— Об этом не должен узнать никто, — сказал он.

— Как скажете, — обронил доктор, с недоумением глядя на него.

— А эти тесты на радиацию, они действительно... могут дать результаты?

Доктор Хендерсон слегка улыбнулся.

— Если следы радиации там есть, мы найдем их.

Выходя из здания, Янг остановился у регистратуры спросить, не работает ли здесь лаборантка по имени Дженни Саммерстон.

— Нет, у нас такой нет, — ответил седовласый регистратор. — Может

быть, в поликлинике. Их там сотни. Ничего не делают, а зарплату получают.

Инспектор ушел, удостоверившись, что Дженни не сможет узнать о предстоящей проверке на радиоактивность дома Эша. В первый раз он почувствовал, что оказался на шаг впереди Дженни.

В субботу миссис Асперн встретила его в клубном ресторане осуждающим взглядом. Ни Клэр, ни Джордж не пытались делать вид, что пришли сюда, чтобы поболтать о погоде.

— Я сопоставила факты, Джордж, — объявила Клэр, как только они сделали заказ. — Это было просто, как дважды два.

— И что ты получила? Пять?

— Прекрати. — С первого же произнесенного им звука она поняла, что он был очень не в духе. Глядя, как он наливает в стаканы вино, она сказала: — Мы хоть и маленькая сельская практика, но газеты читаем. Слухи уже поползли.

— Мне начать?

— Нет, давай я начну, — без колебаний ответила Клэр. — Проверим, насколько близка я к истине. — Она отпила вина и рассеянно махнула рукой друзьям, которые пытались переманить ее к себе. — Миссис Саммерстон в тот вечер каким-то образом заставила Эша поехать в Дрэгонсуэлл. Возможно, позвонила ему. Несмотря на очень сильно ухудшившееся зрение, он все же выехал из дома и повторил судьбу Гордона Саммерстона. Все правильно?

— Более-менее.

Она посмотрела на него.

— Так что ты скажешь?

— Пока все нормально, продолжай.

— Это пока все, — удовлетворенно сказала она.

Джордж рассказал ей о «Короле Оффе» и об аукционе.

— Я слишком поздно догадался, — признался он. — Я думаю, Дженни нанесла на монету какое-то химическое вещество, едкий состав золотого цвета, от которого человек слепнет, если подходит к нему слишком близко. Монета была в свинцовой коробке.

— Которую никто не имел права открывать, кроме покупателя?

— Да.

— Это можно проверить, Джордж, — заметила Клэр. — Тебе нужно отправить ваших экспертов обследовать коробку и дом Дженни. Если они обнаружат... — Она замолчала, увидев, как Джордж покачал головой.

— Чем тебе не нравится такая идея?

— Это ничего не даст, Клэр. Вернее, не дало.

— Обратись к Хендерсону, патологоанатому. Он хороший человек.

— Уже обращался. Следов не осталось. Дженни знала, что Эш купит «Короля Оффу». Ни в доме Эша, ни в его машине, ни в домашнем кабинете, ни в рабочем ничего не обнаружено. Результат везде негативный, все чисто. На самой монете тоже никаких следов. Все, что можно было проверить, мы проверили.

Клэр заинтересовалась.

— Если ты уверен, что все так было, ты должен найти хоть какие-то доказательства, чтобы взять ее.

— Патологоанатом очень помог, — угрюмо продолжил Джордж. — Мы все с ним обговорили. Он нашел лучшего технолога.

— И даже он не нашел вообще никаких...

— Она не нашла, — не сдержавшись, громко воскликнул Джордж.

— Радиация! — осенило Клэр, и она схватила Джорджа за руку. — Это же радиация, Джордж! Конечно! Она...

— Тс! Говори тише.

Клэр продолжила взволнованным шепотом:

— Дженни добавила какой-то радиоактивный изотоп, может, кобальт в золотую, краску, потом надежно закрыла монету так, чтобы только Эш мог получить дозу, когда откроет коробку. — Она содрогнулась. — Это чудовищно. Какое-то змеиное коварство... Если мы не ошибаемся.

— Мы не ошибаемся. Она достаточно хорошо разбиралась в коллекционировании монет, чтобы знать, что из-за позолоты цена на «Оффу» упадет настолько, что Эш сможет ее купить. После аукциона монету мог взять в руки только ее новый владелец.

«Взять в руки и пристально всмотреться, — подумал он, чувствуя пробежавший по спине холодок, — в злое крошечные глаза короля Оффы, глаза, которые будут источать невидимое, но смертельное излучение прямо на сетчатку нумизмата так же неотвратимо, как день сменяет ночь». Он вздрогнул от неприятной аналогии.

— Я не понимаю, Джордж. Ведь радиацию легко можно обнаружить, — взволнованно сказала Клэр. — У нас в больнице замечательная радиолоборатория, лучшая в восточных графствах. Почему бы в нее не обратиться?

— Я знаю, — сказал Джордж, внимательно глядя на нее. — Хендерсон туда и обращался. У него нет собственной радиолоборатории. Это единственное место, которое я не проверил.

— Давай прямо сейчас туда позвоним, — предложила Клэр все так же взволнованно.

— Нет, мы не будем туда звонить, потому что трубку возьмет Дженни Саммерстон. — Джордж произнес это, опустив глаза. — Вот так, дорогая моя. — Какое-то мгновение он прислушивался к ее ошеломленному молчанию. — Она главный техник радиоизотопного отделения больницы. Естественно, Хендерсон им поручил проверку... Без огласки, разумеется. Я был так осторожен, что даже не рассказал Хендерсону о всех своих подозрениях на тот случай, если бы Дженни что-то узнала.

— Так что, она и есть тот техник, которого послали проверять...

— Я думал, что все предусмотрел...

— И она получила возможность уничтожить все следы радиации, — упавшим голосом продолжила Клэр.

— Черт возьми, гениально, да? — с горечью в голосе произнес Джордж. — Как я мог? Это все равно что позволить преступнику делать с уликами все, что он захочет.

— Преступнику? — усомнилась Клэр. — Мы уверены, что это было преступление?

— А разве нет? — насторожился Джордж.

— Может, и нет, — сказала Клэр. — В конце концов, это ведь только предположения.

Джордж понимал, что это говорит в ней доброта, и все же уточнил:

— Но ты все-таки признаешь, что это могло быть убийство?

Клэр заколебалась.

— Не знаю. Но точно установить это уже невозможно, ведь так?

Джордж сдержал раздражение. Иногда Клэр его просто бесила. У нее, похоже, был врожденный талант уходить от прямого ответа.

— Преступление — это преступление, Клэр. Эш мог подсознательно догадываться, как Дженни ослепила его. И он не собирался смиренно принять наказание. Мужчины так не поступают. Он поехал к ней, чтобы просить исправить то, что она с ним сделала. Может, думал посулить ей денег или даже сознаться.

— Вы Дженни Саммерстон допрашивали? — поинтересовалась Клэр.

— Конечно, допрашивали. Она говорит, что знать ничего не знает.

Минуту они сидели молча.

— Скажи, Клэр, она помогла бы ему? — наконец спросил Джордж.

Клэр пожала плечами:

— Кто знает? Когда женщина видит, к чему привело ее зло, у нее может проснуться жалость.

— Или она полезет в драку, — возразил Джордж. — Хуже любого мужчины.

— Женщины такого не делают, — немного обиделась Клэр. — Да и вообще, Джордж, — прибавила она, — он мог просто сбиться с пути в тумане.

— Мог, — согласился Джордж.

— Как и Саммерстон, — едва слышно заметила она.

Когда принесли суп, Джордж осторожно посмотрел на ее лицо, думая о том, действительно ли женщины могут быть такими мстительными, как Дженни Саммерстон. Клэр едва заметно улыбнулась, как она улыбалась, когда шутила, но в приглушенном свете ресторана он так и не смог понять, показалось ему это или нет.

МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ

Однажды утром его повесят

Марджери Аллингем родилась в 1904 году в Лондоне. Она была старшим ребенком писателя Герберта Джона Аллингема, чьи рассказы печатались в популярных еженедельных журналах. В 1927 она вышла замуж за художника Филипа Янгмера Картера и в следующем году написала «Преступление в Блэк Дадли», первый роман, в котором появился скромный безобидный очкарик — частный детектив Альберт Кэмпиион. Почти все ее романы, вышедшие до 1934 года, можно назвать легкой, развлекательной литературой. Книги, написанные позже, ставят ее в первые ряды поколения писателей детективов, которые пытались привнести в полицейский роман черты таких жанров, как «роман характеров» и психологический роман.

~ ~ ~

Детектив-инспектор Кенни, в то время дивизионный детектив-инспектор Дивизиона L, если решался просить кого-то об одолжении, тут же начинал себя вести развязно и даже бесцеремонно. Вот и на этот раз, подняв со стоящей у камина кушетки свои двести фунтов, он грохнул пустым стаканом об стол.

— Не знаю, нужно ли мне это в три часа дня, — без тени благодарности в голосе сказал он, зло сверкнув маленькими глазками, — но сегодня меня с двух часов ночи преследуют рыдающие дамочки, чудеса всякие и этот проклятый дождь. — Он потер широкое красное лицо и посмотрел в спину мистеру Кэмпииону. — Единственная вещь, которая меня бесит, — это напрасные траты! — добавил он.

Мистер Альберт Кэмпиион, рассеянно смотревший в окно на поливаемые дождем крыши, не обернулся. Этот сухощавый мужчина с безвольным лицом за те двадцать лет, когда к нему так часто обращались британские спецслужбы, почти не изменился. Очень светлые волосы его совсем побелели, несколько морщин появилось вокруг бледных глаз, как всегда, защищенных большими роговыми очками, но в остальном он был

точно таким, каким Кенни запомнил его после первой встречи. «Дружелюбный и немного простоватый... старый змей!»

— Так на Барраклоу-роуд энергия тоже была потрачена впустую? — В тихом голосе Кэмпиона было больше вежливости, чем интереса.

Кенни раздраженно засопел.

— Вам комиссар позвонил? Это он предложил мне к вам сходить. Там ничего серьезного... Обычная заминка. Как только я с ней разберусь, дело можно будет закрывать. Да и не можем мы, между прочим, держать человека в участке до скончания века.

Мистер Кэмпион взял со стола вечернюю газету.

— Вот все, что мне известно, — сказал он и протянул газету Кенни. — Мистер Оутс мне не звонил. Взгляните в раздел экстренных сообщений. «Богатая вдова застрелена на Барраклоу-роуд. Племянник погибшей в полицейском участке помогает следствию». В чем сложность? Его помощь оказалась не такой уж искренней?

К его удивлению, на лице Кенни промелькнуло выражение, удивительно напоминающее огорчение.

— Молодой дурак, — сказал он и резко сел. — Говорю вам, мистер Кэмпион, это самый заурядный случай. Обычная, довольно неприятная история, как и большинство убийств. Тут и тайны никакой нет, все ясно, как божий день. Просто маленькая трагедия. Как только вы увидите то, что я пропустил, я предъявлю этому типу обвинение и он отправится в суд. Адвокат попросит суд признать его невменяемым, их светлости просьбу отклонят. Министр иностранных дел подпишет приговор, и однажды утром его выведут из камеры и повесят. — Он вздохнул. — И главное, ни за что. Совершенно ни за что. И тогда, наверное, как и сегодня, будет идти дождь, — невпопад прибавил он.

Брови мистера Кэмпиона удивленно поднялись. Он знал Кенни как добросовестного офицера и, как кое-кто считал, довольно жесткого человека. Такая сентиментальность была для него нехарактерна.

— Очевидно, он вам понравился? — поинтересовался мистер Кэмпион.

— Кому? Мне? Ну уж нет. — Инспектор грозно сдвинул брови. — Я совершенно не расположен к молодчикам, которые расстреливают своих родственников, пусть даже старых зануд. Нет, он убил ее и должен ответить по закону, только для некоторых людей это не так-то просто... Например, для меня. — Он вытащил большой старый блокнот, аккуратно сложил его вдвое. — Мой любимый, — сообщил он. — Очень удобная штука. У меня тут все по полочкам разложено. Я сюда записываю все с того дня, когда

впервые вышел на дежурство. И на суде можно предъявить, если какой-нибудь адвокат захочет в него заглянуть. — Он помолчал. — Звучит как реклама, верно? Ну да ладно. Мистер Кэмптон, раз уж я здесь, не могли бы вы взглянуть на это и высказать свое мнение? Я думаю, для вас это пара пустяков.

— Кто знает, — безучастно пробормотал мистер Кэмптон. — Начните с жертвы.

Кенни заглянул в блокнот.

— Миссис Мэри Элис Киббер. Возраст — лет семьдесят. Возможно, немного меньше. У нее было больное сердце, отчего она выглядела очень слабой и нездоровой, но до смерти я ее, разумеется, не видел. На Барраклоу-роуд у нее был дом. Хороший дом, хотя слишком большой для нее. Он достался ей от мужа, который умер десять лет назад. С тех пор она жила одна, если не считать горничной, которая во время войны сбежала, и еще одной старухи, которая живет с ней в последнее время и называет себя компаньонкой. Эта несчастная, похоже, еще старше, но видно, что миссис Киббер держала ее... — Он выразительно сжал кулак. — Та вообще была чуть ли не мелким домашним тираном. Но в жизни ее интересовали только стулья да салатницы.

— Что, простите?

— Антиквариат, — с некоторым пренебрежением произнес он. — Дом напичкан всяким старьем — все три этажа и чердак. Все хранится так, будто только что из магазина. Старая компаньонка говорит, что она любила эти вещи больше всего на свете. Да ей и особо нечего было и любить-то, кроме них. Из родственников у нее есть только племянник...

— Тот, чье будущее вы так живо представляете?

— Тот, кто в нее выстрелил, — согласился инспектор. — Это здоровый наглый парень, зовут Вудраф, он сын брата убитой. Его мать, отец и две младших сестры погибли в Портсмуте во время бомбежки. Всю семью одним махом.

— Ясно. — Кэмптон начал понимать причину уныния Кенни. — Где был он, когда это случилось?

— В Ливийской пустыне... — Выпуклые глаза дивизионного детектива-инспектора потемнели от сдерживаемого раздражения. — Я говорил вам, эта история — правда жизни, печальная, но таких случаев пруд пруди. И это дело не отличается от остальных. Ричард Вудраф — ему всего-то двадцать восемь — на войне был героем. Он участвовал в Сицилийской операции и прошел всю Итальянскую кампанию, был награжден Военным крестом и произведен в майоры. Потом участвовал во

французском прорыве и в самом конце был ранен. То ли взорвался мост, на котором он находился, то ли что-то еще — мой информатор не знает точно, — но после этого он стал, как сейчас дети говорят, шизиком. В мое время говорили просто «контуженый». Насколько я понимаю, он и раньше был вспыльчивым, а после этого вообще перестал сдерживаться. Мне показалось, что у него с головой не в порядке. Конечно, на суде это может помочь его защите.

— Да, — печально согласился Кэмпион. — И где он находился с тех пор?

— Почти все время на ферме. До войны он учился на архитектора, но в армии лучше знали, чем ему нужно заниматься, поэтому, когда он выписался из госпиталя, его отправили в Дорсет. Он только недавно оттуда вернулся. Какой-то армейский приятель по дружбе устроил его в архитектурную компанию, и он собирался приступать к работе. — Он замолчал, и его тонкие, не лишённые чувственности губы горько искривились. — Начинать должен был в понедельник, — прибавил он.

— О боже, — вдруг с неожиданным волнением произнес мистер Кэмпион. — Но за что он застрелил тетю? Неужели просто из-за того, что у него такой плохой характер?

Кенни покачал головой.

— Причина была. Вернее, можно понять, что его разозлило. Понимаете, ему негде было жить. Вы же знаете, Лондон переполнен, и цены на жильё просто запредельные. Они с женой платили бешеные деньги за комнатенку на Эджвер-роуд.

— С женой? — За роговыми очками загорелись огоньки интереса. — Откуда она взялась? Вы что, ее скрываете?

К удивлению Кэмпиона, инспектор ответил не сразу. Он издал похожий на ворчание звук, в котором можно было различить жалость, и невесело улыбнулся.

— Если б было можно, я бы так и сделал, — сказал он. — Он нашел ее на ферме. Они поженились шесть недель назад. Вы когда-нибудь видели по-настоящему влюбленного человека, мистер Кэмпион? Настоящая любовь — такая редкость. — Он осуждающе поднял руку. — И сваливается она на самых неожиданных людей, но когда такое видишь, это берет за душу. — Он опустил руку, как будто устыдился собственной чувствительности. — Я вообще-то человек не сентиментальный, — сказал он.

— Да, — согласился Кэмпион. — Про его военную жизнь вы, надо полагать, узнали от нее.

— Больше было не от кого, но мы сейчас проверяем. Сам он молчит. «Да», «нет» и «я не стрелял в нее» — вот все, что мы от него услышали, хотя его допрашивали несколько часов. Девушка совсем не такая. Она тоже в участке сидит. Отказывается уходить. Мы ее в конце концов в приемной устроили. Она никому не мешает... Просто сидит там.

— Она что-нибудь знает об убийстве?

— Нет, — без тени сомнения ответил Кенни. — Она тут ни при чем, — добавил он, как будто подумал, что необходимо это добавить. — Она обычная деревенская девушка, худенькая и рыжая, у нее простая прическа и неумелый макияж, но при этом такая громадная сила воли, что... — Он спохватился и замолчал. Потом поправил себя: — Я хочу сказать, она любит его.

— Считает его богом, — предположил Кэмпион.

Кенни покачал головой.

— Ей не важно, бог он или нет, — грустным голосом произнес он. — Как бы то ни было, мистер Кэмпион, несколько недель назад они обратились к миссис Киббер с просьбой разрешить им занимать пару комнат на верхнем этаже. Наверное, это была идея девушки. Такие, как она, до сих пор верят, что свой своему поневоле друг. Она заставила парня написать ей. Старуха ответа не дала, но пригласила их обоих на ужин вчера вечером. Приглашение было послано две недели назад, так что, как видите, с распростертыми объятиями она их не ждала. Ее компаньонка рассказала, что она собиралась устраивать вечеринку. Нужно было достать и почистить серебро, перемыть лучший фарфор и так далее. В этом доме все было не просто и не по-домашнему! — воскликнул он с таким видом, будто это его оскорбило. — Когда они приехали, естественно, произошла громкая ссора.

— На словах или со швырянием посуды?

Кенни на миг задумался.

— Можно сказать, и так, и так, — медленно произнес он. — Вообще это была довольно странная перебранка. Я слышал ее описание из двух источников: от девушки и от компаньонки. Мне кажется, что они обе хотят говорить правду, но все это их слишком потрясло. Они обе сходятся на том, что все начала миссис Киббер. Она дождалась, пока на столе остались три апельсина и здоровенный вустерский десертный сервиз, после чего ее словно прорвало. Основными темами ее монолога были бесстыдство молодежи, которая готова стариков в могилу согнать, лишь бы поскорее наследство присвоить, ну и прочее в том же духе. Потом она однозначно дала понять, что у них нет ни единой надежды получить то, что они хотели, и заявила, что ей все равно, где они будут спать, хоть на улице, но на свою

драгоценную мебель она их не положит. Нет никакого сомнения, что она была очень раздражена и несправедлива.

— Несправедлива?

— Можно сказать, вспыльчива. В конце концов, она ведь хорошо знала племянника. В детстве он не раз приезжал и жил у нее. — Кенни заглянул в блокнот. — Потом Вудраф тоже потерял терпение. Если верить его показаниям, которые он дал сегодня с самого начала, рано утром, то он побледнел, ничего не сказал и почувствовал себя так, будто «накалился добела»... Если я понятно выражаюсь.

— Полностью понятно. — Мистер Кэмпион с интересом смотрел на инспектора. Для него стало открытием, что Кенни был способен на человеческие чувства. — Потом он, очевидно, выхватил пистолет и застрелил ее?

— Господи, нет! Если бы он это сделал, он бы сейчас уже в Бродмуре^[53] показания давал. Он просто встал и спросил ее, не осталось ли у нее чего-то из его вещей, и если остались, то он их заберет, чтобы больше не доставлять ей неудобств. Похоже, что, пока он лежал в госпитале, какие-то его вещи послали ей как ближайшей родственнице. Она ответила, что у нее есть кое-что, лежит в тумбочке для обуви. Мисс Смит, компаньонку, послали принести, и она вернулась со старой офицерской сумкой, обожженной с боков и грязной. Миссис Киббер предложила ему заглянуть в сумку и проверить, не обокрала ли она его, что он и сделал. Конечно, среди рваных военных рубашек и старых фотографий он первым делом заметил пистолет и патроны к нему. — Инспектор замолчал и покачал головой. — Не спрашивайте, как он туда попал, вы же знаете, что во время войны в госпиталях творилось. Миссис Киббер продолжала над ним насмехаться, а он в это время стоял и рассматривал пистолет, а потом и стал заряжать, почти не слушая ее. Можете себе эту сцену вообразить?

Кэмпион мог. Ему живо представилась красивая и, возможно, немного тесная комната, он увидел нежный блеск фарфора и гордое, насмешливое лицо женщины.

— После этого становится еще интереснее, — сказал Кенни. — Тут обе версии тоже сходятся. Миссис Киббер рассмеялась и сказала: «Что, застрелить меня хочешь?» Вудраф на это ничего не ответил, только положил пистолет в карман, потом закрыл сумку и сказал «до свидания». — Тут он на секунду задумался. — Обе свидетельницы говорят: после этого он сказал что-то насчет того, что «солнце уже зашло». Не знаю, что это значит. Может быть, обе женщины просто не расслышали. Сам он

ничего не объясняет, говорит, не помнит, чтобы такое произносил. Но потом он вдруг взял со стола одну из любимых тетиных фарфоровых ваз и просто уронил ее на пол. Она упала на ковер и не разбилась, но старую миссис Киббер чуть удар не хватил. После этого жена увела его домой.

— С пистолетом?

— С пистолетом. — Кенни пожал тяжелыми плечами. — Как только девушке сказали, что миссис Киббер застрелили, она сразу заявила, что он ушел без оружия, что она якобы тайком вытащила пистолет у него из кармана и положила на подоконник. Представляете? Смех, да и только. Она смела и готова говорить что угодно, чтобы выгородить его, только эта бедная девочка не спасет его. В полночь его видели около дома.

Мистер Кэмптон провел рукой по гладким волосам.

— Ах, это, конечно же, весомый аргумент.

— Да. Нет сомнений, что это его рук дело. Произошло это, очевидно, так. Молодые люди вернулись в свою комнатушку примерно без десяти девять. Они в этом не признаются, но очевидно, что у Вудрафа случился один из тех приступов бешенства, которые делают его опасным для общества. Девушка оставила его (а я должен сказать, что она обладает над ним какой-то феноменальной властью) и, по ее словам, пошла спать, а он остался писать какие-то письма. Потом, уже достаточно поздно, он не помнит (или не хочет вспомнить), в котором часу, он ушел на почту. Сам он это не подтверждает и не опровергает. Не знаю, сумеем ли мы что-нибудь из него выудить — он какой-то странный парень. Зато у нас есть свидетель, который видел его примерно в полночь на Барраклоу-роуд, в том конце улицы, который ближе к Килберну. Вудраф остановил его и спросил, уехал ли уже последний автобус в восточном направлении. Ни у одного из них часов не было, но свидетель готов подтвердить под присягой, что это было сразу после полуночи. И это важно, потому что выстрел был сделан без двух минут двенадцать. Это время мы знаем точно.

Мистер Кэмптон, который делал какие-то записи, посмотрел на инспектора с некоторым удивлением.

— Быстро же вы свидетеля разыскали, — заметил он. — Он сам пришел к вам.

— Дело в том, что это был полицейский в штатском, — спокойно сказал Кенни. — Он живет в том районе и тогда возвращался со встречи одноклассников. Он шел домой пешком, потому что хотел проветриться перед тем, как его увидит жена. Не знаю, почему у него не оказалось часов. — Кенни нахмурился. — По крайней мере, если они и были, то не шли. Однако он хорошо рассмотрел Вудрафа. Вообще-то он парень

приметный. Очень высокий, смуглый, к тому же он явно нервничал и был возбужден. Видя это, полицейский решил на всякий случай заявить.

Короткая улыбка Кэмпiona на миг обнажила его зубы.

— Вернее, ему показалось, что этот человек выглядел так, будто только что совершил убийство?

— Нет. — Инспектор остался невозмутим. — Нет, он сказал, что этот человек выглядел так, будто только что сбросил гору с плеч и был очень доволен.

— Понятно. А выстрел был сделан без двух минут двенадцать.

— Это мы знаем наверняка. — Кенни просиял и заговорил деловитым тоном: — Один из соседей услышал выстрел и посмотрел на часы. У нас зафиксировано его заявление и показания старой компаньонки. Остальных жителей улицы тоже проверяют, но пока больше ничего не всплыло. Ночь была холодная и сырая, поэтому большинство людей спало с закрытыми окнами. К тому же в комнате, в которой произошло убийство, висели плотные гардины. Пока что это единственные два человека, которые хоть что-то слышали. Отзвука выстрела сосед пробудился и окликнул жену (она не проснулась), но потом, наверное, опять заснул, поскольку следующее, что он помнит, — это крики о помощи. К тому времени, когда он подошел к окну, компаньонка уже выбежала на улицу в пеньюаре и втиснулась между фонарным столбом и почтовым ящиком, визжа во всю глотку. Дождь лил потоком.

— Во сколько это было?

По словам компаньонки, почти сразу после выстрела. Она уже несколько часов спала в своей комнате на третьем этаже в глубине особняка. Миссис Киббер не поднялась с ней, но осталась сидеть в гостиной за письменным столом. Она часто задерживалась там вечерами. Миссис Киббер была все еще очень расстроена сценой в столовой и не хотела разговаривать. Мисс Смит говорит, что проснулась и услышала хлопок. Она подумала, что это хлопнула входная дверь. Значения этому она не придавала, потому что миссис Киббер часто выходила перед сном из дома, чтобы бросить письма в почтовый ящик. Сколько прошло времени с того момента, как она проснулась, до хлопка, она сказать точно не может, но этот звук заставил ее встать с постели. Минуту или две она искала тапочки и халат и после этого сразу пошла вниз. Она говорит, что увидела открытую входную дверь, через которую захлестывал дождь. Дверь в гостиную, которая находится рядом, тоже была широко открыта, в комнате горел свет. — Он опустил взгляд в блокнот и стал читать вслух: — «Я почувствовала гарь (это она так о запахе бездымного пороха) и заглянула в

комнату. Бедная миссис Киббер лежала на полу с ужасной дыркой во лбу. Я так испугалась, что не подошла к ней, а выбежала из дома с криками: „Убийство! Воры!“»

— Чудесно, как в старые добрые времена. Она увидела кого-нибудь?

— Говорит, что нет, и я ей верю. Она стояла под единственным фонарем на ближайšie пятьдесят ярдов, к тому же лило как из ведра.

Мистера Кэмпиона такой ответ как будто удовлетворил, но не обрадовал. Когда он заговорил, голос его звучал очень тихо:

— Если я правильно понимаю, вы предполагаете, что Вудраф вернулся, постучался в дверь, был впущен в дом тетей, и после какого-то разговора, который, наверное, проходил шепотом, раз компаньонка его не услышала, он свою тетю застрелил и убежал, оставив все двери открытыми?

— В основном да. Хотя он мог застрелить ее и без разговоров, как только увидел.

— В таком случае ее нашли бы на полу в прихожей.

Кенни прищурился.

— Да, надо полагать, это так. И все равно они не могли разговаривать долго.

— Почему?

Инспектор с отвращением махнул рукой.

— Вот это меня и раздражает больше всего, — сказал он. — Они не могли долго разговаривать, потому что она простила его. Она написала своему адвокату (законченное письмо лежало у нее на столе), что решила отдать весь верхний этаж своего дома племяннику, и спрашивала его, нет ли каких-то ограничений в ее договоре аренды, которые могли бы помешать ей это сделать. К тому же она написала, что хочет сделать это как можно быстрее, что ей понравилась жена племянника и она надеется, что вскоре у них появятся дети. Трогательно, да? Вот это я и называю вспыльчивостью. Она быстро простила его, понимаете? Она не была злой старой каргой, у нее просто был несдержанный характер. Говорю вам, здесь нет никакой загадки. Это всего лишь горькая правда жизни.

Мистер Кэмпион посмотрел в сторону.

— Да, — промолвил он, — это настоящая трагедия. Просто ужас. Чем я могу вам помочь?

Кенни вздохнул:

— Найти пистолет.

Худой человек присвистнул.

— Он вам действительно понадобится, если вы хотите доказать вину.

Как он пропал?

— Вудраф его где-то спрятал. И не на Барраклоу-роуд, потому что дома на той улице идут сплошняком и наши ребята там все обыскали. В конце улицы он сел на последний автобус. Вообще-то автобус должен отходить ровно в двенадцать, но я уверен, что той ночью он немного задержался. Водители автобусов потом нагоняют время на прямом участке вдоль парка, но за такое их могут уволить, поэтому никто из них в этом не признается. В автобусе пистолет он не оставил, и в доме, где он живет, оружие не нашли. В доме старухи (Барраклоу-роуд, 81) его тоже нет — я там лично все осмотрел. — Он с надеждой посмотрел на человека в роговых очках. — Где можно в этом городе ночью спрятать пистолет, если рядом нет реки? Это не так-то просто, не так ли? Если бы он избавился от оружия, как это обычно делают, оно бы к этому времени уже нашлось.

— Он мог отдать его кому-то.

— Чтобы потом бояться шантажа? — Кенни хохотнул. — Он не настолько глуп. Вам нужно с ним встретиться. Он вообще заявил, что никакого пистолета у него не было. Но это в его положении естественно. И все же, куда он мог его спрятать, мистер Кэмптон? Это всего лишь мелочь, но, как вы говорите, ответ найти нужно.

Кэмптон скривился.

— Да куда угодно, Кенни. Например, бросил в водосток...

— На Барраклоу-роуд узкие решетки.

— В какой-нибудь бункер с песком или в канистру с водой...

— В том районе ни того, ни другого нет.

— Он мог просто выбросить его на улице, а потом кто-нибудь его подобрал, подумав, что неплохо было бы иметь пистолет. В этом районе живут ведь не только законопослушные люди.

Кенни нахмурился.

— Такое, конечно, могло произойти, — мрачно согласился он. — Только мне он не кажется человеком, который просто так бросил бы оружие посреди улицы. Он слишком умен. Слишком осторожен. Знаете, как война научила некоторых людей быть осторожными, даже когда они теряют голову? Он один из таких. Он спрятал его. Где? Мистер Оутс сказал, что, если пистолет существует, вы его найдете.

Кэмптон не обратил внимания на эту грубую лесть. Он так долго рассеянно смотрел за окно, что у инспектора возникло желание окликнуть его. Когда он наконец заговорил, вопрос его не прозвучал многообещающе.

— Как часто он в детстве бывал у своей тети?

— Думаю, довольно часто. Но там нет никаких тайных мест, которые

он мог бы помнить с детства, если вы это имеете в виду. — В голосе Кенни звучало разочарование. — Это не такой дом. К тому же у него не было на это времени. Домой он вернулся в двадцать минут первого. Это подтверждает его соседка. Она встретила его на лестнице. И он был совершенно спокоен, когда в четверть пятого мы оказались там. Она оба спали, как младенцы, когда я их увидел. Она его своей худенькой ручкой за шею обнимала. Он, как только проснулся, сразу рассвирепел, но она, клянусь, больше удивилась, чем испугалась.

Мистер Кэмптон перестал слушать.

— Без пистолета единственная улика против него — слова полицейского в штатском, — сказал он. — И даже вы признаете, что этот доблестный страж порядка был в подпитии. Представьте, что из этого пункта раздует опытный адвокат защиты.

— Я уже представил, — сухо произнес инспектор. — Поэтому и пришел к вам. Найдите этот пистолет, сэр. Принести вам плащ? Или, — добавил он, чуть прищурившись, — вы просто сядете в кресло и решите эту задачу на месте?

К раздражению инспектора, его элегантный хозяин, кажется, всерьез воспринял это предложение.

— Нет, — поразмыслив, сказал он. — Пожалуй, я лучше пойду с вами. Сначала отправимся на Барраклоу-роуд, если вы не возражаете. И, если позволите, я бы предложил отправить Вудрафа и его жену домой... Под должным надзором, разумеется. Если этот молодой человек был готов что-либо рассказать, я думаю, он бы уже это сделал, и пистолет, где бы он ни был, вряд ли находится в полицейском участке.

Кенни задумался.

— Верно. Он может вывести нас на него, — согласился инспектор, хотя и без особого энтузиазма. — Я позвоню. А потом поедем, куда скажете. Впрочем, я сам проводил обыск в доме на Барраклоу-роуд, и, если мы там что-то найдем, значит, мне пора уже на пенсию.

Мистер Кэмптон промолчал, и, увидев его простодушное выражение лица, инспектор вздохнул и пошел звонить.

Вернулся он с кривой усмешкой.

— Готово, — сообщил он. — Этот молодой болван вел себя как хороший солдат на допросе у врага... В конце концов, мы ведь всего лишь пытаемся отправить его на виселицу! Девушка просила его покормить. Репортеры уже взяли в осаду участок, так что наши ребята будут только рады избавиться от них. За ними проследят. Мы их не упустим. А теперь, мистер Кэмптон, если вам так хочется побывать на месте преступления,

едем.

В такси ему пришла в голову одна идея.

— Я тут думал о той его фразе, которую он якобы произнес, — в некотором смущении проговорил он. — Вам не кажется, что он мог сказать: «Ваше солнце уже зашло»? В тех обстоятельствах это можно истолковать как угрозу.

Кэмпион посмотрел на него внимательно.

— Можно, но мы этого не сделаем. Похоже, именно эта часть все объясняет, вы не находите?

Если инспектор Кенни и был с этим согласен, он об этом не сказал, и до Барраклоу-роуд они доехали в молчании. Кэмпион попросил водителя остановиться у первого углового здания. Хозяева здания воспользовались близостью к торговому центру и превратили его в аптеку. Кэмпион пробыл внутри несколько минут, оставив Кенни в машине. Выйдя, он ничего не объяснил, только проронил, что они «мило пообщались». Продолжив путь в машине, он даже ни разу не посмотрел на трехэтажные оштукатуренные викторианские дома, которые стояли вдоль широкой дороги.

Дом № 81 по Барраклоу-роуд можно было узнать издали по стоявшему у входа констеблю и группе зевак, равнодушно посматривающих на зашторенные окна. Кенни позвонил, и через некоторое время дверь открыла взволнованного вида старушка с щеткой в руках.

— Ах, это вы, инспектор, — поспешно произнесла она. — Боюсь, вы меня застали не в самое подходящее время. Я как раз уборку затеяла. Ей бы очень не понравилось, что в доме неубрано после того, как тут столько людей побывало. Нет, я не хочу сказать, что вы были не очень аккуратны...

Она провела их в безукоризненно чистую столовую, сверкавшую полированным красным деревом и начищенным серебром, и в бледном послеполуденном свете они рассмотрели ее покрасневшие глаза и поношенное темно-синее домашнее платье. Эта кроткого вида женщина была совсем не так стара, как предположил Кенни. У нее были седые, аккуратно причесанные волосы и кожа, никогда не знавшая косметики. Держалась она замкнуто, но в то же время подобострастно. На спине у нее под платьем выступали острые лопатки, и ее руки все еще дрожали после ночных переживаний.

Кенни представил Кэмпиона.

— Мы ненадолго, мисс Смит, — жизнерадостным тоном произнес он. — Хотим еще разик тут осмотреться.

Кэмпион сочувственно улыбнулся.

— В наши дни трудно подыскать толкового помощника, — приятным

голосом произнес он.

— Ох, и не говорите, — согласилась она. — Но миссис Киббер никому не доверила бы свои сокровища. Они такие красивые. — Глаза ее наполнились слезами. — Она их так любила.

— Да, это заметно. Вот, к примеру, изумительная вещь. — Кэмпион с видом знатока посмотрел на длинный буфете резными ручками и туалетным отделением.

— Изумительная, — послушно повторила мисс Смит. — И кресла. Видите?

— Да. — Он посмотрел на несколько трафальгарских кресел с вишневыми кожаными сиденьями. — Здесь произошла ссора?

Она кивнула и содрогнулась.

— Никогда не забуду этого ужаса. Никогда!

— У миссис Киббер часто бывало плохое настроение?

Женщина заколебалась, ее тонкие губы беззвучно шевельнулись.

— Часто?

Она бросила на него быстрый и несчастный взгляд.

— Она была несдержанной, — пробормотала женщина. — Да, я думаю, что можно так сказать. А теперь, не хотите ли осмотреть остальную часть дома или...

Компаньонка посмотрела на свои часы, потом на деревянные часы «Томпион» на каминной полке.

— У нас как раз хватит времени, — сказала она. — Сначала наверх, инспектор.

Следующие тридцать пять минут привели Кенни в сильнейшее нервное возбуждение, что случалось с ним крайне редко. После того, как он первые пять минут, затаив дыхание, наблюдал за Кэмпионом, ему постепенно начало казаться, что эксперт, восхищаясь собранными здесь сокровищами, напроць забыл о преступлении. Даже мисс Смит, которая поначалу проявила нечто вроде гордости, как будто все это принадлежало ей, и то в скором времени спасовала перед настойчивым любопытством Кэмпиона. Пару раз она обмолвилась о том, что пора бы уже спускаться вниз, но он остался глух к ее намекам. Когда они наконец закончили осмотр третьего этажа и собрались подниматься на чердак, она преградила им дорогу со словами, что там нет ничего интересного, только детские игрушки времен короля Георга.

— О, я обязательно должен взглянуть на игрушки. Игрушки — это моя страсть! — пришел в восторг Кэмпион. — Я на минутку...

Требовательный стук в дверь остановил его, и мисс Смит, нервы

которой были на пределе, тихо вскрикнула.

— О боже! Кто-то пришел. Мне нужно спуститься.

— Нет-нет! — Обычно спокойный и уравновешенный Кэмптон был на себя не похож. — Я посмотрю! — воскликнул он. — Я быстро, туда и назад.

Он, как мальчишка, побежал с лестницы, но мисс Смит не отставала от него. Кенни, увидев наконец спасение, быстро последовал за ними.

В прихожую они вошли, когда Кэмптон уже закрывал дверь.

— Всего лишь почта, — сказал он и протянул картонную коробку. — Ваш заказ из библиотеки, мисс Смит.

— Ах да. — Она шагнула к нему, протягивая руку. — Я как раз ждала.

— Конечно, ждали, — негромко произнес он, и голос его вдруг зазвучал зловеще.

Одной рукой он поднял коробку над головой, а второй открыл клапан. Внутри что-то металлически блеснуло, и в следующую секунду на паркетный пол тяжело упал армейский пистолет.

На минуту в комнате повисла гробовая тишина.

Мисс Смит замерла с протянутой рукой, устремленной к коробке.

А потом она начала истошно кричать...

Чуть больше часа спустя Кенни опустился на трафальгарское кресло в комнате, стены которой словно все еще дрожали от страшных звуков. Он был бледен и выглядел смертельно уставшим. Рубашка его была разорвана, а по широкому лицу пролегли три алые царапины.

— Черт! — произнес он, тяжело дыша. — Нет, ну вы видели, а?

Мистер Кэмптон сидел на краешке бесценного стола и чесал ухо.

— Это несколько превзошло мои ожидания, — пробормотал он. — Я не мог предположить, что она начнет буйствовать. Боюсь, что вашим ребятам в машине несладко придется. Простите, я должен был подумать об этом.

Человек из Управления уголовных расследований пробурчал:

— Вы, похоже, много о чем думали. Для меня это вообще как гром среди ясного неба... Когда вы догадались? С самого начала?

— Что вы, нет! — извиняющимся тоном произнес Кэмптон. — Меня натолкнула на это фраза Вудрафа насчет солнца, о которой вы упоминали. Это стало отправной точкой. Скажите, Кенни, вас в детстве какая-нибудь тетушка, к примеру, не поучала библейской фразой: «Гневаясь, не согрешайте» и дальше: «Солнце да не зайдет во гневе вашем»?

— Я, конечно, слышал такое. Но к чему вы клоните? Для них это

означало что-то особенное?

— Об этом я и подумал. Когда он был ребенком, они друг друга очень хорошо знали. И они оба уже тогда были очень вспыльчивыми людьми. Я подумал, этими словами он напомнил ей, что солнце уже зашло, а потом показал, что мог, если бы захотел, разбить ее драгоценную вазу. Она, разумеется, разбилась бы, если бы он не постарался сделать так, чтобы этого не произошло. Затем я подумал, что они, как большинство вспыльчивых людей, остывают также быстро, как вспыхивают, и потом жалеют о своих поступках или словах. Вас не удивило, Кенни, что сразу после ссоры они оба сели писать письма?

Детектив-инспектор недоуменно воззрился на него.

— Она написала своему адвокату, — медленно проговорил он. — А он... Боже правый! Неужели вы думаете, что он написал ей письмо с извинениями?

— Я в этом почти уверен, но мы никогда не найдем это письмо, ибо оно давно уже сгорело в кухонной печи. Он вернулся сюда с письмом, протолкнул его через дверную щель и поспешил обратно с таким видом, как говорит ваш полицейский в штатском, «будто сбросил гору с плеч». А после этого он со спокойной душой лег спать. Для него солнце не зашло. — Он соскользнул со стола. — Но самое главное, *миссис Киббер знала, что он так поступит*. Поэтому осталась в гостиной дожидаться его.

— И мисс Смит знала? — вдруг сообразил инспектор.

— Конечно. У миссис Киббер был не тот характер, чтобы хранить секреты. Мисс Смит с той самой минуты, как миссис Киббер получила первое письмо племянника, знала: он получит то, что хочет... *Если она как-то не помешает этому!* У нее был пунктик насчет мебели. Я это понял, как только вы сказали, что во всем доме царила идеальная чистота. Ни одна женщина с больным сердцем не в состоянии поддерживать в трехэтажном здании порядок, как во дворце, или заставить это делать кого-то другого, если, конечно, этот другой сам того не хочет. У мисс Смит была мания. Кому достался бы дом, если бы племянник погиб на войне? Миссис Киббер, очевидно, говорила что-то на этот счет.

Кенни схватился за голову руками.

— Я же и сам это знал! — взорвался он. — Помощник адвоката мне сегодня утром сказал об этом, когда я по телефону уточнял, является ли Вудраф наследником. Я так стремился подтвердить свои предположения, что не обратил внимания на остальное. В случае его смерти все имущество переходит мисс Смит.

Кэмпион облегченно вздохнул.

— Я так и думал. Вот видите, ей нужно было избавиться от них обоих, от Вудрафа и его жены. Если бы в доме поселилась молодая и энергичная женщина, появилась бы опасность, что компаньонка станет... Скажем так, излишней. Вы несогласны?

Кенни листал свой блокнот.

— Вы считаете, она планировала это две недели?

— Она думала об этом две недели. Мисс Смит не понимала, как это устроить, пока прошлой ночью не произошла эта ссора. Когда она нашла пистолет на подоконнике, куда его положила юная миссис Вудраф, и миссис Киббер сказала ей, что племянник обязательно вернется, план возник сам по себе. — Он передернул плечами. — Вы понимаете, что она, возможно, стояла на лестнице, держа в одной руке пистолет, а в другой картонную коробку, адресованную самой себе, когда Вудраф просовывал письмо в дверную щель? Как только она это услышала, она сбежала вниз, взяла письмо и открыла дверь. После этого она, очевидно, пошла в гостиную, застрелила старуху, которая обернулась на звук, и запаковала пистолет в книжную коробку. Удостоверившись, что миссис Киббер мертва, она выбежала с криками из дома, помчалась к почтовому ящику рядом с фонарным столбом и бросила в него свое послание.

Кенни положил карандаш и посмотрел на Кэмпiona.

— Что ж, — полным искреннего восхищения голосом произнес он, — теперь я вижу, что вы абсолютно правы. Но как, черт возьми, вы додумались до этого?

— Вы подсказали мне.

— Я? — удивился Кенни, хоть и почувствовал некоторую гордость. — Когда?

— Когда донимали меня вопросом, где можно спрятать пистолет на лондонской улице, на которой узкие канализационные решетки и нет бункеров с песком. Оставалось только одно место — почтовый ящик. Я догадался, что она должна была послать пистолет себе же, потому что слать его в любое другое место слишком опасно. Даже в отделе невостребованных писем послание в конце концов могли вскрыть. Поэтому я так настойчиво уводил ее наверх, как можно дальше от входной двери. — Он вздохнул. — Запаковать пистолет в коробку — гениальное решение. Это был старый «парабеллум», вы обратили внимание? Трофейный. Вот почему ему не нужно было его сдавать. По ширине он идеально вошел в коробку. Она, наверное, обрадовалась, увидев это.

Кенни с удивлением покачал головой.

— Черт меня подери! — некрасиво выразился он. — Забавно, что это

именно я подсказал вам эту идею!

Вечером мистер Кэмптон уже лежал в кровати, когда зазвонил телефон. Это был снова Кенни.

— Алло, мистер Кэмптон?

— Да?

— Простите, что беспокою вас в такое позднее время, но мне не дает покоя один вопрос. Вы не против?

— Я вас слушаю.

— Ну, вообще-то все закончилось благополучно. Смит осмотрели три врача. Девушка счастлива и не отходит от мужа, которого смерть тети, похоже, очень расстроила. Комиссар весьма доволен. Но я не могу спать. Мистер Кэмптон, как вы узнали, во сколько на Барраклоу-роуд приносят дневную почту?

Кэмптон с трудом подавил зевок.

— Зашел в аптеку на углу и спросил, — сказал он. — Элементарно, мой дорогой Кенни.

КЭТРИН ЭРД

Охотник вернулся домой [\[54\]](#)

— Вам когда-нибудь приходилось держать в руках ордер на экстрадицию, Слоун? — спросил суперинтендент полиции Лис.

— Нет, сэр, — осторожно ответил Слоун.

— Теперь у вас есть такая возможность, — сказал Лис.

— Сэр?

— Учиться никогда не поздно, — заметил Лис. — Так во всех умных книжках написано.

— Да, сэр, — согласился Слоун, потому что это прописная истина.

Суперинтендент посмотрел на бумагу, которая лежала перед ним на столе.

— Из Франции.

— Дружественная страна.

Суперинтендент, заподозрив в этом замечании иронию, не стал отвечать.

— Мадам Верколя, проживающая в доме № 17 на рю де ла Пьер Бланш, Сан-Аман-д'Юис... Юисе... — Лис так и не смог выговорить по-французски «Юисельо». — Короче, сейчас она здесь, в Беребери, а остальное нас не касается.

— Так проще, — согласился Слоун.

— Франция — это вам не старая добрая Англия. — Как было хорошо известно, ксенофобия суперинтендента включала в себя как соседствующее с Каллеширом графство, так и соседствующую с Англией страну.

— И французы, очевидно, хотят получить ее обратно, сэр? — спросил Слоун, вытаскивая блокнот.

— Хотят, — прорычал Лис. Он подтолкнул к нему присланный из министерства внутренних дел ордер на экстрадицию. — Ознакомься. Ее разыскивают по подозрению в убийстве мужа, Луи Верколя, которое произошло в прошлом сентябре в городе под названием Корбо.

— Заслужил, наверное, — ядовито вставила Энн Пикфорд.

— Что было дальше? — спросил Кросби, все еще остававшийся холостяком.

— Хозяин гостиницы вызвал доктора. Я рассказала ему о болезни Луи

и показала все лекарства, которые он принимал. Он заявил, что, поскольку мы в Корбо приезжие, он позвонит нашему доктору в Юиселью.

— А потом?

— Поначалу все было хорошо... Вернее, так, как должно быть. Я встретила с человеком из похоронного бюро и поехала посмотреть на кладбище... Для французов кладбище — это что-то вроде святого места.

Слоун кивнул. Даже он слышал о *pompes funébres*.^[55]

— На улице холодно было, и я не смогла найти в машине карту Луи, но в конце концов кое-как добралась до места. — Она посмотрела на двух полицейских. — Мне не было смысла везти его обратно в Юиселью. Это не был его родной город, и ничего особенного его с ним не связывало, и, если уж на то пошло, я даже не знала, где похоронены его родители и сестра. Мы как-то об этом никогда не говорили, да и вообще он был скрытным человеком.

Слоун кивнул головой.

— Все, что я о них знала, это имена: Анри Жорж и Клотильда Мари. Сестру звали Клеманс... — Голос ее вдруг затих, как будто она что-то вспомнила.

— В чем дело? — быстро спросил Слоун.

— Ни в чем. — Она покачала головой. — Я устроила похороны и заказала мраморный *étemelles*,^[56] там это разрешают, не то что в Англии. А потом...

— Потом?

— Потом доктор сказал, что все-таки придется делать вскрытие. Понимаете, пропали все его снотворные таблетки.

— И тогда они узнали об отравлении наркотиками, — задумчиво произнес Слоун.

Она кивнула.

— Неужели этим болванам не пришло в голову, что он мог покончить с собой? — сказал Кросби, забыв о *entente cordiale*,^[57] которому полагалось существовать между полицейскими силами разных стран.

— Предсмертной записки не было, — начала перечислять Лора Верколя таким голосом, будто повторяла заученное наизусть, — никаких угроз в его адрес не поступало. Острой боли он не чувствовал, да и, по большому счету, физически нездоровые люди такого обычно не делают. Не говоря уже о том, — добавила она с болью в голосе, — что это было довольно странное место и время для того, чтобы уйти из жизни: первая ночь в незнакомой гостинице в незнакомом городе.

— Да уж, не самое подходящее место, — искренне согласился Кросби.

— Бедным Луи тоже нельзя было назвать. — Лора Верколя, очевидно, решила больше себя не сдерживать и говорить все, что накопилось. — И это очень интересовало французскую полицию.

— Еще бы, сочувственно отозвался констебль.

— Все это очень хорошо, — горячо сказала Лора Верколя, — но я не подсыпала ему снотворное в вино или в суп, что бы они там ни говорили.

Если бы Кросби был французом, он мог бы воскликнуть на это: «Браво!» Но французом он не был, поэтому его унылый вид ни капельки не изменился.

— Все у них на тарелочке выложено, верно?

— Незнакомая гостиница в чужом городе, — медленно произнес Слоун, — и тем не менее ваш муж нашел ее без труда.

— У него была карта.

— Нет, — очень спокойно произнес Слоун. — Вы сказали, что не нашли карту, помните?

Она молча уставилась на него.

— И по пути в гостиницу он ошибся только один раз — когда заехал на тупиковую улицу.

— Д-да, — неуверенно произнесла она.

— Сквозные улицы иногда превращаются в тупиковые.

— Что это значит?

— Упомянув только что имена родителей вашего мужа, — быстро сказал Слоун, — вы хотели что-то добавить.

— Ничего такого, инспектор, это было просто совпадение.

— Совпадения иногда становятся косвенными уликами, — строго произнес Слоун, про себя попросив прощения у бесчисленного количества адвокатов за то, что воспользовался их любимым высказыванием.

— Это было на кладбище, — сказала Лора Верколя. — Я решила погулять там немного и случайно увидела надгробие семейной пары, которых тоже звали Анри Жорж и Клотильда Мари, вот и все. Фамилия у них была другая. Обычное совпадение.

— А Клеманс? — мягко произнес Слоун.

Она покачала головой.

— Там была Клеманс, но в другой части кла... — Она вдруг замолчала.

— Мадам Верколя, — сказал он, — подумайте хорошенько. Вы приехали в Корбо, когда было темно.

— Да.

— Вы сами вошли в гостиницу и заказали номер. Без мужа.

— Да.

— Поели вы не в столовой, а в спальне.

— Да.

— Кто открыл дверь, когда принесли еду?

— Я.

— Официант видел вашего мужа?

— Нет. Он тогда был в ванной.

— Выходит, в Корбо вашего мужа не видел никто.

— Выходит, никто.

— Вам это не показалось очень странным?

— Я об этом не думала.

Слоун пристально всматривался в ее лицо.

— Ваш муж когда-нибудь упоминал о Корбо в прошедшем времени?

— Он прошлое вообще никогда не вспоминал, инспектор, — ответила

Лора Верколя.

— А оккупацию?

— О войне он говорил только то, что хочет поскорее забыть это время.

— Что ж, его можно понять, — решительно произнес Слоун. — Ему, видимо, все-таки удалось забыть прошлое, да? И если он и говорил о нем, — добавил он многозначительно, — то разве что во сне.

— Вы имеете в виду те имена?

— Эркюль, Жан-Поль, Франсуа, — сказал Слоун.

— И доктор, — вставил Кросби.

— Мадам, — сказал Слоун. — Вы назвали нам адрес гостиницы, верно?

— Да, назвала, — быстро ответила она. — Это была «Ле Кок д'Ор» на площади доктора Жака Кольяра... Доктора Жака Кольяра. — Она замерла. — Инспектор, на площади висела мемориальная доска. Я обратила на нее внимание и прочитала...

— Да? — Голос Слоуна нарушил тишину, внезапно повисшую в маленькой уютной комнате пригородного дома в пригородном районе Беребери.

Почти шепотом мадам Верколя произнесла:

— Там было написано: «Place Dr Jacques Colliard, Martyr de la Résistance».^[58]

— Доктор, — вполголоса произнес Кросби.

— Если мои предположения верны, — осторожно произнес Слоун, — там должны быть и другие доски. Таких людей во Франции не забывают.

Она облизала губы.

— Вы хотите сказать, Луи специально вернулся в Корбо, чтобы умереть? Но почему он просто не...

— Возможно, ему не были бы рады, — деликатно выразился Слоун.

Она посмотрела ему в глаза.

— Может быть, — продолжил он, — если бы в Корбо знали, кто он, ему бы не нашлось места на кладбище.

— Инспектор, вы считаете, он их предал?

Слоун не ответил прямо.

— Во Франции была трудная жизнь. Никто не знает, под каким невероятным давлением...

— Эти имена не отпускали его, даже во сне.

— Гестапо, — ровным голосом произнес Слоун, — могло, так сказать, окружить его такой заботой, что ему было трудно противиться. В конце концов, кто мы такие, чтобы судить? Мы слишком молоды, чтобы что-то знать.

— Теперь понятно, как он находил дорогу в темноте, — заметила она.

— И почему он бы никогда не приехал в Англию.

Кросби озадаченно поднял брови.

— Если Верколя — это не его настоящая фамилия, он бы не смог получить паспорт, — сказала она.

Какое-то время Лора Верколя сидела, почти не шевелясь.

— Инспектор, если имена, которые преследовали Луи во сне, значатся на мемориальной доске, французской полиции придется отменить решение, правда?

— Они изменяют его. — Слоун расслабился. — Однако есть кое-что, чего вам не следует им говорить, мадам.

— Что именно?

— *Honi soït qui mal y pense.* [\[59\]](#)

МАЙКЛ Ц. ЛУИН

Семейное дело

Майкл Цинн Луин написал больше дюжины романов в стиле иронического детектива, главными героями которых являются либо частный детектив Альберт Самсон, либо лейтенант полиции Лерой Паудэр. Он получил международную известность и стал лауреатом нескольких премий, в том числе был награжден «Мальтийским соколом» — японской наградой за лучший детективный роман, изданный в Японии, и немецкой наградой Марлоу. Бывший преподаватель и спортивный обозреватель, Майкл Цинн Луин также написал несколько радио- и театральных пьес. Сейчас он живет со своей семьей в английском графстве Сомерсет.

~ ~ ~

1

В 9:38 Джина услышала шаги на лестнице. Она оторвалась от печатной машинки и пригладила волосы. Когда дверь открылась, она уже приняла деловито-серьезный вид.

В старые времена на нижней части вставленного в дверь стекла было написано: «Просьба стучать», но Джина, заняв место секретаря, заметила, что из приемной все равно слышно, когда кто-то поднимается, и предложила надпись убрать. Старик, конечно, дверь не поменял, но Анджело первым делом изменил надпись на: «Стучать не обязательно». Надпись получилась длинная, нарушала симметрию и Старику не понравилась. Джина предложила ее совсем закрасить, но Анджело не позволил.

Когда дверь открылась, в приемную неуверенно заглянула женщина.
— Здравствуйте, — сказала Джина. — Входите.

Женщине было около сорока, в каштановых волосах уже просматривалась седина. Несмотря на приглашение, она все еще колебалась.

— Это детективное агентство? — спросила она.

— Да, — ответила Джина. — Чем можем помочь?

На лице женщины появилось такое выражение, будто она напонила себе о том, что решение принято и отступить уже поздно. Она шагнула в приемную и аккуратно прикрыла дверь. Потом развернулась к Джине.

— А детектив на месте?

— У нас несколько детективов, — ответила Джина, — но сейчас все заняты вне офиса. Директора агентства зовут мистер Анджело Ланджи, я могу позвонить ему в машину, если у вас что-то срочное.

— Ох, не говорите мне про звонки в машину, — сказала женщина. По ее тону не было заметно, что дело ее срочное.

Джина сказала:

— Может быть, вы присядете и расскажете в общих чертах, что привело вас к нам?

— Вам? — удивилась женщина. На лице ее было написано: «Вам? Секретарше?»

— Да. Обещаю вам, что все, что вы мне расскажете, будет сохранено в строжайшей тайне. И хоть мистер Ланджи лично занимается каждым делом, я могу сказать, сможем ли мы вам помочь.

— Я поняла.

— Я не только выполняю обязанности секретаря, — сказала Джина. — Я жена мистера Ланджи.

Обед начался в 19:10. В семье Ланджи была традиция — каждый четверг подавать горячее карри, приготовленное Розеттой, сестрой Анджело, которая, занимаясь домашними обязанностями, иногда выступала в роли бухгалтера агентства. Четверг был семейным днем, и это означало, что Старик с Мамой тоже приедут и что дети, Давид и Мария, должны были так организовать свои школьные и прочие дела, чтобы иметь возможность присутствовать на встрече. Только Сал (Сальваторе, старший брат Анджело и художник) бывал здесь не каждый четверг, утро воскресенья и вторник. Но иногда он приезжал, и бывало, что привозил с собой одну из своих моделей, как он их называл. Ничего серьезного за этим не стояло.

Родители Джины сейчас жили в другом городе.

Этим вечером Анджело, сев за стол, жадно потер руки.

— Отлично, отлично, отлично! — сказал он.

— А почему нет спагетти? — спросил Старик. Но сказано это было по доброму, и подобное от него слышали часто. Спагетти и паста готовились по воскресеньям.

— Извини, что не вернулся в офис, — сказал Анджело.

— Мы и без тебя справились, — отозвалась Джина.

— Знаешь того парня, Хардуика?

Они все знали того парня Хардуика, поскольку различные задания, связанные с делом, которое вели адвокаты Хардуика, составляли львиную долю всей работы агентства уже больше четырех недель.

— Ни с того ни с сего Хардуик решил, что все-таки помнит, где он был ночью восемнадцатого апреля.

Со всех сторон стола раздались вздохи.

— Если он настолько глуп, что собирается выехать на амнезии, — сказал Старик, — ему нужно быть достаточно умным, чтобы не забыть, что у него амнезия.

Все засмеялись.

— Так что сегодня заплыло в офис? — поинтересовался Анджело.

— Мы были очень даже заняты.

— Отлично, отлично, отлично, — опять произнес Анджело и потер руки.

Через секунду Давид передразнил отца гнусавым голоском:

— Отлично, отлично, отлично.

— Что себе позволяешь, умник хохлатый, — сказал Анджело и потрепал его по макушке.

Давид, смеясь, пригладил волосы.

— Главное — это женщина, с богатым сыном, которому деньги некуда девать.

— Всем бы нам такие проблемы, — сказала Мама.

— Но женщина считает, что он не зарабатывает их как положено. У него нет постоянной работы, и откуда берутся деньги, он не говорит.

Все стали прислушиваться. Агентство в основном выполняло заказы адвокатов, занималось поисками пропавших родственников или собирало доказательства супружеских измен. Хотя Старик любил повторять историю о том, как ему однажды пришлось расследовать убийство. Неожиданно разбогатевший сын — это было что-то новенькое. Всем тут же захотелось расспросить Джину.

Разом зазвучали несколько голосов, но Анджело, подняв руку, назначил себя председателем.

— Мария, говори ты.

— Сколько лет ее сыну? — спросила четырнадцатилетняя Мария.

— Для тебя он слишком старый, девочка моя.

Мария вспыхнула, но улыбнулась. Ей нравилось, что в семье ее считают покорительницей сердец.

— Парню двадцать два, — сказала Джина.

— И все еще живет дома? — спросил Анджело.

— Ты тоже все еще живешь дома, — вставил Старик.

— У нас необычная ситуация, — заявила Мама.

— Ага, — сказал Давид, и все посмотрели на него. — У нас дом побольше, чем у других.

Все засмеялись мальчик блеснул семейным остроумием.

— Двадцать два года, — задумчиво протянул Старик. — Так чем же он занимается втайне от матери?

Джина сказала:

— Ну, он год и три месяца получает пособие, днем много спит, ложится поздно и вечерами и ночами часто уходит. Последнее, чем он занимался, — дизайн интерьеров. — Выражение лица Джины указывало на то, что она ждет подходящего вопроса, чтобы поделиться более интересными сведениями.

— Друзья у него есть? — спросила Мама.

— Нет.

— Да он, наверное, художник, — предположил Старик.

Джина покачала головой.

— Он записался в Открытый университет, а дома у него нет видеомэгнитофона. Поэтому он и торчит там допоздна, — высказала свою версию Розетта, бухгалтер.

— Ничего себе, придумала, — сказал Давид.

Розетта улыбнулась.

Анджело задумчиво смотрел на жену.

— Что же это может быть? — подумал он вслух. — Что же это может быть?

— Сдаётся?

— Ни за что! — воскликнул Старик.

Джина сказала:

— У безработного ленивого парня есть машина прошлого года выпуска с телефоном. Когда он по ночам уходит и мать наутро спрашивает его, чем он занимался, он всегда отвечает: «Ездил».

— Так, так, так, — сказал Анджело и обвел взглядом сидящих за

столом. Все смотрели на него. Предстояло выбрать из имеющих водительские права того, кого можно попросить отказаться от ночного сна, чтобы следить за сыном.

— Можно попросить Сальваторе, — сказала Мама. Она не хотела, чтобы Старик где-то пропадал по ночам. Ночных бдений ей хватило еще в молодости.

Джина сказала:

— Да. Эта работа его заинтересует.

— Работа? — отозвался Старик. — Если он хочет работать, пусть приходит сюда и работает. Верно, Анджело?

— Салли знает, что он в любое время, когда захочет, может получить у нас место, — ответил Анджело. — Только он никогда не пойдет на это, папа.

— Никогда — это долгий срок, — произнес Старик. — Я бы так сказал: пока я жив.

— Это будет вечно, — сказала Мария, и Старик, который души не чаял во внучке, просиял и сказал:

— Ах ты, моя умница. Вот это настоящий ребенок.

— Я рада, что вам нравится моя дочь, папа, — сказала Джина.

Старик пару секунд смотрел на Джину, а потом разразился смехом. Сноха ему тоже нравилась.

— Так чем закончилось с этой женщиной? — спросил Анджело.

— Закончилось тем, что я записала машину, номер и адрес, номер телефона в машине, имена и все, что положено.

— Ты хочешь сказать, что нам уже сегодня ночью нужно выезжать?

— Я уже позвонила Сальваторе. Он сказал, что готов взять всю ночь или будет работать посменно, как тебе удобнее. Я не знала точно, как у тебя сложится с Хардуиком.

— Понятно, — сказал Анджело. — Еще мы можем попросить Макса или Джонни.

— Они за помощь дорого возьмут, — обронила Розетта.

— Сальваторе тоже недешево обойдется, — ответил Анджело.

— По крайней мере, он член семьи, — заметила Мама.

— Я тоже член семьи, — протестующим голосом произнес Старик. — Что это вы меня не вспоминаете, будто я жирафа от мыши не отличу? Меня вы уже и в расчет не берете или что? Может, у меня изо рта плохо пахнет?

— Я о тебе не забыл, папа, — сказал Анджело.

— Вам завтра кражей в магазине «Куикс» заниматься, — добавила Джина.

— Мне дешевле будет найти им нового охранника, чем сегодня вечером в срочном порядке нанимать детективов со стороны.

— Сегодня мы не будем никого нанимать, кроме Салли, — сказал Анджело. — Я не знаю, что там к чему, но мы справимся своими силами. Мы с чем угодно можем справиться своими силами.

— Пап? — подал голос Давид.

— Ага?

— А можно мне сегодня с тобой поехать?

— Я не знаю, буду ли я сегодня куда-то ехать.

— А тогда с дядей Салли можно поехать?

— Тебе завтра в школу, — сказала Джина.

— Я бы мог сказать, — честно признался Давид, — что мне не надо на занятия, что учителя себе опять какой-то выходной устроили, но мне ведь в школу не сегодня, а завтра.

— По-твоему, я этого не знала?

— Ну, сегодня же обычный день, ничего важного. Никаких контрольных, и домашку не задавали. Сегодня как раз самый удобный день.

— Хорошая попытка, — усмехнулся Анджело.

— Папа!

— Если мы завтра еще будем этим заниматься, то, может быть, завтра. В пятницу или в субботу вечером.

— Или и в пятницу, и в субботу?

— Посмотрим, посмотрим. — Анджело снова повернулся к Джине. А что с деньгами?

— У матери есть кое-какие деньги — тетя оставила. Она хотела на них ремонт дома сделать, но слишком беспокоится о ребенке. Она не сомневается, что он ввязался в какую-то историю.

— Как его зовут?

— Джон Ансон Хатуэлл.

— История?

— Я звонила Чарли и все проверила. Он в шестнадцать привлекался за хулиганство и признался в двух квартирных кражах. После этого еще дважды арестовывали, тоже за кражи, но снимали обвинение.

— Похоже, паренек не промах, — заметил Анджело.

— Я спросила ее, что она собирается делать, если мы выясним, что он занялся криминалом. Разумеется, она хочет, если что, сама «разобраться». Я сказала ей, что это зависит от того, что мы раскопаем, если мы вообще раскопаем что-нибудь.

— Сал сегодня выяснит, можно ли его вести одному или придется

работать группой.

— Так ты его берешь на всю ночь? Без смен?

— Да, если не возникнет необходимости. Ну а если что, папа сможет его подменить. — Анджело посмотрел на отца. Старик посмотрел на жену. Жена посмотрела на Джину.

— Я поговорю с Салли, — сказала Джина. — Скажу, что он пойдет на всю ночь, если ничего не изменится.

— Итак, — сказал Анджело. — Ты говорила, что вы были очень заняты. Кто еще заходил?

— Еще заглянула одна дама, которая нашла в машине мужа гребешок для волос. Хотела, чтобы мы за ним проследили.

— Все бы им следить, следить, следить, — сказал Анджело.

— Но не подозревала, что это окажется так дорого и сколько это займет времени.

— Чтобы последить за гребешком? — встрял Давид.

— Она отправилась домой думать, так ли уж ей хочется узнать, кто хозяин гребешка.

— Не боишься мести семейных психологов? — любопытствовал Анджело. — Ты такие ценные советы раздаешь совершенно бесплатно.

— Бесплатно, бесплатно, бесплатно, — запел Давид.

3

На следующее утро в 10:55 Сальваторе заехал к Джине, отчитаться о ночной работе.

— Сегодня вечером я боссу снова понадобится?

— Пока не знаю, Сал, — сказала Джина.

— Я просто пригласил модель. Но если это важно, я могу ей сказать, чтобы в другой день пришла.

— Я позвоню ему в машину.

— Или черкнешь записку в его органайзере?

— Сальваторе!

Джина позвонила Анджело, но того не оказалось в машине.

— Извини, — сказала она. — Попробую позвонить попозже.

— Я все обдумал, — сказал Сал. — Тут ничего серьезного. Но все равно позвони мне до обеда, хорошо?

— Зайдешь к нам на обед?

— Нет, спасибо, — сказал он и добавил игривым тоном: — Хочешь

побыть для меня моделью?

— Только в свободное время. — Очевидная шутка, поскольку всем было известно, что свободного времени у нее не бывает.

— Будут нужны деньги, звони.

— Хочешь за ночь получить?

— Да. Раз уж ты упомянула. — Он засмеялся. Она оба знали, кому из них нужны деньги.

В пятницу обед устроили пораньше, потому что Давид и Мария хотели выйти погулять. Розетта по пятницам тоже уходила гулять со своим женихом, который пребывал в этом статусе вот уже четыре года и все это время терзался муками сомнения относительно нравственности развода, совершенно не думая при этом о нравственности их отношений. В пятницу готовила всегда Джина, если не была сильно занята, а если такое случалось, они все вместе шли в какой-нибудь паб.

Анджело был дома, когда Джина вернулась из офиса. Он уже начистил картошки.

— Что сказал Салли? — поинтересовался Анджело.

Обычно они обсуждали такие вопросы за столом, но, опасаясь реакции Давида, решили поговорить заранее.

— Он сказал, что Джон Ансон Хатуэлл слежки не заметил, поэтому для него хватит и одной машины.

— Уже что-то. Что он делал?

— Сал прибыл на место примерно в двадцать ноль-ноль. В двадцать один тридцать пять Хатуэлл вышел из дома, поехал в город и зашел в кафе «Генрис». Знаешь такое?

— Это на Моррис-стрит, что ли?

— Да. Знаешь, что это за место?

— Намекни.

— Работает всю ночь.

— Таксисты.

Джина улыбнулась, а Анджело задумался.

— Как долго Хатуэлл пробыл там?

— Всего полчаса. После этого катался по городу до двух часов восьми минут утра. Он мог звонить из машины, но Салли этого не заметил.

— Если бы он звонил, то кому?

Джина пожала плечами.

— А что потом?

— Потом в восемь минут третьего подобрал проститутку.

— Понятно.

— Высадил ее в два двадцать две.
— Может, у него денег немало, но тратить их на развлечения он, похоже, не любит.
— После этого он поехал домой.
— Хм.
— Его мать говорит, что он часто и в пять, и в шесть возвращается, так что вполне возможно, что вчера была нетипичная ночь. Я не знаю, чем он занимается днем, но ее волнуют в первую очередь вечера и ночи, поэтому я ей сказала, что на этом мы и сосредоточимся.
— Да, я думаю, займемся пока этим. Ее интересует, как он зарабатывает деньги, а не на что он их тратит.
Джина кивнула.
— Я займусь им сегодня. Завтра, может, снова Салли позову.
— А Давид?
Они посмотрели друг на друга, и Анджело сказал:
— Я как будто пообещал ему.
— Да, — сказала Джина. — Хорошо.

4

Анджело и Давид остановились недалеко от дома Хатуэлла в 18:30. Машина их была хорошо подготовлена для долгой ночи. Термосы, кассеты с музыкой, еда, шерстяные одеяла. Банки для хранения вещественных доказательств, на всякий случай. Это была не первая слежка Давида, и он знал, что нужно делать.

— Какая из машин его, пап?
— Вон тот «опель» через дорогу. Под фонарным столбом.
— Вижу.
— Как у тебя с глазами сегодня, сынок? Можешь номер рассмотреть?
Давид прочитал вслух номер и произнес:
— Дедушка сказал маме, что тоже хотел сегодня приехать.
— Мне он ничего не сказал.
— По-моему, бабушка его отговорила.
— Скорее по телику какой-нибудь сериал про сыщиков идет. Он обожает находить ошибки в детективах.
— Совпадения, которые по-настоящему никогда не случаются, — сказал Давид, изображая деда.
Анджело улыбнулся:

— Вот-вот.
— Пап, а тебе когда-нибудь хотелось быть не частным детективом, а кем-то еще?
— После того, как дядя Сал пошел в художественный колледж, у меня не было выбора.
— А тебе нравится?
— Я об этом не задумываюсь.
— А чем бы ты еще хотел заниматься?
Анджело подумал.
— Не знаю.
— Может, рисовать, как дядя Сал?
— Рисовать нужно уметь.
— Я видел дядины картины. По-моему, так кто угодно нарисовал бы.
— Нужно уметь рисовать, чтобы рисовать так, как будто не умеешь.
— А, — понимающе протянул Давид. — А как думаешь, когда этот Хатуэлл выйдет?
— Думаю, еще не скоро, — сказал Анджело.
Но он ошибался, потому что через три минуты, в 19:22, Джон Ансон Хатуэлл вышел из дома матери и сел в машину.
— Запиши, — сказал Анджело Давиду, заводя автомобиль.
Давид взял планшет с зажимом для бумаги и записал время, когда наблюдение вступило в активную фазу.

Эта ночь Хатуэлла началась почти так же, как предыдущая. Он доехал до кафе «Генрис», припарковал машину и вошел.

Через большие и достаточно чистые окна кафе было видно, что Хатуэлл подошел к стойке, сделал заказ и сел за столик, за которым уже сидел другой мужчина. Хатуэлл вошел в кафе в 19:49.

Бармен принес на подносе заказ Хатуэлла в 19:53. Мужчина, сидевший рядом с Хатуэллом, встал и вышел из кафе в 19:59. На улице он сел на водительское место одного из такси, припаркованных чуть дальше по улице.

— Бинокль, — несколько нетерпеливо произнес Анджело, но Давид уже держал наготове бинокль с большими линзами.

Когда такси выруливало на дорогу, Давид продиктовал номер машины и название таксомоторного парка. Анджело все это записал на листе бумаги

в планшете.

Бинокль делал тусклые образы ярче, как будто зрачки наблюдателя становились в пять раз больше и улавливали больше света.

В 20:06 Анджело достал из кошелька мелочь.

— Не хочешь сходить туда и купить пару пончиков?

— Можно?

— Проверишь, не разговаривает ли с кем-нибудь Хатуэлл, но если он соберется уходить — бегом в машину.

— Хорошо, папа.

— И маме ни слова.

Давид подмигнул и протянул руку за деньгами.

В 20:13 он уже снова сидел в машине.

— Хатуэлл ни с кем не общается. У него осталось немного чипсов на блюде, и он что-то пьет.

Анджело начал было говорить, но Давид прервал его.

— Там за стойкой на стене висит зеркало, — сказал он. — И я через него за ним наблюдал.

— Молодец, — сказал отец и тут же прибавил: — Погоди-ка. Кажется, пошло дело.

Хатуэлл встал из-за стола и направился к двери.

— Пап, скажи время, — потребовал Давид.

6

Хатуэлл подъехал к заправке. Анджело притормозил на улице с противоположной стороны дороги, развернулся и стал ждать, готовый ехать за Хатуэллом в любом направлении.

Хатуэлл заправил свой «опель». Давид, развлекаясь с биноклем, разглядел, что в бак залили 41,42 литра бензина.

— Литра? А сколько это в галлонах? — спросил Анджело.

— Чуть побольше девяти, — ответил Давид.

— А, — произнес Анджело, не ожидавший ответа, и записал информацию.

Хатуэлл отъехал от заправки и примерно полчаса бесцельно кружил по улицам. Потом в 21:02 он свернул к краю дороги и внезапно остановился. Анджело пришлось проехать мимо него. Давид повернулся посмотреть, что происходит в «опеле».

— Он, кажется, по телефону говорит, — сообщил он.

Анджело въехал на боковую дорогу, быстро развернулся и остановился.

Поговорив по телефону, Хатуэлл с визгом шин рванул с места и резко развернулся. Анджело выехал из укрытия и последовал за ним. Стало очевидно, что водитель «опеля» теперь едет целенаправленно.

Примерно тринадцать минут они ездили по городу за «опелем». Потом Хатуэлл неожиданно сбавил скорость. Анджело, который радовался, что все еще не упустил машину из виду, рискнул и тоже притормозил, чтобы не обогнать его, как в прошлый раз.

Хатуэлл, *кажется*, их не заметил.

— Если бы он думал о том, что за ним могут следить, — сказал Анджело притихшему сыну, — он бы нас уже десять раз засек.

Хатуэлл, похоже, искал некий дом. Проехав какое-то расстояние на маленькой скорости, он наконец остановился. Анджело припарковался с другой стороны дороги.

— Сиди в машине и не высовывайся, — сказал он.

Анджело вышел из автомобиля и, пока делал вид, что закрывает дверь на ключ, успел заметить, куда делся Хатуэлл. Он повернул в другую сторону и шел по улице, пока не увидел телефонный столб. Там он быстро шагнул в сторону и, остановившись в тени столба, стал наблюдать за Хатуэллом.

Хатуэлл не спешил. Несколько секунд он рассматривал дверь одного из двух домов, соединенных общей стеной, потом пошел дальше. Анджело незаметно последовал за ним.

Хатуэлл обогнул дом. Снова выйдя к его фасаду, он прошел через калитку между домом и гаражом.

Анджело скользнул в машину, где его терпеливо дожидался Давид.

— Ну что, пап?

— Я думаю, он собирается обокрасть дом, — сказал Анджело и завел машину.

— Куда мы едем?

— Хочу встать поудобнее — вдруг он будет уезжать быстро.

Анджело развернулся на улице и поставил машину в нескольких ярдах позади «опеля» Хатуэлла.

Ждали они долго, почти час, но наконец Хатуэлл появился снова. Он нес два чемодана и, похоже, не спешил.

— Наглый сукин сын, — процедил Анджело.

Давиду понравилось, что отец при нем так разговаривает. Джина не одобрила бы такого.

Хатуэллу не нужно было открывать ключом багажник. Одно нажатие кнопки, и крышка взлетела. В следующий миг чемоданы были уложены, и крышка опустилась. После этого Хатуэлл сел в машину и, опять же без всякой спешки, тронулся.

— Что делать будем, пап?

— Следить, следить, следить, — сказал Анджело, но, когда выехал на дорогу, глубоко задумался.

7

Анджело и Давид поехали домой, когда Хатуэлл вернулся к себе, припарковал машину и вошел внутрь. Дома Давид, который понимал, что стал свидетелем чего-то необычного, сказал, что не сможет заснуть, потому что перевозился, но, когда Анджело отправил его наверх, бурчать не стал, а, зевая, отправился в свою комнату.

На кухонном столе Анджело оставил Джине записку, чтобы она разбудила его в 8:00 и позвала Старика. В другой день он бы позвал и Розетту, но по пятницам вечером дома ее обычно не было, и возвращалась она только в субботу днем.

В 8:22, когда все собрались, Анджело, выпив чашку кофе, заявил:

— Нужно решить, что делать дальше.

Он рассказал, что они с Давидом делали и видели прошлой ночью, что Хатуэлл притормозил, когда второй раз разговаривал по телефону, после чего поехал искать и нашел второй адрес. Но там его, видно, что-то смутило, потому что пробыл Хатуэлл там недолго и в дом так и не вошел.

— А потом, — продолжил Анджело, — он, как ни в чем не бывало, спокойненько возвращается в «Генрис» и ужинает. Это было в двенадцать минут четвертого утра. Два чемодана с ворованным все это время лежали у него в багажнике, который даже не был как следует заперт, потому что на ключ он его закрыл только перед тем, как зайти в дом. Давайте решим, что делать.

— Чего хочет ваш клиент? — спросил Старик.

— Она сказала, что хочет знать, занимается ли ее сын чем-то преступным, до того, как мы обратимся в полицию.

— Что с деньгами? — спросил Старик.

— Она заплатила за три ночи, но без расходов.

— Значит, деньги у нее есть.

— Чек она выписала не задумываясь, — сообщила Джина.

— Мы перед ней отвечаем, — сказал Старик.

— Эх, хочется мне сегодня утром присмотреть за Хатуэллом, — сказал Анджело. — Узнать, что он со всем этим будет делать. Сегодня он должен сбывать товар.

— Кто тебе за это заплатит? — спросил Старик. — Или ты с сегодняшнего дня решил оказывать безвозмездную помощь полиции?

— Знаю, знаю, знаю, папа, — проговорил Анджело. — Я всего лишь сказал, что мне хочется. Разве нам часто такое попадается?

— Не часто, ну и что?

— А кто тебе заплатил, когда ты раскрыл убийство Нормана Стайлса?

— По крайней мере мне платили, чтобы я проверил алиби подозреваемого. А я просто предоставил ему алиби немного другим способом. Но мне-то хотя бы что-то платили.

— Никто тебе ничего не заплатил.

— По крайней мере они остались мне должны, — с достоинством промолвил Старик.

— Знаю, знаю, знаю, — сказал Анджело. — И все равно меня так и подмывает...

— Я думаю, мы должны связаться с миссис Хатуэлл, — вступила в разговор Джина. — Все-таки она клиент.

Старик посмотрел на Джину любящим взглядом.

— Меня тоже подмывало заглянуть в багажник, когда Хатуэлл сидел в «Генрисе».

— Когда там был Давид?

— Но во второй раз Хатуэлл припарковался прямо перед кафе.

Пару секунд они сидели молча.

— У нас есть обязательства перед клиентом, — сказал Анджело. — И обязательства перед полицией. Но раз уж на то пошло, я думаю, что смогу с полицией разобраться.

Тогда они не спросили его, что он имел в виду.

Вместо этого Джина сказала:

— Ты сильно устал?

— Ничего, все в порядке.

— Вот как мы поступим, — продолжила она. — Мы с тобой отправляемся на двух машинах к Хатуэллам. Я иду в дом и говорю с миссис Хатуэлл. Ты ждешь снаружи и, если ее сын куда-то едет, следуешь за ним. Папа подежурит в офисе.

— Кто заплатит за его поездки? — снова потребовал ответа Старик.

— Может быть, если мы узнаем, что в чемоданах, нам заплатит хозяин

вещей, — сказала Джина.

Джина и Анджело приехали на место в 9:49. Не успела Джина выйти из машины, как на пассажирское место рядом с ней сел Анджело.

— Не нравится мне, что ты идешь туда, — сказал он.

— Все будет хорошо.

Он поднял брови.

— Скажи ей, что говоришь с ней только из любезности. Нам придется сообщить в полицию. У нас нет выбора.

Она кивнула и вышла из машины.

И это была истинная правда. Полиция везде защищает свою территорию. В конце концов, недостаточно, чтобы просто свершилось правосудие. Если это их правосудие, они не терпят, чтобы кто-то другой отправлял его. Основная масса работы детективных агентств не связана с раскрытием преступлений, но внесение частного детектива в черный список местной полиции может невероятно усложнить его работу. Это не тот случай, когда стоит необдуманно рисковать.

Но Анджело все еще не давало покоя желание узнать, куда повезет Хатуэлл чемоданы.

И, в конце концов, были и более веские причины, подтолкнувшие его к этому.

В 9:54 Джина подошла к двери дома. В 9:55 миссис Хатуэлл впустила ее в дом.

К 10:15 Анджело надоело ждать. Он уже начал жалеть, что не надел на нее микрофон. Или хотя бы не дал устройство вызова с кнопкой, которую можно нажать в случае какой-то неожиданности. Они слишком понадеялись на то, что младший Хатуэлл, как обычно, будет в это время спать. Анджело решил, что подобная беспечность нашла на него из-за усталости. У него возникло ощущение, что он подверг Джину ненужному риску. Он начал думать, что ему стоит самому зайти в дом.

Едва эта мысль оформилась, всякие сомнения отпали.

Он вышел из машины, подошел к дому, остановился у «опеля». Джина не появилась.

Анджело посмотрел на дом и направился к двери.

Неожиданно дверь распахнулась, и из дома выбежал Джон Ансон Хатуэлл.

Анджело замер. Пока что он находился на нейтральной территории, и еще был шанс вернуться к машине, не вызвав подозрений. Джина до сих пор не показывалась.

Поэтому Анджело сам скрутил Хатуэлла, когда тот пробежал мимо него.

Это стало неожиданностью для обоих. Но когда Хатуэлл оказался на земле, Анджело уже имел причины не дать ему подняться.

Хатуэлл выругался, закричал и начал спрашивать Анджело, что он творит.

Анджело сообщил ему, что проводит гражданский арест (что он, собственно говоря, имел полное право делать, если был согласен отвечать за ложный гражданский арест).

Однако Анджело распирало от беспокойства, потому что теперь он мог только сидеть здесь, удерживая Хатуэлла, тогда как больше всего ему хотелось пойти в дом и проверить, все ли в порядке с Джиной.

Почему Хатуэлл выбежал из дома? Что он натворил? Что с двумя женщинами внутри? Анджело сначала спросил у Хатуэлла. А потом закричал на своего пленника.

Розетта подала воскресный обед ровно в 14:00. Это было четное воскресенье месяца, поэтому ее «жених» Уолтер тоже присутствовал. Сальваторе тоже пришел вместе с очередной моделью, которую звали Кэрол.

— Это мой отец, — сказал он, представляя ее Старикку. — И мать. А это Кэрол. Она позирует мне.

— Здравствуйте, — сухо обронила Мама. Кэрол не была похожа на потенциальную сноху.

— Приятно познакомиться. Чувствуйте себя как дома. — Старик тепло пожал руку Кэрол.

— Это мои племянница и племянник, Мария и Давид.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Джину ты уже видела. За миской с салатом — это Розетта, рядом с ней Уолтер. А этот парень с фингалом под глазом — мой брат Анджело. Кстати, он сейчас расскажет нам, как его заработал.

Кэрол поздоровалась с остальными членами семьи, и все сели за стол. Вообще-то единственное, чего никак не мог вспомнить Анджело, — когда его ударили в глаз.

— Я просто волновался, что этот подонок что-то с Джиной сделал.

Джина сказала:

— Его мать плакала, я пыталась ее успокоить. Она же наш клиент все-таки.

— Но я-то этого не знал.

— Нет.

— Ну вот, сижу я на этом типе, — начал Анджело, — и провожу гражданский арест...

— Опасно. Очень опасно, — покачал головой Старик.

— Я думал, что взял его с поличным, — продолжил Анджело. — Думал, у него в багажнике два чемодана краденого. Я сам видел, как он их туда клал. Видел, как он закрывал багажник. Я думал...

— Но то было четыре часа назад.

— Я знаю, знаю, знаю. Я сам больше всех удивился, когда полицейские открыли багажник, а там ничего не оказалось.

— Да, это был напряженный момент, — согласилась Джина.

— Я уж думал, меня сейчас за тяжкие телесные упекут, — признался Анджело. — У меня, конечно, есть там друг Чарли, но после такого он бы вряд ли смог меня вытащить.

Анджело замолчал и обвел взглядом обращенные к нему лица.

— Ну а дальше-то что? — сказал Сальваторе. — Почему это ты сейчас сидишь тут и улыбаешься, а не дожидаясь суда за решеткой?

Джина сказала:

— Когда мы выходили, мой Анджело говорил, что сможет разобраться с полицией.

Анджело сказал:

— Меня не оставлял в покое телефон в машине Хатуэлла.

— Когда я за ним следил, он им не пользовался, — сказал Сал.

— А при мне с Давидом... — Анджело повернулся к Давиду, который улыбался гостям. — При мне с Давидом он им пользовался дважды. И после каждого разговора ехал к какому-то дому. В первый раз он взял чемоданы, во второй раз ничего не взял, и все равно это меня беспокоило. А потом я подумал, что каждую ночь он бывает в кафе, где собираются таксисты. В первую ночь он ел в одиночестве, во вторую — с каким-то таксистом. Главный вопрос с этими телефонными звонками — кому он звонил.

— Тут мой мальчик сложил два и два... — Старик с гордым видом посмотрел на Кэрол.

— И получил двадцать два, — вставил Давид.

— И на этот раз мне повезло, — не обратил на сына внимания Анджело.

— И кем же он оказался?

— Я решил, что Хатуэлл работал в паре с таксистом. Таксист, забирая пассажиров, замечал, заперли ли они дверь, остался ли кто-нибудь дома, и потом, отвезя их до места назначения, звонил Хатуэллу и называл адрес. Хатуэлл ехал на указанный адрес, убеждался, что дома никого нет, и, если ничего не мешало, заходил в дом.

— Кошмар! — ахнула Кэрол.

— Бывало такое, что таксист не встречал подходящих пассажиров, а может, у него просто были выходные — по-моему, в твою ночь так и случилось, Сал.

Сальваторе кивнул.

— Но в пятницу вечером им крупно не повезло. Полиция подсчитала, что в чемоданах разных вещей было почти на две тысячи. Чемоданы они изъяли у таксиста. Возвращаясь с ночной смены, он проезжал мимо дома Хатуэлла. У него был дубликат ключей от багажника «опеля», так что забрать чемоданы ему не составило труда. В шесть часов утра его никто не заметил.

— Чемоданы все еще лежали в багажнике такси, когда его взяли полицейские, — добавила Джина.

— А как вы вычислили таксиста? — спросила Кэрол.

— О, это заслуга Давида, — сказал Анджело. — Это он заметил номер его машины, когда тот выезжал на смену. Хватило пары слов с его диспетчером.

— Всей работы на одну ночь, мэм, — похвастался Давид.

Кэрол улыбнулась.

— В полиции говорят, это поможет им раскрыть около сорока дерзких квартирных краж, — сказала Джина.

— Молодец, брат, — произнес Сальваторе с неподдельной гордостью.

— Спасибо.

— Ну что, люди, готовы есть? — спросила Розетта.

— Чем ты нас сегодня побалуешь? — поинтересовался Старик.

— Лингуйне с моим особым соусом, — сказала Розетта.

— На итальянском это означает «язычки», — перевел Старик для Кэрол и повернулся к Розетте. — А почему нет карри?

Со всех сторон послышался смех.

— Семейная шутка, объяснил Сальваторе.

— Знаете, Кэрол, — старик снова повернулся к натурщице, — один раз, один-единственный раз я занимался делом о настоящем убийстве.

— О боже! — Кэрол отшатнулась.

— Этого человека звали Норман Стайлс, и он был мелким букмекером.

Раздался второй, еще более громкий взрыв смеха. Смеялись все, кроме Старика.

ЭЛИЗАБЕТ ФЕРРАРС

Правосудие в моих руках

Элизабет Феррарс (1907–1995) (ее настоящее имя Морна Браун) — писатель плодовитый. За более чем четыре десятилетия литературного творчества она опубликовала около семидесяти романов. Она была замужем за известным ученым, профессором ботаники Робертом Брауном, поэтому вращалась в научных кругах, что нашло отражение в нескольких ее романах. Более того, один из ее серийных персонажей, сыщик Эндрю Басснетт, сам является бывшим ботаником. В другой серии, которую писательница, к сожалению, не закончила, главными героями являются Вирджиния и Феликс Фреер — разлучившаяся, но не разведенная семейная пара. Элизабет Феррарс была в числе основателей Ассоциации писателей-криминалистов — крупнейшей организации писателей детективов Великобритании.

~ ~ ~

Я никогда никого не убивала.

Однажды я взяла правосудие в свои руки, и, если бы дело было пятьдесят лет назад, это могло бы закончиться тем, что, пожалуй, можно назвать убийством, поскольку тогда высшая мера наказания была еще действительно высшей. А послать человека на виселицу, даже если он заслужил это по закону, — это, в определенной степени, тоже убийство. Но то, что называется пожизненным заключением (хотя можно ли в таком случае говорить о *жизни?*), которое к тому же сокращается до десяти лет за хорошее поведение, — это совсем другое... Совсем другое, поняла я за прошедшие годы.

Восемь лет назад моя бабушка, а вернее, двоюродная бабушка Эмма однажды утром позвонила мне и стала настойчиво упрашивать меня приехать к ней.

— Дороти, дорогуша, я знаю, что ты страшно занята, поможет быть, ты выкроишь пару деньков, чтобы съездить к нам в конце недели? — сказала она. — Ты же знаешь, что я болею, правда, и я хочу тебе кое о чем

рассказать, до того как... В общем, как можно скорее.

Ее старый скрипучий голос немного дрожал. Ей было восемьдесят шесть, и несколько месяцев назад — так мне сказала моя сестра Марион, которая жила с ней, — у нее случился небольшой инсульт. Учитывая ее возраст, старая женщина поправилась на удивление скоро. После этого она стала более рассеянной, но ее не парализовало, и она все еще могла читать и смотреть телевизор и даже передвигаться по комнате самостоятельно.

Правда, ей пришлось отказаться от готовки, что очень ее огорчало, потому что это было единственным увлечением в ее жизни. Когда-то она даже писала статьи о кулинарии в дамский журнал. Она упорно продолжала заниматься этим, пока не случился инсульт, и с тех пор — к несчастью для Марион, которая и сама могла приготовить совсем недурную картофельную запеканку с мясом и вполне сносно поджарить котлет, — бабушка Эмма превратилась в еще более придирчивого критика и была не так благодарна Марион за все, что она для нее делала, как могла бы.

Если бы тот телефонный звонок был криком о помощи Марион, умоляющей подарить ей хотя бы несколько свободных дней на то, чтобы встретиться с друзьями, сходить в театр и пройтись по лондонским магазинам, он удивил бы меня меньше, чем взволнованное приглашение бабушки.

А волнение в ее голосе нельзя было не заметить. Он звучал даже почти испуганно. «Наверное, инсульт, — подумала я, — сказался на ней сильнее, чем рассказывала Марион, возможно, даже сильнее, чем Марион, которая проводила со старухой так много времени и слишком привыкла к ней, чтобы замечать происходившие с ней постепенные перемены, могла представить». Бабушка Эмма всегда отличалась неустрашимостью натуры, постоянно была чем-то занята и однажды даже баллотировалась в парламент как независимый кандидат. В парламент она не прошла и избирательный залог потеряла, но с тех пор вспоминала об этом как о некоем жизненном опыте, который придал ей ощущение собственной важности. Помимо этого она была богатой, щедрой и любящей родственницей.

— Конечно, я приеду, если вы и правда так хотите меня видеть, — сказала я. — Просто мне сейчас это не очень удобно.

— Прошу тебя, Дороти, пожалуйста! — взмолилась она. — В ближайшую субботу. Сможешь?

Конечно, я могла, если была такая спешка, хотя обычно суббота и воскресенье были для меня рабочими днями. В то время я работала у одного литературного агента и часто брала рукописи домой в пятницу,

чтобы посидеть с ними в тиши моей небольшой квартирке в Хэмпстеде. В конторе меня постоянно отвлекали бесконечные звонки, совещания, разговоры с авторами, споры с издателями. А тут я еще немного запустила это дело, и пачка непрочитанных рукописей заметно увеличилась... Нет, если это действительно так важно для бабушки Эммы, рукописям придется подождать.

— Хорошо, — сказала я. — Я буду в субботу утром. Устроит вас?

— Да, да, если не можешь раньше приехать. А может, в пятницу вечером получится?

— Наверное, получится.

— Тогда приезжай в пятницу, к обеду. В конце концов, тут всего час езды от Лондона, а от станции можешь такси взять.

— А Чарльз или Марион не могут меня встретить на машине? По-моему, есть поезд, который отправляется в шесть и в Оксфорд приходит сразу после семи.

— Наверное, могут. Да. Нет. Я не знаю. Я спрошу у них. — Волнение уже поглотило ее.

— Вы об этом Марион еще ничего не говорили? — спросила я.

— Как же я могла, не зная, приедешь ты или нет?

Звучало это разумно, но неожиданно меня охватило неприятное чувство, что со своей усилившейся рассеянностью бабушка Эмма вполне может забыть предупредить о моем приезде сестру, что для нее могло быть неудобным и даже неприятным. Поэтому я попросила бабушку Эмму, если Марион где-то недалеко, позвать ее, чтобы я с ней поговорила, но та торопливо ответила, что ее нет дома и на станции всегда полно такси. Спорить я не стала, подумав, что могу позвонить Марион позже.

Я позвонила ей в тот же вечер, но оказалось, что в этом не было необходимости, потому что бабушка уже сама ей рассказала о моих планах. Однако мне показалось, что Марион была этому не рада.

— Но из-за чего она так разволновалась? — спросила я. — А она ведь очень волнуется, верно?

— Я думаю, она просто вбила себе в голову, что у нее скоро будет второй инсульт, — ответила Марион. — И она хочет повидать тебя, пока это не произошло. Ты всегда у нее в любимчиках была, ты же знаешь.

Я знала это. Марион, которая жила с ней в Оксфорде, всегда делала для бабушки Эммы намного больше, чем я, но в то же время мы обе знали, что я занимала в сердце старухи такое место, к которому Марион никогда не приблизилась бы.

— До пятницы, — сказала я. — И встречать меня не надо, я на такси

доберусь.

— Что ты, я обязательно встречу тебя, — сказала она. — Или Чарльз.

Как оказалось, на станции меня встречал Чарльз. Когда-то давным-давно я считала, что Чарльз влюблен в меня, но женился он на Марион. Однако сказалоь это исключительно на моем amour propre,^[60] сердце мое не пострадало. Внешность у него была самая заурядная: чуть выше среднего роста, худой и заметно сутулый, серые глаза, вытянутое бледное лицо, под шапкой косматых пшеничных волос, которые всегда выглядели скорее так, будто он забыл подстричься, чем как будто он их отпускал. Работал он в университете, читал курс социальной истории и, по отзывам некоторых коллег, был гением, что будет признано всеми, как только, говорили они, он допишет свою книгу.

К сожалению, книга его, похоже, не собиралась продвигаться, и для человека моей профессии, который слишком часто сталкивается с писателями, планирующими дописать свои гениальные творения «когда-нибудь потом», это говорило не в его пользу. И тем не менее я всегда находила его забавным и интересным человеком, хотя и сама не знала почему. Возможно, причиной тому были его манера держаться с осторожной отстраненностью и его упорное нежелание завязывать с кем-то глубокие отношения. И мне представлялось это своего рода вызовом.

— Хорошо, что ты приехала, — сказал он, когда мы отъезжали от станции. — Бедная старушка, похоже, действительно очень хочет тебя видеть. Она решила, что ей уже недолго осталось, и, Богом клянусь, мне это неприятно говорить, но, похоже, она права. Когда это случится, я думаю, люди скажут «отмучилась». Тебе не кажется, что это отвратительное слово?

— Мне Марион не говорила, что она так плоха, — сказала я.

— Я не думаю, что она совсем плоха, но она сама так думает, а это очень важно. Наверное, каждый день, ложась спать, она говорит себе, что завтра может уже не проснуться. «Господи, если мне суждено умереть во сне, прими мою душу» и так далее. Мысли о смерти не покидают ее, и она боится этого.

Но он ошибался. Бабушку Эмму страшила не смерть. То было нечто такое, что мне показалось еще более жутким. Она боялась, что сойдет с ума.

Узнала я это во время первого разговора, когда мы остались одни в ее спальне после обеда, который мы (она, я, Чарльз и Марион) провели вместе в большой и красивой, но несколько неприветливой столовой. В дом, расположенный в Северном Оксфорде на Элзуэлл-стрит, которая отходит от

Банбери-стрит, мы с Чарльзом приехали в четверть восьмого. Бабушку Эмму мы застали сидящей в гостиной у камина. Она была в симпатичной цветочной кофточке и длинной черной юбке, из-под которой торчали шерстяные тапочки. Тапочки и прислоненная к креслу трость оставались единственными указаниями на то, что она была не так здорова, как прежде, когда я видела ее в последний раз. Она всегда очень гордилась своими ступнями и лодыжками и на людях появлялась исключительно в элегантных туфлях, возможно, итальянских и безумно дорогих.

Но кофточка ее выглядела как новая, точно она недавно обновила гардероб, седые волосы были аккуратно подстрижены, и маленькое морщинистое лицо с острыми чертами и пронзительно-голубыми глазами не имело никаких признаков недавней болезни.

Марион присоединилась к нам ненадолго, но, сославшись на то, что ей нужно навести порядок на кухне, вскоре оставила нас. Мы выпили и поговорили о моей поездке, о недавних морозах, о сумасшедших ценах почти на все, о политике, делая вид, что ничего не происходит.

Мы с Марион были очень похожи внешне, хотя я немного выше ее и на два года старше. Вообще-то я такого же возраста, как Чарльз, которому в то время было сорок. У нас обеих каштановые волосы и карие глаза, овальные лица, которые никто бы не назвал утонченными, длинные тонкие шеи и узкие покатые плечи. Мы обе были стройны и, наверное, могли бы этим как-то пользоваться, да вот ни ее, ни меня природа не наделила вкусом в одежде. Хотя я научилась разбираться в этом немного больше Марион, поняв, что это дает определенное преимущество, если ты работаешь в лондонской конторе, в то время как в Северном Оксфорде это было не так важно. Еще я научилась лучше ее готовить. В тот вечер она накормила нас супом из консервов, ирландским рагу, бисквитом с заварным кремом и растворимым кофе.

Сразу после того, как мы поели, бабушка Эмма извинилась и сказала, что очень устала и будет ложиться, а затем спросила, не хочу ли я подняться к ней и немного поговорить. Я помогла Марион убрать со стола и сложить грязную посуду в посудомойку, потом подождала полчаса и поднялась в спальню бабушки Эммы.

В большой кровати, полулежа на нескольких подушках, она выглядела очень маленькой и сморщенной. На ней была бледно-голубая стеганая пижама, и на коленях у нее лежала книга, хотя я заметила, что на ней нет очков, — читать она не могла. Очки лежали на столике с другой стороны кровати под лампой — единственным источником освещения в комнате. Когда я села рядом с ней, она закрыла книгу и положила ее на столик,

потом взяла меня за руку. Маленькие тонкие пальцы впились в запястье почти до боли.

— Дороти, ты догадываешься, зачем я хотела видеть тебя? — спросила она с тревожной ноткой волнения в обычно спокойном, хоть и скрипучем голосе. — Дорогая, по-моему, я схожу с ума.

Я засмеялась (смех мой прозвучал, кажется, немного снисходительно), погладила ее по руке и сказала:

— Бабушка Эмма, вы, наверное, самый здравомыслящий человек из всех, кого я знаю.

Потом я поняла, что она говорит серьезно, и пожалела, что выбрала такой легкомысленный тон.

— Это находит время от времени, — продолжила она так, точно я ничего не говорила. — Я не думаю, что кто-то это заметил. У меня провалы в памяти. Я неожиданно забываю вещи. Бывает, я замечаю, что стою посреди комнаты, но не могу вспомнить, как я там оказалась или куда шла. Я могу начать предложение и к середине запутаться и думать, звучит ли это так же бессмысленно для остальных, как и для меня. А иногда бывает еще хуже. У меня случаются видения... Только вчера я видела бедного Бертрама, он стоял у кровати, показывал на меня пальцем и смеялся. Он бы никогда такого не сделал. Я знала, что это только видение, знала так же точно, как знаю, что ты сейчас сидишь рядом со мной, но я не могла заставить его уйти. — Ее голос сделался чуть взволнованнее. — Дороти, я так боюсь, что они об этом узнают и я стану совсем беспомощной!

Бертрам — ее муж, от которого она унаследовала свое богатство. Он умер от вирусной пневмонии около тридцати лет назад.

— А что страшного, если они узнают? — спросила я. — Они будут заботиться о вас. И вы же не боитесь, что они вас отдадут в какую-нибудь психиатрическую больницу? Сейчас такого не делают. Сейчас необыкновенно сложно определить человека в такое заведение против его воли, даже если он действительно сумасшедший. Но вы же сознаете, что о вас такого никто не скажет. Да и Марион с Чарльзом к вам хорошо относятся, правда?

— Но тут вопрос в деньгах, понимаешь?

Я, хоть и знала, что все в мире в конце концов сводится к деньгам, не сразу сообразила, о чем она говорит.

Она сложила руки на одеяле.

— Дороти, я хочу сделать тебя своим доверенным лицом, чтобы ты занималась моими делами, — сказала она. — Ты согласна?

Я очень удивилась.

— Конечно. Но не лучше было бы назначить Чарльза или Марион?

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Нельзя назначать доверенных, если ты не в своем уме. И я боюсь, что если я подожду, то... то... Я уже говорила, мне иногда кажется, будто со мной не все в порядке и что будет еще хуже. Знаешь, было бы лучше, если бы я оттого инсульта умерла. Тогда все было бы намного проще. Но если я сейчас не назначу доверенного, потом, когда я перестану понимать, что делаю, все будет намного сложнее, и, если Чарльз и Марион даже и не отправят меня в психушку, они смогут делать со мной все, что захотят. Они упекут меня в какой-нибудь приют, и все будут говорить, как они все время чудесно обо мне заботились. Но они без моих денег не смогут определить меня в действительно хороший приют, где мне будет хорошо и где за мной будут ухаживать. Поэтому я хочу, чтобы мои деньги достались тому, кому я доверяю. Поэтому я и хочу знать наверняка, что это будешь ты.

Не сразу мне удалось ответить.

— Но почему вы не доверяете Чарльзу и Марион? — наконец спросила я.

— Марион не любит меня, — ответила она. — И никогда не любила. Она пришла сюда только потому, что это был способ дать Чарльзу то, что он хочет, — хороший дом. И это ни ему, ни ей ничего не стоило. Но ей скучно, и она хочет вернуться на старую работу.

До того как выйти замуж за Чарльза, Марион несколько лет работала библиотекарем в колледже Святого Ботольфа, и жила она тогда в собственном уютном домике в Камноре.

Бабушка Эмма продолжила:

— Она думает, что сможет обратно устроиться, если не нужно будет за мной ухаживать, так что при первом же удобном случае она от меня отделается. Но даже если бы они получили мои деньги и смогли устроить меня в хорошее место, они наверняка выбрали бы самый дешевый вариант, и тогда мои последние годы, или месяцы, или недели, это уж как получится, будут жалкими.

Думаю, я тогда нахмурилась.

— Тогда скажите, что должна сделать я?

— Первым делом ты должна стать моим доверенным лицом официально, — сказала она. — Тебе нужно будет встретиться с мистером Бейбриджем, это мой адвокат. Конечно, в субботу с утра его на работе не будет, но если ты сегодня вечером позвонишь ему домой и скажешь, что дело срочное, я уверена, что он не откажется завтра заглянуть ко мне. Потом, когда мы все уладим, я хочу, чтобы ты сказала Чарльзу и Марион,

что они могут быть свободны, потому что ты собираешься в агентстве нанять для меня сиделку. У меня есть адрес хорошего агентства, они пришлют кого-нибудь, кто будет ходить в магазины, готовить и все остальное. Это, конечно, очень дорого, но я же могу себе это позволить, в конце концов... Тем более что это ненадолго... И тогда я буду... — Она на миг замолчала, а потом негромко произнесла: — Я буду чувствовать себя в безопасности.

Тогда я в первый раз подумала о том, действительно ли она в своем уме и имеет ли право назначать доверенных лиц. Хотя именно тогда мне и надо было начать воспринимать ее серьезно...

— Хорошо, — сказала я. — Если вы действительно этого хотите. Чарльзу и Марион будет немного тяжело вот так остаться без дома, но, я уверена, они смогут найти себе временное жилье, пока не подыщут еще что-нибудь. И первое, что я должна сделать, это позвонить сегодня вечером мистру Бейбриджу и попросить, чтобы он пришел к вам.

Она кивнула.

— И, пожалуйста, не говори ничего Чарльзу и Марион. Я знаю, ты думаешь, что я неблагодарная, но, поверь... Поверь, Дороти...

Она так и не закончила предложение, и только позже я поняла, что она хотела сказать.

Телефон стоял на столике в прихожей внизу лестницы. Я нашла номер мистера Бейбриджа в лежащей рядом телефонной книге и договорилась, что он придет к бабушке завтра утром в одиннадцать. Я не сказала, для чего она хочет с ним встретиться, только упомянула, что она будет очень благодарна, если он выполнит ее просьбу. Но двери в гостиную, где сидели Марион с Чарльзом, были открыты, и, когда я вошла туда, Чарльз сказал:

— Итак, она хочет изменить завещание.

— Изменить завещание? — сказала я. — Она мне ничего не говорила о завещании.

— Разве не для этого она вызывает Бейбриджа?

— Понятия не имею.

Насколько мне было известно, в своем завещании бабушка Эмма делила все свое имущество поровну между мной и Марион. И вряд ли она стала бы его менять.

— Конечно, если она это сделает, мы всегда можем оспорить его, — продолжил Чарльз. — Я думаю, доктор Саммерс не откажется подтвердить, что состояние ее рассудка не было адекватным для принятия таких решений. А потом мы могли бы... — Тут он посмотрел на меня с обворожительной улыбкой, которая, как мне всегда казалось, делала его в

общем-то неинтересное лицо удивительно привлекательным. — Мы могли бы заявить о злоупотреблении влиянием, верно? Имея в виду, что ты так долго сегодня вечером пробыла с ней.

— Все это время, пока я была с ней, она ни разу не упомянула о завещании. Я тоже, — честно сказала я.

— Все равно, с ее рассудком все в порядке, — вступила Марион. — Просто она старая, и вышло так, что не любит нас с тобой, Чарльз. Я не знаю, из-за чего это, но она имеет на это право, верно? Надеюсь, меня никто не считает сумасшедшей только из-за того, что мне не нравятся некоторые люди.

Тут я сказала то, о чем позже пожалела:

— Я не думаю, что с ее разумом что-то не в порядке, но она боится, что это может случиться.

Чарльз взглянул на меня исподлобья.

— В самом деле? Мне это не приходило в голову.

Я вспомнила, как бабушка Эмма говорила о том, что она подозревала, что Чарльз и Марион не замечали ее провалов в памяти и прочих расстройств.

Конечно, я сразу попыталась исправить свою ошибку:

— Ох, я не знаю, наверное, это последствия инсульта. Бабушка сейчас такая беспомощная, ей это так непривычно, и она никак не может с этим смириться.

— И все же, ты думаешь, она боится... — Он недоговорил, и они с Марион обменялись долгими взглядами, заставившими меня подумать, что, вопреки его словам, они все же обсуждали это.

Чувствуя, что подвела бабушку Эмму, я пожелала им спокойной ночи и пошла в свою комнату.

На следующее утро меня разбудила Марион, которая принесла чай на подносе. Когда она поставила его на столик у кровати, я сказала:

— Спасибо, но не стоило беспокоиться.

— Ничего, я всегда делаю это для бабушки Эммы, — ответила она. — Когда встанешь, спускайся вниз, я, скорее всего, буду на кухне.

— Я бы хотела сходить в ванную, — сказала я. — Я никому не помешаю?

— Нет, иди, когда захочешь. — Она собралась уходить.

Я села, переставила поднос себе на колени и сказала:

— Знаешь, Марион, ночью, перед тем как заснуть, я думала о нашем вчерашнем разговоре. Честно, бабушка Эмма мне ничего не говорила насчет изменения завещания. Мне показалось, вы с Чарльзом не поверили,

когда я вчера об этом сообщила.

Она пожала плечами, и я отчетливо увидела в ее глазах недоверие. Но она сказала:

— Если она его и изменит, я плакать не буду. Я хочу вернуться на работу. Из меня плохая сиделка, не лучше, чем из тебя. Только тебе повезло, тебя никто не просил бросить работу, чтобы заниматься такими вещами, которыми мне в последнее время приходится заниматься. У тебя всегда было все, что ты хотела.

«Кроме Чарльза, — подумала я, а когда-то выйти за него замуж мне хотелось больше жизни».

— Но ты же любишь бабушку Эмму, правда? — сказала я. — Она всегда к нам так хорошо относилась.

— Да, конечно, — ответила она с безразличным видом. — Но я не домоседка, понимаешь? Я не умею готовить, и я не умею, как ты, создавать людям настроение, я не душа компании, хотя Чарльзу этого хотелось бы. Заниматься покупками и торчать почти все время в этом большом доме мне ужасно скучно. Но извини, я не хотела начинать ворчать сутра пораньше. Обычно это накапливается во мне задень и выходит, если мне попадается кто-нибудь, кто готов меня выслушать и посочувствовать. Если хочешь, могу тебе порцию позже выделить.

Она вышла, и я услышала ее спускающиеся по лестнице шаги.

Выпив чай, я встала с кровати, надела халат, взяла мочалку и зубную щетку и пошла в ванную.

Я набрала полную ванну, неторопливо помылась, потом лениво легла в теплую воду, думая о том, как странно было узнать, что жизнь Марион, которой я всегда до некоторой степени завидовала, оказалась для нее ловушкой. Я не поверила, что деньги бабушки Эммы были не важны для нее и Чарльза. Если бы это было так, то почему они давно не уехали отсюда, предоставив бабушке Эмме найти себе хорошую сиделку? «Дело в том, — подумала я, — что Марион — из тех людей, которые хотят иметь все, не пожертвовав ничем». Она хотела сохранить брак, хотела вернуться на работу и иметь больше денег, чем могла бы там зарабатывать, хотела жить в роскошном доме...

И в ту самую секунду я услышала крик или вопль, в общем, какой-то жуткий звук, и голос Марион, которая отчетливо и очень громко произнесла: «Не надо! Не надо!»

А потом раздался выстрел.

Я выскочила из ванной, схватила халат и, надевая его, выбежала из ванной в коридор. Окно там было распахнуто, и по моему мокрому телу

пробежала дрожь. Дверь в спальню бабушки Эммы была открыта. Я вошла.

Никогда в жизни я не испытывала такого ужаса, как в тот миг, когда вошла в эту комнату. Бабушка Эмма лежала на кровати, половина ее головы была снесена выстрелом. Все ее подушки были залиты кровью. Один ее глаз наполовину вылез из орбиты. В комнате стоял странный запах, который я не смогла определить, потому что никогда раньше не бывала в месте, где только что стреляли из оружия. Револьвер или пистолет, не знаю, что это было, лежал на полу рядом с кроватью, и одна ее рука, свешиваясь с постели, почти касалась его рукоятки. Марион стояла посреди комнаты и кричала.

Возможно, следовало тогда ударить ее по лицу. В книгах пишут, что это лучше всего успокаивает истерику. Но я в ту минуту сама была на грани истерики и, не замечая, что делаю, пыталась справиться со змейкой на халате. Когда я наконец застегнулась, меня всю трясло. Когда я, уже только наполовину голая, наконец хоть как-то пришла в себя, я взяла Марион за плечи и затрясла. К этому времени она даже не кричала, а молча стояла и дрожала.

— Что случилось? — закричала я. — Господи, что случилось?

— Я не смогла остановить ее, — лихорадочно затараторила она. — Я умоляла ее не делать этого, но было слишком поздно. Я закричала: «Не надо!», но она все равно выстрелила. Я видела это, Дороти, я все это видела. Я несла ей чай, зашла в комнату, а она сидит и пистолет к голове прижимает. И она как будто заметила меня, но даже не посмотрела в мою сторону. Просто нажала на курок... А!.. А!..

Я думала, что у нее сейчас опять начнется истерика, но она только отошла на несколько шагов от кровати, опустилась на кресло и закрыла лицо руками.

Я увидела поднос с чаем на столике у кровати, там, куда она его поставила.

— Откуда у нее пистолет? Ты не знаешь? — спросила я.

— Наверное, это один из тех, которые дедушка Бертрам с войны привез, — ответила Марион, не отнимая рук от лица. — Я слышала, как она о них говорила, но не знала, где они хранятся.

— Но почему... Почему она так поступила? Когда мы с ней разговаривали вчера вечером, она... она о другом думала.

Марион опустила руки.

— Она боялась сойти с ума, ты же сама об этом говорила. Наверное, из-за этого она и убила себя.

В эту секунду в комнату вошел Чарльз.

Когда он увидел бабушку Эмму, и кровь, и жуткий выкатившийся глаз, он воскликнул что-то похожее на «Исусе Христе!», но произнесено это было хриплым сдавленным голосом, поэтому слова могли быть другими. Лицо его посерело; повернувшись к Марион, он задал ей точно такие же вопросы, какие только что задала я, и она ответила то же, что и мне, хотя голос ее звучал уже ровнее. Только глаза ее были закрыты, как будто она боялась посмотреть на то, что лежало на кровати.

— Ты правда видела, как она выстрелила в себя? — спросил он. — Ты можешь в этом поклясться?

— Конечно могу... Но зачем мне это делать? — спросила она.

— Потому что будет следствие, и тебе придется это сделать, — ответил он. — Я сейчас позвоню Саммерсу, а потом... Нет смысла откладывать, я позвоню в полицию.

Доктор Саммерс знал бабушку Эмму десять лет. Она относилась к нему с долей недоверия, считая не очень ответственным молодым человеком, хотя ему было уже далеко за пятьдесят и у него было несколько взрослых детей. Она всегда с тоской вспоминала доктора Чартерса, который был почти так же стар, как она. Впрочем, был доктор Саммерс молодым и безответственным или нет, ему не составило труда установить причину смерти.

Марион встала и посмотрела на меня.

— Сходи оденься, — сказала она, и меня поразило, каким спокойным был ее голос. — Скоро здесь будет много людей, так что лучше сделай это сейчас.

Мне это показалось разумным, поэтому я пошла к себе.

Я слышала, как Чарльз спускался по лестнице и как звякал телефон, когда он набирал номер — сначала, наверное, доктора, потом полиции. Через какое-то время, причесываясь перед зеркалом, я почувствовала запах кофе и решила, что Марион, должно быть, тоже спустилась. Я обрадовалась, что она подумала об этом, потому что в ту минуту мне больше всего хотелось выпить чашку крепкого кофе. И все же я не сразу спустилась вниз.

Меня не покидало какое-то смутное тревожное ощущение, что-то, связанное с той комнатой, в которой лежала мертвая бабушка Эмма, что-то такое, что пыталось преобразоваться в мысль, но оставалось бессмысленным.

Дверь спальни оказалась закрытой. Я открыла ее, потихоньку, как будто боясь разбудить её или побеспокоить кого-то другого, кто мог там находиться. Разумеется, там никого не было и все выглядело в точности

так, как в прошлый раз, когда я здесь стояла. Но все ли? Почему у меня появилось такое ощущение, будто здесь что-то изменилось?

Не знаю, сколько я там простояла, осматривая комнату, в которой уже чувствовался запах крови, пока вдруг не поняла, что изменилось. Поднос с чаем. Когда я в прошлый раз вбежала сюда и увидела кричащую Марион, поднос стоял на столике. Теперь его там не было. Очевидно, Марион унесла его на кухню, чтобы помыть чайник. Мне показалось странным, что она подумала об этом в такое время, но, с другой стороны, именно в подобных ситуациях люди, бывает, ведут себя очень странно, руководствуясь привычкой. Возможно, Марион даже не осознавала, что делает.

Потом я увидела, что она не унесла поднос на кухню. Он стоял на комодке рядом с дверью.

Насколько я могла судить, больше в комнате ничего не изменилось. Пистолет все еще лежал на ковре рядом с кроватью. Над ним свешивалась мертвая рука бабушки Эммы. Но поднос с маленьким серебряным чайником, молочником, чашкой на блюдце и тарелкой с двумя сухими печеньями загадочным образом переместился со столика на комод. У двери.

Раскрыла эту загадку я довольно скоро, хотя мне показалось, что, думая об этом, я простояла там очень долго: когда я спустилась в кухню, кофе был горячим, а значит, я не могла пробыть в комнате бабушки Эммы больше нескольких минут. В ожидании доктора мы стали пить кофе. Звонок в дверь раздался примерно через четверть часа, и как только доктор увидел тело бабушки Эммы, он сказал:

— Вы, разумеется, вызвали полицию?

— Конечно, — ответил Чарльз.

Потом мы все вместе снова спустились вниз, и Марион налила доктору Саммерсу кофе.

Сделав глоток, он с задумчивым видом произнес:

— Чего-то подобного следовало ожидать. Она прекрасно справилась с инсультом, но я видел ее депрессию, она уже не была, как прежде, неунывающим, полным сил человеком. Но удивительно, что она застрелилась. Я бы понял, если бы она наглоталась тех таблеток, которые я ей прописал. Они безвредны, но если сразу принять большое количество, организм может не выдержать. Вы знали, что у нее был пистолет?

— Да, я говорила об этом сестре, — ответила Марион. — Я думаю, этот пистолет привез мой двоюродный дед с войны. Я слышала, как бабушка упоминала о нем, но не знала, где она его прячет и есть ли к нему патроны. А почему она это сделала... После разговора с сестрой вчера

вечером мы поняли, что она очень боялась сойти с ума. Может, она уже была не в себе, хотя мы с мужем каких-то странностей за ней не замечали. Да, у нее всегда было подавленное настроение, но, если с ней заговорить, она всегда отвечала впопад и совершенно разумно.

— Душевнобольные, хотя сейчас их так не принято называть, могут быть очень хитрыми и умеют искусно скрывать свои особенности от окружающих, — сказал доктор. — Но я не думаю, что у следствия возникнут какие-то трудности. Если вы уверены, что ее преследовал такой страх, это, конечно, объясняет ее поступок.

Полиция прибыла через несколько минут.

Главным был мужчина невысокого роста с бесстрастным лицом и в штатской одежде, который представился детективом-инспектором Фоскином. С ним были сержант в форме и констебль. Чарльз и доктор Саммерс отвели всех троих наверх в комнату бабушки Эммы, а мы с Марион остались ждать в гостиной, прислушиваясь к доносящимся сверху звукам. Но после нескольких шагов наступила необыкновенная тишина.

Через какое-то время спустился один из полицейских и направился в прихожую, где стоял телефон. Я подумала, он хочет вызвать «скорую помощь», чтобы они увезли тело, но, оказалось, он звонил в полицейский участок, чтобы вызвать фотографа и какого-то специалиста по отпечаткам пальцев. Я услышала, как судорожно вздохнула Марион. Она стояла, не шевелясь, возле камина, где со вчерашнего дня еще лежали остывшие угли. Женщина, которая убирала в доме, чистила камин и зажигала новый огонь, приходила каждое утро, кроме субботы.

Сержант, который звонил, вошел в гостиную и сказал, что инспектор Фоскин просит нас с Марион подняться наверх и рассказать подробно, что произошло этим утром.

Мы, а за нами сержант поднялись по лестнице и вошли в спальню.

Я услышала, что Марион снова судорожно вздохнула, и меня это не удивило. Поднос с чаем, который до этого стоял на комод у двери, переместился обратно на столик у кровати, где он и находился, когда я в то утро первый раз вошла в комнату.

Инспектора Фоскина он, похоже, чем-то заинтересовал.

— По словам вашего мужа, — обратился он к Марион, — вы утром обнаружили тело. Вы не могли бы рассказать в точности, как это произошло?

Сначала она молча смотрела на поднос, затем посмотрела на меня, а потом повернулась к инспектору.

— Я вошла, как обычно, примерно без четверти восемь, — стала

рассказывать она. — Я принесла бабушке чай, как делаю каждое утро, и увидела, что она приставила к голове пистолет. Кажется, я закричала «Не надо!» или что-то подобное и подбежала к ней. Но она успела нажать на курок. Думаю, что после этого я начала кричать. Я плохо помню, что я делала. Следующее, что я помню, — как сестра трясла меня за плечи и спрашивала, что случилось.

— А поднос, который вы несли? — бесстрастным голосом произнес детектив. — Что вы сделали с ним?

— Поднос, — тупо повторила она, как будто не могла понять, о чем он говорит, хотя все ее внимание устремилось на него, как только мы вошли в спальню. — Не знаю. Наверное, поставила куда-нибудь.

— Сюда, на стол. — Он указал пальцем. — Увидев свою бабушку с пистолетом у виска, вы прошли с подносом через всю комнату, обошли кровать, поставили поднос на столик и только после этого начали кричать. С трудом могу себе такое представить. Если бы вы просто уронили поднос на пол или поставили его на ближайшее подходящее место — например, на вон тот комод у двери, я бы это понял и, вероятно, поверил бы вашему рассказу. Но в данных обстоятельствах я склонен полагать, что это вы нажали на курок, после того как поставили поднос на этот стол.

Взгляд Марион снова встретился с моим. Мне кажется, в ту секунду она не сомневалась, что это я, пока она варила кофе, оделась, зашла в эту комнату и переставила поднос. Думая, что исправила свою ошибку с подносом, она чувствовала себя в безопасности. И может быть, ей действительно удалось бы выйти сухой из воды, если бы Она не потеряла самообладание, если бы не набросилась на меня и не попыталась выцарапать мне глаза. Улик против нее в действительности было недостаточно для обвинения.

Но она не была похожа на человека, способного на убийство. Дошло даже до того, что мне пришлось отрицать, что я прикасалась к подносу, и, поскольку я была очень осторожна и постаралась не оставить своих отпечатков, мне поверили. В конце концов после очередного приступа истерических криков Марион сломалась и призналась, что это она убила бабушку Эмму. До самого конца она была уверена в том, что бабушка Эмма собиралась вычеркнуть ее и Чарльза из завещания.

Ее приговорили к пожизненному заключению.

Но, разумеется, пожизненное заключение не означает, что человек проведет в тюрьме буквально всю жизнь. Проходят годы. Мы с Чарльзом уже давно живем вместе, но я не берусь предсказать, что произойдет, когда Марион выйдет из тюрьмы. Мне кажется, что со мной Чарльз счастлив. Я

давно бросила работу, и теперь мы живем в старом доме на Элуэлл-стрит. У нас много денег, и мы часто принимаем гостей, чему он очень рад. Но скандал, который разгорелся после убийства, помешал его карьере, и он так и не стал профессором.

Я до сих пор не уверена, был ли он причастен к убийству моей бабушки или вся вина лежит только на Марион, но я и не хочу копать слишком глубоко. Против него она не сказала ни одного слова, хотя, может быть, как его жена, просто не смогла этого сделать. Он всегда утверждал, будто не знал, что было у нее на уме, когда тем утром она ушла наверх готовить чай. И все же порой я ловлю на себе его взгляд, который заставляет меня задуматься о будущем...

РУТ РЕНДЕЛЛ

Источник зла

Самый современный из литературных британских следователей, инспектор Реджинальд Вексфорд впервые появился еще в 1964 году в романе «От Дуна с любовью». Это был первый опубликованный роман Рут Ренделл, но не первый написанный. «Я написала несколько романов, прежде чем один из них был принят, — говорила она. — Первый роман, который я предложила издателю, был чем-то вроде комедии нравов... Рукопись долго провалялась у них, прежде чем мне ее вернули... и они спросили, нет ли у меня чего-нибудь еще. У меня была готовая детективная история, которую я когда-то написала от нечего делать...» Вот так инспектор Вексфорд и появился на свет. В скором времени он стал одним из самых популярных сыщиков современного британского детектива. Вексфорд не похож на традиционных для детектива полицейских инспекторов, он растет и меняется от романа к роману. В последних романах о нем Рут Ренделл больше внимания уделяет «психологическим и эмоциональным особенностям человеческой природы, чем загадке и криминалу...» В нашем рассказе знаменитому инспектору Вексфорду и его помощнику Вердену приходится иметь дело как с психологией, так и с криминалом.

~ ~ ~

— Рядовка, зонтик, вороночник, сморчок и болетус. Вам это о чем-нибудь говорит? — спросил инспектор Верден.

Главный инспектор Вексфорд пожал плечами:

— Похоже на кроссворд какой-то. Что может быть у них общего? Хм, рискну предположить, что это ракообразные, или морские актинии. Угадал?

— Это съедобные грибы.

— В самом деле? И какое отношение имеют съедобные грибы к выпавшей или выброшенной из окна миссис Ханне Кингман?

Мужчины сидели в кабинете Вексфорда в полицейском участке города

Кингсмаркама, что графстве Сассекс. Дело было в ноябре, но Вексфорд только что вернулся из отпуска. И пока он в Корнуолле наслаждался второй половиной октября, который был более летним, чем само лето, Ханна Кингман совершила самоубийство. По крайней мере, так поначалу подумал Верден. Теперь же перед ним возникла дилемма, и, как только в понедельник утром Вексфорд вошел в кабинет, Верден начал рассказывать своему начальнику всю историю.

Вексфорд, высокий, нескладный и довольно некрасивый мужчина под шестьдесят, когда-то был толстым до стадии ожирения, но потом по причинам, связанным со здоровьем, сбросил вес до худобы. Верден, на двадцать лет моложе его, всегда был поджарым и гибким. Его лицо напоминало лицо аскета, но отличалось холодной красотой. Старший из мужчин, несмотря на то что у него была хорошая жена, преданно ухаживавшая за ним, всегда выглядел так, будто одежда его куплена в одном из магазинов благотворительной организации «Война нужде», тогда как младший всегда был одет безукоризненно. Рядом они выглядели как бродяга и денди, но щеголь во всем полагался на бродягу, доверял ему, понимал и принимал силу и остроту его мышления. Втайне он почти восхищался им.

Занимаясь этим делом, он в отсутствие шефа чувствовал себя, как в темном лесу. Сначала все указывало на то, что Ханна Кингман покончила с собой. Она страдала навязчивыми депрессиями, отягощенными острым ощущением собственной неадекватности. Первый ее брак распался, второй, впрочем, недолгий, тоже был несчастлив. Даже невзирая на то, что не было найдено предсмертной записки и разговоров о самоубийстве от нее никто не слышал, Берден не усомнился бы, что она свела счеты с жизнью по собственной воле... если бы к нему не пришел ее брат и не рассказал о грибах. Как назло, не оказалось рядом и Вексфорда, который умел с одного взгляда отделять овец от козлиц и зерна от плевел.

— Дело в том, — сказал Берден сидевшему с другой стороны стола Вексфорду, — что мы ищем доказательства не убийства, а попытки убийства. Аксель Кингман мог столкнуть жену с балкона (у него нет алиби на это время), но у меня не было причин подозревать его в этом, пока я не узнал о том, что две недели назад он пытался ее убить.

— Эта попытка как-то связана со съедобными грибами?

Берден кивнул.

— Скажем так, она связана с подмешиванием какого-то ядовитого вещества в рагу из съедобных грибов. Хотя, если это действительно произошло, совершенно непонятно, как ему это удалось, потому что кроме

нее это рагу ели еще три человека, включая его самого, и без каких-либо последствий для здоровья. Но, я думаю, лучше рассказать вам все с самого начала.

— Пожалуй, — согласился Вексфорд.

— Факты, — начал он голосом произносящего речь адвоката, — таковы. Аксель Кингман, тридцати пяти лет, владеет магазином здорового питания здесь, на Хай-стрит, он называется «Урожайный дом». Видели? — Когда Вексфорд коротким кивком головы дал понять, что видел, Берден продолжил: — Раньше он был учителем в Мирингеме и, до того как переехал сюда, примерно семь лет жил с женщиной по имени Корин Ласт. Он бросил ее, бросил старую работу, вложил все свои капиталы в этот магазин и женился на миссис Ханне Николсон.

— Надо полагать, он один из тех людей, которые помешаны на здоровой пище? — предположил Вексфорд.

Берден поморщился.

— Все это чушь собачья, — сказал он. — Вы когда-нибудь видели, в каких бледных, тощих доходяг превращаются эти сторонники здорового питания? Тогда как нормальные люди, которые живут на мясе, на сале, на виски, на пирогах сливовых, всегда здоровы и готовы в бой.

— Кингман — бледный тощий доходяга?

— Немощный... как это сказать?.. эстет, я бы так выразился. Ну, и они с Ханной открыли этот магазин и купили квартиру в той огромной башне, которую наши градостроители удосужились взгромоздить. На пятом этаже. Корин Ласт, по ее словам и свидетельствам Кингмана, смирилась с этим, и они все остались друзьями.

— Расскажите о них, — сказал Вексфорд. — Оставьте на время факты и расскажите, что они за люди.

Берден в описании людей был не силен. Его анализ личностных качеств человека чаще всего сводился к фразам наподобие «самый обычный» или «как кто угодно», что всегда приводило в раздражение Вексфорда. И все же он попробовал.

— Кингман похож на человека, который мухи не обидит. Я бы даже назвал его тихим, если бы не подозревал, что он может быть хладнокровным женоубийцей. Он абсолютный трезвенник с бредовыми мыслями насчет выпивки. Его отец в свое время разорился и умер от алкоголизма, так что нашего Кингмана можно назвать антиалкогольным фанатиком. Погибшей было двадцать девять. Первый муж оставил ее через полгода семейной жизни и ушел к какой-то ее подруге. Ханна вернулась жить к родителям и устроилась на полсмены в школьную столовую, в

которой работал и Кингман. Там они и познакомились.

— А другая женщина? — произнес Вексфорд.

Берден сник. Секс вне брачных уз, несмотря на общее одобрение и глубокие традиции этого феномена, всегда претил ему. То, что по работе ему почти ежедневно приходилось сталкиваться с супружеской изменой, ни на йоту не смягчило его решительное неодобрение. Как иногда иронически замечал Вексфорд, можно было подумать, что в глазах Вердена все горе на земле и уж точно все преступления тем или иным образом являются следствием того, что мужчина и женщина предаются таинствам любви не на супружеском ложе.

— Бог знает, почему он не женился на ней, — наконец произнес Берден. — Лично я считаю, что жизнь была намного лучше, когда власти еще волновал моральный облик учителей.

— Давайте не будем сейчас обсуждать ваши взгляды, Майк, — сказал Вексфорд. — По-видимому, Ханна Кингман умерла не из-за того, что муж достался ей не девственником.

Берден немного покраснел.

— Я расскажу вам об этой Корин Ласт. Она очень красивая, если вам нравятся смуглые сильные женщины. Отец оставил ей немного денег и дом, в котором они с Кингманом жили и она продолжает жить до сих пор. Она из тех женщин, у которых получается все, за что они берутся. Она пишет и продает картины. Она шьет одежду и считается звездой местного драматического кружка. Она скрипачка и играет в каком-то струнном трио. Еще она пишет статьи в журналы о здоровье и даже выпустила свою поваренную книгу.

— Создается впечатление, — вставил Вексфорд, — что Кингман ушел от нее, потому что просто не вынес такого. И это привело к тому, что он познакомился с тихой, скромной работницей школьной столовой. Я полагаю, войну из-за него они не начали?

— Вы правы. Вообще-то эту версию мне уже подсказали.

— Кто? — спросил Вексфорд. — От кого вы все это узнали, Майк?

— От одного злого молодого человека, четвертого участника этого квартета. Я говорю о брате Ханны. Его зовут Джон Худ, и я подозреваю, что рассказал он мне далеко не все, что знает. Но хватит уже описывать людей. Я продолжу рассказ.

Никто не видел, как Ханна падала из окна. Произошло это в прошлый четверг около четырех часов дня. По словам мужа, он в это время находился в небольшом помещении, вроде кабинета, в глубине магазина, где занимался тем, чем всегда занимается в день приема товара: проверял

запасы и наклеивал этикетки на разные бутылочки и пакеты. Она упала на заасфальтированную парковку с тыльной стороны дома, где через пару часов ее тело между двумя машинами нашел сосед. Вызвали нас, и мне показалось, что Кингман был в отчаянии. Я спросил его, знал или догадывался ли он, что его жена собиралась покончить с собой, и он ответил, что никогда о таком не слышал, но в последнее время у нее была страшная депрессия и несколько раз они ссорились, в основном из-за денег. Врач посадил ее на транквилизаторы, что Кингман, кстати, не одобрял. Сам врач, старый доктор Касл, рассказал мне, что она обратилась к нему с депрессией и жаловалась на то, что продолжать так жить не может и считает себя обузой для своего мужа. Он не удивился тому, что она покончила с собой, как и я в то время. Все мы уже согласились с тем, что это самоубийство, но зерно сомнения зародилось у меня, когда явился Джон Худ и рассказал историю о том, что Кингман уже однажды пробовал убить жену.

— Он так и сказал?

— Так или почти так. Очевидно, что он не любит Кингмана и, несомненно, любил сестру. Еще ему, похоже, нравится Корин Ласт. Он рассказал, что в конце октября субботним вечером они все вчетвером ужинали в квартире Кингманов. Там были сплошные вегетарианские блюда, приготовленные самим Кингманом, — он всегда сам стряпал — и одно из блюд было приготовлено из того, что я, либо как человек, отставший от жизни, либо по своей узколюбости, называю поганками. Блюдо это ели они все, и ни с кем ничего не случилось, кроме Ханны, которая едва встала из-за стола, потом ее несколько часов тошнило, и вообще она чуть не умерла.

Вексфорд поднял брови.

— Объясните, пожалуйста, — сказал он.

Берден откинулся на спинку кресла, уперся локтями в подлокотники и сложил кончики пальцев.

— За несколько дней до того, как они отведали это блюдо, Кингман и Худ встретились в сквош-клубе, в котором оба состоят. Кингман рассказал Худу, что Корин Ласт пообещала дать ему несколько съедобных грибов, белых навозников. Грибы были из ее собственного сада, сада того дома, в котором они когда-то жили. Каждую осень эти грибы вырастают там на одном и том же месте под деревом. Я их сам видел, но об этом через минуту. Кингман — настоящий профи по всяким травам и растениям: делает салаты из одуванчиков и щавеля и грибы эти просто обожает, говорит, что у них вкус намного богаче, чем у шампиньонов. Я лично

предпочитаю то, что продается в магазине и запаковано в пластик, но, как говорится, человек человеку рознь. Кстати, поваренная книга Корин Ласт называется «Готовим из ничего», и все рецепты там состоят из растений, которые можно найти в любом месте у дороги, или из листиков, которые можно нащипать на разных кустах.

— А эти светлые пометники, или серые перегнойники, или как их там, он их раньше когда-нибудь готовил?

— Белые навозники, — напомнил Берден с улыбкой. — Или *coprinus comatus*. О да, он каждый год их готовит, и каждый год они с Корин ели из них рагу. Он сказал Худу, что и на этот раз собирается их приготовить, как всегда, и Худ говорит, что, как ему показалось, Кингман был очень благодарен Корин за ее... великодушие.

— Да, я представляю, как ей это было неприятно. Все равно что слушать «нашу песню» в компании с твоей бывшей и тем, на кого она тебя променяла. — Вексфорд поиграл бровью. — Что бы вы сказали, если бы увидели меня поедающим наши любимые поганки в компании с кем-то другим?

— Вообще-то, — серьезно сказал Берден, — все могло так и получиться. Короче говоря, закончилось это тем, что он пригласил Худу на субботу отведать это лакомство и сообщил, что Корин тоже будет там. Возможно, из-за этого он и согласился. В назначенный день утром Худ зашел к сестре. Она показала ему кастрюлю с приготовленным Кингманом рагу и сказала, что уже попробовала его и оно восхитительно. Еще она показала ему десяток сырых навозников, которые Кингману не понадобились и которые они собирались пожарить себе на обед. Вот что она ему показала.

Берден выдвинул ящик стола и достал один из тех пластиковых пакетов, которые так вдохновляли его своей безопасностью. Однако содержимое пакета было не из магазина. Он раскрыл пакетик и вывалил на стол четыре бледных чешуйчатых гриба. Они имели удлиненную яйцевидную шляпку и короткую мясистую ножку.

— Я сегодня утром их сам собрал, — сказал он. — В саду у Корин Ласт. Когда они вырастают, эта яйцевидная шляпка раскрывается и делается похожа на зонтик или даже на пагоду и внизу становятся видны черные пластинки. Есть их можно только в таком виде, когда они еще молодые.

— Вы, очевидно, обзавелись справочником по грибам? — сказал Вексфорд.

— Вот. — Книгу он тоже достал из ящика стола. — «Съедобные и

ядовитые грибы Британии». А вот и описание навозника белого.

Берден раскрыл книгу на разделе «Съедобные», ткнул пальцем в картинку гриба, который он держал в другой руке, и передал книгу главному инспектору.

— «*Goprinus comatus*, — прочитал вслух Вексфорд. — Широко распространенный вид, во взрослом состоянии в высоту достигает девяти дюймов. Этот гриб часто собирают в конце лета и осенью на полях, в посадках и даже в садах. Употреблять в пищу его следует до того, как шляпка раскрывается и выпускает чернильную жидкость, однако для здоровья безопасен в любом виде». — Он положил книгу, но не закрыл ее. — Продолжайте, Майкл.

— Худ зашел к Корин, и к Кингманам они пришли вместе. Было это в самом начале девятого. Примерно в восемь пятнадцать они все вместе сели за стол и начали ужин с авокадо с приправой *vinaigrette*. Следующим блюдом должно было стать рагу, за ним отбивные из ореха с салатом, и в конце яблочный пирог. Не нужно говорить, что из-за предрассудков Кингмана на столе не было ни вина, ни других спиртных напитков. Они пили виноградный сок из магазина. В комнате есть прямой выход на кухню. Кингман принес рагу в большой супнице и сам раскладывал его на тарелки, начав, разумеется, с Корин. Каждая шляпка была разрезана вдоль на две половины, и они плавали в густой подливке, в которую были добавлены морковь, лук и другие овощи. Да, еще с того дня, когда Худа пригласили на ужин, его волновало то, что ему придется есть грибы, потому что он их побаивался, но Корин убедила его, что бояться нечего, и, увидев, как остальные с удовольствием едят грибы, он и сам стал есть без всякой опаски. Более того, он даже попросил добавки.

Когда доели, Кингман собрал тарелки, взял супницу и тут же прополоскал их в раковине. И Худ, и Корин Ласт вспомнили это, но Кингман сказал мне, что он так делает всегда, потому что брезглив и любит чистоту.

— Конечно, его бывшая подруга могла бы подтвердить или опровергнуть это, — заметил Вексфорд, — раз они прожили вместе так долго.

— Нужно спросить ее. Все следы рагу были уничтожены. Потом Кингман принес свою ореховую выдумку и салат, но, прежде чем он начал раскладывать их, Ханна подскочила, закрыла рот салфеткой и бросилась в туалет. Спустя какое-то время Корин пошла за ней. Худ говорит, что, судя по звукам, которые оттуда доносились, Ханну буквально выворачивало наизнанку. Он остался в гостиной, но Кингман и Корин были с Ханной.

Больше никто ничего не ел. Потом вернулся Кингман и сказал, что Ханна, наверное, подхватила какой-то вирус и он положил ее в кровать. Худ пошел в спальню и увидел лежащую на кровати Ханну и Корин рядом с ней. Лицо у Ханны было зеленоватого цвета и все покрыто испариной. Она явно очень страдала, потому что, пока Худ был там, она сложилась пополам и застонала. Пришлось ей снова идти в туалет, и на этот раз Кингману пришлось нести ее обратно на руках. Худ предложил позвонить доктору Каслу, но этому воспротивился Кингман, который докторов не любит и всем видам лекарств предпочитает травяные: ромашковый чай, таблетки из малинового листа и тому подобное. Еще он сказал Худу довольно странную вещь — что с Ханны уже хватит докторов, и добавил: мол, то, что происходит с Ханной, если не какая-нибудь желудочная инфекция, то последствия приема «опасных» транквилизаторов. Худ считал, что Ханне угрожала серьезная опасность, и спор накалился, потому что он порывался либо вызывать врача, либо везти ее в больницу. Кингман не соглашался, и Корин встала на его сторону. Худ — злой, но слабый человек. Он мог вызвать доктора сам, но не сделал этого. Опять же, думаю, что под влиянием Корин. Он назвал Кингмана дураком, который сам ест и других кормит вещами, которые, как все знают, несъедобны. Кингман на это ответил, что если белые навозники несъедобны, то почему они все не отравились? В конце концов около полуночи рвота у Ханны прекратилась, боль, похоже, прошла, и она заснула. Худ отвез Корин домой, потом вернулся к Кингманам и остался у них спать на диване. Утром Ханна выглядела совершенно здоровой, хоть и была совсем без сил, что опровергло версию Кингмана насчет желудочной инфекции. Отношения между зятем и шурином остались натянутыми. Кингман сказал, что ему не нравятся намеки Худа и что, если он хочет видеться с сестрой, пусть выбирает время, когда его не будет дома. Худ поехал домой и с того дня Кингмана не видел. На следующий день после ее смерти он ворвался сюда, рассказал мне то, что я вам сейчас передал, и обвинил Кингмана в попытке отравить Ханну. Он был вне себя, почти в истерике, но все же я почувствовал, что не могу отвергнуть эти заявления, как... бред убитого горем человека. Было слишком много необычных обстоятельств: то, что брак не был счастливым, тот факт, что Кингман вымыл те тарелки, то, что он отказался вызывать врача. Я прав?

Берден замолчал и посмотрел на своего начальника, ожидая одобрения. Оно последовало в виде вялого кивка.

Через мгновение Вексфорд произнес:

— Кингман мог столкнуть ее с балкона, Майк?

— Она была маленькой хрупкой женщиной, так что физически это было возможно. За задней частью дома, куда выходят балконы, нет ничего, кроме парковки и открытых полей, поэтому того, что происходило на балконе, не видел никто. Кингман мог подняться, а потом спуститься не на лифте, а по лестнице. На первых этажах две квартиры пустуют. Под Кингманами живет прикованная к постели женщина, ее муж был на работе. Этажом ниже живет молодая женщина, но она ничего не видела и не слышала. Женщина-инвалид говорит, что ей показалось, как днем кто-то кричал, но она ничего не предприняла. Если даже она это слышала, то что? По-моему, при таких обстоятельствах самоубийца может кричать не хуже жертвы убийства.

— Хорошо, — сказал Вексфорд. — Вернемся к этому необычному ужину. Значит, идея такая, что в тот вечер Кингман собирался убить ее, но его план не сработал, потому что то, чем он ее накормил, оказалось недостаточно ядовитым. Отравление было очень сильным, но она не умерла. Такой способ и эту компанию он подобрал специально, чтобы иметь свидетелей, которые подтвердили бы его невиновность. Они все ели рагу из одной посуды, но пострадала только Ханна. Как, по-вашему, он дал ей яд?

— Я этого не знаю, — откровенно признался Берден, — но остальные делают предположения. Худ человек не слишком умный, и поначалу он твердил, что все грибы опасны и все блюдо было ядовитым. Когда я указал на очевидную невозможность этого, он сказал, что Кингман, наверное, подсыпал что-то в тарелку Ханне, или же яд был в соли.

— В какой соли?

— Он вспомнил, что никто, кроме нее, не солил рагу. Но это абсурд, потому что Кингман не мог знать, что это случится. Да, и случайно мы можем установить еще один факт: авокадо были совершенно безвредны — Кингман разрезал их пополам на столе, а *vinaigrette* подал в кувшине. Хлеб был не в виде булочек, а домашний, из непросеянной муки, одной буханкой. Если на столе и находилось что-то такое, чему там быть не следовало, то только в рагу, других вариантов нет. Корин Ласт отказывается даже думать о том, что Кингман может быть виновен. Но когда я надавил на нее, она призналась, что не сидела за столом, когда подавали рагу. Она тогда вышла в прихожую, проверяла что-то в сумочке, поэтому не видела, как Кингман накладывал рагу в тарелку Ханны.

Берден потянулся через стол и взял книгу, раскрытую на описании белого навозника. Он перелистал ее до раздела «Ядовитые» и снова положил книгу перед Вексфордом.

— Взгляните на это.

— Да, — сказал Вексфорд, — наш старый друг мухомор. Маленький красавец с белыми точками на красной шляпке, который так любят иллюстраторы детских книжек. Обычно они сажают на него лягушку, а рядом ставят гнома. Вижу, употребление его в пищу вызывает тошноту, рвоту, тонические судороги, кому и смерть. У этого мухомора много разных видов, как я посмотрю. Фиолетовый, королевский, щетинистый, сине-зеленый — все более-менее ядовиты. Ага! Бледная поганка, *amanita phalloides*. Как некрасиво. Самый ядовитый из известных грибов, как утверждают тут. Даже небольшое количество может вызвать сильнейшие боли и даже смерть. И о чем нам все это говорит?

— По словам Корин Ласт, бледная поганка встречается в наших краях довольно часто. Она этого не упоминала, но по ее словам я заключаю, что Кингман мог легко заполучить поганку. Предположим, он отдельно приготовил одну поганку и положил ее в рагу перед тем, как вынести его из кухни. Накладывая рагу Ханне, он выловил поганку или ее части, так же, как, бывает, вылавливают из кастрюли особые кусочки курятины. Рагу было плотное, а не жидкое, как суп.

На лице Вексфорда отразилось сомнение.

— Отрицать эту версию мы не будем. Если бы он отравил рагу и если бы отравились все, это было бы больше похоже на несчастный случай, чего он, пожалуй, и добивался. Только здесь есть одно «но», Майк. Если он хотел убить Ханну и настолько неразборчив в средствах, что не пожалел Корин и Худа, зачем он вымыл тарелки? Чтобы доказать, что это был несчастный случай, он бы в первую очередь захотел сохранить следы рагу для экспертизы, которая наверняка проводилась бы, чтобы эксперт установил там наличие как ядовитых грибов, так и не ядовитых, и тогда его можно было бы обвинить только в невнимательности. Впрочем, не пора ли нам поговорить с этими людьми?

Магазин под названием «Урожайный дом» был закрыт. Вексфорд и Берден прошли по аллейке вдоль боковой стороны дома, миновали стеклянные двери главного входа и подошли к двери на тыльной стороне, над которой висела табличка «Лестница и аварийный выход». Они вошли в небольшой, выложенный плиткой вестибюль и стали подниматься по крутым ступенькам. На каждом этаже было две двери: одна прямо перед ступеньками, вторая слева. По дороге им никто не встретился. Быть замеченными в их планы не входило, поэтому, если бы там кто-то оказался, им пришлось бы ждать под лестничным пролетом, пока этот человек не

войдет в лифт. Звонок двери на пятом этаже был обозначен: «А. и Х. Кингман». Вексфорд позвонил.

Им открыл мужчина невысокого роста, с добрым и печальным лицом. Он показал Вексфорду балкон, с которого упала его жена. В квартире было два балкона. Второй, больший, располагался за окнами гостиной. Этот же находился за застекленной кухонной дверью и предназначался для сушки белья или выращивания зелени. Здесь было много растений в горшках, а в длинном корыте на земле все еще лежали пожухлые и замерзшие кустики помидоров. Стенка балкона в высоту была около трех футов, внизу располагалась парковка.

— Вас удивило самоубийство жены, мистер Кингман? — спросил Вексфорд.

Кингман ответил не прямо:

— У моей жены была очень заниженная самооценка. Когда мы поженились, я думал, что она такая же, как я: простой человек, который не требует от жизни многого и способен довольствоваться малым. Но все оказалось не так. Она ждала от меня больше поддержки и сочувствия, чем я мог дать. Особенно это проявилось в первые три месяца нашей совместной жизни. Потом она как будто стала видеть во мне врага. Она легко поддавалась перепадам настроения. Дела у меня идут неважно, а она тратила больше денег, чем мы могли себе позволить. Я не знал, на что уходили деньги, и мы часто ссорились из-за этого. А потом у нее начались депрессии, и она говорила, что не нужна мне, что лучше бы ей умереть.

Вексфорд про себя отметил, каким длинным получился ответ, и взял это на заметку. Кингман одновременно как будто искал себе оправдание и в то же время осознавал вину. Впрочем, вполне могло быть, что эти мысли сейчас действительно стали для него главными.

— Мистер Кингман, — сказал он, — как вам известно, у нас есть основания подозревать, что здесь было совершено преступление. Я бы хотел задать вам несколько вопросов насчет ужина, который вы устроили двадцать девятого октября, после которого ваша жена заболела.

— Догадываюсь, кто вам об этом рассказал.

Вексфорд не обратил на эти слова внимания.

— Когда мисс Ласт принесла вам эти... белые навозники?

— Вечером двадцать восьмого. Двадцать девятого утром я сделал из них рагу по рецепту мисс Ласт.

— В квартире в то время были другие грибы?

— Может быть, шампиньоны.

— Мистер Кингман, вы не добавляли в свое рагу какое-нибудь

ядовитое вещество или предметы?

Кингман ответил спокойным усталым голосом:

— Конечно же, нет. У моего шурина нездоровое воображение. Он отказывается понимать, что это рагу, которое я готовил до этого десятки раз по тому же рецепту, было таким же безопасным, как, к примеру, куриный суп. Даже более полезным, как по мне.

— Очень хорошо. Тем не менее вашей жене стало очень плохо. Почему вы не вызвали врача?

— Потому что моей жене не было очень плохо. У нее просто заболел живот и начался понос, вот и все. Вы не знаете признаков отравления грибами? Кроме боли в животе и тошноты, у отравившегося портится зрение, он может потерять сознание, могут даже начаться судороги, как при столбняке. С Ханной ничего подобного не происходило.

— Как неудачно, что вы сразу вымыли те тарелки. Если бы вы этого не сделали и вызвали врача, остатки рагу наверняка послали бы в лабораторию для анализа, и, если бы выяснилось, что оно безопасно, всего этого следствия можно было бы избежать.

— Оно безопасно, — с каменным выражением лица отрубил Кингман.

В машине Вексфорд сказал Вердену:

— Я ему верю, Майк. Если Худ или Корин Ласт не сообщат нам чего-то действительно существенного, это дело можно будет прекращать. Ну что, едем теперь к ней?

Коттедж, в котором Корин когда-то жила с Акселем Кингманом, располагался на одинокой дороге недалеко от деревушки Майфлит. Это было каменное здание с черепичной крышей, окруженное со всех сторон ухоженным садом. На дорожке перед обитым досками гаражом стоял зеленый «форд эскорт». Под большой старой яблоней с опадающими желтыми листьями тремя большими группами росли легко узнаваемые белые навозники.

Хозяйка дома была высокой женщиной; прямоугольный контур подбородка и высокий лоб подчеркивали красоту лица под пышной копной темных волос. Вексфорду она мгновенно напомнила картину Климта — портрет томной женщины с сочными красными губами, в золотом ожерелье, закутанной в золотые ткани, хотя Корин Ласт была в свитере и джинсовой куртке. Голос ее звучал негромко и размеренно. Она производила такое впечатление, будто ее невозможно вывести из себя или заставить врасплох.

— Вы, кажется, выпустили книгу кулинарных рецептов? — спросил

он.

Она не ответила, но протянула ему книгу в мягкой обложке, которую сняла с полки. «Готовим из ничего. Блюда из растений», автор — Корин Ласт. Он просмотрел указатель названий и нашел рецепт, который его интересовал. Рядом с ним была цветная фотография шестерых человек, поедающих нечто вроде коричневого супа. Среди ингредиентов значились морковь, лук, зелень, сливки и множество других безобидных продуктов. Последняя строчка гласила: «О сопутствующих напитках см. стр. 171». Заглянув на 171 страницу, он передал книгу Бердену.

— В тот вечер мистер Кингман приготовил это блюдо?

— Да. — Говоря, она немного отклонялась назад и чуть опускала густые блестящие ресницы. Было в этом что-то змеиное и отталкивающее. — Грибы я собрала у себя в саду. Я не понимаю, как Ханна могла ими отравиться, и все-таки это случилось, потому что, когда мы приехали, она прекрасно себя чувствовала. Никакой желудочной инфекции у нее не было, это чушь.

Берден отложил книгу.

— Но всем вам накладывали рагу из одной посуды.

— Как Аксель накладывал Ханне, я не видела, я тогда вышла из комнаты.

Веки ее дрогнули и почти сомкнулись.

— Мистер Кингман всегда мыл посуду сразу, как только убирал со стола?

— Не спрашивайте меня. — Она повела плечами. — Я не знаю. Я знаю, что Ханне действительно стало плохо после того, как она поела то рагу. Аксель не любит врачей, конечно, и, может быть, ему было... стыдно вызывать доктора Касла в тех обстоятельствах. Ханна видела черные круги, и у нее двоилось в глазах. Я очень волновалась из-за нее.

— Но сами вы тоже не стали вызывать врача, мисс Ласт. И даже не поддержали мистера Худа, когда он предлагал это сделать.

— Что бы там ни говорил Джон Худ, я была абсолютно уверена в том, что дело не в грибах. — Когда она произнесла это имя, в ее голосе слышалась нотка презрения. — И я очень испугалась. Я подумала, что у Акселя могут быть неприятности, если дойдет до расследования или какой-нибудь проверки, и это было бы ужасно.

— Мы сейчас и проводим расследование, мисс Ласт.

— Теперь это непросто, да? Ханна умерла. Я хочу сказать, теперь осталось лишь подозревать и строить догадки.

Она проводила их до прихожей и закрыла дверь дома до того, как они

дошли до садовой калитки. Дальше вдоль дороги и под кустами росли навозники и еще какие-то грибы, которые Вексфорд не смог распознать: маленькие, похожие на шампиньоны, с розоватыми пластинками под шляпками, а также куст желтых зонтиков и пепельно-серые, формой похожие на уши образования на стволе старого дуба, которые Берден назвал вешенками.

— Эта женщина, — сказал Вексфорд, — мастер простодушной лжи. Она ненавидит Кингмана, но не произнесла ни единого слова против него. — Он покачал головой. — Я полагаю, шурин Кингмана сейчас на работе?

— Вероятно, да, — сказал Берден, — но Джон Худ не был на работе. Он ждал их в полицейском участке, негодуя из-за задержки и угрожая, «если что-то не будет сделано сию же минуту», пожаловаться начальству констебля и даже дойти до министерства.

— Работа уже ведется, — спокойно сказал Вексфорд. — Я рад, что вы пришли, мистер Худ, но, прошу вас, постарайтесь успокоиться.

Вексфорду с первого взгляда стало понятно, что по уровню развития интеллекта Джон Худ находился в разных весовых категориях с Кингманом и Корин Ласт. Это был молодой мужчина двадцати семи или двадцати восьми лет, плотного телосложения, с толстого красного лица которого возмущенно и непонимающе смотрели голубые глаза. «Такой человек, — подумал Вексфорд, — может бросать обвинения направо и налево, не имея ни единого доказательства, такой человек не станет сдерживаться в обществе бывшего учителя и умной спокойной женщины».

Он начал говорить, уже не так буйно, но все еще достаточно несдержанно. Стал повторять то, что уже рассказывал Вердену, и убеждать их, впрочем, не предъявляя ни единого мало-мальски убедительного аргумента, что его зять в ту ночь намеревался убить его сестру и что она выжила исключительно благодаря счастливой случайности. Кингман был безжалостным негодяем, который не остановился бы ни перед чем, только бы избавиться от нее. Он, Худ, никогда не простит себя за то, что не настоял на своем и не вызвал врача.

— Да, да, мистер Худ, но какие именно симптомы были у вашей сестры?

— Рвота, боль в животе, сильнейшая боль, — ответил Худ.

— Больше она ни на что не жаловалась?

— Что, этого недостаточно? По-моему, именно такие симптомы и возникают, когда тебя кормят ядовитой дрянью.

Вексфорд лишь поднял брови. Потом неожиданно переменял тему

разговора и сказал:

— Почему брак вашей сестры оказался неудачным?

Не успел еще Худ ответить, а Вексфорд уже понял: он что-то скрывает. Настороженное выражение появилось на его лице и исчезло.

— Ей нужен был другой человек, не такой, как Аксель, — начал он. — У нее были неприятности, ей требовалось понимание, она не... — Голос его замер.

— Она не что? Какие неприятности у нее были, мистер Худ?

— Это не имеет отношения к делу, — смутившись, пробормотал Худ.

— Это я решу. Вы выдвигаете обвинение, вы заварили эту кашу, так что теперь вы не в том положении, чтобы о чем-то умалчивать, — осадил его Вексфорд и вдруг ни с того ни с сего добавил: — Эти неприятности имеют отношение к деньгам, которые она тратила?

Худ замолчал и насупился. В голове Вексфорда вдруг выстроились по порядку все основные пункты того, что ему было известно: фанатизм Акселя Кингмана, направленный на одну конкретную область, отчаянная потребность Ханны в некоей поддержке в первые дни замужества. Позже — перемены настроения и деньги, еженедельно расходуемые неизвестно на что суммы.

Он поднял глаза и произнес:

— Ваша сестра была алкоголиком, мистер Худ?

Худу не понравилась такая прямота. Он вспыхнул и оскорбленно сжал губы. От откровенного ответа он ушел. Да, она пила и изо всех сил старалась скрыть свою привычку. Продолжалось это более-менее постоянно еще с того времени, когда распался ее первый брак.

— Другими словами, она была алкоголиком, — подытожил Вексфорд.

— Думаю, да.

— Ваш зять знал об этом?

— Господи, конечно, нет! Аксель бы убил ее! — Тут он осознал все значение этих слов. Может, из-за этого все и произошло. Может быть, он узнал об этом.

— Не думаю, мистер Худ. Я полагаю, первые месяцы их брака она пыталась бросить пить. В это время ей как никогда нужна была поддержка, но она не могла или не хотела объяснить мистеру Кингману, для чего именно. Усилия ее успехом не увенчались, и она постепенно, потому что не могла без этого обходиться, начала пить снова.

— Она уже не так сильно пила, как когда-то! — с трогательной гордостью за сестру воскликнул Худ. — И только по вечерам. Она

рассказывала, что никогда не пила до шести, а потом быстро пропускала подряд несколько рюмок, и так тихо, чтобы Аксель не узнал.

Неожиданно в разговор вступил Берден.

— В тот вечер ваша сестра тоже пила?

— Думаю, да. Она без выпивки не могла встречаться с людьми, даже со мной и Корин.

— Кто-нибудь, кроме вас, знал, что ваша сестра пила?

— Мать знала. Мы с ней договорились держать это втайне от всех, чтобы Аксель ничего не узнал. — Он замолчал, а потом довольно резко произнес: — Я рассказал Корин. Она изумительный человек и очень, умна. Я беспокоился и не знал, что делать. Она пообещала, что ничего не скажет Акселю.

— Понятно. — У Вексфорда были свои причины полагать, что она этого не сделала.

Погруженный в свои мысли, он встал, прошел по кабинету и остановился у окна. Разговор продолжил Берден, и ответы Худа долетали до него отдаленным неясным шепотом. Потом он услышал, как Берден голосом погромче произнес:

— На этом пока все, мистер Худ, если главный инспектор не хочет ничего у вас спросить.

— Нет, нет, — отрешенно проговорил Вексфорд и, когда Худ с несколько озлобленным видом ушел, сказал: — Пора обедать. Уже начало третьего. Лично я воздержусь от блюд, в которых есть грибы, даже *psalliota campestris*.

После того, как Берден проверил это название и удостоверился, что это съедобный гриб, они пообедали, после чего прошлись по тем винным магазинам Кингсмаркама, которые в это время были открыты. В «Винной корзине» они потерпели неудачу, но в «Винограднике» продавец сообщил им, что женщина, соответствующая описанию Ханны Кингман, была их постоянным клиентом и что в прошлую среду, то есть за день до смерти, она приходила и купила бутылку коньяка «Курвуазье».

— В квартире Кингмана не было никаких спиртных напитков, — сказал Берден. — Может быть, пустая бутылка лежала в мусорном ведре? — С видом кающегося грешника он добавил: — Мы не проверили, у нас не было причин. Но она же не могла выпить всю бутылку в среду, верно?

— Почему вас этот вопрос с выпивкой так заинтересовал, Майк? Неужели вы думаете, что это могло стать мотивом убийства? По-вашему, Кингман убил ее, потому что узнал или ему рассказали, что она тайком от

него пила?

— Это было орудие, а не мотив, — сказал Берден. — Я знаю, что это было убийство. Я знаю, как Кингман пытался убить ее в первый раз. — Он усмехнулся. — Неплохо бы для разнообразия распутать этот клубок раньше вас, а? Некоторое время я буду идти по вашим следам, если не возражаете. С вашего позволения, давайте вернемся в участок, возьмем грибы и проведем один небольшой эксперимент.

Майкл Берден жил в уютном доме с верандой на Табард-роуд. Раньше он жил там с женой. После ее безвременной кончины он остался один с шестнадцатилетней дочерью, сын его учился в университете. Но в тот вечер Пэт Берден ушла гулять со своим парнем и оставила на дверце холодильника записку для отца: «Папа, я доела вчерашнее холодное мясо. Можешь консервы сам открыть? Буду к 10:30. Люблю, П.»

Берден прочитал записку несколько раз, и после каждого захода выражение его лица становилось все более тревожным. Вексфорд четко различил несколько причин того, почему его глаза вдруг сделались усталыми, почему насупились брови и почему поникли уголки рта. Из-за того, что она осталась без матери, ей приходилось есть не только холодную, но и не очень свежую еду; она, та, которой в ее годы полагалось быть беззаботной, вынуждена беспокоиться об отце; одиночество вытасило ее из дома в такое позднее время. Все это, конечно, была ерунда, дети Бердена были счастливы и смирились с потерей, но как заставить Бердена это понять? Вдовство тяготило его как физическая слабость. Он оторвал глаза от записки, скомкал ее и осмотрелся по сторонам с некоторой долей отчаяния в отсутствующем взгляде. Вексфорду был знаком этот печальный взор. Он видел его на лице Вердена каждый раз, когда приходил к нему домой.

Взор этот рождал не только жалость, но и раздражение. У него возникало желание сказать Вердену (раз или два он даже делал это), чтобы тот перестал относиться к Джону и Пэт как к недоразвитым параноикам, но вместо этого он лишь произнес:

— Я где-то на днях вычитал, что человеку совершенно не обязательно питаться горячей едой, это никак не отражается на его здоровье. Холодные и сырые продукты даже полезнее.

— Вы говорите так, будто читаете одни книжки с Акселем Кингманом. — Берден рассмеялся и взял себя в руки, на что и рассчитывал его начальник. — Ладно, я даже рад, что она не стала ничего готовить. Я бы не смог есть эти консервы, и я бы не вынес, если бы она восприняла это на

свой счет.

Вексфорд решил не обращать на это внимания.

— Пока вы решаете, что можно рассказать мне об этом вашем эксперименте, вы не возражаете, если я позвоню жене?

— Чувствуйте себя как дома.

Было уже почти шесть. Вернувшись, Вексфорд увидел, что Берден занимается нарезкой моркови и лука. Четыре *coprinus comatus* лежали рядом на разделочной доске. На плите в кастрюле варились кости.

— Вы что делаете?

— Готовлю рагу из белых навозников. Моя версия заключается в том, что рагу безвредно для непьющих, но ядовито или до некоторой степени ядовито для тех, у кого в желудке есть алкоголь. Что скажете? Пока тут все варится, я приму умеренную дозу алкоголя, а потом съем рагу. А теперь, если хотите, начинайте говорить, какой я дурак.

Вексфорд пожал плечами и улыбнулся.

— Я впечатлен таким мужеством и самоотверженной преданностью своему долгу перед налогоплательщиками, но минутку! Вы уверены, что в тот день пила только Ханна? Мы знаем, что Кингман не пил, а остальные двое?

— Я спросил об этом Худа сегодня, когда вы размечтались у себя в кабинете. Он заехал за Корин Ласт в шесть, она сама его об этом попросила. Они собрали в саду несколько яблок для его матери, потом она угостила его кофе. Он предложил зайти по дороге в паб, но она так долго готовилась, что у них не осталось времени.

— Хорошо, тогда приступайте. Но не проще ли обратиться к эксперту? Должны же быть такие люди. Наверняка в Южном университете есть какой-нибудь профессор микологии, или как это там называется.

— Вполне возможно. Можете обратиться к нему после эксперимента. Я хочу убедиться прямо сейчас. Вы не желаете попробовать?

— Нет, конечно. Я у вас чувствую себя не настолько как дома. Поскольку я предупредил жену, что буду поздно, я был бы вам весьма признателен, если бы вы приготовили мне безобидную яичницу.

Он прошел за Верденом в гостиную, где инспектор открыл дверцу буфета.

— Что будете пить?

— Белое вино, если есть. Если нет — вермут. Вы же знаете, от чего-то более крепкого мне приходится воздерживаться.

Берден налил вермут, разбавил содовой.

— Лед?

— Нет, спасибо. А вы что будете? Коньяк? Похоже, у Ханны это был любимый напиток.

— У меня нет, — сказал Берден. — Придется пить виски. Я думаю, мы можем предположить, что в тот день она выпила два двойных коньяка. Но я не хочу, чтобы мне стало так же плохо, как ей, не настолько я храбрый. — Он перехватил взгляд Вексфорда. — Вы же не думаете, что у разных людей разная чувствительность?

— Вряд ли, — беспечно обронил Вексфорд. — Ваше здоровье!

Берден выпил сильно разбавленное виски и поставил стакан.

— Схожу проверю рагу. Вы пока присаживайтесь, включайте телевизор.

Вексфорд послушался. На экране появилась цветная картинка: осенний лес, голубое небо, золотые листья бука. Потом камера наехала на семейку красных мухоморов с белыми точками. Посмеиваясь, Вексфорд выключил телевизор, когда в двери показался Берден.

— Кажется, более-менее готово.

— Лучше выпейте еще виски.

— Да, пожалуй, стоит. — Берден вошел в комнату и снова наполнил стакан. — Этого, наверное, хватит.

— Как моя яичница?

— Черт, я забыл! Неважный из меня повар. Всегда поражался, как это женщины умудряются делать на кухне десять дел одновременно.

— Да, для меня это тоже загадка. Я тогда, если позволите, приготовлю себе бутерброде сыром.

Коричневатая полужидкая смесь была уже в суповой тарелке. Сверху плавали четыре разрезанных вдоль гриба. Берден допил виски залпом.

— Что там гладиаторы кричали римскому императору, когда выходили на арену ко львам?

— *Morituri te salutamus*, — сказал Вексфорд. — Идущие на смерть приветствуют тебя.

— Кхм... — Берден припомнил правила латинского, которые когда-то учил дома его сын. — *Moriturus te salute*. Так сойдет?

— Я думаю, вполне. Но вы не умрете.

Вместо ответа Берден взял ложку и начал есть рагу.

— Нельзя мне еще содовой подлить? — спросил Вексфорд.

Вряд ли существуют уколы больнее, чем насмешка над чьим-то героизмом. Берден одарил его убийственным взглядом.

— Возьмите сами, я занят.

Вексфорд долил себе содовой.

— Ну что? Как? — спросил он.

— Пока нормально. Вкусно. Похоже на шампиньоны.

Он продолжал упорно глотать ложку за ложкой и ни разу не подавился. Доев до конца, он протер тарелку кусочком хлеба. Потом выпрямился и замер в довольно напряженной позе.

— Чтоб зря не сидеть, можно пока телевизор включить, — предложил Вексфорд. Он включил телевизор, заиграла музыка Вивальди, но на этот раз мухоморов не было, показывали лису, бегущую через луг. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — мрачно буркнул Берден.

— Ничего, это ненадолго.

Но он ошибся. Прошло пятнадцать минут, а с Верденом по-прежнему ничего не происходило. Он был озадачен.

— Черт возьми, я был уверен, что сработает. Я не сомневался, что к этому времени начнется рвота. Я даже машину не заглушил, потому что думал, вам меня придется в больницу везти.

Вексфорд лишь поднял брови.

— А вы как-то легкомысленно к этому отнеслись, я должен сказать. Остановить меня даже и не пытались. А вам не приходило в голову, что с вашей стороны вышло бы несколько нетактично, если бы со мной что-нибудь случилось?

— Я знал, что ничего не случится. И я предлагал обратиться к специалисту по грибам. — И тут Вексфорд, увидев, каким оскорбленным взглядом, смотрит на него Берден, захохотал. — Дружище Майк, простите меня. Но вы же знаете меня, неужели вы могли подумать, что я позволил бы вам рисковать жизнью с этими грибами? Я с самого начала знал, что вам ничего не грозит.

— Можно ли узнать почему?

— Можно. Вы бы и сами это знали, если бы внимательнее посмотрели на книгу Корин Ласт. Под рецептом рагу из белого навозника там стояла приписка: «О сопутствующих напитках смотри страницу 171». Я посмотрел на страницу 171, и там мисс Ласт указывала рецепты вина из первоцвета и джина с терновым соком. Оба напитка довольно крепкие. Разве стала бы она рекомендовать пить вино и джин с этими грибами, если бы существовал хоть малейший риск отравления? Нет. Если она хотела, чтобы ее книга продавалась, она не стала бы этого делать. Не стала бы, если не хотела получить сотни разгневанных писем и вызовов в суд.

Берден немного оживился, а потом и сам засмеялся.

Через несколько минут они пили кофе.

— Кажется мне, сейчас самое время немного подумать логически, — сказал Вексфорд. — Сегодня утром вы сказали, что мы скорее ищем доказательства не убийства, а попытки убийства. Аксель Кингман мог столкнуться ее с балкона, но никто не видел, как она падала, и не слышал, чтобы он или кто-нибудь другой поднимался в тот день в их квартиру. Однако, если две недели назад ее уже пытались убить, вероятность того, что она все-таки была убита, резко увеличивается.

Берден нетерпеливо произнес:

— Мы через это уже прошли. Все это мы знаем.

— Подождите. Попытка не удалась. Давайте подумаем, как сильно она тогда пострадала. И Кингман, и Худ утверждают, что у нее очень болел живот и ее рвало. К полуночи она уже спокойно спала и на следующее утро была совсем здорова.

— Не понимаю, что нам это дает.

— Это подводит нас к очень важному вопросу, который может быть краеугольным камнем всего этого дела. Вы говорите, что Аксель Кингман пытался ее убить. Для этого ему бы пришлось разработать тщательный план: организовать ужин, пригласить двух свидетелей, сделать так, чтобы жена попробовала рагу заранее и провернуть ловкий трюк с вылавливанием в нужный момент ядовитого гриба из общей миски. Вам не кажется странным, что настолько продуманный план провалился? Что жизни Ханны в действительности ничего не угрожало? А если бы убийство удалось? Любой патологоанатом при вскрытии обнаружил бы в ее теле ядовитое вещество или последствия его воздействия. Мог ли он надеяться выйти сухим из воды, тем более, как мы установили, ни один из свидетелей не видел, как он накладывал кушанье в тарелку жены, и одного из них тогда даже не было в комнате? Я утверждаю, что никто не пытался ее убить, но кто-то *пытался* сделать так, чтобы ей стало плохо. Принимая во внимание зловещую репутацию грибов и нескрываемое подозрительное отношение к ним Худа, принимая во внимание то, что брак был неудачным, это *выглядело бы как попытка убийства*.

Берден уставился на него.

— Кингман никогда такого бы не сделал. Если бы он это задумал, он бы постарался, чтобы дело дошло до конца, а не выглядело бы попыткой.

— Совершенно верно. И о чем нам это говорит?

Но вместо ответа Берден произнес торжествующим тоном, еще не забыв о недавнем унижении:

— Но в одном вы ошибаетесь! Ей *действительно* было очень плохо.

Ее не просто тошнило и рвало. Кингман и Худ этого не упомянули, но Корин Ласт сказала, что у Ханны двоилось в глазах, и она видела темные пятна, и... — Голос его оборвался. — Черт возьми, неужели вы думаете, что...

Вексфорд кивнул.

— Корин Ласт — единственная из троих упомянула об этих симптомах. Только Корин Ласт может сказать, поскольку жила с ним, была ли у Кингмана привычка мыть посуду сразу после еды. А что она говорит? Что не знает. Разве это не странно? Разве не странно, что именно в ту минуту она встала из-за стола и ушла в прихожую искать свою сумочку? Она знала, что Ханна пила, ей рассказал об этом Худ. Вы говорили, что в тот вечер Худ заехал за ней по ее просьбе. Для чего? У нее есть своя машина, и у меня даже на секунду не возникает мысли, что такая женщина, как Корин, может испытывать к Худу что-либо, кроме презрения.

— Ему она сказала, что у нее что-то с машиной.

— Она просила Худа приехать в шесть, хотя ужин у Кингманов был назначен на восемь. Она напоила его кофе. Довольно странно для такого времени и тем более перед едой. А что происходит дальше, когда он предлагает по пути заехать в паб? Она не говорит «нет», не замечает, что опасно пить, когда ты за рулем. Вместо этого она так долго собирается, что у них уже не остается времени никуда заезжать. Она не хотела, чтобы Худ выпил что-нибудь спиртное, Майк, и она сделала все, чтобы предотвратить это. Сама она, конечно, не пила спиртного и знала, что Кингман — трезвенник. Но, кроме этого, она знала о привычке Ханны начинать пить примерно в шесть часов. Теперь о ее мотивах, которые гораздо убедительнее мотивов Кингмана. Мне она показалась страстной, несдержанной и самоуверенной женщиной. Ханна увела у нее Кингмана. Кингман бросил ее. Так почему не отомстить обоим: убить Ханну и сделать это так, чтобы в преступлении обвинили Кингмана? Если бы она просто убила ее, ей бы не удалось направить подозрение на Кингмана. Но если бы ей удалось убедить всех, будто он уже покушался на жизнь жены, подозрения против него были бы уже очень серьезными. Где она была в прошлый четверг днем? Ничто не мешало ей подняться по лестнице на пятый этаж. Ханна впустила бы ее в квартиру. Все знают, что она интересуется растениями, поэтому, если бы она попросила Ханну провести ее на балкон, чтобы взглянуть на зелень в горшках, Ханна с радостью выполнила бы ее просьбу. Тут перед нами встает загадка пропавшей коньячной бутылки, в которой наверняка еще оставалось содержимое. Если бы ее убил Кингман, он, несомненно, оставил бы бутылку на месте, это как

нельзя лучше укладывалось бы в историю с самоубийством. Представьте, как он мог бы этим воспользоваться: «Из-за алкоголя моей жене стало плохо той ночью. Она узнала, что я перестал ее уважать, и убила себя, потому что алкоголь затуманил ее разум». Корин Ласт унесла бутылку, поскольку не хотела, чтобы стало известно об алкоголизме Ханны, и она давила на Худа, чтобы он скрыл это от нас так же, как скрывал в прошлом от всех остальных. Кроме того, она хотела утаить это, потому что фальшивое покушение на убийство, которое *она* организовала, зависело от наличия алкоголя в организме Ханны.

Берден вздохнул и вылил последние капли кофе в чашку Вексфорда.

— Но мы это проверили, — сказал он. — Вернее, я это проверил, и комбинация грибов с алкоголем не работает. Вы сами узнали из ее книги, что это не сработает. Да, она принесла грибы из своего сада, но у нее не было возможности подбросить к ним ядовитый гриб, потому что Аксель Кингман сразу бы это понял. А если бы не понял, они бы все отравились, кто пил и кто не пил. До ужина наедине с Ханной она не оставалась, и, когда подавалось рагу, ее не было в комнате.

— Я знаю. Но утром мы с ней встретимся и зададим пару вопросов. — Вексфорд на миг задумался, а потом негромко произнес: — «В его добре источник зла сыскав».^[61]

— Что?

— Она именно так и поступила, не правда ли? Это было добро для всех, кроме Ханны. Добро получили все, зло получила Ханна. Я ухожу, Майк. Тяжелый был день. Не забудьте машину выключить. Сегодня вам не судьба попасть в больницу.

Им не удалось пробить стену холодной строгости, которой она окружила себя. Точно сошедшее с картины Климта томное лицо теперь было аккуратно накрашено, и одета она была как скрипачка, актриса или писательница. Об их визите ее предупредили, поэтому образ садовницы она с себя сняла. Длинные руки с гладкой кожей выглядели так, словно никогда не прикасались к земле и не вырывали сорняки.

Где она была после полудня в день смерти Ханны Кингман? Густые изящные брови приподнялись. Дома, у себя, рисовала. Одна?

— Художники работают без зрителей, — высокомерно произнесла она, чуть отклонилась назад и опустила ресницы. Она закурила сигарету и щелкнула пальцами Вердену, чтобы подал пепельницу, как будто он был официантом.

Вексфорд сказал:

— В субботу 29 октября у вас, мисс Ласт, кажется, поломалась машина?

Она лениво кивнула.

Поинтересовавшись сутью поломки, он надеялся подловить ее.

Не получилось.

— На парковке разбили правую переднюю фару, — сказала она. Вексфорд подумал, что она и сама вполне могла разбить фару, но вслух говорить этого не стал. Тем же спокойным голосом она добавила: — Хотите увидеть счет из гаража за починку?

— Это лишнее. — Она не стала бы спрашивать, если бы у нее его не было. — Вы попросили мистера Худа приехать к вам в шесть, насколько я понимаю.

— Да. Я не считаю его таким уж приятным человеком, просто я пообещала его матери яблок, и нам нужно было их собрать засветло.

— Вы угостили его кофе, но алкогольных напитков не предложили. По дороге к мистеру и миссис Кингман вы тоже не пили. Вас не смутила мысль о том, что вы едете на ужин в дом, где вам не предложат даже стакана вина?

— Я знаю привычки мистера Кингмана. — «Но не настолько, — подумал Вексфорд, — чтобы сказать, насколько ему свойственно мыть тарелки сразу после еды». Уголки ее губ дрогнули, выдав ее немного. — Меня это не смутило. Я не раб алкоголя.

— Давайте вернемся к грибам. Вы собрали их здесь, 28 октября, и вечером отнесли мистеру Кингману. Вы, кажется, так рассказывали.

— Да. Я собрала их в этом саду.

Эту фразу она произносила твердо и отчетливо, честные, широко раскрытые глаза смотрели прямо на него. Ее слова или, возможно, их необычная прямота натолкнули его на мысль. Но если она больше ничего не скажет, эта мысль погаснет так же быстро, как вспыхнула.

— Если вы хотите их проанализировать, или исследовать, или не знаю еще что, то вы немного опоздали. Их сезон уже почти закончился. — Посмотрев на Вердена, она вежливо улыбнулась. — Но вчера вы собрали последние, не так ли? Так что все в порядке.

Вексфорд, разумеется, не сказал ни слова об эксперименте Вердена.

— Мы осмотрим сад, с вашего позволения.

Она не возражала. Но она ошиблась.

За прошедшие двадцать четыре часа большинство грибов уже превратились в черные ребристые пагоды. И все же два новых гриба протолкнули белые овальные шляпки сквозь сырую траву. Вексфорд сорвал

их, она снова не возражала. Зачем же она солгала насчет того, что их сезон близок к концу? Он поблагодарил ее, и она ушла в дом. Дверь закрылась, Вексфорд и Берден вышли на дорогу.

Грибной сезон еще далеко не закончился. Глядя на растущие вдоль дороги грибы, можно было подумать, что он продлится еще несколько недель. Навозники были повсюду, некоторые меньше размером и темнее, чем те, что росли на ухоженной и удобренной лужайке мисс Ласт. Тут же были зеленые и фиолетовые мухоморы, похожие на рога бледные поганки и маленькие шампиньоны, которые росли кругами.

— Не очень-то она возражает против того, чтобы мы изучили их, — задумчиво пробормотал Вексфорд. — Но, кажется, она бы предпочла, чтобы мы проверили те грибы, которые вы собрали вчера, а не те, что я сорвал сегодня. Возможно ли такое, или мне просто показалось?

— Если вам это показалось, значит, мне тоже показалось. Но размышлять на эту тему бесполезно, все равно ведь мы знаем, что их... воздействие не усиливается алкоголем.

— И все же я соберу еще, — сказал Вексфорд. — У вас, случайно, нет бумажного пакета?

— У меня есть чистый платок. Подойдет?

— Должен, — согласился Вексфорд, у которого чистых платков отродясь не водилось.

Он собрал еще с десятков навозников, больших и маленьких, белых и серых, незрелых и старых. Затем сели в машину, и Вексфорд велел водителю ехать к библиотеке. Пробыл он там несколько минут и вышел, неся под мышкой три книги.

— Когда вернемся, — сказал он Вердену, — я хочу, чтобы вы поехали в университет и узнали, могут ли они нам предоставить грибника-специалиста.

Прибыв в участок, он закрылся в своем кабинете с тремя книгами и кофейником. Примерно в полдень к нему постучался Берден.

— Входите, — откликнулся Вексфорд. — Как дела?

— Тот, кто изучает грибы, называется не грибник, — заявил Берден с торжественной серьезностью, — а миколог. И в университете нет таких. Но на факультете есть токсиколог, который совсем недавно издал научно-популярную книгу об отравлениях растениями и грибами.

Вексфорд усмехнулся.

— И под каким заглавием? «Убиваем из-за ничего»? Похоже, он нам подойдет.

— Я сказал ему, что мы будем его ждать в шесть. Будем надеяться, что-

то из этого выйдет.

— Не сомневаюсь. — Вексфорд громко захлопнул самую толстую из книг. — Я нашел ответ, — сказал он, — но мне нужно подтверждение.

— Черт возьми, почему вы сразу не сказали?

— Вы не спрашивали. Садитесь. — Вексфорд кивнул на стул с другой стороны стола. — Я говорил, что вы сумеете выполнить домашнее задание, Майк, и вы его выполнили. Только учебник ваш был не самый полный. В нем есть раздел о съедобных грибах и есть раздел о ядовитых грибах, но нет ничего посередине. Этим я хочу сказать, что в вашей книге нет ничего о грибах, которые непригодны для еды, но не вызывают смерть или сильную боль. Здесь нет ничего о тех грибах, которыми человек может отравиться только при определенных условиях.

— Но мы же знаем, что это белые навозники, — возразил Берден. — И если под «условиями» вы понимаете наличие алкоголя в организме, то мы знаем, что на свойства белых навозников алкоголь не влияет.

— Майк, — тихо произнес Вексфорд, — знаем ли мы наверняка, что они ели именно их?

Он разложил на столе свой улов, собранный возле дома и в саду Корин Ласт.

— Вот, посмотрите внимательно на эти.

Озадаченный Берден осмотрел и потрогал с десяток грибов.

— На что мне смотреть?

— На различия, — коротко ответил Вексфорд.

— Некоторые меньше остальных, и те, которые меньше, — темнее. Вы это имеете в виду? Лучше взгляните, как отличаются эти. Тут есть и большие плоские, и совсем маленькие...

— Тем не менее самое незаметное различие здесь самое важное. — Вексфорд разложил грибы на две группы. — Все маленькие и темные были собраны у дороги. Некоторые из больших и более светлых были собраны в саду Корин Ласт, а некоторые тоже у дороги.

Он взял двумя пальцами один гриб из первой группы.

— Это не белый навозник. Это чернильный навозник. А теперь послушайте. — Толстая книга раскрылась на закладке. Медленно и внятно он стал читать: — «Навозник чернильный (*coprinus atramentarius*) не стоит путать с навозником белым (*coprinus comatus*). Этот гриб меньше и темнее, но в остальном грибы почти неотличимы. *Coprinus atramentarius* в приготовленном виде обычно безобиден, однако он не теряет содержащееся в нем химическое вещество, подобное главному компоненту „Антабьюса“, лекарства, применяемого для лечения алкоголизма, которое при

употреблении с алкоголем вызывает тошноту и рвоту».

— Мы этого никогда не докажем.

— Насчет этого не знаю, — сказал Вексфорд. — Но для начала мы можем взяться за другую ложь Корин Ласт — ее заявление о том, что грибы, переданные ею Акселю Кингману, она собрала у себя в саду.

ЯН ФЛЕМИНГ

Осьминожка

Ян Флеминг (1908–1964) известен всему миру как создатель британского супершпиона Джеймса Бонда. Несмотря на то что его романы не нашли одобрения критиков из-за обилия «постельных» сцен и насилия, они завоевали огромную популярность читателей. Книгами о Джеймсе Бонде зачитывался президент Джон Кеннеди. Можно сказать, что Ян Флеминг в одиночку оживил литературный интерес к шпионскому роману. Жизнь Яна Флеминга до того, как он обратился к литературе, была такой же богатой и многокрасочной, как приключения его вымышленного героя. Ему довелось работать в Москве корреспондентом агентства Рейтер, а позже газеты «Таймс», банкиром, биржевым маклером и издателем. Он служил в добровольческом резерве ВМС помощником директора секретной службы ВМФ. Многие его романы были успешно экранизированы, агента Джеймса Бонда сыграли многие талантливые актеры.

~ ~ ~

— А знаешь что? — сказал майор Декстер Смайт, обращаясь к осьминогу. — Если мне повезет, у тебя сегодня будет настоящий пир.

Говорил он громко, и от его дыхания стекло маски запотело. Поставив ноги на песчаное дно рядом с коралловой глыбой, он выпрямился. Вода доходила ему до подмышек. Он снял маску, поплевал на нее, размазал слюну по стеклу, сполоснул водой и, натянув резиновый ремешок маски на голову, снова наклонился.

Из дыры в коралле за ним все так же внимательно наблюдал глаз, окруженный пятнистым коричневым мешком, только кончик небольшого щупальца несмело выдвинулся на пару дюймов из тени и медленно водил из стороны в сторону поднятыми вверх розовыми присосками. Декстер Смайт удовлетворенно улыбнулся. Уже два месяца он приручал осьминога, и, будь у него время, через месяц или два они стали бы настоящими

друзьями. Но у него не было этого месяца. Может быть, стоит сегодня рискнуть, окунуться и протянуть к щупальцу руку вместо обычного куска сырого мяса на гарпуне? Обменяться рукопожатием, так сказать? «Нет, Осьминожка, — подумал он, — тебе пока еще нельзя доверять». Наверняка в ту же секунду из дыры выскользнут остальные щупальца и обхватят руку. Им достаточно затащить его под воду на каких-нибудь два фута, чтобы пробковый клапан маски автоматически закрылся, и тогда он задохнется в ней или утонет, если удастся ее сорвать. Возможно даже, он успеет ударить гарпуном, но этим Осьминожку не убьешь. Нет. Может, позже, днем. Это будет похоже на русскую рулетку, и шансы такие же: пять к одному. А что, вот быстрый и эксцентричный способ выпутаться из неприятностей! Но не сейчас. Нужно еще решить один любопытный вопрос. К тому же он обещал милейшему профессору Бенгри из института... Декстер Смайт неторопливо поплыл к рифу, глаза его высматривали только один контур: зловещие очертания притаившейся на дне клинообразной скорпены, или, как сказал бы Бенгри, *scorpaena plumier*.

Кавалер ордена Британской империи, майор (в отставке) Королевской морской пехоты Декстер Смайт сейчас был бледной тенью некогда бравого, находчивого офицера-красавца, покорителя женских сердец, особенно сердец молодых сотрудниц женской вспомогательной службы сухопутных войск, ВМС и армейской транспортной службы, которые обеспечивали работу коммуникационных линий и секретариата того отряда особого назначения, в котором он числился в конце своей служебной карьеры. Теперь ему было пятьдесят четыре, он облысел, и живот его некрасиво свисал над плавками «Джантзен». И он перенес два инфаркта, второй («второе предупреждение», как полушутя выразился его доктор Джимми Гривс, с которым он познакомился, когда, только приехав на Ямайку, отправился в «Клуб принца» играть в покер) случился всего месяц назад. Однако он, в элегантном костюме, скрывающем его варикозные вены, с животом, подтянутым специальным поясом-корсетом, спрятанным под безукоризненно чистым камербандом,^[62] был все еще заметной фигурой на коктейлях и званых обедах, устраиваемых на северном побережье. И для его друзей и соседей было загадкой, почему он, в нарушение установленного его доктором правила «не более двух унций виски и десяти сигарет в день», продолжает курить как паровоз и каждый день ложится спать пьяным.

Истина заключалась в том, что Декстер Смайт достиг того рубежа, за которым появляется желание умереть. Причин у подобного состояния было много, но не таких уж сложных. Он крепко привязался к Ямайке, и червь

тропической праздности постепенно изрешетил его до такого состояния, что, хоть внешне он напоминал целое, крепкое дерево, под полированной поверхностью лень, неспособность противиться собственным желаниям и слабостям, неизгладимое чувство вины за прошлые грехи и общее отвращение к собственной персоне превратили его некогда твердую древесину в труху. После того, как два года назад умерла Мэри, он никого не любил. Он даже не был уверен, что действительно любил ее, но знал, что не проходило и часа, чтобы его не охватывала тоска по ее любви и ее веселому, неряшливому, ворчливому и зачастую раздражающему присутствию. И хоть он ел их канапе и пил их мартини, майор Смайт не испытывал ничего, кроме презрения, к тем международным отбросам общества, с которыми он водил компанию на северном побережье. Он бы, возможно, смог сдружиться с более интересными людьми (аристократами, владеющими фермами в глубине острова, плантаторами, живущими на берегу, интеллектуалами или политиками), но это потребовало бы постановки перед собой определенной цели, чему препятствовали его лень и душевная апатия, да и о том, чтобы бросить пить, разумеется, тоже не могло быть и речи. Майору Смайту было скучно. Он умирал от тоски. И если бы не одно обстоятельство, он бы давно уже проглотил пузырек барбитуратов, который без труда достал у местного врача. Страховочный трос, который удерживал его над пропастью, был тонок. Сильно пьющие люди обычно отличаются слишком яркими проявлениями своего темперамента. Пьяный сангвиник доходит чуть ли не до истерического веселья и ведет себя как идиот. Флегматик погружается в трясину угрюмого уныния. Холерик — пьяница-забияка, какими их изображают на карикатурах, и вынужден проводить большую часть жизни в тюрьме за избиение людей и порчу вещей. Ну а меланхолика охватывает жалость к себе и слезливая сентиментальность. Майор Смайт был меланхоликом, который жил в своем фантастическом мире птиц, насекомых и рыб, обитавших на пяти акрах его поместья с пляжем (которому он дал название «Волны», что весьма симптоматично) и на коралловом рифе. Больше всего он любил рыб. Он называл их «народ», и, поскольку рифовые рыбки держатся своей территории так же упорно, как большинство небольших птиц, он за два года успел прекрасно изучить их, «любил» и верил, что они любили его в ответ.

Любить они его, может, и не любили, но то, что узнавали его, — это точно, как обитатели зоопарка узнают зрителей, потому что он каждый день в одно и то же время снабжал их пищей, обдирал водоросли, перемешивал песок и камни для рыб, питающихся на дне, разделявал

морских ежей для маленьких хищников и приносил потроха для хищников побольше. И теперь, когда он медленно и тяжело плавал вдоль рифа и через туннели, ведущие в открытое море, его «народ» кружился возле него без страха в ожидании попрачек. Рыбы сновали вокруг трезубого гарпуна, который для них был всего лишь щедрой ложкой, подплывали к самой маске, а некоторые бесстрашные драчливые дамочки даже легонько прикасались к его ступням и ногам.

Краем глаза майор Смайт замечал этот яркий «народец» и здоровался с ними про себя; «Доброе утро, Красотка Грегори», — так приветствовал он темно-синюю особу, усеянную голубыми пятнышками, хемихромису, которая была на удивление похожа на флакончик духов «Guerlain Dans La Nuit»; «Извини, милая, не сегодня», — бросал он трепещущей рыбе-бабочке с черными глазками на хвосте; говорил «Пора тебе худеть, малыш» сине-фиолетовой рыбе-попугаю, которая, наверно, весила добрых десять фунтов. Но сегодня у него было дело, и глаза его искали лишь одного представителя его «народа» — единственного его врага на рифе, единственного, кого он убивал при каждой встрече: скорпену.

Скорпены обитают во всех южных водах; к этому семейству относится и рыба-крылатка — главный компонент буйабеса, традиционного блюда марсельских рыбаков. Ее вест-индская разновидность достигает в длину всего двенадцати дюймов и весит около фунта. Без сомнения, это самая уродливая морская рыба, точно сама природа придала ей такой вид специально, чтобы предупредить об опасности того, кто приблизится к этой коричневато-серой в крапинку рыбе с большой шероховатой клинообразной головой. Из-под мясистых качающихся «бровей» злобно смотрят красные глазки, и благодаря окрасу и ломаному силуэту ее практически невозможно заметить на рифе. Несмотря на то что рыба эта не большая, ее густо усеянный зубами рот настолько широк, что может проглотить почти любую из некрупных рыб, обитающих на рифе, но главное ее оружие скрывается в вертикально стоящих спинных плавниках. Передние шипы при прикосновении действуют как иглы шприца; они питаются ядовитыми железами, содержащими достаточное количество дотоксина, чтобы убить человека при попадании в уязвимое место — в артерию, например, или в область сердца, или в пах. Эта рыба является единственной угрозой для тех, кто плавает у рифа, и намного более страшной, чем барракуда или акула, потому что, уверенная в своем камуфляже и оружии, она приходит в движение, только если приблизиться к ней вплотную или прикоснуться. Да и после этого она, двигая широкими, причудливо расцвеченными плавниками, отплывает всего на несколько

футов, где либо устраивается на песке, становясь почти неотличимой от куска старого коралла, либо прячется между камнями и водорослями, где заметить ее невозможно. И майор Смайт намеревался загарпунить одну из них и отнести ее своему осьминогу, чтобы проверить, примет он подношение или же отвергнет, что позволит узнать, способен ли один из самых опасных морских хищников распознать смертоносность другого. Проглотит ли осьминог тело, оставив ядовитые шипы? Проглотит ли рыбу целиком? И если да, подействует ли на него яд? Ответы на эти вопросы ждал Бенгри в институте. И сегодня, поскольку существование майора Смайта в «Волнах» подходило к концу, он решил найти ответы, пусть даже ценой смерти любимого осьминожки, чтобы оставить хоть какое-то воспоминание о своем теперь уже бессмысленном существовании в каком-нибудь пыльном углу института в морских биологических архивах.

Ибо всего каких-то пару часов назад и без того унылая жизнь майора Декстера Смайта изменилась в худшую сторону. Причем настолько худшую, что ему повезет, если через несколько недель (время, необходимое на то, чтобы телеграмма через резиденцию губернатора Ямайки и министерство по делам колоний попала в секретную службу, потом оказалась в Скотланд-Ярде и легла на стол прокурору; и на то, чтобы майора Смайта под полицейским конвоем переправили в Лондон) приговором ему станет пожизненное заключение.

И виновником всего этого был человек по фамилии Бонд, командер Джеймс Бонд, который в половину одиннадцатого приехал к нему на такси из Кингстона.

День начался как всегда. Майор Смайт, очнувшись от вызванного снотворным сна, проглотил пару таблеток панадола (состояние сердца не позволяло ему употреблять аспирин), принял душ, позавтракал в тени похожих на большие зонтики миндальных деревьев, потом около часа кормил остатками завтрака птиц. После этого он принял предписанную дозу антикоагулянта и таблеток от давления и оставшееся до второго завтрака время (он несколько месяцев назад передвинул его на полчаса раньше, на половину одиннадцатого) провел за «Дейли глинер». И только он смешал себе «напиток пьяниц» — бренди с имбирным элем, — как услышал шум подъехавшего автомобиля.

Луна, его домоправительница из местных цветных женщин, вышла в сад и объявила:

— К вам какой-то господин, майор.

— Как его зовут?

— Он не представляется, майор. Он просит передать вам, что он от губернатора.

Из одежды на майоре Смайте были только старые шорты цвета хаки и сандалии. Он сказал:

— Хорошо, Луна. Веди его в гостиную и скажи, что я сейчас буду.

И он прошел в свою спальню, надел белую рубашку с коротким рукавом, брюки и причесался перед зеркалом. От губернатора! Зачем это он им понадобился?

Едва войдя в гостиную и увидев высокого мужчину в темном тропическом костюме, стоящего у обращенного к морю большого окна, он каким-то шестым чувством понял, что новости не будут хорошими. Когда мужчина медленно развернулся и направил на него внимательные серо-голубые глаза, майор Смайт почувствовал, что дело, с которым к нему явился человек, будет иметь официальный характер, а когда на его радушную улыбку не последовало ответа, он перестал сомневаться, что дело это каким-то образом направлено против него. И тогда холодок пробежал по спине майора Смайта. «Они» каким-то образом разнюхали.

— Здравствуйте. Я Смайт. Насколько я понимаю, вы от губернатора. Как сэр Кеннет?

Как-то само собой стало понятно, что руку протягивать гостю не стоит. Мужчина сказал:

— Я с ним еще не встречался. Приехал всего пару дней назад. Почти все это время я был в разъездах по острову. Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд. Я из министерства обороны.

Майор Смайт вспомнил этот старый эвфемизм для секретной службы и приветливо произнес:

— А, старая фирма?

Вопрос был оставлен без ответа.

— Мы можем где-нибудь поговорить?

— Да где угодно. Здесь или в саду? Выпьете что-нибудь? — Майор Смайт погремел кубиками льда в стакане, который все еще держал в руке. — Ром с имбирным элем, местная отрава. Лично я предпочитаю чистый эль.

Ложь с привычной легкостью сорвалась с уст алкоголика.

— Нет, спасибо. Поговорим здесь. — Мужчина небрежно оперся о широкий подоконник из красного дерева.

Майор Смайт опустил на одно из «плантаторских» кресел, которые по его заказу скопировал со старинного образца местный мебельщик, и перекинул одну ногу через низкий подлокотник. Достал из гнезда на

другом подлокотнике стакан, сделал глубокий глоток и, стараясь скрыть дрожь в руке, вернул стакан на место.

— Итак, — веселым тоном произнес он, глядя мужчине прямо в глаза, — чем могу быть полезен? Кто-то на северном побережье решил проверить грязное дельце, и вам понадобилась помощь? Буду рад снова встать в упряжку. Давно это было, но я еще кое-что помню.

— Не возражаете, если я закурю? — Мужчина уже держал в руке портсигар. Небольшая плоская коробочка, рассчитанная на двадцать пять сигарет, была сделана из оружейной стали. Этот небольшой знак, указывающий на общую слабость, немного успокоил майора Смайта.

— Конечно, дружище, курите. — Достав зажигалку, он сделал движение, чтобы встать.

— Не нужно, спасибо, — Джеймс Бонд уже зажег сигарету. — Нет, это не имеет отношения к местным делам. Я хочу... Меня прислали, чтобы... попросить вас припомнить некоторые детали вашей работы на службу в конце войны. — Джеймс Бонд внимательно посмотрел на майора Смайта. — Если конкретнее, время, когда вы работали с Многоцелевым бюро.

Майор Смайт издал резкий, отрывистый смешок. Он так и знал. Он был полностью уверен, что этим все и обернется. Но когда об этом сказал человек из секретной службы, смех майора Смайта стал похож на крик раненого.

— О боже! Старое доброе МБ. Да, веселое было время. — Он снова засмеялся и почувствовал боль в горле, вызванную нарастающим давлением в груди.

Он сунул руку в карман брюк, высыпал на ладонь содержимое маленького пузырька и положил под язык белую таблетку. При этом он заметил, как напрягся мужчина, как внимательно он прищурился. Не бойся, дружище, это не яд. Он сказал:

— Вас ацидоз никогда не беспокоил? Нет? А меня он просто убивает, когда я иногда хвачу лишнего. Вот вчера вечером хотя бы, на вечеринке в клубе «Ямайка». — Он покачал головой. — Да уж, начинаешь понимать, что тебе уже далеко не двадцать пять. Ну да ладно. Давайте вернемся к МБ. Наверное, из наших там уже почти никого не осталось. — Он почувствовал, что боль в груди стала уползать в свое логово. — Что-то связанное с официальной историей бюро?

Джеймс Бонд посмотрел на горящий кончик сигареты.

— Не совсем.

— Я надеюсь, вы знаете, что это я написал почти всю главу о бюро для

книги по военной истории? Но это было пятнадцать лет назад. Сомневаюсь, что сегодня я смогу что-то добавить.

— И о тирольской операции? В местечке под названием Обераурах, в миле к востоку от Китцбюхеля?

Одно из названий, не покидавшее его уже пятнадцать лет, заставило майора Смайта снова усмехнуться.

— Это было плевое дело. Никогда я еще не видел такой паники среди военных. Все эти важные гестаповские чины с их девицами, вдрызг пьяные... Документы, которые были нам нужны, сами принесли, и просить не надо было. Я думаю, они надеялись, что это им зачтется потом. Ну, мы их приветили, как положено, а потом отправили в лагерь под Мюнхеном. После этого я о них не слышал. Наверное, большинство из них повесили за военные преступления. Бумажки мы передали в штаб в Зальцбурге. А потом мы двинули дальше, углубились в долину Миттерзилль искать очередной тайник. — Майор Смайт сделал изрядный глоток из стакана и затянулся сигаретой. Потом посмотрел на Бонда. — Это, собственно, и вся история.

— Вы в то время были номером вторым. Командиром был американец, полковник. Кинг из армии Паттона.

— Верно. Прекрасный человек. Усы носил, хотя в Америке это не принято. В местных винах знал толк. Очень образованный парень.

— В рапорте об операции он написал, что передал все документы вам для предварительного ознакомления, поскольку в отряде вы были специалистом по Германии. И после этого вы вернули их обратно со своими замечаниями? — Джеймс Бонд помедлил. — Все до единого?

Майор Смайт как будто не заметил намека.

— Верно. В основном это были списки фамилий. Секретная информация контрразведки. Наши ребята в Зальцбурге были очень довольны. Еще бы, столько новых ниточек! Я думаю, оригиналы до сих пор хранятся в каком-нибудь архиве. Их использовали на Нюрнбергском процессе. Да, черт возьми, — по-приятельски воскликнул майор Смайт, охваченный воспоминаниями, — это были лучшие годы в моей жизни, когда мы с бойцами из МБ гоняли по всей стране. Вино, женщины, песни. Эх, что и говорить!

Тут майор Смайт говорил истинную правду. До 1945 года на войне он попадал во множество опасных и неприятных переделок. Когда в 1941 году формировались диверсионно-десантные отряды, он вызвался одним из первых и был переведен из Королевской морской пехоты в Штаб разработки совместных операций под начальством Маунтбэттена. Там,

узнав, что он прекрасно говорит по-немецки (мать Смайта была родом из Гейдельберга), его определили в диверсионно-десантный отряд, проводивший операции за Ла-Маншем, на незавидную должность переводчика. Ему повезло, за два года этой опасной работы он не получил ни царапины и заработал военный орден Британской империи, которым на той войне мало кого награждали. А потом, в преддверии окончательного разгрома Германии, секретной службой и Штабом разработки совместных операций было создано Многоцелевое бюро. Майора Смайта временно произвели в подполковники, и ему была поставлена задача сформировать отряд, который после победы должен был заниматься поиском секретных хранилищ документов гестапо и абвера. Американское Управление стратегических служб узнало об этом нововведении и настояло на том, чтобы работа велась совместно с американскими частями, и в результате появился не один, а шесть отрядов, которые начали работать на территории Германии и Австрии в день подписания акта о капитуляции. Каждый состоял из двадцати человек, имел на вооружении легкий бронетранспортер, шесть джипов, радиостанцию и три грузовика. Отряды подчинялись англо-американскому штабу в составе Главного командования союзных сил, который снабжал их разведданными, полученными от армейской разведки, от Секретной разведывательной службы Великобритании и Управления стратегических служб США. Майор Смайт был вторым номером отряда «А», который бросили в австрийскую землю Тироль, где было множество мест, пригодных для обустройства тайников, а также пролегал путь в Италию, а возможно, и дальше в Европу. Было известно, что именно это место выбрали главным убежищем те люди, которых разыскивали силы МБ. И как майор Смайт только что сказал Бонду, в этом отряде у них была не жизнь, а песня. За все время им даже выстрелить ни разу не пришлось... Если не считать тех двух выстрелов майора Смайта.

Джеймс Бонд как бы между прочим произнес:

— Имя Ганс Оберхаузер вам о чем-нибудь говорит?

Майор Смайт нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Нет, ничего.

Несмотря на тридцать градусов в тени, он задрожал.

— Я освежу вам память. В тот же день, когда вам были переданы для ознакомления документы, в гостинице «Тифенбруннер», где вы были расквартированы, вы расспрашивали насчет лучшего горного проводника в Китцбюхеле. Вас направили к Оберхаузеру. На следующий день вы попросили у командира однодневный отпуск и получили разрешение.

Следующим утром, очень рано, вы отправились в шале Оберхаузера. Взяли его под арест и увезли на своем джипе. Это вам о чем-то говорит?

Фраза «освежу память» — сколько раз сам майор Смайт произносил ее, когда пытался загнать в ловушку какого-нибудь немецкого лгуна! *Не спеши. Ты готовился к этому много лет.* Майор Смайт в сомнении покачал головой.

— Нет, что-то не припоминаю.

— Мужчина с седеющими волосами и хромой ногой. Он немного говорил по-английски — работал лыжным инструктором до войны.

Майор Смайт посмотрел прямо в холодные голубые глаза.

— Извините, ничем не могу помочь.

Джеймс Бонд вынул из внутреннего кармана небольшой блокнот в синей кожаной обложке и стал листать страницы. Потом остановился и посмотрел на майора.

— Тогда вашим табельным оружием был «уэбли-скотт» с серийным номером восемь-девять-шесть-семь-три-шестьдесят два.

— Конечно, у меня был «уэбли». Крайне неудобная штука. Надеюсь, сейчас их заменили на что-нибудь похожее на «люгер» или «беретту». Но я вообще-то на номер никогда внимания не обращал.

— Номер правильный, можете не сомневаться, — сказал Джеймс Бонд. — У меня записаны даты, когда вам его выдали в штабе и когда вы его сдали. Вы расписались в журнале оба раза.

Майор Смайт пожал плечами.

— Значит, это был мой пистолет. Но... — в его тоне появилось раздражение, — я могу узнать, в чем цель этих расспросов?

Джеймс Бонд посмотрел на него почти удивленно. Потеплевшим голосом он произнес:

— Вы прекрасно знаете их цель, Смайт. — Немного подумав, он продолжил: — Вот что я вам скажу. Я сейчас выйду в сад минут на десять. Пока меня не будет, подумайте хорошенько. Потом позовете меня, — серьезно добавил он. — Я могу значительно упростить вам жизнь, если услышу рассказ из ваших уст. — Бонд подошел к двери в сад и обернулся. — Боюсь, что разговор с вами — всего лишь формальность. Видите ли, вчера в Кингстоне я поговорил с братьями Фу.

И он вышел на лужайку.

Майор Смайт почувствовал некоторое облегчение. Наконец-то эта битва умов, эта необходимость придумывать алиби и изворачиваться! Если Бонд добрался до братьев, хотя бы одного из них, они наверняка уже раскололись. Меньше всего они хотели проблем с правительством. Да и от

последнего слитка осталось не больше шести дюймов.

Майор Смайт быстро встал с кресла, подошел к заполненному буфету и налил себе еще бренди и эля, почти поровну. Пока еще есть время, можно себя побаловать. В будущем подобных удовольствий, похоже, не предвидится. Он вернулся к креслу и закурил двадцатую сигарету за день. Взглянул на часы: половина двенадцатого. Если удастся отделаться от этого типа, у него еще останется уйма времени, которое можно посвятить своему «народу». Он сидел,пил и размышлял. Можно было растянуть рассказ, и можно было изложить все коротко. Можно вспомнить, какая тогда была погода и как пахли горные цветы и сосны, и можно было сразу перейти к делу. Последний вариант был ему больше по душе.

Там, в большой спальне гостиницы «Тифенбруннер», разложив на кровати кожаные папки и листы серой бумаги, он не искал в них что-то особенное, просто отбирал образцы и особое внимание уделял тем, на которых стояла красная пометка: «Höchst vertraulich».^[63] Таких было немного, и в основном это были тайные донесения о высших чинах немецкого правительства, перехваченные шифровки союзников и информация о местоположении секретных складов. Поскольку последние являлись основной целью отряда «А», майор Смайт изучил их с особенным интересом: провиант, взрывчатка, оружие, шпионские донесения, личные дела сотрудников гестапо. Небывалый улов! В нижней части пакета лежал конверт, запечатанный сургучом, с надписью: «Вскрыть только при самых чрезвычайных обстоятельствах». В конверте находился один листок, без подписи и с несколькими словами, написанными красными чернилами. Вверху значилось: «VALUTA», а внизу: «WILDE KAISER. FRANZISKANER HALT 100 M. OSTLICH STEINHUGEL. WAFFENKISTE ZWEI BAR 24 KG».^[64] Дальше шел список измерений в сантиметрах. Майор Смайт развел руки, как рыбак, хвастающийся уловом. Слитки, должно быть, большие, в ширину его плеч, и примерно два на четыре дюйма в торце. А простой английский золотой соверен весом в восемнадцать каратов сейчас шел по два-три фунта стерлингов. Это же, черт возьми, состояние! Сорок-пятьдесят тысяч фунтов! А то и все сто! Не переставая думать о поразительной находке, он заставил себя принять спокойный вид на тот случай, если кто-нибудь войдет, быстро зажег спичку и поднес ее к бумаге и конверту. Потом растер пепел и спустил его в унитаз. После этого он достал крупномасштабную австрийскую карту района, и уже через секунду его палец отыскал Францисканер Хальт. Это

место было помечено как заброшенная хижина альпинистов и располагалось на седловине, как раз под самым высоким из восточных пиков Кайзеровых гор, этого внушающего благоговейный ужас ряда гигантских каменных зубов, которые образовывали мрачный северный горизонт Китцбюхеля. А пирамидка из камней должна быть где-то здесь. Его палец остановился. И все это богатство находилось отсюда в каких-то десяти милях и пяти часах подъема по горе!

Началось все так, как и описал этот Бонд. Он подъехал к шале Оберхаузера в четыре утра, арестовал его и сказал его рыдающим родственникам, что забирает его в Мюнхен для допроса. Если выяснится, что проводник чист, он вернется домой через неделю. Если семья поднимет шум, этим они только навредят Оберхаузеру. Смайт отказался называть свое имя, и ему хватило ума предварительно прикрыть номера джипа. Через двадцать четыре часа отряд «А» уходит из города, и к тому времени, когда у военного правительства руки дойдут до Китцбюхеля, этот эпизод уже забудется, погрозится в болоте неразберихи, которая всегда сопутствует приходу оккупационных войск.

Как только Оберхаузер более-менее справился со страхом, оказалось, что он довольно приятный человек, и, когда Смайт со знанием дела заговорил о горных лыжах и альпинизме, которыми он когда-то занимался до войны, отношения и вовсе наладились, чего и добивался Смайт. Дорога на Куфштайн лежала вдоль подножия Кайзеровых гор, и Смайт ехал медленно, время от времени с восхищением высказываясь о пиках, которые к этому времени уже были залиты розовым утренним светом. Наконец, под золотым пиком, как он его для себя назвал, Смайт съехал с дороги и затормозил. Повернувшись на своем сиденье, он искренним тоном произнес:

— Нравитесь вы мне, Оберхаузер. У нас так много общих интересов. Судя по вашим словам и по тому, каким человеком вы мне представляетесь, я не могу поверить, что вы имели дело с нацистами. Вот что мы сделаем: мы потратим день на то, чтобы подняться на Кайзер, а потом я отвезу вас обратно в Китцбюхель. Начальству своему я скажу, что в Мюнхене вас оправдали. — Он весело улыбнулся. — Что скажете, а?

Проводник едва не расплакался от благодарности. Но не положено ли ему какого-нибудь документа, где бы значилось, что он прошел проверку? Конечно, подписи майора Смайта будет вполне достаточно. После заключения договора Смайт отъехал в сторону, поставил джип в таком месте, где с дороги его не было видно, и они неспешно стали подниматься по напоенному сосновым ароматом склону горы.

Смайт был одет подходяще для скалолазания: на нем не было ничего лишнего, лишь легкая рубашка, шорты и пара превосходных американских десантных ботинок с резиновыми подошвами. Единственным его грузом был «уэбли-скотт», и Оберхаузер, понимая, что для своего спутника он все-таки был одним из врагов, тактично не предложил его спрятать под каким-нибудь приметным камнем. Оберхаузер был в парадном костюме и своих лучших туфлях, но это, похоже, совершенно не мешало ему. Он заверил майора Смайта, что в подъеме им не понадобятся ни веревки, ни крючья, и сказал, что прямо над ними есть небольшой домик, где они смогут отдохнуть. Назывался он Францисканер Хальт.

— В самом деле? — отозвался майор Смайт.

— Да. А под ним находится небольшой ледник. Очень красивый, но мы обойдем вокруг него, потому что там слишком много расселин.

— Действительно? — задумавшись, произнес майор Смайт.

Он посмотрел на затылок Оберхаузера, весь в каплях пота. В конце концов, он был всего лишь фрицем поганым, ну, или из той же порода. Одним больше, одним меньше, какая, в сущности, разница? Все устроить будет проще пареной репы. Единственное, что беспокоило майора Смайта, — как самому спустить все Добро с горы? Он решил, что как-нибудь поднимет золотые слитки на спину. В конце концов, он часть пути мог бы их тащить за собой на чем-нибудь, например, на сумке для патронов.

Подъем был долгим и утомительным, и, когда они наконец поднялись на вершину, солнце уже стояло в зените и припекало. Теперь под ногами у них были лишь камни и щебень, и, когда они, делая длинные зигзаги, шли по склону, из-под их ног вниз с грохотом катились булыжники. Склон делался все круче и круче, его серая угрюмая вершина зловеще темнела на голубом небе у них над головой. Они были до пояса раздеты, и пот, струясь по ногам, затекал им в обувь, но, несмотря на хромоту Оберхаузера, продвигались они достаточно быстро. Когда остановились у беспокойного горного ручья попить и помыться, Оберхаузер похвалил выносливость майора Смайта, на что тот, думая о чем-то своем, но все же осознавая, что говорит неправду, грубовато ответил, что английские солдаты все такие.

Сам подъем не был сложным. Майор Смайт догадался об этом заранее, потому что иначе было бы невозможно наверху построить хижину для альпинистов. В каменной поверхности склона были выбиты опоры для пальцев, и кое-где из щелей торчали крючья. Но на самых сложных участках он не смог бы самостоятельно отыскать путь, и он похвалил себя за то, что прихватил проводника.

Однажды рука Оберхаузера, которой он ощупывал камни в поисках опоры, сдвинула большой кусок скалы, за многие годы расшатанный снегом и ветром, и тот обрушился вниз по склону горы. Внезапно майор Смайт подумал о шуме.

— Здесь много людей? — спросил он, пока они провожали взглядом удаляющийся камень.

— Ни души, до самого Куфштайна, — ответил Оберхаузер. Он обвел рукой острые пики гор. — Здесь нет пастбищ, очень мало воды. Здесь бывают только альпинисты. А после того, как война началась... — Он не договорил.

Пока они обходили отливающий голубизной ледник, за которым их ждал последний подъем на седловину, майор внимательно осматривал расселины, замечая их ширину и глубину. Да, они подойдут. Прямо над ними, футов на сто выше, под защитой большого каменного выступа виднелись потрепанные непогодой деревянные стены хижины. Майор Смайт прикинул угол наклона склона. Да, стена была почти отвесной. Сейчас или позже? Он решил, что позже. Маршрут последнего перехода был ему не совсем понятен.

На весь подъем до хижины ушло ровно пять часов. Майор Смайт, сказав, что ему нужно облегчиться, пошел по карнизу скалы в восточном направлении, не обращая внимания на изумительные панорамы Австрии и Баварии, раскинувшиеся по обе стороны от него, возможно, на пятьдесят миль и теряющиеся вдаль под раскаленной дымкой. Шаги он отсчитывал очень внимательно и ровно через сто двадцать увидел под ногами горку, сложенную из камней, возможно, в память о каком-то давно погибшем альпинисте. Однако майор Смайт, имея другие сведения, захотел ее немедленно разобрать, но вместо этого достал свой «уэбли-скотт», посмотрел сквозь дуло и крутанул барабан. Потом пошел обратно.

Здесь, наверну, на высоте больше тысячи футов, было холодно, поэтому Оберхаузер зашел в хижину и принялся разводить огонь. Увидев его, майор Смайт совладал с охватившим его волнением и сказал веселым голосом:

— Оберхаузер, хватит прятаться, выходите. Покажите мне самые красивые виды.

— Конечно, майор.

Оберхаузер вышел за ним из хижины, запустил руку в глубокий карман брюк и вытащил бумажный сверток. Когда он раскрыл его, оказалось, что внутри лежит твердый сморщенный кусок мяса. Проводник предложил его майору.

— Мы называем это «солдат», — смущенно произнес он. — Это копченое мясо. Твердоватое, конечно, но вкусное. — Он улыбнулся и добавил: — Такое же мясо едят в фильмах про Дикий Запад. Как оно называется?

— Пеммикан, — ответил майор. А потом — и это впоследствии часто наполняло его отвращением к самому себе — он сказал: — Оставьте его в хижине, мы потом его с вами съедим, и идите сюда. Отсюда виден Инсбрук? Покажите мне вид с этой стороны.

Оберхаузер нырнул в хижину и тут же вышел обратно. Майор шел следом за ним, пока проводник что-то рассказывал, показывая рукой на виднеющиеся вдалеке шпили церковей или какой-нибудь горный пик.

Они дошли до обрыва над ледником. Здесь майор Смайт вытащил револьвер и с расстояния в два фута всадил две пули в заднюю часть черепа Ганса Оберхаузера. Он умер сразу.

Сила удара пуль сбила его с ног, и он полетел вниз с обрыва. Майор Смайт наклонился и посмотрел вниз. Тело в полете два раза ударилось о выступающие камни, прежде чем упало на ледник. Но не туда, где лед был испещрен трещинами и провалами, а немного в стороне, на сугроб слежавшегося снега.

— Черт! — сказал майор Смайт.

Гулкое эхо двух выстрелов, которое долго носилось между скалами, наконец затихло. Майор Смайт последний раз посмотрел на черное пятно на белом снегу и торопливым шагом двинулся по карнизу скалы. Сначала главное!

Начал он с верхушки каменной пирамидки и, работая так, словно в него вселился дьявол, стал не глядя сбрасывать тяжелые булыжники со скалы направо и налево. Руки его вскоре стали кровоточить, но он этого даже не заметил. Осталось разобрать около двух футов — и по-прежнему ничего! Сплошные проклятые камни! Он наклонился над последним слоем, лихорадочно работая руками. И вот! Наконец-то! Крышка металлического ящика. В сторону разлетелись еще несколько камней, и вот уже ящик виден полностью. Обычный ящик для боеприпасов, какими пользовались войска вермахта. Даже какие-то остатки надписей сохранились. Майор Смайт застонал от счастья. Он сел на твердый камень, и перед глазами у него поплыли «бентли», Монте-Карло, роскошные пентхаусы, «Картье», шампанское, икра и неуместные в таком ряду новые клюшки для гольфа фирмы «Генри Коттон» (просто он очень любил гольф).

Опьяненный этими видениями, майор Смайт безотрывно смотрел на серый металлический ящик добрую четверть часа. Потом взглянул на часы

и быстро поднялся. Пора избавиться от улики. Ящик имел с двух сторон ручки. Майор Смайт догадывался, что он окажется тяжелым. Он уже сравнивал его вес с весом самой тяжелой вещи, которую ему приходилось в жизни носить, — сорокафунтовой семги, которую он перед самым началом войны поймал в Шотландии. Но ящик, разумеется, оказался вдвое тяжелее, и ему удалось лишь вытащить его из последнего уровня камней и положить на скудную альпийскую траву. Потом он намотал на одну из ручек носовой платок и неуклюже оттащил ящик по карнизу до хижины. Там он сел на каменное крыльцо и, не отрывая глаз от ящика, стал рвать крепкими зубами копченое мясо и думать о том, как спустить свои пятьдесят тысяч (именно такая сумма почему-то представлялась ему) с горы и спрятать в новом месте.

Мясо оказалось настоящей пищей скалолаза — жесткое, жирное и изрядно сдобренное чесноком. Его кусочки застряли между зубами майора Смайта, и это было неприятно. Он выковырял их спичкой и выплюнул. Потом заработало его профессиональное мышление. Он поднял эти кусочки мяса и проглотил их. Отныне он превращался в преступника, настоящего преступника, как если бы ограбил банк и застрелил охранника. Он был полицейским, превратившимся в преступника. Он должен запомнить это. Если он это забудет, его ждет не роскошное существование, а смерть. Теперь от него потребуются огромные усилия, чтобы наладить жизнь. Но Бог свидетель, он был готов на это. И он станет богатым и счастливым. Потратив какое-то время на уничтожение малейших свидетельств того, что он заходил в хижину, он оттащил армейский ящик на край обрыва и, целясь в сторону от ледника, подтолкнул его, помолившись.

Серый ящик, медленно переворачиваясь в воздухе, ударился о первый выступ скалы, пролетел еще сотню футов, с металлическим звоном упал на какую-то каменистую осыпь и наконец замер. Майору Смайту не было видно, раскрылся ящик при падении или нет. Его устроил бы любой из этих вариантов. Он попытался вскрыть ящик и не смог, так пусть скала сделает это за него.

Осмотревшись напоследок еще раз, он начал осторожный спуск вниз, тщательно проверяя каждый вбитый в скалу крюк, долго пробуя руками и ногами каждый выступ, прежде чем переложить на него свой вес. Во время спуска вниз его жизнь стала значительно дороже, чем была при подъеме вверх. Он спустился к леднику и пошел по тающему снегу к черному пятну на ледяной поверхности. За собой он оставил цепочку следов. С этим ничего нельзя было поделать, но через несколько дней солнце растопит

снег, и они исчезнут. Он подошел к телу. На войне мертвецы не редкость, поэтому вид крови и изломанных конечностей его не тронул. Он оттащил останки Оберхаузера к ближайшей глубокой расселине и спихнул тело вниз. Потом аккуратно прошел вдоль края провала, сбивая ногами снег на труп. Удовлетворенный работой, он пошел обратно по своим следам, ставя ноги точно в старые отпечатки, и, дойдя до края ледника, стал спускаться вниз по склону к тому месту, где лежал ящик.

Да, скала открыла металлическую крышку. Почти небрежным движением он сорвал упаковочную бумагу. Два больших металлических бруска блеснули на солнечном свете. На обоих слитках стояли одинаковые метки: свастика в круге под орлом и год 1943 клейма Рейхсбанка. Майор Смайт удовлетворенно кивнул. Он положил бумагу обратно в ящик и кое-как камнем приколотил покореженную крышку на место. После этого он обмотал одну из ручек ящика ремешком от кобуры своего «уэбли» и пошел вниз по склону, таща за собой неудобный груз.

Был уже час, и солнце немилосердно жгло его обнаженный торс, поджаривая его в собственном поту. Покрасневшие плечи горели. Лицо тоже. Ну и черт с ними! Он остановился у сбегающего с ледника ручья, смочил носовой платок и повязал его на голову. Потом напился воды и продолжил путь, время от времени проклиная ящик, когда тот съезжал по склону и бил его по пяткам. Но все эти неудобства, солнечные ожоги и синяки, были ничем по сравнению с тем, что ждало его там, внизу, когда он спустится и уклона больше не будет. Пока что гравитация работала на него. Но потом ему предстоит самое меньшее милою нести этот проклятый ящик на себе. Майор Смайт поморщился, представив себе, во что превратят его обожженную спину эти восемьдесят фунтов или около того. «Что ж, — сказал он себе почти легкомысленно, — *il faut souffrir pour être millionnaire!*»^[65]

Спустившись вниз до подножия, он сел отдохнуть на поросшую мхом землю под елью. Потом он расстелил на земле рубашку, переложил на ее середину два слитка из ящика и накрепко привязал ее нижние углы к плечам. Закопав пустой ящик в неглубокую яму на берегу, он связал рукава рубашки, просунул голову в грубую петлю и поддел ладони под узел, чтобы защитить шею. Он с трудом встал и наклонился вперед, чтобы груз на спине не перевешивал. Потом, сгибаясь под тяжестью в половину собственного веса, с горящими от соприкосновения с грузом плечами, хрипло дыша, он медленно пошел по узкой тропинке между деревьев.

Он и до сих пор не понимал, как ему удалось дойти до джипа. Снова и снова узлы, не выдержав веса, развязывались, и тяжелые слитки падали на

икры его ног. И каждый раз он садился, в отчаянии обхватывая голову руками, но потом вставал и продолжал путь. Потом, считая шаги и останавливаясь на отдых после каждой сотни, он наконец дошел до благословенного маленького джипа и рухнул рядом с ним в изнеможении. Потом ему еще пришлось закапывать свою добычу в лесу между несколькими огромными приметными камнями, кое-как привести себя в порядок и вернуться к месту расквартирования объездной дорогой, подальше от шале Оберхаузера. Потом, когда все осталось позади, он выпил бутылку дешевого шнапса, поел, лег на кровать и провалился в глубокий сон, лишенный сновидений. На следующий день отряд «А» покинул долину Миттерзилль для выполнения очередного задания, а через шесть месяцев майор Смайт вернулся в Лондон, и на этом война для него закончилась.

Чего нельзя было сказать о его проблемах. Золото трудно ввозить контрабандой, тем более в таких объемах, которые находились в распоряжении майора Смайта. Но ему было необходимо как-то переправить два слитка через Ла-Манш и спрятать их в новом месте. Поэтому он отложил свою демобилизацию и, пользуясь временным положением штабного офицера и подключив связи в военной разведке, вскоре сумел добиться того, чтобы его послали в Германию в качестве представителя Британии в Мюнхене, в Объединенный войсковой центр допроса. Здесь он полгода выполнял различные задачи и за это время успел забрать золото из тайника и спрятать у себя в комнате в старом чемодане. После этого он уволился и вылетел в Англию с двумя слитками в толстом портфеле. Для того чтобы пройти сотню ярдов с портфелем в руке при посадке на самолет и столько же при высадке, да еще нести его так, словно в нем нет ничего, кроме бумаг, ему потребовались две таблетки бензедрина и железная воля. Но наконец он добрался со своим грузом до подвала тетушкиного дома в Кенсингтоне, после чего мог спокойно приступить ко второй фазе своего плана.

Он уволился из Королевской морской пехоты, демобилизовался и женился на одной из тех девиц, с которыми спал, когда работал в штабе МБ. Очаровательная блондинка, сотрудница женской вспомогательной службы военно-морских сил, была из хорошей семьи среднего достатка, звали ее Мэри Парнелл. Он купил им обоим места на одном из первых «банановых судов», курсирующих между Авонмутом и Кингстоном на Ямайке, где, как они решили, их будут ждать солнце, прекрасная еда, дешевые напитки и великолепное голубое небо — настоящий рай после мрака и различных ограничений лейбористского правительства

послевоенной Англии. Перед отплытием майор Смайт показал Мэри золотые слитки, с которых к тому времени уже сбил клейма Рейхсбанка.

— Я поступил по-умному, дорогая, — сказал он. — Не доверяю я фунту в последнее время, поэтому продал все свои ценные бумаги и купил золото. Тут, наверное, тысяч на пятьдесят. Нам этого хватит на двадцать пять лет беззаботной жизни. Достаточно только отрезать, когда надо, кусочек и продавать.

Мэри Парнелл не ведала того, что подобная транзакция была невозможна при существующем валютном законодательстве. Она опустила на колени и нежно провела рукой по блестящим слиткам. Потом встала, бросилась майору Смайту на шею и поцеловала его.

— Ты чудесный, чудесный человек, — воскликнула она, сдерживая слезы. — Страшно умный, красивый и храбрый. А теперь еще, оказывается, и богатый. Ах, я самая счастливая девушка на свете!

— Не знаю, по крайней мере, теперь мы богаты, — сказал майор Смайт. — Только пообещай, что никому не скажешь ни слова. А то на нас начнут охотиться все грабители на Ямайке. Обещаешь?

— Клянусь.

Расположенный на холмах над Кингстоном «Клуб принца» и в самом деле оказался райским местом. В меру вежливые посетители, прекрасные слуги, отличная еда на любой вкус, дешевые напитки — и все это в тропических декорациях, которых они раньше не видели. Они стали известной парой, и военные заслуги майора Смайта открыли ему двери в резиденцию губернатора и стали пропуском в местное общество, после чего их жизнь превратилась в бесконечную череду вечеринок и раутов, где Мэри всегда могла найти партнера для тенниса, а майор Смайт мог, сколько хотелось, играть в гольф (клюшками «Генри Коттон»!). По вечерам ее ждал бридж, а его — покер. Да, они жили как в раю, в то время как на их родине люди жевали консервированное мясо, жульничали на черном рынке, ругали правительство и страдали от худшей за последние тридцать лет зимней погоды.

Поначалу чета Смайт оплачивала все свои расходы деньгами из своих личных сбережений, преумножившихся за время войны, и майор Смайт целый год осторожно присматривался и принимался, прежде чем решил завязать деловые отношения с господами Фу, которые занимались импортом и экспортом. Очень уважаемые и богатые братья Фу стояли во главе процветающего китайского сообщества, обосновавшегося на Ямайке. Их подозревали в нечестной торговле (в духе китайской традиции), но самые дотошные расспросы майора Смайта показали, что они вполне

заслуживали доверия. Было подписано Бреттон-Вудское соглашение, установившее фиксированную цену на золото, и уже стало общеизвестно, что Танжер и Макао остались свободными портами, по разным причинам выскользнувшими из бреттон-вудского невода. Там цена на унцию золота девяносто девятой пробы могла превышать сто долларов, в то время как фиксированная мировая цена составляла тридцать пять долларов за унцию. К тому времени братья Фу весьма кстати возобновили связи с возродившимся Гонконгом, который уже стал перевалочным пунктом торговцев золотом на пути в Макао. В общем, обстановка складывалась, как выражался майор Смайт, «лучше не бывает». Встреча с братьями Фу прошла в самой доброжелательной атмосфере. Никто не задавал никаких вопросов, пока не дошло до осмотра слитков. На этой стадии отсутствие клейм вызвало вежливый вопрос о происхождении золота.

— Видите ли, майор, — произнес старший и более вежливый из братьев, сидевший за большим пустым столом из красного дерева, — на рынке клейма всех уважаемых национальных банков и ответственных торговцев принимаются без вопросов. Такие клейма гарантируют чистоту золота. Но, разумеется, существуют другие банки и другие торговцы, чьи методы определения чистоты золота, — его добрая улыбка стала чуточку шире, — скажем так, не совсем точны.

— Вы имеете в виду мошенничество? — с тревогой в голосе спросил майор Смайт. — Когда бруски свинца покрывают золотой пленкой и выдают за золото?

Оба брата заговорили одновременно:

— Нет, нет, что вы! Об этом не может быть и речи. Но... — Улыбки не исчезали с их лиц. — Если вы не можете вспомнить происхождение этих замечательных слитков, вы не станете возражать, если мы проведем проверку? Есть метод, позволяющий точно определить чистоту таких слитков. Мы с братом знакомы с ним. Если вы оставите свои слитки у нас и вернетесь, скажем, после обеда...

Выбора не было. Майору Смайту пришлось полностью довериться братьям Фу. Теперь они могут назвать любую цифру, и ему останется только принять ее. Он отправился в бар, выпил пару крепких напитков и хотел съесть бутерброд, но тот застрял у него в горле. Потом он вернулся в прохладу конторы братьев Фу.

Там все было по-прежнему: два улыбающихся брата, два слитка золота, портфель, только теперь перед старшим братом на столе лежали золотая ручка «Паркер» и лист бумаги.

— Мы разгадали загадку ваших слитков, майор...

«Замечательно! Слава богу!» — подумал майор Смайт.

— И я уверен, вам будет интересно узнать их историю.

— Ну конечно! — горячо воскликнул майор Смайт.

— Эти слитки были отлиты в Германии, майор. Возможно, во время войны. Это мы установили по десятипроцентному содержанию свинца. Когда у власти стоял Гитлер, у Рейхсбанка появился глупый обычай разбавлять золото подобным способом. Этот факт быстро стал известен продавцам, и цена на немецкие золотые слитки, как, например, в Швейцарии, куда они поступали в больших количествах, снизилась соответственно. Так что единственным результатом немецкой глупости стало лишь то, что Национальный банк Германии потерял репутацию, которую зарабатывал веками. — Улыбка на восточном лице не изменилась. — Это была очень плохая затея, майор. Очень глупая.

Майор Смайт подивился осведомленности братьев, живущих вдали от основных мировых коммерческих каналов, но насторожился: что теперь? Он сказал:

— Это, конечно, очень интересно, мистер Фу. Для меня эта новость не из приятных. Но на рынке драгоценных металлов вообще торгуют такими... нестандартными слитками?

Старший Фу сделал успокаивающий жест правой рукой.

— Это не имеет значения, майор. Вернее, имеет очень небольшое значение. Мы продадим ваше золото по его истинной стоимости в соответствии с пробой, скажем, восемьдесят девятой. Покупатель может переплавить его либо оставить нынешнюю пробу. Это не наше дело. Наше дело продать.

— Но по низкой цене.

— Это так, майор. Но я думаю, что могу вас утешить. Вы представляете себе приблизительную стоимость этих слитков?

— Я думал, тысяч пятьдесят фунтов.

Старший Фу усмехнулся.

— А я думаю, что если мы будем продавать с умом и не спешить... Вы сможете выручить сто тысяч фунтов, майор. Разумеется, из этой суммы мы вычтем нашу комиссию, которая включает в себя транспортировку и непредвиденные расходы.

— Это сколько?

— Мы думали о десяти процентах, майор. Если вас это устроит.

Майору Смайту казалось, что торговцы драгоценными металлами должны получать один процент. Но зачем мелочиться? Он и так получит на сорок тысяч больше, чем предполагал.

— Согласен, — сказал он, встал и протянул руку над столом.

После этого он каждый квартал приходил в контору братьев Фу с пустым портфелем, и на широком столе его неизменно ждала тысяча ямайских фунтов в аккуратных пачках и два золотых слитка, которые уменьшались дюйм за дюймом, а также отпечатанный на машинке документ с указанием количества проданного золота и цены, по которым его сбыли в Макао. Их встречи происходили всегда по-простому, в дружеской и одновременно деловой обстановке. Майор Смайт не думал, что его обманывают в чем-то, помимо заранее оговоренных десяти процентов. Да и, по большому счету, ему это было не так важно. Четырех тысяч в год ему вполне хватало, и его заботило лишь то, что за него может взяться налоговая инспекция, если их заинтересует, на что он живет. Однажды он обмолвился о своей тревоге братьям Фу. Они заверили его, что волноваться не следует, и следующие четыре раза на столе лежала не обычная тысяча, а девятьсот фунтов. Ни одна из сторон по этому поводу не высказалась. Эти деньги пошли на нужное дело.

Лениво текли беззаботные солнечные дни, прошло пятнадцать лет. За это время Смайт и его жена набрали вес, а майор перенес свой первый инфаркт и получил от врача указание меньше курить и пить, избегать волнений, есть меньше жирного и жареного. Мэри Смайт попробовала быть с ним потверже, но, когда он стал пить тайком, начал обманывать и изворачиваться, она опустила руки и прекратила попытки наставить его на путь истинный. Однако было поздно. Теперь майор Смайт воспринимал ее не иначе как надсмотрщика и стал избегать ее. Она ругала его за то, что он разлюбил ее. А когда скандалы стали слишком частыми для ее простой природы, Мэри пристрастилась к снотворному. И однажды вечером, после очередной неистовой пьяной ссоры, она приняла двойную дозу снотворного — просто чтобы «показать». Этого оказалось достаточно, чтобы убить ее. Самоубийство замалчивали, но в обществе над ним начали сгущаться тучи, и тогда он решил уехать на северное побережье, которое, хотя и отдалено от столицы на каких-то тридцать миль, даже здесь считалось совсем другим миром. Он обосновался в «Волнах» и после второго инфаркта медленно доводил себя до смерти выпивкой, когда к нему явился этот человек по фамилии Бонд с другим смертным приговором в кармане.

Майор Смайт посмотрел на часы. Было всего несколько минут после полудня. Он встал, налил себе еще один стакан бренди с имбирным элем и вышел на лужайку. Джеймс Бонд сидел под миндальными деревьями и

смотрел в море. Он даже не обернулся, когда майор Смайт поставил рядом еще одно алюминиевое садовое кресло и опустил стакан рядом с собой на траву.

Когда майор Смайт закончил рассказ, Бонд бесстрастно произнес:

— Да. Примерно так я себе это и представлял.

— Хотите, чтобы я все изложил на бумаге и подписал?

— Если желаете, можете это сделать. Но не для меня. Для военного трибунала. Этим будет заниматься ваше прежнее руководство. Я не имею отношения к юридическим вопросам. Я доложу в свою службу о том, что вы рассказали мне, а они передадут это Королевской морской пехоте. Потом, я полагаю, это через Скотланд-Ярд попадет к прокурору.

— Я могу задать вопрос?

— Конечно.

— Как они узнали?

— Ледник был небольшой. В этом году тело Оберхаузера появилось на поверхности, когда растаял весенний снег. Труп нашли альпинисты. Его документы и все остальное сохранилось идеально. Семья опознала его. Потом нужно было только прокрутить события назад. Пули завершили дело.

— Но каким образом вы оказались с этим связаны?

— Деятельность сил МБ проходила по нашей... инстанции. Бумаги попали к нам. Я случайно увидел документ. У меня было немного свободного времени, и я попросил начальство поручить мне поиски человека, который это сделал.

— Почему?

Джеймс Бонд посмотрел майору Смайту прямо в глаза.

— Так случилось, что Оберхаузер был моим другом. До войны, когда мне не было еще и двадцати, он научил меня стоять на лыжах. Это был прекрасный человек. Он заменил мне отца, когда я в этом очень нуждался.

— Понимаю. — Майор Смайт отвернулся. — Я очень сожалею.

Джеймс Бонд встал.

— Я возвращаюсь в Кингстон. — Он поднял руку. — Не беспокойтесь, я найду дорогу к машине. — Он посмотрел на старика и произнес отрывисто, даже почти резко, как показалось майору Смайту, чтобы скрыть смущение: — Пройдет около недели, прежде чем за вами кого-нибудь пришлют.

Потом он прошел по лужайке, через дом, и майор Смайт услышал железное гудение стартера и шипение гравия под колесами на неухоженной подъездной дороге.

Майор Смайт, плавая в поисках добычи вдоль рифа, думал о том, что могли означать последние слова этого Бонда. Губы под маской раздвинулись в безрадостной улыбке, обнажив желтые зубы. Это очевидно. Все ясно, как божий день. Это просто очередная версия старой уловки, когда виновного в чем-то офицера оставляют наедине с револьвером. Если бы Бонд хотел, ему было достаточно позвонить губернатору. Явился бы кто-нибудь из офицеров Ямайского полка и взял майора Смайта под арест. Что ж, благородный поступок. Или... С самоубийством у него было бы гораздо меньше хлопот, не пришлось бы заниматься писаниной, да и денег налогоплательщиков потратили бы куда меньше.

Нужно ли проявить благодарность и избавить Бонда от лишних забот? Воссоединиться с Мэри в том месте, куда попадают самоубийцы? Или лучше все же пройти через все: унижение, скучные формальности, заголовки в газетах, тоску и уныние пожизненного заключения, которое неминуемо закончится третьим инфарктом? А может, стоит попытаться себя защитить? Сослаться на военное время, рассказать, что Оберхаузер на него напал и попытался сбежать? Представить все так, будто Оберхаузер, спасаясь от него, сам вывел его на золото. А он, бедный офицер отряда специального назначения, увидев такое богатство, просто не смог устоять против искушения оставить слитки себе.

Можно красивым жестом отдать себя на волю судьей... Майор Смайт вдруг представил себя на суде. Офицерская выправка, медали на парадном синем мундире с алыми петлицами, который положено надевать офицерам на трибунал. (Надо бы проверить, не добралась ли до него моль в шкафу в пустой комнате, не отсырел ли. Луна этим займется.) Если погода не испортится, повисит день на солнце, проветрится. Нужно будет по нему хорошенько щеткой пройтись. При помощи корсета наверняка удастся втиснуть сорокадюймовую талию в сорокатрехдюймовые брюки, которые ему лет двадцать-тридцать назад сшили у «Гивз». Еще он представил себе статного адвоката, чином не меньше полковника, который будет защищать его на суде где-нибудь, возможно, в Чатеме. К тому же у него есть право подать апелляцию в вышестоящий суд. Да его дело вообще может прогреметь на всю страну!.. Он бы продал свою историю газетам, написал бы книгу...

Майор Смайт почувствовал, как его начинает охватывать возбуждение. Осторожно, парень! Осторожно! Вспомни, что врач, этот старый оципаный петух, говорил. Он опустил ноги на дно и встал посреди танцующих волн северо-восточного течения, которое приносит на северное

побережье блаженную прохладу до самого наступления жарких месяцев (август, сентябрь и октябрь) сезона ураганов. Скоро он выпьет пару порций розового джина, перекусит, а там — расслабленная сиеста, после которой он сможет подумать обо всем посерьезнее. А потом — к Арунделям на коктейль, да и Марчезисвы его приглашали на обед в клуб «Шоу Пар Бич». После этого — бридж, на большие ставки, и домой, где его ждут снотворное и кровать. Взбодрив себя мыслями о привычной рутине, он почувствовал, что черная тень Бонда отступила на задний план. Итак, скорпена, ау, ты где? Осьминожка ждет обед. Майор Смайт опустил голову и, сосредоточив мысли и взгляд, продолжил неторопливо плыть по неглубокой отмели вдоль кораллов, тянувшихся до увитых белой пеной рифов.

Почти сразу он увидел торчащие из глубокой расщелины под коралловым наростом два шипастых уса омара, вернее, его родственника, вест-индского лангуста, которые, медленно шевелясь, следили за его движением, за волнением воды, которое он вызывал. По размеру усов можно было судить, что это крупный экземпляр, фута на три или на четыре! Обычно во время таких встреч майор Смайт опускал ногу и слегка мутил песок перед норкой, выманивая омара, который, как известно, очень любопытное создание. Потом он нанизывал его на гарпун и забирал домой на обед. Но сегодня ему была нужна лишь одна добыча, он искал глазами лишь один силуэт — колючий изломанный силуэт скорпены. И через десять минут он увидел качающийся на белом песке комок водорослей, который был не просто качающимся комком водорослей. Он мягко опустил ноги на дно. Ядовитые шипы поднялись на спине рыбы. Рыба была крупная, такая может весить и три четверти фунта. Приготовив трезубец, он немного подался вперед. Теперь уже злые красные глаза наблюдали за ним. Он должен будет нанести один быстрый удар почти вертикально сверху, потому что иначе, как он знал по своему опыту, острые, как иглы, зубцы гарпуна почти наверняка соскользнут с роговых образований на голове страшилища. Он оторвал одну ступню от дна и стал медленно, очень медленно переносить ногу вперед, орудуя свободной рукой как плавником. Сейчас! Он наклонился вперед и вниз. Но скорпена почувствовала легчайшее волнение воды, вызванное приближающимся гарпуном. Взметнулся песок, рыба сорвалась с места, точно подпрыгнула, и пронеслась, почти как птица, рядом с животом майора Смайта.

Он выругался и развернулся кругом. Да, рыба сделала то, что так часто делают скорпены, — отплыла искать спасения к ближайшему поросшему водорослями камню, где, уверенная в своем превосходном камуфляже,

замерла на дне. Майору Смайту осталось только проплыть несколько футов и нанести еще один удар, на этот раз более аккуратно. Рыба стала биться и извиваться на конце гарпуна.

От возбуждения и небольшой усталости на лбу майора Смайта выступил пот, и он снова почувствовал, как в груди просыпается старая боль, готовая сжать холодными когтями сердце. Он опустил ноги на дно и, проткнув рыбу насквозь, поднял ее, все еще отчаянно бьющую хвостом, над водой. Потом он медленно пошел обратно через лагуну и вышел на песок своего пляжа к деревянной скамейке под виноградом. Потом бросил гарпун с дергающейся добычей на песок и сел отдохнуть.

Примерно минут через пять майор Смайт почувствовал необычное онемение в области солнечного сплетения. Он случайно опустил взгляд вниз, и все его тело окоченело от ужаса и изумления. Участок загорелой кожи, величиной примерно с мячик для гольфа, сделался совершенно белым, посередине этого участка виднелись три параллельных царапинки, и на каждой царапине висела капелька крови. Майор Смайт машинально стер кровь рукой. Царапины были крошечными, как от булавки. Майор Смайт вспомнил стремительный полет скорпены и произнес вслух, с благоговейным страхом, но без злости в голосе:

— Гадина, ты все-таки достала меня. Все-таки достала.

Сидя неподвижно на скамейке и глядя на свое тело, он вспоминал, что было написано про уколы скорпены в книге, которую он как-то взял почитать в институте да так и не вернул, — «Опасные морские животные», американское издание. Он осторожно прикоснулся, а потом пощупал белое пятно вокруг царапинок. Все верно, кожа совершенно онемела, а теперь под ней почувствовалась пульсирующая боль. Очень скоро она превратится в нестерпимое жжение. Потом боль будет расходиться по всему телу и усилится настолько, что он бросится на песок и будет кричать и биться, пытаясь избавиться от нее. Его стошнит, и на губах выступит пена, потом наступит бредовое состояние с конвульсиями, пока он не потеряет сознание. После этого его слабое сердце не выдержит и наступит смерть. Если верить книге, все закончится через пятнадцать минут. Вот и все, что у него осталось, — пятнадцать минут жуткой агонии. Конечно, существуют лекарства: прокаин, антибиотики и антигистамины — если его сердце сможет их выдержать. Но они должны быть под рукой. Даже если он сумеет дойти до дома и позвонить доктору Каузаку, даже если предположить, что у того найдутся эти современные препараты, доктор сможет добраться до «Волн» не быстрее чем за час.

Первый приступ боли пронзил тело майора Смайта и заставил его

сложиться пополам. За ним последовал еще один, потом еще и еще, распространяясь по конечностям и животу. Во рту у него появился сухой металлический привкус, губы начало покалывать. Он простонал и упал со скамейки. Хлопанье рыбьего хвоста по песку рядом с его головой напомнило ему о скорпене. На время спазмы прекратились, но все тело его как будто горело. Невыносимая боль словно бы прояснила ему голову. Как он мог забыть! Эксперимент! Как-то, как-нибудь нужно добраться до Осьминожки и отдать ему рыбу.

— Ох, Осьминожка, мой Осьминожка, это последний обед, который ты получишь.

Майор Смайт, бормоча эти слова, поднялся на четвереньки, нашел маску, кое-как, с трудом натянул ее на голову. Потом взял гарпун с нанизанной, все еще живой рыбой и, прижимая к животу свободную руку, пополз по песку к воде.

До кораллового убежища осьминога было пятьдесят ярдов мелководья, и майор Смайт, крича от боли в маску, передвигаясь почти все время на коленях, каким-то чудом сумел проделать этот путь. На подступах к кораллу, где становилось глубже, ему пришлось встать на ноги, и от боли он закачался взад-вперед. Наконец он дошел до нужного места и невероятным усилием воли заставил себя не шататься, когда окунул голову, запуская в маску воду, чтобы промыть стекло, запотевшее от криков. Потом он осторожно наклонился и, капая кровью из прокушенной нижней губы, стал всматриваться в дом Осьминожки. Да. Коричневая масса все еще была внутри. Она возбужденно шевелилась. Почему? Майор Смайт увидел три красных облачка его крови, медленно опускающихся вниз. Ну конечно! Он чувствовал его кровь. Приступ боли, как копьё, пронзил все его тело и заставил его сжаться. Он вдруг услышал, что говорит вслух: «Соберись, Декстер, старина! Ты должен накормить Осьминожку!» Он собрался и, держа гарпун почти за самый конец, опустил рыбу к норе, в которой уже были видны мечущиеся щупальца.

Возьмет ли Осьминожка приманку? Приманку, яд которой убивал его, майора Смайта, но мог быть безвреден для осьминога. Если бы сейчас рядом был Бенгри! Три щупальца, взволнованно шевелясь, появились из норы и стали виться вокруг скорпены. К этому времени глаза майора Смайта уже застилала серая пелена. Он понял, что теряет сознание, и слабо качнул головой. И тут щупальца взметнулись! Но они обвили не рыбу! Они обвили его руку, почти до локтя. Окровавленный рот майора растянулся в жутком подобии улыбки. Наконец-то они с Осьминожкой пожали друг другу руки. Как это мило! Просто чудесно!

Но потом осьминог спокойно и безжалостно потянул руку вниз, и страшная догадка охватила майора Смайта. Собрав остатки сил, он опустил гарпун. Но в результате только вжал скорпену в тело осьминога и подставил ему большой участок руки. Щупальца змейками пробежали вверх по руке и сжали ее еще сильнее. Слишком поздно майор Смайт бросил бесполезный гарпун и стащил с головы маску. Пустой залив огласил захлебывающийся крик, и голова его погрузилась под воду. На поверхности воды появились пузыри воздуха. Потом показались ноги майора Смайта. Легкие волны покачивали его тело, а осьминог исследовал ротовым отверстием правую руку. Потом он осторожно укусил один из пальцев своими клювоподобными челюстями.

Тело было найдено двумя молодыми ямайцами, ловившими рыбу-иглу с каноэ. Гарпуном майора Смайта они подцепили осьминога, убили его традиционным способом, вывернув наизнанку и откусив голову, и привезли все три тела домой. Тело майора Смайта они отдали полицейским, а скорпену и осьминога съели на ужин.

Местный корреспондент «Дейли глинер» сообщил, что майор Смайт был убит осьминогом, но в редакции это заменили на «был обнаружен утонувшим», чтобы не отпугивать туристов.

Позже в Лондоне Джеймс Бонд, сделав для себя вывод «самоубийство», записал в заключении о деле те же слова — «обнаружен утонувшим», добавил на последней странице дату и время и закрыл пухлую папку.

Лишь записки доктора Каузака, который проводил вскрытие, дали возможность добавить своего рода постскриптум к странной и трагической смерти некогда ценного офицера секретной службы.

ЭНН ПЕРРИ

Герои

Энн Перри продолжает две серии детективных романов, причем в обеих действие происходит в викторианской Англии, в обеих среди главных героев — женщины с сильным характером, и обе отличаются глубочайшим вниманием к историческим деталям. Первая серия посвящена полицейскому инспектору Томасу Питту и его жене Шарлотте, которые вместе раскрывают преступления в конце XIX века и впервые появились в романе «Палач с Кейтер-стрит». Вторая серия была начата в 1990 году романом «Лицо незнакомца». Здесь главный персонаж — детектив, страдающий потерей памяти, которому приходится заново открывать себя, разгадывая тайны. Обе серии исследуют не только общественные пороки и социальную несправедливость викторианской эпохи, но и показывают роль женщин в обществе тех лет.

~ ~ ~

Ночью всегда было страшнее всего, а зимой ночи длятся от заката, начинающегося примерно в четыре часа, до восьми часов следующего утра. Иногда осветительные ракеты озаряют небо, высвечивая черные зигзаги траншей, тянущиеся, насколько хватает глаз, направо и налево. Должно быть, к этому времени, простираясь от Альп к Ла-Маншу, эти траншеи уже разрезали пополам Францию и Бельгию. Но Джозефа заботил только этот короткий отрезок Ипрского клина.

Рядом из темноты раздался кашель. Глубокий, отрывистый и сухой звук, исходящий из самой глубины груди.

Они были поддержкой, находились дальше всех от фронта, в третьей, самой сложной линии траншей. Здесь располагались кухни, отхожие места, запасы еды и минометные позиции. Пятнадцатифутовые ходы вели к широким — пять шагов от стенки до стенки — землянкам, которые были такими высокими, что почти любой человек мог здесь выпрямиться в полный рост. Джозеф шел в полутьме по скользким бревнам на полу,

руками прикасаясь к липкой грязи на стенах, укрепленных бревнами и проволокой. Здесь слишком много воды. Наверное, засорился какой-то сточный колодец.

Впереди показался приглушенный свет, и он очутился в теплой землянке. Здесь горели две свечи, жаровня источала тепло и острый запах сажи, в воздухе висел голубой табачный дым, сапоги и шинели, лежавшие в углу, исходили паром. Два офицера, сидевшие на раскладных полотняных стульях, разговаривали. Один из них произнес шутку, полную черного юмора, и они оба рассмеялись. На походном столе молчал граммофон. Рядом стояла жестяная коробка, бережно защищавшая пластинки с записями последних песен мюзик-холла.

— Здравствуйте, капеллан! — жизнерадостно воскликнул один из них. — Как Бог поживает?

— В отпуске по болезни, — быстро произнес второй прежде, чем Джозеф успел ответить. В его голосе звучало отвращение, но без желания обидеть. Смерть здесь была слишком близка, чтобы насмехаться над верой.

— Садитесь, — предложил первый, махнув рукой на третье кресло. — Моррис его сегодня притащил. Убили его. Опять этот чертов снайпер.

— Он где-то там, прямо напротив нас, — решительно произнес второй. — Одна сволочь тут на днях заявила, что он сорок три человека положил.

— В это я могу поверить, — сказал Джозеф, опускаясь в предложенное кресло.

Ему ли было не знать их потери! Его работа заключалась в том, чтобы успокаивать испуганных и умирающих, помогать с носилками, нередко писать письма скорбящим. Иногда он думал, что это даже тяжелее, чем сражаться. Но он отказывался отсиживаться в сравнительно безопасных полевых госпиталях и складах. Здесь он был нужен больше всего.

— Недавно думали провести рейд на ту сторону, — медленно сказал майор, взвешивая каждое слово и продолжая смотреть на Джозефа. — Такие операции отлично поддерживают боевой дух. Хоть чем-то занялись бы. Только бесполезно это — все равно шансов найти гада почти нет. Только людей бы потеряли. Потом бы еще хуже стало.

Капитан ничего не добавил. Они оба знали, что боевой дух солдат падает. Потери были большие, новости — плохие. Весть об ужасной бойне просочилась из Соммы и Вердена и ушла дальше по линии до самого моря. Сказывались жестокие физические лишения — грязь, холод, из чувств остались только скука и страх. Надвигалась зима 1916 года.

— Курить будете? — Майор протянул пачку сигарет.

— Нет, спасибо. — Джозеф отказался с улыбкой.

Ему налили кружку чая, крепкого и горького, но горячего. Он выпил и через полчаса снова вышел на свежий воздух, чтобы продолжить путешествие по траншее. Высоко над головой ярко загорелась осветительная ракета. Привычным движением он присел так, чтобы голова не возвышалась над бруствером. Траншея была неглубокая, всего четыре фута, поэтому, чтобы не попасть на мушку врагу, все были вынуждены ходить, согнувшись чуть ли не пополам. Где-то вдалеке стрекотал пулемет, выпущенная мина, похожая на крысу, шлепнулась в грязь рядом с траншеей.

Рядом с ним сновали люди. Обычный порядок вещей здесь перевернулся. Днем тут почти ничего не происходило, шла обычная работа по восстановлению траншеи, чистили оружие и боеприпасы, кто-то отдыхал. Активная жизнь начиналась ночью. Как и смерть.

— Здравсьте, капеллан, — прошептал из темноты голос. — Помолитесь там, чтоб мы снайпера этого проклятого достали.

— А что, если Бог — еврей? Поможет? — поинтересовался другой голос.

— Вот дубина! — с насмешкой отозвался третий голос. — Каждый знает, что Бог — англичанин! Тебя в школе вообще ничему не научили?

Грянул дружный смех. Джозеф присоединился. Пообещав прочитать подходящие молитвы, он двинулся дальше. Многих из этих людей он знал всю свою жизнь. Они все были из одного нортумберлендского городка или окружающих его деревень. Они вместе ходили в школу, таскали яблоки с одних деревьев, ловили рыбу в одних речках и ходили одними улицами.

Было чуть позже шести, когда он достиг передовой траншеи; за разложенными по ее брустверам мешками с песком начиналась «ничейная земля» — четыре или пять сотен ярдов грязи, колючей проволоки и воронок. В резких вспышках полдюжины обгоревших пней казались похожими на присевших людей. Серые клубы, зависшие над этим местом, могли быть или туманом, или ядовитым газом.

Странно думать, что летом эта пропитанная ужасом и кровью земля может расцвести жимолостью, незабудками и живокостью, а больше всего — маком. Глядя на эту исковерканную землю, невозможно поверить, что на ней еще может что-то вырасти.

Взлетели еще несколько осветительных ракет, озарив землю, ломаные шрамы траншей позади. На несколько коротких слепящих секунд стали видны и люди, стоявшие в траншее с винтовками. Захлопали выстрелы снайперов.

Джозеф застыл. Он знал, какой страх испытывают ночные дозорные, ползшие по грязи там, на «ничейной земле». Кто-то из них лежал в конце отходящих от траншеи сап, большинство прятались в воронках, окруженных баррикадами из проволоки. Их задача — заметить, если на стороне противника начнется какое-нибудь необычное движение, усилится активность или начнется подготовка к атаке.

Еще несколько ракет. Начинаясь дождь. Трещал пулемет, и откуда-то слева доносился грохот орудий. А потом опять пронзительно засвистели пули снайперов. Снова и снова.

Джозеф содрогнулся. Он подумал о людях там, впереди, невидимых ему, и помолился, чтобы им хватило сил и выдержки выполнить задание. Молился он искренне.

Где-то впереди закричали. Начался обстрел тяжелыми снарядами, посыпалась шрапнель. Вдруг произошло какое-то движение, засверкали вспышки, через бруствер перевалился и съехал по грязи человек, зовущий на помощь.

Джозеф бросился вперед, схватился за деревянные опоры. Снова вспышки. Он отчетливо увидел перед собой капитана Хольта, который шел к нему пошатываясь; на плечах он нес обмякшего человека.

— Ранен! — выкрикнул Хольт. — Сильно! Из ночного дозора. Там паника. Нас чуть всех там не...

Он опустил человека на руки Джозефа и бросил на землю его винтовку со штыком, замотанным старым носком, чтобы скрыть блеск. Лицо его выглядело причудливо: совершенно черное, вымазанное жженой пробкой (обязательный элемент камуфляжа для всех ночных дозорных) и грязью, и широкая красная полоса крови.

Вокруг бегали люди. Перестрелка все не прекращалась.

Человек в руках Джозефа не шевелился. Из-за того, что он был без сознания, его безвольное тело было трудно удерживать. Джозеф почувствовал под руками липкую влагу, в нос ударил запах крови. Из темноты материализовались несколько человек и забрали у него из рук ношу.

— Живой? — взволнованно воскликнул Хольт. — Нас там пулями залили просто. — Голос его дрожал и, казалось, вот-вот готов был сорваться.

— Не знаю, — ответил Джозеф. — Отнесем его в бункер, там проверим. Вы сделали все, что могли. — Он знал, какое отчаяние охватывает человека, если умирает тот, кого он спасал, рискуя своей жизнью. Такой человек падает духом, его охватывает ощущение неудачи и

даже чувство вины за то, что он выжил. — Вы ранены?

— Ерунда, — ответил Хольт. — Пара царапин.

— Лучше перевяжите, пока инфекция не попала, — посоветовал Джозеф.

Ноги его поскользнулись на мокром бревенчатом полу, и он ударился плечом о выступающее из стены бревно. Все стены траншеи уже начали проседать под весом мокрой грязи. Бревна прогнивали.

Человек, помогавший ему, выругался.

Неуклюже неся раненого, они осторожно пошли по соединительному ходу к третьей, вспомогательной траншее, под защиту бункера.

Хольт выглядел ужасно. Его окровавленное лицо подслоем жженой пробки посерело. Он весь промок от дождя и грязи, а на плечах и на спине у него темнели пятна крови.

Кто-то дал ему сигарету. Здесь, в бункере, можно было не бояться зажечь маленький огонек. Он глубоко затянулся.

— Спасибо, — пробормотал он, все еще глядя на раненого.

Джозеф тоже посмотрел на него. Теперь было понятно, откуда кровь. Это был молодой Эштон. Он его хорошо знал, потому что учился в одном классе с его старшим братом.

Солдат, который помогал им его нести, горько вскрикнул. Это был Мордафф, лучший друг Эштона, и он увидел то, что теперь отчетливо разглядел и Джозеф. Эштон был мертв, у него была разворочена грудь, и кровь уже не билась из вен, в голове зияла дырка от пули.

— Вот черт, — тихо произнес Хольт. — Я сделал то, что мог. Я не успел к нему добраться. Он запаниковал.

Мордафф вскинул голову.

— Он бы никогда не запаниковал! — отчаянно выкрикнул он, это был крик отрицания невозможного.

— Такое случается, — хриловатым голосом произнес Хольт.

— Не с Уиллом! Такого не могло быть! — возразил Мордафф.

Глаза его засверкали, в зрачках отразились огни свечей, лицо посерело. На огневой позиции он пробыл уже две недели — большой срок, если ты без перерыва находишься в постоянном напряжении, грязи, холоде, то в полной тишине, то в ужасающем шуме.

— Вам нужно перевязать руку и бок, — сказал Джозеф Хольту. — И лучше это сделать побыстрее.

Хольт снова посмотрел на убитого Эштона, потом на Джозефа.

— Не стойте здесь, истекая кровью, — настойчиво продолжил Джозеф. — Вы сделали все, что было в ваших силах. Вы ничем не

поможете. Идите. А я пока останусь с Мордаффом.

— Я попытался! — повторил Хольт. — Там ведь кругом была сплошная грязь, темнота и колючка, и пули со всех сторон. — На лице под маской самообладания мелькнул страх. Он слишком часто видел смерть. — Там у любого бы нервы сдали. Того, кто хочет в герои попасть и начинает вести себя как герой, того в первую очередь и накрывает.

— Уилл не такой! — повторил Мордафф, и голос его осекся, как будто он подавился слезами.

Хольт еще раз посмотрел на Джозефа и медленно вышел.

Джозеф повернулся к Мордаффу. Он проходил через это слишком много раз, успокаивал людей, на глазах которых разрывало на части их друзей детства, или они умирали от пули снайпера и тогда выглядели совсем как живые, и единственной раной была маленькая синяя дырочка в голове. Когда такое случалось, слова были почти бессильны помочь. Большинство людей в такую минуту считали разговор о Боге бессмысленным. Они находились под страшным давлением чувств, их разум не мог осознать реальность случившегося, хотя все происходило у них на глазах. Обычно лучше всего было просто находиться рядом, позволить поговорить о прошлом, рассказать, каким человеком был друг, вспомнить о том времени, какое они проводили вместе, как будто он был только ранен и вернется после войны в мир, который можно вообразить. Например, в Англию, в летний день, когда на траве лежит солнце, когда поют птицы, когда где-то поблизости есть тихая речка, слышны смех и голоса женщин.

Мордафф отказался от утешения. Он принял смерть Эштона, реальность была слишком очевидна, чтобы ее отрицать, и он уже слишком много знакомых и друзей потерял за те полтора года, которые провел в Бельгии. Но он не мог и не хотел согласиться с тем, что Эштон мог запаниковать. Он прекрасно знал, чем может обернуться паника, сколько жизней она погубила. Паника означает неудачу.

— Как мне сказать его матери? — горько произнес он, посмотрев на Джозефа. — Я не смогу сказать ей, что он умер. Его отец этого, наверное, не переживет. Они так гордились им. У него три сестры было, Мэри, Лиззи и Элис, но он все равно был настоящий парень, самый лучший парень в мире. Я не могу сказать им, что он испугался. Он не мог, капеллан! Просто не мог.

Джозеф не знал, что сказать. Как людям дома, в Англии, понять, как это было там, в грязи и под пулями? Но он знал, насколько глубоко может въедаться в сердце чувство стыда. В огне стыда может сгореть вся жизнь.

— Может быть, он просто перестал ориентироваться? Перепутал направления? — мягко произнес он. — Это часто случается.

Время меняет людей. Случалось и такое, что люди, не склонные к панике, действительно начинали паниковать. Мордафф знал это, и половина его отчаяния объяснялась тем, что он подсознательно понимал: такое было возможно. Однако Джозеф не сказал ему этого.

— Я напишу его семье.

— Напишите? — с надеждой в голосе воскликнул Мордафф. — Спасибо!.. Спасибо, капеллан. Я могу остаться с ним... пока за ним не придут?

— Да, конечно, — ответил Джозеф. — А я пойду. Выпейте горячего чая. Увидимся через час.

Оставив Мордаффа сидящим на корточках на земляном полу рядом с телом, он прошел по скользкому настилу соединительного хода вдоль шатких деревянных подпорок и снова направился на передовую траншею, где продолжалась стрельба и время от времени в небо взлетали осветительные ракеты.

Больше он Мордаффа не видел. Возможно, он прошел тогда мимо двадцати знакомых человек и не узнал их, закутанных в шинели, с поникшими головами, идущих по настилу, бряцая оружием, или стоящих на огневых точках и целящихся из винтовок во мглу.

Он часто слышал кашель, или быстрый топот крысиных лапок, или шлепанье капель дождя о полужидкую грязь. Он немного постоял с двумя мужчинами, обменивавшимися шутками, и посмеялся вместе с ними. Это был черный юмор, к тому же шутили над собой, но он услышал в нем кураж, чувство товарищества и желание проявить хоть какие-то обычные здоровые человеческие эмоции.

Примерно в полночь дождь прекратился.

В первых минутах шестого через колючую проволоку вернулись дозорные. Шепнув часовым пароль, переползли через бруствер и мешки с песком и съехали в траншею, дрожа от холода и облегчения. Один из них был ранен в руку.

Джозеф вернулся с ними во вспомогательную траншею. В какой-то из землянок играл граммофон. Пара мужских голосов подпевала веселой песне, причем один из них был изумительным мягким лирическим тенором. Это была простая песенка из мюзик-холла, но здесь она звучала почти как церковный гимн, как ода жизни.

Еще пара часов — и начнется день: бесконечные однообразные обязанности по поддержанию порядка в траншеях, бессмысленная рутина,

но все же это было лучше, чем ничего не делать.

Время от времени еще подавали голос пулеметы и в воздухе визжали пули снайперов.

До рассвета один час.

Джозеф сидел на перевернутом ящике для провизии, когда в бункер, откинув занавесь, заглянул сержант Реншоу.

— Капеллан?

Джозеф поднял на него взгляд. По выражению лица сержанта он понял, что новости будут плохими.

— Мордаффа убили ночью, — сказал он, входя и опуская занавесь. — Не знаю, что там и как, но, похоже, смерть Эштона... В общем, сорвался парень. Говорят, как будто вылез наверх один. Я думаю, решил, что может сам дать прикурить фрицам, за Эштона отомстить. Идиот! Простите, капеллан.

Ему не нужно было извиняться или объяснять. Джозеф все понимал, потому что эта бессмысленная смерть и в него вселила злость и печаль. К этому примешалось и чувство вины от того, что он не остановил его. Он должен был понять, что Мордафф был настолько близок к срыву. Он должен был это увидеть. Ведь это его работа.

Он медленно встал.

— Спасибо, что сообщили, сержант. Где он?

— Он умер, капеллан, — напомнил Реншоу, продолжая стоять у входа. — Вы ему уже ничем не поможете.

— Я знаю. Я просто хочу... Не знаю... извиниться перед ним. Я его подвел. Я не понял, что он был... так...

— Вы не можете уследить за каждым, — мягко произнес Реншоу. — Нас слишком много. В конце концов, с другой стороны, эта была неплохая ночь. Решили рейд готовить. Я только мечтаю, что нам по дороге попадетсся этот их снайпер. — Он чиркнул спичкой и закурил. — Но боевой дух поднимается. Капитан Хольт себя очень храбро тогда повел. Он и сам искал способ взбодрить людей. А потом, когда такой шанс представился, он им воспользовался. Эштона, конечно, жаль, но это не отменяет героизм Хольта. Его ведь, знаете, могли и увидеть там. У самого последнего ряда колючки, когда он, согнувшись пополам, Эштона на себе тащил. Эштон, черт, как с ума тогда сошел. Начал там носиться по кругу, как полоумный. Из-за него мог весь дозор погибнуть, если бы Хольт за ним не пошел. А его еще не так просто поймать было. Он там даже падал пару раз. Я так думаю, об этом, по крайней мере, стоит в рапорте упомянуть. Солдаты воодушевляются, когда видят, что у них такие командиры.

— Да... Наверное, — согласился Джозеф. В ту секунду он мог думать лишь о белом лице мертвого Эштона, об отчаянии Мордаффа и о том, как мать Эштона и остальные члены его семьи воспримут весть о смерти сына. Думаю, я все же схожу к Мордаффу.

— Правильно, — неохотно согласился Реншоу и отступил в сторону, пропуская Джозефа.

Мордафф лежал во вспомогательной траншее в двух сотнях ярдов на запад от бункера. После смерти он выглядел даже моложе, чем при жизни. Лицо у него было на удивление спокойным, хоть и выпачканным в грязи. Кто-то попытался вытереть его лицо, так чтобы его хотя бы можно было узнать. На левой стороне лба у него была большая дыра. Намного больше, чем те, которые оставляют пули снайперов. Наверное, он подошел к снайперу совсем близко.

Джозеф стоял в двери бункера и заглядывал внутрь, одной рукой держа свечу, а другой приоткрывая занавесь. Мордафф всего несколько часов назад казался таким полным чувств, полным гнева, верности и смутения. Что заставило его расстаться с жизнью столь бессмысленным жестом? Джозеф напряг память, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, что могло тогда, во время их разговора, натолкнуть его на мысль о том, что Мордафф был так близок к срыву, но даже сейчас ничего не находил. Невдалеке раздался кашель и звук шагов на деревянном настиле. Боевую готовность отменили, оставили лишь по одному часовому от каждого взвода. Они пришли завтракать.

Сейчас самое подходящее время поговорить с людьми и выяснить, что случилось с Мордаффом.

Он направился к полевой кухне. Она была забита людьми. Некоторые стояли, чтобы быть поближе к теплым плитам. Некоторые сидели поодаль. Эти люди сумели пережить ночь. Они смеялись и что-то рассказывали друг другу, большей частью такое, что в обществе не повторишь, но Джозеф слишком привык к этому и на грубости не обращал внимания. Иногда какие-то новички извинялись перед капелланом, но большинство знало, что он их понимает и это вовсе не обязательно.

— Да, — ответил один из них, жуя бутерброд с вареньем. — Он у меня спрашивал, не видел ли я, что случилось с Эштоном. Очень весь дерганый был.

— И что вы ему сказали? — спросил Джозеф.

Мужчина проглотил кусок.

— Сказал, что, по мне, Эштон нормальным был, когда уходил в дозор.

Ну, то есть, как и все, волновался... Хотя только идиот может не волноваться, когда к врагу под бок лезет.

Джозеф поблагодарил его и пошел дальше. Ему нужно было узнать, кто еще участвовал в той вылазке.

— Капитан Хольт, — сказал ему другой человек, и в голосе его послышалась гордость. Слухи о героизме Хольта уже разлетелись по всем боевым позициям. Мужество офицера словно вдохнуло в них новую жизнь. Каждый теперь как будто стал немного выше ростом, храбрее и чуть увереннее в себе. — Ничего, мы за это с фрицами поквитаемся, — добавил он. — Будет рейд — увидите.

Раздалось несколько одобрительных голосов.

— Кто еще?

— Сигроу, Ноукс, Уиллис, — произнес очень худой человек, вставая. — Не хотите позавтракать, капеллан? На столе все, что ваша душа пожелает. Если, конечно, она у вас не желает чего-то большего, чем хлеб, варенье и чашка чая. Но вы ведь не из гурманов, нет? Не из тех, которые ничего, кроме тостов и копченой рыбы, не едят?

— Эх, что бы только я не отдал за хорошую свежую копченую рыбу! — мечтательным голосом произнес другой.

Кто-то по-доброму велел ему закрыться и не разжигать аппетит.

— Я ничего не понимаю, — признался Уиллис, когда через полчаса Джозеф разыскал его. — Мы, как и все, стали отходить. По-моему, тогда у нас еще все в порядке было. Потерял я его на «ничьей земле». Но мне тогда пришлось с колючкой возиться, как всегда, оказалась не там, где должна быть, так что я тогда вообще по сторонам не смотрел. Мы-то, конечно, прошли ее, но вот тогда фрицы и начали стрелять. Осветительные ракеты по всему небу. — Тут он сильно втянул в себя воздух носом и стал натужно кашлять. Когда кашель прекратился, он продолжил: — Я потом увидел чей-то контур на фоне огней, он с поднятыми руками, как дикарь, носился кругами. Он приближался к немецкой линии, что-то кричал, только я не расслышал что.

Джозеф не прерывал рассказ. Уже совсем рассвело, и опять начало накрапывать. Вокруг них уже кипела работа: люди что-то копали, наполняли мешки песком, переносили боеприпасы, укрепляли заграждения, перестилали настил. Каждому полагалось час работы, час караульной службы и час отдыха.

Рядом с ними кто-то очень живо проклинал вшей. Еще двое говорили о погоде.

— Конечно, они ведь нас высветили, как в тире! — продолжил

Уиллис. — Снайпер кладет одну пулю за другой, и из пулемета поливают, даже пару гранат бросили. Как ни в кого из нас не попали, ума не приложу. Разве что тот шум самого Господа разбудил, и он нас пожалел! — Он негромко засмеялся. — Извините, капеллан. Не хотел вас обидеть. Мне просто до того жаль, что этот мальчишка, этот Эштон, поймал все-таки пулю. Хольт там как будто из-под земли вырос и к нему бросился. Видно, так ему хочется героем быть, что он и жизни своей не жалеет, иначе не помчался бы туда. Если бы Эштон на колючке не застрял, он бы его и вовсе не поймал.

— Застрял на колючке? — повторил Джозеф немного удивленно.

— Да. Наверняка Эштон на колючку напоролся, потому и остановился так резко, качнулся немного и завалился назад. Ну а после этого и началась свистопляска, так что мы все упали на землю.

— Что было потом? — настойчиво спросил Джозеф, в голове которого забрезжила одна неприятная мысль.

— Когда стихло, я голову снова поднял. Хольт уже стоял с Эштоном на плечах. И тащить его было чертовски тяжело, хоть он сам и больше Эштона, по крайней мере, выше ростом. По колено в грязи, стреляли в него со всех сторон, небо из-за ракет светится, как рождественское дерево. Конечно, мы прикрыли его, как смогли. Может, это и помогло. — Он снова закашлялся. — Как думаете, капеллан, его наградят? Он этого вполне заслуживает. — В его голосе были восхищение и надежда.

Джозеф заставил себя ответить:

— Я думаю, что да. — Слова прозвучали довольно сухо.

— Да как же его не наградить? Этот человек — герой, черт возьми!

Джозеф поблагодарил его и пошел искать Сигроу и Ноукса. Они рассказали ему примерно такую же историю.

— Его представят к награде? — спросил Ноукс. — На этот раз он ее действительно заслужил. Мордафф приходил, и мы то же самое ему говорили. Наверняка он тоже хотел, чтоб капитану медаль дали. Спрашивал, наверное, десять раз, как все было. Устали повторять ему.

— Это точно. — Сигроу кивнул и оперся на мешок с песком.

— Вы ему то же самое рассказали? — спросил Джозеф. — Насчет колючей проволоки, и как Эштон в нее попал?

— Ну да, конечно. Если б он там ногами не застрял, он бы прошел дальше и навалил бы там фрицам по первое число.

— Спасибо.

— Пожалуйста, капеллан. Вы подпишетесь за капитана Хольта?

Джозеф не ответил. Он отвернулся, на сердце у него было тяжело.

Еще раз посмотреть было не обязательно, но он все равно пошел в полевой госпиталь. Ему все равно надо было по работе прочитать службы по Эштону и Мордаффу. Могилы, наверное, уже выкопаны.

Он снова принялся осматривать тело Эштона, особенно внимательно изучил его брюки. Они все были в грязи, но дырок на них не было, никаких отметин от колючей проволоки не имелось. Ткань была целая.

Джозеф выпрямился.

— Жаль, что так получилось, — тихо сказал он молодому человеку, — покойся с миром.

Он отвернулся и вышел.

После этого он вернулся туда, где оставил тело Мордаффа, но его уже убрали. Полчаса ушло у него на то, чтобы добраться до того места, куда его перенесли. Он прикоснулся к холодной руке и посмотрел на его лоб. Он спросит. Он удостоверится. Но внутри себя он не сомневался. Ему понадобится время, чтобы понять, что теперь делать. Скоро предпримут рейд. Сегодня боевой дух на высоте. В их рядах был герой, человек, который рисковал собственной жизнью, чтобы вернуть солдата, который сорвался и запаниковал. Если сегодня их поведет за собой такой командир, им никакой враг не будет страшен. Стоит ли это одной пистолетной пули? Стоит ли это позора одной семьи?

За что вообще сражались эти люди? Эти вопросы были такими огромными и в то же время мелкими и сиюминутными.

Капитана Хольта он нашел, когда наступил закат, он стоял один под бруствером, рядом с огневой точкой.

— А, это вы, капеллан. Готовы к очередной ночке?

— Я приду все равно, буду я готов или нет, — ответил Джозеф.

Хольт коротко и отрывисто хохотнул.

— Что-то на вас это не похоже. Устали быть на передовой? Вы здесь уже пару недель. Когда-нибудь вас сменят. Меня, слава богу, тоже.

Джозеф посмотрел вперед, на «ничейную» землю, на висящий над ней туман и на немецкие позиции за ним. Он дрожал. Нужно взять себя в руки. Это необходимо сделать в тишине, прежде чем снова начнется пальба. Если не успеть, это может стоить ему жизни.

— Тот снайпер много наших людей убил, — заметил он.

— Да, окопался, сволочь, — согласился Хольт. — Никак не можем его найти. Он голову даже не поднимает.

— Да. — Джозеф кивнул. — Отсюда его не достать. Нужно, чтобы кто-нибудь по темноте пошел туда.

— Плохая идея, капеллан. Этот человек не вернется. Вы же против самоубийств.

Джозеф выбирал слова очень тщательно и старался, чтобы в его голосе не было никаких интонаций.

— Я бы так не сказал, — ответил он. — Но из-за него мы лишились слишком многих людей. Сегодня вот Мордафф. Вы слышали?

— Да... Слышал. Жалко парня.

— Только его убил не снайпер, конечно же. Но все думают, что снайпер, так что это все равно в отношении боевого духа.

— Я вас не понимаю, капеллан. — В раздавшемся из темноты голосе Хольта послышался оттенок неуверенности.

— У него рана не от винтовки, а от пистолета, — ответил Джозеф. — Разницу видно, если ее искать.

— Значит, он дурак, раз подошел так близко к немцам, что они его из пистолета убили, — ответил Хольт и посмотрел через бруствер на грязь. — Сорвался, наверное, скорее всего.

— Как и Эштон, — сказал Джозеф. — Понимаю. Там, на «ничейной земле», везде грязь, проволока за тебя цепляется, не дает двигаться. Наверное, это страшно — попасть в колючую проволоку, когда над головой осветительные ракеты летают. Ты превращаешься в сидячую мишень. В таком положении, чтобы не запаниковать, нужно иметь исключительные нервы, нужно быть... героем.

Хольт не ответил.

Перед ними была тишина. Только позади слышались шаги по деревянному настилу, поскрипывание досок в грязи и журчание воды на дне траншеи.

— Я думаю, что вы знаете, каково это, — продолжил Джозеф. — Я заметил, у вас на брюках дыры, даже на куртке дыра. Пока не было времени зашить?

— Я на днях действительно запутался в куске проволоки здесь рядом, — сдержанно ответил Хольт, переступив с ноги на ногу.

— Не сомневаюсь, — согласился с ним Джозеф. — А Эштон в проволоку не попадал. Его брюки грязные, но целые, без дыр.

Несколько минут они молчали. За ними прошла группа людей, обронив слова приветствия. Когда они ушли, темнота снова сомкнула свои объятия. Кто-то запустил осветительную ракету, и раздалась пулеметная очередь.

— Я бы на вашем месте не стал этого никому повторять, — наконец заговорил Хольт. — Вы заставите людей сомневаться, думать о плохом. А

именно сейчас нам как никогда важен высокий воинский дух бойцов. Нам нужно это. Недавно нам было тяжело, но этот рейд принесет нам победу. Дух очень важен... Поверьте. Я не сомневаюсь, что вы знаете это, может быть, даже лучше, чем я. Это ведь ваша профессия, не так ли? Духовное благополучие людей.

— Да... духовное благополучие — хорошо сказано. Вспомните, за что мы воюем и что оно стоит того... Даже этого. — Джозеф махнул рукой в окружающую их темноту.

В небо взлетели еще ракеты, ярко осветив ночь, после чего сомкнулась еще более густая темнота.

— Нам нужны герои, — очень четко произнес Хольт. — Вы должны это знать. Тот, кто захочет их низвергнуть, рискует сам потерять честное имя, даже если скажет, что делает это во имя правды, или правосудия, или того, во что он верит. Такой человек принесет много вреда, капеллан. Я надеюсь, вы понимаете это...

— О да, — согласился Джозеф. — Узнать, что тот, кого ты считал героем, оказался трусом, который обвинил в собственной панике другого человека и позволил его похоронить, не сняв незаслуженного обвинения, а потом совершил убийство, чтобы скрыть это, — все это просто раздавило бы этих людей, которые и так истощены войной.

— Вы совершенно правы. — Голос Хольта прозвучал так, словно он улыбался. — Вы умный человек, капеллан. Интересы полка превыше всего. Так и должна выражаться преданность делу.

— Я могу все доказать, — очень осторожно произнес Джозеф.

— Но вы не сделаете этого. Подумайте, чем это обернется для солдат.

Джозеф немного повернулся, чтобы оказаться лицом к брустверу. Он поднялся на ступеньку в огневой точке и посмотрел вдаль, над грязью и колючей проволокой.

— Нам нужно убрать этого снайпера. Это будет настоящий героический поступок. Стоит попробовать, даже если не выйдет. За это ваше имя упомянут в рапортах, возможно, наградят медалью.

— Посмертно, — ядовито произнес Хольт.

— Возможно. Но может случиться и такое, что вы добьетесь успеха и вернетесь. Это будет отчаянный трюк! Немец такого не ожидает, — заметил Джозеф.

— Так почему бы вам это не сделать самому, капеллан? — саркастически произнес Хольт.

— Я не стану вам помогать, капитан. Даже под страхом смерти. Я написал полный отчет обо всем, что узнал сегодня, который будет вскрыт,

если со мной что-нибудь случится. С другой стороны, если вы решитесь на этот поступок, вне зависимости от того, вернетесь вы или нет, я эту бумагу уничтожу.

Опять наступила тишина, лишь вдалеке слышались хлопки снайперской винтовки.

— Вы понимаете меня, капитан Хольт?

Хольт медленно повернулся. Ракета на секунду осветила его лицо. Хриплым голосом он произнес:

— Вы посылаете меня на смерть!

— Я даю вам возможность стать тем героем, маску которого вы на себя надели. Героем, каким был Эштон, — ответил Джозеф. — Тем героем, который так нужен солдатам. Тысячи наших людей погибли здесь, и никто не знает, сколько еще погибнет и будет искалечено. Дело не в том, умрете вы или не умрете. Дело в поступке.

В десяти ярдах от них взорвался снаряд. Оба мужчины машинально присели.

Снова тишина.

Джозеф медленно выпрямился.

Хольт поднял голову.

— Вы храбрый человек, капеллан, я недооценил вас.

— Забота о духовном, капитан, — спокойно произнес Джозеф. — Вы хотели, чтобы вас считали героем, чтобы вами восхищались. Теперь ваше желание сбудется.

Хольт какое-то время неподвижно вглядывался в темноту, затем медленно повернулся и пошел по скользкому деревянному настилу. Потом забрался на следующую огневую точку, а оттуда — на бруствер.

Джозеф стоял неподвижно и молился.

Копирайты произведений сборника

COPYRIGHTS FOR A CENTURY OF BRITISH MYSTERY AND SUSPENSE

«В Ирландии не водятся змеи» by Frederick Forsyth. Copyright © 1982 by Frederick Forsyth. Reprinted on behalf of Carole Cunningham by permission of the author and his agents, Curtis Brown Group Ltd, London.

«Смерть в эфире» by Ngaio Marsh. Copyright © 1947 by American Mercury, Inc. Copyright renewed 1975 by Ngaio Marsh. Reprinted by permission of the agent for the author's Estate, Harold Ober Associates, Inc., and Harper Collins Publishers, Ltd.

«Утреннее телевидение» by Robert Barnard. Copyright © 1987 by Robert Barnard. Reprinted by permission of the author and his agent, Jane Gregory.

«Запретная смерть» by Simon Brett. Copyright © 1988 by Simon Brett. Reprinted by permission of the author and his agent, Michael Motley, Ltd.

«Африканские древесные бобры» by Michael Gilbert. Copyright © 1982 by Michael Gilbert. Reprinted by permission of the author and his agents, Curtis Brown, Ltd.

«Желаю приятно умереть» by Antonia Fraser. Copyright © 1983 by Antonia Fraser. Reprinted by permission of the author.

«Честный шантажист» by Patricia Moyes. Copyright © 1982 by Patricia Moyes. Reprinted by permission of the author and her agents, the Curtis Brown Group Ltd., London.

«Самое страшное преступление в мире» by Reginald Hill. Copyright © 1984 by Reginald Hill. Reprinted by permission of the author and his agent, A. P. Watt, Ltd.

«Дживс и похищенная Венера» by P. G. Wodehouse. Copyright © 1959 by Davis Publications, Inc. Reprinted by permission of the agent for the author's Estate, the Scott Meredith Literary Agency.

«Полицейский и призрак» by Dorothy L. Sayers. Copyright © 1938 by Dorothy L. Sayers, Reprinted by permission of the agent for the author's Estate, David Higham Associates, Ltd.

«Самый обычный шантаж» by A. A. Milne. Copyright © 1948 by A. A. Milne, renewed by the Estate of C. R. Milne. Reprinted by permission of the agent for the authors Estate, Curtis Brown Limited, London.

«Случайная удача» by Liza Cody. Copyright © 1991 by Liza Cody. Reprinted by permission of the author.

«Оса» by Peter Lovesey. Copyright © 1988 by Peter Lovesey. Reprinted by permission of the author and his agent, Jane Gelfman.

«В поисках Тельмы» by Gillian Slovo. Copyright © 1991 by Gillian Slovo. Reprinted by permission of the author and her agents, A. P. Watt, Ltd.

«Этюд в белых тонах» by Nicholas Blake. Copyright © 1949 by Nicholas Blake. Reprinted by permission of The Peters Fraser and Dunlop Group Limited on behalf of the Estate of C. D. Lewis.

«Рыжий парик» by John Dickson Carr. Copyright © 1940 by John Dickson Carr. Reprinted by permission of the agent for the author's Estate, Harold Ober Associates.

«Галстук Вудро Вильсона» by Patricia Highsmith. Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG Zurich. Reprinted by permission of the agent for the author's Estate, Diogenes Verlag AG Zurich. All rights reserved.

«Нечего терять» by Frances Fyfield. Copyright © 1996 by Frances Fyfield. Reprinted by permission of the author and her agents, Rogers, Coleridge & White, Ltd.

«Отравленный персик» by Gillian Linscott. Copyright © 1997 by Gillian Linscott. Reprinted by permission of the author and her agents, David Higham Associates, Ltd.

«Четверо подозреваемых» by Agatha Christie. Copyright © 1932 by Agatha Christie Mallowan, Copyright renewed 1946 by Agatha Christie Mallowan. Copyright © 1974 by Agatha Christie Ltd. Reprinted by permission of Harold Ober Associates and Aitken & Stone, Ltd.

«Две бутылки соуса» by Lord Dunsany. Copyright © 1936 by Lord Dunsany. Reprinted by permission of the agent for the author, Curtis Brown, Ltd., on behalf of the Estate of Lord Dunsany.

«Две дамы из Розового коттеджа» by Peter Robinson. Copyright © 1997 by Peter Robinson. Reprinted by permission of the author.

«Глаза короля Оффы» by Jonathan Gash. Copyright © 1979 by Jonathan Gash. Reprinted by permission of the author.

«Однажды утром его повесят» by Margery Allingham. Copyright, © 1969 by P & M Youngman Carter, Ltd. Reprinted by permission of the agent for the author's Estate, P & M Youngman Carter, Ltd.

«Охотник вернулся домой» by Catherine Aird. Copyright © 1994 by Catherine Aird. Reprinted by permission of St. Martin's Press, LLC.

«Семейное дело» by Michael Z. Lewin. Copyright © 1994 by Michael Z. Lewin. Reprinted by permission of the author and his agents, the Wallace

Literary Agency, Inc.

«Правосудие в моих руках» by Elizabeth Ferrars. Copyright © 1988 by Elizabeth Ferrars. Reprinted by permission of the author and her agents, David Higham Associates, Ltd.

«Источник зла» by Ruth Rendell. Copyright © 1977 by Kingsmarkham Enterprises. Reprinted by permission of the author.

«Осьминожка» by Ian Fleming. Copyright © 1963 by Ian Fleming. Reprinted by permission of the agent for the author's Estate, Glidrose Productions, Ltd., London.

«Герои» by Anne Perry. Copyright © 1999 by Anne Perry. Reprinted by permission of the author.

---

notes

Примечания

1

Уильям Шекспир. Антоний и Клеопатра, акт II, сцена 2 (пер. Б. Пастернака). *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Приятного аппетита! (фр.).

Адвокат Перри Мейсон — главный герой многочисленных романов американского писателя Э. С. Гарднера.

4

Традиционное название Центрального уголовного суда в Лондоне.

Галифакс — портовый город в Канаде, столица провинции Новая Шотландия.

6

Город в Англии, примерно на полпути между Лондоном и Винчестером.

7

Право быть выслушанным на суде (*лат.*).

Разрешение на венчание без оглашения имен вступающих в брак, а также в неустановленное время и в неустановленном месте.

Комплекс общественных и жилых зданий в Лондоне, построенный во второй половине XVIII века; перестроен в 30-х гг. XX века.

Речь идет о мельнике из «Кентерберийских рассказов» английского поэта Джеффри Чосера (1343 (?)—1400).

Макс Бирбом (1872–1956) — английский писатель, художник-карикатурист и книжный иллюстратор.

Горацио Нельсон (1758–1805) — адмирал, национальный герой Англии.

Лондонский Вестминстерский собор — главный римско-католический храм Великобритании. Построен в 1885–1903 гг. в византийском стиле.

Барристер — адвокат, имеющий право выступать в высших судах.

Бездельником (*фр.*).

В Англии при обращении к судье Высокого суда во время заседания принято употреблять титулование «ваша светлость».

17

Около 1 м 90 см.

Деревня в двух милях от Бангора.

Житель индийского штата Гуджарат.

Жилой район на окраине Бангора.

Окоченение (*лат.*).

Вскрытие (*лат.*).

Смотри (лат.).

«Оксфам» — Оксфордский комитет помощи голодающим, занимающийся благотворительной деятельностью в различных странах.

Ричард — полная форма имени Дикки.

Фешенебельный район Лондона.

Чарльз «Реп» Таунсенд, второй виконт Таунсенд (1674–1738) — английский политик, получивший прозвище из-за того, что ввел в Англии масштабное выращивание репы.

Одна из самых известных церквей в Лондоне. Считается, что только человек, родившийся в пределах слышимости ее колоколов, может называться настоящим кокни.

Слова из баллады британского драматурга и поэта Уильяма Гилберта «Рассказ о „Нэнси Белл“».

«Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов» — выходившая в 50-х годах XX века в США телевизионная игра наподобие «Кто хочет стать миллионером?».

Святая простота (*лат.*).

Автор древнейшего сохранившегося прозаического текста, написанного женщиной (IV в.).

Уильям Шекспир. Макбет, акт I, сцена 7 (пер. В. Раппопорта).

Состав преступления, здесь — улика (*лат.*).

Уильям Шекспир. Юлий Цезарь, акт IV, сцена 3 (пер. М. Зенкевича).

Отказом (*лат.*).

Персонажи комедии Ричарда Бринсли Шеридана «Школа злословия».

Район Лондона.

«Перспективная коробка» — работа голландского живописца Самюэла ван Хогстратена (1627–1678).

Знаменитые английские фокусники.

41

То есть больше 2 метров.

Лось Маллой — персонаж романа Рэймонда Чандлера «Прощай, любимая», бывший заключенный, который нанимает частного детектива Филиппа Марлоу для поиска пропавшей возлюбленной.

999 — телефон экстренной помощи в Великобритании.

Сирил Эдвин Митчинсон Джоуд (1891–1953) — знаменитый английский философ и публицист. В одной из статей он заявил: «При каждом удобном случае я обманываю железнодорожную компанию», и когда это действительно подтвердилось, вокруг его имени разгорелся шумный скандал, стоивший ему карьеры.

«Колокольчики Шотландии» — народная шотландская песня.

Следственному судье (фр.).

Бюстгальтер (фр.).

Черт! (фр.).

Благородного рыцаря (*фр.*).

Дорогой (фр.).

И я был бы настоящим ослом, если бы отказался (фр.).

Из поэмы Альфреда Теннисона «Смерть Артура» (перевод С. Лихачевой).

Бродмур — английская психиатрическая больница для душевнобольных преступников.

Аллюзия на «Реквием» Роберта Луиса Стивенсона, который заканчивается словами: «Охотник вернулся с холмов». Это стихотворение начертано на надгробном камне на могиле его автора.

Похоронных бюро (фр.).

Надгробный памятник (фр.).

Дружеском взаимопонимании (фр.).

«Площадь доктора Жака Кольяра, мученика Сопротивления» (фр.).

Пусть стыдится подумавший об этом плохо (*фр.*). Девиз ордена Подвязки, присутствующий в том числе и на государственном гербе Великобритании.

Самолюбии (фр.).

Джон Мильтон. Потерянный рай, книга первая (пер. А. Штейнберг).

Широкий пояс, обычно носится со смокингом.

Совершенно секретно (*нем.*).

«Валюта. Гора Вильде-Кайзер. Францисканер Хальт 100 м. К востоку
каменная пирамидка. Ящик. Два слитка чистого золота. 24 кг» (нем.).

Чтобы быть миллионером, нужно страдать (*фр.*).